АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1918

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ PETROGRAD

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Въ засѣданіи 5 марта 1894 года состоялось постановленіе Общаго Собранія Конференціи о прекращеніи изданія Mélanges tirés du Bulletin, т. е. сборниковъ статей по отдѣльнымъ спеціальностямъ, извлеченныхъ изъ «Извѣстій» Академіи.

Въ 1901 году было внесено въ Отдѣленіе Историческихъ Наукъ и Филологіи предложеніе возобновить Mélanges Asiatiques, но предложеніе это не было принято Отдѣленіемъ и только въ 1918 году состоялось постановленіе о возобновленіи сперва Mélanges Asiatiques, затѣмъ Mélanges Gréco-Romains, а потомъ уже и всѣхъ Mélanges, въ 1919 году.

Выпуская нынѣ первый томъ новой серіи «Mélanges Asiatiques», «Азіатскаго Сборника» за 1918 годъ, редакторъ счелъ правильнымъ предпослать этому тому перечень статей по востоковѣдѣнію, напечатанныхъ въ «Извѣстіяхъ» за время съ 1895 года по 1917 годъ, когда Mélanges не выходили.

Непремѣнный Секретарь

академикъ *Сергѣй Ольденбургъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

Списокъ статей по востоковѣдѣнію, напечатанныхъ въ Извѣстіяхъ Академіи за время 1895—1917 гг.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. V серія.

1895

1. **Д. Клеменцъ.** Краткій отчетъ о путешествіи по Монголіи за 1894 годъ. 3, 261—274.

1896

2. **А. А. Куникъ.** Представленіе о составленіи русско-татарской хронографіи. 4, XVII—XX.
3. **Д. Клеменцъ.** Отдѣльная экскурсія въ Восточную Монголію. 4, 41—51.
4. **O. v. Lemm.** Nachtrag zu den «Koptischen Fragmenten zur Patriarchengeschichte Alexandriens». 4, 237—243.
5. **В. Васильевъ.** Записка о надписяхъ, открытыхъ на памятникахъ, стоящихъ на скалѣ Тыръ, близъ устья Амура. 4, 365—367.
6. **Списокъ книгамъ и бумагамъ** изъ собранія вещей, привезенныхъ Е. И. В. изъ путешествія на Востокъ въ 1890—1891 гг., переданнымъ въ Азіатскій Музей Академіи Наукъ. 5, XIX—XXIII.
7. **Georg Huth.** Zur Entzifferung der Niüče-Inschrift von Yen-tʻai. 5, 375—378.

1897

8. [**Отзывъ К. Г. Залемана** о трудѣ Г. Макаша «Kurdische Texte im Kurmānji-Dialekte aus der Gegend von Märdîn»]. 6, XXXI—XXXIII.
9. **Бар. В. Р. Розенъ.** I. Ѳ. Готвальдъ. Некрологъ. 7, XXXV—XXXVI.

1898

10. **К. Г. Залеманъ.** Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію [съ двумя приложеніями]: I. Списокъ восточныхъ рукописей, принесенныхъ въ даръ Азіатскому Музею Г. Ошскимъ мировымъ судьею Д. М. Граменицкимъ. II. Списокъ рукописямъ, пріобрѣтеннымъ въ Туркестанскомъ краѣ лѣтомъ 1897 г. 8, VI—XVI.
11. **К. Г. Залеманъ.** Рукописи Я. Я. Лютша. 8, XVII—XVIII.
12. **К. Г. Залеманъ.** Списокъ еврейско-персидскимъ рукописямъ, привезеннымъ проф. E. Denison Ross изъ Тегерана; см. Прил. къ Прот. ИФО 14 января 1898 § 4.
13. **Бар. В. Р. Розенъ.** Ш. Шеферъ. Некрологъ. 8, LXXV—LXXVII.

36. **O. v. Lemm.** Kleine koptische Studien XXI—XXV. 14, 289—313.
37. **W. Radloff.** Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems. 14, 425—462.
38. **К. Г. Залеманъ.** Э. Бретшнейдеръ. Некрологъ. 15, XVI.
39. **К. Г. Залеманъ.** Списокъ рукописямъ, пріобрѣтеннымъ для Азіатскаго Музея изъ Бухары въ маѣ 1901 г. 15, XVII.
40. **С. Ѳ. Ольденбургъ.** А. Веберъ. Некрологъ. 15, XCV—XCVI.
41. **Georg Huth.** Die tungusische Volkslitteratur und ihre ethnologische Ausbeute. 15, 293—316.

1902

42. **Бар. В. Р. Розенъ.** Баронъ В. Г. Тизенгаузенъ. Некрологъ. 16, OIII—OVII.
43. **С. Ѳ. Ольденбургъ.** Памяти М. И. Броссе. Некрологъ. 16, OVII—OIX.
44. **Отзывъ К. Г. Залемана** о трудѣ М. И. Андреева: «Матеріалы для изученія таджикскихъ нарѣчій». 16, OIX—OXII.
45. **K. Shiratori.** Sinologische Beiträge zur Geschichte der Türk-Völker II. Über die Sprache der Hiungnu und der Tunghu-Stämme. 17, 01—033.
46. **O. Franke.** Die wichtigsten chinesischen Reformschriften vom Ende des neunzehnten Jahrhunderts. Vortrag, gehalten in der Sektion für Central- und Ostasien des XIII internationalen Orientalisten-Congresses zu Hamburg am 6. September 1902. 17, 047—059.
47. **Musei Asiatici** Petropolitani Notitiae I, II, III. **Curante C. Salemann.** 17, 061—077.

1903

48. **С. Ѳ. Ольденбургъ.** Объ экспедиціи проф. Грюнведеля въ Турфанъ. 18, OI—OII.

1904

49. **С. Ѳ. Ольденбургъ.** О. Бетлингкъ. Некрологъ. 20, [V—VI].
50. **С. Ѳ. Ольденбургъ.** Докладъ о критическомъ изданіи Махāбхāраты. 20, [VIII—IX].
51. **C. Salemann.** Musei Asiatici Petropolitani Notitiae IV, V, VI. (Представленіе). 20, OII.
52. **C. Salemann.** Ein Bruchstück manichaeischen schrifttums im Asiatischen Museum. (Представленіе). 20, OII—OIII.
53. **К. Г. Залеманъ.** Докладъ о коллекціи абиссинскихъ рукописей, пожертвованной д-ромъ Коріандеромъ. 20, OIII—OV.
54. **К. Г. Залеманъ.** Докладъ о трудахъ М. И. Кунавина по изученію цыганъ. 20, OIX—OX.

55. **К. Г. Залеманъ.** Докладъ о пріобрѣтеніяхъ Азіатскаго Музея. 21, OV—OVI, OVIII, OXII, OXVIII.
56. **Musei Asiatici** Petropolitani Notitiae IV, V, VI. **Curante C. Salemann.** 21, 01—040.
57. **O. v. Lemm.** Kleine koptische Studien XXVI—XLV. 21, 041—0239.

1905

58. **Э. К. Пекарскій.** «Записка о Словарѣ Якутскаго языка». 22, 01—012.
59. **Musei Asiatici** Petropolitani Notitia VII. **Curante C. Salemann.** 22, 049—084.
60. **П. К. Коковцовъ.** Ю. Опперть. Некрологъ. 23, OI—OIII.
61. **К. Г. Залеманъ.** Ф. фонъ-Шпигель. Некрологъ. 23, OXX—OXXI.

1906

62. **O. v. Lemm.** Sahidische Bibelfragmente III. 25, 093—0138.
63. **P. Kokowzow.** Notitia codicum Hebraicorum a Museo Asiatico Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae anno 1904 acquisitorum. 25, 0139—0150.
64. **O. v. Lemm.** Kleine koptische Studien XLVI—L. 25, 0151—0193.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. VI серія.

1907

65. **К. Г. Залеманъ.** Списокъ персидскихъ рукописей и книгъ, пріобрѣтенныхъ отъ И. И. Десницкаго. 43.
66. **К. Г. Залеманъ.** Граціадіо Асколи. 1829—1907. Некрологъ. 102.
67. **Ѳ. И. Щербатской.** О приписываемомъ Майтрейѣ сочиненіи Abhisamayālaṃkāra. 115—117.
68. **O. v. Lemm.** Koptische Miscellen I—XV. 141—151.
69. **C. Salemann.** Manichaica I. 175—184.
70. **W. Radloff.** Ein uigurischer Text aus dem XII. Jahrhundert. 377—394.
71. **П. К. Коковцовъ.** Нѣсколько новыхъ надгробныхъ камней съ христіанско-сирійскими надписями изъ Средней Азіи. [Съ 2-мя таблицами]. 427—458.
72. **O. v. Lemm.** Koptische Miscellen XVI—XXV. 495—510.
73. **C. Salemann.** Manichaica II. 531—558.
74. **В. В. Радловъ.** Отчетъ о командировкѣ для обозрѣнія Этнографическихъ Музеевъ. 743—748.
75. **К. Г. Залеманъ.** Списокъ персидскихъ рукописей Л. О. Богданова. 799—802.

119. [**Н. Я. Марръ**]. А) Объ учрежденіи Анійскаго Археологическаго Института. Б) Списокъ печатныхъ работъ по археологіи, появившихся въ свѣтъ въ связи съ организаціею изслѣдованія древностей городища Ани и его окрестностей. 438—446.

120. **F. H. Weissbach.** Die sogenannte Inschrift von Kerman. 481—486.

121. **Н. Я. Марръ.** Изъ поѣздки въ Турецкій Лазистанъ. I. Путешествіе. 547—570. II. Территорія. III. Населеніе и его жизнь. 607—632.

122. **В. М. Алексѣевъ.** Результаты фонетическихъ наблюденій надъ пекинскимъ діалектомъ (1906—1909). 935—942.

123. **C. Salemann.** Zur Kritik des Codex Comanicus. I. Türkisches. II. Persisches. 943—957.

124. **А. И. Ивановъ.** Металлическое китайское зеркало. 1023—1024.

125. **W. Radloff.** Alttürkische Studien III. 1. Ein Fragment in türkischer Runenschrift. [Mit 1 Tafel]. 2. Ein Manichäisch-uigurisches Fragment aus Turfan. 1025—1036.

126. **Протоколы** совѣщанія дѣятелей по армяно-грузинской филологіи отъ 25 авг. 1909 г. въ городѣ Тифлисѣ. 1053—1062.

127. **O. v. Lemm.** Koptische Miscellen LXXXIV—XC. 1097—1128.

128. **Н. Я. Марръ.** Камень съ армянскою надписью изъ Ани въ Азіатскомъ Музеѣ. 1149—1151.

129. **П. К. Коковцовъ.** Вильгельмъ Альвардтъ 1828—1910. Некрологъ. 1201—1203.

130. **Н. Я. Марръ.** Два яфетическихъ суффикса -te (-ti > -t) въ грамматикѣ древне-армянскаго (haйскаго) языка. 1245—1250.

131. **Н. Я. Марръ.** Надпись Епифанія, католикоса Грузіи (Изъ раскопокъ въ Ани 1910 г.). [Съ двумя таблицами]. 1433—1442.

132. **O. v. Lemm.** Koptische Miscellen XCI—XCIV. 1461—1468.

133. **Н. Я. Марръ.** Яфетическое происхожденіе haйскаго բերան beran *ротъ*. 1491—1494.

134. **Baron A. von Staël-Holstein.** Das anlautende *o* des südostturkestanischen Brāhmī-Alphabets. 1495—1496.

1911

135. **Н. Я. Марръ.** Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи I. 137—145.

136. **Н. Я. Марръ.** Грузинскія приписки греческаго Евангелія изъ Коридіи. [Съ 8-ю таблицами]. 211—240.

137. **К. Г. Залеманъ.** Мусульманскія рукописи, вновь поступившія въ Азіатскій Музей въ 1909—1910 г.г. I—IV. 251—265.

138. **W. Radloff.** Alttürkische Studien IV. (Mit einer Schrifttafel). 305—326.

139. **O. v. Lemm.** Koptische Miscellen XCV—XCVII. 327—348.
140. **Н. Д. Мироновъ.** Джинистскія замѣтки I. 349—354.
141. **W. Radloff.** Alttürkische Studien V. 427—452.
142. **O. v. Lemm.** Koptische Miscellen XCVIII—C. 453—468.
143. **Н. Я. Марръ.** Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи II. 469—474.
144. **Н. Д. Мироновъ.** Джинистскія замѣтки II. 501—508.
145. **К. А. Иностранцевъ.** Парсійскій погребальный обрядъ въ иллюстраціяхъ гузератскихъ версій книги объ Арта-Вирафѣ. 557—560.
146. **П. К. Коковцовъ.** Д. А. Хвольсонъ 1819—1911. Некрологъ. 741—750.
147. **Н. Я. Марръ.** Богъ Σαβάζιος у армянъ. 759—774. [Съ таблицей].
148. **А. И. Ивановъ.** Страница изъ исторіи Си-ся. 831—836.
149. **Baron A. von Staël-Holstein.** Bemerkungen zum Trikāyastava. 837—845.
150. **W. Radloff.** Nachträge zum Chuastuanit (Chuastuanvt), dem Bussgebete der Manichäer (Hörer). 867—896.
151. **O. v. Lemm.** Koptische Miscellen CI—CV. 927—940.
152. **І. Ал. Кипшидзе.** Biṭi do bozo. Ч̒анское стихотвореніе. 1123—1124.
153. **O. v. Lemm.** Koptische Miscellen CVI—CVIII. 1135—1158.
154. [**К. Г. Залеманъ**]. Дополненіе къ списку рукописей, пріобрѣтенныхъ у Д. А. Хвольсона («Извѣстія» 1909, стр. 815 и 816). 1197—1198.
155. **Н. Я. Марръ.** Гдѣ сохранилось сванское склоненіе? 1199—1206.
156. **П. Коковцовъ.** Изъ еврейско-арабскихъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки II. 1219—1236.
157. **O. v. Lemm.** Koptische Miscellen CIX—CXIII. 1237—1266.
158. **Н. Я. Марръ.** Объ армянской иллюстрованной рукописи изъ халкедонитской среды. 1297—1301.

1912

159. **C. Salemann.** Manichaica III. 1—32.
160. **C. Salemann.** Manichaica IV. 33—50.
161. **Н. Я. Марръ.** Кавказъ и памятники духовной культуры. 69—82.
162. **O. v. Lemm.** Koptische Miscellen CXIV—CXX. 163—180.
163. **Н. Я. Марръ.** Яфетическое происхожденіе абхазскихъ терминовъ родства. 423—432.
164. **O. v. Lemm.** Koptische Miscellen CXXI—CXXV. 517—529.
165. **Н. Я. Марръ.** Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи III. 595—600.
166. **Н. Я. Марръ.** Исторія термина «абхазъ». 697—706.
167. **W. Radloff.** Alttürkische Studien VI. 747—778.

168. **S. von Oldenburg.** Nachtrag zu W. Radloff, Alttürkische Studien VI. (Zu «Barlaam und Joasaph»). 779—782.

169. **Н. Я. Марръ.** Ѳрако-армянскій Sabadios-aswat и сванское божество охоты. 827—830.

170. **Н. Я. Марръ.** Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи IV. 831—834.

171. **C. Salemann.** Zur handschriftenkunde I. 861—870.

172. **І. А. Орбели.** Предварительный отчетъ о командировкѣ въ Азіатскую Турцію въ 1911—1912 г. г. 917—926.

173. **В. И. Іохельсонъ.** Замѣтки о фонетическихъ и структурныхъ основахъ алеутскаго языка. 1031—1046.

174. **Н. Я. Марръ.** Тубал-каинскій вкладъ въ сванскомъ I. 1093—1098.

1913

175. **А. Лорисъ-Калантаръ.** Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ Имирзекъ лѣтомъ 1912 г. 127—130.

176. **Н. Я. Марръ.** Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи V. 175—181.

177. **В. В. Латышевъ.** Четьи-Минеи Іоанна Ксифилина. (Предварительное сообщеніе). 231—240.

178. **Н. Я. Марръ.** Изъ лингвистической поѣздки въ Абхазію. (Къ этнологическимъ вопросамъ). 303—334. [Съ 2-мя таблицами].

179. **С. Ѳ. Ольденбургъ.** Отчетъ о командировкѣ на выставку по буддійскому искусству въ Парижѣ. 377—382.

180. **Н. Я. Марръ.** Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи VI. 417—426.

181. **O. v. Lemm.** Koptische Miscellen CXXVI—CXXX. 533—554.

182. **O. v. Lemm.** Koptische Miscellen CXXXI. CXXXII. 627—638.

183. **А. Лорисъ-Калантаръ.** Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ Лори лѣтомъ 1913 г. 775—776.

184. **Н. Я. Марръ.** Заимствованіе числительныхъ въ яфетическихъ языкахъ. 789—790.

185. **А. И. Ивановъ.** Документы изъ города Хара-хото I. 811—816.

186. **А. Шанидзе.** Отчетъ о лѣтней командировкѣ 1913 г. въ Душетскій и Тіонетскій уѣзды Тифлисской губерніи для изученія грузинскихъ говоровъ. 1069—1074.

187. **C. Salemann.** Manichaica V. 1125—1144.

1914

188. **А. А. Шахматовъ.** Всеволодъ Ѳедоровичъ Миллеръ. Некрологъ. [Съ портретомъ]. 71—92.

189. **Н. Я. Марръ.** Абхазское происхожденіе грузинскаго термина родства bidǎ *дядя*. 143—146.

212. **В. В. Бартольдъ.** Историкъ Мусеви, какъ авторъ تاريخ خيرات. 1365—1370.

213. **Отчетъ Н. Д. Миронова** о занятіяхъ въ Національной Библіотекѣ въ Парижѣ лѣтомъ 1914 г. 1449—1450.

214. **Е. Д. Поливановъ.** Музыкальное удареніе въ говорѣ Токіо. 1617—1638.

215. **Записка В. И. Іохельсона** объ оказаніи ему содѣйствія въ обработкѣ и изданіи собранныхъ имъ матеріаловъ по языкамъ, народному творчеству и этнографіи алеутовъ и племенъ крайняго сѣверо-востока Сибири. 1697—1710.

216. **Записка акад. Н. Я. Марра** о регистраціи какъ вывезенныхъ, такъ и брошенныхъ на мѣстѣ на произволъ судьбы рукописей и древностей занятой нами части Турецкой Арменіи. 1711—1719.

217. **Н. Я. Марръ.** Халдская клинообразная надпись изъ села Леска Ванскаго округа (съ одною таблицей). 1731—1738.

218. **Программа акад. Н. Я. Марра** для С. В. Теръ-Аветисьяна. 1893—1894.

1916

219. **Б. А. Тураевъ.** Египтологическія замѣтки VIII—XI. 1—20.

220. **Н. Я. Марръ.** Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи IX. 233—238.

221. **Б. Я. Владимірцовъ.** О частицахъ отрицанія при повелительномъ наклоненіи въ монгольскомъ языкѣ. 349—358.

222. **И. Ю. Крачковскій.** Новая рукопись пятаго тома исторіи Ибн-Мискавейха. 539—546.

223. **Списокъ фотографій** халдскихъ, христіанскихъ и мусульманскихъ древностей Ванскаго округа. 817—822.

224. **В. В. Бартольдъ.** Греко-бактрійское государство и его распространеніе на сѣверо-востокѣ. 823—828.

225. **В. В. Бартольдъ.** Отчетъ о командировкѣ въ Туркестанскій край лѣтомъ 1916 года. 1239—1242.

226. **Н. Я. Марръ.** Къ исторіи передвиженія яфетическихъ народовъ съ юга на сѣверъ Кавказа. 1379—1408.

227. **Сообщенія и отчетъ академика Ѳ. И. Успенскаго** о командировкѣ въ Трапезунтъ. 1464—1480.

228. **Отчетъ акад. Н. Я. Марра** о командировкѣ лѣтомъ 1916 г. на Кавказъ для охраны памятниковъ въ районѣ военныхъ дѣйствій. 1481—1483.

229. **Предварительный отчетъ по II командировкѣ С. В. Теръ-Аветисьяна** въ занятыя русскими войсками части Турецкой Арменіи. 1484—1487.

230. **Второй отчетъ** о занятіяхъ въ Трапезунтѣ и окрестностяхъ **академика Ѳ. И. Успенскаго.** 1657—1663.
231. **Списокъ** передаваемыхъ въ Импер. Акад. Наукъ гр. Алексѣемъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ **16 фотографическихъ снимковъ** фотографа Ал. Вл. Лядова съ рѣзныхъ надписей изъ города Вана и его окрестностей. 1666.
232. **Н. Я. Марръ.** Къ датѣ эмиграціи Мосоховъ изъ Арменіи въ Сванію. 1689—1692.
233. **К. А. Иностранцевъ.** Харпутская надпись 561 года Хиджры. 1805—1808.
234. [**O. v. Lemm.** Koptische Miscellen CXLIX. CL. (Privatdruck)].

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. VI серія.

1917

235. **К. А. Иностранцевъ.** О мѣстѣ выдачи ярлыка Тимуръ-Кутлуга. 49—50.
236. **Ѳ. И. Успенскій.** Старинная крѣпость на устьѣ Чороха. 163—169.
237. **П. А. Фалевъ.** Отчетъ о поѣздкѣ въ Закавказье и въ Азербейджанъ лѣтомъ 1916 г. въ связи съ охраною памятниковъ восточныхъ древностей на кавказскомъ фронтѣ. 171—176.
238. **С. Ѳ. Ольденбургъ.** Карлъ Германовичъ Залеманъ. Некрологъ. [Съ портретомъ]. 281—286.
239. **Н. Я. Марръ.** Непочатый источникъ исторіи Кавказскаго міра. (Изъ третьей лингвистической поѣздки въ Дагестанъ). 307—338.
240. **И. Ю. Крачковскій.** Описаніе собранія врановъ, привезенныхъ изъ Трапезунга академикомъ Ѳ. И. Успенскимъ. 346—349.
241. **В. А. Ивановъ.** Исмаилитскія рукописи Азіатскаго Музея. 359—386.
242. **Н. Я. Марръ.** Грузинская поэма «Витязь въ барсовой шкурѣ» Шоты изъ Рустава и новая культурно-историческая проблема. I. Племенная среда. 415—446. II. Культурная среда и эпоха. 475—506.
243. **Протоколъ** совмѣстнаго засѣданія Комиссіи, избранной Императ. Академіей Наукъ по вопросу объ изслѣдованіи Палестины, и членовъ Частнаго Совѣщанія по вопросу о русскихъ научныхъ интересахъ въ Палестинѣ 6-го февраля 1917. 603—605.
244. **Записка И. Ю. Крачковскаго** о собраніи арабскихъ рукописей Антіохійскаго патріарха Григорія IV. 619—620.
245. **Проектъ** правилъ изданія при Академіи Наукъ періодическаго органа «Мусульманскій міръ». 622.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ АВТОРОВЪ.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Огюстъ Бартъ.

$\frac{22}{III}$ 1834—1916 $\frac{15}{IV}$ н. с.

Некрологъ.

(Читанъ академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 17 января 1918 года).

Огюсту Барту, который умеръ 15 апрѣля 1916 года, принадлежитъ совершенно исключительное мѣсто среди изслѣдователей Индіи, ибо никто не обладалъ знаніями столь разносторонними и вмѣстѣ съ тѣмъ столь основательными, какъ онъ. Свою жизнь онъ посвятилъ изслѣдованію Индіи: не занимая никакой отвѣтственной должности и ставъ членомъ Академіи надписей лишь въ пожилыхъ годахъ, онъ все свое время, неизмѣнно изо дня въ день, посвящалъ научной работѣ. Владѣя независимыми средствами, онъ составлялъ себѣ библіотеку по Индіи, которая по систематическому подбору книгъ могла соперничать съ любой изъ большихъ общественныхъ библіотекъ. Обстоятельство это почти совершенно избавляло его отъ необходимости работать внѣ дома. Необыкновенная систематичность и напряженность работы принесли свои плоды: не было почти вопроса въ обширной области индологіи, въ которой у Барта не было бы своихъ самостоятельныхъ взглядовъ, всегда основанныхъ на знаніи первоисточниковъ. Но эта исключительная широта самостоятельныхъ знаній не могла не отразиться на характерѣ его научнаго творчества. Если мы оставимъ въ сторонѣ его классическій трудъ по религіямъ Индіи, составленный сперва какъ статья для энциклопедіи, изданіе камбоджскихъ надписей[1] и нѣсколько небольшихъ самостоятель-

[1] Inscriptions sanscrites du Cambodge. NEMBN XXVII. 1 part. pp. 1—180 и атласъ. Paris. 1885.

ныхъ статей, то вся остальная научная работа О. Барта нашла себѣ мѣсто въ критическихъ разборахъ отдѣльныхъ сочиненій и въ обзорахъ литературы по религіямъ Индіи. Оно и вполнѣ понятно: создавать большіе самостоятельные труды можетъ только ученый, сосредоточившій свою научную дѣятельность на опредѣленной, сравнительно всё-таки узкой области, ибо процессъ самостоятельной разработки первоисточниковъ при всякихъ условіяхъ медленный и берущій чрезвычайно много времени, и потому понятно, что для ученаго, разрабатывающаго самостоятельно первоисточники во многихъ и различныхъ областяхъ и привыкшаго при этомъ дѣлать для себя болѣе или менѣе широкія обобщенія, не остается почти времени на писаніе книгъ. Въ такомъ положеніи былъ Бартъ, и единственнымъ способомъ все же хотя бы частично подѣлиться громадными накопленными знаніями съ собратьями по наукѣ были для него разборы чужихъ трудовъ и обзоры по извѣстнымъ вопросамъ текущей научной литературы.

Обширнымъ карточнымъ матеріаломъ его воспользуются уже другіе: онъ имѣлъ привычку заносить на карточки результаты своихъ чтеній и работы надъ источниками; карточки эти въ идеальномъ порядкѣ находились въ особыхъ шкафахъ. Всякій, кто имѣлъ счастіе бывать у Барта и говорить съ нимъ о тѣхъ или другихъ вопросахъ, касающихся Индіи, хорошо помнитъ, какъ во время горячаго спора или сомнѣній, высказанныхъ кѣмъ-либо изъ его собесѣдниковъ онъ вскакивалъ и говорилъ «attendez, je crois que j'ai quelque chose là dessus dans mes fiches» и всегда возвращался съ относившимися къ спорному вопросу справками, дававшими обыкновенно что-нибудь совершенно новое, указывавшими на забытый всѣми источникъ или ускользнувшую отъ общаго вниманія статью.

Справедливъ поэтому въ полной мѣрѣ заголовокъ, который его друзья и ученики поставили на собраніи его сочиненій, къ изданію котораго они приступили по поводу 80-лѣтія Барта: «Quarante ans d'indianisme»[1]. По поводу критическихъ статей, составившихъ главную часть работы Барта, кромѣ его очерка религій Индіи, Сенаръ могъ справедливо сказать: «Se succédant ainsi au fil des jours, ils reflétent pour une longue période et la marche générale des études indiennes et l'activité propre de votre vie scientifique»[2]. Эти статьи всегда давали что-нибудь новое, по всякому вопросу у

---

[1] Quarante ans d'indianisme. Oeuvres de Auguste Barth recueillies à l'occasion de son quatre-vingtième anniversaire. Tome premier. Les Religions de l'Inde et Bulletins des religions de l'Inde (1880—1885). Tome deuxième. Bulletins des Religions de l'Inde (1889—1902). Paris 1914. Пока вышли, насколько намъ извѣстно, только эти два тома.

[2] Ib. Avant-propos, p. XI.

Барта было свое слово, иногда оно давало новое, часто болѣе вѣское подтвержденіе мнѣнія разбиравшагося автора, иногда опровергало его, всегда это былъ шагъ впередъ. Когда закончится прерванное войною изданіе сочиненій Барта, то оно станетъ настольною книгою индіанистовъ, ибо безъ статей, которыя въ нихъ будутъ собраны и перепечатаны, нельзя обойтись изслѣдователю Индіи. Все научное богатство этихъ статей такъ велико, что его не обозрѣть иначе, какъ въ спеціальной работѣ, которая, мы надѣемся, будетъ со временемъ написана для выясненія научныхъ воззрѣній Барта и методовъ его изслѣдованій.

Книга, которую онъ назвалъ, не совсѣмъ можетъ быть правильно, «un ouvrage de simple vulgarisation» и которую спеціалисты считаютъ классическимъ трудомъ по исторіи религій Индіи «Les Religions de l'Inde»[1] чрезвычайно характерна для способа работы Барта. Внимательно всматриваясь въ нее, мы видимъ, что она цѣликомъ основана на самостоятельномъ, непосредственномъ изученіи первоисточниковъ, въ этомъ ея громадное научное значеніе, благодаря которому она останется навсегда «классикомъ» индіанизма.

Въ краткомъ введеніи къ «Религіямъ Индіи» Бартъ указалъ то исключительное значеніе, какое для историка религій представляетъ Индія; мы считаемъ необходимымъ привести его слова, потому что они особенно ясно показываютъ, что̀ привлекло Барта къ этому сложному и исключительно богатому философскимъ и религіознымъ творчествомъ міру, называемому Индіей, съ которымъ въ этомъ отношеніи не можетъ сравниться ни одна страна и ни одна культура на всемъ протяженіи культуры міровой.

«Индія[2] не только сохранила намъ въ своихъ Ведахъ древнѣйшіе и наиболѣе полные документы для изученія древнихъ натуралистическихъ вѣрованій, которыя въ весьма отдаленномъ прошломъ были общи всѣмъ членамъ индоевропейской семьи, она вмѣстѣ съ тѣмъ и единственная страна, гдѣ эти вѣрованія, правда со многими перемѣнами и колебаніями, дошли до нашихъ дней. Въ то время, какъ всюду они или были уничтожены монотеистическими религіями иностраннаго происхожденія, часто даже не оставивъ пря-

[1] Было въ первый разъ напечатано въ издававшейся Лиштанберже «Encyclopédie des sciences religieuses» въ 1879 г. и издано затѣмъ отдѣльнымъ оттискомъ, куда внесены примѣчанія, переведено въ 1882 г. на англійскій языкъ (The Religions of India. Authorized translation by Rev. J. Word. London. Trübner Oriental Series); при этомъ дано новое предисловіе автора и дополнены примѣчанія; наконецъ, перепечатано въ I томѣ сочиненій. Русскій переводъ, подъ редакціей князя С. Н. Трубецкаго, былъ напечатанъ въ 1897 году, подъ заглавіемъ «Религіи Индіи». Москва (Научно-популярная Библіотека Русской Мысли).

[2] Oeuvres de Auguste Barth. I. 11—12 (Introductions къ «Les Religions de l'Inde»).

мого и достовѣрнаго свидѣтельства о себѣ, или внезапно остановленныя въ своемъ развитіи и осужденныя пережить себя въ неподвижныхъ границахъ маленькой церкви — какъ то имѣло мѣсто съ парсизмомъ, въ одной только Индіи эти вѣрованія представляютъ и до нашихъ дней непрерывное, самостоятельное развитіе, засвидѣтельствованное богатою литературою, развитіе, въ которомъ они не переставали раздвигать свои границы. Въ этой поразительной долговѣчности и заключается въ значительной мѣрѣ причина того интереса, который представляетъ изученіе индійскихъ религій, совершенно независимо отъ того какъ оцѣнивать ихъ догматическое или практическое значеніе. Ибо нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нельзя наблюдать въ условіяхъ въ общемъ столь благопріятныхъ послѣдовательныя превращенія и если такъ можно сказать, судьбу политеистическаго міровоззрѣнія. Изъ всѣхъ подобныхъ воззрѣній ни одно не показало себя столь живучимъ, столь гибкимъ, столь способнымъ облечься въ самые разнообразные образы, столь искуснымъ примирить всѣ крайности, отъ самаго утонченнаго идеализма до грубѣйшаго идолопоклонства какъ индійское, ни одно не сумѣло столь удачно замѣнить свои потери, ни одно не имѣло въ такой степени способности непрерывно производить новыя секты, даже великія религіи, и постоянно возрождаясь такимъ образомъ изъ самого себя, противостоять всѣмъ причинамъ разрушенія, какъ внутреннему подтачиванію, такъ и давленію извнѣ».

Кончается книга вопросомъ, на который Бартъ, какъ онъ это говоритъ самъ, не знаетъ отвѣта: «Какова будетъ вѣра Индіи въ тотъ день, когда ея старыя религіи, осужденныя на гибель, но упорно продолжающія жить, окончательно рушатся»?

Книга Барта, несмотря на быстрое накопленіе новыхъ матеріаловъ и монографій, не скоро потеряетъ свое значеніе, благодаря тому, что и въ общемъ ея построеніи и до мелочей въ ней все *продумано*, а не только *изложено*, какъ это часто бываетъ и въ очень хорошихъ книгахъ: можно не соглашаться съ Бартомъ, но тогда необходимо каждый разъ самому до конца продѣлать ту работу изслѣдованія, которую продѣлалъ онъ. Я убѣжденъ, что всякій индіанистъ, который хорошо знакомъ съ книгою Барта подтвердитъ мои слова; не даромъ эта книга осталась единственной въ своемъ родѣ во всей литературѣ индіанизма — я исключаю при этомъ, разумѣется, многочисленные компилятивные обзоры индійскихъ религій.

Вторая книга Барта совершенно другого рода — эпиграфическій трудъ; для всякаго знакомаго съ индійской эпиграфикой извѣстны трудности, сопряженныя съ изданіемъ длинныхъ надписей, изъ которыхъ ихъ состави-

тели по большей части трудолюбивые, но мало талантливые педанты пытаются сдѣлать поэмы, гдѣ изысканность оборотовъ рѣчи, намековъ, риторическихъ фигуръ соперничаютъ съ рѣдкими словами, извлеченными изъ глубинъ туземныхъ словарей, часто весьма далекихъ и отъ истинной литературы и отъ живого языка. Если къ этому прибавить, что для точныхъ хронологическихъ пріуроченій часто требуется работа астронома и математика, въ виду необыкновенной сложности многихъ датировокъ надписей, то станетъ понятнымъ, какой огромный трудъ заключенъ въ скромномъ сборникѣ надписей. Томъ камбоджскихъ надписей, изданный Бартомъ, ему пришлось дополнить окончаніемъ подготовленнаго Бергенемъ другого тома тоже камбоджскихъ надписей. Нечего, конечно, говорить о необыкновенной точности работы, но необходимо указать на характерную для Барта размѣренность и опредѣленность: вступительныхъ замѣчаній и цѣнныхъ подстрочныхъ примѣчаній много, но всѣ онѣ идутъ непосредственно къ дѣлу — вы не найдете здѣсь тѣхъ «экскурсовъ», въ которыхъ часто тонетъ основной текстъ и теряется цѣльность и стройность первоначальнаго построенія. «Il faut toujours être sobre», любилъ говорить Бартъ.

Внѣ этихъ двухъ книгъ мы имѣемъ дѣло только со статьями, по преимуществу въ формѣ критическихъ обзоровъ, въ которыхъ обыкновенно вопросъ брался во всей его широтѣ, при чемъ Бартъ старался обыкновенно установить положеніе вопроса въ научной литературѣ къ данному времени. Въ рѣдкихъ, сравнительно, отдѣльныхъ случаяхъ онъ брался за перо, когда ему казалось, что спеціалисты увлекаются и выходятъ въ своихъ выводахъ за предѣлы того матеріала, которымъ располагаютъ. Тогда Бартъ выступалъ съ своимъ объясненіемъ, строго отмежевывая область допускаемыхъ доступными фактами выводовъ. Приведу одинъ такой примѣръ.

Находка на границѣ Непала внутри стӯпы вазы съ остатками костей и съ надписью, указывавшей, что мы имѣемъ дѣло съ останками Будды вызвала чрезвычайный интересъ въ ученомъ мірѣ и въ особенности въ широкихъ кругахъ Индіи и всего буддійскаго міра. Первое чтеніе надписи, данное Бартомъ въ 1898 году гласило просто: «это хранилище останковъ Господа Будды (даръ) Шакьевъ, братьевъ Сукирти (или «Сукирти и его братьевъ») вмѣстѣ съ ихъ сестрами, сыновьями и женами». Чтеніе это, не дававшее повода къ созданію какихъ-либо особенно новыхъ гипотезъ, вызвало рядъ возраженій и предложеній новыхъ чтеній. Образовалась обширная литература вопроса и появились весьма широкіе выводы изъ этой краткой надписи: ее относили ко времени смерти Будды, къ этому же времени относили и стӯпу, въ которой была найдена надпись; выводы эти, если-бы они были

справедливы, должны были въ свою очередь повести къ ряду новыхъ выводовъ по отношенію къ исторіи индійскаго письма и т. д. Появились и другія толкованія. Тогда, уже въ 1906 году, Бартъ снова взялся за перо и въ небольшой статьѣ мастерски разобралъ всѣ предложенныя чтенія и далъ свое окончательное чтеніе, почти тождественное съ первымъ его чтеніемъ. Рушились всѣ «сенсаціонныя новости», и Бартъ кончаетъ словами «mieux vaut un résultat négatif que des données illusoires».

Темы, затронутыя Бартомъ въ его статьяхъ и обзорахъ такъ разнообразны, что мнѣ невозможно обозрѣть ихъ здѣсь и потому я выберу только два примѣра, чтобы на нихъ показать его методы работы.

Веды занимаютъ столь значительное мѣсто въ исторіи памятниковъ индійской культуры и представляютъ столько неразрѣшенныхъ загадокъ, что Бартъ, естественно много занимался ими. Изъ разныхъ статей его по ведической литературѣ, одна статья особенно подробно излагаетъ его взгляды: она написана по поводу книги Г. Ольденберга о религіи Ведъ[1]. Онъ начинаетъ сперва какъ бы съ расчистки почвы, съ выясненія общаго положенія вопроса и характера того матеріала, изъ котораго будетъ дѣлаться разбираемое построеніе. Онъ объясняетъ, почему у насъ до сихъ поръ нѣтъ удовлетворительнаго перевода Ведъ и почему тѣмъ не менѣе въ общихъ чертахъ ихъ пантеонъ и основныя черты религіи Ведъ поддаются опредѣленію; въ краткихъ, немногихъ словахъ говорится затѣмъ о предшественникахъ Ольденберга и ихъ характерныхъ чертахъ. Потомъ уже шагъ за шагомъ слѣдуетъ противопоставленіе Бартомъ его собственныхъ взглядовъ на ведическій пантеонъ и на религію Ведъ взглядамъ Ольденберга или согласіе съ ними, подкрѣпляемое новыми доводами. Мы горячо совѣтуемъ всѣмъ интересующимся Ведами прочитать эту превосходную работу Барта.

Другой примѣръ мы беремъ изъ совершенно иной области, правда столь же сложной и запутанной какъ и ведическій міръ, можетъ быть даже еще болѣе сложной и запутанной — мы говоримъ о вопросѣ происхожденія басни, одного изъ видовъ тѣхъ знаменитыхъ «странствующихъ сказанія», которыя являются вѣчнымъ яблокомъ раздора спеціалистовъ. Статья Барта написана по поводу книги F. Ribezzo[2]. Nuovi studi sulla origine e la propagazione delle favole indo-elleniche comunemente dette esopiche. Napoli 1901.

---

[1] Die Religion des Veda von Hermann Oldenberg. Extr. du Journal des Savants. Mars, Juin, Juillet et Août 1896. Стр. 1—55. Отд. отт.

[2] De l'origine et de la propagation des Fables. Journ. d. Sav. Nov.—Déc. 1903. Janv. 1904.

Здѣсь, раньше чѣмъ перейти къ самому содержанію статьи, мы хотѣли бы сказать нѣсколько словъ насчетъ общей манеры Барта, какъ критика. Въ научной критикѣ есть два рѣзко отличныхъ другъ отъ друга типа критиковъ: первый заботится главнымъ образомъ о выясненіи того новаго положительнаго, что даетъ разбираемый трудъ,—на ошибки и промахи, которые отмѣчаются, обращается меньше вниманія, они вообще считаются заслуживающими упоминанія лишь съ точки зрѣнія фактическихъ поправокъ; второй типъ критиковъ прежде всего и главнымъ образомъ отмѣчаетъ отрицательныя стороны разбираемой работы, понимая критику въ ея болѣе тѣсномъ, буквальномъ значеніи. Бартъ принадлежалъ къ числу критиковъ перваго типа и это очень опредѣленно сказалось въ его разборѣ книги Рибеццо, заключающей въ себѣ не мало неточностей и даже грубыхъ промаховъ.

Чрезвычайно тонко разобравъ попытки автора установить происхожденіе басни изъ Индіи, при чемъ по мнѣнію Рибеццо Греція отдѣлала басню и закрѣпила ея окончательную форму, Бартъ указываетъ на всю шаткость общихъ выводовъ, и съ своей стороны высказываетъ извѣстныя общія положенія, съ которыми, при существующихъ нынѣ методахъ изслѣдованія и при недостаточной обработкѣ матеріаловъ, согласится всякій, кто самостоятельно работалъ въ области сравнительной литературы. Бартъ считаетъ празднымъ вопросъ о происхожденіи басни вообще, а отдѣльныя задачи о происхожденіи той или другой басни часто неразрѣшимыми. Бартъ считаетъ, что Индія въ этой области больше давала, чѣмъ брала, но это мнѣніе основано на соображеніяхъ общаго характера, мало сравнительно убѣдительныхъ для каждаго частнаго случая. Изслѣдованія частнаго характера чрезвычайно цѣнны и любопытны особенно тѣмъ, что бросаютъ свѣтъ на взаимоотношенія народовъ въ глубокомъ ихъ прошломъ; часто, конечно, сходство является послѣдствіемъ случайнаго совпаденія, но нѣтъ сомнѣнія, что, напримѣръ, такія произведенія, какъ басня объ «Ослѣ въ львиной шкурѣ» не были сочинены независимо дважды.

Кончая нашъ краткій и совершенно не исчерпывающій очеркъ научной дѣятельности одного изъ наиболѣе выдающихся востоковѣдовъ, я не могу не сказать нѣсколько словъ о человѣкѣ, котораго имѣлъ счастіе знать въ теченіе тридцати лѣтъ и могъ такимъ образомъ оцѣнить его необыкновенную прямоту и доброжелательность. Альзасецъ по рожденію и по воспитанію, онъ послѣ войны 1870—1871 покинулъ ставшую нѣмецкой провинціею родину и поселился окончательно въ Парижѣ, гдѣ жилъ исключительно для науки. Сильная глухота, перешедшая въ послѣдніе годы почти въ полную потерю

слуха, отдѣлила его въ значительной мѣрѣ отъ людей, даже отъ друзей, другіе тяжелые недуги отравляли жизнь, но Бартъ неизмѣнно продолжалъ работу, такъ какъ голова его оставалась свѣжей. И какимъ наслажденіемъ была всегда бесѣда съ нимъ, живая и содержательная. Въ наши лихорадочные дни такія жизни и такіе люди рѣдки; тѣ, кто знали ихъ, свято хранятъ въ сердцѣ своемъ память объ этихъ—настоящихъ людяхъ.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Существуетъ-ли „среднеазіатскій" терминъ въ сасанидскомъ судебникѣ?

А. А. Фреймана.

(Представлено академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 27/14 февраля 1918 года).

Въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества т. XXIV стр. 29 — 32 помѣщена статья К. А. Иностранцева «Среднеазіатскій терминъ въ сасанидскомъ судебникѣ». Авторъ освѣщаетъ въ ней слово čakar — терминъ изъ семейнаго права парсовъ, встрѣчающійся въ пехлевійскомъ судебникѣ «Mātīkān i 1000 dātəstān» — «Сборникѣ 1000 рѣшеній». Сохранившимся остаткамъ пехлевійской юридической литературы мало до сихъ поръ посвящалось вниманія. Часть текста «Mātīkān i 1000 dātəstān» издана фотоцинкографическимъ способомъ съ рукописи, принадлежащей одной изъ общественныхъ библіотекъ въ Бомбеѣ, другая часть этой рукописи, принадлежащая парсійскому ученому и общественному дѣятелю Техмурасу — не издана, и извѣстно только краткое ея содержаніе. Совершенно очевидно, что текстъ, извѣстный по одной только рукописи, притомъ юридическаго содержанія, отражающій общественный укладъ эпохи, многіе институты которой намъ остались неизвѣстны, — весьма труденъ для пониманія. Небольшіе отрывки этого текста, въ общей сложности не болѣе одной страницы текста, были переведены К. Г. Залеманомъ (Manichaeische Studien I, 145) и проф. Бартоломэ (статья въ сборникѣ «Hoshang Memorial Volume» и «Ueber ein sasanidisches Rechtsbuch» въ «Sitz.-berichte d. Heidelb. Akad. d. Wiss. 1910, № 11). Весьма цѣнна поэтому попытка автора освѣтить одну изъ сторонъ семейнаго быта парсовъ въ сасанидскую эпоху сообщеніями Табари о законодательныхъ мѣропріятіяхъ Хосроя Анушпрвана, въ которыхъ онъ совершенно правильно видитъ мысли тождественныя или аналогичныя съ тѣми, которыя встрѣчаются въ «Судебникѣ». Этого па-

раллелизма все-таки недостаточно для того, чтобы отнести и составленіе «Сборника» ко времени Хосроя.

Вмѣстѣ съ проф. Бартоломэ (l. c.) авторъ полагаетъ, что бракъ чакаръ въ сасанидское время представлялъ собою особый видъ узаконеннаго сожительства, условія котораго и всѣ вытекающія изъ него послѣдствія были строго опредѣлены закономъ. Въ настоящее время подъ этимъ терминомъ парсами понимается вторичный бракъ вдовы. Въ діалектѣ гебровъ čakar означаетъ наложницу. Что касается этимологіи слова čakar и его первоначальнаго значенія, — то одно и другое неясно. Проф. Бартоломэ видитъ въ образованіи слова какъ-бы удвоеніе (ča-kar), но отъ дальнѣйшихъ предположеній воздерживается. К. А. Иностранцевъ считаетъ čakar заимствованіемъ; на стр. 30 онъ говоритъ: «Нынѣ установлено, что слово чākаръ означаетъ въ открытыхъ въ Восточномъ Туркестанѣ текстахъ сѣвернаго изъ индо-европейскихъ языковъ (языкъ I)—«дочь», «дѣвушку».— Онъ при этомъ ссылается на ИАН, 1909,551. — Въ дѣйствительности же, слова, на которое указываетъ авторъ, въ тохарскомъ языкѣ, въ разобранныхъ до сихъ поръ текстахъ *не существуетъ*. На указанной страницѣ «Извѣстій» приводится Н. Д. Мироновымъ слово čkačar = θυγάτηρ, «дочь» (не «дѣвушка»), одно изъ тѣхъ словъ тохарскаго языка, которыя, какъ pračar, mačar, благодаря своему очевидному аріо-европейскому характеру, первыми дали возможность установить принадлежность этого языка къ аріо-европейской семьѣ. Или авторъ полагаетъ, что тох. čkačar и пехл. čakar — одно и то же слово? Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы указать тѣ фонетическіе законы, которые привели автора къ этому выводу; мнѣ они неизвѣстны. До тѣхъ поръ слѣдуетъ считать выставленное авторомъ въ заглавіи своей статьи положеніе: «Среднеазіатскій терминъ въ парсійскомъ судебникѣ» — необоснованнымъ. Между тѣмъ на основаніи этого предположенія авторъ, считая čakar «средне-азіатскимъ» словомъ, дѣлаетъ соотвѣтственныя заключенія «о характерныхъ чертахъ семейнаго быта древняго населенія Средней Азіи». — Въ концѣ статьи авторомъ приводится интересная аналогія къ институту брака чакаръ у парсовъ — изъ мусульманскаго права, а именно «временный бракъ», такъ называемый «мут‘а».

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи. X.

A. Исторія ďğow-a-r>ďğu-a-r, основы г. mo-ďgu-ar-ı [„передній“, „вождь“], „глава“ > „учитель“. B. 1. арм. a-beϑ „трутъ“.—2. h. a-nď-re+w „дождь“. — 3. h. hər-deh „пожаръ“, h. ḏah *пламя, свѣтъ, костеръ, факелъ, люстра.* — 4. h. ďaw-n-ᵉ/ı „подношеніе“, „освященіе“. — 5. h. deym *лицо* и deyp [*лицо* >] „напротивъ“, „навстрѣчу“ и т. п. — 6. h. ďew [*лицо* >] „видъ“, „образъ“. — 7. h. ə-skəs-an-el „начинать“, ı-skız-bən „начало“. — 8. ḣ. ṫey-s „порядокъ“, „правило“. — 9. h. ḣa-s „достигшій“, „постигшій“, „поспѣвающій“, „зрѣлый“ и пр. — 10. h. ane-y-ṫq *проклятіе.*

Н. Я. Марра.

(Доложено въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи $\frac{13\ марта}{28\ февраля}$ 1918 г.).

A.

Семасическая исторія грузинскаго древне-литературнаго термина mo-ďğu-ar-ı (<mo-ďğow-a-r-ı), въ ново-грузинскомъ — mo-ďğvar-ı, представляетъ и самостоятельно большой реально-историческій интересъ. Исторія эта продолжаетъ твориться и въ наши дни. Творцы ея, авторы случайно попавшей мнѣ въ руки записки о грузинскомъ университетѣ въ видѣ наброска матеріаловъ для его устава: грузинскій университетъ будетъ довольствоваться одной степенью ученаго — докторской, какъ это водится въ германскихъ университетахъ. Получившій эту степень будетъ носить званіе moďğuar-ϑ moďğuar-ı *учитель учителей.* Но самое значеніе „учитель“ терминъ имѣетъ за собою лишь по усвоенію въ новой христіанско-культурной средѣ древней Грузіи, между тѣмъ терминъ наравнѣ съ h. vardapet'омъ, у армянъ въ древности также означавшимъ *учитель*, пережитокъ до-христіанской терминологіи: онъ — наслѣдіе культурной жизни яфетидовъ-язычниковъ. На немъ демонстрируется одно изъ тѣхъ цѣнныхъ въ культурно-историческомъ значеніи явленій, когда древній терминъ подставлялся взамѣнъ новаго христіанскаго по соотвѣтствію его реальнаго содержанія. Любопытно въ этомъ смыслѣ и то, что г. moďğuar-ı словарно не соотвѣтствуетъ его реальному эквиваленту въ рѣчи древнихъ армянъ, т. е. vardapet'у. Между ними есть нѣчто и словарно общее, но это именно понятіе не у ч и т е л ь с т в а, а г л а в е н с т в а, vardapet же собственно означаетъ *„главу* (pet)“ „учителей“ или „ученія“. Слѣдовательно, moďğuar-ı — самобытный грузинскій до-христіанскій терминъ, и отъ этого цѣнность его только возрастаетъ. Онъ со своимъ словарнымъ значеніемъ на лицо, какъ

объ этомъ приходилось уже говорить, въ q̇uroϑ-mod̆ğuar-ı *архитекторъ* [1]; въ немъ эквивалентность mod̆ğuar'а hайскому pet'у совершенно ясна по hайскому однозначущему слову ṭarṭara-pet *архитекторъ*. То же самое ясно и изъ сопоставленія m-ğdelϑ-mod̆ğuar-ı *первосвященникъ* съ h. qahanaya-pet'омъ [2]; можно лишь прибавить, что соотвѣтствіе грузинскаго mod̆ğuar-ı русскому „перво-“, собственно греческому его эквиваленту ἀρχι- въ составѣ равнозначущихъ составныхъ терминовъ („первосвященникъ“, ἀρχιερεύς) также находитъ свою поддержку въ этимологіи нашего слова.

Mo-d̆ğu-a-r-ı „вождь“, „*пред*водитель“, букв. „идущій || стоящій *впереди*“, „образующій *лицевую* > *переднюю* сторону“ имѣетъ многочисленную родню по корню и часто основѣ изъ грузинскихъ и мегрело-ч̆анскихъ словъ. Но одно изъ нихъ — d̆oğ-an || d̆uğ-an (d̆uğ-wan) — представляетъ особый интересъ по своей историко-литературной судьбѣ.

Значитъ оно „прежде“, „раньше“, „*передъ* этимъ || тѣмъ“, „давеча“, а составители словарей толкуютъ его обыкновенно и во всякомъ случаѣ преимущественно въ смыслѣ „третьяго дня“ или „съ прошлаго года“. Но на лексикографовъ особенно опасно полагаться въ спорныхъ случаяхъ. Примѣръ разительный у Ч² — толкованіе слова მოხ-ი moq̇-ı русскимъ „мохъ“ со ссылкой на Шоту „1254“ [Кч 1238,2, Аб 1190, Кб 1213], тогда какъ здѣсь случай съ извѣстнымъ повтореніемъ глагольной представки მო- mo- за сказуемымъ მო-კლავს mo-klav-s въ концѣ стиха, гдѣ она, оказавшись рядомъ съ завершающимъ стихъ ხისა q̇-ıs-a, Р. отъ ხე q̇e *дерево*, дала поводъ два слова принять за цѣльную форму მოხისა moq̇ısa, за Р. падежъ воображаемаго Им. მოხ-ი moq̇-ı, воспринятаго какъ русское слово „мохъ“!

Подъ d̆oğ-an Ч² приводитъ и присущее слову значеніе *давеча*, но съ оговоркой — „иногда“ (ზოგჯერ).

Недоразумѣніе въ толкованіи слова отчасти возникло, надо думать, отъ неосвоенности со стилемъ лексикографа Орбеліан-и. Когда онъ его

[1] ХВ, II, стр. 117,4, гдѣ впрочемъ, исходя изъ реальнаго въ міру значенія слова „мастеръ“, „*главарь* (въ мастерствѣ)“ при реальномъ же въ церкви значеніи „учитель“, семасическое развитіе термина q̇uroϑ-mod̆ğuar-ı я представлялъ въ порядкѣ „мастеръ строительства“, „главный строитель“, „архитекторъ“. О реальномъ значеніи института вардапетовъ въ христіанской жизни армянъ см. Н. Марръ, ТР, V, стр. 34—35, въ рецензіи на трудъ Месропа Теръ-Мовсисяна, *Исторія перевода Библіи на армянскій языкъ*. Эта линія семасическаго развитія въ христіанствѣ и въ отношеніи грузинскаго слова mod̆ğuar-ı можетъ получить подкрѣпленіе изъ источниковъ, понятно, грузинскихъ, какъ, напр., Руисо-урбнисскаго собора, гдѣ въ § 14 постановленіе о сокращеніи, во избѣжаніе смутъ и безпорядковъ, числа „монаховъ, именуемыхъ mod̆ğuar-ı“ (მოძღუარად წოდებულთა მონაზონთა), такъ какъ ихъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ было отъ 20 до 30. О присущемъ армянскому vard̆apet значеніи въ смыслѣ званія ремесленнаго или профессіональнаго см. І. А. Орбели, ХВ, II, стр. 122, III, стр. 83, прим. 7.

[2] Ср. также г. ezoys-mod̆ğuar-ı || h. ṭaṭarapet *Быт.* 21,22 (ХВ, II, стр. 270).

толкуетъ такъ—ესე არს სამ-ოთხ დღეს უწინდელი და შარშანს აქეთი „это—то, что̀ было тремя, четырьмя днями *раньше* (букв. *передъ, прежде*) и что̀ съ прошлаго года“, то центръ объясненія надо усматривать въ u-tin-d-el-ı „прѣжній“, „что̀ было *раньше*“, съ ограничительной оговоркой šaršans aqeϑı „послѣ прошлаго года“ въ смыслѣ „*передъ* этимъ || тѣмъ, но лишь за текущій годъ“[1]. Орб. при установленіи значенія этого слова не могъ упустить изъ виду творца грузинскаго книжнаго поэтическаго стиля, автора *Витязя въ барсовой шкурѣ*. Еще менѣе могъ онъ упустить изъ виду свое личное знаніе: Орб. зналъ ďoğ-an именно въ томъ же указываемомъ мною значеніи, какъ то видно изъ его *Книги мудрости и лжи*, Пб. 1859, стр. 74,1, 105,14, 140,28[2], произведенія столь близкаго къ народной рѣчи, каково бы ни было его происхожденіе или происхожденіе наличныхъ въ немъ разсказовъ. Встрѣчается слово въ томъ же значеніи и въ *Amiran-dareǰaniani*. Но для насъ болѣе важно свидѣтельство Шоты изъ Рустава.

Близость этого писателя къ народной рѣчи дѣлаетъ его болѣе авторитетнымъ въ вопросахъ о правильномъ пониманіи грузинскихъ словъ, даже и, пожалуй, особенно — древне-литературныхъ, ибо, какъ выяснено, его родной рѣчью былъ тотъ говоръ—ме^{г}с^{ъ}хскій, который являлся прямымъ наслѣдникомъ или продолженіемъ со^{г}н^{ъ}-ме^{г}с^{ъ}хскаго живого языка, лежащаго въ основѣ древне-литературнаго языка грузинъ[3]. И у Шоты читается:

1) 365,3 (Аб 321, Кб 346).

ძუღან[4] ხელქმნილსა გიჭვრეტდი კუბოსა შიგან მჯდომი

„*Давеча* я, сидя въ паланкинѣ, смотрѣла на тебя, обезумѣвшаго отъ любви“.

2) 397,1 (Аб 353, Кб 378)

მიბრძანა: «ძუღან[5] გეწყინა გაგზავნა უუბარისა»

„Она изволила сказать мнѣ: «*давеча* ты огорчился, когда я спровадила тебя, не промолвивъ съ тобой ни слова“.

---

[1] Провѣрить подлинное чтеніе по тексту словаря, подготовленному къ печати І. А. Кипшидзе, не удалось: соотвѣтственная часть рукописи оказалась взятой изъ Академической типографіи самимъ І. А. Кипшидзе.

[2] Въ цитованной книгѣ Орб. употребляетъ съ тѣмъ же основнымъ значеніемъ нашего нарѣчія и производное отъ него ďoğan-d-el-ı (стр. 76,4, см. у насъ ниже, стр. 321); въ 140,28 ďoğan онъ сочетаетъ съ *ночью*: ďoğan ğam „*давеча* ночью“.

[3] Н. Марръ, *Грузинская поэма „Витязь въ барсовой шкурѣ“ Шоты изъ Рустава и новая культурно-историческая проблема* (ИРАН, 1917), стр. 441 и pass.

[4] ďuğan || Кб ძოღან ďoğ-an.

[5] ďuğ-an || Кб ძოღან ďoğ-an.

3) 1141,2 (Аб 1093, Кб 1116)

უსენ მითხრა: «არ მინახავს ძოღანდლით[1] გან მეფე ჩუ̂ენი»

„Усенъ сказалъ мнѣ: «со встрѣчи, *что̀ было давеча*, не видѣлъ я нашего царя».

Однако и толкователи поэмы *Витязя въ барсовой шкурѣ* ďoğan не прочь были понять въ значеніи „вчера“ или „позавчера“[2]. І. И. Абуладзе правильно остановилъ свой выборъ на „давеча“, „*передъ* тѣмъ“ (ამას წინეთ), но вмѣстѣ съ Д. Каричашвил-и онъ привноситъ лексически не оправдываемое объясненіе „въ тотъ день“, „тогда“ (იმ დღეს).

„Вчера“ и главнымъ образомъ „позавчера“ слову ďog-an || ďug-an (ďuğ-wan) навязывалось съ ссылкой на св. Писаніе, но и это есть плодъ недоразумѣнія. Орб. ссылается на *Быт.* 31,2 (его пониманіе впрочемъ было неправильно воспринято, какъ то указано), а Ч² — на тотъ же стихъ *Бытія* и *Исх.* 5,7, впрочемъ подведенный подъ другое объясненіе: „давеча“. На самомъ же дѣлѣ это нарѣчіе встрѣчается десятки разъ, и нигдѣ нѣтъ случая, чтобы ďoğan само по себѣ означало „позавчера“, „третьяго дня“ или „съ прошлаго года“. Оно значитъ лишь *прежде*, *раньше*, „*передъ* этимъ || тѣмъ“, „*до* этого || того“. Дѣло въ томъ, что слово это воспринято въ чтеніи ğuшin da ďoğan, соотвѣтствующемъ выраженію LXX — „вчера и позавчера“ или „вчера и третьяго дня“, и такъ какъ ďuğ-an || ďuğ-wan стоитъ на 2-мъ мѣстѣ, то его отожествили со стоящимъ на томъ же мѣстѣ греч. τρίτην ἡμέραν и h. երրորդ, тогда какъ приведенное грузинское чтеніе значитъ „вчера и *передъ* (тѣмъ)“, такъ, напр., въ слѣдующихъ мѣстахъ, приводимыхъ по Ошкской рукописи (О) и по версіи, изданной въ Москвѣ (М):

1) *Исх.* 5,7

О ნუღარა შესძინებთ ცემად ბზჱსა ალიზისა საქმარად ვ̃ა გუშინ და ძუღუან.	М ნუღარა შესძინბ̃თ ცემ̃დ ბზესა ალიზისა საქმარ̃დ ვ̃ა გუშინ და ძუღან,

2) Рѳ 2,11

О გუშინ და ძუღუან	М გუშინ და ძუღან.

Нарѣчіе ďuğ-an || ďuğ-wan, воспринимая древне-литературное слово -de *день* (ср. соединеніе и съ ğam *ночь*, выше, стр. 319, прим. 2), образуетъ сочетаніе со значеніемъ „*пред*шествующій *день*“, „*день передъ* этимъ ||

[1] Кб: ძოღანიდ გან ďoğ-an-ıd gan < ძოღანით გან ďoğ-an-ıϑ gan., см. у насъ стр. 321.

[2] Въ словарѣ творенія Шоты въ изданіи Академіи Наукъ (Пб. 1841, стр. 237): „გუშინ, გუშინწინ“; въ словарѣ изданія Д. Каричашвил-и, стр. 356, собраны всѣ толкованія авторитетовъ — Теймураза, Орбеліан-и, Чубинова, но лишь на послѣднемъ мѣстѣ помѣщено болѣе вѣрное объясненіе „давеча“ рядомъ съ толкованіемъ „въ тотъ день“. Необычное для всѣхъ значеніе, воспринимавшееся изъ своеобразно изложеннаго Орбеліан-и толкованія ďoğan, оказалось настолько плѣнительнымъ, что его повторили и издатели *Vıs-Ramıanı* (Тифлисъ, 1884) въ спеціальномъ къ нему словарѣ (стр. 475, s. v.): სამ-ოთხის დღის წინად და შარშანდლის აქეთ „три, четыре дня тому назадъ и съ прошлаго года“ (ср. выше, стр. 319).

тѣмъ“, и отъ него образуется Т. падежъ ďuğ-+an-d-ıə || ďuğ-+wan-d-ıə въ значеніи *„съ предшествующаго дня“* или *„со дня передъ* этимъ || тѣмъ“, а равно производится прилагательное на -el: ďuğ-+an-d-el-ı || ďoğ-+an-d-el-ı „то, что было *предъ* этимъ || тѣмъ || давеча“, „случай дня *передъ* этимъ || тѣмъ“. Первое выраженіе можно писать и раздѣльно, какъ двя слова, — ďuğ-an dıə || ďugwan dıə, что встрѣчается и въ рукописяхъ. Въ слѣдующихъ примѣрахъ архаическое образованіе ďuğ-wan-d-ıə въ O, тогда какъ въ M — прилагательное:

1) *Исх.* 4,10

O ჰრქ̃ა მოსე ო̃ა გევედრები შენ ო̃ო: ვერ შემძლებელ ვარ გუშინ დითგან და ძუღუან დითგან

M ჰქ̃ა მოსე ო̃: გ̃ბი ო̃: ვერ შემძლებ̃ლ ვარ ძუღანითგ̃ნ და ძუღანდელისა დღისა წინათგ̃ნვე,

2) *Исх.* 21,28 (29)

O უკუეთუ მრქენალი იყოს კუროჲ იგი გუშინ დით გან და ძუღუან დით გან

M უკ̃თუ მორქინალი იყოს კურო იგი გუშინდლითგან და ძუღანდლით დღისა,

3) *Исх.* 21,35 (36)

O უკუეთუ იცოდიან ვ̃დ კუროჲ იგი მრქენალი იყო ძუღუან დით გ̃ნ და გუშინდით გ̃ნ

M უკეთუ იცოდიან ვ̃დ კურო იგი მორქინალი იყო გუშინდლითგ̃ნ და ძუღანდლით.

Однако знатоками грузинской рѣчи не могло не чувствоваться, что ďoğ-an || ďuğ-an (ďuğ-wan) не значитъ вовсе само по себѣ „позавчера“ или „третьяго дня“. Этимъ обстоятельствомъ объясняется появленіе въ M буквальнаго перевода греч. τρίτην ἡμέραν (h. երրորդ): mesame-sa dğe-sa:

1) *Быт.* 31,2

O და არა იყო მისა მიმართ ვ̃რ იგი გუშინდელსა და ძუღუანდელსა დღესა

M და აჳა არა იყო მისსა მ̃რთ ვ̃ა გუშინ და მესამესა დღ̃სა,

2) *Быт.* 31,5

O რ̃ არა არს ჩემდა მომართ ვ̃რ იგი გუშინ და ძუღუან

M რ̃ არა არს ჩემდა მომართ ვ̃ა გუშინ ‹და› მესამესა დ̃ღსა,

3) II Ц 3,17

O გუშინ და ძუღუან ქძიებდით და-ვითს და გწადოდა იგი მეფედ

M გუშინ და მეს̃მისა დღ̃თა ეძიებ-დით დავითს მ̃ფედ თქ̃ნ ზ̃ა [1].

Была и другая попытка передать указанное греческое выраженіе „третьяго дня“ — уже не буквально, а соотвѣтственнымъ грузинскимъ народнымъ выраженіемъ gum-ın-ˁıs || guш-ına-ys˺ tın -„позавчера“, букв. „передъ вчера[шнимъ днемъ]“, и такой переводъ нашелъ мѣсто опять таки въ M:

[1] См. еще II Ц 5,2 ниже, стр. 323. M и въ I Ц 21,5 имѣетъ буквальный переводъ греческаго чтенія τρίτη ἡμέρα — ჩვენცა (sic съ з) ვართ მოთმინებულნი დღეითგ̃ნ გუშინ მესამის დღითგან და ოდითგან გამოსვლად ჩუ გზასა ზ̃ა, но въ соотвѣтствующемъ стихѣ по O интересующее насъ выраженіе не имѣетъ никакого эквивалента — დღეითგან წინადა გარით განსათუგან გამოსვლით გზასა ამას წინადა ვარით

1) I Ц 4,7.

O რ̃ არა იყო მათ შ̃ს გუშინ და ძუ-ღუან კ̃ჲ ესე საშინელი

M რ̃ არა იქმნა ესრეთ გუშინ და გუ-შინა<ჲ>სწინ,

2) I Ц 19,7

O და იყო იგი (დ̃თ) მის (საულისა) წ̃ე ვ̃ა გუშინ და ძუღუან

M და იყო წ̃ე მისსა ვ̃ა გუშინ და გუში<ნაჲ>ს წინ დღეს,

3) I Ц 14,21 только по M .

ა̃დ ებრაელნიცა რ̃ლნი იყვნეს უცხოჲ თესლთა თანა გუშინ <და> გუშინს-წინ დღეს გამოსული ბანაკსა შინა მოიქცეს იგინიცა [1].

Авторъ послѣдняго пріема въ переводѣ не использовалъ однако нашего слова и въ значеніи „передъ", ему онъ предпочелъ tin, такъ какъ ďoğ-an || ďuğ-an (ďuğ-wan) есть самостоятельное нарѣчіе и въ грузинскомъ ни какъ предлогъ, ни какъ послѣлогъ не употребляется. Его можно бы семасически сопоставить скорѣе съ евр. אֶתְמֹל, которое первоначально значитъ „передъ тѣмъ", „давеча", „давно", но это еврейское слово всетаки имѣло значеніе „вчера", тогда какъ занимающее насъ грузинское нарѣчіе не только не означало само по себѣ ни „вчера", ни „позавчера", но и въ чтеніи gum-ın da ďuğ-an || ďuğ-wan оно введено искусственно.

Съ древне-грузинскимъ текстомъ св. Писанія надо быть осторожнымъ. Нельзя каждое его слово толковать по соотвѣтствіямъ греческаго подлинника и восходящихъ къ нему версій. Въ архаичныхъ частяхъ даже наличныхъ древне-грузинскихъ списковъ св. Писанія текстъ вовсе нельзя устанавливать однимъ сопоставленіемъ съ греческимъ подлинникомъ: 1) первоначальный переводъ не восходилъ къ греческому подлиннику, и 2) переводческая система первыхъ грузинскихъ перелагателей была не вербальная, а реалистическая, содѣйствовавшая внесенію въ грузинскій текстъ народныхъ эквивалентовъ, живыхъ реченій. Точность словарной буквы и не преслѣдовалась.

„Вчера и позавчера || третьяго дня" собственно являлось образнымъ выраженіемъ вм. „раньше", „прежде". Народное ďoğ-an вполнѣ передавало по существу совокупность содержанія двухъ словъ библейскаго выраженія, обозначая „раньше" и т. п. въ языкѣ, которому оно принадлежало своимъ плавнымъ согласнымъ элементомъ n, вѣроятно, соᵍн¹-меᵍс¹хскомъ. Грузины и въ древности сказали бы вмѣсто него pırvel, и вотъ въ M, въ которомъ отнюдь не рѣдки менѣе обновленныя по существу чтенія, чѣмъ въ O, спискѣ X вѣка, мы находимъ именно варіантъ pırvel *раньше* вмѣсто обычнаго чтенія изъ трехъ словъ gum-ın da ďuğ-an, такъ въ IV Ц 13,5:

[1] O: და მონანი იგი საულისნი. რ̃ლ გაქცეულ იყვნეს უცხოთესლთაგან მოვიდეს.

O და დაემკჳდრნეს ძენი იგი ი҃ჱლი-სანი საყოფელთა თჳსთა ვ҃ა **გუშინ და ძუღუან** — M და დაემკჳდრნეს ძენი ი҃ჱლისნი სამკჳდრებელსა თჳსსა ვ҃ა პ҃ლ იყვნეს.

Не само по себѣ чтеніе pırvel — архаично для древне-грузинской версіи, а то, о чемъ это чтеніе свидѣтельствуетъ: оно поддерживаетъ положеніе, что первоначально, до возникновенія подъ вліяніемъ LXX сочетанія ⌈gušın da⌉ ďuğ-wan, въ версіи св. Писанія, бывшей въ пользованіи грузинъ, стояло одно слово [со⌈н⌉-ме⌈с⌉хское] ďuğ-an или ďuğ-wan, и pırvel является точной грузинской передачею этого дѣйствительно архаичнаго чтенія.

Въ O также находимъ застрявшимъ то же чтеніе въ новогрузинской оформленности—pırvel-ad, но въ иной обстановкѣ: рядомъ съ нимъ успѣло появиться шаблонное двухчленное выраженіе gušın da ďuğ-wan, такъ II Ц 5,2, гдѣ есть еще второй, уже описательный, варіантъ того же выраженія, какъ бы его толкованіе — ṫarsrulϑa maϑ ȷamϑa *въ минувшія времена*:

O პირველად+¹გუშინ და ძუღუანცა҃+ — M გუშინ და შესამესა მათ დღეთა [1].
²წარსრულთა მათ ჟამთა

Первоначальность чтенія въ такихъ случаяхъ съ однимъ ďuğ-an или ďuğ-wan, нашедшимъ наиболѣе точную грузинскую передачу въ pırvel (ново-г. pırvel-ad), встрѣчаетъ независимое подтвержденіе въ томъ, что тамъ, гдѣ теперь M читаетъ gušın da ďuğan dğeϑa или gušın da ďuğan въ соотвѣтствіи греческому καθὰ χθὲς καὶ τρίτην ἡμέραν Іис. Н. 4,18 и ἀπ' ἐχθὲς καὶ τρίτης ἡμέρας Іис. Н. 20,5, сирійская версія (P) обходится также простымъ выраженіемъ ܡܢ ܩܕܡ, совершенно равнозначущимъ др.-л. ďuğ-an ‖ ново-г. pırv-el (pırvel-ad), въ первомъ стихѣ — ܐܝܟ ܕܡܢ ܩܕܡ, во второмъ — ܡܢ ܩܕܡ ܘܬܠܬܐ.

Морфологически mo-ďğuar-ı представляетъ собою nomen actoris, съ префиксомъ mo-, основу отъ взращеннаго функціональнымъ r (‖ l, b и др.) вида корня ďğw-r въ полногласной формѣ прич. д. залога по шипящей группѣ (qoman): -ďğow-a-r (форма свист. типа звучала бы -*ďğow-e-l). Простой видъ корня появляется или въ стянутой формѣ того же причастія на „e“, огласовку 2-го коренного (по типу qmen), или въ созвучной съ ней формѣ аориста -ďğew, что также можетъ перероditься въ -ďğu, и въ такомъ случаѣ, какъ часто, u—сліяніе, по грузинской нормѣ, группы we < ew (‖ ve < ev почти всегда графич., иногда и фонет.), т. е. сложный звукъ, представляющій и огласовку „e“ 2-го коренного и послѣдній (3-й) коренной w (‖ v > m).

Корень ďğw ‖ ďğv наличенъ и съ паденіемъ аффриката ğ въ исчезающій спирантъ въ составѣ двухъ согласныхъ ďw ‖ ďv > ďm въ разновидностяхъ той же формы, въ какой дошла до насъ основа интересующаго

[1] Ср. выше, стр. 321.

насъ слова mo-d̆g̃uar, то полногласной—d̆ow-e-l > d̆uʳvˡ-e-l, то стянутой— d̆u- < d̆ew || d̆ev > d̆em, но вопросъ, произошло ли это паденіе g̃ какъ 2-го или какъ 1-го коренного. Вопросъ самъ собою возникаетъ при наличности стеченія d̆g̃, такъ какъ въ этомъ стеченіи имѣемъ одну изъ такъ называемыхъ гармоническихъ группъ сибилянтной вѣтви яфетической семьи языковъ, въ частности грузинскаго языка. Въ угоду имъ, гармоническимъ группамъ, смежные звуки корня мѣнялись мѣстами, 1-й со 2-мъ и 2-й съ 3-мъ согласнымъ. Болѣе того, съ 3-го мѣста согласный въ корнѣ перемѣщался на 2-е, чтобы съ 1-мъ кореннымъ составить излюбленную гармоническую группу. Такой перемѣщенный видъ представляетъ d̆g̃v *насыщаться*, аор. a-d̆g̃o (< a-d̆g̃v-a) *онъ насытилъ его*, отгл. имя d̆g̃-o-m-a (< d̆g̃v-o-m-a) *насыщеніе, насыщаться*; въ угоду гармонической группѣ d̆g̃ перемѣщенію подвергся корень въ первоначальномъ видѣ звучавшій — *d̆vg̃; это — яфетическій эквивалентъ семитическаго sbꜫ || šbꜫ: арб. شبع *онъ насытился*, евр. שָׂבַע и שָׂבֵעַ, сир. ܣܒܥ. Гармоническія группы двояко вліяли на измѣненіе составлявшихъ ихъ согласныхъ: происходило 1) перемѣщеніе первоначальнаго порядка входящихъ въ группу звуковъ и 2) сонорное ихъ перерожденіе по тремъ ступенямъ движенія согласныхъ звуковъ отъ глухой черезъ звонкую къ средней. Такъ звонкость иная у входящихъ въ составъ гармонической группы согласныхъ, когда корень приведеннаго выше грузинскаго глагола (d̆g̃v) со значеніемъ „насыщаться“ всплываетъ съ первоначальнымъ порядкомъ коренныхъ (*d̆vg̃) въ значеніи „быть полнымъ“, и интересующіе насъ коренные d̆-g̃ оказываются на низшей ступени (*s-h || s-s)— svs (<*svh) > ʳhˡvs: г. savs-e *полный*, діалект. sams-e > saφs-e id., н. avs + e-b-s (<*havs + e-b-s) *наполняетъ*; соотвѣтственно по шипящей группѣ тотъ же корень звучитъ ʳhˡφш: ч̆. oφш-a (< *hoφш-a) *полный*, м. ebш-a > eφш-a (< *heφш-a) id., аор. м. ı-oφшə *онъ наполнилъ* и т. п.[1].

Выясняется, что въ нашемъ корнѣ аффрикатъ занимаетъ 2-е мѣсто по перемѣщенію съ 1-го мѣста, такъ что прообразы его основъ двухъ типовъ, трехсогласнаго и двухсогласнаго, если не касаться пока вопроса о степени звонкости перемѣщаемаго согласнаго, по одной свистящей группѣ представятъ слѣдующую сравнительно-историческую картину въ двухъ рядахъ:

a) *(g̃d̆ew || g̃d̆ev > g̃d̆em) ∾ d̆g̃ew || d̆g̃ev > d̆g̃em.

b) *(γd̆ew || γd̆ev > γd̆em) > d̆ew || d̆ev > d̆em.

И въ тотъ, и въ другой рядъ входятъ еще взращенные функціональнымъ согласнымъ — природнымъ s, заим. n > l (|| r, изъ шип.), b — виды корня съ полногласіемъ той же формы по шаблону qomen (+|| шип. qoman).

[1] Значенія „быть полнымъ“ этотъ яфетическій корень не чуждъ и въ разновидности d̆g̃v *насыщаться* (см. ниже, стр. 325, прим. 2).

a) Трехсогласный типъ корня —

1) Корень d̆ğw || d̆ğv на лицо въ формѣ отглагольнаго имени страдательнаго залога d̆ğ-o-l-a (<*d̆ğw-o-l-a) *предводить*, н. u-d̆ğu-e-b-ı (< u-d̆ğow-e-b-ı, въ ново-г. произношеніи v-u-d̆ğv-e-b-ı) || вульг. v-u-d̆ğo-b-ı (< *v-u-d̆ğv-a-b-ı) *„я предвожу его“*, собств. *„я* нахожусь *передъ нимъ“*, *„я* иду *передъ нимъ“*.

Терминъ mo-d̆ğuar-ı (<*mo-d̆ğow-a-r-ı) относится къ нему, онъ—причастіе этого глагола. Онъ буквально и не „предводитель“, и не „начальникъ“, а *„впереди* сущій || двигающійся“, *„лице* образующій || являющій“.

2) Тотъ же корень на лицо и въ формѣ отгл. имени переходнаго значенія—d̆ğu-n-a (< *d̆ğow-ᴦeˀn-a || *d̆ğov-ᴦeˀ-n-a *препровождать, подносить, приносить даръ*, отл. имя d̆ğu-e-n-ı *подношеніе, даръ*, ново-г. d̆ğv-e-n-ı, *аор.* u-d̆ğu-a-n-e *я преподнесъ ему* что-либо (*въ даръ*). По шипящей группѣ основа *d̥ğw-a-n- > d̥ğo-n- на лицо въ м. d̥ğon-a (подъ вліяніемъ грузинской огласовки и d̥ğun-a), d̥gon-a-φ-a, d̥ğon-u-a 1. *предшествовать, предводительствовать*, отсюда n-d̥ğw-e-r-ı *предводитель*, форма свист. типа, передача ожидавшагося г. *m-d̆ğᴦoˀw-e-l-ı (стр. 323), и 2. *препровождать, посылать, „посылать* въ даръ“; та же основа *d̥ğw-a-n- > d̥ğon- и въ ч. on-d̥ğon-u *препровождать, доставлять, посылать въ даръ, раздавать*.

3) Въ самомъ грузинскомъ какъ въ древне-литературномъ, такъ въ средневѣковомъ основа эта d̆ğu- || (подъ вліяніемъ огласовки шипящей группы) d̆ğo- появляется и въ нарѣчіи, но съ продвиганіемъ огласовки, разъясненнымъ уже въ связи съ закономъ о расклиниваніи согласныхъ гласнымъ [1] и наблюдаемымъ и въ аор. страд. залога этого же корня, гдѣ мы ожидали бы съ предлогомъ ṫar- — *ṫar-u-d̆ğew „я былъ *передъ* нимъ, (направляясь) въ даль“, „я *пред*водилъ имъ туда“, но находимъ лишь ṫar-u-d̆eğw, ново-г. ṫar-v-u-d̆eq̇v-ı > ṫa-v-u-d̆eq̇-ı [2]. Да и безъ предлога эта аористная основа *d̆ğew, и ея двойникъ съ огласовкой шипящей группы *d̆ğaw, обѣ также съ продвинутымъ гласнымъ — d̆eğw > d̆eğ (> d̆eq̇) || d̆ağw > d̆ağ (> d̆aq̇), сохранились самостоятельно, съ мутуаціею начальнаго согласнаго (d̆>ṫ), въ формѣ Д. II—ṫeğ-an || ṫağ-an *„передъ* тѣмъ“, *давѣча*, въ живой рѣчи ṫeq̇-an || ṫaq̇-an [3].

---

[1] *Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи.* VI (ИАН, 1913), стр. 419 сл.

[2] Случайно созвучный другой корень d̆ğv съ отглагольнымъ именемъ d̆ğ-o-m-a *насыщаться* въ первыхъ двухъ лицахъ аориста всегда теряетъ v: ga-v-d̆eğ > ново-г. ga-v-d̆eq̇ᴦıˀ но и въ немъ нѣкогда аористная основа, всегда пассивная, сохраняла еще v — *d̆ğev, съ расклиненіемъ согласныхъ—*d̆eğv>ново-г. d̆eq̇v, что и лежитъ со значеніемъ глагола „быть полнымъ“ въ основѣ г. ᴦmˀ-d̆eq̇v-ı *колбаса*, букв. „наполненный“, „начиненный“.

[3] Въ Гуріи съ наростомъ эмфатическаго гласнаго -e (др.-л. -a): ṫaq̇-an-e. Слово ṫeğ-an встрѣчаемъ еще въ *Vıs-Ramıanı*, стр. 85,8: ტეღან ეგრე შეითხე თუ ჰარავს ქალაქს შიგან სხუა გაიონახვნა მაღლური არხეა და არე განახსენებია? Однако, соотвѣтствія этому народному слову нѣтъ въ персидскомъ подлинникѣ.

4) Видъ той же основы со слитнымъ u (< ev) || o (< av)—ďğu- || ďğo-, по продвиженіи гласнаго u || o, переродился въ ďuğ- || ďoğ-: отъ него имѣемъ извѣстное уже намъ по употребленію въ первоначальной версіи св. Писанія нарѣчіе времени въ формѣ Д. II-го въ двухъ разновидностяхъ ďuğ-an || ďoğ-an [1] въ значеніи „прежде“, „*передъ* этимъ || тѣмъ“, „давеча“ (стр. 318—323).

Разновидностей той же основы какъ будто больше: напр. въ Ошкскомъ (O) спискѣ, такъ называемомъ Аѳонскомъ, Ветхаго завѣта форма ďuğuan, которую, казалось бы, слѣдуетъ воспринять какъ основу ďuğu- съ окончаніемъ -an [2], на самомъ же дѣлѣ основа и здѣсь, на мой взглядъ, та же ďuğ- || ďoğ-, но окончаніе — съ перегласовкой по шипящей группѣ, -on вм. -an, при этомъ лишь одна особенность: гласный „o“ раздвоился по грузинской нормѣ въ группу wa, изображаемую въ древнемъ (собственно въ средневѣковомъ) письмѣ въ видѣ -ვა (со средневѣковымъ произношеніемъ ვ̂ა). Безъ раздвоенія эта форма должна бы была звучать *ďuğ-on || *ďoğ-on.

5) Эту возстанавливаемую форму *doğ-on, безъ согласнаго элемента падежного окончанія — *ďoğ-o, съ тѣмъ же перерожденіемъ согласныхъ— ď > ṫ и ğ > q̇, какое наблюдено у того же корня въ грузинскомъ ṫeq̇-an, сохранили намъ мегрельскій и ч̆анскій: это м. ṫoq̇o-, съ усѣченіями ṫoq̇- и ṫo- [3] въ м. ṫoq̇o-le *прежде*, *раньше*, м. и ч̆. ṫoq̇-le, въ составномъ м. goğa-ṫoq̇-ə > goğa-ṫo *позавчера*, букв. „*прежде* вчерашняго дня“ (goğ-a < goğ-an), „*передъ* вчерашнимъ днемъ“ [4]: въ обоихъ случаяхъ вторая часть -ṫoq̇ə > -ṫo восходитъ къ полному виду ṫoq̇-on, возстанавливающемуся въ производномъ прилагательномъ м. goğa-ṫoq̇on-er-ı *позавчерашній* [5].

---

[1] Въ извѣстной рукописи Библіи, нѣкогда принадлежавшей Мцхетскому собору, нынѣ хранящейся въ Церковномъ музеѣ въ Тифлисѣ, судя по имѣющимся у меня фотографическимъ снимкамъ нѣкоторыхъ частей Пятикнижія, наблюдаются разновидности ďoğ-an (*Второз.* 4,42; 19,42), ďoğ-wan (Іис. Н. 4,18), ďuğ-an (Іис. Н. 3,4) и даже ďuwğuwan (Іис. Н. 20,5).

[2] Это объясненіе теоретически не исключается: оно соотвѣтствовало бы той стадіи развитія эпентезиса съ гласнымъ u, когда переброс̆ъ его отзвука внутри основы совершался съ сохраненіемъ его самого на мѣстѣ.

[3] Осторожность требуетъ не смѣшивать съ этимъ усѣченнымъ ṫo- (< ṫoq̇ < ṫoq̇-on другое ṫo-, также усѣченное, но изъ ṫon- и означающее *годъ*; оно на лицо въ м. go-ṫosᴦə˥ *въ прошломъ году*, ч̆. go-ṫo и go-ṫos, и въ произведенномъ отъ него прилагательномъ м. go-ṫon-er-ı *прошлогодній*. Но въ свою очередь къ „году“ едва ли можно отнести ṫoq̇ᴦə˥ въ go-ṫoq̇ᴦə˥, какъ это сдѣлано у І. А. Кипшидзе, *ГМ*, стр. 378, s. v. წო ti; правда, go-ṫoq̇ə значитъ „въ позапрошломъ *году*“, но лексически буквально въ немъ имѣемъ „про[шедшаго] *раньше*“; -ṫoq̇, resp. -ṫoq̇-ə въ немъ усѣченіе, собственно Нф. падежъ, занимающей насъ формы ṫoq̇-on. Любопытно, что въ ч̆анскомъ то же выраженіе сохраняетъ ṫo- *годъ*, и потому по-ч̆ански оно звучитъ: goṫo-ṫoq̇ Bt „въ позапрошломъ году“, собственно — „передъ прошлымъ годомъ“, потому goṫo-ṫoq̇le мнѣ объяснили въ Хопэ „за годъ до прошлаго года“, а въ Вицэ— „два, три года тому назадъ“ (*ГЧ*, s. v. წანა).

[4] І. А. Кипшидзе въ словѣ м. goğa усматривалъ нѣчто сродное съ г. ďoğ-an, во всякомъ случаѣ онъ предлагаетъ м. goğa (ц. с., s. v.) сравнить съ г. ďoğan, но этимологія м. goğ-a — иная. О ней особо. Впрочемъ падежная форма та же, лишь безъ согласнаго элемента.

[5] Въ ч̆анскомъ Нф. падежъ = чистая основа ṫoq̇ встрѣчается въ качествѣ первой части составного слова (ср. г. guш-ğam *позавчера* вм. guшin ğam) то лишь съ дезаспираціею

Видъ съ аффрикатомъ свистящаго ряда ṫ — явное обличеніе того, что во всѣхъ перечисленныхъ словахъ языковъ шипящей группы корень использованъ свистящей группы — природно-грузинскій; во всякомъ случаѣ природный эквивалентъ того-же звука по шипящей группѣ ṭ (> ḓ, см. выше ḓǧon-) подвергся фонетическому вліянію грузинской рѣчи.

6) Въ грузинскомъ корень также сохранилъ глухой ṫ вм. звонкаго d̆ не только въ разсмотрѣнныхъ формахъ ṫeǧ-an > ṫeq̇-an || ṫaǧ-an > ṫaq̇-an-e, но и въ воспроизводящемъ форму d̆uǧ-an словѣ ṫuǧ-an *„передъ* тѣмъ" и т. п.

7) Основу ṫuǧ- опять въ грузинскомъ же имѣемъ и со среднимъ аффрикатомъ q̇ вм. звонкаго ǧ въ видѣ ṫuq̇- въ формѣ на -el: ṫuq̇-el [1] *вчера*, собственно *„упреждающе* день сегодняшній", *„передъ* сегодняшнимъ днемъ", вообще *„передъ* тѣмъ или инымъ днемъ или временемъ", *„наканунѣ"*. Слѣдовательно, въ ṫuq̇-el мы имѣемъ по существу и формально грузинскую разновидность и мегрельскаго и чанскаго ṫoq̇-le, уже разъясненнаго выше.

8) Опять-таки въ самомъ грузинскомъ отъ разновидности основы ṫuq̇ съ префиксомъ m- и суффиксомъ -r [2] образовано слово m-ṫuq̇-r-ı *вечеръ*, даже получившее, по крайней мѣрѣ подъ перомъ лексикографовъ, значеніе не только *вечера*, но и *сумерекъ* (Ч²). Орб. объясняетъ его черезъ შეღამება [šeǧameba] „приближеніе *ночи*", „склоняться *къ ночи*" съ ссылкой на *Быт.* 1,5, Ч² переводитъ словами „вечеръ, сумерки", цитуя *Пс.* 29,5 въ дополненіе къ стиху изъ *Бытія*, указанному Орб. И, дѣйствительно, въ однихъ лишь ветхозавѣтныхъ текстахъ слово это встрѣчается не разъ, не два, а десятки разъ [3]. Орб. цитуетъ составное съ нимъ слово m-ṫuq-r-ıs varsku-lav-ı *вечерняя звѣзда* по стиху Іов. 9,9: это составное слово, дѣйствительно, на лицо въ цитованномъ стихѣ по Ошкской рукописи, гдѣ оно является передачей арм. գիշերավարն и греч. Ἕσπερα [4]. И всетаки коренное значеніе m-ṫuq̇-r-ı не „вечеръ". Сошлюсь на случай въ стихѣ *Пс.* 29,5, съ параллелиз-

---

послѣдняго коренного (q̇ > q) — ṫoq-ser-ı „позавчера", буквально „передъ ночью" или „прежнею ночью", то одновременно съ дессибиляціею перваго коренного toq-ser-ı въ Хопэ „нѣсколько дней тому назадъ", по Ачарьяну Bt и „позавчера", а въ Атинѣ — doq-ser-ı *вчера*. Атинская разновидность изъ всѣхъ формъ шипящей группы одна проявляетъ болѣе близкое сродство съ г. d̆oǧ-an первымъ звонкимъ коренныхъ d, дессибиляціею аффриката d̆.

[1] Эта форма получила именное окончаніе -ı и появляется дополнительно въ формѣ не то Д. падежа ṫuq̇+el+ı-sʳa¹, не то Р.—ṫuq̇+el-ıs въ томъ же значеніи *вчера*.

[2] Суффиксъ -r, каково бы ни было его происхожденіе (вѣроятно, какъ l въ el, показатель множественности или согласный элементъ падежныхъ окончаній), появляется и въ прилагательныхъ—г. ϑeϑ-r-ı *бѣлый*, г. φıϑ-r-ı *блѣдный* (ga-φıϑr-da *поблѣднѣлъ*), послѣднее отъ корня φϑ, остатка трехсогласнаго корня *ƺvıϑ < k̇vϑ прилагательнаго k̇vıϑ-el-ı *желтый*.

[3] *Быт.* 1, 8, 12, 19, 23, 31; 29, 23, *Исх.* 18, 13 (ამჟუჳსამდე), 14, *Лев.* 6, 20; 11, 24, 25 и т. д.

[4] Ч не использовалъ этой цитаты Орб., по всей видимости, потому, что слова mṫuq̇ris varskulavi онъ не нашелъ въ доступномъ ему по Московскому изданію грузинскомъ текстѣ, гдѣ, сказать кстати, тотъ же стихъ представляетъ въ цѣломъ совершенно иной своеобразный переводъ.

момъ понятій „вечеръ“ и „утро“ — მწუხრსა (m-tuq̇r-sa) განისუწნოს ტირილ-მან და ცისკარსა (ӡ̇ıskar-sa) სიხარულმან (M) *„вечеромъ* почіетъ плачъ, а *утромъ* — радость“ [1]: какъ употребленное здѣсь въ смыслѣ *утра* ӡ̇-ıs-kar-ı буквально отнюдь не означаетъ ни *утра*, ни *зари*, а есть лишь образное выраженіе соотвѣтственнаго понятія въ связи съ общими миѳологическими представленіями яфетидовъ, такъ и использованное въ параллелизмѣ того же стиха m-tuq̇-r-ı, получившее значеніе *вечера*, словарно по корню не означаетъ ни *сумерекъ*, ни *мрака*, ни въ этомъ смыслѣ — *вечера:* это *„предшествіе“* библейскаго дня, начинавшагося съ него, *упрежденіе*, *„канунъ* дня“, и лишь въ этомъ смыслѣ *вечеръ*, *сумерки*. Потому-то это грузинское слово особенно умѣстно, напр., въ *Быт.* 1,5, гдѣ начало творенія указывается съ вечера — „и былъ вечеръ (mtuq̇r-ı), и было утро: день одинъ“ [2].

9) Сюда же относится разновидность того же корня ṫkv въ той же формѣ ṫkev (> ṫkem) > ṫke: въ ṫk на лицо первая въ отношеніи сонорности ступень гармонической группы ďğ, именно ступень съ глухими представителями входящихъ въ нее звуковъ (стр. 336—337).

Значеніе этой разновидности весьма разнообразно. Языкъ попытался, судя по всему, создать для различныхъ значеній отличныя формы, отразить семасическую дифференціацію въ морфологической дифференціаціи, но успѣлъ онъ въ этомъ въ слабой степени.

ა) [ṫkev- ||] ṫkem- > ṫke въ значеніи „пасти“, собственно „быть *во главѣ* (*впереди*)“, „вести“, „гнать“, появляется лишь въ формѣ имени дѣйствующаго лица на -s — ṫkem-s-ı или ṫke-s-ı *пастухъ* [3] и произведенныхъ отъ нея глагольныхъ образованій. Отъ ея четырехъ согласныхъ, точно отъ корня m-ṫks-, въ древне-литературномъ образуется отглагольное имя mṫks-a *пасти*, н. v-mṫks-ı, аор. v-mṫks-e [4].

ბ) Тотъ же корень ṫkv > ṫk въ значеніи *рядить*, *править*, *строить*, *наряжать*, *убирать*, букв. „давать *образъ*, *форму*“ образуетъ наст. основу по 1-му кл. I-го спряж., сливая ея характеръ а съ кореннымъ v въ о (< va): отгл. имя ṫko-b-a, н. w-a-ṫko-b, аор. v-a-ṫkve(<v-a-ṫkev); отгл. имени на s—*ṫke-s— отъ этого корня нѣтъ, но слѣдъ его существованія сохранился (стр. 347).

გ) др.-л. ṫkev-a, ново-г. ṫkev-l-a *проклинать*, собственно *„посвящать* [богу или богамъ]“ въ связи со значеніемъ корня ďğw въ глаголѣ ďğu-n-a (< *ďğow-ʳeˀ-n-a || ďğov-ʳeˀ-n-a) *преподносить*, *посвящать* (ср. семасически *sa-*

[1] Въ русскомъ переводѣ Библіи, изданіи Брит. Библейскаго Общества 1878 г., *Пс.* 30,6: „вечеромъ Онъ водворяетъ плачъ, а на утро торжество“.

[2] Груз.: და იქმნა მწუხრი და იქმნა განთიად, დღე ერთ.

[3] При формѣ на s (см. ниже, стр. 329—330), можно сказать, излишенъ префиксъ m-, обыкновенно появляющійся у этого слова — m-ṫkem-s-ı, m-ṫke-s-ı, какъ то ясно и изъ эквивалентовъ по шипящей группѣ: м. ṭke-ш-ı, ṭkı-ш-ı, ч. ṭke-ш-ı, ṭe-ш-ı.

[4] Въ ново-г. отгл. имя — ʳmˀṫkes-v-a, н. v-ʳmˀṫkes-av, аор. v-ʳmˀṫkes-e.

crare), аор. др.-г. da-s-ṫkıv-a, ново-г. da-s-ṫkev-la „онъ проклялъ его“, букв. „онъ *посвятилъ* [богу или богамъ] *его*“ [1].

ვ) При другомъ значеніи—„начинаніе, начинать“, основа ṫkev образуетъ отглагольное имя съ потерею коренного v при функціональномъ b — ṫke-b-a, но аор. ı-ṫko изъ *ıṫkv-a [2]. Это значеніе находится въ связи какъ будто съ первоначальнымъ значеніемъ корня d̆ǧw || d̆ǧv > d̆ǧm, именно *лицо,* откуда, казалось бы, *„лицевая“* или *„передняя* сторона“ > „начало“. Но въ яфетической семасикѣ понятіе „начало“ находится въ генетической связи съ понятіемъ физическаго „завязыванія“, „узла“ или переносныхъ значеній — „завязи“ у плодовъ, „зачатія“ у живыхъ существъ (стр. 336), а нашей основѣ безспорно присущи и такія значенія. Существуетъ двѣ ея разновидности съ первымъ кореннымъ на низшей ступени, т. е. s вм. ṫ: одна изъ нихъ skev-, resp. skow->sku- на лицо въ глаголѣ sku-n-a *завязывать* (стр. 346), другая — въ парѣ параллельныхъ формъ sq̇ev- || *sq̇av > saq̇v- *видъ*, *образъ*, *форма* въ sq̇e-ul-ı (< sq̇ev-ul-ı) *тѣло*, saq̇-e *видъ* (стр. 336, 346).

Корень основы ṫkev- въ значеніи „начинанія“, „начинать“ теряетъ 3-й коренной, воспринимая вмѣсто него функціональный s, одинъ изъ показателей множественности: da-sa-ṫkıs-ı *начало*. Можетъ показаться, что тутъ произошла замѣна коренного v, воспринятаго какъ дѣйствительно существовавшій показатель множественности, другимъ эквивалентнымъ показателемъ того же назначенія. На самомъ дѣлѣ показатель множественности s чередуется съ показателемъ множественности b, наличнымъ въ настоящей основѣ того же глагола ṫke-b (ср. и da-sa-ṫke-b-ı *начало*), гдѣ корень представленъ лишь двумя согласными (ṫk). Показатель множественности s, природный для свистящей группы, слѣдовательно, для грузинскаго языка [3], образуетъ отглагольное имя дѣйствующаго предмета (орудія) или лица, напр. sa-q̇nı-s-ı *соха* (ср. sa-q̇nv-el-ı), sa-dgı-s-ı *шило*, м. o-dgı-ш-ı, sa-sʳuˀmı-s-ı *посуда для питья*: „чаша“, кубокъ“, „стаканъ“, sa-ṫadı-s-ı (*Vıs-Ram*. 10,8, варіантъ) *желанный* (ср. sa-ṫad-el-ı), sa-ṫʳuˀmı-s-ı *руно*, *шерсть* [4], sa-ṭurı-s-ı [5] *скопецъ*, *евнухъ*.

[1] По шипящей группѣ: м. ṭkua-l-a > ṭka-l-a *проклинать*, н. v-ṭken-q (< v-ṭkém-q аор. do-b/v-ṭkee. Не совсѣмъ устранена еще возможность связи корня съ г. ṫkr || м. ṭkr *гнѣваться* (Н. Марръ, ЗВО, XXV, стр. 16), если въ послѣднемъ имѣемъ взращенный функціональнымъ r видъ, какъ въ dg-r отъ dg (отгл. имя — dg-r-o-m-a *стоять* при dg-m-a *ставить*). Но и въ такомъ случаѣ комплексъ ṫk- останется присущимъ груз. корню „проклинать“.

[2] Въ шипящей группѣ отгл. имя м. ṭka-φ-a, ч̌. ṭka-φ-u, н. м. ı-b-ṭkan-q (< ı-b-ṭkam-q), ч̌. b-o-ṭkam и др., аор. м. ı-b-ṭkı, ч̌. b-o-ṭkı; діалектически въ ч̌анскомъ корень бываетъ представленъ однимъ 1-мъ согласнымъ, такъ въ атинскомъ нарѣчіи: н. gy-o-ṭ-am, б. ge-v-o-ṭa-re, страд. 3-е лицо II-й п. н. g-ı-ṭ-en *начинается*.

[3] Для шипящей же группы — ш.

[4] Основное значеніе этого слова подлежитъ еще опредѣленію.

[5] По отвлеченіи префикса, ṭurı-s-ı представляетъ интересъ по сопоставляемости съ терминомъ, наличнымъ въ семитическихъ языкахъ, но, повидимому, заимствованнымъ изъ

Сюда же относится образованіе имени дѣйств. лица безъ префикса ṫkes-ı или ṫkem-s-ı *пастухъ*[1].

b) Двухсогласный типъ корня —

1) Разновидность этого типа, со звонкимъ представителемъ перваго коренного въ грузинскомъ на лицо или въ архаичной стянутой формѣ прич. д. залога d̆ew || d̆ev (въ позднѣйшей d̆u) и въ архаической формѣ страд. залога d̆im, или въ полногласной формѣ прич. д. зал. при взращенномъ функціональнымъ l видѣ корня — d̆ow-e-l (> d̆u-e-l, ново-г. d̆vel), однако въ особыхъ значеніяхъ, иногда въ зависимости отъ предлога —

ɜ) такъ, въ связи съ предлогомъ gan- > ga- [*сторона*>] „въ *сторону*", „от-" въ древне-литературномъ существуетъ глаголъ—gan-d̆ev-eb-a, также gan-d̆ev-a, равно gan-d̆e-b-a *гнать*, буквально: *„отъ лица* или *съ лица устранять"*, въ повогрузинскомъ діалектически ga-d̆u-e-b-a (< ga-d̆ev-e-b-a) по существу id., но по употребленію оно — съ оттѣнкомъ презрѣнія къ изгоняемому[2].

ბ) въ связи съ предлогомъ mo- *сюда* въ грузинскомъ существуетъ глаголъ mo-d̆ev-a *находить*, но это значеніе проявляетъ связь съ основнымъ значеніемъ кбрня *лицо* > „обращеніе *лица*" > „направленіе", „устремленіе" || „исканіе">„попаданіе" || „нахожденіе". Сама основа подверглась нѣкоторой дифференціаціи въ различныхъ значеніяхъ: α) *исканіе, искать* — если не въ формѣ d̆e-b-na, н. e-d̆e-b-s, аор. e-d̆eb-a, отл. имя mo-d̆e-b+n-a[3], то въ

яфетическихъ: евр. סָרִיס *евнухъ*, ܣܪܝܣܐ и др. Семитическіе глаголы, приводимые какъ его корни, имѣютъ видъ второобразныхъ, отыменныхъ глаголовъ; попытка Jensen'а объяснить терминъ изъ асс. „ša-rīši" свидѣтельствуетъ лишь объ исканіи источника. Вопросъ о происхожденіи этого чрезвычайно важнаго въ религіозномъ и вообще культурномъ быту Передней Азіи термина во всякомъ случаѣ требуетъ пересмотра въ связи съ данными, вскрываемыми яфетическимъ языкознаніемъ. Безспорно пока одно: основа грузинскаго слова ṭur- — типа шипящей группы, его спирантная разновидность kur сохранена hайскимъ kuṛ > kur (въ отношеніи фонетическаго соотвѣтствія ср. h. kır *ношеніе, страданіе, нужда, страсть* при г. ṭır-ı *нужда, страда* и т. п., г. ṭır-s *переноситъ*, г. ṭır-ı-a *ему нужно* и т. п.) въ составѣ kur-t *евнухъ*, также съ яфетическимъ показателемъ множественности t въ качествѣ суффикса. Къ этимологіи слова вернемся особо.

[1] См. выше, стр. 328. Разновидность ṫkem-s-ı могла бы внушить мысль, что въ s данной основы — мѣстоименный суффиксъ 3-го лица ед. числа, какъ въ словахъ qam-s-ı *должный*, ǧır-s-ı *достойный*, ı-d̆rv-ı-s-ı *движущійся* и т. п., но не касаясь семасическаго различія формъ съ показателемъ множественности и формъ съ мѣстоименнымъ суффиксомъ, параллельныя къ ṫkem-s-ı равнозначущія формы г. ṫkes-ı (m-ṫkes-ı), м. ṭkeш-ı, ṭkıш-ı, ч. ṭkeш-ı, ṭeш-ı ставятъ внѣ спора, что и ṫkem-s-ı относится къ образованіямъ съ показателемъ множественности s. Къ нимъ относится и ново-г. ma-qnı-s-ı *дѣятель* во фразѣ: რის მაქნისია?

[2] По созвучію ga-d̆u-e-b-a могло бы казаться сроднымъ съ г. d̆u-a *волосъ лошадинаго хвоста*, съ которымъ нашъ глаголъ такъ же не имѣетъ ничего общаго, какъ и съ a-d̆u-e-b-a || a-d̆uv-e-b-a *быть въ охотѣ, гуляться*, произведеннымъ отъ d̆u *самка*.

[3] Въ глаголѣ d̆eb-n-a, сохраняющемъ b и въ аористѣ, этотъ губной звукъ едва ли функціональный, и если дѣло имѣемъ съ яфетическимъ корнемъ d̆b въ значеніи „искать", то при 3-мъ исчезающемъ спирантѣ, эквивалентѣ семитическаго ع (арб. ع, евр. ע,

древне-л. разновидности d̆ie-ƀ-a (<d̆ıv-e-ƀ-a), н. e-d̆ı-e-ƀ-s, аор. ı-d̆ı-a, отгл. имя d̆ı-e-ƀ-a; β) *нахожденіе, находить* — mo-d̆ev-a, н.-б. mo-ı-d̆ev-s, аор. mo-ı-d̆ı-a < mo-ı-d̆ıv-a.

ɣ) Корень d̆w ‖ d̆v съ функціоналлнымъ придаткомъ l на лицо и въ г. прилагательномъ съ суффиксомъ -el, собственно въ полногласной формѣ прич. д. зал.: др.-л. d̆u-e-l-ı (< dow-e-l-ı) *прежній, первый, древній, старый*, ново-г. d̆v-el-ı; точный эквивалентъ по шипящей группѣ этого двухсогласнаго корня d̂w усвоенъ и двуприроднымъ сванскимъ языкомъ, причемъ тогда какъ въ языкахъ шипящей группы соотвѣтственное прилагательное появляется или съ функціональнымъ ш (стр. 329, прим. з), такъ м. d̂ve-e-ш-ı и м., ч. d̂ve-ш-ı (ч. d̂w-e-ш-ı, m-d̂w-e-ш-ı) *старый, древній*, или безъ него — ч. d̂w-e *старый, древній*; сванское слово проявляетъ сугубое образованіе — α) съ собственнымъ n и β) съ его грузинскимъ видомъ l: св. d̂w-ı-n-e-l *древній, старый*, у, хл, м d̂ü-n-e-l.

Въ чанскомъ для усиленія степени древности примѣняется повтореніе слова съ перегласовкой «е» въ u: m-d̂veш-ı m-d̂vuш-ı *древній, предревній*. Огласовка слова m-d̂v-u-ш-ı (< m-d̂u-u-ш-ı) представляетъ интересъ при сопоставленіи съ нашимъ словомъ эквивалентнаго халдскаго du-u-j-ı [1] или, если предшествующій ему всегда слогъ ba дѣйствительно префиксъ, — ba-duuj-ı, иногда и ba-duj-ı *древній, ветхій, развалившійся*. Въ d имѣется дессибилованный представитель d̂ (‖ d̆), если это не дефектъ клинописнаго алфавита.

ƨ) Разновидность со звонкимъ первымъ кореннымъ въ формѣ страд. причастія d̆ım безспорно на лицо, пока спорна лишь сторона семасической ея связи съ нашимъ корнемъ. Она представлена въ прилагательномъ d̆ım-e, resp. m-d̆ım-e *беременная* (формально ср. ниже tıφ-e, resp. m-tıφ-e *спѣлый, зрѣлый*). Обычное отвлеченное значеніе этого прилагательнаго „тяжелый“ представляетъ вторичную, даже третичную, если не болѣе дальнюю, ступень развитія.

Третичная ступень семасическаго развитія ближайше могла бы выйти изъ физіологическаго представленія о беременности: m-d̆ım-e *зачавшая, беременная, тяжелая, тяжелый*, а не наоборотъ, какъ это обыкновенно представляется. Такова же, кстати, была бы послѣдовательность значеній и мегрельскаго слова mo-ka > mo-n-ka *беременная; тяжелый, трудный*

сир. ܒ), въ нашемъ яфетическомъ корнѣ (*d̆bʒ) на лицо двойникъ сир. ܒܥܐ ϑbaƐ *искалъ, требовалъ* и т. п., ср. г. sm (отгл. имя sm-e-n-a) *слышать* при арб. سمع *онъ слышалъ* и его прочихъ семитическихъ эквивалентахъ. Впрочемъ это сопоставленіе само по себѣ еще не предрѣшаетъ вопроса о происхожденіи корня, его первоначальнаго значенія физическаго порядка и его семасической исторіи.

[1] Можно читать и duuш-ı, халдовѣды-графисты читаютъ duus-ı.

(ч̆. mo-n-ka и mu-n-ka *тяжелый*); корень мегрельскаго и ч̆анскаго словъ, усвоенный изъ языка спирантной группы (k < k̇, низшая ступень—ħ), наличенъ и въ грузинскомъ въ видѣ слова ma-ke, означая исключительно „стельная“. Что касается реальной смысловой связи съ нашимъ корнемъ, то понятіе о **зачатіи** ему присуще на нѣсколькихъ линіяхъ его семасическаго развитія (стр. 329, 336).

Съ нашимъ корнемъ однако можно связать основу ďım и при значеніи „тяжелый“, какъ болѣе древнемъ. Но въ такомъ случаѣ семасически придется подходить черезъ разновидность ṫev въ значеніи *тянуть* (см. внизу, прим. 1). Послѣдовательность семасическаго развитія тогда будетъ представлена расположеніемъ значеній въ порядкѣ—„тяга“, „тяжесть“, „бремя“, „беременность“ и т. д.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ не можетъ вызывать сомнѣнія съ формальной стороны — ни фонетически, ни морфологически — генетическая связь разновидности ďım съ обсуждаемымъ корнемъ.

2) Тотъ же типъ корня имѣется съ глухимъ представителемъ перваго коренного по свистящей группѣ — ṫv, по шипящей — ṭv.

ა) Грузинскій глаголъ ṫev-n-a *настигать*, *достигать*, обыкновенно съ предлогами — mı-ṫev-n-a, mo-ṫev-n-a, представляетъ синонимъ глагола ďev-a *находить* (стр. 330—331), отличающагося отъ него лишь звонкостью перваго коренного. И здѣсь на лицо по формѣ аористной къ ṫev- основы ṫı взращенная сибилянтомъ разновидность по шипящей группѣ, слѣдовательно, ṭı-ш: м. ṭıш-аφ-а *поспѣвать*, *догонять*, *доживать*, *случаться*, ч̆. me-ṭıш-u *достигать*, *догонять* [1].

ბ) Сюда же примыкаетъ прилагательное, собственно страдательное причастіе ṫıφ-e *спѣлый*, буквально *достигшій*, отъ несохранившагося глагола *ṫe-φ-a (м. ṭa-φ-a, n-ṭa-φ-a *достиженіе*, *достигать*, ч̆. mo-n-ṭa-φ-er-ı *спѣлый*, *зрѣлый*), разновидности глагола ṫev-a. Отсюда глаголъ mo-ı-ṫıφ-a *достигъ зрѣлости* (объ юношѣ) (ქსე რამინ იზარდებოდა და რა მოიწიფა *Vis-Ram*. 9,23), mo-ṫıφ-ul-ı *возмужалый*. Однако основа ṫıφ въ древне-литературномъ сохранилась и со значеніемъ „достигать“ въ выраженіи q̣el-e-ṫıφ-eb-ı-s „рукою онъ достигаетъ“ въ значеніи „онъ можетъ“ [2] > „онъ — властенъ“ > „онъ имѣетъ право“, отсюда q̣el-m-ṫıφ-e-y *властитель*, *государь* [3], q̣el-m-ṫıφ-e-b-a-y *мочь* > *власть* > *право*.

---

[1] Находится ли ṫev-a *тянуть* въ генетической связи съ нашимъ корнемъ, еще вопросъ, хотя лексикографы объединяютъ его въ одно гнѣздо съ ṫev-a *догонять*, такъ, напр., Чубиновъ. То или иное рѣшеніе зависитъ отъ окончательнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи m-ďım-e съ его значеніями 1) *тяжелый* и 2) *беременная* (см. стр. 331—332).

[2] Ср. семасически арм. ďern-ħas.

[3] Ср. семасически ħ. ıшq̇-an отъ глагола ıшq̇-el.

Этотъ видъ корня въ значеніи и „достигать“, „настигать“ и „поспѣвать“, „назрѣвать“ по спирантной вѣтви представленъ корнемъ лишь въ составѣ одного перваго согласнаго въ его закономѣрномъ перебоѣ на низшей ступени h, resp. y, иногда, діалектически, съ потерею и его, а иногда съ возстановленіемъ послѣдняго согласнаго w: св. li-he *достигать, настигать*, li-hi *поспѣвать, зрѣть* (аор. ad-hān < *ad-hawn *онъ созрѣлъ*), mə-hi *спѣлый, зрѣлый*, mə-yi id., u-ha *незрѣлый*, u-m-ha id. и др. Основы дѣйств. he- ‖ ha-, если даже не касаться страдательнаго hi-, могли бы появиться со взращеннымъ корнемъ по сибилянтному типу, напр. *he-s ‖ ha-s: свидѣтельство существованія послѣдней—въ языкахъ Арменіи (стр. 347—348).

ვ) Къ основѣ *ṫev корня свистящей группы ṫv, поставленной въ знакомой падежной формѣ на -an—*ṫev-an, восходитъ основа, использованная чанскимъ языкомъ для производства наличнаго къ вицскомъ его говорѣ прилагательнаго на -er (огласовка отъ типа свист. группы — -el)—ṫi-+an-er-i (*ṫev-an-er-i) *древній*, собств. *прежній* отъ *ṫev-an *прежде, предъ* [1].

ზ) Съ другой стороны, весьма вѣроятно, что эквивалентъ той же разновидности по шипящей группѣ имѣемъ въ гурійскомъ — mo-ṭv-a *насѣдка*, собственно „*глава*“ или „*водительница* [2] птенцовъ“. Слово въ названный говоръ груз. языка, несомнѣнно, заимствовано изъ шипящей группы [3]: это — мегрельское слово mo-ṭv-a съ тѣмъ же значеніемъ, въ чанскомъ звучащее mon-ṭv-a, mon-ṭv-e V. Сама форма, съ усѣченіемъ исходнаго плавнаго -l ‖ -r, восходя къ *mo-ṭvel ‖ *mo-ṭvar, представляетъ полную параллель къ формѣ ново-грузинскаго mo-ďğvar, др.-л. mo-ďğuar.

თ) Корень ṭv могъ означать не только „стоять во главѣ“, „предводить“, „начальствовать“, но и „оформливать“, „рядить“, „приводить въ порядокъ“, „устраивать“, „управлять ‖ наряжать“ [4]. Отъ него образована между прочимъ тема *ṭev > ṭe, и ее съ г. префиксомъ sa- мы имѣемъ въ г. sa-ṭe *кормило, руль*.

Перечисленныя разновидности обоихъ типовъ, т. е. и двухсогласнаго и трехсогласнаго, если остановиться на выясненіи одной лишь линіи со звонкимъ первымъ коренным свистящей группы, восходятъ къ ďğw ‖ ďğv > ďğm.

Общій интересъ можетъ представить семасическая исторія этихъ

---

[1] Касательно перерожденія грузинскаго ev въ i въ тождественной средѣ другой языкъ шипящей группы — мегрельскій — даетъ достаточно показательный примѣръ въ ṫi-ar-i *борзая собака*, словѣ самурзаканскаго говора, восходящемъ черезъ ṫe-ar-i, какъ говорятъ въ сенакскомъ говорѣ, къ г. ṫev-ar-i, resp. m-ṫev-ar-i id.

[2] Напоминаю, что грузинскій языкъ утратилъ различеніе грамматическаго рода.

[3] По-грузински въ литературѣ общеизвѣстно въ значеніи *насѣдки* слово krut-i или kruṭ-i, однако и это слово не столько „насѣдка, poule couveuse“ (Ч[1]), сколько „мать цыплятъ“ (Орб.), „*водительница* птенцовъ“.

[4] См. стр. 347, ср. трехсогласную разновидность того же корня ṫkv (стр. 328).

многочисленныхъ и, спѣшу оговориться, отнюдь не разсчитанныхъ на исчерпанность разновидностей нашего яфетическаго корня. Въ настоящемъ изложеніи отсѣчены еще особыя значенія даже приведенныхъ разновидностей корня. Я почти совершенно не коснулся разновидностей съ губнымъ коренным не только m, какъ то указано въ формулѣ сравнительно-исторической фонетики корня (стр. 333: ďğm, ср. стр. 324), но и съ b, примѣра чего не приведено и въ ней. Но въ сообщенномъ матеріалѣ достаточно данныхъ для освѣщенія съ новой стороны одного семасіологическаго явленія. Яфетическая семасика широко допускаетъ использованіе частей тѣла въ значеніи какъ предлоговъ, resp. послѣлоговъ, такъ нарѣчій мѣста и времени, — нарѣчій, или самостоятельныхъ или играющихъ также роль предлоговъ, resp. послѣлоговъ. Это обстоятельство и побуждало насъ искать первоначальное значеніе въ соотвѣтственныхъ матеріалахъ. Значеніе „древній", „давній", „прежній" и „первый", при безспорной нынѣ уже установленной связи грузинскаго числительнаго pirvel-i съ г. pir-i *лицо* [1] давало намъ основаніе за корнемъ ďğw ‖ ďğv > ďğm первоначальнымъ значеніемъ признать *лицо*, „*лицевая* часть", „*передняя* часть", отсюда и „первенствованіе, водительство, предводительство, главенствованіе", отсюда и „водительство предъ чье-либо лицо, подношеніе, посвященіе", отсюда и „упрежденіе, предстояніе" въ мѣстѣ — *передъ*, *до* или во времени — *прежде*, *раньше*, равно „прежній, давній, древній", не говоря о рядѣ еще другихъ понятій, которыя могутъ быть связаны съ основнымъ его значеніемъ *лицо*, какъ то „личина", „образъ", „форма", „способъ" и т. п. (см. также 329).

При такомъ громадномъ семасическомъ развитіи этого корня въ яфетическихъ языкахъ, большой интересъ представляетъ нахожденіе его семитическаго эквивалента.

Корень ďğw ‖ ďğv > ďğm (по шипящей группѣ ḓğw ‖ ḓğv > ḓğm) въ реальности появляется, если исключить особые случаи позднѣйшаго расклиниванія, всегда со стеченіемъ 1-го и 2-го коренного ďğ ‖ ḓğ, а это по фонетикѣ сибилянтной вѣтви яфетическихъ языковъ одна изъ тѣхъ гармоническихъ группъ, въ которыя переставляются участвующія въ немъ звуки, въ какомъ бы порядкѣ они ни слѣдовали первоначально въ качествѣ коренныхъ (стр. 324). И въ нашемъ случаѣ имѣемъ не первоначальный порядокъ коренныхъ, а перемѣщенный, какъ еще, напр., въ г. ṭk̇ap-a [2] > ḓğab-a > ϑq̣ap-a

---

[1] Вопроса я касался въ *Опредѣленіи языка второй категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей по даннымъ яфетическаго языкознанія* (ЗВО, XXII), § 24, стр. 59=отд. отт., стр. 29. Подробнѣе о томъ же въ печатающемся мною учебникѣ грузинскаго древнелитературнаго языка.

[2] Имер. ṭk̇ap-n-a „нескладно писать", см. В. Беридзе, *МЯЯ*, VI, s. v.

(ϑ̣q̇ab-a) *онъ выводилъ каракули, плохо писалъ, вараксалъ*[1], гдѣ на лицо гармоническія группы ṭk, ḍǧ, ϑ̣q̇, получившіяся въ результатѣ перемѣщенія, въ угоду той же групповой гармоничности, коренныхъ согласныхъ — kṭ, ǧḍ, q̇ϑ̣, такъ что корень въ первоначальномъ порядкѣ его согласныхъ по тремъ его разновидностямъ звучитъ kṭp, ǧḍp, q̇ϑ̣p, а это — яфетическіе эквиваленты по шипящей группѣ семитическаго корня qϑb *писать*: арб. كتب, евр. כתב сир. ܟܬܒ и др. Случаи дессибиляціи аффрикатовъ наблюдаются и въ яфетическихъ эквивалентахъ этого корня, такъ въ самомъ грузинскомъ имѣемъ имерскую разновидность ḍǧb (<*ǧdb) въ глаголѣ ḍǧab-n-a *вараксать*[2].

По свистящей группѣ, корень этотъ не сохранился, иначе соотвѣтственный рядъ гармоническихъ группъ звучалъ бы — kṫ > ǧḋ > q̇ϑ̇, а наличные глаголы грузинскимъ языкомъ заимствованы именно изъ языковъ шипящей группы, въ свою очередь ихъ утратившихъ[3].

Однако перемѣщеніе, вызываемое гармонической группой, связано, какъ было указано (стр. 324), съ измѣненіями иного характера.

Во-первыхъ, гармоническая группа безусловно требуетъ сведенія стекающихся въ ней согласныхъ звуковъ къ одной и той же ступени звонкости, или глухой, или звонкой, или средней, въ ней глухой не можетъ сочетаться ни со звонкимъ, ни со среднимъ и т. п., и разноступенные въ этомъ отношеніи при первоначальномъ порядкѣ согласные звуки, напр., 1-й глухой + 2-й звонкій, перемѣстившись въ гармоническую группу 2 + 1, становятся одинаково звонкими по регрессивной ассимиляціи съ кореннымъ, попавшимъ со 2-го мѣста на 1-е.

Во-вторыхъ, гармоническая группа спеціально въ свистящей группѣ, слѣдовательно, въ природномъ слоѣ грузинской рѣчи требуетъ въ большинствѣ и сведенія стекающихся въ ней согласныхъ звуковъ къ одному типу въ отношеніи «аффрикаціи», т. е. простой звукъ перерождается въ аффрикатъ, попадая въ гармоническую группу, съ однимъ аффрикатомъ по первоначальному виду.

Законъ этотъ, естественно, не полностью осуществляется, когда сибилянтный аффрикатъ падаетъ въ соотвѣтственный сибилянтъ или представленъ этимъ слабымъ согласнымъ, напр. когда по свистящей группѣ

[1] Отъ ḍǧb „выводить *каракули*“ имѣемъ производное, съ помощью суффикса -ar-t > ar-d, имя сущ. ḍǧab-ard-ı *каракули* > *путаница*, какъ ṫkıp-art-ı *щелчекъ* отъ ṫkp *сѣчь, драть, бить* (ṫkep-a).

[2] В. Беридзе, ц. с., s. v.

[3] Что касается спирантной вѣтви яфетическихъ языковъ, корень этотъ представляетъ большой интересъ, бросая своей исторіею свѣтъ на вкладъ яфетическаго міра, въ данномъ случаѣ яфетичскаго культурнаго представленія не только въ языки Арменіи, но и въ значительно болѣе отдаленную приморскую и заморскую аріоевропейскую лингвистическую среду. Объ этомъ особо.

s представляетъ ṫ или ϑ, z представляетъ ď. Потому сибилянтъ s, вполнѣ терпимый при стеченіи съ аффрикатомъ, и глухимъ (k̇) и среднимъ (q̇), въ нашемъ корнѣ можетъ появиться и въ разновидности sk̇ev (вм. ṫk̇ev) той же основы, и въ разновидности sq̇ev (вм. *ϑq̇ev).

Весьма плодовитъ самъ корень въ послѣдней разновидности sq̇v (> sq̇m). Отъ него между прочимъ образованы двѣ основы со сроднымъ, если не сказать, тождественнымъ значеніемъ: одна по формѣ шипящей группы съ огласовкой „a“ и съ продвиганіемъ ея по закону расклинивания, причемъ v въ паузѣ исчезаетъ, по образцу ṫeǧ-an > ṫeq̇-an || ṫaǧ-an > ṫaq̇-an (стр. 326), такъ именно—*saq̇v- > saq̇ въ saq̇-e *видъ, образъ, форма*[1], другая по формѣ свистящей группы съ огласовкой „e“—sq̇ev- > sq̇e-; послѣдняя появляется со значеніемъ *образъ, форма* въ составѣ слова sq̇e-ul-ı (< sq̇ev-ul-ı), букв. „оформленный“, отсюда „тѣло“ [2].

Изъ разнообразныхъ значеній перваго изъ этихъ словъ — saq̇-e (< *saq̇v-e) — надо упомянуть о замолчанномъ въ словаряхъ употребленіи его основы какъ слова, означающаго „зародышъ“, отсюда saq̇-v-a, ϑa-saq̇-va „зарождать“, „зачинать“, буквально, „оформливать“, „образовывать“. Изъ этого яснѣе всего видно, на какой семасической почвѣ возникаетъ то, что при основномъ значеніи корня *лицо, образъ > видъ || форма* одни и тѣ же произведенные отъ него глаголы съ одной стороны означаютъ „завязывать“, „привязывать“, съ другой—„пускать завязь“, „наливать“, „зачинать“ (быть можетъ, и „беременѣть“, см. стр. 331—332), „производить“, „нести (плоды)“ или „покрываться (листьями, плодами)“, съ третьей — „начинать“. Однако при установленіи исторіи семасическаго развитія этой группы словъ нельзя исходить изъ отвлеченнаго понятія „начинать“, какъ оно ни просто.

Сообразно съ положеніемъ о гармоническихъ группахъ занимающій насъ корень свистящей группы ďǧw || ďǧv > ďǧm, и по возстановленіи первоначальнаго порядка его согласныхъ—*ǧďw || *ǧďv>*ǧďm, нельзя еще счесть

[1] Это слово не надо смѣшивать съ saq̇-el-ı *имя* съ основой saq̇ отъ глагола zaq̇-a (< saq̇-a), всегда съ префиксомъ—u-zaq̇-a *онъ кричалъ ему, онъ звалъ его*, zaq̇-ıl-i *крикъ, зовъ*, въ народной рѣчи съ подъемомъ z > ď — u-ďaq̇-a, ďaq̇-ıl-ı. Діалектическія соотвѣтствія (a || o) по шипящей группѣ грузинскому saq̇-el-ı также съ подъемомъ ȷ > ḑ—м., ч. ḑoq̇-o *имя*, но сванскій языкъ сохранилъ корень типа шипящей группы съ первымъ согласнымъ на низшей ступени, общей съ г. др.-л. z и съ первоначальной огласовкой, наличной и въ грузинскомъ: св. ȷaq̇-e *имя* (См. Н. Марръ, *Опредѣленіе языка второй категоріи Ахем. клинообразныхъ надписей по даннымъ яфет. языкозн.*, § 60). Корень и у этого слова двухсогласный по утратѣ слабаго w || y, если судить по сем. эквиваленту: арб. صاح s̱āḣa *онъ кричалъ, вопилъ*, сир. ܨܘܚ ṫwaḣ *онъ кричалъ* (въ евр. отъ того же корня съ w образовано имя въ значеніи „*крика* радости“).

[2] Въ *Быт.* 36,6(4) по тексту M — ყოველნი სხეულნი სახლისა მისისანი — sq̇eul-n-ı передаетъ греческое чтеніе LXX τὰ σώματα, тогда какъ по O читается ყოველი კაცი სახლისა თჳსისა, причемъ kaϑ-ı *человѣкъ*, вм. sq̇eul-n-ı *тѣла*, передаетъ вмѣстѣ съ mardik *люди* армянской версіи чтеніе сир. и евр. текстовъ „душа“, resp. „души“: ܢܦܫܬܐ, נַפְשׁוֹת.

качественно первоначальнымъ, такъ какъ ǧ, извлекаемый нынѣ изъ гармонической группы, обязательно долженъ былъ стать звонкимъ и аффрикатомъ въ зависимости отъ ď, если даже онъ первоначально былъ не звонкимъ, а глухимъ (ḱ), и не былъ даже аффрикатомъ, т. е. если онъ былъ—k. И въ самомъ дѣлѣ предположительно возстанавливаемый такимъ образомъ первоначальный видъ также имѣетъ въ одномъ грузинскомъ языкѣ рядъ разновидностей (kďm > kdm, gďv>gdb [resp. gd-b], qϑv и т. п.) съ многочисленными производными отъ нихъ словами, глаголами и именами: среди нихъ я останавливаюсь на одномъ лишь глаголѣ отъ разновидности—kdm [1]. Глаголъ этотъ представляетъ большой интересъ въ семасическомъ отношеніи, раскрывая развитіе моральныхъ понятій и представленій отъ образно воспринимаемыхъ названій физическаго порядка. Впрочемъ востоковѣдамъ хорошо извѣстно, что „вода лица" въ персидскомъ означаетъ „честь", „совѣсть", и, казалось бы, грузинское piris-ṫkal-i въ томъ же значеніи, равно народное u-pir-ṫkl-o *безчестный*, *безсовѣстный* грузинамъ, да и вообще яфетидамъ, привито иранцами. Но не обратно ли, если вообще есть надобность говорить о заимствованіи такого семасическаго развитія понятій и представленій, если это не общечеловѣческое явленіе. Во всякомъ случаѣ въ грузинскомъ pir-i *лицо* также имѣетъ значеніе не только весьма слабо отмѣчаемое въ словаряхъ „вѣрность" (слову), „преданность", но и „честь", „совѣсть", „стыдъ", отсюда u-piro — въ живой рѣчи приходилось сплошь и рядомъ слышать въ значеніи „безстыжій" [2].

И въ соотвѣтствіи съ изложеннымъ, корень kdm въ формѣ kdem, первоначально означавшій *лицо*, въ грузинскомъ, да и то собственно въ древне-литературномъ, сохранился лишь со значеніемъ глагола kdem-a *стыдиться*, аор. ше-i-kdim-a *устыдился*.

И какъ этотъ корень kdm, собственно ḳdm, такъ разобранныя раньше разновидности его съ перемѣщеніемъ первыхъ двухъ согласныхъ въ гармоническую группу по свистящей группѣ ďǧ [3] — ďǧw || ďǧv > ďǧm являются яфетическими, понятно, опять таки по свистящей группѣ, эквивалентами сем. ḳdm. У семитическаго эквивалентнаго корня не оказывается въ наличности первичнаго значенія, устанавливаемаго яфетическими матеріалами, хотя главныя его значенія проявляетъ и онъ, такъ [4] —

[1] Произношеніе k у многихъ грузинъ и нынѣ такое, что правильнѣе было бы писать, какъ не разъ приходилось высказываться, ḳ, слѣдовательно, корень въ данномъ случаѣ — ḳdm.

[2] Ср. арм. yeres (երես) *лицо, совѣсть*, an-eres *безстыжій* и т. п.

[3] По шипящей группѣ ďǧ.

[4] Имѣя въ виду интересы яфетидологовъ, семитическія слова снабжаю транскрипціею, притомъ яфетидологической.

Арб.: قدم ḳađama „предшествовалъ", „шелъ передъ нимъ какъ вождь"; „былъ старшимъ, начальникомъ"; II. „преподнесъ", „доставилъ", „далъ присягу"; IV. „преподнесъ", „далъ присягу"; VI. „изветшалъ, устарѣлъ"; قديم ḳadīm- „древній", „старый" (въ томъ же значеніи и другія формы); قدّام ḳađām- „царь", „князь" (въ томъ же значеніи и другія формы); قادمة ḳā-dım-aϑ- „передняя часть", „авангардъ" (въ томъ же значеніи и другія формы); تقدمة ϑaḳdım-aϑ- „даръ", „воздаяніе", „первенство", „начальство"; مقدّمة mu-ḳadım-aϑ- „передняя часть".

Евр.: *Pi.* קִדֵּם ḳidem „предшествовалъ", собств. „былъ во главѣ"; *„рано* сдѣлалъ что-либо", *Hiph.* „предложилъ что-либо"; קֶדֶם ḳedem „остріе", „то, что выдается", *нарѣч.* „передъ"; „первобытное время", „передъ тѣмъ", „давеча"; קִדְמָה *ḳıdmāh (только st. constr.) „передъ", „на лицевой сторонѣ" чего л., „напротивъ"; קַדְמֹנִי ḳadmonī „изъ древности", „древній", „минувшій"; קָדִים ḳādīm „что впереди".

Сир.: ܩܕܡ ḳdam „предшествовалъ", „раньше сдѣлалъ", *Pa.* „предшелъ", съ глаг. ܣܡ *„впереди* положилъ", *„предложилъ"*, съ глаг. ܠܫܟܡ *„утромъ* || *рано* отправился"; ܩܕܡܐ ḳadmā „первый" (и другія формы), *нар.* „раньше", „прежде"; ܩܘܕܡܐ ḳūdmā „прежняя часть", съ 'ܡ ܡܢ „издревле", „рано" (id. съ ܒ); ܩܕܝܡܐ ḳdīmā „передній", „прежній"; ܡܢ ܩܕܝܡ men ḳdīm „отъ начала".

Въ семитическихъ эквивалентахъ мы не находимъ ни полноты, если не сказать избыточности семасическаго развитія этого корня, ни основного матеріальнаго его значенія — *лицо,* которое такъ ярко выявляютъ яфетическіе матеріалы. Отчасти указанные дефекты могутъ найти объясненіе въ томъ, что съ семитической стороны приходится брать одну разновидность.

Такъ рядомъ съ ق ḳ первымъ согласнымъ въ этомъ корнѣ семитическіе языки проявляютъ ع ꜥ — ꜥdm, откуда арабскій „четырехсогласный корень" عُدْمُول ꜥudmūl *старый.* А съ этимъ сем. ꜥ мы уже ближе къ ряду исчезающихъ спирантовъ въ яфетическихъ эквивалентахъ, напр. сем. ꜥdm || яф. d̆w>d̆v, взращенный видъ d̆w-l > d̆v-l, откуда *d̆ow-e-l-ı > d̆u-e-l-ı, ново-г. d̆v-e-l-ı *прежній, первый, древній, старый* (стр. 331),

B.

1. Въ недавно вышедшемъ капитальномъ изданіи древняго, собственно средневѣковаго грузинскаго перевода эпопеи „Книга царей" — „Šah-

нāмэ“ [1] — авторъ изданія І. И. Абуладзе грузинское слово abed-ı *трутъ* признаетъ армянскимъ [2], причемъ ссылается на словарь къ изданному имъ раньше творенію Шоты изъ Рустава, гдѣ лаконически сказано въ объясненіе грузинскаго abed-ı (стр. 185): „სომხ. ჰაბეთ [арм. habeǝ]“.

Однако этотъ пріемъ — признаніе армянскимъ грузинскаго слова только потому, что оно имѣется въ армянскомъ, столь же мало надеженъ, какъ если бы кто сталъ признавать то же армянское «habeǝ» грузинскимъ только потому, что оно имѣется въ грузинскомъ.

Слово въ грузинской версіи „Шаh-нāмэ“ встрѣчается, судя по приложенному къ ней словарю, всего разъ — въ стихѣ 2798,1:

ზურაბ თქუა: «ცეცხლთა აბედი აჰა ჩამეგზნა მე გულსა»

„Зурабъ [3] сказалъ: «вотъ загорѣлся у меня въ сердцѣ трутъ для огня“.

Для насъ имѣетъ реально-историческое значеніе нахожденіе этого слова въ твореніи Шоты, очевидно, какъ вкладъ его родного месхскаго говора, именно въ 1278,3 (Аб 1229, Кб 1253):

«შენ მკუდარსა გნახავ, დავიწვი ვითა აბედი კვესითა»

«Если мертвымъ увижу я тебя, сгорю какъ трутъ отъ огнива».

При намѣчающемся народномъ источникѣ рѣчи Шоты [4] чрезвычайно интересно, что и этотъ месхскій вкладъ a-bed-ı сванскаго происхожденія.

Префиксъ a- въ сванскомъ, помимо того, что сохранилъ свой спирантъ h, замѣняется эквивалентомъ шипящей группы „o“, и это въ говорахъ княжеской Сваніи, слѣдовательно, въ говорахъ, претерпѣвшихъ особое, какъ бы дополнительное вліяніе одного изъ языковъ шипящей группы— мегрельскаго. Итакъ, сванскій эквивалентъ грузинскаго a-bed-ı имѣетъ двѣ разновидности: 1) ha-bed-ı у, м, тх *трутъ* и 2) ho-bed э, п̈, х *трутъ; грибъ, растущій на букѣ;* o-bed въ значеніи *трута* имѣется и въ мегрельскомъ.

Основа bed представляетъ форму съ огласовкой „e“, образованную отъ корня bd *горѣть*, наличнаго въ сванскомъ глаголѣ h-bd-ı-n-e *зажигать*.

Не только тотъ же корень bd, но тождественную съ нашимъ словомъ (ha-bed > a-bed) его форму a-bıd-a въ смыслѣ отглагольнаго имени *горѣніе* [> *огонь, пламя*] имѣемъ въ составномъ халдскомъ глаголѣ abıda-dubı, въ

---

[1] შაჰ-ნამე ანუ მეფეთა წიგნის ქართული ვერსიები. ტექსტი გამოსცა და წინასიტყვაობა და ლექსიკონი დაურთო იუსტინე აბულაძემ-საქართველოს საისტორიო და საეთნოგრაფიო საზოგადოების გამოცემა. ძველი ქართული მწერლობა. ტომი I. „Грузинскія версіи *Шаhнамэ* или *Книги царей.* Текстъ издалъ и предисловіемъ и словаремъ снабдилъ Іустинъ Абуладзе. Изданіе Историческаго и Этнографическаго Общества Грузіи. Древняя грузинская литература. Томъ I“, Тифлисъ 1916.

[2] Ц. с., стр. 791.

[3] Грузинская форма имени „Зоhрабъ“.

[4] Н. Марръ, *Грузинская поэма „Витязь въ барсовой шкурѣ“ Шоты изъ Руетава и новая культурно-историческая проблема* (ИРАН, 1917), стр. 442 сл.

клинописныхъ памятникахъ ванскихъ царей означающемъ „я сжегъ“ (идеогр.: [ideogram] [du-]bı), букв. „предалъ *горьнію* [> *огню*]“ или „сдѣлалъ *горящимъ*“.

Усвоенное haями или армянами, это яфетическое слово проникло и въ древне-литературный hайскій языкъ, гдѣ оно, по Бл. словарю, впервые и единственный разъ встрѣчается въ X-мъ вѣкѣ у Григорія Нарекскаго въ формѣ a-beϑ (или a-bēϑ?) во фразѣ: *կայծառ հրահանաց աբեթի վառել*. Мыхитаристы его толкуютъ такъ: „лучина [1], предметъ для зажиганія изъ холста или изъ гриба“.

2. Слово anďrew *дождь* имѣетъ различныя основанія быть яфетическимъ по происхожденію.

По значенію вмѣстѣ съ h. ϑawļ || арм. ϑawğ (< *ϑawr) *роса*, представляющимъ армянскую передачу (wa > aw) чисто грузинскаго ϑwar-ı (древне-л. ϑowar-ı > ϑuar-ı) *роса*, ново-г. ϑvar-ı [2], слово anďrew относится къ земледѣльчески интереснымъ явленіямъ. Оно въ этомъ смыслѣ примыкаетъ къ терминамъ земледѣльческой культуры, въ языкахъ Арменіи проявляющимъ преимущественно яфетическое происхожденіе [3].

Болѣе опредѣленны формальныя основанія, указывающія на яфетическое происхожденіе этого слова: anďrew, помимо префикса a- или, быть можетъ, an- [4], представляетъ собою форму сугубаго мн. числа на -re + w, эквивалента абхазскаго -ra + w, въ абхазскомъ осложненнаго третьимъ показателемъ мн. числа q, хорошо извѣстнымъ и изъ hайскаго: въ абхазскомъ этотъ тройной показатель множественности звучитъ -ra-q̥-a < -ra-q-w-a.

Корень ď тотъ же, что въ абхазскомъ a-ďə *вода*; отъ него же a-ďaďa *роса*. Въ значеніи *воды* a-ďə мн. образуетъ обычное сугубое, для неодушевленныхъ предметовъ на -q̥a (-q + w-a): a-ď-q̥à *воды*, но отъ того же корня образовано слово à-ďə-n *зима*, к, х à-ḑ̌ə-n, собственно „время дождя“ или „дождливое время“, и это производное слово мн. число образуетъ какъ простое — à-ďən-ra, напр., въ Джгердѣ, такъ тройное — à-ďən-raq̥-a, к, х à-ḑ̌ən-raq̥-a. Слово anďrew, гражданственное въ обоихъ языкахъ Арменіи, имѣетъ лишь сугубое образованіе мн. числа этого типа: -re + w (|| -ra + w).

---

[1] Լուցկի нынѣ *спичка*.

[2] По-ингилойски — ϑor (М. Джанашвили, Ingil., стр. 227), ср. ново-арм. ϑoğ.

[3] Н. Марръ, *Кавказскій культурный міръ и Арменія* (ЖМНП, 1915, іюнь), стр. 307.

[4] См. ниже, стр. 341. Само по себѣ существованіе яфетическаго префикса an- (< na- || ra- > ar-) не подлежитъ оспариванію. Этотъ префиксъ наличенъ, пожалуй, и въ h. an-ďav [„скала“ >] *пещера*, *крутизна* || h. ar-ďa-n *скала*, *камень* (ср. h. arďa-gang *эхо*, букв. „голосъ (gang || п. bāng) *скалы*“. Въ ďaw имѣемъ основу ȶam- > ϑab-, сохранившуюся съ префиксомъ ȶı- > ϑı- < sı-, а не съ удвоеніемъ (ср. Н. Марръ, *Халдская клинообразная надпись изъ села Леска Ванскаго округа*, ИАН, 1915, стр. 1733, прим. 1), въ грузинскихъ словахъ ϑı-ϑab-o *крутая скала* и ȶı-ȶam-ur-ı id. (см. Л. Меликсетъ-Бековъ, *Къ этимологіи названій «Мцхета» и «Цицамури»*, ХВ, VI, 1917, стр. 90—92, ср. его же *Въ поискахъ Страбоновой Севсаморы*, Изв. Кавк. Отд. Геогр. Общ., 1917, № 2—3, стр. 4). Нынѣ яснѣе опредѣляется и этимологія самого корня.

Нѣкоторыя сомнѣнія возбуждаетъ пока начальный слогъ an-. Можно бы думать, что онъ —

или 1) полный яфетическій префиксъ съ плавнымъ согласнымъ элементомъ na-, и слѣдовательно, n въ немъ перемѣщенъ по нормѣ языковъ Арменіи, требующей продвиженія гласнаго на первое мѣсто, какъ, напр. ən-ṫ-a-y *даръ* изъ *nı-ṫ-a-y || г. nı-ṭ-ı *даръ, талантъ (дарованіе)*;

или 2) яфетическій префиксъ въ составѣ лишь гласнаго a-, съ потерею спиранта h, т. е. вм. ha-, какъ наблюдено въ разъясненномъ уже словѣ a-beϑ (стр. 339), и n представляетъ фонетическій наростъ при зубномъ (стр. 344).

Но въ данномъ случаѣ болѣе вѣроятно, что n относится къ корню, и въ группѣ съ зубнымъ ď онъ такого же происхожденія, какъ, напр., въ hайскомъ словѣ a-nď-ən *душа*, т. е. представляетъ собою перерожденіе губного m > b [1]. И, слѣдовательно, корень не ď, какъ въ абхазскомъ словѣ, а *mď, какъ находимъ его съ подъемомъ m > b въ убыхскомъ языкѣ — bzə *вода* и въ другихъ случаяхъ. Слѣдовательно, аналитическое изображеніе нашего слова — a-nď-re-ı w [2].

3. h. hər-deh *пожаръ* — слово изъ категоріи гибридныхъ: это сочетаніе двухъ словъ, каждое изъ которыхъ означаетъ *огонь*, — аріоевропейскаго hur и яфетическаго deh.

Этимологія аріоевропейской части основана на hur = гр. πῦρ [3]. Въ отношеніи hur необходимо впрочемъ замѣтить, что оно на лицо въ грузинскомъ языкѣ съ подъемомъ h > q̇ въ видѣ q̇ur въ основѣ глагола q̇ur-eb-a *распалять, раскаливать*, q̇ur-v-eb-a *жаръ, горячка*.

Въ отношеніи h || q̇ то же соотношеніе hайскаго и яфетическихъ наблюдается и въ -deh. Безспорно яфетическое -deh сохранило огласовку, утраченную грузинскимъ и мегрело-ч̆анскимъ, такъ какъ оно въ нихъ появляется не только съ префиксомъ г. ϑe- (< se-) || м., ч̆. da- (< ḍa- < ша-), но и съ суффиксомъ г. -l (< -al) || м., ч̆. -ur (< -or) > -ır > -ər: г. ϑe-ϑq̇-l-ı *огонь*, м. da-ϑ̣q̇-ır-ı (также и ч̆. по x говору) > da-ϑ̣q̇-ər-ı, ч̆. da-ϑ̣q̇-ur-ı. Основы съ огласовкой — г. ϑeq̇ || м., ч̆. ϑ̣aq̇: h. deh представляетъ грузинскій типъ основы на предшествующей ступени ея развитія *ďeq̇ (|| м., ч. *ḍaq̇), resp. ďeh (|| ḍah), но съ дессибиляціею. Отсюда и h. ḍah *пламя, свѣтъ, костеръ, факелъ, люстра*, но изъ шипящей группы.

Корень распространенъ и въ языкахъ спирантной вѣтви, притомъ съ однимъ лишь первымъ коренным въ видѣ глухого его представителя, такъ,

---

[1] ЗВО, XXIII, стр. 206.

[2] Я сейчасъ не останавливаюсь на современныхъ діалектическихъ разновидностяхъ, въ числѣ нихъ на a-nď-ve ı-r, формѣ съ перестановкой частей сугубаго мн. числа, происшедшей, быть можетъ, и случайно — по позднѣйшимъ чисто фонетическимъ основаніямъ.

[3] Hübschmann, *AG*, стр. 469,256.

напр., въ аварскомъ — ṫa. И здѣсь вторымъ кореннымъ былъ исчезнувшій спирантъ, въ аварскомъ появляющійся въ видѣ «у» во мн. числѣ: ṫay-al.

Первый коренной, очевидно, прошелъ всѣ три ступени: ṫ > ď > ϑ̇.

Производныхъ отъ корня ϑ̇q̇ въ яф. языкахъ не мало, такъ въ одномъ грузинскомъ: si-ϑ̇q̇e *жаръ*; m-ϑ̇q̇-av-s *мнѣ жарко*, букв. „у меня есть жара (*огонь*)", ϑ̇q̇-el-ı *жаркій*, *горячій*, ϑ̇q̇-ar-ı *горячій*, *вспыльчивый*, ϑ̇q̇u-n-eb-a „*грѣть* что-либо *у огня*, обращая къ нему той или иной его стороной".

Изъ діалектическихъ разновидностей грузинскаго слова ϑ̇e-ϑ̇q̇-l-ı сейчасъ для насъ интересна — гур. ϑ̇eq̇-l-ı, если она не представляетъ, какъ это казалось мнѣ раньше, формы съ утратой коренного ϑ̇ (ϑ̇e⌜ϑ̇⌝q̇-l-ı): въ ϑ̇eq-l-ı (< *ďeh-⌜a⌝l-ı) мы могли бы имѣть основу безъ префикса съ той огласовкой, которая сохранена намъ hайскимъ -deh[1].

4. Слово h. ďawne/ı > ďawn (< *ďƨw-a-n) восполняетъ яфетическіе матеріалы, сопоставляемые въ A, a, 2 (стр. 325). Оставаясь вѣрнымъ аффрикату свистящей группы, hайское слово воспроизводитъ форму шипящей группы — м. ḑǧon-a (< *ḑǧw-a-n-a). Какъ др.-л. ďǧu-e-n-ı > ново-г. ďǧv-e-n-ı *подношеніе*, *даръ*, h. ďaw-n-e/ı, лишь діалектическая разновидность несохранившагося м., ч. *ḑǧw-a-n-e > *ḑǧo-n-e, означаетъ *подношеніе*, *даръ*, *посвященіе*[2]. Перемѣщеніе wa въ aw — особенность армянской фонетики.

Прототипъ возстановленъ въ точности не опредѣляемымъ спирантомъ ƨ[3] на мѣстѣ 2-го коренного. Слово, несмотря на замѣну звукомъ свистящаго порядка (ď) перваго коренного ḑ, несомнѣнно, вкладъ одного изъ языковъ шипящей группы, гдѣ наравнѣ съ языками свистящей группы, аффрикатъ, паденіемъ котораго является ƨ, искони сталъ 2-мъ кореннымъ: въ deym и deyp спирантъ представленъ полугласнымъ y (стр. 343).

5. Два слова deym (> dēm > dem) *лицо* и deyp (> dēp > dep) *случай* являются двумя разновидностями одного и того же яфетическаго слова съ первоначальнымъ значеніемъ *лицо*, „*лицевая* или *передняя* сторона". Значеніе „случай" слова deyp — одна изъ ступеней его семасическаго развитія, притомъ, какъ показываетъ пересмотръ относящагося сюда армянскаго матеріала, — самая послѣдняя.

Послѣдній коренной въ словахъ нашихъ представленъ двумя губными

---

[1] Ср. h. ďaw при г. ϑ̇ab въ h. an-ďaw и г. ϑ̇ı-ϑ̇ab-o, см. выше, стр. 342, прим. 4.

[2] Арменисты-аріоевропеисты и это армянское слово безспорно яфетическаго происхожденія пытались признать аріоевропейскимъ. Hübschmann называетъ аріоевропейстическую этимологію „unsicher", и тѣмъ не менѣе она занимаетъ въ его перечнѣ аріоевропейскихъ словъ армянскаго языка (*AG*, стр. 469) одинъ лишній номеръ — 259, причемъ на первомъ мѣстѣ поставленъ глаголъ ďawn-em, между тѣмъ это — новообразованіе, отыменный глаголъ: основой этого новообразованія служитъ существительное, въ свою очередь яфетическое отглагольное имя съ суффиксомъ -an (*ďw-a-n), но безъ именного окончанія шипящей группы „e" (вульг. ı).

[3] Это знакъ, выражающій любой изъ четырехъ спирантовъ: h, γ, ƥ или y.

m и p безъ звонкаго b, но въ живой рѣчи слово ďeyp, понятно, уже безъ „y“, произносятъ чаще со звонкимъ b, чѣмъ съ глухимъ p. Имѣя въ виду склонность древняго языка къ мутуаціи, я звуку p отвожу особое мѣсто въ развитіи этого корня: deym > ďeyb || deyp. Въ дальнѣйшей исторіи въ древне-л. языкѣ звукъ p долженъ бы былъ дать φ. Оба слова по огласовкѣ являются основами типа свистящей группы; слѣдовательно, характеризованные виды ихъ всѣхъ, извѣстныхъ лишь начертательно или устанавливаемыхъ фонетически, должны бы звучать: *ďeym > *ďeyb || *ďeyp.

Въ древне-литературномъ языкѣ у армянъ сошлись основы двухъ видовъ каждаго изъ двухъ словъ, одна основа съ огласовкой „e“, другая — съ ı: dem || dım и dep || dıp, а, включая фонетически устанавливаемую разновидность, также — deb || dıb.

Чередованіе e съ ı хотя характеризуетъ соотношеніе hайскаго языка (e) съ армянскимъ (ı), но въ данномъ случаѣ это чередованіе гласныхъ, на яфетической почвѣ, представляетъ собою не діалектическое, а морфологическое явленіе: форма съ e — настоящая основа, она же причастіе дѣйствительнаго залога, форма съ ı — аористная основа, она же причастіе страдательнаго залога, притомъ послѣдняя — не только въ свистящей, но и въ шипящей группѣ, потому если характеризованный видъ основъ dem, deb, dep долженъ звучать обязательно по природѣ грузинскаго языка — *ďem, ďeb, *ďep, характеризованный видъ основъ dım, dıb, dıp могъ бы звучать и по природѣ грузинскаго языка ďım, *ďıb, *ďıp, и по природѣ м. и ч. языковъ *d̂ım, *d̂ıb, *d̂ıp.

Фактически изъ этихъ именно основъ въ грузинскомъ находимъ если не ďeb (стр. 330), то ďım (стр. 331—332) и *ďıp, послѣднюю съ глухимъ аффрикатомъ и среднимъ губнымъ въ видѣ tıφ-e, resp. m-tıφ-e (стр. 332).

Древне-литературныя армянскія формы основъ распредѣлены по падежамъ: въ прямыхъ падежахъ съ e — dem, dep, въ косвенныхъ съ ı — dım, dıp. Въ прямыхъ падежахъ появляется полугласный „y“, въ стеченіи съ e изображаемый по обыкновенію одной армянской буквой ḗ (г. церк. Ḗ, г. воен. ḗ). Его нѣтъ и не можетъ быть въ косвенныхъ падежахъ, независимо отъ закона объ ослабленіи безударнаго гласнаго[1]: не можетъ быть потому, что въ языкахъ Арменіи послѣ ı полугласный „y“ не терпится.

Полугласный „y“ въ данной основѣ — спирантъ, слабый представитель аффриката яфетическаго корня ğ (стр. 324, 347 : k > ğ > q), и уже особенность фонетики языковъ Арменіи, собственно hайскаго языка — обычное перемѣщеніе y+voc. въ voc.+y, въ частности — ye въ ey (deym < *dyem, deyp < *dyep).

[1] Н. Марръ, *Грам. др.-арм. яз.*, § 54,3.

Исторія обоихъ словъ осложняется съ производствомъ отъ нихъ формъ съ префиксомъ han- > an-, именно han-deyr [„въ *лицо*“,] *передъ*, *противъ*, и an-deym-, послѣдняя съ предлогомъ y (< i) и въ косвенномъ падежѣ съ суффиксомъ -an — y-an-dim-an *передъ лицомъ*, *передъ* [1].

Индоевропеистическая точка зрѣнія арменистовъ, ввиду наличности его и, понятно, производныхъ отъ него въ иранскихъ языкахъ, признала deym > dēm иранскимъ, даже проще—персидскимъ [2]. Что касается deyr > dēr, его собственно арменисты-индоевропеисты, если не ошибаюсь, не касались, префиксъ же han- < ham- невольно напрашивался на сопоставленіе съ авест. ham-, han- *вмѣстѣ*, *со-*, но въ составѣ даннаго слова это отожествленіе вызывало сомнѣніе, почему Hübschmann ставилъ случай подъ вопросомъ [3].

Возможно, что въ han- слова han-deyr имѣемъ иранское han-, но въ такомъ случаѣ и an- въ y-an-dim-an придется признать тѣмъ же иранскимъ предлогомъ съ утратой спиранта, между тѣмъ въ иранскихъ языкахъ у эквивалентныхъ словъ этотъ начальный слогъ также безъ спиранта an- (паз. andīmānī *передъ*, *напротивъ*, пехл. andēmānīh „нахожденіе *передъ*“ кѣмъ-либо, *служба*).

Съ другой стороны, n этого слова можетъ быть фонетическимъ наростомъ при зубномъ, какъ mend̆, resp. ment вм. met *большой*, and̆uq̇, resp. antuq̇ вм. atuq̇ *уголъ* и т. п. И въ такомъ случаѣ на лицо яфетическій префиксъ—въ ha-n + deyr въ первоначальномъ видѣ, а въ y-a-n + dim-an съ потерею спиранта, какъ въ a-beϑ (см. стр. 339), если „y“ въ началѣ не замѣститель спиранта h, какъ, напр., въ арм. het ‖ yet, ибо въ такомъ случаѣ слово будетъ расчленяться такъ: ya-n + dim-an. Къ паращенію n при зубномъ за яфетическимъ префиксомъ ha- > a- примѣръ не въ одномъ h. a-n + tar̦ *роща*, *лѣсъ* [4]. Независимо отъ префикса, yandim-an стоитъ въ томъ же яфетическомъ Д. падежѣ на -an, въ какомъ стоитъ г. d̆og-an *передъ* (въ отношеніи времени) [5].

Deym сохранило первичное значеніе *лицо* [6], и лишь одно изъ производныхъ yandiman-em *обличаю* могло бы потребовать разъясненія, если бы само русское „обличать“ не облегчало установленія связи глагола съ основнымъ

[1] Въ -an имѣемъ падежное окончаніе, а не суффиксъ причастія наст. времени. Поддержку этого можно усмотрѣть отчасти и въ томъ, что глаголъ yandim+an-em сохраняетъ его и во вторыхъ временахъ, напр., аор. yandiman-eϑi.

[2] Hübschmann, *AG*, стр. 140, 194.

[3] Hübschmann, *AG*, стр. 177, 331 (на стр. 176 перечень предваряется словами: „fraglich, ob auch in“).

[4] Н. Марръ, *Яфет. элементы въ яз. Арменіи*, III (ИАН, 1912), стр. 392.

[5] Быть можетъ, тотъ же падежъ образуетъ и deyr — dip-an, напр. въ выраженіяхъ у историка Фауста ar̦ dip-an patahel *столкнуться*, букв. „сойтись *къ встрѣчѣ* [буквально ⌈*лицомъ*⌉ *къ лицу*]“, ‹i› dip-an elanel „выступить *навстрѣчу* [буквально въ *лицо*]“.

[6] Иранскіе языки сохранили это заимствованное слово съ первоначальнымъ значеніемъ: ав. daeman- *лицо*, ново-п. dīm, dīm-a (ср. h. dim-ak) *лицо*, бал. курд. dēm *лицо*.

значеніемъ основы. Отъ него же—производное dım-ak *лицо, личина, образъ*, семасически интересное для уясненія значенія h. ďew *образъ* (см. ниже). Интересъ представляетъ и использованіе его самостоятельно въ видѣ deym (deym yandıman) или съ предлогомъ—ənd deym въ значеніи предлога *напротивъ, навстрѣчу*, [буквально „*въ лицо*"] и т. п., а равно — формы yandıman въ значеніи *напротивъ, насупротивъ*.

Все это облегчаетъ представить себѣ ту сторону семасическаго развитія его двойника deyp, не сохранившаго первичнаго значенія, которая выражается въ значеніяхъ — „навстрѣчу", букв. „въ *лицо*" (ı deyp), „насупротивъ" (handeyp).

Съ другой стороны, между глаголами dım-el и dıp-el распредѣлены многія ступени семасическаго развитія глагола, образованнаго отъ основы со значеніемъ *лицо*: „обращеніе *лица*", „направленіе" (dımel), „устремленіе (dımel) || исканіе" > „попаданіе" || „нахожденіе", „стяжаніе" (dıp-el, əst dıpel [1], handıpel). Въ части *исканія>нахожденія* такое семасическое развитіе, какъ уже показано (стр. 330), поддерживается грузинскими двухсогласными разновидностями того же корня: если не ďeb-n-a *исканіе, искать*, то ďı^{r}v^{l}e-b-a *исканіе, искать* > ďev-a (mo-ďev-a) *отыскивать, находить, нахожденіе*.

Когда въ значеніи „находить", „стяжать" появляется ha-n+dıp-el, то надо вспомнить, что формально dıp имѣетъ соотвѣтствіе въ основѣ аориста ďı^{r}v^{l}-a (mo-ı-ďı^{r}v^{l}a) глагола ďev-a *находить, обрѣтать*.

Когда съ другой стороны ha-n+dıp-el выступаетъ со значеніемъ „достигать", то съ нимъ семасически сопоставляются грузинскія слова того же корня — ṫev-a *достигать, настигать* (mı-ṫeva, mo-ṫeva) и ṫıφ-e (также m-ṫıφ-e) *спѣлый*, букв. *достигшій*.

Впрочемъ наша основа проявляетъ и значенія, непосредственно восходящія къ понятію *лицо*, такъ—то же ha-n+dıp-ım „я на *лицо*" > „являюсь", deyp „къ *лицу*", „подобающе", „достойно", „подѣломъ", deyp ew deyp „мѣтко", „безъ промаха", „прямо", „*лицомъ* въ *лицо*" (ср. г. pır da pır) и т. п.

6. ďew *видъ, образъ* [2]; формально это слово представитель разъясненнаго выше (стр. 329, 333) *ṫew съ озвонченіемъ перваго кореннаго (ṫ > ď).

7. Особо стоитъ основа skıs, resp. ı-skıs со значеніемъ „начинать", „начало": отъ нея образованъ глаголъ əskəs-an-el *начинать*, ново-арм. əskəs-el или skəs-el. Она же — первая часть гибриднаго слова h. ı-skız-bən (< ı-skıs-bən) или əskız-bən *начало*, ново-арм. əskız-b: вторая часть b (въ

---

[1] Анонимъ у Себеоса, стр. 1: *ըստ դիպան արձանագրին*.

[2] Meillet, признавая ďew аріоевропейскимъ, возводилъ его вмѣстѣ съ ďoyl „отличный" къ корню g^{l}hu *лить* (MSL, 9,54), что Hübschmann лишь заноситъ въ свой трудъ съ вопросительнымъ знакомъ (*AG*, стр. 469,259).

древне-л. Им. ед. ч. -b-ən, мн. числа—-b-un-q, въ Р., Д. ед. ч.—-b-an) также яфетическаго происхожденія спирантной вѣтви, хотя корень этотъ усвоеннымъ находимъ и въ грузинскомъ: св. ı-b-n-e *начинать*, г. b-m-a *привязывать*, отсюда da-sa-b-a-m-ı *начало*, букв. какъ бы „то, къ чему надлежитъ привязать".

Глаголъ г. b-m-a значитъ также *оформить* или *образовать* > „*зачать* (плодъ)", почему въ дѣйств. залогѣ, напр. ı-b-am-s „*производитъ* (плодъ)", „выдѣляетъ изъ себя что-либо въ *формѣ*", букв. „*образовываетъ* (плодъ, листъ, наростъ)", въ страдательномъ, напр., a-bı-a „(на деревѣ) виситъ (плодъ)", букв. „*образованъ* (плодъ), собств. „(на деревѣ) *во образѣ* (плодъ)".

Въ этомъ значеніи у корня b въ грузинскомъ синонимъ sq̇m: n·ı-sq̇am-s, страд. a-sq̇ı-a [1], ново-г. sq̇mo *наростъ, чирей*. Это тотъ же корень (sq̇m < sq̇v), что въ основѣ sq̇ev- *образъ*, *форма*, отъ котораго произведено sq̇ev-ul-ı > sq̇e-ul-ı *тѣло* (стр. 329, 336). Основа sq̇ev- матеріально та же, что ṫk̇ev-, между прочимъ означающая „начинать" (стр. 329). Ея эквивалентъ въ формѣ прич. страд. залога на ı — ṫk̇ıs выясненъ уже (ц. стр.) изъ отглагольнаго имени глагола ṫk̇e-b-a *начинать* — da-sa-ṫk̇ıs-ı *начало*.

Эта эквивалентная основа съ паденіемъ 1-го коренного ṫ въ s, или съ его (ṫ) низшей ступенью (s), должна бы гласить sk̇ıs, что у армянъ съ обязательной дезаспираціею яфетическаго k̇ могло звучать skıs, и ее то съ префиксомъ ı- и имѣемъ какъ въ первой части составного слова ı-skız-b-ən > ə-skız-b-ən, ново-арм. ə-skız-b (z вм. s по ассимиляціи со звонкимъ b) *начало*, такъ въ основѣ глагола h. əskəs-an-el, ново-арм. əskəs-el ~ səkəs-el *начинать*.

Однако и у этой основы значеніе „начинать" находится въ связи съ понятіемъ „завязывать": основа ṫk̇ev, съ паденіемъ ṫ > s и дезаспираціею k̇ > k, въ самомъ грузинскомъ даетъ *skev-, resp. skow- > sku-, основу глагола sku-n-a *завязывать*, na-sku-ı [2] (> др.-л. na-skw ‖ ново-г. na-skv-ı) *узелъ*. Любопытна сама разновидность этой основы по тождеству судьбы первыхъ двухъ коренныхъ съ h. и арм. основой skıs-, которая представляется такой же эквивалентной для sku- (< skow или *skev-) основой въ значеніи „начинать", какой въ томъ же значеніи для ṫk̇ev- является въ грузинскомъ же ṫk̇ıs- (стр. 329) или какой въ значеніи „пасти" для ṫk̇em ‖ ṫk̇ev является опять въ грузинскомъ—ṫk̇es и въ мегрельскомъ—ṭk̇еш, въ чанскомъ—ṭk̇еш > ṭеш (стр. 328, прим. з).

[1] Исчезновеніе коренного m съ данномъ случаѣ находится въ связи съ особымъ явленіемъ, воспріятіемъ коренного согласнаго за функціональный, именно за образовательный элементъ настоящей основы. Во всякомъ случаѣ преждевременно съ этимъ корнемъ отожествлять и помѣщать въ одномъ гнѣздѣ sq̇m *лить*, sq̇m *класть* и еще другіе. Въ sq̇-m *лить* корень — sq̇, быть можетъ, остатокъ sq̇r (ср. sq̇ur eb-a *кропить*), разновидности, съ 1-мъ согласнымъ на низшей ступени, корня ṫk̇l ‖ ṫk̇r: ṫk̇al-ı *вода*, ṫk̇ar-o-y *родникъ*, *источникъ*.

[2] *Vis-Ram*. 8, 11: [illegible].

8. h. ṫey-s *порядокъ, правило* яфетическое plurale tantum; образованное отъ корня ṫkw, resp. ṫkv *рядить, строить, править* и т. п. (стр. 328).

У основы этого слова такъ же два вида ṫes || ṫis, распредѣляемые между прямыми и косвенными падежами, какъ у основъ ḋeym и ḋeyp (стр. 343). И какъ въ послѣднихъ, въ ṫeys, формѣ прямого падежа, полугласный „у“ есть спирантъ, пережитокъ аффриката k̇ (стр. 343), перемѣщенный съ перваго на второе мѣсто въ группѣ у + voc.: съ „е“ онъ слился начертательно въ армянскомъ письмѣ въ букву для выраженія двугласнаго է, а послѣ ı исчезъ безслѣдно.

Слово ṫey-s, resp. ṫe-s морфологически такъ же относится къ аористной основѣ ṫkev- > ṫke- грузинскаго корня ṫkv *рядить, строить, править*, какъ hайская основа skıs- (ı-skıs) или ея грузинскій эквивалентъ ṫkıs (изъ ḋa-sa-ṫkıs-ı *начало*) относится къ аористной основѣ ṫkev- > ṫke- грузинскаго корня ṫkv *начинать* (его настоящая основа — ṫke-b), ср. стр. 347—348.

Чистую основу ṫe безъ спиранта, съ замѣщеніемъ звука ṫ его эквивалентомъ по шипящей группѣ, сохранило наличное въ грузинское sa-ṭe *кормило, руль* (стр. 333). Если бы его сохранили говорящіе на шипящихъ языкахъ народы, яфетиды-мореплаватели, у которыхъ естественно было грузинамъ заимствовать термины мореплаванія [1], слово въ природной средѣ должно бы было звучать если не *o-ṭa, то *o-ṭe [2].

Основа ṫes на лицо въ грузинскомъ ṫes-ı *устройство, порядокъ, чинъ, правило, законъ, обычай* и т. п., а съ перегласовкой по шипящей группѣ ṫas — живое слово у абхазовъ: a-ṫas *обычай*, ṫas-əm *необычно, запретно* (когда рѣчь о „запретныхъ“ дняхъ недѣли).

Въ грузинскомъ не мало производныхъ отъ нея и составныхъ съ нею словъ, но для насъ сейчасъ интересъ представляетъ ново-г. ṫes-ṫko-bıleba *устройство, распорядокъ*, въ которыхъ сошлись два слова ṫe-s и ṫko-b-ı-l-e-b-a, оба одного и того же корня ṫkv>ṫᵞy¹. Конечно, сами образованія не являются роднымъ дѣтищемъ одной и той же рѣчи: элементы, имѣющіеся въ немъ, грузинскаго типа, я бы сказалъ даже — грузинскаго происхожденія, но наличное состояніе слова болѣе архаичнаго строя: ṫes (<ṫey-s) заимствовано изъ особаго грузинскаго нарѣчія или, вѣрнѣе, изъ иного одного съ грузинскимъ свистящаго типа языка въ первичную эпоху его развитія и, повидимому, подверглось отчасти вліянію фонетики языковъ Арменіи.

9. Взращенный тѣмъ же сибилянтомъ s видъ яфетическаго корня имѣемъ и въ основѣ ha-s *достигшій, постигшій, поспѣвшій*, откуда h. has-

[1] Н. Марръ, *Кавказовѣдѣніе и абхазскій языкъ*, стр. 21. Здѣсь же установлено (ц. с., стр. 20), что г. афга *парусъ* заимствовано отъ абхазовъ.

[2] Н. Марръ, *ГЧ*, § 119, b, I. Кипшидзе, *ГМ.*, § 128, k.

an-em, арм. has-n-um yem *достигаю, поспѣваю, зрѣю* и т. п., h. has-u *достигшій, поспѣвшій*, h. tə-has *незрѣлый* (плодъ; возрастъ), h. has-un *зрѣлый* (возрастъ), h. has-ak *зрѣлый возрастъ*; *возрастъ, ростъ* и т. п. Корень h, спирантной вѣтви, въ основахъ различныхъ формъ — he-, hı- и ha-, равно hə- — на лицо въ сванскомъ въ значеніи „достигать“, „зрѣть“ (стр. 333).

10. Глаголъ h. anıt-an-em *проклинаю* представляетъ отыменное образованіе отъ основы aneyt. Основа въ этомъ видѣ использована въ качествѣ существительнаго въ значеніи „проклятіе“ въ древне-л. языкѣ всего, судя по Большому сл., одинъ разъ — въ переводѣ Ефрема Сирина, Օրհն: մի ընկալցին բազումք զանէծ. Обыкновенно слово это появляется въ формѣ plurale tantum — aneytq, въ ново-арм. anetq, даже — anetk (діалектически); оно — составное: ane-yt, resp. ane-ytq или ane-ytk > ane-tk.

Насъ въ словѣ интересуетъ вторая часть съ ослабленнымъ, послѣ гласнаго е, въ у гласнымъ ı, префиксомъ ея: ı-tq или ı-tk. Въ основѣ этой части исходный звукъ k > q могъ бы быть кореннымъ, какъ q въ h. arďa-ganq *эхо*: его могли лишь воспринять еще до перерожденія въ q, какъ окончаніе Им. падежа мн. числа [1]. Но если даже не возстанавливать двухсогласности корня tk, остатка г. tkv *проклинать* (стр. 329, прим. 1)[1], одинъ согласный t правомоченъ представить тотъ же корень, какъ это наблюдаемъ мы съ его эквивалентомъ по шипящей группѣ — ţ: по-мегрельски корень трех- и двухсогласный — ţkw > ţk, откуда отглагольныя имена ţku-a-l-a или ţk-a-l-a *проклинать*. Въ чанскомъ мы ожидали бы разновидности ţk > ţ, и хотя нынѣ въ чанскомъ ни той, ни другой разновидности не находимъ, но существованіе нѣкогда чанскаго корня ţ фактически явствуетъ изъ образованнаго отъ него сванскаго глагола h-ţ-ϑ-e *проклинать*.

Первая часть (ane-) пока не такъ ясна. Слѣдуетъ лишь указать, что e передъ ı въ ней является перерожденіемъ a, т. е. въ толкованіи первой части слѣдуетъ исходить изъ ея формы ana-. И вопросъ въ томъ, имѣемъ ли въ ana- > ane- префиксъ или особое слово? Въ качествѣ особаго слова первая часть ana- > ane- могла бы быть синонимомъ *проклятія*, если ane-yt гибриднаго происхожденія. Но она же можетъ точнѣе опредѣлять своимъ присутствіемъ значеніе всего составного слова „проклятіе“, разъ вторая часть первоначально означала „посвященіе“ и лишь переносно, въ связи съ подразумѣваемымъ „богу“ или „богамъ“, понималась она, какъ „проклятіе“ (стр. 329). Въ послѣднемъ случаѣ въ ana- можно бы признать пережитокъ яфетическаго названія бога: элам. na-, абх. a-nə > a-n [2].

[1] Ср. h. mard-ık *люди*, тифл. нарѣчіе mət-ık вм. mıt-q *мысль, вниманіе*.

[2] Н. Марръ, *Опр. яз. 2-й кат.* §§ 43 (стр. 48), 62, его же *Кавказов. и абх. яз.*, стр. 25.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Новая рукопись стихотвореній Зу-р-Руммы.

И. Ю. Крачковскаго.

(Представлено академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 17 января 1918 года).

Среди арабскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ для Азіатскаго Музея Академіи Наукъ В. А. Ивановымъ въ Бухарѣ въ 1915 году, имѣется, между прочимъ, комментированный сборникъ стихотвореній какого-то поэта, лишенный нѣсколькихъ листовъ въ началѣ и концѣ[1]. Заголовки отдѣльныхъ пьесъ позволяютъ безъ труда установить имя поэта и уже К. Г. Залеманъ занесъ на инвентарную карточку запись ديوان ذى الرمّة مع شرحه للأصمعى т. е. дīванъ З̱ӯ-р-Руммы съ комментаріемъ ал-Аçмаʻӣ. Послѣднее предположеніе — о принадлежности комментарія ал-Аçмаʻӣ — нѣсколько поспѣшно, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ, но имя поэта не подлежитъ сомнѣнію. Такимъ образомъ петроградскія собранія обогатились отсутствовавшимъ въ нихъ, насколько мнѣ извѣстно, памятникомъ древне-арабской поэзіи. Значеніе новой рукописи опредѣляется само собой, если сказать, что изданія дӣвāна З̱ӯ-р-Руммы до сихъ поръ не существуетъ[2] и даже списки довольно рѣдко встрѣчаются въ извѣстныхъ собраніяхъ[3].

---

[1] Codex Ивановъ № 1043 (Бухара 12. XI. 1915) 153 л. 20 $^1/_2$×15 см. 17 стр. 14$^1/_2$× 10 см.

[2] Въ 1913 году изданіе готовилось г. Macartney. и нѣкоторые англійскіе ученые имѣли возможность имъ пользоваться (см. напр. Ch. Lyall, The Dīwāns of ʻAbīd ibn al-Abraṣ etc., London 1913, стр. VI или Fr. Krenkow, Indices to the poetical citations in the Kitāb al-amālī of... al-Ḳālī, London 1913, стр. 87). Значительные матеріалы по дӣвāну З̱ӯ-р-Руммы собраны R. Geyer'омъ, какъ можно видѣть по ссылкамъ на нихъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ (напр. I. Hell, Muḥammed ibn Sallâm al-Ǧumaḥî, Die Klassen der Dichter, Leiden 1916, стр. LXVI—LXVII и др.).

[3] Кромѣ упомянутыхъ Brockelmann'омъ (Geschichte der arabischen Litteratur — I, Weimar 1898, стр. 59) нужно указать еще миланскую рукопись (R. Geyer, Altarabische Diiamben, Lpz. 1908, стр. 70), происходящую, вѣроятно, какъ и вся коллекція Griffini, изъ южной

З̱ӯ-р-Румма завершаетъ собой классическій періодъ послѣ-исламской поэзіи, заканчивающійся съ паденіемъ династіи омейядовъ; и по времени жизни (ум. ок. 117/735 г.) и по характеру творчества онъ примыкаетъ къ извѣстной тріадѣ этого періода, представленной ал-Ахṭалемъ, Джерӣромъ и ал-Фераздаḳомъ. Какъ и большинство талантливыхъ поэтовъ его времени, онъ былъ увлеченъ поэтической полемикой между двумя послѣдними и принялъ въ ней участіе на сторонѣ ал-Фераздаḳа; мимо него не прошло безслѣдно и оживленіе такъ называемой «реджезной» поэзіи, вспыхнувшей яркимъ огнемъ именно въ это время подъ вліяніемъ творчества ал-ʿАджжāджа и сына его Руʾбы[1]. Въ его дӣвāнѣ наряду съ ḳасыдами попадаются поэтому въ достаточномъ количествѣ и урджӯзы[2]. Представляя по типу своихъ произведеній чистаго классика-бедуина, З̱ӯ-р-Румма, конечно, удостоился особаго вниманія со стороны филологовъ, привлекавшихъ его стихи въ качествѣ loci probantes различныхъ грамматическихъ теорій и особенно для толкованія рѣдкихъ выраженій. Преимущественнымъ вниманіемъ онъ пользовался, повидимому, со стороны одного изъ основателей лингвистической науки извѣстнаго Абӯ-ʿАмра-ибн-ал-ʿАлā, который не обинуясь ставилъ его на одну доску съ Имруулḳайсомъ[3]. Этотъ отзывъ его не былъ единичнымъ: въ тѣхъ или иныхъ выраженіяхъ онъ повторялъ его неоднократно[4]. Для насъ особенно важно то, что Абӯ-ʿАмръ, бывшій младшимъ современникомъ (ум. 154/770 г.) З̱ӯ-р-Руммы находился съ нимъ въ личномъ общеніи и могъ слышать нѣкоторыя произведенія или ихъ толкованіе изъ устъ самого поэта[5]. Такимъ образомъ объясненія Абӯ-ʿАмра пріобрѣтаютъ особое значеніе, и интересно подчеркнуть, забѣгая нѣсколько впередъ, что комментарій нашей рукописи преимущественно основанъ на словахъ Абӯ-ʿАмра.

Въ противоположность арабскимъ ученымъ, европейская наука до сихъ поръ не удѣляла особаго вниманія З̱ӯ-р-Руммѣ, какъ и большинству поэтовъ послѣ Муḫаммеда. Единственной спеціальной работой остается до

Аравіи. Рукопись Британскаго Музея была въ 1873 году каллиграфически скопирована извѣстнымъ литераторомъ-эмигрантомъ Ризḳаллāхомъ Ḫассӯномъ; осенью 1908 года я видѣлъ эту копію въ библіотекѣ Université St. Joseph въ Бейрутѣ вмѣстѣ съ другими памятниками трудолюбія и искусства Ḫассӯна, между прочимъ и спискомъ съ петроградской рукописи дӣвāна ал-Аḫṭаля, по которому исполнено первое изданіе A. Salhani).

[1] См. И. Крачковскій, Абӯ-л-Фараджъ-ал-Ваʾвā дамасскій, II. 1914, 117—118.

[2] Десять изъ нихъ издано R. Geyer'омъ въ Altarabische Diiamben, Lpz. 1908, № 15—24 (стр. 130—166).

[3] Ал-Джумаḫӣ (изд. Hell) 125,20; *Агāнӣ* XVI, 113.

[4] Ср. еще особенно Ибн-Ḫалликāнъ (изд. Wüstenfeld) № 534, стр. 11—12.

[5] Ал-Джумаḫӣ 128,17 = *Аг.* XVI, 122.

нашихъ дней маленькая диссертація R. Smend'а[1]; вся прочая литература исчерпывается краткими замѣтками въ общихъ сводахъ[2]. Благодаря этому обстоятельству остается совершенно не выясненнымъ вопросъ о редакціяхъ дӣвāна и его комментаріяхъ. Распространенное мнѣніе о комментаріи ал-Аçма'ӣ, закрѣпленное Brockelmann'омъ, основано, повидимому, на упомянутой Smend'омъ припискѣ рукописи Британскаго Музея, говорящей, что она представляетъ редакцію — رواية ал-Аçма'ӣ[3]; въ каталогѣ еще добавлено, что комментарій наиболѣе часто ссылается на ал-Аçма'ӣ[4]. Наряду съ этимъ крайне характерно, что ни авторъ *Фихриста*, ни списки работъ ал-Аçма'ӣ нигдѣ не упоминаютъ З̱ӯ-р-Румму среди редактированныхъ или комментированныхъ имъ поэтовъ[5]. Съ полной опредѣленностью авторъ *Фихриста* называетъ только двѣ редакціи: ас-Суккарӣ[6] и Абӯ-л-'Аббāса ал-Аҳваля[7]; послѣдняя носила, повидимому, сводный характеръ и изъ словъ о ней ясно, что автору *Фихриста* были извѣстны еще и другія редакціи[8]. Не менѣе велико было число авторовъ, оставившихъ *аҳбāр* — исторію З̱ӯ-р-Руммы и дамы его сердца Мейи, одной изъ популярныхъ въ арабскомъ преданіи романическихъ паръ[9].

Рукописная традиція, представленная немногочисленными списками, въ полномъ объемѣ до сихъ поръ не изслѣдовалась европейской наукой. Geyer установилъ[10] лишь, что лейденская, каирская и миланская рукописи даютъ большую редакцію дӣвāна, обнимающую около 80 произведеній. Комментарій каирской приписывается какому то неизвѣстному Абӯ-л-Фатҳу ал-Ḫусейну-ибн-'Алӣ ал-'А'из̱ӣ, о которомъ никакихъ подробностей изъ другихъ источниковъ неизвѣстно[11]. Въ параллель къ этой большой редакціи

[1] De Dsu r'Rumma poeta arabico et carmine ejus ما بال عينك منها الماء ينسكب commentatio. Bonnae 1874. 8⁰ min. стр. 38.

[2] Brockelmann, op. cit, I, 58—59; A. C. Barbier de Meynard, Surnoms et sobriquets dans la littérature arabe, Paris 1907, 103—104; Зейдāнъ, تاريخ آداب اللغة العربيّة, I, Каиръ, 1911, стр. 300; Schaade въ Encyklopaedie des Islām I, 1005—1006.

[3] Smend, op. cit. 4.

[4] Catalogus Codd. Orient. Mus. Brit. II, 276. Изъ упоминанія о томъ, что *рукопись* содержитъ только 17 пьесъ, возникло сообщеніе Brockelmann'а, что *дӣвāнъ* З̱ӯ-р-Руммы заключаетъ 17 каçыдъ (op. cit. I, 59).

[5] A. Haffner, Drei arabische Quellenwerke über die Aḍḍād, Beirut 1913, стр. 66—70 и 219—220.

[6] Изд. Flügel'я 158,21.

[7] Ibid. 79,9 и 158,21.

[8] Ibid. 158,21: ...والّذى عمله أبو العبّاس من جميع الروايات

[9] Авторъ *Фихриста* называетъ трехъ составителей: Хāрӯна-ибн-Муҳаммеда (123,18), знаменитаго Исҳāка мосульца (141,2 и 142,20) и Ḫаммāда-ибн-Исҳāка (143,2).

[10] Op. cit. 69—70.

[11] Ibid. 72.

можно думать о сокращенной, быть можетъ, представленной рукописью Британскаго Музея, связываемой съ именемъ ал-Асма'ӣ и дающей только 17 пьесъ. Шаткость этихъ соображеній и невозможность при современныхъ условіяхъ обратиться непосредственно къ самимъ рукописямъ не позволяетъ дѣлать опредѣленныхъ выводовъ и относительно нашего списка: и здѣсь придется ограничиться лишь нѣкоторыми предположеніями.

Начнемъ съ внѣшнихъ данныхъ. Рукопись въ настоящемъ своемъ видѣ заключаетъ 153 листа, но она дефектна и въ началѣ, и въ концѣ; содержитъ она теперь 37 полныхъ пьесъ и два отрывка. Для удобства пользованія рукописью я приведу заголовки и первые стихи всѣхъ пьесъ, распредѣляя ихъ по алфавиту риѳмъ съ указаніемъ номера по порядку въ рукописи, числа стиховъ и размѣра[1].

١٦ وقال أيضًا (الطويل л. 69v, 27 ст.)

أَلا حيِّ ربع الدار قفرًا جنوبها * بحيث انحنى عن قنع حوضى كثيبُها

٢٣ وقال أيضًا (الطويل л. 98, ст. 64)

وقفت على ربع لميّة ناقتى * فما زلت ابكى عنده وأخاطبُهْ

٢٧ وقال ذو الرمّة أيضًا (البسيط л. 117v, ст. 27)

يا حاديى بنت قضاضٍ أما لكما * حتّى تكلّمها همٌّ بتعريجِ

٣٦ وقال أيضًا (الطويل л. 143v, ст. 60)

امنزلتى مىّ سلام عليكما * على النأى والنأى يودّ وينصحُ

٢٤ وقال أيضًا (الطوبل л. 103, ст. 72)

أَمن دمنة جرت بها ذيلها الصبا * لصيداء مهلًا ماء عينيك سافحُ

٤ وقال أيضا (الرجز л. 11v, ст. 43)

قفا نحىّ العرصات الهمّدا * والنؤى والرميم والمستوقدا

٦ وقال أيضًا (الرجز л. 17, ст. 43)

قلت لنفسى شبه التقييد * هل تعرف الأَطلال بالوحيدِ

---

[1] Относительно послѣдняго не могу не подчеркнуть интересную деталь, подтверждающую одну теорію, высказанную мной четыре года тому назадъ (Абӯ-л-Фараджъ ал-Ва'вā дамасскій, стр. 108 слѣд.). Утверждая, что размѣры служатъ характернымъ признакомъ того или иного направленія, я устанавливалъ, что у поэтовъ классической школы излюбленнымъ размѣромъ является *ṭавӣль*. Такой сознательный бедуинъ въ поэзіи, какъ Ḏӯ-р-Румма, вполнѣ подтверждаетъ этотъ выводъ: изъ 39 пьесъ новой рукописи 31 составлены *ṭавӣлемъ*, только 4 *реджезомъ*, 3 — *басӣṭомъ* и 1 — *вāфиромъ*.

١٣ وقال أيضًا (الطويل (л. 65v, ст. 6[1]

ألا حىّ أطلالًا كحاشية البرد * لمية أيهات المحيل من العهد

١٥ وقال أيضا (الطويل (л. 68v, ст. 14

كأنّ ديار الحىّ بالزرق حلفة * من الأرض أو مكتوبة بمداد

٣٢ وقال أيضا (الطويل (л. 130v, ст. 42

ألا أيّها الرسم الّذى غيّر البلا * كأنّك لم يعهد بك الحىّ عامد

٣٧ وقال أيضًا (الطويل (л. 147v, ст. 35

ألا لا أرى كالدار بالزرق موقفا * ولا مثل شوق هيّجته عهودها

٣٤ وقال يمدح عمر بن هبيرة (البسيط (л. 138, ст. 46

يا دار ميّة بالخلصاء غيّرها * سافى العجاج على ميثائها الكدرا

٢٦ وقال يمدح بلال بن أبى بردة (الطويل (л. 113, ст. 76

أتعرف أطلالًا بوهبين فالحضر * لمىّ كأيسار المفوّقة الخضْرِ

٢٠ وقال أيضًا (الطويل (л. 82v, ст. 84

أشاقتك أخلاق الرسوم الدواثر * بادعاص حوضى المعتقات النوادر

٥ وقال أيضًا (الرجز (л. 14v, ст. 30

ذكرت فاهتاج السقام المضمرُ * وقد يهيج الحاجة التذكّرُ

١٠ وقال أيضا يهجو امرء القيس بن زيد مناة (الطويل (л. 51, ст. 60

ألا يا اسلمى يا دار مىّ على البلا * ولا زال منهلًّا بجرعائك القطرُ

١١ وقال أيضًا (الطويل (л. 57v, ст. 79

خليلىّ لا رسم بوهبين مخبرُ * ولا ذو حجى يستنطق الدار يعذَرُ

٢٩ وقال أيضا يمدح هلال بن أبى بردة (الطويل (л. 121v, ст. 38

لميّة أطلالٌ بحزوى دواثر * عفتها السوافى بعدنا والمواطرُ

١[2] (الطويل (л. 1, ст. 31

فودعن أقواع الشماليل بعدما * ذوى بقلها أحرارها وذكورها

---

[1] Вѣроятно, между л. 65 и 66 лакуна.

[2] Начало пьесы отсутствуетъ.

٣٣[1] وقال أيضًا يفتخر (الطويل 51 .л. 134, ст)

ألم تسأل اليوم الرسوم الدوارس * بحزوى وهل تدرى القفار البسابسُ

١٧ وقال أيضًا (الطويل 30 .л. 71v, ст)

بكيت وما يبكيك من رسم دمنة * كسحق سبايا فى السجوم رخيضُها

٢٢ وقال أيضًا يمدح محمّد بن بشر بن مروان (الطويل 51 .л. 94v, ст)

خليلىّ عوجا عوجة ناقتيكما * على طلل بين القلات وشارعِ

١٨ وقال أيضًا يهجو امرء القيس (الطويل 48 .л. 73v, ст)

أمن دمنة بين القلات وشارع * تصابيت حتى ظلّت العين تدمعُ

٣٩[1] وقال أيضًا (الطويل 10 .л. 153, ст)

أمنزلتى مىّ سلام عليكما * [2] .... الخواضعُ

٣١ وقال أيضًا يعاتب هشامًا على بعض الامر (الطويل 18 .л. 129v, ст)

أمن دمنة بالجوّ جوّ جلاجل * زميلك منهلّ الدموع جزوعُ

٢ وقال أيضًا يفتخر على بنى امرء القيس (الطويل 42 .л. 4v, ст)

أقول لنفسى واقفًا عند شرف * على عرصات كالرسوم النواطقِ

٨ وقال ذو الرمّة أيضًا (الطويل 56 .л. 34v, ст)

أدارًا[3] بحزوا هجت للعين عبرة * فماء الهوى يرفضّ أو يترقرقُ

١٢ وقال أيضًا ذو الرمّة يمدح ملك بن المنذر بن الجارود (الطويل 14 .л. 64v, ст)

أقول لاطلاح برى هطلانها * بنا عن جوانى دائها المتلاحكِ

٢١ وقال أيضًا (الطويل 61 .л. 89v, ст)

أما استجلبت عينيك إلّا محلّة * بجمهور حزوى او بجرعاء مالكِ

٣ وقال أيضًا (الرجز 39 .л. 8, ст)

ما هاج عينيك من الأطلال * المزمنات بعرك البوالى

٩ وقال أيضًا يهجو بنى امرء القيس (الطويل 88 .л. 41, ст)

دنا البين من مىّ فردّت جمالُها * فهاج الهوى تقويضها واحتمالُها

---

[1] Конца пьесы не достаетъ.

[2] Второе полустишіе повреждено и риома взята изъ одного стиха на л. 153 v.

[3] Рук. أَدَرًا.

٢٥ وقال أيضًا (الطويل (л. 108v, ст. 58

أخرقاء للبين استقلّت حمولها * نعم غربة والعين تجرى مسيلُها

٣٨ وقال يمدح المهاجر بن عبد الله الكلابىّ (الطويل (л. 149v, ст. 51

عفا الدحل من مىّ فمحت منازلُهْ * فما حوله صمانه فحمائلُهْ

٣٥ وقال أيضًا يفتخر (الطويل (л. 141, ст. 49

ألا أيّها المنزل الدارس اسلم * وأسقيت صوب الباكر المتغيّم

٣٠ وقال أيضا يمدح إبراهيم بن الوليد بن المغيرة بن هشام بن عبد الله بن عمرو بن مخزوم (الطويل (л. 126, ст. 54

ألا حىّ عند الزرق دار مقام * لمىّ وإن هاجت رجيع سقّام

١٩ وقال ايضًا يمدح الملازم بن حريث الحنفىّ (الطويل (л. 77, ст. 60

خليلىّ عوجا الناعجات فسلّما * على طلل بين النقا والأخارم

٧ وقال أيضًا (البسيط (л. 20, ст. 84

أإن ترسمت من خرقاء منزلة * ماء الصبابة من عينيك مسجومُ

١٤ وقال ذو الرمّة أيضا (الوافر (л. 66, ст. 24

أداذرة دموعك دار مىّ * وهائجة صبابتك الرسومُ

٢٨ وقال أيضًا (الطويل (л. 120, ст. 22

مررنا على دار لمىّ [1] مرارة وجاراتها قد كاد يعفو مقامُها

Такъ какъ передъ 27-ой пьесой (въ настоящемъ порядкѣ) на л. 117v имѣется приписка о началѣ второй части — أوّل الجزء الثانى, то можно предположить, что въ полномъ видѣ рукопись состояла приблизительно изъ 230—250 листовъ и заключала не меньше 50—70 пьесъ. Основываясь на этомъ, было бы соблазнительно предположить, что редакція нашей рукописи совпадаетъ съ большой редакціей дӣвāна, упоминаемой Geyer'омъ. Сличеніе текста заставляетъ однако отказаться отъ этого предположенія. Изъ урджӯзъ, изданныхъ Geyer'омъ, четыре имѣются въ нашей рукописи [2]. Обращаясь къ одной изъ наиболѣе характерныхъ—№ 19, мы очень быстро замѣчаемъ, что текстъ обыкновенно расходится съ использованными Geyer'омъ

[1] Рук. مرة.

[2] № 19 по изд. Geyer'a = л. 14 v, № 22 = л. 8, № 23 = л. 17 и № 24 = л. 11 v.

рукописями — какъ лейденской (у него L), такъ и каирской (C); наоборотъ здѣсь же мы замѣчаемъ интересное явленіе—совпаденіе съ тѣмъ текстомъ, который былъ въ распоряженіи Мухаммеда Тауфиќа, издателя *Арāджūз-ал-'араб* (у Geyer'a R.)[1]. Одновременно съ этимъ текстъ новой рукописи позволяетъ иногда реабилитировать издателя *Арāджūз-ал-'араб*, о работѣ котораго Geyer вообще отзывается достаточно сурово[2]. Относительно одного чтенія, принятаго R (№ 22, ст. 6) онъ выражается (стр. 79): «R. تناسخ, was ich, obwohl die VI. Form von نسخ lexikalisch nicht, wohl aber die von نسخ bekannt ist, doch ebenfalls für eine willkürliche Entstellung halte»; между тѣмъ именно это чтеніе подтверждается нашей рукописью—л. 8,9. Чтеніе R. въ ст. 8 وطلاَن الهضب والتهتال, которое Geyer считаетъ (ib.) возникшимъ «wohl durch Missverständniss des Scholions», имѣется буквально въ нашей рукописи (ib.); чтеніе ст. 50 «wohl unnötig verändert» въ такомъ же видѣ даетъ наша рукопись. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ея текстъ устраняетъ недоумѣнія, оставшіяся у Geyer'a подъ вліяніемъ его источниковъ. Относительно стиха 31 той же пьесы, передаваемаго имъ (стр. ١٢٥) въ формѣ مثل صوادي النخل والاشبال онъ замѣчаетъ (стр. 80): «Sämtliche Zitate bei Yâq., Lis. und Tâj haben وآلسَّيَّال; einen Baum oder Strauch namens الاشبال konnte ich nirgends belegt finden; merkwürdig ist auch die Form des Kommenturs والشبال; R. zeigt die Lesung unseres Textes». Единственно вѣрное чтеніе والسيال и даетъ наша рукопись. Относительно ст. 55 (стр. ١٢٧) طىّ برود اليمن الاشمال Geyer недоумѣваетъ (стр. 80—81): «R. الأَسْمَال; أَشْمَال ist wohl pl. von شَمْلَة? Die gewöhnliche Form wäre allerdings شِمَال». Наша рукопись, подтверждая чтеніе R, въ тоже время своимъ комментаріемъ والاسمال الاخلاق, устраняетъ всякія сомнѣнія[3]. Интересный случай она разъясняетъ со стихомъ 32 № 19. Geyer его читаетъ (стр. ١٣٧)

[تحملنى زيافة تَغَشْمر] صهبا أبوها داعر تبختر

гдѣ чтеніе تبختر представляется возникшимъ у издателя, именно, подъ влія-

---

[1] Для сравненія достаточно обратить вниманіе на текстъ стиховъ 2, 4, 6 (второй варіантъ), 19, 29, 37, 38, 49, 52, 54, 56, 61, 62. (Я не касаюсь совершенно, при этомъ, случаевъ расхожденія въ огласовкѣ).

[2] Стр. 82 по поводу № 23: «Auch hier wie in den früheren Stücken hat R. neben offenbaren Verbesserungen manche willkürliche Änderung sowohl in der Versfolge als auch in der Textwidergabe».

[3] Ср. еще *Тāдж-ал-'арӯс* VII, 381 (слова Абӯ-'Убейды).

ніемъ Missverständniss des Scholions, которая гласитъ (ibid.): أراد انهلّت منه صهبًا يعني الإبل ناقة تزيف تبختر في سيرها تغشمر تقتحم. Это обнаруживается у Geyer'а въ примѣчаніи (стр. 77) въ слѣдующей недоумѣвающей ссылкѣ: «Tâj وبكتر (vielleicht ist zu lesen تبختر die von Bahtar stammen?)». Форма تبختر съ такимъ значеніемъ едва ли возможна и чтеніе словаря разъясняетъ наша рукопись, хотя и въ ней текстъ нѣсколько искаженъ: въ стихѣ стоитъ وبكبر но читать надо согласно съ *Тāдж-ал-ʻарӯс* (III, 32), такъ какъ ключъ даетъ фраза комментарія — л. 15v: فحلان (sic) وداعر وبكتر.

Общія достоинства рукописи съ несомнѣнностью показываютъ, что она восходитъ къ хорошему источнику и, вѣроятно, авторитетной редакціи — чьей именно, опредѣлить трудно. Обращеніе къ комментарію помогаетъ мало: несомнѣненъ только отрицательный выводъ — основа комментарія не та, что сказалась въ каирской и лейденской рукописяхъ. То характерное недоразумѣніе съ однимъ стихомъ, которое сближаетъ оба эти списка[1], въ нашей рукописи отсутствуетъ. Приходится оставить мысль и объ авторствѣ ал-Асмаʻӣ, на которой остановился К. Г. Залеманъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ Brockelmann'а. Дѣйствительно ал-Асмаʻӣ цитуется достаточно часто[2], однако на ряду съ нимъ цитуются и другіе авторитеты; рѣшающимъ доводомъ противъ является упоминаніе въ комментаріи ученыхъ болѣе поздняго времени, какъ ал-Мухаллабӣ, о которомъ будетъ рѣчь ниже.

Скорѣе можно признать редакцію текста принадлежащей Абӯ-ʻАмру: ссылки на него преобладаютъ въ комментаріи и количественно превосходятъ матеріалъ, относимый къ ал-Асмаʻӣ[3]. Безъ особыхъ колебаній въ этомъ авторѣ мы можемъ усмотрѣть именно Абӯ-ʻАмра-ибн-ал-ʻАлā, хотя въ такой формѣ имя дается только разъ — л. 33; отзывы его о поэзіи З̱ӯ-р-Руммы и свидѣтельства источниковъ о его занятіяхъ не позволяютъ видѣть здѣсь Абӯ-ʻАмра аш-Шейбāнӣ, который тоже упоминается одинъ разъ — л. 37v или случайно или благодаря смѣшенію. Преимущественная роль въ комментаріи Абӯ-ʻАмра позволяетъ видѣть ссылку на него и въ глухихъ упоминаніяхъ «передавалъ онъ» — قال, اخبرنا, حدّثنا, أنشد и др.

[1] Geyer, op. cit. 70.

[2] Л. 2v, 20, 24, 27, 29v, 32—33, 34, 38, 40, 46v—47v, 48v—49v, 50v, 52v, 54, 59v, 63, 65v, 94, 94v, 104v, 105v, 118, 119, 124, 136, 143, 145v, 151. (Особенно характеренъ приводимый съ его словъ передъ стихотвореніемъ 7 — (л. 20) разсказъ про даму З̱ӯ-р-Руммы ал-Х̱аркā, который могъ утвердить К. Г. Залемана въ его предположеніи).

[3] Л. 21v, 22, 23, 23v, 24, 25, 29v, 33, 37—39, 40—41, 42v, 44, 45, 45v, 46v, 48, 49, 51—54, 55, 56v, 57v—60v, 62, 63, 64, 64v, 67, 67v, 68v—71, 73, 73v, 74v, 75v—76v, 77v—79, 81, 82, 82v, 83v, 84v—87v. (На нѣкоторыхъ изъ отмѣченныхъ страницъ цитаты съ его именемъ встрѣчаются по нѣсколько разъ).

Косвенное подтвержденіе этому находимъ на л. 66v, гдѣ такая глухая ссылка вводитъ затѣмъ разъясненіе со словъ извѣстнаго филолога ʻИсы-ибн-ʻОмара: близкое общеніе между ʻИсой и Абӯ-ʻАмромъ достаточно хорошо извѣстно[1] и послѣдній очень часто пользовался матеріалами своего ученаго современника[2]. По нѣкоторымъ деталямъ комментарія можно видѣть, что редакція приписывается Абӯ-ʻАмру и противополагается ал-асмаʻіевской. Стихъ на л. 46, гдѣ оселъ сравнивается съ عصا قسّ قوس комментируется такъ:

كأنّ هذا الفحل عصا قسّ في ملاسته ولينه والقوس المنارة يكون فيها الراهب[3] وقال (46v) خلف بن حيّان الأحمر عصا فيسطيط[4] وهو شجر وهكذا ينشده الأعراب قال الأصمعيّ فانا أنشده عصا قسّ دير وعصا قسّ قوس وقال أبو عمرو ليس شيء أشدّ استواءً من عصا القسّ تكون ملسا مستويًا.

Еще болѣе характеренъ примѣръ одного стиха л. 94, относительно котораго Ибн-Ḳутейба[5] замѣчаетъ:

رواه أبو عمرو أرقلت وقال الأصمعيّ إنّما هو ارفلت ومعناه أسبغت وغطّت. И дѣйствительно, въ текстѣ нашей рукописи мы находимъ чтеніе أرقلت, а въ комментаріи поясненіе (sic) كان الأصمعيّ يقول إذا الآل ارقلت (sic) اى عطت. Текстъ рукописи въ данномъ мѣстѣ не удовлетворителенъ, но сопоставленіе съ Ибн-Ḳутейбой очень поучительно для разграниченія редакцій.

Эти детали позволяютъ сдѣлать выводъ, что текстъ стихотвореній З̱ӯ-р-Руммы въ нашей рукописи даетъ, повидимому, редакцію Абӯ-ʻАмра[6]. Что же касается комментарія, то хотя онъ основанъ преимущественно на разъясненіяхъ того же самаго Абӯ-ʻАмра, но окончательную редакцію нельзя считать принадлежащей ему: противъ этого говорятъ тѣ же доводы, которые были высказаны противъ авторства ал Асмаʻӣ. Кѣмъ была произведена окончательная работа, установить едва ли возможно, но нѣкоторыя частности отмѣтить все же не лишне. Въ одномъ мѣстѣ мы ви-

---

[1] Ср. хотя бы Brockelmann, op. cit. I, 99.

[2] Въ рукописи ʻИса̄ цитуется еще только одинъ разъ (л. 38v), но какъ источникъ онъ упоминается въ отдѣлѣ о З̱ӯ-р-Руммѣ въ *Китāб-ал-агāнӣ* XVI, 121, 128.

[3] Ср. TʻA IV, 225 s. v. قوس и Л. Шейхō, الأحداث الكتابيّة والتشابيه النصرانيّة في شعراء الجاهليّة стр. 35,2, 1904, Бейрутъ.

[4] Sic! Вѣроятно надо читать قُسْطُسْطِيط ср. TʻA V, 212.

[5] *Китāб-аш-шиʻр* (изд. de Goeje) 342,1

[6] Не могу умолчать, однако, что на л. 69v приводится варіантъ къ основному тексту стиха ألا حيّ со словами وروى أبو عمرو أتعرف.

димъ указаніе на интересную литературную традицію: комментарій къ одному стиху л. 82v открывается слѣдующимъ иснāдомъ: قال المهلّبى أخبرنى أبو إسحق النجيرمىّ قال أبو بكر بن دريد الخ. Въ первомъ имени мы должны видѣть довольно извѣстнаго филолога ʻАлй-ибн-Ахмеда ал-Мухаллабй, умершаго въ Египтѣ въ 385/995 году[1], ученика Абӯ-Исхāка ан-Неджйрамй[2] и учителя Йӯсуфа ан-Неджйрамй[3]. Интересъ этой цитаты заключается въ томъ, что въ точно такой же литературной традиціи дошла до насъ лейденская рукопись дӣвāна Джерӣра: къ иснāду тамъ присоединено только имя другого ученика ал-Мухаллабӣ, но изъ той же семьи ан-Неджйрамй[4]. Въ его школѣ, такимъ образомъ, замѣтенъ спеціальный интересъ уже къ двумъ корифеямъ омейядской поэзіи: возможно, что и комментарій къ дӣвāну Зӯ-р-Руммы былъ обработанъ имъ самимъ, но для окончательнаго сужденія объ этомъ слишкомъ мало данныхъ[5]. Несомнѣнно, что въ распоряженіи комментатора были хорошіе и богатые источники, не исключая рукописной традиціи. Мы уже видѣли, что онъ пользовался редакціей текста ал-Асмаʻӣ; разъ онъ ссылается — л. 11v на *иншāд* Абӯ-л-ʻАббāса, въ которомъ возможно видѣть упомянутую *Фихристомъ* смѣшанную редакцію ал-Ахваля. Нѣсколько разъ (л. 107, 147, 149) онъ пользуется рукописью неизвѣстнаго намъ ближе Абӯ-ʻИмрāна-ибн-Ріййāха; эта рукопись упоминается съ черезчуръ лаконичной къ сожалѣнію ссылкой на «шейха Абӯ-Йаʻкӯба» — л. 107 и даже просто «шейха» — л. 147. Такъ же мало даетъ ссылка на какую-то другую рукопись[6]. Изъ болѣе извѣстныхъ филологовъ имѣются въ комментаріи цитаты съ именами Абӯ-ʻУбейды — 23v, Ибн-Дурейда — 82v[7], Ибн-Кутейбы — 144, Халефа ал-Ахмара—46v (дважды), Ибн-Сӣрӣна, автора апокрифическаго

---

[1] Дата سنة خمس وثلاثين وثلاثمائة у ас-Суйӯтӣ, *Буйет-ал-вуʻāт* (изд. 1326 г.), стр. 328 представляетъ ошибку: вѣрную цифру находимъ у его источника Йāкӯта (изд. Margoliouth въ E. J. W. Gibb Memorial) т. V, 81, а сверхъ того по припискѣ въ одной лейденской рукописи мы знаемъ, что еще въ 385 г. ал-Мухаллабӣ занимался педагогической дѣятельностью (см. Catalogus Codd. Orient. Bibl. Academiae Lugduno Batavae — I², 1888, 366).

[2] О чтеніи этой *нисбы* см. ас-Семʻāнӣ (E. J. W. Gibb Memorial, т. XX) л. 554 г.

[3] Йāкӯтъ, op. cit. I, 277—279 и V, 81—82; ас-Суйӯтӣ 328 и 425. Одно сочиненіе этого ан-Неджйрамӣ сохранилось въ каирской рукописи и реферировано Goldziher'омъ въ Mélanges Hartwig Derenbourg, Paris 1909, стр. 224—228.

[4] ʻАбд-ал-Вāхид-ибн-ʻИсā (Catalogus etc. I, 366—367). О другихъ членахъ этой семьи см. еще Goldziher, op. cit., ibid., прим. 2.

[5] Ссылки съ его именемъ встрѣчаются въ комментаріи неоднократно — см. л. 21, 22, 23v.

[6] Л. 141v: هذا البيت من غير النسخة.

[7] Упоминается въ числѣ источниковъ отдѣла про Зӯ-р-Румму въ *Китāб-ал-аiāнӣ* — XVI, 121, 128.

сонника — 35v, экзегета Ибн-'Аббāса — 33v; изъ мало извѣстныхъ — Мухаммеда-ибн-ал-Хаджжāджа ал-Асадӣ — 20v[1], Хаммāда-ибн-Зейда — 33v, ал-Хасана — 29, Абӯ-Зійāда ал-Килāбӣ — 45, Исхāка-ибн-Сувейда — 54, Ибн-Шāдāна—147 и Ибн-Махлада—90.

Комментарій не совсѣмъ равномѣренъ и болѣе обстоятеленъ въ срединѣ (приблизительно л. 20—90); возможно, что онъ составленъ изъ неоднородныхъ частей. У комментатора замѣтенъ извѣстный интересъ къ персидскимъ заимствованіямъ, которыя онъ систематически пытается разъяснять[2].

Въ болѣе обстоятельныхъ частяхъ комментарія довольно часто приводятся стихи другихъ поэтовъ, спискомъ которыхъ я закончу замѣтку о вновь открытой рукописи. Самъ Зӯ-р-Румма привлекается только одинъ разъ — 20v; возможно, что его стихи имѣются въ нерѣдкихъ безымянныхъ цитатахъ — 2, 21v, 25v, 26v, 27, 30v, 33 (дважды), 34, 37v, 38, 39v, 44, 46v, 53v, 61v. По нѣсколько разъ привлекаются поэты «реджезники» — رؤبة 19v, 28v, 30 и العجّاج 30v, 33 ابو النجم 35v, 45v, 94v. Изъ прочихъ — два раза цитуются только ابو زبيد 3, 84 и لبيد 32, 49, а по одному ابن أحمر — 41v, الأخطل — 21, الأعشى — 50, توبة بن الحميّر 35, الحطيئة — 20, عدىّ بن الخنساء — 73v, ابو ذؤيب 151, الراعى — 24, عبيد بن الابرص — 39v, النابغة زبيد 39v, عنترة 65, الفرزدق 62, ابو مفرع (sic! вѣроятно ابن مفرغ) — 35v, الجعدىّ 20v.

Печатая настоящую замѣтку, я не могу подавить тяжелаго чувства. Скоро уже четыре года, какъ ученые вынуждены вести свою работу «сепаратно», находя единственное утѣшеніе въ самомъ процессѣ труда и въ слабой надеждѣ, что когда нибудь результаты его все-таки войдутъ въ общую сокровищницу человѣческаго знанія; возможно, что за этотъ долгій срокъ уже разрѣшены всѣ затронутые мною вопросы о редакціяхъ дӣвāна Зӯ-р-Руммы — разрѣшены изданіемъ въ Англіи (Macartney) или намѣчавшимися спеціальными работами въ Австріи (Geyer). Я не сомнѣваюсь только, что и въ такомъ случаѣ новое пріобрѣтеніе Азіатскаго Музея доставитъ не лишенныя интереса дополненія къ добытымъ на западѣ выводамъ.

П. Декабрь 1917.

---

[1] Цитуется въ томъ же отдѣлѣ *Китāб-ал-агāнӣ*—XVI, 119, 125, 127 съ характернымъ замѣчаніемъ въ послѣднемъ мѣстѣ ما رأيت تميميًّا أعلم منه.

[2] يلمق — 17v, 39 رشم — 21 نيم — 27 مهرق — 34v خورنق — 36.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Персидскія рукописи, поступившія въ Азіатскій Музей Россійской Академіи Наукъ съ кавказскаго фронта.

А. А. Ромаскевича.

(Представлено академикомъ **В. В. Бартольдомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 17 января 1918 г.).

Среди мусульманскихъ рукописей, поступившихъ въ 1916—1917 гг. въ Азіатскій Музей съ кавказскаго фронта и оказавшихся въ преобладающей части арабскими, находится, помимо нѣкотораго количества турецкихъ, и нѣсколько десятковъ персидскихъ рукописей, составленіе описи которыхъ Азіатскій Музей поручилъ мнѣ. Часть этихъ рукописей была уже зарегистрована и описана покойнымъ академикомъ К. Г. Залеманомъ.

Исторія составленія коллекціи упомянутыхъ мусульманскихъ рукописей и общая ея характеристика въ научномъ отношеніи уже извѣстны изъ описанія арабской части И. Ю. Крачковскаго[1].

Система, которой я придерживался при составленіи настоящей описи, въ видахъ однообразія и по соображеніямъ приведеннымъ И. Ю. Крачковскимъ, тождественна съ системой примѣненной имъ при описаніи арабской части коллекціи. Допущенныя сокращенныя ссылки на европейскую литературу ограничиваются слѣдующими сочиненіями: Rieu [Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum]; Ethé I. O. [Catalogue of the Persian Manuscripts in the Library of the India Office]; Ethé B. [Catalogue of the Persian... Manuscripts in the Bodleian Library]; Br[ockelmann. Geschichte der arabischen Litteratur].

По содержанію персидская часть коллекціи не вызываетъ особеннаго интереса; она можетъ служить лишь показателемъ того, въ какомъ направленіи персидское литературное творчество привлекало къ себѣ вниманіе въ мѣстности и въ эпоху, къ которымъ относится все собраніе рукописей.

---

1 ИРАН 1917, стр. 913—920.

На первомъ мѣстѣ, какъ и слѣдовало ожидать, стоитъ поэзія, представленная главнымъ образомъ популярнымъ «Гулистаномъ» Са'дӣ; далѣе — суфизмъ, причемъ слѣдуетъ отмѣтить вниманіе, которое удѣлено здѣсь дервишескому ордену «накшбандӣ», получившему распространеніе въ этой мѣстности какъ и на всемъ Кавказѣ (22,37[аб]; 38,14). Случайнымъ и страннымъ, но для насъ рѣдкимъ и цѣннымъ пріобрѣтеніемъ является нахожденіе въ составѣ коллекціи житія шейха Ахмади Джāма (5,21)[1], одного изъ древнѣйшихъ житій суфійскихъ святыхъ; сама рукопись отличается сравнительной полнотой и древностью (IX—X в. Г.).

Изъ историческихъ сочиненій обращаетъ вниманіе краткое родословіе курдовъ (19,8[б]) رسالة انساب الاكراد, собственно исторія эмировъ и ихъ родовъ, стоявшихъ во главѣ шести курдскихъ племенъ: Хаккāрӣ, 'Имāдійе, Суһрāнъ, Бāбāнъ, Арделāнъ и Мукрӣ. Исторія Вассāфа (12,9) تاريخ وصّاف характерна для данной коллекціи какъ образецъ изысканной персидской прозы и вычӯрнаго стиля, вкусъ къ которымъ и понынѣ не изсякъ на Востокѣ.

Изъ другихъ областей знанія представлены лексикологія, грамматика, догматика; рѣдокъ сравнительно комментāрій Корана تاج التراجم فى تفسير القران للاعاجم Абӯль-Музаффара Исферāйнӣ (20,7).

ا

اساس المصلى لبدر الدين بن ركن الدين 5,19[в]

اشعار فارسى (حافظ، سعدى، منلا جلال، سعيد هروى، محتشم) 9,23[ж] (شيخ سعدى، حافظ، حضرت مولانا) 22,9[агд]; 22,37[вгд]

اصطلاحات منلا خواجه حافظ 22,37[д]

انوار الرمل لعبد الغنى حافظ شيروانى 21,22

ت

تاج التراجم فى تفسير القران للاعاجم لشيخ الامام ابو المظفّر طاهر بن محمّد اسفراينى 20,7 (Ethé I. O. 1465).

تاريخ معجم فى اوصاف ملوك العجم من تاليفات وصّاف (?) (1233 г.) (Rieu 811—812) 19,8[б]

تاريخ وصّاف (مجلّد اوّل) (1043 г.) (Rieu 161—163; Ethé B. 147) 12,9

تحفة الملوك 17,22[в]

[1] См. W. Ivanow. A Biography of Shaykh Ahmad-i-Jam. JRAS, April, 1917, pp. 291—365. Краткая біографія, къ тому-же дефектная — всего 13 лл., болѣе поздняго происхожденія.

ش

ص

ع

غ

ف

ق

ك

گ

ل

لباب الاخبار (Ethé I. O. 2639) 5,19[а]

لغت حليمى للطف الله الحليمى (Деф.) (Rieu Suppl. 164) 5,13

لغت نعمت الله (1202 г.) (Rieu 514—515) (ПТ.) 43,23

لوائح القمر لحسين بن على السهقى المشتهر بالكاشفى 35,13[б]

ليلى ومجنون لهاتفى (Rieu 152) 9,23

م

ما لا بد فارسى لامام محمّد غزالى 17,14

مائة كلمة عليّة عالية (ترجمهٔ صد كلمهٔ على) (Rieu 553—4) 23,7[а]

مبينات عشره 17,22[г]

مرصاد العباد من المبدا الى المعاد لنجم الدين دايه (Rieu 38—39) 38,9

مشكلات انشاء 17,22[з]

مشكلات شيخ اكبر 2,14[г]

مقامات شيخ احمد جام (Ethé B. 240; Ethé I. O. no 910) 5,21

مناجات (АП.) 9,23[л]

مناجات خواجه عبد الله الانصارى 17,22[в]

ن

نورنامهٔ حضرت محمّد مصطفى 17,22[л]

ه

هشت بهشت لادريس بن حسام الدين البدليسى (Деф.) (Rieu 216—218) 36,9

و

وصيّت مولانا جلال الدين رومى 22,9[в]

وصيّة نامهٔ رسول لحضرت على (Rieu 851) 23,15[а]

ى

يادكار خير لابى منصور المظفّر بن محمود بن الفرج الطبرى 17,24[б]

Въ приведенный списокъ не вошли двѣ рукописи, не поддавшіяся болѣе точному опредѣленію: 16,9[д] — трактатъ по грамматикѣ, повидимому, переводъ или передѣлка находящагося въ этой-же рукописи трактата по арабской грамматикѣ ал-Джурджāнӣ العوامل مائة, на что намекаетъ ссылка на послѣдній; 37,10 — безъ начала и конца (АПТ) — разсказы изъ священной исторіи.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Краткая опись матеріаловъ для изученія персидскихъ нарѣчій и говоровъ, собранныхъ въ 1912—1914 годахъ въ Персіи.

В. А. Иванова[1].

(Представлено академикомъ **С. Ѳ. Ольденбургомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 17 января 1918 г.).

A. Говоръ округа Бирджанда:

I. Поэтическіе образцы (четверостишія, свадебныя, колыбельныя, юмористическія пѣсни и т. п. — всего около 500 номеровъ), собранные:

a) въ деревняхъ по обоимъ склонамъ хребта Бāҕрāн (съ запада на востокъ): — Гӯбегӯ, Ріqōт, Нōрманџ, Зірӯч, Йӧшт, Гуl, Ферīз, Хӯрōшōд, Һаріwанд, Кеніш̄т и др.

b) Въ деревняхъ по руслу Рӯд-і-Бірџанд: — Шōsile, Ṭẹhqōб, Маʿсӯмōбōд.

c) Деревни въ горахъ къ сѣверу отъ Бирджанда: — Гурōңг (къ западу отъ хребта Ōрҕ), Чōhak, Сеhдеh, Мōhіōбōд и др.

d) Горы къ востоку отъ Бирджанда: — Зірk, Дарміӯн, Џ̧езіk, Таббас и др.

---

[1] [Небольшая часть матеріаловъ, собранныхъ В. А. Ивановымъ, была использована имъ, по предложенію К. Г. Залемана, въ статьѣ «Нѣсколько образцовъ персидской народной поэзіи» (ЗВО. XXIII. 33—59). Я рѣшился просить В. А. сообщить хотя бы краткій списокъ имѣющихся у него въ рукописи матеріаловъ, зная какъ легко исчезаютъ такія, драгоцѣнныя для науки данныя, при перемѣнчивости общихъ условій русской жизни, какъ для всей нашей страны, такъ и для отдѣльныхъ русскихъ людей. Невозможность найти слѣды несомнѣнно существовавшаго матеріала дѣлаетъ поиски затерявшагося обыкновенно безплодными. И тутъ особенно важна наличность списковъ того, что есть еще налицо. Въ области персидскихъ нарѣчій и вообще живыхъ иранскихъ языковъ и нарѣчій русскими учеными сдѣлано немало, начиная еще съ первыхъ робкихъ попытокъ XVIII вѣка и до нашихъ дней, и продолженіе этой ученой традиціи особенно желательно. Въ ближайшемъ будущемъ мы надѣемся сообщить списки лингвистическихъ матеріаловъ по иранскимъ нарѣчіямъ, которые любезно обѣщаны намъ А. А. Ромаскевичемъ (Персія) и И. И. Зарубинымъ (Памиры). Сергѣй Ольденбургъ].

II. Прозаическіе образцы и отрывки: — сказки, анекдоты, драматическія сцены (шаб-бо̄зӣ), причитанія и т. п., собранные, главнымъ образомъ, отъ жителей деревень Но̄рманц, Ṭеhqо̄б, Гӯбегӯ, Бӯшрӯје (округъ г. Тӯн'а) и др.

III. Нѣсколько дефектныхъ, но дополняющихъ другъ друга списковъ версифицированнаго ферхенга нѣкоего Мулла̄ Сабӯх̣ӣ (ملا صبوحی), жившаго около ста лѣтъ назадъ, собравшаго наиболѣе «смѣшныя», т. е. обыкновенно наиболѣе своеобразныя выраженія жителей этого округа.

IV. На основаніи наблюденій надъ указаннымъ выше матеріаломъ былъ составленъ краткій очеркъ фонетическихъ и морфологическихъ особенностей бирджандскаго говора (эта статья, предполагавшаяся для напечатанія въ JRAS, въ настоящее время, послѣ работы Lorimer. Notes on the Gabri Dialect of Modern Persian, JRAS, 1916, pp. 423—489 — нуждается въ полной переработкѣ).

Б. Матеріалы, собранные во время пути изъ Бирджанда въ Исфаганъ черезъ Таббасъ, Аноракъ и Наинъ, весной 1913 г.:

I. Къ говору Бирджанда: — образцы изъ деревень Іспаk, Курӣṭ и др. (Зап. склонъ Таббасскаго хребта).

II. Образцы, небольшой словарь и спряженія глаголовъ нарѣчія области Біо̄бӯнаk (округа Джандака и Хӯра), записанные въ дер. Міhреṇа̄н.

III. То-же для нарѣчій Ано̄рака (Но̄рӯ́суне) и На̄йна (Но̄́ін), записано въ обоихъ этихъ городахъ.

В. Матеріалы, собранные во время пути изъ Шираза въ Асхабадъ въ 1914 г., черезъ Іездъ, Таббасъ и Себзеваръ:

Записи въ Сивандѣ, Абаркухѣ, Тафтѣ, Сейфабадѣ и др.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ 1918.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Къ вопросу о полумѣсяцѣ, какъ символѣ ислама.

В. В. Бартольда.

(Доложено въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 31 января 1918 г.).

Въ задачу настоящей статьи не входитъ разсмотрѣніе во всемъ его объемѣ сложнаго вопроса о полумѣсяцѣ, какъ религіозномъ и геральдическомъ символѣ, унаслѣдованномъ мусульманскими народами отъ болѣе древнихъ народовъ Азіи. Настоящія строки имѣютъ цѣлью только обратить вниманіе на нѣкоторыя стороны этого вопроса, до сихъ поръ еще недостаточно выясненныя. Несмотря на нѣкоторые факты, указывающіе на раннее усвоеніе этого символа исламомъ, появленіе полумѣсяца надъ крышами и куполами мечетей и противопоставленіе его кресту христіанскихъ храмовъ — явленія сравнительно позднія и неполучившія общаго распространенія. Въ русской литературѣ было обращено вниманіе[1] на свидѣтельство автора X в. Ибн-ал-Факиха[2] о двухъ полумѣсяцахъ, посланныхъ въ Мекку халифомъ Омаромъ I и «повѣшенныхъ въ Ка'бѣ»; изъ этого видно, что полумѣсяцу въ религіозномъ культѣ придавали тогда другое значеніе, чѣмъ впослѣдствіи. Едва ли даже въ разсказахъ первоисточниковъ о крестовыхъ походахъ можно встрѣтить выраженія, гдѣ бы борьба христіанства съ исламомъ изображалась, какъ борьба креста съ полумѣсяцемъ; въ разсказѣ Ибн-ал-Асира[3] о взятіи Іерусалима Саладиномъ въ 1187 г. говорится о снятіи большого позолоченаго креста съ вершины Сахры (скалы), но ничего не говорится о водруженіи вмѣсто него полумѣсяца. Въ докладѣ Н. Я. Марра о раскопкахъ въ Ани, прочитанномъ въ декабрѣ 1911 г. въ восточномъ отдѣленіи Рус-

---

[1] К. А. Иностранцевъ въ ЗВО. XVII, 69 и 76.

[2] Bibl. Geogr. Arab. V, 20, 20.

[3] Ibn el-Athir ed. Tornberg XI, 364. Текстъ также въ хрестоматіи Гиргаса и бар. Розена, стр. 269.

скаго Археологическаго Общества, упоминалось объ обращеніи анійскаго собора въ XI в. въ мечеть, причемъ «изъ Хлата выписанъ былъ серебряный полумѣсяцъ для водруженія на куполѣ взамѣнъ креста, вновь возстановленнаго грузинскимъ царемъ Давидомъ Строителемъ въ первой четверти XII в.». Во время преній, вызванныхъ докладомъ, Я. И. Смирновымъ было высказано предположеніе, что «молодой мѣсяцъ могъ быть на анійскихъ мечетяхъ, какъ на сельджукскихъ постройкахъ въ Малой Азіи, символомъ не религіознымъ, а династическимъ, такъ какъ Шеддадиды были вассалами Сельджукидовъ»[1]. Во всякомъ случаѣ полумѣсяцъ, какъ религіозный символъ, имѣвшій для мечетей то же значеніе, какъ крестъ для христіанскихъ храмовъ, былъ характеренъ не для ислама вообще, но спеціально для турецко-османскаго ислама, и напримѣръ на туркестанскихъ мечетяхъ не встрѣчался до русскаго завоеванія.

Часто упоминалось о полумѣсяцѣ, какъ мотивѣ сасанидскаго искусства и, вѣроятно, сасанидской геральдики; указывалось на изображеніе полумѣсяца на сасанидскихъ монетахъ; но писавшіе о полумѣсяцѣ, если не ошибаюсь, до сихъ поръ не обратили вниманія на текстъ, хотя давно изданный и переведенный, гдѣ говорится о полумѣсяцѣ на куполѣ сасанидскаго храма.

Въ приведенномъ у Якута[2] разсказѣ Абу-Дулефа (X в.) о храмѣ Шизъ (нынѣ развалины Тахт-и-Сулейманъ), главной государственной святынѣ сасанидской Персіи, между прочимъ сказано: «На вершинѣ его купола серебряный полумѣсяцъ, служащій талисманомъ; многіе изъ эмировъ хотѣли его удалить, но не были въ состояніи». Очень вѣроятно, что полумѣсяцъ надъ куполомъ Шиза былъ символомъ не столько религіознымъ, сколько династическимъ, и что этотъ символъ не былъ распространенъ въ восточной части Ирана; иначе онъ въ мусульманскомъ мірѣ получилъ бы болѣе широкое распространеніе.

Средневѣковые авторы чаще говорятъ о полумѣсяцѣ на знаменахъ, чѣмъ о полумѣсяцѣ на мечетяхъ. Употреблявшійся въ государствѣ Фатими-

---

[1] ЗВО. XXI, стр. XLVII и сл. Проф. В. Томсеномъ (Turcica, Helsingf. 1916 = Mém. de la Soc. Finno-Ougrienne XXXVII, 31) высказано предположеніе, что полумѣсяцъ задолго до ислама, еще въ VIII в., «était déjà devenu l'emblème des Turcs», но это мнѣніе основано только на крайне шаткомъ толкованіи слова надписи Кюль-тегина [illegible] (въ изданіи Меліоранскаго ЗВО. XII, К. 33,19) какъ *ajalmasinda* «(paré de) son diamant (en forme) de lune». Противоположную крайность представляетъ мнѣніе, выраженное въ энциклопедіи Th. P. Hughes (Dictionary of Islam, s. v. crescent), что турки заимствовали этотъ символъ у византійцевъ и усвоили его только послѣ завоеванія Константинополя.

[2] Jacut s. v. شيز (III, 355,2). Cp. A. V. W. Jackson, Persia past and present, 1906, p. 132.

довъ терминъ хāфиръ (подкова), для обозначенія «полумѣсяца изъ красныхъ яхонтовъ», прикрѣплявшагося къ вѣнцу халифа[1], заставляетъ полагать, что въ полумѣсяцѣ видѣли не только изображеніе небеснаго свѣтила, но также изображеніе копыта боевого коня. На такое же толкованіе намекаетъ анонимный авторъ, писавшій въ XVI в. въ Дамаскѣ свою лѣтопись, единственная рукопись которой находится въ Тюбингенѣ[2]. Въ пятницу 30-го рамазана 923 г. (16 октября 1517) румцы (турки-османцы) вынесли изъ цитадели Дамаска въ мечеть Омейядовъ красное знамя, безъ вышивки, съ серебрянымъ позолоченымъ полумѣсяцемъ на верхушкѣ, и поставили его у среднихъ изъ трехъ воротъ, находящихся подъ «орлинымъ куполомъ», какъ его ставили обыкновенно; имъ замѣнили прежнее, болѣе великолѣпное знамя черкесовъ, изъ желтаго атласнаго бархата, съ вышивкой и золотымъ полумѣсяцемъ, «походившимъ на копыто (коня) Мустафы»[3] (т. е. Мухаммеда)[4]. Едва ли могло бы быть подтверждено какими-нибудь средневѣковыми мусульманскими текстами мнѣніе Якубъ-Артинъ-паши о полумѣсяцѣ «comme un symbole de bonheur, de joie, de renouveau, ou comme désignant la nouvelle religion dans sa croissance»[5].

---

[1] ЗВО. XVII, 26.
[2] Ср. Міръ Ислама I (1912), 373, пр. 2.
[3] وهلاله من ذهب شبه نعل المصطفى.
[4] Тюбингенская рукоп. M. a. VI. 7, л. 84 б.
[5] Yacoub Artin Pacha, Contribution à l'étude du blason en Orient, Londres 1902, p. 145.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Памяти Василія Павловича Васильева и о его трудахъ по буддизму.

1818—1918.

С. Ѳ. Ольденбурга.

(Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Россійской Академіи Наукъ $\frac{\text{5 марта}}{\text{20 февраля}}$ 1918 г.).

Жуткое чувство испытываетъ тотъ, кому приходится заниматься исторіею науки въ Россіи: смѣлыя начинанія, глубокія мысли, рѣдкіе таланты, блестящіе умы, даже кропотливый и упорный трудъ, все это встрѣчаешь съ избыткомъ; и тутъ же приходится отмѣчать, какъ все обрывается: длинные ряды «первыхъ» томовъ, «первыхъ» выпусковъ, которые никогда не имѣли преемниковъ; широкіе замыслы, застывшіе какъ-бы на полусловѣ, груды ненапечатанныхъ, полузаконченныхъ рукописей. Громадное кладбище неосуществленныхъ начинаній, несбывшихся мечтаній. Всего два въ сущности съ небольшимъ вѣка этой молодой русской наукѣ, а какъ длиненъ ея мартирологъ...

Эти горькія мысли невольно напрашиваются сегодня, когда мы вспоминаемъ жизнь и труды крупнаго и оригинальнаго русскаго ученаго Василія Павловича Васильева. Точно предчувствіемъ того, что ждало его въ жизни, были мысли маленькаго мальчика Васи, о которыхъ вспоминаетъ, говоря о своемъ дѣтствѣ, знаменитый ученый:... «право же не выдумываю, мнѣ приходило въ голову, что весь міръ созданъ исключительно для меня, чтобы меня мучить; что все меня окружающее обманъ — вотъ какой я былъ самородный буддистъ». Тяжелыя мысли маленькаго мальчика, къ несчастію, оправдались въ жизни ученаго.

Девяти лѣтъ мальчикъ кончилъ уѣздное училище и отецъ хотѣлъ опредѣлить его на службу въ губернское правленіе, но такихъ маленькихъ туда

не брали и Васю отецъ посадилъ на школьную скамью, опять въ уѣздное училище, откуда Васильевъ перешелъ въ гимназію, гдѣ и кончилъ курсъ 14 лѣтъ. Пришлось два года ждать права поступленія въ университетъ и заняться даваніемъ уроковъ, чтобы скопить деньги на университетское ученіе: отецъ его умеръ, а мать не могла сама содержать семьи. Эту суровую школу жизни Василій Павловичъ вспоминалъ съ благодарностью, прибавляя, что многимъ въ своемъ развитіи обязанъ преподавательской дѣятельности: «уча учился».

Казанскій университетъ въ то время былъ уже разсадникомъ востоковѣдѣнія и Васильевъ справедливо указываетъ на значеніе въ этомъ отношеніи попечителя Мусина-Пушкина. Университетскіе годы Василія Павловича падаютъ на 1834—1837 года, и единственнымъ, повидимому, имѣвшимъ на слушателей вліяніе профессоромъ оріенталистомъ былъ О. М. Ковалевскій. Въ автобіографіи[1] Василія Павловича отмѣчено: «моимъ развитіемъ, проявленіемъ моихъ оригинальныхъ взглядовъ въ наукѣ и государственности, я обязанъ профессору поляку (Осипу Михайловичу Ковалевскому)»... Въ чемъ именно состояло это вліяніе, кромѣ отмѣчаемаго Васильевымъ требованія подвергать все критикѣ sine ira et studio, мы затрудняемся сказать, такъ какъ видимъ мало общаго между обоими учеными и въ манерѣ работать и въ общихъ взглядахъ. Судя по тому какъ въ своей автобіографіи Василій Павловичъ скользитъ по воспоминаніямъ университетскихъ годовъ, оставляющихъ обыкновенно такой громадный слѣдъ въ жизни тѣхъ, кому было дано пройти университетскій курсъ, приходится думать, что Казанскій университетъ тѣхъ дней не для всѣхъ своихъ питомцевъ былъ настоящей alma mater. И дѣйствительно, Васильевъ, какъ ученый, главнымъ образомъ автодидактъ, на немъ мало замѣтны слѣды школы, и самъ онъ, какъ мы отмѣтимъ далѣе, школы не создалъ.

Неопредѣленность нашихъ свѣдѣній о ходѣ университетскихъ занятій Василія Павловича распространяется и на первый его ученый трудъ, оставшійся какъ и столько другихъ работъ Васильева ненапечатаннымъ и какъ многія изъ нихъ исчезнувшій. Мало того, мы даже не вполнѣ можемъ быть увѣрены, что точно знаемъ его заглавіе: повидимому, оно носило двойное названіе: «Объ основаніяхъ философіи буддизма» (Духъ Алтанъ Гэрэла). Названіе это показываетъ, что съ первыхъ шаговъ своихъ научныхъ занятій Васильевъ интересовался буддійской философіей. Пропажа этого труда лишаетъ насъ возможности знать степень подготовки Васильева къ той работѣ, которая ждала его при поѣздкѣ на востокъ. Въ 1840 году онъ сталъ магистромъ, по представленіи только что упомянутой работы и въ

томъ же году отправился въ составѣ русской духовной миссіи въ Пекинъ, гдѣ и пробылъ 10 лѣтъ.

Въ инструкціи [2], данной при отправленіи Васильеву, мы хотѣли бы особенно отмѣтить совѣтъ хранить безпристрастіе, необходимое для научной работы и не дѣлаться ни «китайскимъ патріотомъ», ни китаененавистникомъ. О томъ какъ много дало это пребываніе Васильеву говоритъ трудъ всей его жизни, самъ же онъ вспоминалъ объ этихъ годахъ какъ тягчайшихъ въ своей трудной жизни.

«Мнѣ привелось лучшіе годы моей жизни провести вдали отъ отечества, въ такихъ страшныхъ тискахъ, что, если бы не предаваться мечтамъ о величіи и назначеніи своего отечества, въ которомъ вѣдь считаешь себя единицей, то не было бы возможности сохранить жизнь» [3]. «Большія тягости приходилось тогда выносить міранину, увлекавшемуся любознательностью; онъ долженъ былъ на десять лѣтъ, самыхъ лучшихъ лѣтъ своей жизни, запереться въ домѣ миссіи, подчиняться всѣмъ распоряженіямъ ея начальника, который нерѣдко оказывался врагомъ научнаго образованія; десять лѣтъ приходилось не видать не только ни одного европейца, но даже ни одного русскаго, кромѣ тѣхъ, съ которыми онъ пріѣхалъ, а китайцы требовали, чтобы пріѣзжало не болѣе десяти человѣкъ» [4]... «и вотъ я десять лѣтъ горѣлъ внутреннимъ огнемъ, меня всего жгло, а нужно было казаться беззаботнымъ, веселымъ, что можетъ быть тяжелѣе того униженія, которое высказывается признаніемъ!» [5].

Мы нарочно привели подлинныя слова Василія Павловича, потому что въ нихъ, написанныхъ много лѣтъ послѣ возвращенія изъ Китая, сказывается вся горечь тяжелой жизни, въ нихъ ярко чувствуются тѣ тиски, которые мучили его и мѣшали ему устраивать свою жизнь такъ, какъ ему казалось лучше.

Въ Архивѣ Конференціи Академіи есть «дѣло» (№ 77): «О Пекинской Миссіи и о путешествіи кандидата Васильева», начатое 28 августа 1839 г. Здѣсь больше всего поражаетъ крайняя «вѣдомственность» отношенія «начальниковъ» Миссіи — Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: насколько записки академиковъ заботятся о сути дѣла, полны интереса и довѣрія къ Васильеву, настолько сухо формальны отписки Министерства; чувствуется, что ему неловко оставить безъ вниманія науку, оно ссылается на то, что сдѣлало для Миссіи, закупивъ научныя книги и серіи спеціальныхъ журналовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуешь, что молодой кандидатъ не найдетъ здѣсь той поддержки, которую вправѣ ожидать отъ своихъ ученый, собирающійся долго работать въ чужой странѣ. Не даромъ Васильевъ указы-

ваетъ на вражду главы вѣдомства Иностранныхъ Дѣлъ графа Нессельроде съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія Уваровымъ, вражду, отъ которой приходилось страдать ни въ чемъ неповинному молодому ученому; автобіографія говоритъ тутъ красочнымъ языкомъ Василія Павловича: «Вотъ ужъ именно оправдывается поговорка: «старшіе дерутся, а отъ маленькихъ щепки летятъ!» То, что Васильевъ постоянно возвращается мыслью къ этимъ тяжелымъ годамъ его жизни, показываетъ какъ глубоко залегло въ его душу озлобленіе противъ режима тисковъ. Это озлобленіе сказалось даже въ его «Воспоминаніяхъ о Пекинѣ» въ отношеніи его къ самому городу[6]. Врядъ ли однако Василій Павловичъ былъ правъ, поддаваясь такому настроенію: долголѣтнее пребываніе въ Китаѣ, возможность изучать Китай при содѣйствіи китайцевъ въ теченіе ряда лѣтъ создали ему исключительное положеніе среди спеціалистовъ, дали ему знанія въ спеціально его интересовавшей области, какихъ тогда ни у кого не было[7]. Въ этой тяжелой и суровой школѣ онъ научился работать и искать именно въ работѣ источникъ силы для жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное общеніе съ людьми востока, если и не внушило ему особенной любви къ нимъ, то научило его относиться къ востоку съ той вдумчивостью и вниманіемъ, на которыя рѣдко бываетъ способенъ европеецъ, судящій обыкновенно о востокѣ по бѣглымъ впечатлѣніямъ путешественника или даже туриста. Отношеніе Васильева къ востоку было чрезвычайно глубокое, онъ считалъ, что общенію съ нимъ, связи съ нимъ слѣдуетъ придавать особенное значеніе, онъ выразилъ это въ своей автобіографіи въ знаменательныхъ словахъ: «Я говорилъ, вы все думаете о Западѣ, начните съ Востока, скорѣе туда дойдете».

О томъ, что̀ въ научномъ отношеніи Василій Павловичъ вынесъ и вывезъ изъ своего долголѣтняго пребыванія въ Китаѣ скажутъ мои товарищи и мнѣ самому придется коснуться этого далѣе, теперь же продолжу указанія на канву дальнѣйшей жизни Василія Павловича.

Онъ вернулся въ Россію въ 1850 году, а въ 1851, съ начала года занялъ каѳедру китайскаго языка въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ онъ преподавалъ и манчжурскій. Своихъ глубокихъ познаній въ тибетскомъ, пріобрѣтенныхъ изъ книгъ и изъ общенія съ учеными ламами ему не пришлось примѣнить въ преподаваніи, такъ какъ тибетскій языкъ не былъ еще включенъ въ университетское преподаваніе. Обстоятельство это ярко подчеркиваетъ наше неумѣніе организовывать дѣло и пользоваться людьми знанія: на западѣ мы постоянно видимъ какъ появленіе выдающагося спеціалиста является стимуломъ для предоставленія ему возможности путемъ созданія каѳедры образовать школу, у насъ же мы видѣли съ одной стороны

пустующія каѳедры, съ другой спеціалистовъ, не находившихъ примѣненія своимъ знаніямъ.

Въ Казани Василій Павловичъ оставался не долго, а въ 1855 году мы уже видимъ его въ С.-Петербургѣ, профессоромъ только что учрежденнаго Факультета Восточныхъ Языковъ. Казалось бы, съ внѣшней стороны, жизнь Василія Павловича вошла именно въ то русло, къ которому онъ стремился и которое естественно для всякаго ученаго, считающаго необходимымъ созданіе школы въ той области, въ которой онъ работаетъ и смотрящаго поэтому на университетскую каѳедру какъ на могучее средство для разработки науки. Василій Павловичъ и отдался профессурѣ, началъ составлять университетскіе учебники, принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ жизни факультета, деканомъ котораго состоялъ въ теченіе ряда лѣтъ, писалъ записки по разнымъ вопросамъ факультетской организаціи и постановки преподаванія, явился главнымъ инціаторомъ предполагавшагося къ изданію Факультетомъ Восточныхъ Языковъ періодическаго изданія «Азіатское Обозрѣніе» (1865)[8], однимъ словомъ, какъ и надо было ожидать отъ человѣка съ его энергіей, умомъ, талантами и инціативой, былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ факультета, которому въ исторіи русскаго востоковѣдѣнія, на ряду съ Академіею Наукъ, принадлежитъ безспорно первое мѣсто.

Вполнѣ признавая только что сказанное, я тѣмъ не менѣе сознательно упираю на оговорку, сдѣланную въ началѣ, что Василій Павловичъ лишь *съ внѣшней стороны* вошелъ въ свое русло. Ибо на ряду съ внѣшнимъ успѣхомъ, профессурой Васильевъ пережилъ глубочайшую для ученаго внутреннюю драму, отъ послѣдствій которой онъ, какъ ученый, никогда уже не оправился и которая наложила свою тяжелую печать на этого исключительно талантливаго русскаго человѣка; съ грустью думаешь, что мрачныя предчувствія мальчика сбылись и что въ самомъ важномъ и цѣнномъ для Василія Павловича, въ его научной работѣ, получился непоправимый надломъ. Въ предисловіи къ главной своей книгѣ «Буддизмъ» Васильевъ сказалъ объ этомъ въ поразительно краснорѣчивыхъ своею простотою и глубокою меланхоліею словахъ:

«Прошло уже почти семь лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ я выѣхалъ изъ Пекина; съ того времени другія занятія, которымъ я предался и съ любовью и по обязанности службы занимаютъ все мое вниманіе. Что я сознавалъ, что приготовленные мною матеріалы требуютъ еще тщательной отдѣлки, и поправокъ и дополненій, это видно изъ того, что я не спѣшилъ ихъ обнародовать; между тѣмъ время летитъ и съ нимъ направленіе моихъ занятій все болѣе и болѣе обращается въ ту сторону, которая не подаетъ

мнѣ надежды, что я могу въ скоромъ времени заняться отдѣлкой уже написаннаго; время летитъ и дѣлаетъ труды, которые могли казаться довольно свѣжими за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, запоздалыми и несоотвѣтствующими состоянію науки; изолированная дѣятельность ученаго пропадаетъ даромъ въ безвѣстности и если дѣло касается славы русскаго имени, убѣжденія, что и русскіе могутъ со своей стороны сдѣлать что-нибудь для науки, то тѣмъ болѣе не заслуживаетъ ли сожалѣнія безвѣстная смерть многолѣтней дѣятельности».....

Въ этихъ словахъ, увы, нѣтъ никакого преувеличенія, ибо если первый и третій томы «Буддизма» Василія Павловича имѣли большое значеніе для изученія этой міровой религіи и навсегда заняли почетное мѣсто въ исторіи этого изученія[9], то, конечно, не они могутъ служить истинною мѣркою Васильева, какъ спеціалиста по буддизму: это только его первые шаги, показатель того, что́ онъ считалъ нужнымъ сдѣлать, указаніе на тотъ путь, по которому, какъ онъ былъ убѣжденъ, надо было идти, чтобы понять эту сложную религію, покоющуюся на философскомъ базисѣ, построенномъ величайшими умами Востока. Васильевъ самъ справедливо говоритъ про свой первый томъ «Буддизма», что это «только первая и самая меньшая часть моихъ матеріаловъ». Вѣдь мы должны помнить, что онъ привезъ въ переводахъ, извлеченіяхъ и обзорахъ весь китайскій такъ называемый канонъ буддійскихъ писаній, извлеченія изъ громаднаго количества китайскихъ и тибетскихъ книгъ догматическаго содержанія — тысячи листовъ рукописей, писанныхъ его рукою, въ которые была вложена его изслѣдовательская мысль, его пониманіе буддійскихъ текстовъ. Мнѣ приходилось наталкиваться на недовѣріе, даже въ ученыхъ кругахъ, когда я говорилъ объ этихъ матеріалахъ и выслушивать вопросъ: «да гдѣ же эти матеріалы, о которыхъ вы съ такимъ увлеченіемъ говорите?» Жуткій отвѣтъ приходилось и приходится мнѣ давать: «въ печкѣ и въ мусорной ямѣ». Вотъ почему я не могу считать преувеличеніемъ мои слова о глубокой драмѣ жизни Васильева — ученаго, вотъ почему не преувеличеніе и его пророческія слова о «безвѣстной смерти многолѣтней дѣятельности». Еще молодымъ студентомъ видѣлъ я у него и получилъ драгоцѣнное право прочесть сотни листовъ этихъ рукописей, жалкіе остатки дивнаго цѣлаго, которыхъ ко дню его смерти не существовало, ибо онъ уже ихъ не берегъ...

Съ Васильевымъ повторилось то, что составляетъ драму жизни другого, величайшаго русскаго таланта и ученаго Ломоносова — онъ опередилъ свое время; среди русскихъ людей его дней не было почвы, на которой могла бы взойти жатва посѣянныхъ имъ сѣмянъ, не было той

русской среды, которая могла бы оцѣнить значеніе его трудовъ, а они всѣ были написаны по русски и составляли цѣлую библіотеку, издать которую было бы чрезвычайно трудно.

Одна, еще полуиностранная тогда, Академія Наукъ откликнулась съ сочувственнымъ вниманіемъ, издала первый и третій томы «Буддизма», впослѣдствіе начала печатаніе второго, позаботилась о переводѣ перваго тома сперва на французскій языкъ[10], а когда этотъ переводъ оказался непригоднымъ для напечатанія, то о переводѣ на нѣмецкій языкъ компетентнѣйшимъ нѣмецкимъ ученымъ — Бенфеемъ, однимъ словомъ сдѣлала почти все, что тогда было въ ея силахъ, если принять въ разсчетъ ея составъ. По отношенію ко всему остальному громадному матеріалу Васильева смертнымъ приговоромъ оказалось безусловно вѣрное для того времени: Rossica sunt, non leguntur.

Факультетъ Восточныхъ языковъ былъ еще слишкомъ юнъ и слабъ, чтобы поддержать такіе спеціальные труды, не стоявшіе въ достаточно прямой связи съ тѣмъ преподаваніемъ, которое надлежало создать и укрѣпить. Меценатовъ не оказалось, или Васильевъ не съумѣлъ ихъ найти, а общая среда русской жизни не была еще такова, чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ труды столь спеціальнаго характера; припомните только какъ слаба и скучна статья даже такого критика какъ Добролюбовъ, когда онъ говорилъ о первомъ томѣ Васильева[11].

Василій Павловичъ надолго отошелъ отъ своихъ работъ по буддизму и попытался вернуться къ нимъ только уже въ самомъ концѣ своей жизни, предполагая издать второй томъ «Буддизма», посвященный догматикѣ, и напечаталъ нѣсколько случайныхъ небольшихъ замѣтокъ: въ нихъ сказалось, конечно, его поразительное знаніе литературы, но онъ писалъ эти статьи по памяти, почти уже безъ справокъ и ссылокъ, не интересуясь новѣйшими изслѣдованіями, въ которыхъ онъ не видѣлъ достаточныхъ, по его мнѣнію, знаній.

Если мы всмотримся въ списокъ его трудовъ, то увидимъ, что кромѣ книгъ, связанныхъ съ преподаваніемъ и съ отдѣльными вопросами даннаго момента, онъ уже почти ничего не издалъ существеннаго, особенно по буддизму. Отдѣльно стоятъ его двѣ книги «Современные вопросы» (1875 — уничтожено цензурой) и «Три вопроса» (1878), которыхъ я не касаюсь, такъ какъ онѣ носятъ общественный, а не научный характеръ и «Религіи Востока: Конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ. С.-Петербургъ 1873».

Въ этомъ обстоятельствѣ мы усматриваемъ подтвержденія нашего указанія на переломъ, происшедшій въ Васильевѣ, когда онъ увидѣлъ, что не

можетъ издать результатовъ своей десятилѣтней работы на Востокѣ. Книга «Религіи Востока», мнѣ кажется, особенно въ этомъ отношеніи важна; въ ней полное пренебреженіе источниками и крайняя догматичность и вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнная предвзятость, противъ которой Василій Павловичъ такъ ополчался до перелома. Недаромъ благожелательный критикъ И. П. Минаевъ, относившійся всегда съ глубокимъ уваженіемъ къ Василію Павловичу, и необыкновенно цѣнившій его труды, говоритъ: «Прочитавъ со вниманіемъ новую книгу проф. Васильева, мы пришли къ убѣжденію, что онъ приступалъ къ своему дѣлу съ предвзятыми идеями, именно хотѣлъ доказать своимъ читателямъ превосходство запада надъ востокомъ и исконное цивилизаторское вліяніе перваго на послѣдній». Пользуясь словами самого Василія Павловича, надо сказать: «время летѣло и наука двигалась своимъ путемъ», который не интересовалъ Василія Павловича, и когда онъ въ «Религіяхъ Востока» вернулся къ интересовавшимъ его когда то вопросамъ, онъ уже не принялъ въ разсчетъ того, что было сдѣлано другими, а то, что добылъ самъ, далъ безъ новой необходимой провѣрки; въ результатѣ чего эта, любопытная во многихъ отношеніяхъ, работа почти не вошла въ научный обиходъ.

Одно время знаменитыя находки турецкихъ и китайскихъ надписей на Орхонѣ вернули Василія Павловича опять къ его спеціальности: привычнымъ глазомъ онъ разобралъ надписи и далъ блестящій набросокъ перевода, но на этомъ и остановилась работа. Кромѣ этого онъ мало принималъ участія въ трудахъ Академіи, которая избрала его въ свои члены въ 1886 году. Научный скептицизмъ его становился все сильнѣе и упорнѣе, онъ сталъ сомнѣваться во всемъ, особенно отрицать всякую древность историческихъ памятниковъ, изощряясь въ ихъ критикѣ. Я хорошо помню какъ ошеломляюще дѣйствовалъ его безбрежный скептицизмъ на наши молодые умы и какъ невольно рождался протестъ противъ этого безплоднаго, убивавшаго творчество отрицанія.

Послѣдніе годы жизни Василій Павловичъ жилъ сравнительно уединенно и изъ трудовъ главнымъ образомъ пересматривалъ второй томъ «Буддизма», въ чемъ ему помогалъ его, покойный нынѣ, ученикъ А. О. Ивановскій, собственноручно переписавшій нѣсколько сотъ страницъ рукописи Василія Павловича. Работа осталась неоконченной, и въ томъ видѣ какъ осталась не можетъ быть напечатана: злой рокъ и тутъ помѣшалъ!

Скончался Василій Павловичъ 27 апрѣля 1900 года 82 лѣтъ отъ роду, въ С.-Петербургѣ. Жизнь его сложилась особенно, на всей ней лежитъ отпечатокъ его яркой, своеобразной личности; Василій Павловичъ далъ очень

много русскому востоковѣдѣнію и востоковѣдѣнію вообще, его имя навсегда занесено въ исторію науки, и если тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь назвать его жизнь драмой ученаго, то дѣлаю это потому, что убѣжденъ, что самое важное, самое цѣнное изъ работы Васильева не увидѣло свѣта и при томъ не по его винѣ.

Давъ, какъ умѣлъ, представленіе о научной жизни Василія Павловича, я хотѣлъ бы еще выяснить значеніе въ наукѣ его основного замѣчательнаго труда «Буддизмъ. Его догматы, исторія и литература».[12]

Для того, чтобы уяснить себѣ мѣсто, какое Васильевъ занимаетъ среди изслѣдователей буддизма и то большое, я сказалъ бы, исключительное значеніе какое онъ имѣлъ въ изученіи этой величайшей религіи намъ необходимо остановиться на главныхъ изслѣдованіяхъ буддизма, которыя пытались или охватить его во всей совокупности или выявить наиболѣе въ немъ существенное и характерное.

Несмотря на громадную литературу о буддизмѣ, накопившуюся за цѣлое столѣтіе на самыхъ разнообразныхъ языкахъ, число сочиненій, которые мы должны принять въ разсчетъ чрезвычайно ограничено. На изученіи буддизма необыкновенно ярко сказалась та безсистемность, то отсутствіе планомѣрности въ работѣ, которое такъ поражаетъ насъ при разсмотрѣніи исторіи гуманитарныхъ наукъ: не будетъ преувеличеніемъ сказать, что здѣсь царятъ мода, индивидуальныя особенности и вкусы изслѣдователей; на каждомъ шагу невольно спрашиваешь себя, почему какой нибудь детальный вопросъ привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе, вызываетъ рядъ работъ, когда остается неизслѣдованнымъ вопросъ не менѣе важный, отъ рѣшенія котораго зависитъ настоящее пониманіе того перваго вопроса, который разсматривался какъ бы внѣ времени и пространства. Поражаетъ та легкость, съ какою пытаются дѣлать широкія обобщенія, не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточнаго фактическаго матеріала, который однако не трудно было найти. Всѣ эти и многія другія недоумѣнія невольно должны явиться у всякаго, кто попытается систематически и критически разобрать литературу о буддизмѣ.

Прежде всего насъ поражаетъ здѣсь то, насколько мало было сдѣлано попытокъ провести грань между буддизмомъ какъ религіей и между его философскими обоснованіями, столь же поражаетъ незначительное число попытокъ разобраться въ его историческомъ развитіи, безъ представленія о которомъ немыслимо пониманіе буддизма въ любой изъ стадій этого развитія. Принимая въ разсчетъ только что сказанное, мы изъ всей громадной литературы о буддизмѣ, остановимся на трудахъ лишь десяти изслѣдователей,

которые хронологически распредѣляются слѣдующимъ образомъ: Бюрнуфъ[13] (1844), Васильевъ (1857), Чильдерсъ (1875)[14], Рисъ-Дэвидсъ (1878)[15], Ольденбергъ (1881)[16], Кернъ (1881)[17], Минаевъ (1887)[18], Лавалле-Пуссенъ (1898)[19], Щербатской (1903)[20], Розенбергъ (1918)[21]. Мы не помѣстили въ этотъ списокъ Барта, несмотря на его классическій трудъ по религіямъ Индіи, включающій и буддизмъ, потому что Бартъ во-первыхъ считалъ себя обязаннымъ быть особенно осторожнымъ въ постановкѣ общихъ вопросовъ, въ виду отсутствія въ его распоряженіи надежныхъ источниковъ, и во-вторыхъ разсматривалъ буддизмъ лишь въ отношеніи къ общему развитію религій въ Индіи: «nous ne toucherons à ses doctrines et à son histoire qu'autant qu'il sera nécessaire pour expliquer sa fortune et pour marquer la place qui lui revient dans le développement religieux de l'Inde». (A. Barth. Les religions de l'Inde въ Oeuvres I. 99). (Paris 1914). Но въ своихъ обзорахъ по исторіи религій (Bulletin) Бартъ выступалъ съ рядомъ замѣчаній противъ «палійской школы».

Десять изслѣдователей, нами упомянутыхъ, мы дѣлимъ на три группы, соотвѣтственно тому положенію, которое они заняли по отношенію къ изслѣдованію буддизма. Восемь изъ этихъ спеціалистовъ индіанисты, два изслѣдователи Дальняго Востока. Въ главу первой группы мы ставимъ Васильева, съ нимъ и съ Минаевымъ связаны Кернъ и Лавалле-Пуссенъ и въ духовномъ родствѣ съ нимъ и съ Минаевымъ, Керномъ и Лавалле-Пуссеномъ стоятъ Щербатской и Розенбергъ. Эта первая группа, на которой мы остановимся подробнѣе, взяла вопросъ наиболѣе глубоко и наиболѣе исторически. До извѣстной степени въ родствѣ съ ними стоитъ вторая группа: Бюрнуфъ, Минаевъ, которые однако, какъ мы сейчасъ увидимъ, не выявили себя вполнѣ. Эти двѣ группы, наиболѣе глубоко поставившія вопросъ объ изученіи буддизма не оказали однако значительнаго вліянія на популяризацію его и труды ихъ остались главнымъ образомъ въ тѣсномъ кругу спеціалистовъ. На долю представителей третьей группы Рисъ-Дэвидса, Ольденберга и Чильдерса выпало исключительное вліяніе на ходячія представленія о буддизмѣ, который въ широкихъ кругахъ и рисуется въ сравнительно простой и единообразной формѣ, какую представляетъ палійскій канонъ, извѣстный обыкновенно подъ названіемъ южнаго буддизма.

Съ разбора этой третьей группы мы и начнемъ, чтобы яснѣе стала правильная постановка вопроса первою группою, во главѣ которой стоитъ Васильевъ.

Удивительное очарованіе, исходящее отъ личности Будды, учителя, дав-

шаго человѣчеству одну изъ самыхъ совершенныхъ, быть можетъ самую совершенную изъ религій, вполнѣ объясняетъ, почему для многихъ изслѣдователей его проповѣдь, тѣ священные, каноническіе тексты, въ которыхъ она была заключена, легли въ основу всего ихъ построенія буддизма какъ религіи. Если къ этому прибавить, что въ каноническомъ сборникѣ писаній на языкѣ пали они имѣли стройное цѣлое, носившее въ простотѣ своей характеръ древности, то не удивительно, что они поддались вліянію своего основного источника и представили себѣ буддизмъ, или, выражаясь точнѣе, древнѣйшій буддизмъ, единственный по ихъ мнѣнію важный, какъ то ученіе, которое излагается въ книгахъ палійскаго канона. Это та мысль, которая лежитъ въ основѣ изложенія Ольденберга въ его столь извѣстной и столь талантливой книгѣ «Будда, его жизнь, его ученіе, его община». Это же — непреложная истина для Рисъ-Дэвидса въ его многочисленныхъ трудахъ, посвященныхъ изложенію и прославленію буддизма и это же высказываетъ ихъ талантливый, преждевременно скончавшійся послѣдователь Уарренъ, когда говоритъ, что санскритская буддійская литература представляется ему хаосомъ, а палійская — космосомъ [22].

Къ чему же приводитъ такая постановка вопроса? Во-первыхъ къ тому, что бо́льшая часть развитія буддизма остается совершенно не затронутой, какъ будто признается несуществующей, а во-вторыхъ, что́ не менѣе важно, безъ достаточнаго основанія канонъ одной школы признается выраженіемъ религіозной мысли Учителя, причемъ эта мысль, толкуемая лишь на основаніи каноническихъ текстовъ, часто въ существеннѣйшихъ частяхъ остается неясной и неопредѣленной. Подкупающая съ перваго взгляда простота построенія, при ближайшемъ разсмотрѣніи, вызываетъ рядъ недоумѣній, для разрѣшенія которыхъ неизбѣжно надо выйти за рамки палійскаго канона и даже его туземныхъ комментаріевъ. Но этого именно и не дѣлаютъ представители той группы изслѣдователей буддизма, о которой мы сейчасъ говоримъ: поставивъ въ главу угла палійскій канонъ и считая его *буддійскимъ* канономъ, они въ немъ самомъ искали источникъ пониманія буддизма, лишивъ себя тѣмъ самымъ возможности подойти къ буддизму во всей его совокупности, пренебрегая важнѣйшими и цѣннѣйшими источниками и обрекая себя на совершенно одностороннее его пониманіе. Необходимо особенно отмѣтить, что та часть палійскаго канона, которая спеціально посвящена философской сторонѣ буддизма abhidharma очень слабо разработана представителями разбираемаго направленія; мы объясняемъ себѣ это тѣмъ, что это именно та часть, которая труднѣе всего понимается изъ себя самой.

Мы выдѣлили въ особую группу двухъ ученыхъ Бюрнуфа и Ми-

наева, указавъ на то, что они не вполнѣ выявили своего отношенія къ задачамъ изученія буддизма. За Бюрнуфомъ заслуга перваго болѣе подробнаго разслѣдованія санскритской буддійской литературы; къ сожалѣнію недостаточное знакомство съ тибетской литературой и незнаніе китайскаго языка помѣшали Бюрнуфу отвести правильное мѣсто доступной ему санскритской литературѣ по буддизму и особенно оцѣнить значеніе Abhidharmakoça Vasubandhu. Благодаря этому онъ не создалъ достаточно надежной почвы для работы надъ такъ называемымъ сѣвернымъ буддизмомъ въ противовѣсъ южному.

На совершенно правильную дорогу сталъ Минаевъ, когда онъ говорилъ: «Сравнительное изученіе догматовъ по памятникамъ разныхъ сектъ даетъ возможность выяснить общіе принципы и основанія для вѣроятнаго рѣшенія вопросовъ о томъ, что́ должно считать первичнымъ, что древнимъ и что новымъ въ этихъ памятникахъ; самый хронологическій вопросъ относительно большинства памятниковъ значительно упростится, вмѣстѣ съ тѣмъ его рѣшеніе сдѣлается болѣе правдоподобнымъ. Черезъ такое изученіе развитія буддійскихъ догматовъ явится возможность связать начало великаго міроваго движенія съ предшествующей исторіей Индіи, и выяснить, откуда пошла эта религіо́зно-метафизическая пытливость древняго Индійца». Вмѣстѣ съ тѣмъ Минаевъ даетъ еще и важнѣйшее указаніе, что для выясненія главныхъ фазисовъ въ исторіи св. писанія буддизма «однихъ буддійскихъ источниковъ совершенно не достаточно»; «необходимо имѣть ближайшее знакомство со старинными философскими сочиненіями брâхмановъ».

Самъ Минаевъ не почелъ однако для себя посильнымъ предпринять такое историческое изученіе буддизма, и единственный вышедшій томъ его magnum opus о буддизмѣ ограничился критическимъ пересмотромъ буддійскихъ преданій о древности и первоначальномъ происхожденіи священныхъ книгъ. Но и въ такомъ неоконченномъ видѣ трудъ Минаева имѣлъ большое значеніе въ исторіи изученія буддизма: онъ, дополняя во многомъ начатое Васильевымъ и издавъ рядъ буддійскихъ текстовъ, далъ твердую основу для тѣхъ, кто какъ Кернъ и Лаваллэ-Пуссенъ открыто выступили въ борьбу съ «правовѣріемъ» послѣдователей исключительнаго значенія палійскаго канона, и съ этой стороны Минаевъ тѣсно примыкаетъ къ третьей группѣ, которая въ основу изученія буддизма поставила широкую базу настоящаго знанія буддійской философіи на почвѣ индійской философіи вообще[23].

Здѣсь для насъ намѣчаются три имени и всѣ три принадлежатъ русскимъ ученымъ, это: Васильевъ, Щербатской, Розенбергъ. Правда мы, въ силу тѣхъ особыхъ условій развитія русской науки, о которыхъ ска-

зали въ самомъ началѣ, лишены возможности говорить о преемственности, но мы вправѣ говорить о духовномъ родствѣ, и если нѣтъ преемственности, то въ этомъ виноватъ не Васильевъ, а общія условія русской научной работы.

Щербатскому принадлежитъ громадная заслуга постановки вопроса о необходимости для истиннаго пониманія буддизма какъ религіи понять сперва его философію, причемъ онъ для правильнаго разрѣшенія поставленнаго имъ вопроса пошелъ сложнымъ, но единственно надежнымъ путемъ предварительнаго изученія основъ индійскаго мышленія, въ этомъ отношеніи выполняя уже указанное Минаевымъ, но имъ только намѣченное какъ desideratum. Параллельно съ этимъ Щербатской повелъ и изданіе соотвѣтствующихъ текстовъ, какъ необходимый фундаментъ для дальнѣйшей работы. Послѣ его трудовъ немыслимо уже возвращеніе къ прежнему упрощенному способу изученія буддизма по случайно выбраннымъ или подобраннымъ памятникамъ, невозможно, говоря о буддизмѣ, какъ религіи, пренебрегать его философіей, какъ это почти систематически дѣлалось до сихъ поръ даже въ чрезвычайно почтенныхъ трудахъ.

Естественнымъ продолжателемъ Щербатского является Розенбергъ, который съ подготовкою индіаниста соединяетъ знаніе китайскаго, японскаго и тибетскаго, т. е. владѣетъ совокупностью буддійской литературы. Его изученіе буддизма поставлено на единственно правильный отнынѣ путь: черезъ изученіе японско-китайскаго преданія онъ восходитъ къ индійскимъ оригиналамъ или переводамъ съ нихъ и, дополняя ихъ тибетскими текстами, обнимаетъ такимъ образомъ всю буддійскую литературу [24]. Въ отличіе отъ Щербатского, который, углубившись въ философію буддизма и въ индійскую философію вообще, оставляетъ пока въ сторонѣ буддизмъ какъ религію, Розенбергъ изучаетъ и чисто религіозную сторону ученія Будды.

Мы видимъ такимъ образомъ, что лишь черезъ пятьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ взгляды Васильева на задачи изученія буддизма находятъ себѣ осуществленіе. Осуществленіе это происходитъ на гораздо болѣе широкой основѣ, чѣмъ могъ себѣ это представить Васильевъ въ 1857 году, происходитъ оно, конечно, во всеоружіи современнаго знанія, но тѣмъ не менѣе въ основѣ своей это именно то, что хотѣлъ строить Васильевъ. Представьте себѣ, что опубликованъ былъ весь тотъ матеріалъ, который онъ привезъ изъ Пекина, какъ результатъ десятилѣтняго труда и опубликованъ тогда же, въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, и вы должны признать, что все изученіе буддизма повернуло бы по другому пути и мы бы давно уже имѣли настоящее представленіе о буддизмѣ и о его историческомъ

развитіи. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для насъ является сознаніе, что то, что не удалось, по независѣвшимъ отъ него причинамъ, сдѣлать В. П. Васильеву, нынѣ осуществляется его и нашими соотечественниками и что теперь, въ столѣтіе со дня его рожденія мы видимъ созидающимся то, чему онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни[25].

Позвольте мнѣ изъ всего этого сдѣлать выводъ, который я приложу къ тому, что мы всѣ такъ мучительно теперь переживаемъ и что многихъ изъ насъ заставляетъ отчаяватся въ будущемъ нашей несчастной родины: пятьдесятъ лѣтъ точно подъ спудомъ, точно забытыя лежали мысли Васильева, но въ тоже время гдѣ то въ глубинѣ сознанія текли незримыя ручьи этихъ мыслей, пока не пробились наконецъ внаружу и не забили чистымъ и сильнымъ ключемъ; то, что было тогда бѣглою мыслью, наброскомъ, теперь возродилось со всей широтою и глубиною новаго построенія. Такъ, хочется вѣрить, будетъ и съ русскою жизнью: какъ мысли Васильева не погибли и возродились еще ярче, еще глубже, такъ будетъ и со всѣмъ хорошимъ и настоящимъ, что лежитъ теперь, увы, скрытое еще отъ насъ, въ сердцѣ Россіи.

[1] С. А. Венгеровъ. Критико-библіографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ IV. Отдѣлъ II. 149—155. Спб. 1895.

[2] Инструкцій, видимо, было нѣсколько и онѣ, частью по крайней мѣрѣ, перерабатывались какъ будто въ канцеляріяхъ: отмѣчаемое проф. В. В. Бартольдомъ въ Обзорѣ дѣятельности факультета (восточныхъ языковъ) 1855—1905 (МИФВЯ IV, 63) противорѣчіе разныхъ пунктовъ «Наставленія» Васильеву, объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что кто-то, не оріенталистъ (можетъ быть министерскій чиновникъ), механически соединилъ инструкцію Казанскаго университета (Ковалевскаго) съ академическою инструкціею (Шмидта). Послѣдняя полна довѣрія и вниманія къ Васильеву, какъ видно уже и изъ ея вступительныхъ словъ; передаемъ ихъ по русскому переводу изъ ниже упоминаемаго дѣла № 77, оригиналъ Шмидта нѣмецкій: «Императорская Академія Наукъ, даруя свою довѣренность г-ну кандидату Васильеву избраніемъ его въ свои агенты на время его пребыванія въ Пекинѣ, считаетъ излишнимъ снабдить его въ этомъ качествѣ особою инструкціею. Начертанное для него г-номъ профессоромъ Ковалевскимъ руководительное постановленіе такъ объемлюще и вполнѣ удовлетворительно, что нельзя присовокупить къ нему ничего значительнаго, а посему оно въ отношеніи къ наукѣ можетъ почитаться двойнымъ, соотвѣтствуя какъ требованіямъ и пользамъ Казанскаго университета, такъ и желаніямъ и потребностямъ здѣшней Академіи». Мѣсто касающееся *Чомы*: «Роспись тибетскихъ сочиненій, сообщенная Ксомою Кёрёзи въ его грамматикѣ можетъ послужить г-ну Васильеву полезнымъ указаніемъ въ его поискахъ».

[3] Три вопроса. С.-Петербургъ 1878. III.

[4] Воспоминанія объ И. И. Захаровѣ. ЖМНП. Ноябрь 1885. Отд. от. стр. 1.

[5] Автобіографическая замѣтка въ Крит.-біогр. Слов. Венгерова IV, отд. II. 152.

[6] Извлечено изъ Сѣверной Пчелы. С.-Петербургъ 1861, стр. 6. Говоря о старомъ времени Пекина, Василій Павловичъ пишетъ: «Во все это время ни одинъ китайскій государь не думалъ однако же сдѣлать изъ него столицы. (Сколько здраваго смысла было у тогдашнихъ китайскихъ государей!)».

[7] Нѣкоторое представленіе о ходѣ работъ Васильева въ Пекинѣ даетъ чрезвычайно интересная статья его «О нѣкоторыхъ книгахъ, хранящихся въ библіотекѣ Казанскаго Университета». Уч. Зап. ИАН. III, нѣмецкій переводъ «Die auf den Buddhismus bezüglichen Werke der Universitätsbibliothek zu Kasan» BHPh. XI. 337—365 (1854). Ея заглавіе, дающее неправильное представленіе о содержаніи явилось, повидимому, причиною того, что эта чрезвычайно цѣнная и содержательная статья недостаточно извѣстна.

[8] Матеріалы для исторіи Факультета Восточныхъ языковъ. Томъ второй. 1865—1901 гг. С.-Петербургъ 1906. Стр. 1—7.

[9] Когда Василія Павловича выбирали въ Академію, то академики, составлявшіе записку объ его ученыхъ трудахъ, дали нѣкоторыя выписки изъ отзывовъ о первомъ томѣ «Буддизма». Изъ этихъ выписокъ двѣ настолько характерны, что мы укажемъ ихъ здѣсь. Извѣстный изслѣдователь позднѣйшаго буддизма Кёппенъ пишетъ Шифнеру: «Trotz meines Gelöbnisses hat alte Leidenschaft mich verführt den Wassiljew zu verschlingen und ist mir dadurch die Ueberzeugung, dass ich als Blinder über Farben geschrieben, wohl gründlich bestätigt worden». Извѣстный санскритистъ А. Веберъ пишетъ (L. Centr. 1860, p. № 37, 576): «Innerhalb dieses Kreises (т. е. сѣвернаго буддизма) ist das Werk allerdings geradezu epochemachend und es erregt unser wahrhaftes Staunen nicht nur durch die reiche Fülle bisher ganz unbekannter Namen und Thatsachen, die aus jenen Quellen hervorströmt, sondern auch durch das rein sanscritische Gewand. Man glaubt ein Werk zu lesen, dass auf rein sanscritische Quellenforschung basirt. — Die Sicherheit der Umschreibung, die sich auf mannigfachen dreisprachigen lexicalischen Arbeiten derart begründet tritt ohne allen Prunk und ohne alle Ostentation auf als rein selbsverständlich, eine Anspruchlosigkeit, die dem berühmten Pariser Sinologen, der auf gleichem Felde arbeitet als Vorbild dienen könnte. Der Verfasser hat sich durch einen zehnjährigen Aufenthalt in Peking eine höchst bewunderungswerthe Kenntniss der buddhistischen Literatur China's erworben, und der erste Eindruck den das Werk durch die Fülle seines fast durchweg neuen Inhalts macht, wirkt fast bewältigend. Dabei lässt sich der Verfasser überall die möglichste kritische Sichtung der behandelten Werke angelegen sein».

Записка указываетъ еще на отзывы Шифнера, Гёте, Шотта, Фэра, Сенара, Бартэлэми Сент-Илэра и на французскій переводъ La Comme: «Le bouddhisme, ses dogmes, son histoire et sa littérature. Paris 1865. Précédé d'un discours préliminaire par M. Ed. Laboulaye». На этотъ, довольно неудачный, переводъ была написана Фэромъ рецензія (Leon Feer. RC 1866 № 5, pp. 65—72). Къ этимъ отзывамъ любопытно прибавить значительно болѣе поздній — черезъ 42 года послѣ выхода въ свѣтъ книги Василія Павловича Питерсонъ нашелъ въ джайнской библіотекѣ одну буддійскую книгу, комментарій Дармоттары на извѣстную книгу по логикѣ великаго буддійскаго учителя Дармакирти, и онъ вспоминаетъ при этомъ о заслугахъ Васильева, говорившаго и о Дармоттарѣ: «Wassiljew did much, he would appear to have already mastered both the Chinese and the Tibetan languages, and with these keys he unlocked the vast stores of Buddhist tradition in Northern Asia». (The Nyāyabindutiká of Dharmottarácárya. BI. Calcutta 1889, p. I.

[10] W. Wassiljew. Der Buddhismus, seine Dogmen, Geschichte und Literatur. Erster Theil. St. Petersburg 1860, pp. XI—XII. Этотъ первый не напечатанный переводъ не надо смѣшивать, съ другимъ выше указаннымъ, тоже мало удачнымъ французскимъ переводомъ La Comme.

[11] Современникъ 1858. № 11. Сочиненія II, 357—370. (С.-Пб. 1862).

[12] Въ запискѣ академиковъ, на которую мы уже ссылались выше, есть указаніе на общій планъ «Буддизма»: «Это обширное сочиненіе, говоритъ записка, должно было состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) общее обозрѣніе, 2) догматы буддизма, изложенные въ примѣчаніяхъ къ терминологическому лексикону Магавьютпати на санскритскомъ, тибетскомъ, монгольскомъ и китайскомъ языкахъ, 3) обозрѣніе буддійской литературы, 4) исторія буддизма въ Индіи изъ тибетскаго сочиненія Таранаты, 5) исторія Буддизма въ Тибетѣ, 6) Путешествіе Сюань-цзана въ Индію». Можно, конечно, представить не мало возраженій противъ подобнаго плана труда о буддизмѣ, но нельзя не удивляться грандіозности замысла (особенно, если припомнить, что въ *рукописи* почти все изъ него было исполнено!), ибо если

1, 4, 5, 6 отдѣлы могли бы каждый умѣститься въ одномъ или двухъ томахъ, то 2 и 3 представляютъ каждый цѣлую серію томовъ. Любопытно, что энциклопедическій характеръ долженъ былъ носить и трудъ другого русскаго ученаго, Минаева, который тоже включалъ Mahāvyutpatti въ свой планъ, при чемъ и тутъ не ясно, чѣмъ собственно руководился Минаевъ, какъ и Васильевъ при выборѣ этого санскритскаго словаря буддійскихъ терминовъ, весьма поздняго времени, какъ основы для ряда монографій по догматикѣ и монашескому обиходу. Извѣстную аналогію представляетъ и палійскій словарь Чильдерса, тоже своего рода сборникъ монографій по буддизму, составленный примѣнительно къ словарной формѣ. Въ энциклопедическомъ, чрезвычайно широкомъ захватѣ есть, очевидно, какая-то особая притягательная сила для русскихъ ученыхъ, такъ какъ и трудъ послѣдняго русскаго ученаго, изучающаго буддизмъ, О. О. Розенберга тоже носитъ характеръ энциклопедіи, но уже по иному совершенно плану; надо пожелать, чтобы ему удалось то, чего не могли достичь его предшественники — закончить его громадный и въ высокой мѣрѣ любопытный трудъ.

[13] E. Burnouf. Introduction à l'histoire du Bouddhisme Indien. I Partie. Paris 1844. Id. Le Lotus de la bonne Loi. Paris 1852.

[14] Главнымъ образомъ его A Dictionary of the Pali Language. London. 1875.

[15] Изъ его многочисленныхъ трудовъ мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ: T. W. Rhys Davids Buddhism, вышедшій въ 1878 году по почину London Society for the Promotion of Christian Knowledge; Lectures on the origin and growth of religion as illustrated by some points in the history of Indian-Buddhism (Hibbert Lectures). London 1881. Buddhism, its History and Literature. London-New York 1896 (American Lectures on the history of religion), есть и русскій переводъ, и Dialogues of the Buddha translated from the Pâli. London 1899.

[16] H. Oldenberg. Buddha. Sein Leben, seine Lehre, seine Gemeinde. 1-ое изд. 1881, есть нѣсколько неудовлетворительныхъ русскихъ переводовъ. Въ позднѣйшихъ спеціальныхъ статьяхъ Ольденбергъ смягчилъ свою «палійскую» точку зрѣнія.

[17] И. П. Минаевъ. Буддизмъ. Изслѣдованія и матеріалы, т. I. Вып. I и II. С.-Петербургъ 1887.

[18] H. Kern. Geschiedenis van het Buddhisme in Indie. Harleem 1881—84, нѣмецкій переводъ: Der Buddhismus und seine Geschichte in Indien (H. Jacobi). Leipzig, 1882—84. Полный французскій переводъ вышелъ 1901 въ AMG. Bibl. d'Etudes; Manual of Indian Buddhism. Strassburg 1896 (GIAPHA).

[19] L. de Lavallée-Poussin мы имѣемъ главнымъ образомъ въ виду два его труда: Bouddhisme. Etudes et Matériaux. London 1898 (Extr. du t. LV. Mém. Cour. et Mém. des Sav. Etr. publ. par l'Académie de Belgique) и Bouddhisme. Opinions sur l'Histoire de la Dogmatique. Paris 1909.

[20] Ѳ. И. Щербатской. Теорія познанія и логика по ученію позднѣйшихъ буддистовъ. Части I и II. С.-Петербургъ 1903—1909. Для занимающаго насъ вопроса особенное значеніе имѣетъ «Введеніе» I тома и въ немъ три главы: 1) Взаимное отношеніе религіи и философіи въ Индіи, 2) Критическая точка зрѣнія на познаніе въ первоначальномъ буддизмѣ, 3) Значеніе Махаяны въ развитіи буддійской философіи. Второй томъ весь имѣетъ значеніе для правильнаго пониманія философской базы буддизма какъ религіи и для уясненія связи отдѣльныхъ періодовъ развитія буддизма, начиная съ первоначальнаго.

[21] Только что вышедшій въ свѣтъ трудъ О. О. Розенберга носитъ заглавіе «Проблемы буддійской и философіи» и составляетъ вторую часть его большой энциклопедіи, озаглавленной «Введеніе въ изученіе буддизма по японскимъ и китайскимъ источникамъ», первая часть которой («Сводъ лексическаго матеріала») вышла еще въ 1917 году (ИФВЯ 45).

[22] H. C. Warren. Buddhism in translations. (HOS). Cambridge Mass. 1896, p. XIX. Чильдерсъ говоритъ совершенно опредѣленно: «The Pali or southern version of the Buddhist Scriptures is the only genuine and original one» (R. C. Childers. A dictionary of the Pali language. London 1875. P. XI).

[23] Значеніе Минаева въ исторіи изученія буддизма становится особенно яснымъ, когда мы обратимъ вниманіе на ту оживленную полемику, которая возникла послѣ появленія

его книги и которую мы находимъ во всѣхъ почти трудахъ «палійской» школы; эта школа послѣ выхода въ свѣтъ работъ Минаева не могла не почувствовать колебанія считавшихся ею незыблемыми представленій о палійскомъ канонѣ какъ именно первоначальномъ буддійскомъ; многочисленныя изданія палійскихъ текстовъ, принадлежащія Минаеву особенно укрѣпили его положеніе. Лавалле-Пуссенъ и Кернъ примкнули къ Минаеву, первый говоритъ совершенно правильно: «Les travaux de ces dernières années surtout ceux de M. Senart et de Minayeff remettent en question des hypothèses qu'un respect trop prompt pour la tradition singhalaise faisait considérer comme définitivement acquises. Il n'est plus permis de s'arrêter au système provisoire que les palisants ont formulé». (Bouddhisme. Etudes et matériaux p. 1). Въ новѣйшей работѣ, посвященной философскимъ основамъ буддизма, дается правильная оцѣнка роли Минаева, противополагающаго поднятое имъ движеніе исключительной вѣрѣ въ древность палійскаго канона:... «bei einer andern Gruppe deren Hauptvertreter in neuerer Zeit Minayeff gewesen ist, macht sich mehr das Bestreben geltend, den sogenannten nördlichen Buddhismus als die ungetrübtere Quelle anzusehen und durch eine synthetische Konstruktion aus nepalesischen (вѣрнѣе было бы сказать saṃskṛt) Literaturwerken und eine Kombination der hierdurch gewonnenen Ergebnisse mit jenen der ceylonesischen Forschung zu dem ursprünglichen Buddhismus hindurch zu dringen» (M. Walleser, Die philosophische Grundlage des älteren Buddhismus. Heidelberg 1904, p. 15).

[24] Уже при печатаніи нашей рѣчи мы получили вышедшую книгу О. О. Розенберга и потому теперь вправѣ говорить о ней, ибо она является послѣднимъ звеномъ той цѣпи, которая черезъ Щербатского и Минаева доходитъ до Васильева. Ученикъ Ѳ. И. Щербатского, прошедшій у него строгую школу изученія философской шастры, т. е., выражаясь нашимъ языкомъ, основныхъ индійскихъ учебниковъ философской дисциплины, онъ приступилъ къ изученію японскаго буддійскаго преданія, принявъ глубоко правильный, но, къ сожалѣнію, не всегда въ научныхъ работахъ признаваемый, принципъ идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Какъ истинный ученикъ своего учителя, онъ подошелъ къ туземному преданію съ тѣмъ уваженіемъ и вниманіемъ, какого оно заслуживаетъ, не покидая при этомъ строго критическаго къ нему отношенія. Востоковѣдѣніе по отношенію къ преданію на Востокѣ переживаетъ въ настоящее время третью и, надо полагать, послѣднюю фазу: сперва было полное увлеченье и слѣпая почти вѣра, признаніе всего, что говорило это преданье, безъ попытки критиковать его, затѣмъ разочарованіе въ туземномъ знаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ успѣхами сравнительнаго языкознанія и вообще сравнительнаго изученія въ разныхъ областяхъ знанія, укрѣпилась вѣра въ превосходство запада, съ его исторической точкою зрѣнія; въ связи съ этой вѣрою въ свое западное превосходство явились и попытки обходиться безъ туземнаго преданія. Наконецъ третья фаза: сознаніе, что мы многаго совершенно не уяснимъ себѣ, если не пойдемъ въ школу востока и не постараемся разобраться въ путяхъ его мышленія и творчества, но, конечно, не разставаясь ни на минуту съ критическимъ отношеніемъ къ воспринимаемому. О. О. Розенбергъ превосходно изображаетъ тотъ кризисъ, который по отношенію къ преданію переживаютъ японскіе буддійскіе круги: съ одной стороны ученики европейцевъ, читающіе санскритскіе оригиналы, но лишенные связи съ преданіемъ, съ другой представители китайскаго преданія, не читающіе индійскихъ оригиналовъ; необходимо сліяніе обоихъ направленій, безъ чего ни у той, ни у другой стороны не будетъ настоящей полноты знанія. Эту задачу и поставилъ себѣ О. О. Розенбергъ и достигъ при этомъ замѣчательныхъ результатовъ: прежде всего онъ усвоилъ себѣ неизслѣдованное до него на западѣ преданіе, шедшее отъ комментаріевъ школы великаго танскаго паломника и учителя Сюань-цзана. Работа на востокѣ внушила г. Розенбергу глубоко правильную осторожность въ установленіи датъ учителей буддизма, осторожность, которую вообще приходится усваивать себѣ всякому востоковѣду, изслѣдующему восточные литературные или философскіе памятники. Чтобы пояснить свою мысль, сошлюсь на изученіе знаменитаго персидскаго поэта мистика Омара Хаяма, которымъ такъ увлекается послѣднее время западъ: приходится признать, что увлекаются не конкретною фигурою поэта мыслителя опредѣленной эпохи, а фикціей, какъ бы внѣ времени и пространства, ибо подъ именемъ Омара Хаяма странствуютъ стихи самыхъ разнообразныхъ поэтовъ, и что

такое въ сущности настоящій Омаръ Хаямъ, мы и до сихъ поръ не знаемъ. Совершенно правильно поэтому О. О. Розенбергъ говоритъ «Вѣдь даже, если бы удалось установить вполнѣ точно даты дѣятелей буддизма, все же пришлось бы для каждаго изъ сохранившихся произведеній въ отдѣльности рѣшать вопросъ, дѣйствительно ли оно принадлежитъ тому автору, которому оно приписывается» и потому онъ говоритъ: «опредѣленіе мѣста того или другого сочиненія въ исторіи буддійскаго мышленія возможно только на основаніи критики его содержанія» (l. c. 36). А для критики этого содержанія необходимо выясненіе основныхъ проблемъ буддизма и пройденныхъ ими ступеней развитія, работъ, къ которой и приступилъ О. О. Розенбергъ и основу для которой онъ и попытался создать своимъ трудомъ.

[25] Россійская Академія Наукъ, по мѣрѣ своихъ тогдашнихъ силъ, поддержавшая въ свое время Василія Павловича, продолжала и въ послѣдствіи свою работу по изученію буддизма и его санскритскихъ, тибетскихъ, уйгурскихъ памятниковъ, издавая съ 1897 г. Bibliotheca Buddhica, которой уже вышло до 60 выпусковъ; по поводу нея проф. Рисъ-Дэвидсъ писалъ еще въ 1899 году: «most fortunately we may hope, owing to the enlightened liberality of the Academy of St.-Petersburg... to have a considerable number of Buddhist Sanscrit texts in the near future». Еще и до того въ «большомъ» и въ «сокращенномъ» словаряхъ Бётлинга участіе такихъ спеціалистовъ какъ Кернъ и Шифнеръ ввели въ научный обиходъ большое число терминовъ и словъ изъ т. н. буддійскаго санскрита, сдѣлавъ этимъ крупные вклады и въ изученіе буддизма вообще. Особенно много въ этомъ отношеніи далъ «сокращенный» словарь, гдѣ Кернъ не только использовалъ вполнѣ Mahāvyutpatti, но и далъ богатый матеріалъ изъ цѣлаго ряда санскритскихъ текстовъ, къ тому времени изданныхъ.

Въ настоящее время проф. Ѳ. И. Щербатской, при помощи О. О. Розенберга и при содѣйствіи проф. С. Лэви, L. de la Vallée Poussin, Wogihara и Denison Ross создаетъ систематическое изслѣдованіе знаменитаго труда «Втораго Будды» буддизма Vasubandhu Abhidharmakoça и толкованія (vyākhyā) на него Yaçomitra. Эта работа, начатая такимъ образомъ по почину русскаго ученаго и ведомая имъ международно должна создать твердую базу для систематическаго изученія буддійской философіи и самого буддизма. Еще Е. Бюрнуфъ въ 1844 г. указалъ на значеніе труда Vasubandhu и въ частяхъ онъ былъ использованъ и Васильевымъ, и Минаевымъ, и Лавалле Пуссеномъ, и другими учеными, въ теченіе ряда лѣтъ надъ нимъ работалъ проф. Леви, который теперь, вмѣстѣ съ Ѳ. И. Щербатскимъ издалъ первую главу труда Yaçomitra; но только съ осуществленіемъ предпріятія Ѳ. И. Щербатского и его сотрудниковъ начинается то систематическое и планомѣрное изученіе буддизма, котораго такъ долго ждала эта замѣчательная религія. Чрезвычайно трудны здѣсь первые шаги для европейцевъ, мышленіе которыхъ шло своими путями, иными чѣмъ мышленіе индійцевъ; оттого мы видимъ, что въ то время, когда на востокѣ Vasubandhu цѣнится по справедливому указанію проф. Щербатского «не только какъ первоклассный ученый, но еще, что всего замѣчательнѣе, какъ выдающійся стилистъ, умѣющій ясно, кратко и увлекательно излагать философскія ученія», «оцѣнка европейскихъ ученыхъ сильно расходится съ оцѣнкой самихъ буддистовъ. Стиль Васубанду представляется намъ до сихъ поръ необыкновенно труднымъ и темнымъ. Попытки перевода его отпугивали своей казалось безнадежной темнотой. Но это, конечно, объясняется недостаточнымъ знакомствомъ съ кругомъ идей и ихъ техническихъ обозначеній, которыя для буддиста составляютъ его вторую природу». (Ѳ. И. Щербатской. Тибетскій переводъ Abhidharmakoçakārikāḥ и Abhidharmakoçabhāṣyam сочиненій Vasubandhu. Петроградъ 1917. BB. XX. fsc. I. p. II). Работа только что названныхъ ученыхъ и создастъ необходимое пониманіе идей индійской философіи, котораго нѣтъ еще въ достаточной мѣрѣ въ Европѣ; надо надѣятся, что сбудется справедливое пожеланіе Ѳ. И. Щербатского, чтобы богатство философской мысли, скрытое въ древней буддійской философіи, вошло въ обиходъ современнаго европейскаго образованія, дабы «сдѣлать имена Дигнаги и Дармакирти настолько же намъ близкими и дорогими, насколько близки и дороги намъ имена Платона и Аристотеля или Канта и Шопенгауера».

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Историческіе и географическіе труды В. П. Васильева.

В. В. Бартольда.

(Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Россійской Академіи Наукъ 5 марта / 20 февраля 1918 г.).

Геніальный изслѣдователь Дальняго Востока, память котораго мы сегодня чествуемъ, придавалъ своимъ трудамъ по исторіи Китая такое же значеніе, какъ трудамъ по изученію буддизма; «иначе (подразумѣвается: чѣмъ прежніе ученые) я взглянулъ на буддизмъ, иначе на исторію Китая», говорится въ его автобіографіи. Въ области изученія буддизма сдѣланное Василіемъ Павловичемъ, какъ только что было выяснено, составляетъ только небольшую часть задуманнаго, все же среди этихъ работъ имѣется классическій трудъ, занимающій вполнѣ опредѣленное мѣсто въ исторіи науки. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же самаго о работахъ по исторіи Китая. Лекціи, читавшіяся Василіемъ Павловичемъ много лѣтъ въ университетѣ, не были обработаны для печати и не получили распространенія хотя бы въ видѣ литографированныхъ курсовъ. Его спеціальныя монографіи историческаго и географическаго содержанія, какъ бо́льшая часть историческихъ трудовъ русскихъ и западныхъ синологовъ, посвящены не исторіи собственнаго Китая, но исторіи жившихъ по сосѣдству съ Китаемъ инородцевъ и вышедшихъ изъ ихъ среды династій.

Взгляды Василія Павловича на историческія судьбы китайскаго народа извѣстны намъ отчасти по его литографированному курсу о китайской литературѣ и китайскихъ религіяхъ, но больше всего по его популярнымъ статьямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя тотчасъ послѣ его смерти, въ 1900 г.,

были соединены въ сборникъ, изданный «Вѣстникомъ всемірной исторіи»[1] и въ 1909 г. вышедшій въ нѣмецкомъ переводѣ, съ примѣчаніями нѣмецкаго профессора-синолога A. Conrady[2].

Своимъ пониманіемъ требованій науки и въ особенности своимъ исключительно широкимъ для того времени міросозерцаніемъ Василій Павловичъ, по его собственнымъ словамъ, былъ обязанъ своему учителю О. М. Ковалевскому. Еще не оцѣнено по достоинству вліяніе, оказанное на русскую культуру закрытымъ въ 1832 г. польскимъ виленскимъ университетомъ, гдѣ кромѣ польскихъ профессоровъ читали лекціи нѣмецкіе, какъ Гроддекъ. Виленскій университетъ, насколько извѣстно, не привлекалъ къ себѣ, какъ нѣмецкіе, студентовъ изъ русскихъ; но его польскіе воспитанники, работавшіе потомъ въ Россіи, несомнѣнно содѣйствовали успѣхамъ русской культуры, что̀ ярче всего, можетъ быть, выразилось въ судьбахъ русскаго оріентализма. Лекціямъ Лелевеля и Гроддека былъ обязанъ своимъ широкимъ міросозерцаніемъ арабистъ Сенковскій, родоначальникъ петербургской школы оріенталистовъ, авторъ совершенно исключительнаго, по широтѣ положенныхъ въ его основу идей, проекта образованія «полнаго класса восточныхъ языковъ», представленнаго въ 1829 г.[3]. Ученикъ тѣхъ же профессоровъ О. М. Ковалевскій[4], сдѣлавшійся оріенталистомъ по неволѣ, когда за принадлежность къ тайному обществу былъ удаленъ изъ Вильны и командированъ въ Казань для изученія восточныхъ языковъ, примѣнилъ тѣ же идеи къ изученію культуры Дальняго Востока и сумѣлъ внушить ихъ даровитѣйшему изъ своихъ учениковъ.

Еще во время пребыванія въ Пекинѣ Василій Павловичъ издалъ большую карту Китая на китайскомъ языкѣ, впослѣдствіи переданную имъ въ петербургскій университетъ, и составилъ историческія карты Китая при 12 послѣдовательныхъ династіяхъ[5]; послѣдняя работа, насколько мнѣ извѣстно, осталась неизданной. По мнѣнію Василія Павловича, «для того, чтобъ

---

[1] В. П. Васильевъ. Открытіе Китая и другія статьи. Спб. 1900.

[2] W. P. Wassiljew. Die Erschliessung Chinas. Kulturhistorische und wirtschaftspolitische Aufsätze zur Geschichte Ostasiens. Deutsche Bearbeitung von Dr. R. Stübe. Mit Beiträgen von Prof. Dr. A. Conrady. Lpz. 1909. Ср. рецензію А. Иванова на русское и нѣмецкое изданія въ ЗВО. XIX, 0209 сл. и рецензію M. Hartmann на нѣмецкое изданіе въ ZDMG LXVI (1912), 506 f.

[3] Напечатанъ въ Матеріалахъ для исторіи фак. Вост. яз., I, 96 сл.

[4] О немъ Матер. для ист. фак. Вост. яз., IV, 30 сл.

[5] Такъ по автобіографіи въ словарѣ Венгерова.

историческія данныя были точны и понятны, нужно прежде всего разработать географію страны, сперва новую, потомъ древнюю»[1]. Методологическій принципъ, выраженный въ послѣднихъ словахъ и сводящійся къ требованію восходить отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному, примѣнялся имъ и въ историческихъ трудахъ; хорошо знакомая ему современная жизнь Китая чаще давала ему ключъ къ объясненію прошлаго, чѣмъ наоборотъ. Василій Павловичъ понималъ, что безъ современной географіи нельзя знать историческую, безъ исторической географіи нельзя знать исторію; но онъ понималъ также сложность причинъ, которыми опредѣляется ходъ исторической жизни, и рѣшительно возставалъ противъ попытокъ объяснять всѣ явленія этой жизни изъ географическихъ и этнографическихъ данныхъ[2]. Мнѣніе, высказанное въ примѣчаніи къ одной изъ статей Василія Павловича профессоромъ A. Conrady[3] и вызвавшее отпоръ со стороны нѣмецкаго рецензента — dass die Geschichte von der Geographie gemacht wird — было бы столь же рѣшительно отвергнуто самимъ Василіемъ Павловичемъ.

Свои первыя впечатлѣнія отъ китайской жизни Василій Павловичъ впослѣдствіи[4] выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я видѣлъ передъ собой страну богатую, съ многочисленнымъ, трудолюбивымъ, способнымъ населеніемъ и между тѣмъ погруженную въ классическую дребедень, которая хуже невѣжества, потому что искажена». Послѣднія слова показываютъ, что отзывъ о «классической дребедени» относится не столько къ содержанію китайскихъ классиковъ, сколько къ тому употребленію, которое было изъ нихъ сдѣлано. Мы знаемъ изъ «Очерка исторіи китайской литературы» Василія Павловича[5], что въ началѣ сравнительная сухость и скудость идей кофуціанства оттолкнула Василія Павловича отъ болѣе подробнаго изученія его памятниковъ, къ которому онъ обратился уже послѣ начала своей преподавательской дѣятельности. Впослѣдствіи онъ признавалъ достоинства теоретическихъ положеній, составляющихъ основу китайской культуры, но продолжалъ полагать, что лучшія книги становятся вредными, когда изъ предмета изученія обращаются въ предметъ культа и слѣпого преклоненія, лучшія теоріи могутъ губительно отозваться на жизни народа, когда общество

---

[1] Записки о Нингутѣ (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ., XII, 79).

[2] Три вопроса (Спб. 1878), стр. 38.

[3] Die Erschliessung Chinas, 236.

[4] Въ автобіографіи.

[5] Очеркъ исторіи кит. литер. (изъ «Всеобщей литературы» Корша и Кирпичникова), 4.

подъ ихъ вліяніемъ «носится въ заоблачныхъ пространствахъ и не желаетъ ниспуститься на землю, чтобъ осмотрѣться съ дѣйствительными потребностями», когда оно увлекается отвлеченными теоріями, забывая, «что у него есть народъ, къ которому заявляютъ требованія другіе народы»[1].

Еще въ 1859 г., по поводу «открытія Китая» договорами 1858 г. для европейской торговли, Василіемъ Павловичемъ былъ высказанъ замѣчательный въ то время взглядъ, къ которому онъ потомъ возвращался нѣсколько разъ, что страны Передней Азіи въ культурномъ отношеніи составляютъ одно цѣлое со странами такъ называемаго «Запада» и что настоящимъ «Востокомъ» является только Дальній Востокъ, т. е. «нынѣшнія китайскія владѣнія съ югомъ въ Индіи и сѣверомъ въ Сибири». Открытіе этого Востока для европейской культуры, совпавшее по времени съ проведеніемъ электрическаго кабеля по дну Атлантическаго океана, казалось Василію Павловичу началомъ «новой исторіи», т. е. новой эпохи въ исторіи земного шара[2]. Мнѣніе Василія Павловича въ настоящее время можетъ считаться общепринятымъ; въ послѣднемъ по времени трудѣ по всемірной исторіи, въ «Weltgeschichte seit der Völkerwanderung» Линднера, конецъ 50-хъ годовъ также признается началомъ новой міровой эпохи, neue Weltzeit[3], причемъ кромѣ фактовъ, отмѣченныхъ Василіемъ Павловичемъ, приняты во вниманіе также событія западно-европейской исторіи — война за освобожденіе Италіи и повсемѣстныя либеральныя реформы.

Василію Павловичу въ то время казалось, что до половины XIX вѣка Востокъ и Западъ жили каждый своей особенной жизнью; только въ немногихъ случаяхъ событія, происходившія на Востокѣ, оказывали вліяніе на жизнь Запада; такими событіями были вызваны великое переселеніе народовъ и монгольскія завоеванія; только въ XIX в. Западъ «начинаетъ платить визиты Востоку». Несмотря на предложенное имъ употребленіе термина «Западъ», Василій Павловичъ оставался и впослѣдствіи подъ вліяніемъ односторонняго отожествленія «Запада» съ Европой. Ему казалось, что пустыни, населенныя только кочевниками, отдѣляютъ «міръ классическій Запада (Европу)» отъ «классическаго міра Востока (Китая и Индіи)»[4], и такое представленіе, невѣрное и для настоящаго времени, переносилось имъ

---

[1] Китайскій прогрессъ (Спб. 1883), стр. 10. Die Erschliessung Chinas, 36.

[2] Открытіе Китая (отд. отт.), стр. 3 сл. Die Erschliessung Chinas, 51 f.

[3] Заключительныя слова 8-го тома (Stuttg. und Berlin 1914).

[4] Три вопроса, стр. 63.

въ прошлое, не безъ вліянія китайскаго взгляда на отношеніе всѣхъ безъ различія «инородцевъ» къ китайской имперіи. Открытіе западнаго края во II в. до Рождества Христова было и для Василія Павловича, какъ для китайцевъ, «подчиненіемъ Китаю всей Средней Азіи до Бактріаны»[1]; даже сасанидская Персія была въ его глазахъ только «дружественной и вассальной державой танской династіи»[2].

Еще труднѣе синологамъ признать, что и ближайшіе сосѣди Китая, народы средней и сѣверной Азіи, исторію которыхъ мы до послѣднихъ десятилѣтій знали исключительно по китайскимъ источникамъ, не находились подъ вліяніемъ одной только китайской культуры. Въ своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ географіи и исторіи средне-азіатскихъ странъ, Василію Павловичу рѣдко приходилось касаться этого вопроса; эти работы частью вызывались непосредственными потребностями даннаго момента, частью имѣли цѣлью пополнить явный пробѣлъ въ русской наукѣ. Къ первой категоріи относятся самыя раннія изъ печатныхъ работъ Василія Павловича, статьи о Средней Азіи, о Манджуріи и бассейнѣ Амура, составленныя по китайскимъ оффиціальнымъ источникамъ и печатавшіяся главнымъ образомъ въ изданіяхъ Географическаго Общества 50-хъ годовъ, когда на очередь былъ поставленъ вопросъ о присоединеніи Амурскаго края къ Россіи. Переведенная Василіемъ Павловичемъ еще въ Пекинѣ съ тибетскаго «Географія Тибета» вышла въ свѣтъ только въ 1895 г., когда этотъ трудъ уже не могъ имѣть того значенія, какое имѣлъ бы, если бы вышелъ полвѣкомъ раньше[3]. Исключеніе представляетъ первая по времени печатная статья Василія Павловича «Центральная Азія и главные хребты горъ въ китайскихъ владѣніяхъ», появившаяся въ 1852 г.[4]. Въ этой небольшой по объему, но капитальной статьѣ дано опредѣленіе Центральной Азіи, какъ «страны спертыхъ водъ, окруженной со всѣхъ сторонъ системами рѣкъ и озеръ, доходящими до океановъ». Даже въ русской научной литературѣ[5] пріоритетъ такого опредѣленія приписывается Рихтхофену; что русскимъ ученымъ было дано такое же опредѣленіе за 25 лѣтъ до появленія труда Рихтхофена, до сихъ поръ не было отмѣчено. Среди историческихъ моно-

---

[1] Религіи Востока (Спб. 1873), стр. 74.

[2] О движеніи магометанства въ Китаѣ (Спб. 1867), стр. 10 сл. Die Erschliessung Chinas, 88.

[3] Ср. рецензію С. Ѳ. Ольденбурга въ ЗВО. X, 202.

[4] ЖМНП., ч. 73 (1852), отд. II, стр. 117—132.

[5] И. В. Мушкетовъ, Туркестанъ, изд. I (1886), стр. 5, также изд. II (1915).

графій самая обширная, вышедшая еще въ 1857 г.[1] подъ заглавіемъ: «Исторія и древности восточной части Средней Азіи отъ X до XIII вѣка», тѣсно примыкаетъ, по словамъ самого Василія Павловича, къ трудамъ о. Іакинѳа Бичурина. Переводные труды о. Іакинѳа обнимали исторію средне-азіатскихъ народностей до эпохи Танской династіи включительно и исторію первыхъ монгольскихъ хановъ; оставался пробѣлъ для исторіи періода отъ X до XII вѣковъ; пополненіе этого пробѣла и имѣлъ цѣлью трудъ Василія Павловича. Болѣе интересна въ методологическомъ отношеніи докторская диссертація Василія Павловича—«Свѣдѣнія о маньчжурахъ во времена династій Юань и Минъ», гдѣ отчетливо поставленъ вопросъ о критическомъ отношеніи къ китайской оффиціальной исторіи. Но и въ этомъ трудѣ, какъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ[2], Василій Павловичъ принимаетъ на вѣру слова китайскихъ ученыхъ, объяснявшихъ изъ китайскаго языка монгольскія и другія народныя названія и титулы. Отношеніе средне-азіатскихъ языковъ къ китайскому не могло быть вполнѣ ясно Василію Павловичу, вслѣдствіе отсутствія лингвистической методологіи; уже имъ было начато то сопоставленіе китайскихъ корней съ индо-европейскими[3], которое потомъ довелъ до крайности его ученикъ С. М. Георгіевскій[4]. Кромѣ того Василій Павловичъ, какъ его сверстникъ, туркологъ И. Н. Березинъ, оставался на почвѣ «Recherches sur les langues tartares» Абель-Ремюза (1820) и продолжалъ объяснять изъ китайскаго языка турецкія грамматическія окончанія[5]. Наконецъ онъ предполагалъ непосредственное участіе китайцевъ, будто бы въ большомъ количествѣ переселявшихся въ степь, въ движеніяхъ кочевыхъ народовъ[6]. При такихъ условіяхъ естественно, что вліяніе Китая на жизнь среднеазіатцевъ въ трудахъ Василія Павловича нѣсколько преувеличивалось. Василій Павловичъ, конечно, зналъ, что среднеазіатскіе народы кромѣ вліянія китайцевъ подвергались также вліянію западной культуры, особенно запад-

---

[1] Труды Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., ч. IV.

[2] Ср. напр. статью въ ЗВО. IV, 379.

[3] Очеркъ исторіи кит. литер., 11 сл. Уже въ статьѣ 1852 г. о Центральной Азіи при названіи «Небесныхъ горъ» Цилянь-шань авторъ ставитъ въ скобкахъ, съ вопросительнымъ знакомъ, латинское coelum (ЖМНП., ч. 73, отд. II, стр. 130).

[4] Ср. его докторскую диссертацію «Анализъ іероглифической письменности китайцевъ, какъ отражающій въ себѣ исторію жизни древняго китайскаго народа» (1888) и рецензію А. О. Ивановскаго въ ЗВО. III, 279 сл.

[5] См. особенно статью «Объ отношеніяхъ китайскаго языка къ средне-азіатскимъ» (оттискъ изъ ЖМНП., ч. CLXIII, 1872, отд. II, стр. 82—124).

[6] Кит. прогрессъ, 5. Die Erschliessung Chinas, 30.

ныхъ религій; тѣмъ не менѣе даже «уйгурская ученость» была въ его глазахъ «не болѣе, какъ усвоеніемъ китайскаго образованія»[1].

Вопросъ объ отношеніи культуры самого Китая къ культурѣ Запада всегда интересовалъ Василія Павловича, но не могъ быть имъ вполнѣ выясненъ. Преданія о древности культуръ индійской и китайской имъ рѣшительно отвергались, причемъ онъ исходилъ изъ положенія, которое считалъ несомнѣннымъ, что безъ письменности не можетъ быть и исторіи[2]. Столь же рѣшительно имъ впослѣдствіи ставился вопросъ: «Когда это видано, чтобы какая-нибудь религія, или даже хоть кто-нибудь изъ принадлежащихъ къ религіи, умалялъ ея древность?»[3] Василія Павловича этотъ доводъ приводилъ къ отрицательной оцѣнкѣ буддійскихъ преданій; изслѣдователей религіи Заратуштры тотъ же доводъ заставлялъ принимать на вѣру хронологію парсовъ, несмотря на ея позднее происхожденіе и явную искусственность. Происхожденіе китайской письменности Василій Павловичъ, какъ и многіе до него, былъ склоненъ объяснять вліяніемъ Запада, именно Египта (существованіе въ Передней Азіи столь же древней письменности, какъ египетская, въ то время еще не было установлено)[4], но не дѣлалъ попытокъ подробно обосновать свой взглядъ; его крайній скептицизмъ заставлялъ его сомнѣваться даже въ древности египетскихъ памятниковъ[5]. Василій Павловичъ признавалъ, что въ историческое время Китай не всегда былъ закрытъ для иностраннаго вліянія, хотя его замѣчанія по этому вопросу несвободны отъ противорѣчій. Въ статьѣ о китайскомъ прогрессѣ говорится, что «предшествовавшая маньчжурамъ туземная династія» (т. е. Минская) «не выказывала такого игнорированія европейскихъ усовершенствованій, не была такъ недоступна иностранцамъ»[6]; въ статьѣ о движеніи магометанства въ Китаѣ, наоборотъ, именно Минская династія обвиняется въ томъ, что «поставила себя во враждебныя отношенія ко всѣмъ сосѣдямъ, желая отдѣлиться отъ остального міра»[7]. Нѣкоторыя другія неясности, противорѣчія и парадоксы во взглядахъ Василія

---

[1] О движеніи магометанства въ Китаѣ, 15. Die Erschliessung Chinas, 93.

[2] Религіи Востока, 18.

[3] ЗИАН. LV (1887), 127.

[4] Очеркъ ист. кит. литер., 14 сл. Ср. также Религіи Вост., 10 сл.: «Не на западѣ ли Китайцы познакомились впервые съ алфавитомъ и стали, съ помощію его, глубже всматриваться въ свой языкъ».

[5] Очеркъ ист. кит. литер., 25.

[6] Кит. прогрессъ, 6. Die Erschliessung Chinas, 31.

[7] О движеніи магомет., 17. Die Erschliessung Chinas, 96.

Павловича на отношенія между Западомъ и Востокомъ объясняются тѣмъ, что онъ, подобно большинству оріенталистовъ, преувеличивалъ значеніе религіи въ жизни народовъ вообще и азіатскихъ народовъ въ особенности. Василій Павловичъ правильно отмѣтилъ активную роль Запада и пассивную роль Востока, т. е. Индіи и Китая, въ сношеніяхъ между обоими культурными мірами, указалъ даже на основную, чисто-матеріальную причину этого явленія: «Индія и Китай не находятся по дарамъ природы въ такой же зависимости отъ другихъ странъ, какъ другія отъ нихъ»[1]. Тѣмъ не менѣе онъ старается прослѣдить эти характерныя черты Запада и Востока главнымъ образомъ въ области религіозной пропаганды и ставитъ вопросъ: «Слыхано ли было, чтобы кто-нибудь изъ жителей Запада обращался въ поклонника Конфуція или Будды, Лао-цзы?»[2]. Въ блестящей по основнымъ идеямъ, хотя парадоксальной въ частностяхъ статьѣ о движеніи магометанства въ Китаѣ Василій Павловичъ видитъ преимущество ислама именно въ его западномъ происхожденіи и потому считаетъ мусульманство единственнымъ достойнымъ и опаснымъ соперникомъ европейской культуры въ Китаѣ; «не религіямъ Востока», замѣчаетъ онъ, «вытѣснить жаръ, поселенный въ сердцахъ идеями Запада»[3]. Въ дѣйствительности исторіей буддизма безусловно опровергается мнѣніе Василія Павловича, что мировое значеніе могутъ имѣть только религіозныя идеи Запада; для спасенія своей теоріи Василій Павловичъ былъ вынужденъ предположить, что буддизмъ возникъ подъ вліяніемъ западной культуры, и надѣялся доказать, что Будда жилъ не раньше Александра Македонскаго[4], хотя въ своемъ литографированномъ курсѣ по исторіи китайской литературы Василій Павловичъ уже отказывается отъ своей теоріи и признаетъ, что основы религіозной жизни были однѣ и тѣ же на Западѣ и на Востокѣ, такъ какъ «въ общечеловѣческой натурѣ лежатъ одинаковые законы стремленія человѣка: національный іудаизмъ выработалъ изъ себя двѣ общечеловѣческія религіи, магометанство и христіанство; точно также на Востокѣ народности не могли довольствоваться однимъ брахманизмомъ и конфуціанствомъ»[5]. Факты исторіи ислама въ Китаѣ, однако, столь же трудно было бы привести въ согласіе съ теоріей Василія Павловича и вообще съ господ-

---

[1] Религіи Вост., 10.

[2] Ibid., 11.

[3] О движеніи магомет., 24.

[4] Ibid., 25.

[5] Матеріалы по ист. кит. литер., прилож. I, исторія буддизма, стр. 7.

ствующимъ до сихъ поръ мнѣніемъ объ исключительной силѣ въ Азіи религіозныхъ идей; для объясненія этихъ фактовъ не только Василій Павловичъ, но и его современный нѣмецкій комментаторъ прибѣгаютъ къ крайне рискованнымъ предположеніямъ. Казалось непонятнымъ, что въ Китаѣ еще въ VIII в. были мусульманскія колоніи, и въ то же время не было въ до-монгольскую эпоху, судя по молчанію источниковъ, никакой пропаганды ислама. Василій Павловичъ полагалъ, что мусульмане въ Танскую эпоху были въ Китаѣ только временными гостями[1]; проф. Конради основательно отвергаетъ это мнѣніе[2], но съ своей стороны тоже считаетъ невозможнымъ присутствіе мусульманъ въ Китаѣ безъ пропаганды ихъ религіи и, очевидно, объясняетъ отсутствіе извѣстій о такой пропагандѣ случайнымъ пробѣломъ въ источникахъ. Всѣ эти рискованныя предположенія о судьбахъ буддизма и ислама становятся излишними, если признать, что и въ Азіи, какъ въ Европѣ, такіе факты, какъ возникновеніе религіи, широкая пропаганда религіи и пріобрѣтеніе политическаго и культурнаго вліянія исповѣдниками опредѣленной религіи могли быть явленіями разнаго порядка, возникавшими отъ разныхъ причинъ. Буддизмъ существовалъ до Александра, но сдѣлался міровой религіей только подъ вліяніемъ установившихся для Индіи, благодаря грекамъ, культурныхъ связей; Ашока отправлялъ свои посольства только на западъ, въ государства діадоховъ. Мусульманскіе купцы, захватившіе въ свои руки торговые пути въ Китай на сушѣ и на морѣ, столь же мало думали о религіи, какъ представители современной западно-европейской торговли; часто мусульманское духовенство даже говорило о нихъ, какъ о своихъ врагахъ[3]. Этимъ вполнѣ объясняется, что на китайскомъ языкѣ уже въ VIII в. возникли литературы манихейская и христіанская[4], тогда какъ мусульманская возникаетъ только въ XVII в., хотя пришлые мусульманскіе элементы навѣрное и въ VIII в. не уступали по численности манихейскимъ и христіанскимъ, хотя въ рукахъ мусульманъ находились въ монгольскую эпоху главныя государственныя должности и хотя еще въ XIV в. мусуль-

[1] О движеніи магомет., 12. Die Erschliessung Chinas, 90.

[2] Die Erschliessnng Chinas, 224 f.

[3] Ср. о роли Хабашъ-Амида въ джагатайскомъ государствѣ мой «Очеркъ исторіи Семирѣчья», отд. отт., 46 сл.

[4] Это выяснено особенно статьями Ed. Chavannes и P. Pelliot въ JA. 10, XVIII и 11, I. Ср. особенно 11, I, 127 и 133 сл.

манами переводились на китайскій языкъ астрологическіе и медицинскіе трактаты[1]. Замѣчателенъ самый фактъ появленія въ Китаѣ мусульманской религіозной литературы именно въ ту эпоху, когда представители ислама и вообще азіатскіе народы были вынуждены отказаться въ пользу европейцевъ отъ господства надъ путями міровой торговли.

Василій Павловичъ не сознавалъ, повидимому, этой основной причины того торжества Европы и униженія Азіи, о которыхъ онъ въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ говоритъ въ своей рѣчи о китайскомъ прогрессѣ[2]. Причиной отсталости восточныхъ народовъ была въ его глазахъ система образованія, господствующая на всемъ Востокѣ, Дальнемъ и Ближнемъ, и связанная съ исключительнымъ преобладаніемъ чисто-теоретическихъ, безполезныхъ для жизни знаній[3]. Переходя отъ прошлаго и настоящаго къ будущему, Василій Павловичъ не сомнѣвался въ томъ, что эта отсталость — временное историческое явленіе, несвязанное ни съ расовыми свойствами народовъ[4], ни съ сущностью религіозныхъ ученій, что надъ восточнымъ человѣчествомъ, подъ вліяніемъ пріобщенія его къ міровой культурной работѣ, взойдетъ «заря обновляющаго объединенія»[5]. «Просвѣщать Востокъ», по мнѣнію Василія Павловича, было прежде всего «призваніе Россіи»[6], уже потому, что изъ всѣхъ европейскихъ государствъ только для Россіи ея азіатскія владѣнія составляютъ географически одно цѣлое съ коренными областями государства. Василій Павловичъ не сомнѣвался въ томъ, что эта цѣль будетъ достигнута; несмотря на свой крайній скептицизмъ въ научныхъ вопросахъ, онъ сумѣлъ сохранить до преклонныхъ лѣтъ горячую вѣру въ человѣчество, въ свой народъ и въ свои собственныя силы. Для выполненія культурной миссіи Россіи Василій Павловичъ призывалъ русскій народъ къ всестороннему использованію своихъ естественныхъ богатствъ, къ широкимъ реформамъ во всѣхъ областяхъ жизни, особенно въ системѣ образованія, безъ рабскаго подражанія готовымъ образцамъ, безъ «настойчиваго поддержанія однажды принятыхъ взглядовъ»[7]. Василій Павловичъ стоялъ за широкое привлеченіе

---

[1] Ср. слова арх. Палладія въ Трудахъ Пек. миссіи IV, 446 и въ Трудахъ вост. отд. И. Р. Арх. Общ., XVIII, 185.

[2] Кит. прогрессъ, 1 сл. Die Erschliessung Chinas, 27.

[3] Три вопроса, 125 сл.

[4] Кит. прогрессъ, 8 о «ложной теоріи, которая распредѣляетъ силу умственныхъ способностей по расамъ». Die Erschliessung Chinas, 34.

[5] Религіи Востока, 9.

[6] Ibid., 3.

[7] Три вопроса, 83.

всѣхъ живыхъ силъ страны, отвергая всякія привилегіи и монополіи[1] и не признавая иной аристократіи, кромѣ аристократіи ума и таланта. Извѣстный девизъ французской революціи онъ замѣнялъ девизомъ: «свобода и справедливость (каждому свое)»[2]. Интересно, что еще въ 1878 г. Василіемъ Павловичемъ была высказана и обоснована мысль, къ которой вернулись въ послѣдніе годы, о замѣнѣ классной системы преподаванія предметной[3]. И здѣсь, какъ въ научныхъ работахъ Василія Павловича, необходимо отличать широту и глубину основныхъ идей отъ парадоксовъ, противорѣчій и даже отсталыхъ взглядовъ въ частностяхъ.

Горячо вѣря въ свой народъ, Василій Павловичъ не могъ не вѣрить въ конечное торжество того, что казалось ему правдой. Онъ былъ убѣжденъ[4], что не только «положилъ начало наукѣ по своей спеціальности», но «въ то-же время указывалъ Россіи ея надлежащій путь», и что то и другое когда нибудь будетъ всѣми признано. Съ трогательной заботливостью онъ принималъ мѣры къ тому, чтобы въ тотъ день было воздано должное и его учителю — О. М. Ковалевскому.

Судьба русской науки въ первые годы послѣ смерти Васильева не оправдала тѣхъ ожиданій, на которыя, казалось бы, давала право продолжительная дѣятельность геніальнаго ученаго. Василій Павловичъ, какъ было отмѣчено послѣ его смерти въ академическомъ некрологѣ[5], не создалъ школы; его крайній скептицизмъ скорѣе ослаблялъ, чѣмъ усиливалъ рвеніе его учениковъ. Можетъ быть, не безъ вліянія этого скептицизма его непосредственные преемники по каѳедрѣ, замѣнившіе его еще при его жизни, впали въ противоположную крайность и не допускали сомнѣнія ни въ подлинности и древности памятниковъ китайской культуры, ни въ достовѣрности китайской оффиціальной исторіографіи. Не мнѣ говорить о будущихъ судьбахъ русской синологіи и о томъ, какое мѣсто въ этихъ судьбахъ займетъ дѣятельность Василія Павловича. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что русская синологія и русская наука вообще, какъ часть общечеловѣческой научной мысли, оправдаютъ слова учителя Василія Павловича О. М. Ковалевскаго[6]: «Безспорно, никакая идея не погибаетъ въ умствен-

[1] Ср. заключительныя слова статьи «Открытіе Китая». Die Erschliessung Chinas, 79.

[2] Три вопроса, 48.

[3] Ibid., 149.

[4] См. его автобіографію.

[5] Напечатанъ въ ЗВО. XIII, 047 сл.

[6] Рѣчь «О знакомствѣ европейцевъ съ Азіей» (Обозр. препод. Каз. унив. 1837—38 г., стр. 27).

номъ мірѣ; рано или поздно она воскреснетъ среди вражескихъ ударовъ и снова увлечетъ за собою толпу своихъ обожателей». Насколько эти слова, сказанныя о торжествѣ правды въ мірѣ идей, примѣнимы къ торжеству правды въ жизни, насколько въ нихъ могутъ находить утѣшеніе человѣкъ и народъ въ переживаемыхъ испытаніяхъ, этого вопроса я предпочитаю не касаться.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

В. П. Васильевъ, какъ синологъ.

А. И. Иванова.

(Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Россійской Академіи Наукъ 5 марта / 20 февраля 1918 г.).

Оцѣнку дѣятельности покойнаго синолога В. П. Васильева, перваго профессора по каѳедрѣ китайской словесности въ С.-Петербургскомъ, нынѣ Петроградскомъ Университетѣ, выдающагося русскаго патріота, чествованіе памяти котораго совпало съ столь печальнымъ временемъ, нельзя считать законченной, если судить только по тѣмъ матеріаламъ, которыми мы располагаемъ въ видѣ печатныхъ работъ его. Однѣ изъ этихъ работъ не появились совсѣмъ, а другія увидѣли свѣтъ не въ томъ видѣ, какъ это задумывалъ авторъ.

Какова была судьба многихъ начинаній покойнаго нашего учителя, можно судить по его собственнымъ словамъ. «Объ этомъ, пишетъ онъ въ предисловіи къ Анализу китайскихъ іероглифовъ[1] я началъ хлопотать уже тридцать лѣтъ тому назадъ.... Еще въ 1856 году Академія Наукъ, которой я представлялъ этотъ лексиконъ[2] въ надеждѣ, что она озаботится заведеніемъ китайскаго шрифта, забраковала эту попытку».

Въ другомъ мѣстѣ, а именно, въ Очеркѣ исторіи китайской литературы, въ вступленіи онъ отмѣчаетъ: «намъ не хотѣлось, чтобы эти взгляды[3], добытыя путемъ научнаго труда, но невозможные для насъ въ научномъ изложеніи, пропали совсѣмъ безслѣдно»[4].

Эти сѣтованія Василія Павловича на ненормальныя условія научной работы, въ которыя онъ былъ поставленъ, вполнѣ подтверждаются при ознакомленіи съ тѣмъ, что мы имѣемъ отъ него. Можно ли сказать поэтому,

[1] Анализъ китайскихъ іероглифовъ, часть 2-я. Элементы китайской письменности. Профессора В. Васильева. С.-Петербургъ. 1884 г. стр. II.

[2] Рѣчь идетъ о китайско-русскомъ словарѣ, первомъ на русскомъ языкѣ, изданномъ имъ въ литографированномъ видѣ въ 1867 г.

[3] Т. е. взглядъ на ходъ и развитіе китайской литературы.

[4] Очеркъ исторіи китайской литературы. С.-Петербургъ. 1886 г. стр. 4.

что Василій Павловичъ далъ все, что онъ могъ бы дать при иныхъ условіяхъ? Однако не слѣдуетъ также упускать изъ виду нѣкоторыхъ обстоятельствъ, обращающихъ на себя вниманіе всякаго спеціалиста, которому приходится имѣть дѣло съ работами покойнаго академика.

Это прежде всего чрезвычайная разносторонность темъ и затѣмъ рѣзкій скептицизмъ, бросающійся прямо въ глаза и иногда даже борющійся съ здравымъ смысломъ и историческими фактами.

Быть можетъ, нѣкоторая часть задуманнаго не была выполнена въ силу того, что новыя идеи или измѣнившіяся условія увлекли за собою автора.

Какъ истинный русскій патріотъ, любившій всей душою Россію, что проскальзываетъ нерѣдко въ его статьяхъ, Василій Павловичъ не могъ замкнуться въ узкихъ рамкахъ чистой науки, прекрасно понимая, какія знанія необходимы отечеству, а это отвлекало его отъ выполненія намѣченныхъ работъ.

Жизненныя же неудачи и постоянное сознаніе неудовлетворенности, связанное отчасти съ выработавшимся подъ вліяніемъ близкаго соприкосновенія съ китайской литературой критическаго міровоззрѣнія, дали въ результатѣ тотъ ужасающій иногда скептицизмъ, который проскальзываетъ то тутъ, то тамъ въ работахъ Василія Павловича.

Василій Павловичъ открываетъ эпоху русской синологіи.

Это былъ первый русскій ученый, а вѣрнѣе и первый европейскій, свѣтскій ученый, начавшій свою ученую дѣятельность послѣ долголѣтняго пребыванія въ Китаѣ, откуда онъ привезъ большой научный багажъ.

Изучивъ китайскій языкъ, какъ книжный, такъ и разговорный, онъ зналъ языки маньчжурскій, монгольскій, тибетскій и санскритъ.

Если же припомнить, каковы были пособія для изученія китайскаго языка и не въ то далекое время, а сравнительно недавно, то легко понять, что знанія Василія Павловича давали ему исключительное преимущество. Добавимъ, что и доступно было еще немногое. Онъ былъ первымъ европейскимъ ученымъ, начитаннымъ въ китайской литературѣ и одновременно знавшимъ языки, какъ напримѣръ маньчжурскій, которые являлись вспомогательными при изученіи китайскаго.

Дальнѣйшее пребываніе въ Китаѣ и оторванность отъ европейской науки, сказывавшаяся впослѣдствіи, имѣла и свою отрицательную сторону, что впрочемъ въ иной, однако, формѣ наблюдается и на другомъ примѣрѣ— мы имѣемъ въ виду извѣстнаго синолога J. Legge, автора классическаго изданія конфуціанскаго канона «The chinese classics».

Иногда, подъ вліяніемъ свѣдѣній китайскихъ источниковъ, Василій Павловичъ высказываетъ мысли и предположенія, носящія несомнѣнный слѣдъ китайскаго происхожденія, несмотря на свое крайне недовѣрчивое въ то же время отношеніе къ комментаріямъ и даже источникамъ вообще.

Нельзя однако не отмѣтить, что В. П. Васильевъ одинъ изъ первыхъ, если не первый европейскій ученый, относится съ серьезной критикой къ китайскимъ источникамъ и текстамъ.

Въ то же время долгое пребываніе въ Китаѣ, въ совершенно исключительной для нашего времени изолированности, дало возможность Василію Павловичу собрать исключительный по богатству матеріалъ, который онъ, вернувшись на родину и столкнувшись съ новыми запросами, такъ и не успѣлъ обработать, почему часть работъ мы видимъ незаконченными.

Не считая себя вправѣ, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ, не замѣчать поразительнаго незнанія Китая русскими, для которыхъ, какъ онъ совершенно правильно понималъ, Срединная имперія будетъ имѣть чрезвычайно важное значеніе, Василій Павловичъ стремился сообщить своимъ соотечественникамъ возможно больше, забрасывая начатыя работы.

Какъ измѣнялся ходъ работъ Василія Павловича и какъ онъ самъ уклонялся отъ намѣченнаго пути именно подъ давленіемъ запросовъ жизни, достаточно привести его собственныя слова въ цитированномъ уже Очеркѣ китайской литературы.

«Мы и сами, пишетъ онъ, въ свое время предпочитали изученіе другихъ отраслей китайской литературы, болѣе спеціальныхъ, бѣгло ознакомившись сначала съ памятниками конфуціанства. Мы видѣли, что оно не заключаетъ въ себѣ какого нибудь ученія, соотвѣтствующаго высотѣ нынѣшнихъ понятій и взглядовъ. Но когда намъ пришлось заняться преподаваніемъ литературы въ стройномъ объемѣ, то мы уже не могли исключать конфуціанства» (стр. 4).

Кромѣ того преподавательская дѣятельность налагала, конечно, свои обязанности и первому профессору приходилось учить, затрачивая время на подготовку руководствъ, которыя долго оставались единственными, издавать тексты и пособія.

Дѣятельность В. П. Васильева, какъ автора работъ по исторіи, географіи и религіи, обрѣтшей себѣ вторую родину въ Китаѣ — буддизма, уже очерчена раньше и я ограничиваюсь только характеристикою покойнаго академика, какъ китаиста. О томъ, какими средствами онъ располагалъ и въ какихъ условіяхъ работалъ, уже было указано, надлежитъ только добавить, что въ лицѣ В. П. Васильева, какъ синолога, критически относящагося

къ китайскому тексту, а не трактующаго его, какъ говоритъ любой комментаторъ, что нерѣдко наблюдается у европейскихъ ученыхъ первой половины девятнадцатаго столѣтія, мы найдемъ и увлекательнаго бытописателя.

Изъ многочисленныхъ работъ его по китайскому языку, письменности и литературѣ главнѣйшими слѣдуетъ, конечно, признать «Анализъ китайскихъ іероглифовъ» въ 2-хъ частяхъ, «Первый русско-китайскій словарь», составленный по новой системѣ, «Матеріалы по исторіи китайской литературы» и статью, напечатанную въ 1857 г. въ журналѣ М. Н. Пр.: «*Les phonétiquees chinoiss d'après le système graphique*».

Неудовлетворительность системы расположенія китайскихъ идеограммъ по т. н. ключамъ (опредѣлителямъ), особенно, если считаться съ исторіей письма, привела Василія Павловича къ мысли о расположеніи знаковъ по мѣрѣ наростанія чертъ, принявъ за основаніе преобладающій элементъ.

По этой системѣ и былъ составленъ первый китайско-русскій словарь.

Система В. П. Васильева, принятая съ нѣкоторыми измѣненіями при изданіи, напримѣръ, словаря Полетти, имѣетъ большое практическое значеніе, значительно облегчая изученіе китайской письменности.

Онъ первый изъ европейскихъ ученыхъ указалъ на условность принятой китайцами системы, при чемъ систему В. П. Васильева нельзя ни въ коемъ случаѣ ставить въ связь съ системой Callery, который въ своей Systema phoneticum распредѣлилъ китайскіе знаки по фонетическимъ частямъ, принявъ въ основу расположеніе знаковъ по числу чертъ согласно традиціи.

«Анализъ китайскихъ іероглифовъ» содержитъ во второй части историческій анализъ знаковъ, идущихъ по новой системѣ.

Первая же часть «Анализа» была первой на европейскомъ языкѣ самостоятельной работой по фонетикѣ, морфологіи и письменности Китая; тамъ же мы находимъ и первыя подробныя свѣдѣнія о китайскихъ словаряхъ различныхъ системъ.

«Матеріалы по исторіи китайской литературы», до сихъ поръ не обработанные и не напечатанные, ярко отражаютъ личность Василія Павловича. Въ нихъ мы находимъ неисчерпаемый матеріалъ по исторіи китайской литературы, библіографію, критику не только конфуціанской литературы, но и другихъ отраслей ея, исторію буддизма, даосизма и конфуціанства.

Ничего подобнаго ни въ одномъ трудѣ европейскомъ того времени, но и въ немногочисленныхъ позднѣйшихъ работахъ мы не найдемъ.

«Матеріалы», «Анализъ» и популярный «Очеркъ исторіи литературы» не превзойдены европейскими работами того же рода и являются настольными книгами каждаго спеціалиста.

Переводы Василія Павловича, иногда нѣсколько туманные, что слѣдуетъ объяснить, вѣроятно, излишнимъ критицизмомъ, обычно жизненны и выразительны.

Въ вопросѣ о древности китайской культуры Василій Павловичъ держался крайняго взгляда, отрицая ея глубокую древность и былъ основателемъ отрицательной школы. Если принять во вниманіе не тонъ его словъ, а ихъ содержаніе, то слѣдуетъ признать, что онъ былъ правъ, въ одномъ отношеніи, а именно, когда говорилъ, что нѣтъ никакихъ пока реальныхъ данныхъ для положительнаго разрѣшенія этой проблемы.

Грамматики, хрестоматіи и пособія, имъ составленныя долгое время были единственными не только на русскомъ языкѣ, хотя за отсутствіемъ шрифта пособія выходили литографированными.

Особенно цѣненъ переводъ части Ши-цзина — собранія древнихъ китайскихъ пѣсенъ.

При изданіи перевода первой части этого сборника Василій Павловичъ отрѣшился отъ китайской традиціи толкователей, видящихъ въ каждой пѣснѣ намекъ на историческій фактъ или ссылающихся на нихъ, какъ на подтвержденія правила «зло наказывается, а добродѣтель торжествуетъ».

Указанія Василія Павловича на необходимость использовать текстъ Ши-цзина, какъ источникъ древняго китайскаго языка не нашли отклика и донынѣ.

Не было такого вопроса синологіи, по которому покойный академикъ не высказался, причемъ немногіе его взгляды оказываются нынѣ устарѣвшими или имѣющими только историческую цѣнность.

Особенно рѣзко скептицизмъ и всеотрицаніе Василія Павловича сказались въ его работѣ «Религіи Востока», посвященной разбору буддизма, даосизма и конфуціанства.

Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ этой работы. Мы только укажемъ на то, что каждый спеціалистъ признаетъ, что взгляды Василія Павловича на конфуціанство и даосизмъ и высказанныя имъ положенія являются самостоятельными и оригинальными, будятъ мысль и помогаютъ разобраться въ хаосѣ религіозныхъ явленій, сообщая попутно много научныхъ истинъ.

«Въ лицѣ В. П. Васильева мы встрѣчаемся съ рѣдкимъ въ Россіи сочетаніемъ синолога академическаго склада и живымъ наблюдателемъ-публицистомъ, чутко отзывавшимся на всѣ общественныя тревоги, имѣющія отношеніе то или иное къ его спеціальности»[1]. Какъ патріотъ, какъ живой

[1] Открытіе Китая и др. ст. академика В. П. Васильева. Изд. журнала «Вѣстникъ всемірной исторіи». С.-Петербургъ, 1900 г. Предисловіе стр. VIII.

человѣкъ онъ не могъ не чувствовать скудости практическихъ знаній о Китаѣ и не могъ обойти молчаніемъ многія явленія, указывавшія на непониманіе того чрезвычайнаго значенія, которое имѣетъ дальній востокъ въ жизни Россіи.

Иныя его статьи этого рода съ развитіемъ сношеній и проникновеніемъ европейцевъ въ самыя отдаленныя части Китая, утеряли свой былой интересъ или даютъ несоотвѣтствующее современному положенію вещей освѣщеніе. Однако, нѣкоторыя изъ нихъ и теперь еще сохранили свое значеніе, какъ, напримѣръ, сборникъ «Открытіе Китая»[1].

Трудно найти въ русской литературѣ по дальнему востоку болѣе правильный, правда иногда нечуждый парадоксальности, взглядъ на Китай, на отношеніе Европы къ Китаю, на положеніе Россіи на дальнемъ востокѣ, чѣмъ мы находимъ въ указанномъ сборникѣ.

Его статья «Русско-китайскія отношенія», къ сожалѣнію, и теперь еще, какъ и въ недавнемъ прошломъ урокомъ для Россіи не служитъ.

Съ именемъ В. П. Васильева связана вся судьба русской синологіи: онъ открылъ новую страницу ея, такъ какъ единственнымъ разсадникомъ знаній по Китаю, когда изсякалъ родникъ Пекинской духовной миссіи, вплоть до самаго послѣдняго времени служилъ Факультетъ Восточныхъ языковъ Петроградскаго Университета, на которомъ покойный академикъ занималъ каѳедру китайской словесности съ 1855 г. до смерти своей, въ апрѣлѣ (27-го) 1900 г. Тѣмъ болѣе грустно, что при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ приходится праздновать столѣтіе со дня его рожденія.

Остается лишь надежда на то, что эта страница исторіи смѣнится другой менѣе печальной и оправдается вѣра В. П. Васильева въ будущее Россіи.

---

[1] Примѣромъ одного изъ такихъ несоотвѣтствій можетъ служить замѣчаніе Василія Павловича: «Китай не имѣетъ долговъ». (стр. 14). Внѣшняя же задолженность Китая ко времени изданія сборника (1900 г.) достигла 60.000.000 ф. ст. и, какъ извѣстно, быстро увеличивалась.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Le moine et l'oiseau à la pierre précieuse.

(Légende et iconographie).

Par S. d'Oldenburg.

(Présenté à l'Académie le 27 Février 1918).

Monsieur A. Foucher, à qui nous devons tant d'interprétations ingénieuses des bas-reliefs du Gandhāra vient[1] de nous donner une nouvelle preuve de la justesse de la méthode de son travail qui combine une lecture attentive des textes bouddhiques avec une connaissance tout à fait exceptionnelle des collections de sculpture dans les musées de l'Inde. Depuis longtemps déjà il nous a montré dans ses beaux travaux sur l'art Indien la nécessité de ne négliger aucun détail de ces scènes, souvent d'une monotonie désespérante, où un petit rien, le geste d'une des personnes représentées, un arbre de plus ou de moins, suffisent à préciser un sujet déterminé.

Ne disposant pas à ce moment de photographies qui nous permettraient de consulter des reproductions tout à fait sûres des monuments cités par M. Foucher, nous ne pouvons que suivre son analyse pénétrante des bas-reliefs, mais nous voudrions indiquer deux textes nouveaux qui confirment la popularité dont jouissait le sujet en question dans les différents milieux bouddhiques, ce qui expliquerait aussi peut-être sa représentation figurée, dont le caractère presqu'unique est noté par M. Foucher. Il est curieux de constater, que dans les deux textes que nous ajoutons aux deux versions déjà connues, le moine reste aussi anonyme.

Le premier texte dont nous voulons parler fut publié en arabe avec une traduction russe par le baron V. de Rosen dans son article «Deux mots

[1] A. Foucher, Interprétation de quelques bas-reliefs du Gandhâra. JA. 11. IX. 258—281 (Mars — Avril 1917): II. Le moine, le joaillier et l'oiseau.

sur la signification du mot zindīk «زنديق»[1]; il appartient au célèbre auteur arabe du IX siècle al-Djāhiz qui, en parlant dans son «Livre des bêtes» des moines zindīk, raconte notre histoire. Comme le texte arabe et le texte russe ne sont peut-être pas à la disposition de tous les indianistes, je donnerai le récit en abrégé, ayant soin de n'omettre aucun détail important.

Deux moines zindīk voyageaient ensemble, car ces moines voyagent toujours à deux en observant les quatre règles: de la sainteté, de la pureté, de la vérité et de la pauvreté[2]. L'un d'eux s'absenta et l'autre s'assit près de la boutique d'un joaillier pour l'attendre. Une femme passa en tenant entre ses mains une boîte avec des pierres précieuses; elle laissa tomber la boîte et les pierres roulèrent par terre. Une autruche qui se promenait dans la rue avala la plus belle des pierres. Le joaillier et ses serviteurs se mirent a ramasser les pierres précieuses en criant aux passants de ne pas approcher. On remarqua tout de suite l'absence de la plus belle pierre, on chercha, mais on ne trouva rien. Un des hommes conclut que la pierre avait dû être prise par le moine assis près de la boutique. On questionna le moine. Il nia simplement, ne voulant pas mettre en danger la vie de l'autruche qui avait avalé la pierre. Alors on fouilla et battit le moine. Là dessus survint l'autre moine et commença a défendre son ami; on le battit aussi. En ce moment passait un homme intelligent qui vit l'autruche et comprit l'affaire. Il demanda si l'autruche se trouvait dans la rue, lors de la disparition de la pierre. On lui répondit que oui. Alors l'homme dit «voilà donc votre affaire». On tua l'autruche et trouva la pierre.

Comme on voit, ce récit diffère considérablement dans ses détails, et du texte du Sūtrālaṃkāra et de celui des Cinq cents contes, mais il est indubitablement d'origine bouddhique, ce qui fut noté par le baron Rosen. Quelques années après la publication du texte de Djāhiz je trouvais dans le Dsanglun[3] un abrégé du récit ou plutôt une simple note indiquant le contenu de l'avadāna, on y parlait de moines (au pluriel); la source de ce texte était évidemment un vinaya on commentaire de vinaya. J'y revins après la publication du beau recueil de M. Chavannes en comparant les trois versions chinoise, tibétaine et arabe (le Sūtrālaṃkāra m'avait alors échappé)[4].

---

[1] Zapiski IV. 336—340.

[2] Suit une explication de ces règles dont une seulement nous intéresse: «sainteté — ce qui veut dire obligation de cacher la faute d'un autre, même si l'on est questionné là dessus»; or c'est justement le précepte illustré par notre avadāna.

[3] J. J. Schmidt. Der Weise und der Thor. St.-Petersburg 1843. XVI. Vom Getsül welcher die übernommenen Pflichtgebote hielt, pp. 129—141 (p. 137).

[4] Zapiski. IX. 290.

Il n'y a pas le moindre doute que nous connaissons maintenant cinq versions (en comptant le bas-relief) du même avadāna, illustrant un point du vinaya. Aucun des quatre textes ne correspond exactement au bas-relief dont l'interprétation est néanmoins assurée par l'analyse convaincante de M. Foucher. Un dépouillement attentif des commentaires des vinaya nous fournira le texte original, ou au moins la version la plus ancienne de l'avadāna du moine et de l'oiseau à la pierre précieuse.

M. Foucher a bien raison de dire, que l'illustration de l'avadāna fournie par le bas-relief fait piteuse mine surtout comparée à l'habile maniement du sujet par Açvaghoṣa. Faut-il seulement y voir la preuve d'une date ancienne comme le veut M. Foucher? Les artistes indous, à peu d'exceptions près, sont ou trop brefs ou trop prolixes, plus souvent le dernier, et l'habilité de représenter le moment ou le geste décisif leur fait ordinairement défaut, il leur a presque toujours manqué cet art consommé, cette précision dans le moindre détail, indiqué seulement quand il est nécessaire, qui fait le charme d'un Kālidāsa on d'un Açvaghoṣa. Dans la longue série des représentations de jātakas, qui commence à Bharhut et se continue pendant plus de deux mille ans jusqu'à nos jours, il y a à peine quelques représentations isolées qui puissentent compter comme de vraies illustrations de ces charmants récits ou contes.

Il faut encore avoir en vue, que l'artiste indien n'a presque jamais pratiqué l'illustration, comme nous l'entendons dans nos compositions qui, mises en regard du texte qu'ils interprêtent sont intimement liées à lui. Les frises des stūpas et des caityas, les stèles visent d'un côté à l'effet ornemental de l'ensemble et d'un autre forment des points saillants qui sont destinés a attirer l'oeil du pélerin. Pour me servir d'une comparaison avec la littérature indienne, ce sont des sūtras dont le commentaire sera fourni par les moines expliquant les merveilles des sanctuaires à la foule pieuse, des passages en vers d'un ākhyāna ou d'un jātaka, des aide-mémoires. C'est de même le cas des miniatures des manuscrits, qui restent détachées du texte, indépendantes de lui.

Voilà pourquoi même dans les meilleures productions de l'art indou moderne, qui tâchent de se rattacher à l'ancienne tradition indienne nous sentons toujours quelque chose qui les rend étrangères à l'Orient, car nous y trouvons déjà un indice de cet esprit de combinaison savante, qui est la puissance d'organisation de l'Occident, — et le charme de la fraicheur orientale si intime, si vivante a disparu: on sent le voulu, non le senti. Occident et Orient ne se marient pas; les artistes indous modernes devraient donc ou

avoir le courage de rompre avec la tradition indigène et devenir franchement occidentaux, ou, comme le font les artistes iconographes tibétains, chinois, mongols, rester fidèles à cette tradition et à l'esprit de l'Orient. Là même chose se répète pour la littérature: l'indianiste peut admirer le charme de Rabindranath Tagore, idole du grand public européen, mais il ne le comparera jamais à Kālidāsa, à Hāla, à ces auteurs dont souvent nous ignorons même le nom et dont les vers si fins, tellement pénétrés de dhvani, nous sont parfois connus que par des recueils de subhāṣitas, aux sentences, si belles et si profondes, attribuées à un Kabir ou à un Rāma Kṛṣṇa, car dans ces poésies modernes qui caressent l'ouïe de l'européen l'indianiste n'entend pas tinter la cloche mystérieuse du dhvani, qu'il a toujours entendue chez les grands poètes de l'Inde ancienne.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Сказка о хитрости Дидоны и Константинополь.

А. Н. Самойловича.

(Представлено академикомъ В. В. Радловымъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 17 января 1918 г.).

Дополняя изслѣдованіе академика В. Ѳ. Миллера[1], посвященное широко распространенному сказочному сюжету о «хитрости Дидоны» матеріалами изъ Сибири, Средней Азіи и Персіи, академикъ В. В. Бартольдъ[2] приводитъ, между прочимъ, кашгарскую версію сказки со словъ автора начала XIV вѣка, Джемаля Карши, пользовавшагося «Исторіей Кашгара» XI вѣка, и отмѣчаетъ: «Изъ всѣхъ странъ мусульманскаго міра В. Ѳ. Миллеръ нашелъ сказку о хитрости Дидоны только на Балканскомъ полуостровѣ и вслѣдствіе этого полагалъ, что турки ознакомились съ ней только въ Константинополѣ; кашгарская версія показываетъ, что она могла быть извѣстна туркамъ и раньше». Академикъ В. В. Бартольдъ указываетъ далѣе, что одна черта (дань удивленія остроумію) сближаетъ кашгарскую версію съ приведенной академикомъ В. Ѳ. Милле-

[1] «Всемірная сказка въ культурно-историческомъ освѣщеніи» («Русская Мысль», 1893 г., кн. XI, стр. 207—229).

[2] «Къ сказкѣ о хитрости Дидоны» (Сборникъ Музея Антропол. и Этногр. при Рос. Ак. Наукъ, т. V, стр. 149—151).

ромъ сербской (герцеговинской). Въ другомъ отношеніи (сооруженіе храма) приближается къ этимъ двумъ версіямъ и особенно къ герцеговинской (основаніе кладбища) малоазіатско-турецкая версія, которую я сообщаю ниже.

Въ IV книгѣ казанскаго изданія 1877 года (Типографія Каз. университета) извѣстнаго османскаго народнаго рыцарскаго романа «Подвиги въ борьбѣ за вѣру сейида Батталь-газы» (стр. 27—37) имѣется глава — «меджлисъ» о томъ, «какъ его святѣйшество сейидъ Батталь отправился въ Стамбулъ», и въ этой главѣ разсказывается слѣдующее[1].

Несуществовавшій византійскій императоръ Асатуръ, сынъ Константина[2], встревоженный вѣстью о приближеніи къ Константинополю Батталя, жившаго въ Малатіи, послалъ за кудесникомъ Гузенде (كوزنده جاذو), который обиталъ въ дахмѣ Александра Македонскаго[3] (ذو القرنين دخمسنده),

---

[1] Казанское изданіе состоитъ изъ 6 книгъ, между которыми романъ подѣленъ не по содержанію, а, повидимому, только по объему: въ каждой книгѣ отъ 60 до 80 страницъ. Флейшеръ (Ueber den türkischen Volksroman Sîreti Seijd Baṭṭâl — Kleinere Schriften III. Leipzig, 1888 г., стр. 226—254) и за нимъ его ученикъ Эте (Die Fahrten des Sajjid Batthal I—II, Leipzig, 1871) раздѣлили романъ по содержанію на 7 книгъ: кн. I соотвѣтствуетъ стр. 2—10 (строка 13 снизу) кн. I казанскаго изданія; кн. II = стр. 10—21 (строка 7 снизу); кн. III = стр. 21 кн. I — стр. 9 (строка 4 снизу) кн. III; кн. IV = стр. 9 кн. III — стр. 26 (строка 4 сн.) кн. IV; кн. V = стр. 26 кн. IV — стр. 28 (строка 12 сверху) кн. V; кн. VI = стр. 28 кн. V — стр. 17 (строка 14 св.) гл. VI; кн. VII = стр. 17—32 кн. VI. Кромѣ дѣленія по объему на книги казанское изданіе имѣетъ дѣленіе по содержанію на главы — «меджлисы» съ соотвѣтствующимъ заглавіемъ, но, къ сожалѣнію, безъ нумераціи. Въ переводѣ Эте этихъ дѣленій нѣтъ, но о существованіи ихъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ свидѣтельствуетъ примѣчаніе Эте № 59 къ кн. I на стр. 225 тома I. Казанское изданіе въ данномъ случаѣ (I, 8) заглавія не имѣетъ, и повѣствованію предшествуетъ персидско-арабское выраженіе ازين جانب «съ этой стороны», обычно (часто въ сопровожденіи турецкаго перевода بوطرفدن) отмѣчающее новые абзацы внутри главы (ср. «Очеркъ исторіи турецкой литературы» проф. В. Д. Смирнова, стр. 23). — Дѣленіе на «меджлисы» имѣется въ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ» (проф. В. Д. Смирновъ, Мнимый турецкій султанъ, З. В. О. XVIII, 26) и въ Ходзковской версіи «Кьоръ-оглу» (Specimens of the popular poetry of Persia, The Or. Translat. Fund, 1842).

[2] Пересказываемый мною отрывокъ изданъ проф. В. Д. Смирновымъ на стр. 299—310 «Образцовыхъ произведеній османской литературы» (Спб. 1903), соотвѣтствующихъ стр. 29—41 кн. IV казанскаго изданія; изложенъ Флейшеромъ на стр. 248—249 его цитованной выше работы и переведенъ Эте въ т. II, стр. 105—120.

[3] О подземномъ городѣ Александра Македонскаго разсказывается на стр. 5 кн. V каз. изданія, а о дахмѣ на стр. 21.

а той порой Батталь и Багдадскій халифъ Му'тасымъ[1] со своимъ войскомъ подошелъ къ столицѣ. Батталь послалъ казія города Мосула предложить Асатуру перейти въ исламъ, находившійся же при императорѣ Валидъ, сынъ бывшаго Багдадскаго кадія — тайнаго христіанина Укбы[2] вызвался погубить Батталя.

Переодѣвшись суфіемъ, Валидъ явился къ халифу съ подложнымъ письмомъ и отвезъ Батталя на отдаленный островъ. Византійцы воспользовались отсутствіемъ непобѣдимаго героя и нанесли пораженіе мусульманамъ съ помощью кудесниковъ, но Батталь, спасшійся съ необитаемаго острова благодаря заступничеству святой женщины Раби'а[3] и пророка Хызра, появился на полѣ брани и предотвратилъ разгромъ своихъ дружинъ. Узнавъ о прибытіи въ Стамбулъ ожидавшагося тамъ кудесника Гузенде, мусульмане пришли въ уныніе. Неустрашимый Батталь, получившій въ этотъ моментъ чрезъ стрѣлу записку съ извѣстіемъ о заточеніи Асатуромъ друга Батталя, отшельника Шаммаса[4] и другихъ мусульманъ, распорядился, чтобы трехсотлѣтній старецъ Абду-ль-Ваххабъ, знаменосецъ пророка Мухаммеда[5], устроилъ засаду съ отрядомъ хорезмійцевъ[6], а самъ ринулся въ бой, разрубилъ страшнаго кудес-

---

[1] Флейшеръ обозначаетъ этого халифа: Mo'taṣim I въ отличіе отъ Mo'taṣim II, появляющагося въ повѣствованіи о лжепророкѣ Бабекѣ (стр. 248 и 250).

[2] Этотъ же, повидимому, кадій Укба упоминается въ الفرج بعد الشدة (Vambery, Alt-Osmanische Sprachstudien, Leiden, 1901, стр. 60, 108; въ переводѣ на стр. 109 пропущено).

[3] Подробности объ этой святой сообщаются на стр. 14—15 кн. III казанскаго изданія.

[4] Флейшеръ и Эте читаютъ имя شماس, какъ Šumâs, Schumâs.

[5] Въ слѣдующемъ меджлисѣ казанскаго изданія (IV, 37—45) повѣствуется о томъ, какъ этотъ старецъ, увлеченный чарами дочери Асатура, принялъ христіанство, сталъ пить вино, ѣсть свинину, носить одежды христіанскаго духовенства и, несмотря на свои 310 лѣтъ, вступилъ въ бракъ по византійскому обряду съ соблазнившей его красавицей. Явился Батталь, разбилъ кулакомъ ротъ и носъ старика до крови и вышибъ ему три зуба, которые застряли въ глоткѣ. Асатуру при этомъ Батталь объяснилъ, что онъ посолъ китайскаго императора, имѣвшаго виды на красавицу, и что своимъ дѣйствіемъ онъ имѣлъ въ виду поддержать престижъ своего повелителя. Позднѣе (VI, 7) Абду-ль-Ваххабъ вернулся въ лоно ислама.

[6] Въ кн. II, 19 и IV, 23 казанскаго изданія упоминается хорезміецъ علی بن مظراب сынъ сестры حضرت ابا مسلم تبردار по имени ساکنه بانو съ хорезмійской дружиной при дворѣ Багдадского халифа. Флейшеръ (245) называетъ его коротко: Bruderssohn Abû Muslims, а Эте (I, 129): ein Neffe des Abû Muslim. На стр. 61 той же книги каз. изд. упоми-

ника[1] и тѣмъ открылъ своему войску путь къ полной побѣдѣ. Абду-ль-Ваххабъ съ хорезмійцами полонилъ отступавшаго къ столицѣ Асатура и привелъ его къ Батталю. Византійскій императоръ отказался принять исламъ[2], но изъявилъ готовность платить дань и поклясться не выступать противъ мусульманъ. Когда дѣло подошло къ заключенію мира, Батталь удачно прибѣгъ къ «хитрости Дидоны», чтобы получить въ Стамбулѣ мѣсто для сооруженія мечети.

Эпизодъ этотъ, который я привожу ниже въ полномъ переводѣ, вовсе не упоминается ни въ пересказѣ Флейшера (248), ни въ характеристикѣ романа, данной профессоромъ В. Д. Смирновымъ[3], но имѣется въ переводѣ Эте (II, 119). Судя по этому переводу, текстъ использованныхъ Эте списковъ отличается въ данномъ случаѣ отъ казанскаго изданія (IV, 36) только въ мелочахъ, которыя я указываю въ примѣчаніяхъ. Текстъ, изданный профессоромъ В. Д. Смирновымъ (стр. 306), примыкаетъ къ тексту казанскаго изданія, обнаруживая сравнительно съ послѣднимъ лишь нѣсколько несущественныхъ и мелкихъ пропусковъ.

«Эй, Асатуръ! Ну-ка теперь дай мнѣ внутри этого города мѣсто въ длину шкуры (بر كون اوزونى قدر), и я воздвигну памятникъ (بر نشانه). Асатуръ согласился, сказалъ, что дастъ. Послѣ этого обмѣнялись клятвой. Асатуръ принялъ на себя бремя данника. Его святѣйшество сейидъ разрѣзалъ коровью шкуру въ тоненькую полоску (صغير كونن انجه‌جك ديلدى), длина которой вышла въ четыре тысячи аршинъ, занялъ внутри города мѣсто, приказалъ вскопать его и разрушить нѣсколько церквей и торговыхъ лавокъ. Когда Асатуръ увидалъ это, тотчасъ явился къ халифу, пожаловался на сейида и сказалъ: халифъ! онъ попросилъ мѣсто со шкуру, а

нается مملان خوارزمى, а на стр. 62 موسى خوارزمى. Ali bin Mudhrab былъ, по легендарному извѣстію Хезарфенна, туркменскимъ бекомъ; онъ женился на Nazir ül Dschemal, дочери правителя Малатіи Omer bin Nu'man отъ его жены — сестры Батталя; отъ этого брака родился сынъ, извѣстный Меликъ Данишмендъ (Dr. A. D. Mordmann, Die Dynastie der Danischmende, ZDMG. XXX, 468).

[1] О продѣлкахъ жены и сыновей этого кудесника разсказывается въ началѣ кн. V, стр. 3 и 22.

[2] Умеръ онъ все же мусульманиномъ (V, 28) и былъ похороненъ рядомъ съ отшельникомъ Шаммасомъ на томъ кладбищѣ въ Стамбулѣ, о которомъ рѣчь впереди.

[3] «Очеркъ исторіи турецкой литературы», стр. 23—30.

теперь разрушилъ половину города[1]. Халифъ сказалъ сейиду: о, славный витязь (ای پهلوان عالم), зачѣмъ ты такъ поступилъ? А его святѣйшество сейидъ взглянулъ разъ гнѣвно въ сторону Асатура, и Асатуромъ овладѣлъ страхъ, онъ быстро вскочилъ, припалъ къ благословеннымъ стопамъ сейида и сказалъ: Господинъ! (ای خداوندا—ср. V, 16; не «Господь!», какъ у Эте) какъ Вашей священной и благородной особѣ угодно будетъ, такъ и поступайте! Тогда его святѣйшество сейидъ приказалъ (императору) быстро отправиться, выпустить изъ темницы старца Шаммаса и три тысячи мусульманъ и привести ихъ. Асатуръ немедленно всталъ, выпустилъ изъ темницы Шаммаса и три тысячи мусульманъ, облачилъ старца Шаммаса въ тонкія одежды и привелъ къ сейиду. Сейидъ и халифъ вышли навстрѣчу къ старцу Шаммасу и обмѣнялись съ нимъ взаимно привѣтствіями, полными уваженія и почета[2]. Сейидъ приказалъ еще разрушить нѣсколько дворцовъ, построилъ мечеть (مسجد) и повелѣлъ воздвигнуть красивый минаретъ (منار)[3]. Совершили пятничное моленіе. Чрезъ семь дней старецъ Шаммасъ скончался[4]. Его отпѣли, похоронили рядомъ съ шехидами, и образовалось кладбище многихъ мусульманъ (وچوق مسلمانلر مزاری اولدی)[5]. Вотъ взяли они тутъ съ императора Асатура семилѣтнюю дань и порѣшили (дѣло) на этихъ условіяхъ (وبويله قول قرار ايلديلر)[6], а затѣмъ халифъ и его святѣйшество сейидъ тронулись въ путь и прибыли въ Малатію».

Арабскіе и византійскіе источники сохранили извѣстіе о постройкѣ въ Константинополѣ мечети (по-гречески: μαγίσδιον) въ VIII вѣкѣ по просьбѣ арабскаго полководца Масламы[7]. Такимъ образомъ, къ «двукратному прикрѣпленію» версій сказки о хитрости Дидоны къ Константинополю, какъ отмѣчено академикомъ В. Ѳ. Миллеромъ (стр. 215—216): въ связи съ утвержденіемъ генуэзцевъ въ Перѣ и по поводу завоеванія византійской

[1] Эте прибавляетъ: «и громко заплакалъ».

[2] Эте прибавляетъ: «и вмѣстѣ опустились».

[3] Эте вмѣсто минарета называетъ монастырь.

[4] Эте прибавляетъ: «и съ нимъ еще нѣкоторые мусульмане».

[5] Эте о кладбищѣ не упоминаетъ. Въ текстѣ проф. В. Д. Смирнова оно есть.

[6] Эте: «простились съ нимъ».

[7] Бар. В. Р. Розенъ, Императоръ Василій Болгаробойца (Спб. 1883), стр. 205, примѣчаніе 158.

столицы османцами, нынѣ присоединяется третье, отражающее собою исторический фактъ, который имѣлъ мѣсто ранѣе только что упомянутыхъ событій, и этимъ мы обязаны народному роману о сейидѣ Битталѣ, старо-османскому (по языку) произведенію, таящему въ себѣ еще немало интересныхъ свѣдѣній для историка народной словесности вообще и турецкой въ частности[1].

Петроградъ.
Января 1918 г.

---

[1] Такъ, въ существующихъ обзорахъ романа не приводятся упоминанія о Руси (روس) и о витязѣ Русинѣ (روسين), называемомъ еще روسين بلغارى — «русинъ булгарецъ» (каз. издание, кн. II, стр. 45, 61—62 и 64; переводъ Эте, томъ I, стр. 165: zu den Osseten und Russen, 192: ein Pahlewan, mit Namen Ruschen, но въ примѣч. 508 на стр. 270, по двумъ спискамъ: Rusen oder Ruseni; 196: Ruschen der Bulgare, а въ примѣч. 524 на стр. 271, по двумъ спискамъ: Rusen). — Попутно отмѣчу, что въ языкѣ романа слово اوت значитъ всегда: *но*, *а*, *только*, въ значеніи же русскаго *да* употребляется исключительно بلى (ср. Vambery, Alt.-Osm. Sprachst. 146 и словарь Ценкера, 111). Слово چلبى отмѣчено мною только при личномъ имени عبد القادر چلبى (II, 61; Эте I, 192). Слова: افندى, ترك, عثمانلى не встрѣчаются.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Замѣтки по пехлевійской лексикографіи.

I. [illegible]. II. [illegible].

А. А. Фреймана.

(**Представлено академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 17 января 1918 года).

I. [illegible].

Пехлевійская лексикографія является одною изъ наименѣе разработанныхъ областей иранской филологіи. Отсутствіе критическихъ изданій, несовершенство многихъ изданныхъ текстовъ, обусловливаемое въ извѣстной мѣрѣ зачаточностью пехлевійской филологіи вообще, — дѣлаютъ серьезныя общія работы въ этомъ направленіи пока невозможными. Этимъ, вѣроятно, и объясняется, что начатый печатаніемъ словарь Джамаспъ-Асана остановился на первой же буквѣ. Единственное возможное въ данное время — это составленіе общаго указателя словъ изданной до сихъ поръ пехлевійской литературы (такая работа въ большей части уже сдѣлана покойнымъ академикомъ К. Г. Залеманомъ, но осталась не напечатанной, въ рукописи); и только исподволь, параллельно съ изданіемъ текстовъ и сопутствуя имъ, долженъ собираться лексикографическій матеріалъ. Издатель пехлевійскихъ текстовъ не можетъ пренебрегать этой неотложной задачей. Каждое изданіе должно сопровождаться тщательнѣйшей транскрипціей, въ которой издатель нерѣдко вынужденъ бываетъ освѣтить тѣ или иные лексикографическіе вопросы.

Несовершенство пехлевійской азбуки даетъ зачастую возможность одно и то же слово читать на нѣсколько ладовъ. Иногда такимъ образомъ подъ покровомъ одного и того же комплекса знаковъ скрываются слова не только разнаго значенія, но и совершенно различнаго происхожденія и произношенія. На одно такое слово — [Pahlavi] я хочу обратить вниманіе въ настоящей статьѣ.

Слово это встрѣчается въ пехлевійскихъ переводахъ Авесты, гдѣ оно соотвѣтствуетъ авестскому «aorā» — «внизъ»; напр. Ясна 53,7: «parāčā mraočas̱ aorāca yaϑra mainyuš drəgvatō anas̱at̰ parā» — «...тамъ, гдѣ склонясь въ сторону и внизъ Духъ Злого исчезнетъ»; пехлевійскій переводъ гласитъ: [Pahlavi] «...[Pahlavi]» «[Pahlavi] — «parōn-či mrōčēnīt u [Pahlavi]-či»... — здѣсь [Pahlavi] передаетъ авест. «aora», и значеніе этого слова и чтеніе его совершенно ясны — это «avarōn» — «внизъ». Точно такой же смыслъ имѣетъ [Pahlavi] и въ «Frahang i oīm» 3a (авестско-пехлевійскій словарь; цитирую по изданію H. Reichelt, Frahang i oīm. Wien, 1900): «aorāča (съ корректурой издателя) parāča tarasča» = пехл. [Pahlavi] «avarōn u parōn u tarist» — «внизъ, въ сторону и сквозь». — Въ Vidēvdat (vulgo «Vendidād») 9,11 встрѣчаемъ форму [Pahlavi] — по внѣшнему виду сравнительную степень отъ [Pahlavi] — въ дѣйствительности [Pahlavi] передаетъ авест. «ava.antara», которое, очевидно, переводчикомъ не было понято, какъ и весь этотъ §. За [Pahlavi] слѣдуетъ глосса [Pahlavi] «pa āp» или въ сасанидскомъ произношеніи «pa āw» — глосса, совершенно не вытекающая изъ смысла фразы и указывающая только на то, что комментаторъ, не понимая довольно запутаннаго текста, передавалъ чисто механически слова и даже ихъ части (что нерѣдко имѣетъ мѣсто въ пехлевійскомъ переводѣ Авесты); повидимому, комментаторъ видѣлъ въ [Pahlavi] средне-персидское «āw» — «вода». Можно думать, что переводчикъ, какъ это часто бываетъ, просто передалъ, транскрибировалъ авест. «ava.antara» пехлевійскими знаками, что должно было дать [Pahlavi] «avantar». Если имѣть въ виду, какъ часто въ пехлевійскихъ рукописяхъ знаки [Pahlavi] и [Pahlavi] смѣшиваются и другъ друга замѣняютъ и что лишній [Pahlavi] зачастую никакой роли не играетъ, то легко заключить, въ связи съ приведенными выше соображеніями, что въ данномъ случаѣ [Pahlavi] есть не что иное, какъ немного видоизмѣненное [Pahlavi] «avantar».

Не лишнимъ считаю отмѣтить, что «avarōn» — «внизу» засвидѣтельствовано также въ манихейскихъ памятникахъ на средне-персидскомъ языкѣ, найденныхъ въ Турфанѣ (см. C. Salemann, Manichaeische Studien

стр. 51). Такимъ образомъ чтеніе «avarōn» можетъ считаться внѣ сомнѣнія объективно установленнымъ.

Встрѣчается и въ религіозно-дидактической литературѣ панд-нāмаковъ. Такъ въ § 17 текста Vāčak ēčand i Āturpāt i Mahraspandān читаемъ: .... «apar pa ōδ nišīnēt ku-tān ōh nišānānd»; §§ 150—151 текста Handarz i Āturpāt i Mahraspandān (по изданію Irani, Bombay 1899): «pa xᵛarišn xᵛartan varanīk mā bavēh u hač har xᵛarišn bē mā xᵛar u zūt zūt ō sūr u i vazurkān mā šav ku-t staw nē bavēh». § 28 того же текста: «andar patkār mā kun».

Какъ читать и понимать слово , встрѣчающееся въ выше приведенныхъ цитатахъ? Фраза «andar patkār ma kun» была переведена въ свое время однимъ изъ издателей этого текста — Dastur Peshutan Behramji Sanjana: (Ganjeshayagan... etc., Bombay 1885): «fight not with (your) soul»; въ приложенномъ къ изданію краткомъ словарѣ (Glossary of selects words) издатель транскрибируетъ авестскими знаками «aurvan» и переводитъ: «the soul, spirit»; очевидно имъ имѣлось въ виду перс. روان, но для такого пониманія необходимо соотвѣтственное измѣненіе въ текстѣ, для котораго нѣтъ никакихъ основаній и чего издатель совершенно не оговариваетъ. Слово и въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употребляется въ этой фразѣ, вовсе не ἅπαξ λεγόμενον, написаніе его совершенно опредѣленное и отъ «ruvān» — «душа» достаточно отличающееся. C. de Harlez, переведшій по изданію Санджана «Handarz i Āturp. i Mahr. (Le Muséon 1887, стр. 66—78), переводитъ эту фразу: «Ne commets point d'acte nuisible à une âme»; очевидно, что все сказанное о переводѣ Санджана должно относиться и къ de Harlez'у. Irani, первый издавшій въ болѣе полномъ видѣ все то, что сохранилось отъ Handarz i Āturp. i Mahr., транскрибируетъ въ интересующей насъ фразѣ «ūrūn» и переводитъ въ приложенномъ имъ персидскомъ переводѣ روان «душа», но въ § 151 того же текста это же слово транскрибируется имъ также произвольно т. е. «hūrūn» и переводится уже ближе къ дѣйствительности, но все же невѣрно, شادی «радость».

Можно-ли думать, что въ §§ 28 и 151 это два различныхъ слова? Мнѣ сдается, что какъ во фразѣ «andar patkār mā kun», такъ и во фразѣ «... zūt zūt ō sūr и i vazurkān mā šav» — значеніе одно и то же, что

«sūr и [illegible]» соотвѣтствуетъ персидскому سور و بزم и что значеніе [illegible] во всѣхъ приведенныхъ мною цитатахъ изъ панд-nāмаковъ есть «пиръ»; такъ оно и переводится Уэстомъ въ § 151 Handarz i Āturp. i Mahr.: «banquets» [E. W. West, Notes sur quelques petits textes Pehlevis. (Le Muséon 1887, стр. 263—272)]. Во всѣхъ этихъ цитатахъ даются наставленія къ благопристойному поведенію въ собраніяхъ, пирахъ и т. д. «Andar [illegible] patkār mā kun» — значитъ: «на *пиру* не заводи ссоры». — §§ 150—151 того же текста: (текстъ и транскрипція выше): «не будь жаденъ къ пищѣ, не всякое блюдо ѣшь и не будь слишкомъ ревностенъ въ посѣщеніи собраній и *пиршествъ* вельможъ, дабы не пришлось тебѣ смутиться». — § 17 Vāčak ēčand: «apar pa [illegible] ōδ nišīnet kn-tān ōh nišānānd» — «на *пиру* сидите тамъ, куда васъ посадятъ». (Дополненіемъ и поясненіемъ къ этому мѣсту можетъ служить § 88 изъ Handarz i Āturp. i Mahr.: [illegible] «pa hanjaman i sūr har vyāk ku nišīnēh pa vyāk i hačapar mā nišīn ku-t hač ān vyāk˘nē āhanjānd (корр.) ō vyāk i frōttar nišānānd». — «Въ собраніи, на пиру, гдѣ бы ты ни сидѣлъ, не [стремись] сѣсть на болѣе видное [мѣсто], дабы тебя съ него не увели и не посадили на болѣе низкое».

Если значеніе слова [illegible] «пиръ» въ приведенныхъ цитатахъ изъ панд-nāмаковъ достаточно ясно, то не столь легко самое чтеніе этого слова. Irani, передавшій въ § 151 своего изданія [illegible] ו [illegible] персидскимъ سور و شادی, имѣлъ, по всей вѣроятности, въ виду авестское «hurunya» — «радость, блаженство» (см. Яштъ, 10,33; Ясна 68,2); семасіологически такой переходъ вполнѣ возможенъ и допустимъ; но если это слово обозначало первоначально «блаженство», то мы бы ожидали окончанія īh, — обычное окончаніе отвлеченныхъ существительныхъ въ пехлеви; съ этимъ суффиксомъ въ дѣйствительности и встрѣчаемъ эквивалентъ «hurunya» въ пехлевійскомъ переводѣ Авесты, а именно «huruvānīh». Находится-ли наше [illegible] въ связи съ этимъ «huruvānīh»? Если да, то [illegible] должно было бы читаться «hurun[īh]. Другая возможность, для меня лично болѣе пріемлемая — это считать [illegible] образованіемъ отъ √xᵛar «ѣсть». Такъ думаетъ и Фр. Мюллеръ въ статьѣ «Beiträge zur Textkritik und Erklärung des Andarz i Āturpāt i Mahraspandān» стр. 6 (отд. оттискъ изъ «Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. B. CXXXVI). Онъ предлагаетъ [illegible] исправить на [illegible] «xᵛarān» и переводитъ § 28: «Unter *Zechenden* fange keinen Streit an». Это исправленіе совершенно непріемлемо для другихъ мѣстъ изъ «Handarz i Āturp.» и «Vāčak», гдѣ не можетъ быть рѣчи о пирующихъ, а только

о пирѣ. Оставаясь при образованіи отъ $\sqrt{}$$x^v$ar, мы можемъ читать [Pahlavi] «x^varrōn» (т. е. $\sqrt{}$$x^v$ar + суф. rōn), при чемъ опять-таки естественнѣе бы было ожидать образованіе съ īh — «x^varrōn[īh]».

Итакъ [Pahlavi], какъ я старался показать, представляетъ собою два разныхъ слова: 1) «avarōn» — «внизъ» и 2) и слово, обозначающее «пиръ», которое я предложилъ бы транскрибировать «x^varrōn»[1].

II. [Pahlavi].

Этимологія слова [Pahlavi], установленная еще Дарместетеромъ[2] и принятая впослѣдствіи Хорномъ въ его очеркѣ ново-персидской этимологіи[3], не получила признанія со стороны другого заслуженнаго въ области исторіи иранскихъ языковъ ученаго — Хюбшмана[4]. Дарместетеръ видѣлъ въ [Pahlavi], читавшемся имъ «gujastak», закономѣрное развитіе древне-иранскаго vi-jasta-, засвидѣтельствованнаго въ Авестѣ довольно многочисленными образованіями отъ $\sqrt{}$jad «просить, молить»: [Pahlavi] такимъ образомъ, по мнѣнію Дарместетера, должно обозначать «contre qui on prie», «maudit». Къ этой этимологіи Хюбшманъ отнесся скептически въ виду того, что въ пехлевійской литературѣ нигдѣ не засвидѣтельствована (по мнѣнію Хюбшмана) форма съ vi- въ началѣ и встрѣчается только неизмѣнно [Pahlavi] съ g. Нельзя не признать, что въ данномъ случаѣ Хюбшманомъ поставлены пехлевійской орѳографіи слишкомъ высокія требованія, и непослѣдовательность въ написаніи слова въ пехлеви сама по себѣ не можетъ служить поводомъ къ отверженію этимологіи, пріемлемой съ точки зрѣнія законовъ исторіи языка и удовлетворительной семасіологически. Дѣйствительно, слова съ иранскимъ префиксомъ vi въ началѣ пишутся въ пехлеви, съ историческимъ съ точки зрѣнія поздне-сасанидскаго произношенія правописаніемъ, съ [Pahlavi] «vi». Но наряду съ такимъ правописаніемъ встрѣчается и фонетическое — [Pahlavi] «gu», въ нѣкоторыхъ словахъ по преимуществу или

---

[1] [Pahlavi] «внизъ» и [Pahlavi] «пиръ — ничего, конечно, общаго не имѣютъ съ [Pahlavi] представляющемъ собою транскрипцію авестскаго «vīš. haurva» — «дворовая собака» (Vidēvdāt 13,18 и др.).

[2] Études iraniennes. I, стр. 58.

[3] Grundriss der neupersischen Etymologie, стр. 279.

[4] Persische Studien, стр. 160.

даже исключительно, какъ [illegible] — поздне-сасанидское «gukāh», аршакидское «vikās» — «свидѣтель» (ср. арм. վկայ)[1]. И написаніе [illegible], само по себѣ, не исключаетъ возможности видѣть въ начальномъ [illegible] эквивалентъ [illegible] vi въ историческомъ правописаніи, что мѣшало Хюбшману признать этимологію vi-jasta-. Но помимо всего $\sqrt{}$jad съ префиксомъ vi- *засвидѣтельствованъ* въ пехлеви и въ другихъ словахъ и сомнѣнія Хюбшмана, какъ я постараюсь показать, были напрасны.

Образованія отъ $\sqrt{}$jad- (или точнѣе $\sqrt{}$gad- = гр. θέσσασθαι, др.-ирл. «guidiu»)[2] встрѣчаются въ обоихъ древне-иранскихъ языкахъ: авестскомъ и персидскомъ. Въ персеполитанскихъ надписяхъ Дарія два раза встрѣчается фраза «aita^h adam a^hura^h mazdām ǰadiyāmiy» — «объ этомъ я прошу Ормузда». Въ Авестѣ отъ $\sqrt{}$gad- встрѣчаются многочисленныя глагольныя формы и отглагольныя существительныя: «iməm ϑwąm... yānəm... ǰaiδyemi» — «объ этой милости прошу тебя» (Ясна 9,19; 65,12) — «āpō īštīm vō ǰaiδyāmi» — «о воды, владѣнія у васъ прошу» (Ясна 65,11); «ϑwąm naračit taxma ǰaiδyąnte āsu.aspīm» — «у тебя доблестные мужи будутъ просить быстрыхъ коней» (Яштъ 5,86); «yō mąm zāvarə noit ǰaiδyehi» — «[ты], который не просишь у меня силы» (Ясна 11,2) и др.; съ предлогомъ «paiti» со значеніемъ «спрашивать»: «baoδasča urvānəmča yātəm gaēϑanąm paiti.ǰaiδyeinti» — «...спрашиваютъ душу о владѣніи [мірскими] благами...».

Закономѣрное развитіе $\sqrt{}$jad- въ средне-персидскомъ должно быть «žaδ-». Глагольныя формы и отглагольныя существительныя отъ этого корня въ дѣйствительности и встрѣчаются въ пехлеви въ написаніи [illegible] или [illegible]. Ими передаются въ пехлевійскихъ переводахъ Авесты соотвѣтственныя авестскія формы отъ того же корня и одинъ разъ (Ясна 65,11) отъ корня $\sqrt{}$yās- «желать».

Къ приведенной выше цитатѣ (Ясна 9,19) [illegible] «ēn hač tō fratum yān... žaδēm; Ясна 65,11: [illegible] «āp īšt hač šmāk žaδēm»; Ясна 65,12; [illegible] «ēn hač šmāk žaδēm»; Ясна 11,2:

---

[1] По мнѣнію Бартоломэ (IF XII стр. 95), въ иранскомъ имѣлись 3 слова со значеніемъ «свидѣтель»: *vikāsa-, vīkaya-, и *gaubāka-; контаминаціей изъ *gaubāka- и *vikāsa- образовалось gōkās, какъ онъ читаетъ [illegible].

[2] См. Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch стр. 487. См. также Scheftelowitz WZKM 21, стр. 100.

«kē pa ān i man zāvarə[1] nē žaδēh»; Ясна 65,10 «ava.jastīm paurvąm āpō jaiδyōiš» «съ первой просьбой обратись къ водамъ», пехл. переводъ: «pa bē žaδišnīh pēš hač ān..... hač āp žaδēh»; Ясна 65,11 «āpō yānəm vō yāsāmi» — пехл. «āp yān hač šmāk žaδēm» — «о воды, милости у васъ прошу»; Ясна 68,21 «apasča vå jaiδyamnå» — пехл. пер. «āp i žaδēm» — «.. воды, просимыя...»; Видэвдатъ 3,1: «miϑrəm vourugaoyaoitim jaiδyąm»[2], пехл. пер.:[3] «mihr i frāxᵛgōit žaδēt» — «чтобы просить обладающаго широкими пастбищами Митру»; Вид. 18,34: «yat̰.... jasta.... nōit̰ daδāiti», пехл. пер. «ka .... ka žast nē dahēt» — «если... несмотря на просьбу... не даетъ»; Вид. 18,37: yat̰... ajasta... daδāiti», пехл. пер. —ka ... ka nē žast... dahēt» — «если ... хотя и безъ просьбы ... даетъ»; Вид. 19,29 пехл. пер. «bōδ u ruvān bahr i gēhānān (sic!) bē žaδēnd».

Въ юридическомъ текстѣ «Mātīkān i hazār dātəstān» неоднократно встрѣчаются глагольныя формы отъ žaδ- (съ написаніемъ) съ префиксомъ vi-. Бартоломэ, посвятившій этому тексту статью, переводитъ «vižastan» — «beeinträchtigen», «obrogare»[4]. Значеніе «оспаривать», какъ нельзя болѣе, подходитъ къ контексту и вмѣстѣ съ тѣмъ легко выводится изъ основного значенія √jad- «просить» + vi «противъ»:

Mhd.[5] стр. 10,12 и д. «Глава о судоговореніи» ...[6] ...

---

[1] Транскрипція авестскаго слова.

[2] Съ корректурой Бартоломэ (Altiran. Wörterb., стр. 487).

[3] Заслуженный парсійскій ученый Dastoor Hoshang Jamasp въ своемъ изданіи (Vendidâd. Avesta text with pahlavi translation etc. Bombay, 1907) безъ всякой необходимости и основанія произвольно замѣнилъ въ текстѣ на .

[4] «Über ein sasanidisches Rechtsbuch» (Sitzungsber. der Heidelberger Akad. der Wiss. Abh. 11, Heidelberg 1910), стр. 18.

[5] Текстъ критически еще не изданъ. Цитаты приведены мною по цинкографическому изданію рукописи Manockji Limji Hataria (Pahlavi Text series II, Bombay 1901). Отдѣльныя мѣста мнѣ не совсѣмъ понятны.

[6] Въ рук. .

[Pahlavi text] [1] [Pahlavi text] «ka gōwēt, ku man x^vēš dārēm u-m pasēmār hač dārišn vižast, u....[2] bavēt,-pa ēvak....[2] pa dārišn dātəstān sar; ka-š nōktar vižast, ...u-m .....pasēmar hač-aš vižast............ ast kē ētōn gōwēt, ku ēn-či ētōn bavēt: ka gōwēt, ku man x^vēš dārēm u-m pasēmar hač pa x^vēšīh dāštan vižast, pa ēvak...[2] vičīr kunišn, ku: «tāk dātəstān sar bavēt, mā vižaδ», u pa...[2] i ditīkar graw i havandē bē apaspārišn, u pa sitīkar-ēraxt. andar(?) Dātəstān nāmak angōn nipišt, ku ka gowēt, ku mān x^vēš dārēm, u-m pasēmār hač-aš vižast, u...[2] bavēt, vičir kunišn, ku «tāk dātəstān sar bavēt, mā vižaδ», — tāk dō yāvar...[2] bavēt, vičīr hamgōnak kunišn, u yāvar i sitīkar-ēraxt u pa x^vēšīh bē apaspārišn». — «когда онъ говоритъ: — составляетъ мою собственность[3], и отвѣтчикъ *оспариваетъ* у меня обладаніе [имъ]», и имѣетъ мѣсто судоговореніе[4], то однимъ судоговореніемъ ограничивается производство [дѣла] о владѣніи; если же онъ продолжаетъ *оспаривать*[5], ...отвѣтчикъ.... у меня ее *оспариваетъ*, ... По мнѣнію нѣкоторыхъ[6], это [должно] происходить такимъ образомъ: когда онъ говоритъ: «— составляетъ мою собственность[3], и отвѣтчикъ *оспариваетъ* у меня владѣніе [моею] собственностью», то на первомъ судоговореніи должно быть вынесено рѣшеніе: «до конца судопроизводства не *оспаривай*», на второмъ — долженъ быть внесенъ соотвѣтственный залогъ, а на третьемъ — [окончательный] приговоръ[7]. Въ книгѣ «Dātəstān» написано слѣдующее: «когда онъ говоритъ: « — составляетъ мою собственность[3], и отвѣтчикъ *оспариваетъ* у меня», то имѣетъ мѣсто судоговореніе и должно быть вынесено рѣшеніе: «до конца судопроизводства не *оспаривай*», — на обоихъ судоговореніяхъ

---

[1] Въ рук. слово неясно; надо было бы ожидать [Pahlavi text] или [Pahlavi text].

[2] Чтеніе этого слова мнѣ неизвѣстно; смыслъ его ясенъ; оно встрѣчается довольно часто въ этомъ текстѣ; см. Bartholomae, l. c., стр. 17.

[3] Предметъ спора не обозначенъ.

[4] Т. е. дѣло не прекращается производствомъ.

[5] Дословно: «если вновь оспариваетъ».

[6] Дословно «есть, которые говорятъ» — «sunt, qui dicunt».

[7] Соб. «виновенъ».

выносить подобное рѣшеніе, а въ третій разъ — приговоръ[1] и введеніе во владѣніе».

Mhd. стр. 91,5: [illegible] «ka saxᵛan vižaδēt» «.... когда оспариваетъ рѣчь...» Zātsparm I,24[2] [illegible] «bunēδātān ēvak ō ditīkār vižāδišnīk patīrak ēstišnīk būt hēnd» — «... оба основныхъ начала[3], *оспаривая* другъ друга, противостояли другъ другу»[4].

Еврейско-персидскіе переводы пророковъ сохранили намъ интересующій насъ корень ǰad- съ тѣмъ же префиксомъ vi- въ соотвѣтственно измѣненной болѣе молодой формѣ: וזסתה (vazasta?)[5]. Этимъ словомъ передается еврейское: שִׁקּוּץ «мерзость»[6]. Хорномъ וזסתה справедливо поставлено въ этимологическую связь съ «gujastak».

Постулируемой ново-персидской формы زسته*, گزسته*[7] не существуетъ[8] خجسته «благословенный» (hu-jasta-)—представляетъ собою форму съ реститурованнымъ ǰ въ корнѣ, по всей видимости, подъ вліяніемъ ассоціативныхъ процессовъ (mot savant?).

Совокупность приведенныхъ выше данныхъ позволяетъ, мнѣ думается, признать, что пехлевійскія формы отъ [illegible], [illegible], [illegible] по существу представляютъ собою образованія, тождественныя по корню съ [illegible], отличающіяся отъ послѣдняго только орфографически. Нѣкоторые оттѣнки въ значеніи легко вытекаютъ изъ контекста. Разность написанія объясняется чисто случайными причинами: каждое изъ двухъ параллельныхъ написаній ([illegible], [illegible]) стало употребляться преимущественно въ извѣстномъ контекстѣ: [illegible], какъ эпитетъ къ Ахриману и къ нѣкоторымъ лицамъ, которыхъ парсская традиція считала особыми врагами маздеизма (Александръ Македонскій и т. п.)[9]. По существу же, [illegible] — žastan, какъ я старался показать на

---

[1] см. стр. 768 прим. 7.

[2] По изданію Уэста въ Avesta, Pahlavi and ancient Persian studies in honour of..... Sanjana, Bombay 1904.

[3] Ормуздъ и Ахриманъ.

[4] Уэстъ переводитъ «detrimental» («compare Pers. gazây»)(!)

[5] De Lagarde, Persische Studien, стр. 72.

[6] Исаія 66,3; Іеремія 4,1, 13,27, Іезекіилъ 5,11.

[7] گجسته является парсской транскрипціей пехл. [illegible].

[8] Въ одной изъ еврейско-персидскихъ рукописей Азіатскаго Музея Рос. Акад. Наукъ, כתאב שהזאדה וצופי (Царевичъ и нищій) (коллекція В. А. Иванова № 1054), относящейся къ концу XVIII столѣтія на стр. 4-ой текста встрѣчается גֻׅיסתה. Вокализація первой буквы gu чрезвычайно интересна и можетъ служить подтвержденіемъ этимологіи vi + jad-.

[9] Ср. Gujastak Abālish.

примѣрахъ изъ пехлевійскаго перевода Авесты, значитъ «просить, молить»; «vižastan» — «просить, молить противъ кого-нибудь, проклинать, оспаривать, obrogare», независимо отъ написанія [illegible] — «vižastak» или [illegible], [illegible] «vižastan.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Къ исторіи религіозныхъ движеній X вѣка.

В. В. Бартольда.

(Доложено въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 27 (14) марта 1918 г.).

Первый томъ изданнаго Марголіусомъ біографическаго словаря Якута[1] сохранилъ намъ едва ли не единственный въ своемъ родѣ документъ: письмо, посланное изъ Багдада въ Хорасанъ отъ имени халифа Радія (934—940) на имя саманидскаго эмира Насра ибн-Ахмеда (914—943), по поводу совершенной въ Багдадѣ въ 934 г. казни религіознаго проповѣдника Ибн-Аби-л-Азакира[2] и его главнаго сподвижника. Якутъ списалъ этотъ документъ въ Мервѣ, гдѣ прожилъ три года (1216—1219), занимаясь въ мервскихъ библіотекахъ[3]. Въ письмѣ халифа излагается не только ходъ процесса, но и ученіе осужденныхъ еретиковъ, очевидно, въ томъ видѣ, какъ оно было установлено на судѣ. О ереси Ибн-Аби-л-Азакира говорятъ также историки; наиболѣе доступенъ подробный разсказъ Ибн-ал-Асира[4]. Якутъ ссылается на хронику Сабита ибн-Синана[5], умершаго въ 365=976 г. и излагавшаго событія отъ 295 до 363 гг. (907—974)[6]; сопоставленіе этихъ цитатъ съ текстомъ ан-Недима (автора «Фихриста»)[7] и Ибн-

---

[1] Irshád al-aríb, I, 298 сл.

[2] Произношеніе указано въ геогр. словарѣ Якута, III, 314 внизу.

[3] Kremer, Culturg. des Orients, II, 435. В. Жуковскій, Разв. Стар. Мерва, стр. 33 сл.

[4] Ibn-el-Athiri Chronicon, ed. Tornberg, VIII, 216 — 220.

[5] Irshád, I, 296 сл.

[6] Fihrist, p. 302. Ибн-ал-Асиръ, VIII, 476, 491. Ср. В. Бартольдъ, Туркестанъ, II, 8.

[7] Ср. характеристику Ибн-Аби-Ауна у Якута (Irshád, 297 наверху) по Сабиту и въ Фихристѣ (стр. 147).

Мискавейхи[1] показываетъ, что эти авторы пользовались сочиненіемъ Сабита. Текстъ Ибн-ал-Асира иногда буквально сходенъ съ текстомъ письма халифа, изъ чего видно, что историки, какъ и слѣдовало ожидать, излагали ученіе еретиковъ по результатамъ оффиціальнаго дознанія; но въ то-же время между обоими текстами есть нѣкоторыя разнорѣчія, нелишенныя интереса.

Въ началѣ письма халифа были перечислены прежнія шіитскія и вообще еретическія движенія (этой части письма Якутъ не приводитъ); затѣмъ упоминается о ереси Халладжа («настолько извѣстной, что ее нѣтъ надобности описывать») и о казни его по повелѣнію халифа Муктадира. Вступивъ на престолъ, халифъ Радій рѣшилъ итти по стопамъ своихъ предшественниковъ, подобно имъ защищать исламъ, истреблять невѣрныхъ и развратниковъ. Вскорѣ везиръ Абу-Али Мухаммедъ[2] привелъ къ халифу человѣка по имени Мухаммедъ ибн-Али аш-Шельмегани[3], по прозванію Ибн-Аби-л-Азакиръ. Тотъ былъ на самомъ дѣлѣ изъ ничтожныхъ людей толпы, но среди кафировъ былъ однимъ изъ главныхъ, соблазнилъ многихъ мусульманъ и сдѣлалъ невѣрными многихъ безумцевъ; его давно искали, но не могли найти; тюрьмы наполнились соблазненными имъ людьми. Убѣдившись въ искренности намѣреній везира, его ревности къ вѣрѣ и негодованіи противъ споровъ о божественности и перенесенія на человѣка качествъ Господа, халифъ произвелъ разслѣдованіе, которое выяснило, что этотъ человѣкъ приписываетъ себѣ права по отношенію къ религіозной общинѣ и не вѣритъ въ нее, называетъ себя другомъ (Божіимъ) безъ всякаго права, приписываетъ себѣ познанія въ божественныхъ наукахъ и ничего въ нихъ не понимаетъ, считаетъ себя способнымъ разрѣшать темные вопросы и ничего о нихъ не знаетъ[4], называетъ себя чудотворцемъ и не можетъ выполнять даже обыкновенныхъ вещей, называетъ себя вѣрнымъ послѣдователемъ семьи Мухаммеда и не имѣетъ съ нею ничего общаго, ненавидя и оскорбляя самого пророка, за которымъ слѣдитъ съ недоброжелательствомъ и отъ котораго отвращаетъ умы коварными доводами. Людей богатыхъ онъ соблазнялъ

[1] Ср. слова о Мухассинѣ и Ибн-Аби-л-Азакирѣ у Якута по Сабиту (Irshád 296, въ серединѣ) и у Ибн-Мискавейхи (Tajârib al-umam, ed. Caetani, V, 215 въ серединѣ).

[2] Извѣстный чиновникъ и ученый (часто упоминаемый въ исторіи каллиграфіи) Ибн-Мукла; былъ везиромъ три раза (928 — 930, 932 — 933, 934 — 936); умеръ въ 938 г. См. данныя о немъ у Ибн-Мискавейхи (въ указателѣ محمد بن على بن معلة опечатка вмѣсто ابن مقلة).

[3] Изъ селенія شلمغان близъ Васита (геогр. слов. Якута, III, 314).

[4] Ср. слова историка Сули (Arîb, 95 сл.) о лично извѣстномъ ему Халладжѣ, какъ о человѣкѣ «невѣжественномъ, съ притязаніемъ на умъ, косноязычномъ, съ притязаніемъ на краснорѣчіе, развратномъ, съ притязаніемъ на подвижничество».

тѣмъ, что разрѣшалъ имъ всякія наслажденія; людей, неимѣвшихъ средствъ, но всѣми правдами и неправдами старавшихся добыть себѣ пропитаніе и сравняться съ богатыми, онъ привлекалъ на свою сторону разрѣшеніемъ всего запрещеннаго. Всѣми способами развращая людей, онъ подчинялъ ихъ себѣ и достигъ того, что у нихъ были развращены сердца, такъ что они переставали понимать, оглушены уши, такъ что они переставали слышать, затемнены глаза, такъ что они переставали видѣть. Они забывали думать о созданіи ихъ самихъ, небесъ надъ ними и земли подъ ихъ ногами; всѣ они пришли къ согласному рѣшенію, что онъ (Ибн-Аби-л-Азакиръ) — ихъ создатель и господь, дающій имъ пропитаніе и жизнь, принимающій какой ему угодно образъ, измѣняющій по своей волѣ все остальное, дѣлающій, что хочетъ, причемъ ему не препятствуетъ ни близкое, ни далекое. Къ нему они возносили тщетныя молитвы и утверждали, что своими глазами видѣли сотворенныя имъ чудеса. Халифъ навелъ справки о томъ, что узналъ везиръ насчетъ согласія съ этимъ проклятымъ въ его выдумкахъ и обманахъ [т. е. насчетъ приверженцевъ Ибн-Аби-л-Азакира], чтобы халифъ наложилъ на него кару Божью послѣ благодѣяній и чтобы этимъ были устранены всѣ сомнѣнія отъ сердецъ и взоровъ.

Собранныя везиромъ подробныя данныя выяснили, что [1] Ибн-Аби-л-Азакиръ называлъ себя истиной истины и богомъ боговъ, первоначальнымъ, вѣчнымъ, явнымъ, тайнымъ, создателемъ [2], питателемъ, совершеннымъ, на котораго указываетъ каждая мысль. Онъ называлъ себя Мессіей, какъ израильтяне называли Бога Мессіей [3]. Онъ говорилъ, что Богъ воплощается въ каждой вещи, сообразно съ тѣмъ, что она въ состояніи вмѣстить, и что Богъ создалъ противоположное для указанія на то, что ему противополагается [4]. Богъ воплотился въ Адамѣ, когда создалъ его, и въ Иблисѣ; каждый изъ нихъ былъ противоположенъ другому [5] и каждый указывалъ на другого вслѣдствіе противоположности по смыслу. Указаніе на истину лучше самой истины, и противоположное ближе къ вещи, чѣмъ сходное. Воплощаясь въ человѣческомъ образѣ, Богъ проявляетъ чудесное могущество [6], и въ этомъ

---

[1] Отсюда начинается совпаденіе текстовъ Якута (Irshád, I, 301) и Ибн-ал-Асира (VIII, 218).

[2] Слово الخالق пропущено у Ибн-ал-Асира.

[3] Этой фразы нѣтъ у Ибн-ал-Асира.

[4] Ср. ученіе Халладжа, что «вещи познаются посредствомъ противоположнаго имъ» (الاشياء تعرف باضدادها). Kitab al Tawasin, ed. Massignon, texte, p. 49.

[5] У Якута передъ словомъ لصاحبه надо вставить ضدّ (есть у Ибн-ал-Асира). Издатель «Иршада» не воспользовался текстомъ Ибн-ал-Асира.

[6] Якутъ القدرة المعجزة, Ибн-ал-Асиръ القدرة والمعجزة.

доказательство, что онъ—Богъ. Когда исчезъ Адамъ, божественность проявилась въ пяти человѣческихъ образахъ — каждый разъ, какъ исчезалъ одинъ, на его мѣсто являлся другой — и въ пяти иблисахъ, представлявшихъ противоположность тѣмъ пяти. Потомъ божественность соединилась въ Идрисѣ и его иблисѣ и разсѣялась послѣ нихъ, какъ она разсѣялась послѣ Адама; соединилась въ Ноѣ и его иблисѣ и разсѣялась при ихъ исчезновеніи, какъ раньше; соединилась въ Салихѣ[1] и его иблисѣ, перерѣзавшемъ жилы верблюдицѣ[2], и разсѣялась послѣ нихъ; соединилась въ Авраамѣ и его иблисѣ— Немвродѣ и разсѣялась послѣ нихъ; соединилась въ Ааронѣ и его иблисѣ— Фараонѣ и разсѣялась по обыкновенію послѣ нихъ; соединилась въ Давидѣ и его иблисѣ — Голіаѳѣ и разсѣялась, когда они оба исчезли[3]; соединилась въ Соломонѣ и его иблисѣ и разсѣялась по обыкновенію послѣ нихъ; соединилась въ Іисусѣ и его иблисѣ и, когда они оба исчезли, разсѣялась по всѣмъ ученикамъ Іисуса и ихъ иблисамъ; соединилась въ Аліи, сынѣ Абу-Талиба, и его иблисѣ[4] и разсѣялась послѣ нихъ, пока не соединилась въ Ибн-Аби-л-Азакирѣ и его иблисѣ. Онъ училъ, что Богъ проявляется въ каждой вещи въ каждомъ смыслѣ[5]. Въ каждомъ человѣкѣ есть идея (الخاطر), возникающая въ его сердцѣ, въ которой принимаетъ образъ то, что отъ него скрыто, такъ что онъ какъ-будто его видитъ. «Аллахъ» есть имя для (такой) мысли. Тотъ, въ комъ нуждаются люди, есть для нихъ богъ; поэтому каждое слово можетъ быть замѣнено словомъ «Аллахъ» [или поэтому каждаго можно называть богомъ][6]. Каждый изъ приверженцевъ Ибн-Аби-л-Азакира называлъ себя богомъ того, кто былъ степенью ниже его, и говорилъ: «Я — господь такого то, такой-то — господь такого-то»[7], и т. д., пока не доходили до Ибн-Аби-л-Азакира; онъ говорилъ: «Я — господь господъ и богъ боговъ; нѣтъ господства послѣ меня». Они не признавали Хасана и Хусейна сыновьями Алія и говорили, что у того, въ комъ соединилась божественность, не бываетъ ни отца, ни дѣтей. Они называли Моисея и Мухаммеда предателями и говорили, что Ааронъ послалъ Моисея,

---

[1] У Ибн-ал-Асира передъ Салихомъ названъ еще Худъ.

[2] Какъ извѣстно, въ Коранѣ (суры 11 и 26) убіеніе верблюдицы приписывается всему племени Самудъ; объ отдѣльномъ убійцѣ не говорится. Ср. легенды объ убійцѣ въ قصص الانبيا, напр. П. М. Меліоранскій въ المظفّريّة, стр. 305.

[3] Давидъ и Голіаѳъ пропущены у Ибн-ал-Асира.

[4] Дальше до конца фразы нѣтъ у Ибн-ал-Асира.

[5] Як. بكل معنى; И.-А. وكل معنى.

[6] Як. يستوجب كل لغة ان يسمى الله; И.-А. يستوجب كل احد ان يسمى الها.

[7] У Ибн-А. еще: «такой-то господь моего господа».

Алій — Мухаммеда[1] и оба измѣнили пославшимъ ихъ. Они утверждали, что Алій далъ пророку срокъ по числу лѣтъ[2], проведенныхъ въ пещерѣ эфесскими отроками; когда пройдетъ этотъ срокъ—350 лѣтъ—то падетъ шаріʻатъ. Они учили, что ангелы—всѣ тѣ, кто овладѣлъ[3] своей душой, позналъ истину и узрѣлъ ее, рай — ихъ познаніе и принятіе ихъ ученія, адъ — непризнаніе ихъ и отвращеніе[4] отъ ихъ толка. Они допускали невыполненіе молитвы, поста и омовенія[5] и говорили, что къ числу благодѣяній Бога своему рабу относится возможность соединить два наслажденія [т. е. наслажденіе настоящей и будущей жизнью]. Они не заключали между собой законныхъ браковъ, не прибѣгали ни къ толкованію, ни къ разрѣшенію и считали дозволеннымъ прелюбодѣяніе. Они говорили, что Мухаммедъ былъ посланъ къ вельможамъ корейшитовъ и главарямъ (جبابرة) арабовъ, жестокосерднымъ и своевольнымъ; поэтому было мудро требовать отъ нихъ земныхъ поклоновъ; а теперь мудро испытывать людей посредствомъ разрѣшенія (другимъ) полового общенія съ ихъ женами. Не считались у нихъ грѣхомъ половыя сношенія съ женами родственниковъ, друга (صديق) и отца[6] послѣ принятія ихъ вѣры[7]; не считалось дурнымъ брать (на время) чужую жену и потомъ возвращать ее мужу. Предписывалось заключать бракъ со стоящими ниже, чтобы въ нихъ могъ проникнуть свѣтъ. Ибн-Аби-л-Азакиръ написалъ объ этомъ книгу, подъ заглавіемъ «Книга о шестомъ чувствѣ»[8], и говорилъ, что кто отказывается отъ такого брака, тотъ въ будущемъ существованіи (они вѣрили въ переселеніе душъ) рождается женщиной. Они требовали уничтоженія[9] алидовъ и аббасидовъ[10] и считали законными властителями себя, какъ людей, обладавшихъ истиной.

Дальше говорится о найденныхъ вещественныхъ доказательствахъ: письмѣ одного изъ прежнихъ везировъ Хусейна ибн-Касима ибн-Убейдаллаха ибн-Сулеймана ибн-Вахба на имя арестованнаго вмѣстѣ съ Ибн-Аби-л-Азаки-

---

[1] Ср. такое же ученіе секты ильбаитовъ или замміевъ у Schahrastani—Haarbrücker, I, 202.

[2] У Як. عدة ايام اصحاب الكهف سنين; И.-А. عدة سنين اصحاب الكهف.

[3] Игра словъ (корень ملك).

[4] Як. الصدود, И.-А. العدول.

[5] И.-А. «и другихъ обрядовъ богопочитанія» (العبادات). Конца фразы нѣтъ у И.-А.

[6] И.-А. «сына».

[7] Дальше до конца фразы нѣтъ у И.-А.

[8] Ибн-ал-Асиръ объ этой книгѣ не упоминаетъ.

[9] Текстъ у Якута искаженъ; у Ибн-ал-Асира اهلاك.

[10] Дальше до конца фразы у И.-А. нѣтъ.

ромъ литератора Ибрахима ибн-Мухаммеда ибн-Ахмеда ибн-Аби-н-Неджма, извѣстнаго подъ прозваніемъ Ибн-Аби-Аунъ, запискѣ самого Ибн-Аби-Ауна на имя другого лица и запискѣ другого еретика, Ибн-Шебиба Зайята, на имя Ибн-Аби-Ауна. Люди говорили въ этихъ письмахъ другъ о другѣ въ такихъ выраженіяхъ, въ какихъ говорятъ только о Богѣ; выраженіе «великій господинъ мой» въ запискѣ Ибн-Шебиба относилось къ Ибн-Аби-л-Азакиру. Подлинность документовъ была вполнѣ доказана письменнымъ сознаніемъ писавшихъ и получившихъ письма и свидѣтельскими показаніями. Ибн-ал-Асиръ упоминаетъ только о письмѣ Хусейна ибн-Касима, причемъ прибавляетъ, что Ибн-Аби-л-Азакиръ, не отрицая подлинности письма, рѣшительно отклонялъ отъ себя всякую отвѣтственность за выраженія писавшаго; письмо халифа объ этой подробности умалчиваетъ.

Вслѣдъ за тѣмъ говорится объ испытаніи, которому былъ подвергнутъ Ибн-Аби-Аунъ; отъ него потребовали, чтобы онъ отрекся отъ Ибн-Аби-л-Азакира и выразилъ ему внѣшнимъ образомъ свое презрѣніе; упорный еретикъ вмѣсто этого «протянулъ свою руку къ его бородѣ въ знакъ глубокаго уваженія и желанія отклонить отъ него обиду» и сказалъ: «Мы преодолѣли много страховъ[1], господинъ мой, господинъ мой». У Ибн-ал-Асира эта сцена разсказана иначе. Къ Ибн-Аби-л-Азакиру, кромѣ Ибн-Аби-Ауна, привели еще другого еретика, Ахмеда ибн-Мухаммеда ибн-Абдуса; обоимъ велѣли дать Ибн-Аби-л-Азакиру пощечину и плюнуть на него. Ибн-Абдусъ послѣ нѣкотораго колебанія подчинился; Ибн-Аби-Аунъ «протянулъ руку къ бородѣ и головѣ Ибн-Аби-л-Азакира», но «рука задрожала; онъ поцѣловалъ Ибн-Аби-л-Азакира въ бороду и голову», потомъ сказалъ: «Богъ мой, властитель мой, питатель мой». Ибн-Аби-л-Азакиръ и въ этомъ случаѣ отказался взять на себя отвѣтственность за чужія слова; Ибн-Абдусъ подтвердилъ, что Ибн-Аби-л-Азакиръ не называлъ себя богомъ, но только «бабомъ», т. е. «воротами» къ «ожидаемому имаму», причемъ его предшественникомъ въ этомъ званіи былъ Хусейнъ ибн-Рухъ. Объ этой подробности слѣдствія письмо халифа также умалчиваетъ.

Когда преступленіе Ибн-Аби-л-Азакира и его приверженцевъ могло считаться достаточно доказаннымъ, везиръ обратился къ казіямъ и факихамъ съ просьбой высказать свое мнѣніе; всѣ высказались за казнь еретиковъ и изложили свое мнѣніе письменно. Халифъ велѣлъ привести Ибн-Аби-

---

[1] Въ текстѣ. معلنا غير مخافت.

л-Азакира и Ибн-Аби-Ауна и подвергнуть ихъ тѣлесному наказанію, чтобы ихъ послѣдователи могли убѣдиться въ безсиліи мнимыхъ боговъ отвратить бѣду даже отъ себя самихъ[1]. Послѣ этого, по желанію халифа, еще разъ были спрошены багдадскій казій Омаръ ибн-Мухаммедъ, свидѣтели и факихи; всѣ остались при мнѣніи, что нужно казнить нечестивыхъ и очистить землю отъ ихъ скверны. Согласное рѣшеніе казія и факиховъ уничтожило сомнѣнія халифа; онъ велѣлъ распять обоихъ преступниковъ «въ одной изъ двухъ частей Багдада» (раздѣленныхъ рѣкой), тамъ, гдѣ ихъ могли видѣть проходившіе и стоявшіе; при этомъ были объявлены ихъ преступленія противъ шаріʻата и вѣры. Послѣ этого халифъ приказалъ обоихъ убить, выставить ихъ головы и сжечь ихъ тѣла. Это было исполнено въ присутствіи знати и простого народа, зрителей и прохожихъ.

Этими словами оканчивается письмо, приведенное у Якута, можетъ быть, и въ его источникѣ безъ обращенія и заключенія, поэтому и безъ даты. Дата событія приводится Якутомъ со словъ Сабита—вторникъ 1 зу-л-каʻда 322=14 октября 934 г. Ибн-ал-Асиръ говоритъ еще о третьей казни; по приказанію халифа, въ концѣ того же мѣсяца зу-л-каʻда былъ убитъ находившійся въ Раккѣ Хусейнъ ибн-Касимъ; голова его была отправлена въ Багдадъ.

Какъ видно изъ словъ письма халифа о «наполненныхъ тюрьмахъ», ересь Ибн-Аби-л-Азакира была уже извѣстна до вступленія на престолъ халифа Радія; изъ словъ Сабита и другихъ источниковъ видно, что Ибн-Аби-л-Азакиръ имѣлъ знатныхъ покровителей еще въ царствованіе халифа Муктадира (908—932). Первымъ изъ нихъ Ибн-ал-Асиръ называетъ Абу-л-Касима Хусейна ибн-Руха, «соперничавшаго въ везирствѣ съ Хамидомъ ибн-Аббасомъ». Изъ словъ того же Ибн-ал-Асира видно, что это лицо имѣло значеніе и для исторіи религіознаго движенія. Въ мѣсяцѣ джумада I 305 г. (20 октября — 18 ноября 917) умеръ Абу Джаʻфаръ ибн-Мухаммедъ[2] ибн-Османъ ал-Аскери, носившій прозваніе Самманъ или Саммакъ и кромѣ того еще прозваніе Омари, «глава имамитовъ», называвшій себя «бабомъ» ожидаемаго имама; своимъ преемникомъ (въ качествѣ «баба») онъ назначилъ Хусейна ибн-Руха[3]. Больше Ибн-ал-Асиръ ничего не говоритъ о

[1] Ср. разсказъ Ариба (102 сл.) объ обращеніи везира Хамида съ Халладжемъ.

[2] Возможно, что بن текста лишнее и что надо читать Абу-Джаʻфаръ Мухаммедъ.

[3] Ибн-ал-Асиръ VIII, 80. У Ибн-ал-Асира здѣсь ابو القاسم بن الحسين, въ другомъ мѣстѣ (VIII, 217) ابو القاسم الحسين. Повидимому, правильно послѣднее.

Хусейнѣ ибн-Рухѣ ни какъ о религіозномъ вождѣ, ни какъ о чиновникѣ. Арибъ упоминаетъ о немъ въ разсказѣ о возстаніи противъ халифа Муктадира въ 929 г.; среди лицъ, освобожденныхъ мятежниками, былъ Хусейнъ ибн-Рухъ, находившійся въ заключеніи не какъ еретикъ, но какъ опальный чиновникъ, съ предъявленіемъ къ нему обычнаго требованія — объ уплатѣ незаконно присвоенныхъ денегъ[1]. Явно недостовѣрно, по крайней мѣрѣ въ хронологическомъ отношеніи, то, что разсказывается о Хусейнѣ ибн-Рухѣ въ «Исторіи ислама» Захаби[2]. Говорится, что Хусейнъ ибн-Рухъ видѣлся съ Ибн-Аби-л-Азакиромъ и имѣлъ столько приверженцевъ, что везиры, бывшіе везиры и другіе знатные люди открыто ѣздили навѣщать его. Онъ продолжалъ пользоваться величайшимъ уваженіемъ до назначенія везиромъ Хамида ибн-Аббаса[3], который велѣлъ его арестовать; послѣ этого онъ пробылъ въ заключеніи пять лѣтъ, былъ освобожденъ въ 317 г. (929)[4], тотчасъ послѣ смерти халифа Муктадира, и умеръ въ 326 г. (937—8)[5]. Онъ всегда пользовался большимъ почетомъ, но Богъ спасъ отъ него халифатъ. Однажды къ нему было предъявлено обвиненіе, что онъ писалъ карматамъ, призывая ихъ противъ халифа; ему удалось защитить себя съ большимъ искусствомъ, находчивостью и ученостью. Онъ былъ благодѣтелемъ шіитовъ и занималъ среди нихъ очень высокое положеніе.

Вторымъ покровителемъ Ибн-Аби-л-Азакира былъ Мухассинъ ибн-ал-Фуратъ, сынъ везира Абу-л-Хасана ибн-ал-Фурата. Мухассинъ былъ полновластнымъ правителемъ во время третьяго везирства своего престарѣлаго отца (923—924) и прославился своей жестокой расправой съ врагами. Послѣ низложенія Абу-л-Хасана Мухассинъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ подвергся заключенію, пыткамъ и казни; умеръ въ 924 г., 33-хъ лѣтъ[6]. Ибн-Аби-л-Азакиръ пользовался его расположеніемъ и былъ поставленъ имъ во

---

[1] Arîb, 141,19.

[2] Приведено de Slane въ примѣчаніи къ переводу Ибн-Халликана, I, 439, п. 20.

[3] Хамидъ былъ назначенъ везиромъ въ 306 (918 г.); Arîb, 73,8; Hilâl (ed. Amedroz), 32; Ibn Miskawayh, V, 130.

[4] Къ 929 г. относится возстаніе противъ Муктадира и временное низложеніе его, но не его смерть (онъ прожилъ до 932 г.). Если освобожденный въ 929 г. Хусейнъ пробылъ въ заключеніи пять лѣтъ, то виновникомъ его заключенія не могъ быть Хамидъ, низложенный въ 923 г. и умершій въ концѣ того же года (Arîb, 110,12 и 112,18; Hilâl, 34; pref., 18 sq.; Ibn Misk., 165 и 190).

[5] Дата столь же сомнительна; если Ибн-Аби-л-Азакира въ 322 (934) г. называли преемникомъ Хусейна ибн-Руха въ качествѣ «баба», то Хусейнъ ибн-Рухъ въ то время не могъ быть въ живыхъ.

[6] Hilâl, 62. Ibn Miskawayh, V, 238.

главѣ нѣкотораго числа чиновниковъ въ Багдадѣ, завѣдывавшихъ казенными имѣніями[1]. Трудно допустить, чтобы такой человѣкъ, какъ Мухассинъ, могъ увлекаться религіозной проповѣдью; очень вѣроятно, что Ибн-Аби-л-Азакиръ былъ для него только чиновникомъ; такимъ же образомъ его главный послѣдователь Ибн-Аби-Аунъ выдвинулся на государственной службѣ, благодаря покровительству другого сановника, Абу-л-Хайсама Аббаса ибн-Мухаммеда ибн-Савабы, которому онъ помогалъ притѣснять и грабить людей и потомъ послѣ его опалы отплатилъ черной неблагодарностью[2]. Ибн-ал-Асиръ говоритъ, однако, что нусайріи считали Ибн-ал-Фурата (вѣроятно, это относится къ Мухассину) однимъ изъ главарей своей секты; Ибн-ал-Асиръ видитъ въ этомъ доказательство, что послѣдователи Ибн-Аби-л-Азакира и нусайріи — одно и то же[3]. Вопросъ о происхожденіи секты нусайріевъ остается темнымъ даже послѣ извѣстнаго труда R. Dussaud[4], въ которомъ отведено слишкомъ много мѣста догадкамъ и сомнительнымъ сближеніямъ; все остальное, что объ этомъ приводилось въ литературѣ, основано частью на современныхъ преданіяхъ[5], частью на письменныхъ памятникахъ неизвѣстнаго періода[6]; ни въ тѣхъ, ни въ другихъ, насколько извѣстно, не говорится ни объ Ибн-Аби-л-Азакирѣ, ни объ Ибн-ал-Фуратѣ. Замѣчательно, что писавшій въ XI в. Шахфуръ ибн-Тахиръ Исфераини[7] знаетъ азакиріевъ (послѣдователей Ибн-Аби-л-Азакира) и не знаетъ нусайріевъ; писавшій въ XII в. Шахристани знаетъ нусайріевъ и не знаетъ азакиріевъ[8]. О происхожденіи секты Сам'ани уже въ XII в. могъ сообщить только легендарные разсказы; изъ его словъ видно, что сектанты тогда жили не только въ горахъ сирійскаго прибрежья, какъ теперь, но въ селеніи Хадисѣ (الحديثة) на Евфратѣ[9]. Отмѣчена нѣкоторая связь между

---

[1] Такъ по Сабиту, ср. выше, стр. 786, прим. 1.

[2] Такъ по сообщенному у Якута (Irshâd, I, 298) разсказу историка X в. Абу-Мухаммеда Абдаллаха ибн-Ахмеда Фергани; о немъ de Goeje въ Tabari, introd., p. XX. Абу-л-Хайсамъ былъ сподвижникомъ везира Мухаммеда ибн-Убейдаллаха Хакани, низложеннаго въ 301 (913 г.). По Арибу (59,8) Абу-л-Хайсамъ умеръ въ 303 (915 — 16 г.); въ противорѣчіи съ этимъ находится разсказъ Ибн-Мискавейхи (170).

[3] Ibn-el-Athir, VIII, 220.

[4] Histoire et religion des Noșairis, Paris 1900 (Bibl. de l'Ecole des Hautes Etudes, fasc. 129).

[5] Cl. Huart въ Journ. As. 7, XIV, 198 сл.

[6] Slane, Catalogue, № 1450.

[7] Объ этомъ авторѣ и его имени Ahlwardt, № 2801; Slane, № 1452; Brockelmann, I, 387. Его показанія у Shahrastani — Haarbrücker, II, 417.

[8] Shahrastani — Haarbrücker, I, 216.

[9] Объ этомъ у Сам'ани подъ словомъ النصيرى (ed. Margoliouth, 562 b), у Якута

ученіемъ нусайріевъ и ученіемъ Халладжа. Лучшій знатокъ жизни и ученія Халладжа, Л. Массиньонъ полагаетъ, что Халладжемъ было внесено въ исламъ (подъ христіанскимъ вліяніемъ) ученіе о божественности (لاهوت) человѣка и человѣчности (ناسوت) Бога; на мусульманскія секты это ученіе оказало мало вліянія и надолго исчезло изъ терминологіи суфіевъ, кромѣ нусайріевъ и друзовъ[1]. Въ X и XI в. отмѣчали сходство между ученіями Халладжа и Ибн-Аби-л-Азакира; по словамъ Сабита, «внѣшность Ибн-Аби-л-Азакира была внѣшностью Халладжа»[2]; по словамъ Ибн-Мискавейхи, Ибн-Аби-л-Азакиръ говорилъ о воплощеніи въ немъ божественности (حلول اللاهوت) то же самое, что говорилъ о себѣ Халладжъ[3]. Фергани смѣшивалъ обоихъ еретиковъ и называлъ Ибн-Аби-Ауна послѣдователемъ Халладжа[4]. Нѣтъ, однако, извѣстій о личныхъ сношеніяхъ между Ибн-Аби-л-Азакиромъ и Халладжемъ или между приверженцами одного и приверженцами другого[5]. По оффиціальному дознанію, Ибн-Аби-л-Азакиръ называлъ себя прямымъ преемникомъ Алія; по Сабиту, Божество въ послѣдній разъ до Ибн-Аби-л-Азакира воплотилось въ 11-мъ шіитскомъ имамѣ Хасанѣ Аскери; нусайріи также называютъ основателя своей секты, Мухаммеда ибн-Ну-

---

(II, 223) подъ словомъ الحديثة. Въ другихъ мѣстахъ Якутъ говоритъ о нусайріяхъ въ сѣверной Сиріи близъ Химса (II, 338,9) и въ южной части Вавилоніи въ округѣ Шуртѣ (الشرطة) междуВаситомъ и Басрой, откуда, изъ деревни Акр-ас-Саданъ, вышелъ Синанъ, глава исмаилитовъ (III, 275,10); рѣчь идетъ объ извѣстномъ дѣятелѣ XII в., съ которымъ воевалъ Саладинъ. Изъ этого видно, что Якутъ не отличалъ нусайріевъ отъ исмаилитовъ, тогда какъ теперь исмаилиты и друзы ненавидятъ нусайріевъ (JAs 7, XIV, 190; R. Dussaud, Histoire et religion des Noṣairis, p. 23). Въ статьяхъ H. Lammens о нусайріяхъ (ROCh IV, 572 сл.; V, 99 сл., 303 сл. и 423 сл.; VI, 33 сл.; VII, 452 сл.) вопросъ о происхожденіи секты затрагивается только мимоходомъ. Вопреки ссылкѣ H. Lammens (V, 111) у Масуди въ указанномъ имъ мѣстѣ (Prairies d'or VIII, 40) Мухаммедъ ибн.-Нусайръ не упоминается; не упоминается онъ и вообще въ Prairies d'or, насколько можно судить по указателю. Мнѣнію R. Dussaud, (Histoire et religion des Noṣairis, p. 51), что нусайріи представляютъ замѣчательный примѣръ народности, перешедшей непосредственно отъ язычества къ исмаилизму, H. Lammens противополагаетъ «христіанскую гипотезу», хотя только какъ «вѣроятную» (VI, 48). Въ другомъ мѣстѣ (V, 112) авторъ болѣе рѣшительно говоритъ объ ученіи нусайріевъ, какъ «компромиссѣ между христіанскими истинами и шіитскими баснями».

[1] Al Hallaj, Kitab al tawasin, ed. Massignon, p. 138 сл.

[2] Irshád, I, 296.

[3] Ibn Miskawayh, V, 215.

[4] Irshád, I, 298.

[5] Ибн-Халликанъ (Biogr. dict., transl. by de Slane, I, 435) приводитъ совершенно фантастическій разсказъ автора XI в., имама Джувейни (о немъ Brock., I, 388) о томъ, какъ Ибн-ал-Мукаффа' (VIII в.), карматъ Дженнаби и Халладжъ сговорились разрушить мусульманскую державу. Ибн-Халликанъ отмѣчаетъ хронологическую несообразность этого разсказа и предполагаетъ, что Ибн-ал-Мукаффа' названъ по ошибкѣ вмѣсто Ибн-Аби-л-Азакира. Въ дѣйствительности, конечно, весь разсказъ долженъ быть признанъ вымысломъ.

сайра, «бабомъ» Хасана Аскери[1]. Связь Халладжа съ шіитскими кругами, повидимому, была менѣе тѣсной; о немъ говорили, что онъ съ суннитами держитъ себя, какъ суннитъ, съ шіитами — какъ шіитъ, съ мутазилитами какъ мутазилитъ[2], хотя въ первое время своей проповѣди онъ называлъ себя сторонникомъ «семьи Мухаммеда». Ибн-ал-Фуратъ (отецъ) не былъ сторонникомъ Халладжа и во время своего перваго везирства (908—912) подвергъ его заключенію[3]; Мухассинъ въ это время уже стоялъ во главѣ «дивана запада» (отецъ назначилъ его на эту должность въ 911 г., когда Мухассину было всего 20 лѣтъ)[4]. Изъ сановниковъ, увлеченныхъ проповѣдью Халладжа, главнымъ былъ хаджибъ Насръ[5], назначенный на эту должность въ 296 г. (908—9) и сохранившій ее, несмотря на всѣ политическія перемѣны, до своей смерти, послѣдовавшей въ 928 г.[6] Насръ и послѣ казни Халладжа продолжалъ утверждать, что онъ погибъ безвинно[7]. Насръ не упоминается среди сторонниковъ Ибн-Аби-л-Азакира; сторонники Ибн-Аби-л-Азакира не упоминаются среди сторонниковъ Халладжа. Какъ Халладжъ, такъ и Ибн-Аби-л-Азакиръ тщетно старались привлечь на свою сторону вліятельнаго шіитскаго ученаго Абу-Сахля Исмаила ибн-Алія ибн-Наубахта. Когда Халладжъ однажды дѣлалъ передъ народомъ движенія рукой и высыпалъ изъ нея монеты, Абу-Сахль сказалъ ему: «Оставь это; дай мнѣ одинъ дирхемъ съ твоимъ именемъ и именемъ твоего отца, и я увѣрую въ тебя, и вмѣстѣ со мной увѣруетъ много народу». Халладжъ сказалъ: «Какъ (это сдѣлать), когда такихъ дирхемовъ не чеканятъ?» Абу-Сахль отвѣтилъ: «Кто вызываетъ появленіе того, чего здѣсь нѣтъ, можетъ и сдѣлать то, что не сдѣлано»[8]. Когда Ибн-Аби-л-Азакиръ послалъ къ Абу-Сахлю человѣка, чтобы подговорить его къ возстанію, и вызвался сотворить передъ нимъ чудо, Абу-Сахль указалъ посланному на свою лысую голову и сказалъ: «Чудо? я не знаю, что это такое; пусть пославшій тебя заставитъ вырости волосы на моей головѣ, чтобы я увѣровалъ въ него». Посолъ послѣ этого больше не появлялся[9].

---

1 Journ. As. 7, XIV, 199.
2 Arîb, 88; также слова Ибн-ал-Джаузи, ibid., 102 внизу.
3 Arîb, 100 сл.
4 Arîb, 34,4.
5 Arîb, 30,3.
6 О его смерти Arîb, 136,11, Ibn Miskawayh, V, 304.
7 Arîb, 97,9 (слова Абу-л-Хасана Хамадани, умершаго въ 521 = 1127 г.).
8 Arîb, 93 сл.
9 Fihrist 176. У Сули (Arîb, 105,8) тотъ же анекдотъ разсказывается о Халладжѣ.

Преемникомъ Ибн-ал-Фурата въ качествѣ везира былъ Абу-л-Касимъ Абдаллахъ ибн-Мухаммедъ ибн-Убейдаллахъ ал-Хакани. Во время этого везирства, продолжавшагося $1\frac{1}{2}$ года (924—925),[1] Ибн-Аби-л-Азакиръ подвергся преслѣдованію и бѣжалъ въ Мосулъ, гдѣ прожилъ нѣсколько лѣтъ у Насир-ад-даули Хасана ибн-Абдаллаха ибн-Хамдана, при жизни его отца Абдаллаха. Абдаллахъ ибн-Хамданъ былъ убитъ въ Багдадѣ во время смутъ 929 г.[2]; его сынъ былъ прогнанъ изъ Мосула войсками халифа въ 932 г.[3] и вернулся туда только въ 935 г.[4] Ибн-Аби-л-Азакиръ покинулъ Мосулъ раньше и вернулся въ Багдадъ, гдѣ сначала скрывался, потомъ выступилъ открыто, пользуясь поддержкой везира Хусейна ибн-Касима, занимавшаго эту должность въ 931—2 г.г. въ теченіе семи мѣсяцевъ[5]. Хусейну давно хотѣлось сдѣлаться везиромъ; съ этой цѣлью онъ старался пріобрѣсти расположеніе чиновниковъ-христіанъ и напоминалъ имъ, что его предки тоже были христіанами; «крестъ выпалъ изъ рукъ»[6] его дѣда Убейдаллаха ибн-Сулеймана. Убейдаллахъ былъ везиромъ 10 лѣтъ[7] (891—901) и передалъ власть своему сыну Касиму (отцу Хусейна), который умеръ везиромъ въ 904 г.; отецъ Убейдаллаха Сулейманъ ибн-Вахбъ также былъ везиромъ, но только короткое время (877—878)[8] и умеръ въ заключеніи въ 885 г.[9] Хусейнъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Хамданидами и передъ своимъ низложеніемъ побудилъ ихъ оказать сопротивленіе предводителю войскъ халифа, Мунису, какъ мятежнику[10].

Въ 933 г., при халифѣ Кахирѣ (932—934), везиромъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ[11] былъ братъ Хусейна, Мухаммедъ; везиръ съ вѣдома халифа удалилъ своего брата въ Ракку за приверженность къ сектѣ Ибн-Аби-л-Азакира, опасаясь также замысловъ Хусейна противъ державы халифа.

---

[1] Arîb, 126,21; Ibn Miskawayh, V, 244.

[2] Arîb, 144; Ibn Miskawayh, V, 324 сл.

[3] Arîb, 171; Ibn Miskawayh, V, 374.

[4] Ibn Miskawayh, 505.

[5] Arîb, 164 и 173; Ibn Miskawayh, V, 367.

[6] Arîb, 164,14.

[7] О его назначеніи Tabari, III, 2123,12. О немъ и его сынѣ Мас'уди, تنبيه, 370,7; Hilâl, 156 и 187. Убейдаллахъ въ послѣдній разъ упоминается у Табари (III, 2191,3) въ качествѣ везира въ 287 (900 г.); Amedroz (Hilâl, pref. 16, N. 2) относитъ его смерть къ 288 г. О смерти Касима Hilâl, 134 и 360.

[8] Tabari, III, 1915,10; 1926,17.

[9] Tabari, III, 2108,13.

[10] Ibn Miskawayh, V, 373 сл.

[11] Ibid. 429 наверху.

Изъ другихъ приверженцевъ Ибн-Аби-л-Азакира халифъ подвергъ домашнему аресту «сыновей Бистама»[1]. По Ибн-ал-Асиру ихъ имена были Абу-Джа'фаръ и Абу-Алій. Ни тотъ, ни другой не упоминаются въ разсказахъ о событіяхъ X в.; несомнѣнно, что они принадлежали къ тому же роду, какъ часто упоминаемые братья Абу-л-Касимъ Алій ибн-Ахмедъ ибн-Бистамъ и Абу-л-Хусейнъ Мухаммедъ ибн-Ахмедъ ибн-Бистамъ (послѣдній былъ въ родствѣ съ везиромъ Хамидомъ)[2], но степень родства ихъ съ этими двумя лицами не указывается. Изъ приверженцевъ Ибн-Аби-л-Азакира, казненныхъ при халифѣ Радіи, у Шахфура Исфераини названъ еще не упомянутый у Ибн-ал-Асира Абу-Имранъ Ибрахимъ ибн-Мухаммедъ ал-Мусаббихъ (вѣроятно надо читать: ал-Мусаббихи)[3].

До насъ, повидимому, не дошло ни одного изъ сочиненій Ибн-Аби-л-Азакира, которыя, вѣроятно, дали бы матеріалъ для сопоставленія его ученія съ ученіемъ Халладжа. Нѣсколько сочиненій перечислены въ «Фихристѣ», причемъ, однако, не названа «Книга о шестомъ чувствѣ», о которой, кромѣ Якута, упоминаютъ Бируни[4] и Шахфуръ Исфераини[5]. Авторъ «Фихриста» говоритъ[6], что Ибн-Аби-л-Азакиръ занимался алхиміей, и перечисляетъ его труды: 1) книга объ опьяняющихъ напиткахъ (كتاب الخمائر); 2) книга о (философскомъ) камнѣ (كتاب الحجر); 3) комментарій къ «книгѣ о милосердіи» (كتاب الرحمة) великаго алхимика VIII вѣка Джабира ибн-Хайяна[7]; 3) книга о глиняныхъ сосудахъ (كتاب البرانيات). Отдѣльно, въ другомъ мѣстѣ, упоминается «книга о наставленіи на истинный путь» (كتاب الهداية)[8]. Совершенно другія сочиненія Ибн-Аби-л-Азакира, очевидно, мистическаго содержанія, названы у Мас'уди[9]: 1) «трактатъ удаляющій» (الرسالة المذهبة), т. е. удаляющій человѣка отъ всего земного; 2) книга о завѣтѣ (كتاب فى الوصيّة), т. е., вѣроятно, объ Аліи, какъ получившемъ завѣтъ Бога; 3) книга объ «отсутствіи» (كتاب الغيبة) въ мистиче-

---

[1] Ibid. 423.

[2] Ibn Miskawayh, V, 147 и 175.

[3] Schahrastani — Haarbrücker, II, 419.

[4] Chronologie ed. Sachau, p. 214,10. Въ книгѣ, по Бируни, говорилось объ отказѣ (رفض) отъ правилъ шарі'ата.

[5] Schahrastani — Haarbrücker, l. c.

[6] Fihrist, 360.

[7] О немъ Brockelmann, I, 240.

[8] Fihrist, p. 196.

[9] تنبيه 397. Въ مروج الذهب (III, 267) Ибн-Аби-л-Азакиръ только упоминается, но не приводится никакихъ свѣдѣній ни о немъ, ни о его сочиненіяхъ.

скомъ смыслѣ[1], т. е. объ удаленіи сердецъ отъ всего, кромѣ Бога; 4) книга о преданіи себя на волю Божью (كتاب التسليم)[2]. Число послѣдователей Ибн-Аби-л-Азакира, по словамъ Мас'уди, было значительно. Мас'уди болѣе подробно говорилъ отъ этомъ ученіи въ своей книгѣ о шіитскихъ сектахъ, не дошедшей до насъ.

---

[1] О словѣ الغيبة, какъ техническомъ терминѣ, Kashf al-maḥjúb, transl. by Nicholson, p. 248.
[2] Ibid., 268.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Памятники тангутскаго письма*.

А. И. Иванова.

(Представлено академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи $\frac{13 \text{ марта}}{28 \text{ февраля}}$ 1918 года).

До настоящаго времени ученому міру извѣстно было только одно печатное произведеніе (вѣрнѣе часть его) на тангутскомъ языкѣ, написанное тангутскимъ (Си-ся) письмомъ. Это буддійское сочиненіе Saddharmapuṇḍarīkasūtra.

Первыя страницы Saddharmapuṇḍarīka были опубликованы въ фототипіи M. G. Morisse въ его трудѣ Contribution préliminaire à l'étude de l'écriture et de la langue Si-hia въ Mémoires pr. par div. sav. à l'Académie des Inscr. et B.-Lettres 1-re S., t. XI, II-e p. MDCCCCIV.

Позднѣе были свѣдѣнія о томъ, что въ Японіи изданъ текстъ части этого произведенія, но мы этимъ изданіемъ не располагаемъ.

Въ 1916 году нами былъ изданъ въ предварительной обработкѣ тангутскій текстъ одной сутры[1], съ китайскимъ переводомъ en regard. Въ настоящее время намъ удалось опредѣлить и сличить съ китайскими оригиналами, такъ какъ мы имѣемъ основаніе сказать, что тангутскій текстъ является переводомъ съ китайскаго,—нѣсколько новыхъ текстовъ, заглавія которыхъ мы и приводимъ безъ тангутскаго начертанія за отсутствіемъ соотвѣтствующаго шрифта. Возможно было-бы привести въ иномъ воспроизведеніи эти заглавія, но словарь тангутскаго письма на основаніи приводимыхъ текстовъ и другихъ уже близокъ къ окончанію и, быть можетъ, скоро

* Ср. A. Ivanov. Zur kenntniss der Hsi-hsia Sprache. ИАН III. 1221—33 (съ табл. 1909). А. И. Ивановъ. Страница изъ исторіи Си-ся. ИАН V. 831—836 (1911).

[1] Созерцаніе восхожденіе Майтрейи на небо Тушиа. Тангутскій текстъ издалъ и китайскимъ переводомъ снабдилъ А. И. Ивановъ. Изданіе Факультета Восточныхъ языковъ. 1916. Петроградъ.

увидитъ свѣтъ. Кромѣ буддійскихъ текстовъ Азіатскій Музей Академіи Наукъ располагаетъ слѣдующими рукописями и печатными книгами на тангутскомъ языкѣ тангутскими знаками, которыя также удалось опредѣлить:

1. Словарь[1] тангутскихъ знаковъ, расположенный по начальнымъ (губнымъ, зубнымъ, язычнымъ и свистящимъ) звукамъ, безъ подробныхъ объясненій.

2. Словарь тангутскихъ знаковъ, составленный по образцу извѣстнаго китайскаго словаря танской эпохи 廣 韻 гуанъ-юнь и носящій названіе «Море-словъ».

3. Словарь, расположенный по матеріямъ (безъ заглавія).

Изъ числа буддійскихъ текстовъ опредѣлены:

1. Sûtra spoken by Buddha about the meditation on the Bodhisattva Maitreya's going up to be born in the Tushita heaven. (A catalogue of the Buddhist Tripiṭaka by Bunyiu Nanjio № 204)[2].

2. Dharmadhātu-prakṛti-asaṃbheda-nirdeça. (Ib. № 23,8).

3. Dharmadhātu-hṛdaya-saṃvṛta-nirdeça. (Ib. № 23,8).

4. Daçadharmaka. (Ib. № 23,9).

5. Chapter on the practice and prayer of the Bodhisattva Samantabhadra, in the Mahāvaipulya-buddhāvataṃsaka-sūtra. (Ib. № 89).

6. Buddhamātṛjāta-tridharmapiṭaka-prajñāpāramitā-sūtra изъ 25 главъ — рукопись. (Ib. № 927).

---

[1] Всего словарь заключаетъ съ повтореніемъ 10081 знакъ.

[2] Ср. также А. И. Ивановъ. Страница изъ исторіи Си-ся ИАН. 1911. 831—836.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Николай Ивановичъ Веселовскій.

Некрологъ.

(Читанъ академикомъ **В. В. Бартольдомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 24 (11) апрѣля 1918 г.).

$\frac{\text{12 апрѣля}}{\text{30 марта}}$ текущаго года скончался на 70-мъ году жизни членъ-корреспондентъ Академіи (съ 1914 г.), заслуженный профессоръ Петроградскаго Университета Николай Ивановичъ Веселовскій.

Болѣе чѣмъ сорокалѣтняя научная дѣятельность покойнаго тѣсно примыкаетъ къ тому направленію въ русскомъ оріентализмѣ, главнымъ представителемъ котораго былъ его учитель и предшественникъ по каѳедрѣ, В. В. Григорьевъ. Спеціализаціи въ области востоковѣдѣнія повсюду предшествовалъ періодъ болѣе экстенсивной, чѣмъ интенсивной работы, цѣли которой въ каждой странѣ опредѣлялись различно, въ зависимости отъ болѣе общихъ научныхъ интересовъ, прежде всего интересовъ отечественной исторіи. Вниманіе русскихъ оріенталистовъ не могли не привлечь къ себѣ кочевые народы Средней Азіи и южно-русскихъ степей. Съ исторіей этихъ народовъ тѣсно связана исторія самой Россіи; научный матеріалъ доступенъ русскимъ изслѣдователямъ въ большей степени, чѣмъ западно-европейскимъ, и русской наукѣ въ этой области, какъ въ области изученія Дальняго Востока, было легче встать на самостоятельный путь, чѣмъ въ области изученія культурной Передней Азіи. Другимъ преимуществомъ этой отрасли востоковѣдѣнія было сравнительное обиліе этнографическаго и археологическаго матеріала, быстрѣе, какъ казалось, приводившаго къ обобщеніямъ, чѣмъ требовавшіе долголѣтней подготовки и кропотливыхъ изысканій

литературные источники. Казалось возможнымъ возстановить картину исторической жизни исключительно по археологическимъ даннымъ; еще покойный Николай Ивановичъ находилъ вполнѣ правильнымъ методъ проф. Григорьева, который въ своемъ трудѣ «О куфическихъ монетахъ, какъ источникахъ для древнѣйшей отечественной исторіи», «не обращаясь ни къ какимъ письменнымъ источникамъ, заставилъ монеты говорить за себя»[1]. Надъ изученіемъ письменныхъ источниковъ иногда были склонны преждевременно ставить крестъ: проф. Григорьевъ еще въ 1860 г. писалъ, что «на увеличеніе нашего запаса свѣдѣній объ исторіи Золотой Орды» путемъ открытія новыхъ «бумажныхъ памятниковъ нѣтъ почти никакой надежды», тогда какъ «каждый большой, становящійся извѣстнымъ кладъ изъ золотоордынскихъ монетъ увеличиваетъ этотъ запасъ новыми датами, именами новыхъ хановъ и городовъ и другими данными первостепенной важности»[2]. Впослѣдствіи выяснилось, какъ ненадежны были эти данныя, благодаря которымъ наукой были созданы никогда не существовавшіе ханы, какъ Бердибекъ II и Джанибекъ III[3]. Съ другой стороны, мнѣніе Григорьева о «бумажныхъ памятникахъ» черезъ двадцать лѣтъ слишкомъ было опровергнуто «Сборникомъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды», бар. В. Г. Тизенгаузена, причемъ этимъ сборникомъ широко воспользовался для своихъ статей о Золотой Ордѣ ученикъ Григорьева, Н. И. Веселовскій.

Занятія Николая Ивановича въ этой области начались еще на студенческой скамьѣ; въ 1873 г. онъ былъ удостоенъ золотой медали за сочиненіе на тему, предложенную проф. Григорьевымъ, о податяхъ и повинностяхъ, взимавшихся монголами съ покоренныхъ народовъ[4]. Къ вопросамъ, связаннымъ съ исторіей татарскаго владычества, Николай Ивановичъ впослѣдствіи возвращался много разъ, начиная со статьи о Куликовской битвѣ, напечатанной въ «Древней и Новой Россіи» 1880 г., по случаю ~~четырех~~-сотлѣтія этого событія, и кончая рецензіей на трудъ М. Д. Приселкова «Ханскіе ярлыки русскимъ митрополитамъ», помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1917 года. Въ

---

[1] В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ, стр. 276.

[2] Жизнь и труды П. С. Савельева, стр. 240. Ср. слова бар. Розена въ ЗВО. XVI, 234.

[3] Ср. предисловіе къ «Инвентарному каталогу мусульманскихъ монетъ Имп. Эрмитажа» А. Маркова.

[4] Отзывъ объ этой работѣ напечатанъ въ «Протоколахъ засѣданій совѣта Имп. С.-Пб. унив.», № 7, стр. 121 сл.

нѣкоторыхъ изъ этихъ статей, какъ и въ работахъ Григорьева, затрогиваются общіе вопросы, относящіеся не только къ татарамъ, но вообще къ государственной жизни и религіознымъ вѣрованіямъ средне-азіатскихъ кочевниковъ-шаманистовъ. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ ученымъ чаще всего приходится обращаться къ свѣдѣніямъ монгольскаго періода, такъ какъ этими свѣдѣніями, благодаря исключительной обширности монгольскихъ завоеваній и сравнительному обилію источниковъ, объясняются многія изъ дошедшихъ до насъ отрывочныхъ данныхъ о болѣе раннихъ кочевыхъ народахъ. Такой характеръ имѣетъ напримѣръ статья Николая Ивановича «О религіи татаръ по русскимъ лѣтописямъ»[1]. Даже для выясненія такихъ памятниковъ преимущественно до-монгольской эпохи, какъ «каменныя бабы», незамѣнимымъ источникомъ оказалось сочиненіе монгольскаго періода, описаніе путешествія Рубрука[2]. Археологическихъ изысканій на мѣстѣ золотоордынскихъ городовъ Николай Ивановичъ не производилъ, хотя въ его статьяхъ о Золотой Ордѣ затрогивались и археологическіе вопросы, какъ вопросъ о мѣстоположеніи города Гюлистана[3]. Изъ личныхъ бесѣдъ съ покойнымъ мнѣ извѣстно, что онъ придавалъ большое значеніе развалинамъ Сарая и находилъ, что постройки этого города, въ противоположность средне-азіатскимъ, даютъ матеріалъ и по исторіи русской архитектуры. Въ печати этотъ взглядъ, насколько мнѣ извѣстно, имъ выраженъ не былъ.

Время окончанія Николаемъ Ивановичемъ университетскаго курса совпало съ хивинскимъ походомъ 1873 г. Подъ вліяніемъ современныхъ ему событій, молодой ученый, оставленный при университетѣ для приготовленія къ занятію каѳедры исторіи Востока, избралъ темой для своей магистерской диссертаціи «Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго». Какъ отмѣчаетъ и самъ авторъ въ предисловіи, исторіи средневѣкового культурнаго Хорезма въ этомъ трудѣ отведено гораздо меньше мѣста, чѣмъ исторіи Хивинскаго ханства при узбецкомъ владычествѣ, составленной главнымъ образомъ по разсказамъ русскихъ пословъ и путешественниковъ и собиравшимся въ Россіи разспроснымъ свѣдѣніямъ.

Такой же характеръ носили и впослѣдствіи труды Николая Ивановича

---

[1] ЖМНП. 1916 г., іюль, стр. 81 сл.

[2] Ср. статью Николая Ивановича «Современное состояніе вопроса о каменныхъ бабахъ или балбалахъ» (Зап. Имп. Одесскаго Общ. Ист. и Древн., XXXII, 1915).

[3] О мѣстоположеніи Гюлистана при-Сарайскаго (Кіевъ 1907; изъ Сборника статей имени проф. В. Е. Антоновича). — Загадочный Гюлистанъ Золотой орды (ЗВО. XXI, 53 сл.).

по исторіи средне-азіатскихъ государствъ. Капитальныхъ историческихъ изслѣдованій, которыя могли-бы быть поставлены рядомъ съ трудами Григорьева и въ особенности Вельяминова-Зернова, мы среди этихъ трудовъ не находимъ; уровень познаній Николая Ивановича въ восточныхъ языкахъ не давалъ ему возможности производить самостоятельныя изысканія по первоисточникамъ; въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось издавать и переводить восточные тексты, онъ обыкновенно обращался къ содѣйствію представителей соотвѣтствующихъ лингвистическихъ спеціальностей. Съ другой стороны сношенія Россіи съ восточными государствами въ московскій періодъ и въ XVIII в. оставались однимъ изъ главныхъ предметовъ его занятій съ 1881 г., когда имъ въ первый разъ была получена научная командировка въ Москву для занятій въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, до конца его жизни[1]. Значительный интересъ представляютъ также собранные Николаемъ Ивановичемъ во время годичной командировки 1884 — 5 г. и послѣдующихъ поѣздокъ въ Туркестанъ, наряду съ археологическимъ и этнографическимъ матеріаломъ, народныя преданія и разсказы современниковъ объ историческихъ событіяхъ[2].

Годичная командировка 1884 — 5 г. была получена Николаемъ Ивановичемъ отъ Императорской Археологической Комиссіи и имѣла цѣлью производство археологическихъ изысканій на мѣстѣ историческихъ городовъ Туркестана. Среди научныхъ заслугъ Николая Ивановича раскопкамъ 1885 г.[3] принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Археологическое изученіе Туркестана впервые было поставлено на правильную почву; впервые были собраны точныя и достовѣрныя свѣдѣнія о находимыхъ въ краѣ археологическихъ предметахъ и опредѣлено время, къ которому они относятся; нѣкоторыми находками, особенно статуэтками, указывающими на вліяніе греческаго искусства, и предметами стекляннаго производства[4] были внесены новые факты въ исторію мірового культурнаго общенія. Находки, сдѣланныя въ Туркестанѣ впослѣдствіи, большею частью подтверждали соображенія Николая Ивановича, не перестававшаго слѣдить за этими находками съ жи-

---

[1] Главнымъ трудомъ Николая Ивановича въ этой области были изданные имъ три тома «Памятниковъ сношеній Московской Руси съ Персіей» (1890 — 98).

[2] Ср. его труды «Киргизскій разсказъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ» (С.-Пб. 1894) и «Бадаулетъ Якубъ-Бекъ, аталыкъ кашгарскій» (ЗВО. XI, 87 сл.).

[3] Ср. Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1882 — 88 годы, С.-Пб. 1891, стр. LXI сл. и рядъ статей Николая Ивановича въ ЗВО., особенно «Существуютъ ли въ Средней Азіи поддѣлки древностей?» (I, 110 сл.) и «Замѣтка о курганахъ Туркестанскаго края» (II, 221 сл.).

[4] Ср. объ этомъ замѣтку Николая Ивановича въ ЗВО. VIII, 137.

живымъ интересомъ и еще въ 1916 г. посвятившаго имъ одинъ изъ своихъ докладовъ въ восточномъ отдѣленіи Русскаго Археологическаго Общества[1].

Въ томъ же отдѣленіи Николаемъ Ивановичемъ былъ прочитанъ въ мартѣ 1886 г. докладъ объ одномъ изъ самаркандскихъ архитектурныхъ памятниковъ, Шахи-зиндэ[2]; изъ этого видно, что имъ тогда же, наряду съ производствомъ раскопокъ, было обращено вниманіе на необходимость изученія памятниковъ, сохранившихся на поверхности земли. Средства, назначенныя для этой цѣли изъ государственнаго казначейства, позволили Николаю Ивановичу въ 1895 г. приступить къ работамъ въ болѣе широкомъ масштабѣ; результатомъ, кромѣ перваго и до сихъ поръ единственнаго выпуска роскошнаго изданія «Самаркандскія мечети»[3], было нѣсколько докладовъ Николая Ивановича въ восточномъ отдѣленіи Русскаго Археологическаго Общества[4]. Въ этой части своей дѣятельности Николай Ивановичъ былъ нѣсколько менѣе счастливъ, чѣмъ въ своихъ раскопкахъ; его догадки о происхожденіи и назначеніи построекъ основывались на недостаточномъ матеріалѣ и не всегда были удачны[5]; не удавалось также привлечь необходимыя силы и получить необходимыя средства для собиранія, изученія и изданія матеріала. До настоящаго времени мы ни для одного изъ архитектурныхъ памятниковъ Туркестана не имѣемъ полнаго научнаго описанія; еще менѣе можно было-бы надѣяться, въ близкомъ будущемъ, на болѣе широкую постановку вопроса объ изученіи этихъ построекъ XIV—XV вв., какъ памятниковъ не только искусства, но всей культурной жизни соотвѣтствующей эпохи.

Съ 1889 г. начались раскопки Николая Ивановича, также по порученію Археологической Комиссіи, въ Таврической губерніи, перенесенныя съ 1896 г. въ Кубанскую область. Предметомъ раскопокъ были такъ называемые скиѳскіе курганы; результаты обратили на себя вниманіе всего ученаго міра и были предметомъ ряда докладовъ и статей какъ самого Николая Ивановича, такъ и другихъ ученыхъ. Споръ о тіарѣ Сайтаферна,

---

[1] ЗВО. XXIV, стр. XVIII (докладъ «О греческихъ изображеніяхъ на туркестанскихъ оссуаріяхъ»).

[2] ЗВО. I, стр. IX.

[3] Ср. объ этомъ изданіи ЗВО. XVII, 0181 сл.

[4] О мазарѣ Кутби-Чаардегумъ (14 марта 1896 г., ЗВО, X, стр. XIV); О надгробіи Тимура (1 мая 1903, ЗВО. XVI, стр. XI); О первоначальномъ мѣстѣ погребенія Тамерлана (22 января 1904, ibid., стр. XX); О первомъ выпускѣ альбома самаркандскихъ мечетей (29 сент. 1905, ЗВО. XVII, стр. XIII).

[5] Ср. ЗВО. XXIII, 1 сл.

перешедшій на страницы общей печати и кончившійся полной побѣдой Николая Ивановича, наглядно доказалъ правильность методовъ, выработанныхъ русской археологической наукой. Находки относились къ различнымъ періодамъ, начиная съ эпохи до-микенской культуры[1], и изученіе ихъ требовало цѣлаго ряда сложныхъ изслѣдованій. Въ статьѣ о курганахъ Кубанской области[2] Николай Ивановичъ находилъ нужнымъ отстаивать значеніе археологіи, какъ самостоятельной науки, а не «служанки другихъ наукъ», и доходилъ до нѣсколько рискованнаго утвержденія, что фактъ господства римлянъ на сѣверномъ Кавказѣ могъ-бы быть установленъ путемъ курганныхъ находокъ, даже если-бы о немъ не было никакихъ письменныхъ извѣстій. По поводу другого вопроса, о Тмутараканскомъ камнѣ, самъ Николай Ивановичъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ по времени статей[3] указалъ на ошибки изслѣдователей, не считавшихся «съ тѣмъ вліяніемъ, какое имѣли Болгарія и Византія на южно-русскій языкъ и письменность», т. е. съ такимъ культурно-историческимъ фактомъ, который могъ быть установленъ только путемъ изученія литературныхъ данныхъ.

Въ исторіи русской археологической науки, несомнѣнно, оставитъ слѣдъ преподавательская дѣятельность Николая Ивановича, съ 1892 г., въ Археологическомъ Институтѣ, во главѣ котораго онъ стоялъ въ послѣдніе годы своей жизни. Вообще дѣятельность Николая Ивановича въ ученыхъ учрежденіяхъ и обществахъ, благодаря его отзывчивости, широтѣ его научныхъ интересовъ и общему уваженію, которымъ онъ пользовался, далеко выходила за предѣлы его собственныхъ работъ. Въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ онъ съ 1887 до 1910 г. состоялъ помощникомъ предсѣдательствующаго въ отдѣленіи этнографіи и былъ редакторомъ нѣсколькихъ изданій Общества[4]; въ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ онъ принималъ почти такое же дѣятельное участіе въ работахъ отдѣленія русской и славянской археологіи[5], какъ въ работахъ восточнаго отдѣленія,

[1] Алебастровыя и глиняныя статуэтки до-микенской культуры въ курганахъ южной Россіи и на Кавказѣ, С.-Пб. 1910 (Изв. Имп. Арх. Комм., вып. 35).

[2] Труды Харьк. археол. съѣзда 1902 г., I, 344 сл.

[3] Къ исторіи открытія Тмутараканскаго камня (Вѣстн. Арх. и ист., издаваемый Арх. Институтомъ, вып. XXII).

[4] Записки по отд. Этнографіи, т. X, вып. 2 (путешествіе кап. Унковскаго) и т. XXIX (сочиненія Ч. Ч. Валиханова).

[5] Въ 1898 г. имъ совмѣстно съ А. А. Спицынымъ была представлена въ отдѣленіе записка о возобновленіи раскопокъ, прерванныхъ съ 1886 г.; съ того времени обоими учеными ежегодно представлялись проекты о томъ, какія раскопки должны быть поставлены на очередь въ данномъ году.

избравшаго его въ 1908 г. своимъ управляющимъ. Помимо дѣятельности въ этихъ обществахъ и въ Археологической Комиссіи, въ которой онъ состоялъ съ 1892 г. сверхштатнымъ, съ 1895 г. старшимъ членомъ, Николай Ивановичъ съ 1909 г. былъ предсѣдателемъ разряда военной археологіи и археографіи Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества, въ изданіяхъ котораго имъ въ 1914 г. были напечатаны труды «Походы монголовъ на Россію по оффиціальной китайской исторіи Юань-ши» (вмѣстѣ съ проф. А. И. Ивановымъ) и «Военно-историческій очеркъ города Анапы»[1]. Какъ и его учитель В. В. Григорьевъ, Николай Ивановичъ былъ авторомъ ряда трудовъ не только по исторіи русскаго востоковѣдѣнія[2], но и русской науки вообще[3].

Если для Николая Ивановича, какъ и для его учителя и предшественника, не было научныхъ интересовъ внѣ интересовъ родины, то для него не было также ни политическихъ, ни патріотическихъ стремленій, враждебныхъ интересамъ науки и культуры. Примыкая по своимъ политическимъ взглядамъ къ крайнему консерватизму, онъ принималъ участіе въ чествованіи профессоровъ, удаленныхъ изъ университета произволомъ властей; будучи патріотомъ-націоналистомъ, онъ открыто и рѣшительно осуждалъ такія анти-культурныя дѣйствія, какъ переименованіе историческихъ городовъ и урочищъ. Столь же рѣдкой и цѣнной въ настоящее время чертой была его исключительная преданность долгу. Николай Ивановичъ не допускалъ для себя никакой синекуры, не только въ элементарномъ, денежномъ, но и въ болѣе широкомъ смыслѣ. Для него не существовало права, хотя бы почетнаго, безъ обязанностей; такъ избраніе въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ налагало на него, по его мнѣнію, обязанность принять участіе въ научной дѣятельности Академіи, чѣмъ и было вызвано представленіе имъ нѣсколькихъ статей для академическихъ изданій.

Несомнѣнно, что движеніе русской науки во многихъ отношеніяхъ пойдетъ иными путями, чѣмъ пути, которыми шелъ Николай Ивановичъ. Успѣхи науки неразрывно связаны со спеціализаціей и съ переходомъ отъ экстенсивной работы къ интенсивной; археологическими открытіями въ Китайскомъ Туркестанѣ исторіи Средней Азіи, какъ наукѣ, поставлены новыя

---

[1] Оба труда напечатаны въ «Запискахъ разряда военной археологіи и археографіи».

[2] Главный изъ нихъ — «Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи» (Труды 3-го междун. съѣзда оріент., I, 97 сл.). Ср. также «Матеріалы для исторіи Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», вып. I, С.-Пб. 1905.

[3] Имъ составлена «Исторія Имп. Русскаго Археологическаго Общества за первое пятидесятилѣтіе его существованія» (С.-Пб. 1900).

задачи; представленіе объ археологіи, какъ самостоятельной наукѣ, все болѣе уступаетъ мѣсто представленію объ археологіи, какъ неразрывной части общей исторической науки. Но будущіе историки и археологи, конечно, не забудутъ, чѣмъ они обязаны трудамъ своихъ предшественниковъ, въ томъ числѣ и ихъ ошибкамъ. Независимо отъ благодарности покойному Н. И. Веселовскому за его долголѣтнюю научную и преподавательскую дѣятельность, его образъ останется въ памяти тѣхъ, кто имѣлъ счастіе его знать, какъ образъ человѣка культуры и человѣка долга въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Deux fragments sogdien-bouddhiques du Ts'ien-fo-tong de Touen-houang.

(Mission S. d'Oldenburg 1914—1915).

Par Fr. Rosenberg.

I.

FRAGMENT D'UN CONTE.

(Présenté à l'Académie par M. S. d'Oldenburg le 29 Nov. / 12 Déc. 1917).

À la brillante série des expéditions, entreprises par la science européenne pour l'exploration archéologique de l'Asie Centrale, inaugurée dès la fin du siècle passé et continuée avec un succès éclatant et inattendu au cours du nôtre, vint s'ajouter, comme dernière en date, la seconde mission de M. S. d'Oldenburg, sécrétaire perpétuel de l'Académie des Sciences de Russie. Des matériaux d'archéologie et d'iconographie bouddhiques ont pu être acquis à la science, et un assortiment de documents en différentes langues et écritures de l'Asie Centrale est venu enrichir nos collections.

Parmi les documents, rapportés de Touen-houang, célèbre par ses «Grottes des Mille Bouddhas» se trouvent deux feuilles en sogdien bouddhique, provenant de deux rouleaux différents. Sur le lieu et les circonstances de leur découverte M. d'Oldenburg a bien voulu nous communiquer la notice que voici:

«La trouvaille se fit tout à fait accidentellement, pendant l'inspection de l'ensemble des grottes que je fis pour préparer une description détaillée des «Grottes des mille Buddhas», les moines ne nous ayant pas parlé de mss ou d'images. L'accès de la grotte № 162 i [1], une des grottes plus modernes de l'ensemble [2], était assez difficile: il fallut joindre deux longues échelles pour y pénétrer. Les mss ou plutôt les débris de mss et d'images étaient jetés sur le plancher; il était évident qu'on les avait mis dans cette grotte, presqu'inaccessible pour les curieux avec l'intention de les cacher. Ce tas provenait probablement du triage qui avait été fait par ou pour MM. Stein et Pelliot et ne pouvait présenter une grande valeur; je crus pourtant devoir acheter ces débris, même à un prix assez considérable (Wang-tao-shi le moine, hôte principal du Ts'ien-fo-tong connaissait bien le prix de l'argent), car il pouvait s'y trouver quelques fragments importants, qui compléteraient la collection de rouleaux chinois que je venais d'acquérir du même moine et dont l'inventaire est en train d'être drossé par M. V. Alexějev.

Wang-tao-shi me fit un long récit des achats de MM. Stein et Pelliot, en me persuadant à l'orientale que les mss, qu'il me vendait étaient infiniment plus précieux que ceux qu'il avait cédés à ces voyageurs. J'avoue que ces pourparlers et une connaissance assez intime avec les grottes, gagnée pendant un long séjour, m'avaient inspiré une certaine méfiance au sujet de la célèbre cellule murée; non que je veuille émettre des doutes sur son existence qui ne peut être mise en doute, mais parceque je crois, que cette cellule n'est pas le seul endroit qui ait récélé des mss ou des images. Je suis persuadé que les grandes statues et autres réceptacles, mis maintenant à neuf et impitoyablement badigeonnés par Wang-tao-shi sous prétexte de restauration, ont contenu des mss et des images tirés de leur cachette par le moine entreprenant. Je crois qu'on peut encore glâner au Ts'ien-fo-tong malgré les achats de Stein, Pelliot et les miens et l'enlévement de mss (sans payement à ce qu'il paraît) par les employés chinois de Touen-houang. Il en vint plusieurs pendant mon séjour pour voir ce que je faisais, et leur arrivée inquiétait toujours vivement Wang-tao-shi, qui en général préférait les heures de la nuit pour tous ces pourparlers.

Dans le tas de mss que je venais d'acheter et que je soumis immédiatement à une inspection sommaire, se trouvaient les deux fragments sogdiens qui sont en train d'être publiés par M. Fr. Rosenberg. Le reste des mss était chinois, excepté quelques feuilles tibétaines et quelques lambeaux de mss sanscrits, ouïgours et si-hsia; tous ces mss se trouvent au Musée Asiatique de l'Académie comme don du Comité Russe pour l'exploration de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient qui m'avait envoyé en mission à Touen-houang. Le tas contenait encore quelques images bouddhiques sur toile ou sur soie et sur papier; ces images sont maintenant au Musée d'Ethnographie de l'Académie et un inventaire est en préparation. Je voudrais encore ajouter ici que j'ai trouvé, au courant de mes excavations dans une autre grotte quelques fragments de mss ouïgours et si-hsia et, ce qui est surtout intéressant, près d'une centaine de types mobiles ouïgours en bois; une note spéciale sur cette trouvaille est en préparation».

Les deux feuilles manuscrites en langue et écriture sogdiennes (O^1 et O^2) sont de grandeur différente. Celle que nous publions ci-dessous (O^1) est de façon carrée, mesurant 25 cm.; longueur des lignes écrites en moyenne $20\frac{1}{2}$ cm. Presque un quart entier, partant du sommet d'en gauche étant

[1] Nous avons tâché de conserver la numération de M. Pelliot, pour créer moins de confusion et éviter toutes sortes de doubles renvois. La tâche nous fut facilitée par l'amabilité de M. Pelliot qui nous communiqua un plan provisoire des grottes, fait pour son expédition. Nous avons dû ajouter quelques NN pour des grottes non indiquées ou non numérotées sur ce plan, en conservant son principe d'indication par chiffres et par lettres, malgré certains inconvénients que présentait cette numération.

[2] Mes appréciations chronologiques paraissent quelque fois différer de celles de mon ami M. Pelliot, mais je suis convaincu que lui aussi considère cette grotte comme une des plus modernes.

arraché, des premières huit lignes il ne s'est conservé que la moitié inférieure, de sorte que de l'ensemble de dix-sept lignes il ne reste d'entières que neuf. Il y a plusieures déchirures perpendiculaires dont deux, aux lignes 6 et 8, considérablement gênantes. La marge et le bord de la droite sont plus ou moins intactes. La seconde feuille (O^2), large de 26 cm. et longue de 47, 5, est endommagée dans le sens du sommet gauche vers la droite d'en bas; de la première ligne et également de la seconde il ne reste qu'un mot. A partir de la cinquième jusqu'a la quatorzième les trois quart à peu près sont lisibles, le reste et également la marge et le bord droits, sauf quelques déchirures transversales, sont intactes; longueur des lignes du texte—20 cm. Le papier, fort résistant, est de couleur tirant sur le brun, du même type pour les deux feuilles, un peu plus foncé à O^1, un peu plus clair à O^2. O^1 a l'air d'avoir été manié davantage. Avant d'avoir été repassées, l'une et l'autre étaient criblées de petits plis et extrêmement chiffonnées. Le texte des deux feuilles est encadré d'un mince filet d'encre pâle. O^2 présente en plus des traces de filets perpendiculaires, disposés à intervalles réguliers, mais qui ne correspondent pas au nombre des lignes du texte, car il y en a deux sur trois lignes d'écriture, et qui ont l'air de ne servir qu'à en indiquer la direction. Il se pourrait d'ailleurs, que le papier eût été préparé préalablement pour un ductus plus gros. Le type de l'écriture, évidemment de la belle époque, c. à d. du septième ou huitième siècle de notre ère, est le même pour les deux feuilles et correspond parfaitement à celui sur lequel M. R. Gauthiot a calqué ses spécimens de l'alphabet sogdien «proprement sogdien», à la différence de l'«ouïgour», reproduits dans le Journal Asiatique, X série, t. 17 Janvier-Février 1911 p. 82|83 et dans l'Essai de Grammaire sogdienne I p. 23. Comparées entre elles les feuilles diffèrent sensiblement. Bien que d'une netteté remarquable sur les deux, le ductus de O^1 est cependant énergique, relativement lourd, jambages presque sans déliés, barres massives où l'on sent l'effort du calame. Les boucles des *δ*, les queues des *p* et des *k*, élégantes et nuancées dans O^2, sont ici tout en pleins. Sur sept lignes de O^1 il y a huit de O^2, la barre qui suit les *a* (') et les *β* finaux a sur O^1 parfois un air assez indépendant, pour qu'on soit tenté de la prendre pour une lettre particulière (p. ex. ligne 10), les *δ* médians forment toujours boucle, les petites barres, perpendiculaires au corps des *y*, et celles des *a* (') sont à peu près les seuls déliés qu'on y voie.

On trouve ci-joint le fac-simile en grandeur naturelle de la feuille O^1. Nous avons cru en outre de quelque utilité de mettre en regard de la transcription du texte sa translittération en caractères ouïgours, tant bien que

mal adaptés au sogdien. Pour ce qui est de la transcription en caractères européens, je suis sans restriction l'excellent système de R. Gauthiot[1], lequel garantit une restitution parfaitement exacte de la graphie sogdienne. Quant aux signes polyphones, il n'y a au fond que celui pour *n*||*z* qui compte; dans le fragment ci-dessous il ne donne pas matière au doute.

Dès son retour de l'Asie Centrale, en automne 1915, M. d'Oldenburg avait mis les deux feuilles à la disposition de feu M. Salemann. En été 1917 on les a retrouvées parmi ses papiers qui avec toute la bibliothèque du défunt sont actuellement incorporés au Musée Asiatique. On y a découvert également une transcription très provisoire des deux fragments, en hébreu carré avec, en regard, l'ébauche d'une traduction en latin, où ne sont marqués que les mots les plus courants, ce qui prouve que, après en avoir pris en passant une première connaissance, M. Salemann ne s'était plus intéressé à nos manuscrits et n'y était plus revenu.

Ce travail se base principalement sur les publications sogdien-bouddhiques du regretté R. Gauthiot que la guerre, à la fleur de l'âge, a ravi à la science qui lui doit beaucoup et à laquelle il avait donné le droit de lui demander davantage. Ce sont particulièrement la version sogdienne du Vessantara Jātaka[2] qui fournit un riche lexique, le Sūtra du Religieux Ongles-longs[3] et l'Essai de Grammaire Sogdienne (Première partie)[4]

---

[1] Journal Asiatique, janv.-févr. 1911, p. 81 suiv. et Journal of the Royal Asiatic Society 1912 p. 349 suiv.

[2] Documents de l'Asie Centrale (Mission Pelliot). Une version sogdienne du Vessantara Jātaka publiée en transcription et avec traduction par M. R. Gauthiot. Journal Asiatique, Janvier-Février et Mai-Juin 1912, pp. 163—193 et 430—510). Paris 1912.

[3] Etudes linguistiques sur les documents de la Mission Pelliot Fasc. II. Le Sūtra du Religieux Ongles-Longs. Texte sogdien avec traduction et version chinoise par Robert Gauthiot. Mémoires de la Société de Linguistique de Paris, tome XVII pp. 357—367. Paris 1912.

[4] R. Gauthiot, Essai de Grammaire sogdienne (Première partie) Communication privée s. l. s. a. Pour la bibliographie des travaux de Gauthiot relatifs au sogdien je renvoie à Salemann, Manichaica V (Bull. de l'Acad. Imp. des Sciences 1913, p. 1126, n. 3), pour la bibliographie et l'histoire des études sogdiennes — à l'introduction de M. Gauthiot à son Essai de grammaire p. X suiv. — Les difficultés de communication avec l'étranger allié, l'isolement par rapport aux pays ennemis m'ont privé des moyens de suivre de près les progrès, s'il y en a, des études sogdiennes durant la guerre. Comme ayant quelques rapports, bien que indirects avec le sogdien je cite H.F.J.Junker, Drei Erzählungen auf Yaγnåbī, Sitzgsber. d. Heidelberger Akad. d. Wissensch. Jahrgang 1914. 14. Abhandlung, Heidelberg 1914. P. Pelliot, La version ouigoure pe l'histoire des princes Kalyāṇaṃkara et Pāpaṃkara, T'oung Pao vol. XV, 1914, p. 225 suiv. Le même, Le «Cha tcheou tou fou t'ou king» et la colonie sogdienne de la région du Lob Nor, J. A. Janv.-Févr. 1916, pp. 111 suiv. R. Gauthiot (publication posthume) Note sur le Yazgoulami, dialecte iranien des confins du Pamir, J. A. Mars-Avril 1916, p. 239 suiv. Une notice de M. Meillet (J. A. Nov.-Déc. 1916, p. 545) annonce une autre oeuvre posthume de Gauthiot sous le titre: Trois mémoires sur l'unité linguistique des parlers iraniens. Extr. des fasc. 1 et 2 du vol. XX des Mémoires de la Soc. de Linguistique, Paris 1916.

laquelle, encore que ne comprenant que la phonétique est néanmoins d'une grande importance également pour le lexique grâce à l'abondance des vocables cités. Il faut espérer, que la notice posthume de l'auteur au sujet du sort de son livre dont l'impression s'achevait à Louvain, lors du sac en automne 1914, a été dictée par le pessimisme d'un mourant et que la philologie iranienne, deux fois en deuil, n'aura pas à pleurer en plus la perte de ce beau travail [1].

Il va de soi, que les publications antérieures, allemandes, françaises, anglaises, particulièrement celles du déchiffreur du sogdien M. FWKMüller ont été mises à profit. D'une grande utilité m'a été une liste de mots (sur fiches) tirés du Vessantara Jātaka et une collection, sur fiches également, de verbes sogdiens, l'une et l'autre de la main de M. Salemann.

Le fragment O[1] présente un passage d'un conte, *jātaka* ou *avadāna*, où il s'agit de deux frères de qualités opposées, à la manière, paraît-il, de Kalyāṇaṃkara et Pāpamkara (Legthsol et Njeithsol), cependant le caractère par trop fragmentaire du manuscrit, l'absence de noms propres, et mon insuffisance en matière de littérature bouddhique m'empêchent de le rapprocher de son pendant qui, sans doute, existe dans l'une ou l'autre des langues du bouddhisme. O[2] est le fragment d'un début de sūtra du Māhayāna.

Si j'ose publier ces documents tels quels, c'est parce que je partage parfaitement ce que dit Gauthiot au sujet de l'édition de la version sogdienne du Vessantara Jātaka, savoir «qu'il vaut mieux risquer de se tromper que de se taire et de garder par devers soi un texte intéressant, nouveau et peut-être utile à d'autres» [2].

---

[1] J. A. Mars-Avril 1916, p. 254, n. 2—J'avais profité de l'aimable intermédiaire du baron de Stael Holstein, pour m'informer sur le sort du livre auprès du professeur Pelliot (actuellement l'un et l'autre à Pékin). M. Pelliot a bien voulu me conseiller de m'adresser à ce sujet au professeur Meillet à Paris. Faute de relations postales avec la France, j'ai dû m'en désister.

[2] J. A. Janvier-Févr. 1912, p. 166.

Texte.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17

Traduction.

(1)... de ces humains-là (2).... manière ne fait pas et les dieux aussi (3)... sont [à] quiconque ne fait pas souffrir la créature vivante (4).... il y avait deux frères, l'un mauvais (5).... et le bon toujours sur (6).... le mauvais toujours d'une conduite criminelle [?] (7).... bêtes sauvages et le bon alors (8).... ensemble tu ne vis pas? Et un jour (9) le mauvais lui parla ainsi: nous voici frères de la même race, nés de la même (10) mère au même père, pourquoi donc (11) ne vis-tu pas au milieu de la créature, mais demeures

toujours en compagnie (12) et près d'autres hommes? Et le bon alors lui répondit ainsi: (13) toi tu es mon propre frère, [mais c'est] comme deux hommes [qui] sortirent d'une ville par la même (14) porte; et dès l'abord l'un des hommes s'en va par (15) un chemin et le second par un autre. Et lorsqu' ils furent allés (16) loin, l'un d'eux se mit à faire de la pêche et (17) l'autre de l'agriculture, et le pêcheur [acquit] beaucoup de richesses.......

Transcription.

1	▒.h	čnn	čyw'yδ	mrtγm'y						
		de	ces (tels)	humains						
2	▒γwnk	L'	wnty	rtyms	ZNH	βγ'yšt				
	... espèce	ne pas	fait	et aussi	ces (les)	dieux				
3	▒t	γnt	'kytmw	w't8'r	''z'wnt	L'	''zyrt			
		sont	qui-celui	animés	êtres	ne pas	fait souffrir			
4	▒h	'δw'	βr't	wm't'nt	'yw	s'pt				
		deux	frères	étaient	un	gauche				
5	▒'nt	rty	yw	γw'r'nt	nwš'kw	prw				
		et	un (le)	droit	toujours	sur (dans)				
6	▒s'pt	nwš[']w	pr	ptk'wn	'krtyh					
	gauche	toujours	à	(criminelle) hétérodoxe	action					
7	▒'t	nγš'yr	rty	yw	γw'r'nt	prnγ'm				
		bêtes sauvages	et	un (le)	droit	à temps				
8	▒ty	pr'yw	L'	pt'yryδ'y	rtyšw	'yw	myδ	'γw		
		ensemble	ne pas	t'es mêlé	et lui	un	jour	ce(le)		
9	s'pt	m'δ	w'β	m'γw	'Pny	yw	mγ'wn	βr't'rt	'ym'	
	gauche	ainsi	parla	nous	voici	une	espèce	frères	sommes	
								čnn	'yw	
								d'	une	
10	m'th	'yw	'βy'	s'r	''zyt'yt	rty	čkn'č	pyδ'r	tγw	δnn
	mère	un	père	à	nés	et	de quoi	à cause	tu	avec
11	δ'm'kh	pr'yw	L'	ptr'yδ'y	p'rwty	nwš'kw	δ'wn			
	créature	ensemble	ne pas	te mêles	mais	toujours	avec			
						'ny	mrtγmt			
						autres	hommes			
12	pr'yw	pnt	'skw'y	rty	šy	nwkr	'γw	γw'r'nt	KΓH	
	ensemble	proche	demeures	et	lui	alors	ce(le)	droit	ainsi	
								pčβ nt	βr'	
								réponse	porta	

13	tγwtn	mn'	ywznk'yδ	βr''t	yš	'YKny	čnn	knδy
	toi	de moi	uniforme	frère	es	ainsi que	de	ville
							'wyh	'yw
							par	une
14	knδβry	'δw'	mrty	nyžy''nt	rty	čnn	pts'rδ	'γw
	ville porte	deux	hommes	sortirent	et	d'	abord	ce (le)
					'yw	mrty	prw	
					un	homme	par	
15	'nyw	'r'δh	wyt'rty	'Pnyn	'γw	δβty	prw	'nyw
	autre	chemin	s'en va	et	ce (le)	second	par	autre
						r'δ	rty	'YK'
						chemin	et	lorsque
16	δwr	z'yh	šw'nt	rty	čnn	'γw	'yw	kpny'sky
	lointaine	terre	s'en furent	et	de	ceux (eux)	un	pêche
						wnty	rtyn	'γw
						fit	et	ce (le)
17	δyβty	'w	kšt'yčkry'	rtγw	kpny's'k	mrty	γrβ	
	second	l'	agriculture	et ce(le	pêcheur	homme	beaucoup	
							γr'm'k. . .	
							richesses . . .	

Liste alphabétique des mots. *

[1] ''z'wnt 3, 4 — pluriel en ~ *t* de ''z'wn~ «être (vivant), créature»; cf. ''*z'y*~ «naître, mettre au monde», av. √*zan-*, scr. *jan*, pers. زادن

---

* **Abbréviations:**

DN (i. e. Dīrgha-Nakha) = Le sūtra du religieux Ongles-longs., Texte sogdien avec traduction et version chinoise. Par Robert Gauthiot. Etudes linguistiques sur les documents de la Mission Pelliot, Fasc. II. Mémoires de la Societé de Linguistique de Paris (MSL), tome XVII pp. 357—367. Paris 1912.

Gr. = R. Gauthiot, Essai de Grammaire sogdienne, Première partie (comprenant la phonétique) s. l. s. a. Communication privée.

HR = F W K Müller, Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Turfan, Chinesisch-Turkestan. II Teil. Aus dem Anhang zu den Abhandlungen der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften vom Jahre 1904. Mit 2 Tafeln. Berlin 1904.

Man. II = C. Salemann. Manichaica II. Bull. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg 1907 pp. 531—558.

Man. V = C. Salemann, Manichaica V. ibid. 1913 pp. 1125—1144.

ST = F W K Müller, Soghdische Texte I. Aus den Abh. der Königl. Preuss. Akad. d. Wiss. vom Jahre 1912. Mit 2 Tafeln. Berlin 1913.

VJ = Une version sogdienne du Vessantara Jātaka, publiée en transcription et avec traduction par M. R. Gauthiot, Journal Asiatique, Janvier-Février 1912 pp. 163—193 et Mai-Juin 1912 pp. 429—510.

ZAIW = Chr. Bartholomae, Zum Altiranischen Wörterbuch. Nacharbeiten und Vorarbeiten. Beiheft zum XIX Band der «Indogermanischen Forschungen» herausgegeben von K. Brugmann und W. Streitberg. Strassburg 1906.

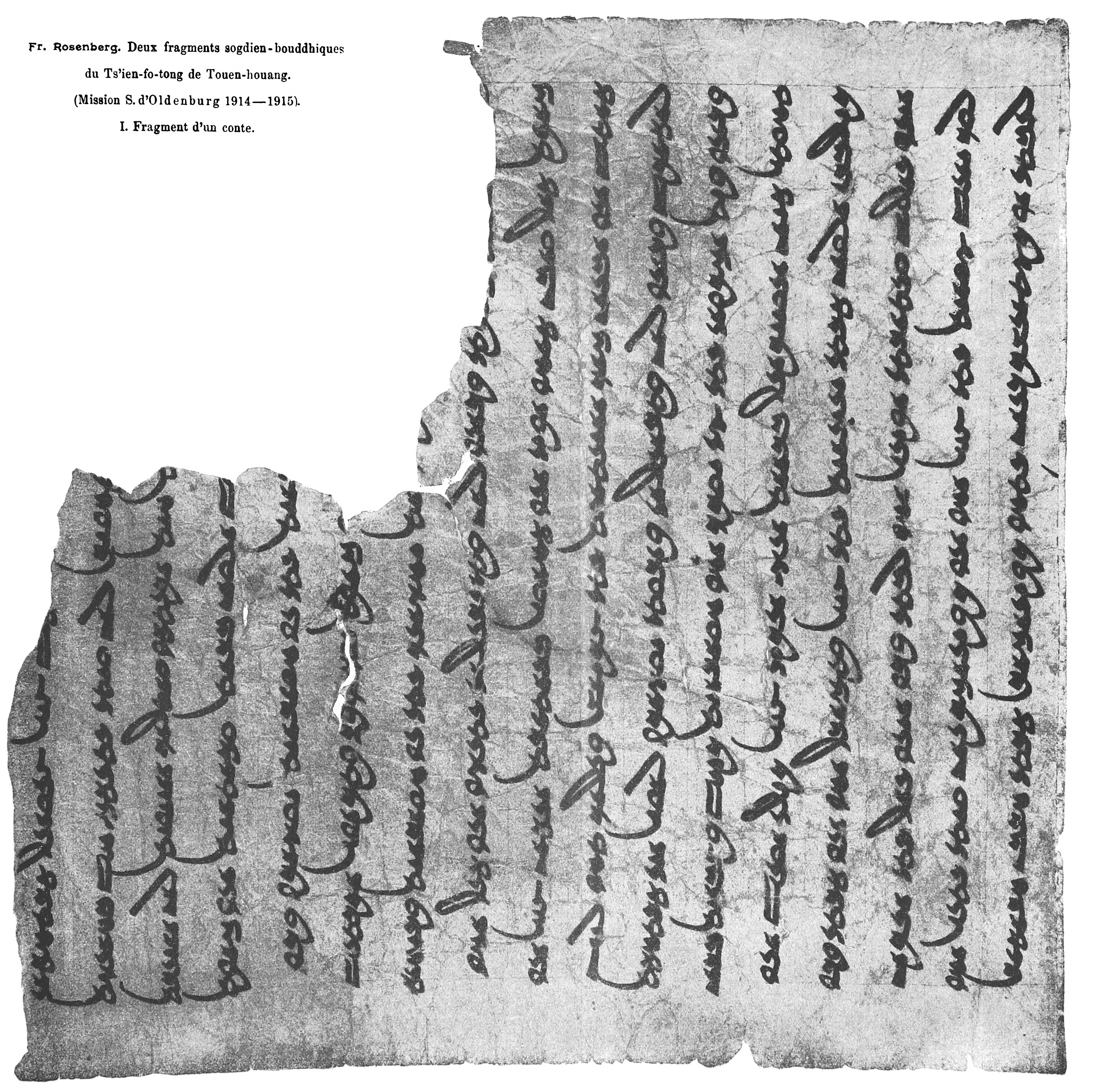
Le reste n'a pas besoin d'explication.

Fr. Rosenberg. Deux fragments sogdien-bouddhiques

du Ts'ien-fo-tong de Touen-houang.

(Mission S. d'Oldenburg 1914—1915).

I. Fragment d'un conte.

Avec cette signification, suivi ou précédé de *w'tδ r* «animé», le mot se trouve, p. ex. VJ 102 et DN 78. Plus souvent il a le sens de «progéniture, enfant», VJ 19, 26, 30 (*''zwn*), 1043, 1378 (*''zwnh*), 1479; au pluriel 1148 (cas sujet) et 1168 (cas obl.). En sogdien manichéen et chrétien on a *āžūn* [*'ažvn*], cf. HR. p. 103; ST 7, 2; 43, 15. 16; 83, 5; 84, 20. Comp. yagnobi *žūta* «enfant, fils». Muni du suffixe *y(h)*, formatif de noms abstraits *''z'wny* signifie «vie, forme d'existence» DN 21, 25, 29, 33, 38, 42, 47, 51, 55, 59, 69. Cf. *zw'n(h)* «vie» VJ 338, 987, 1178, 1256; *zw'n* DN 21. Sogd.-chrét. *živân*, *žvân*, ST s. v.; Gr. pp. 20, 40, 71, 76, 86, 89, 116, 155.

2 ''zyrt **3,** 6 — 3ᵉ personne du singulier du présent d'un verbe *'zyr*~ «faire souffrir, faire se chagriner», causatif de *'z'r*~ «souffrir». On attendrait plutôt *'z yrt*, pourtant en sogdien bouddhique la graphïe *'y* alterne couramment avec *y* (cf. Gr. p. 87); du reste, le mot faisant fin de ligne, le scribe aura pu serrer ses lettres. VJ 5ᵇ et 890 on a *'z yr t* 3ᵉ p. du subj. du prés.—Gr. pp. 76, 81, 160, cf. pp. 69, 71. Comp. p. آزردن، آزریدن، آزاریدن، ازاردن —

3 'zyt yt **10,** 5 — pluriel du participe passé ou d'une forme nominale du thème du participe *'zyt'y*+*t* de *'z'y* «naître». Pour la graphie *'zyt*~ au lieu de *'z'yt*~ voir la note précédente. Les formes en *y* alternent avec celles en *k*, *'k*, suffixe iranien d'allongement, phl. *k*, pers. ه. Comp. phl. *zātak*, pers. زاده Voir Gr. p. 178 suiv.; cf. Man. II 555.—

4 'BY **10,** 3 — «père», cryptogramme sémitique, aram. אב, phl. ابو dont l'équivalent iranien est *'ptry* (Gr. pp. 38, 40, 63, 127, 135, 167), s.-manich. *ptriy* (HR p. 102), s.-chrét. *ptr*~, *ptr*~ (ST s. v.) Sur trente fois, si j'ai bien compté, le VJ présente cinq fois la forme *'βy* (70, 353, 389, 17ᵉ, 1281); les deux formes sont employées indifféremment aux cas sujet et oblique. DN 60 a *βyw*.

5 δw' **4,** 1; **14,** 2 — «deux», formes coordinées: *δw'*, *δwy*, *δw'*, *δwy*, *δw*, *δw*. VJ 96 *δw* , 374 *'δw*, 5ᶜ *'δwy*, 62ᵉ *δ'w* (ceci peut-être faute de typographie); DN 3 *'δwy*; s.-chrét. *dvā*. Cf. Gr. pp. 46, 52, 98, 119, 138; spécialement MSL t. XVII (1911) p. 142 sq.

6 'γw **8,** 8; **12,** 7; **14,** 8; **15,** 5; **16,** 6, 11 — pronom démonstratif (atténué), v.-p. *hauv*, av. réc. *hāu*, scr. *asáu*; phl. de Turfan et sogd.-chrét. *xō*, yagn. *ax*, lurī *hṓ* (Mann). VJ et DN passim. Gr. pp. 52, 102, 152. Relativement rare en sogdien bouddhique est la forme *γw* qui, dans le VJ ne se trouve que douze fois (13, 31, 53, 59, 15ᵃ, 25ᵃ, 107, 30ᵇ, 257, 53ᶜ, 1045, 1394), une fois seulement au DN (41). À côté des fonctions du démon-

stratif *γw* a celles du pronom personnel de la 3e personne et de l'article défini. Pour yagn. *ax* voir Junker, Heidelb. Sitzgsb. 1914. 14 Abh. p. 14.

7 'krtyh **6**, 5—dérivé de *'krt~* «fait» (√*kar*) + suffixe *y*(*h*) «action, conduite» VJ 192, 1052, 1055, 1185 et passim; DN 11, 13, 14 et passim. Gr. p. 42. Très fréquent dans le sens de l'infinitif avec la graphie *krty* dont l'emploi varié répond à celui de p. كردن p. ex. VJ 43, 194, 211, 236, 277, 283, 466, 575, 636, 1086, 1462; DN 84. Sogd.-chrét. *qṭī*, ST s. v., Man II p. 548; yagn. *iktá*. — À relever la phrase: *rty mn ZKH w'βy krtyh p'krtyh βwt k m* «et l'on dira de moi que mes actes restent inaccomplis» (mot à mot «action sans-action») VJ 192. Comp. plus bas s. v. δ'm'kh.

8 'kytmw 3, 2 — à décomposer en *ky*(*ty*) pronom relatif + '*mw*(*mw*) pronom démonstratif; jusqu'ici non atteste «celui qui, quiconque», comp. pers. كه او. Voir pour *ky* (*ky*), '*kyty* Gr. pp. 52, 136, 144; pour '*mw—mw* pp. 49, 52, 60, 102, 173. Il n'y a pas lieu d'insister sur l'assonnance plutôt fortuite de '*kytmw*, lu **akitam**, **kitam**, avec phl. *katām*, paz. *kadām* p. كدام dont la forme correspondante sanscrite *katamá* présente un degrès de comparaison. Comp. Bartholomae, Indogerm. Forsch. XXXVIII p. 27.

9 'ny **11**, 8 et 'nyw **15**, 1, 8 — «autre», écrit aussi 'ny'. La forme la plus usitée paraît être '*nyw* VJ pass., DN 4, 26, 79; sogd.-chrét. '*anīv* ST s. v. Cf. les pluriels '*nyt* VJ 66[b], 450; '*nytt* 43[b] et 51[c]; *nyty* 199 s.-chrét. *nīt* ST 20,3. Notez '*nyw* '*wyn* '*ny*' «l'un à l'autre» VJ 1011.— Cf. scr. *anyá-*, v.-p. *aniya*, av. *anya-*, phl. de Turfan '*anî* (ZAIW p. 62 n. 3 et p. 113 suiv., cf. GrIrPh I, p. 294), yagn. *ani*, oss. *innä*. Cf. Gr. 33, 51, 60, 78, 170.

10 'Pny **9**, 5 — cryptogramme sémitique אפ, lu *ny* dont il est suivi et qui est son double sogdien «et, voici», très fréquent dans les textes bouddhiques, VJ et DN pass. 'Pny alterne indifféremment avec *rty* et *ny* «et». Cf. Cowley JRAS 1911, p. 165; Gauthiot, ib. p. 504 et JA, janv.-févr. 1911 p. 95.

11 'Pnyn **15**, 4 — même mot que le précédent + *n*, élément démonstratif. VJ 1137. Comp. rtyn.

12 'skw'y **12**, 3 — 2e pers. du sing. du présent de '*skw*' «séjourner, demeurer, durer». On trouve un choix des formes que présente le VJ dans Salemann, Man. V p. 1140. Cf. Gr. pp. 43, 72, 82, 92, 144, 157.

13 'w **17**, 2 — pronom démonstratif atténué, personnel de 3e, article; iran. *ava-*, phl. [illegible] = [illegible], paz. *ōi*, *ō*, pers. او, yagn. *au*. Gr. p. 60 «ce, cette,

il, elle», p. 101 «celui-là». On a *'w* VJ 56, 794, DN 7, 36, 46, **74**, 78, 83. Des neuf endroits marqués six fois *'w* précède l'accusatif; on a deux variétés de l'accusatif de relation: DN 74-75 où on lit *'zw ny kδry 'prw γrβ'm 'skwn 'myn šyr γnt'k 'w 'krtyh 't 'w ptwrw* «je connais à partir de maintenant le bien et le mal pour ce qui est des actions et des récompenses», et DN 83: *rty ms 'w δyβty ny čšty 'ywγwnčyδ w'β* «puis il parla ainsi une deuxième et une troisième fois». Comp. phl. de Turfan *'ô*, prénom de direction, p. ex. HR p. 74 (M. 324, 11) et p. 94 (M. 28, 10), cf. ZAIW p. 102.

14 'wy 13, 9 — préposition «à, en, sur, avec». VJ passim, DN 2, 76. Voir Gr. pp. 60, 119. On trouve souvent les graphies *'wyh* et *'wyn*, p. ex. VJ 466, 502, 991 etc. Le *h* n'est que purement graphique, l'*n* présente probablement le même élément démonstratif que dans *'Pnyn*, *rtyn*.

15 'YK' **15**, 11 — cryptogramme sémitique, aram. איך, assez fréquent «comme, lorsque», l'équivalent iranien en est *č'n'kw (čn'kw)*, *č'n'w*. VJ 11[b], 44[b], 203, 959; DN 63, 67, 69, 85. Comp. 'YKny.

16 'YKny **13**, 6 — même cryptogramme + *ny* «comme, ainsi que». L'emploi de *'YK'* est plutôt temporel, celui de *'YKny* plutôt comparatif, bien que la différention ne paraisse pas rigoureusement observée. VJ 1448; DN 16, 19, 36, 63, 69. Cf. FWKMüller, Berl. Sitzgsber. 1909 p. 728 et 729 *'aykânâk* «wie».

17 'ym' **9**, 9 — 1e pers. du pluriel du présent «(nous) sommes». FWKMüller, Neutest. Bruchst. p. 263, cf. Man. V p. 1137.

18 'yš 13, 5 — 2e pers. du singulier du présent «(tu) es» VJ 310, 320, 796, 929. Gr. pp. 83, 161. Sogd.-chrét. *'iš* ST, s. v.; Man. II p. 555 et V p. 1137. Comp. yagn. *wišt*, *išt*.

19 'yw **4**, 4; **8**, 6; **9**, 6, 11; **10**, 2; **13**, 10; **14**, 9; **15**, 9; **16**, 7, — «un, l'un (s'opposant à l'autre), celui-ci» numéral, adjectif, pronom démonstratif atténué, article indéfini; alterne avec *yw*, seule forme du sogd. chrétien. Comp. MSL XVII p. 139 suiv., cf. Junker, Heidelb. Sitzgsber. 1914 XIV p. 21 où l'on trouve réunies les différentes formes des dialectes du Pamir; oss. or. *yu*, Miller p. 43; yagn. *ī*., lurī *yu* (pron de 3e) Mann, Berl. Sitzgsber. 1904 (XXXIX) p. 1183. Voir pour la variation des formes dialectales Tomaschek, Centralasiat. Studien II p. 87 et GrIrPh. I, 2. p. 316.

20 'ywznk'yδ **13**, 3 — adjectif composé de *'yw* «un» + *znk* ~ «sorte, espèce» + *yδ*, pronom démonstratif «d'une espèce, du même genre, unique».

Sous cette forme le mot n'est pas attesté jusqu'ici. On a *'ywznk'* «pareil, de cette manière, ainsi» DN 16, 19, 67, cf. Gr. pp. 98, 160. *°yδ* est formé comme *'ywγwnčyδ* (VJ 39, 1447, DN 83, 85, Gr. p. 98) qui, à peu près, a la même signification. Les formations au moyen du démonstratif *yδ — yδ* sont assez fréquentes (VJ 364, Gr. 137, cf. *yδčw* DN 52), v.-p. *aita*, av. *aeta*, phl. de Turfan *'êd*, איד (ZAIW p. 93 et Salemann, Man. Stud. I, p. 52), yagn. *it*, *iti* (cf. Junker, Hdlb. Sitzb. 1914 XIV, p. 23), pers. این. [Outre *'ywγwnčyδ* on a, par ex., les démonstratifs *čym yδ* et *čyw'yδ* = *č* + **ima* + *yδ* et *č* + **awa* + *yδ* «de ceci, de cela», *ywn'yδ — ywnyδ* (*ywny* + *'yδ*) «aussitôt, de suite» et autres. Cf. *wyδ* VJ 4[a], 1415; DN 11, 62 (*wyδh*), 86; *m yδ* VJ 16[a], 901, 937, 1447. Comp. Bartholomae, Indogerm. Forsch. XXXVIII p. 29].

21 βγ yšt **2**, 6 — pluriel de *βγ* ∼ «les dieux» VJ 98 (*°šty*), 907; DN 6, 86. Une autre forme du pluriel est *βγ n(h)* VJ 17, 1396, 1443. Sur le pluriel en ∼ *išt* voir Tomaschek, Centralasiat. Studien II p. 833 (101), Geiger, GrIrPh. I, 2 p. 314; cf. Horn, ibid., p. 182; comp. Man. II p. 556.

22 βr' **12**, 11 — 3[e] pers. du sing. du passé. de *βr* ∼ «porter», pers. بردن VJ passim, DN 73; le plus souvent avec *nm'čyw* «prière, hommage», pers. نماز p. ex. VJ 17, 74, 34[b], DN 73; avec *pčβ nt* «réponse» VJ 172, 5[a], 550, 564, 607, 665, 775; avec *prm nh* «ordre» 1386; *ptγ m* «message» 1390; *ptškw'n* «réplique, parole» 1415. Cf. Gr. pp. 40, 58, 90, 124, 129, 167.

23-24 βr 't **13**, 4 et βr't **4**, 2 (graphie réduite) — «frère». Dans les textes bouddhiques publiés ces formes ne sont pas attestées; en s.-chrét. *brât* se trouve ST **33**, 15. La forme commune paraît être *βr'tr* = brâṭar ST 7, 1 (16, 5), plur. *°rt* 26, 3 (voir plus bas). Cf. Gr. pp. 37—38; Horn, n° 192.

25 βr't'rt **9**, 2 — pluriel de βr't r «frère». Voir la note précédente. Gr. pp. 45, 71, 72, 129, 135, 167. En sogdien ∼ *t* est le formatif courant du pluriel, cas obl. ∼ *ty*, également en yagnobi, GrIrPh I, 2 p. 337; l'ossète a ∼ *tā*, obl. ∼ *t*, Miller, ibid. Anhang p. 40. Cf. kurde *te* Socin, ibid. p. 278.

26 čkn č **10**, 7 — *č* + *kn* + suff. *'č* (alternant avec *'k*, cf. Gr. p. 171), adverbe interrogatif «d'où» VJ 150, 152, 406, 58[c]. Ici, suivi de la postposition *pyδ r* «à cause de» (voir plus bas), il prend le sens de «pourquoi» qu'il ne semble pas avoir aux endroits cités du VJ où Gauthiot le traduit

pourtant par «pourquoi» (à l'exception de 152 où l'on a «d'où»); avec la même signification *čkn*~, *čkn'č* et *čkn'k* figurent Gr. pp. 144 et 171. Les éléments interrogatif *-k-* et démonstratif *-n-*, précédés de la préposition *č-* (vieux p. *hačā*, av. *hača*, pers. از) qui constituent le mot, n'indiquent pas nécessairement, nous semble-t-il, qu'il s'agisse d'un interrogatif de cause.

27 čnn **1**,2; **9**,10; **13**,7; **14**,6; **16**,5 — préposition «de»; *č* + l'élément démonstratif *n*; *č-* représente iran. *hača* qui en sogdien devait d'abord donner *'č*, forme attestée dans les documents Stein, phl. *ač*, pers. از (Gauthiot, JRAS 1912 p. 344; cf. Junker, o. c. p. 16 suiv.). La graphie en sogd. bouddhique est *čnn*, en sogd. chrétien et manichéen *čn*. Gr. pp. **49**, 58, 153, 171. Alterne avec *č'wn* = *č* + démonstratif *w* + *n*, Gr. pp. 119, 153, 171. Comp. Tomaschek, Centralas. Stud. II p. 835 (103) *tsa-*, *sa-*, *ats-*, *az-*. Cf. «iranien oriental» (tokharien) *haṁtsa, hatsa,* Pelliot MSL XVIII p. 122.

28 čyw yδ **1**,3 — *č* + **awa* + *yδ* — littéralement «de celui-là, de ce-là». Forme analogue: *čym yδ* = *č* + **ima* + *yδ* «de ceci» Gr. pp. 119, 153, 175. Souvent suivi de *pyδ'r* (voir plus bas s. v.), signifiant alors «à cause de cela, pourquoi» VJ 369, 62^d, 498, 943, 1494; ST s. v. La préposition *č-*, devenu préfixe, s'est si étroitement fondue avec le reste, qu'elle n'est plus sentie et que *čyw yδ* est traité comme simple démonstratif lequel, à son tour, peut être précédé, comme ici, de la préposition *čnn*, p. ex. ST 34,4 et 82,5. Voir également VJ 954 suiv.: ...*rtyšn 'βr 'γw rš k pr''mn myδ'kw ny wyγ ny wrkr ny ''ph čyw'yδ ''δčw čwty γwty γwr'y* — «et le brahmane ermite leur apporta des fruits et des feuilles et des racines et de l'eau, (littéralement) *cela tout* que lui-même mangeait». Comp. *čnn čyw nt krtyh* «par la vertu d'une telle action» DN 22, 26 et pass. — Une formation analogique est *δyw'yδ* VJ 137, 1063, à décomposer en **haδa* + **awa* + **aita*.

29 *δ* m kh **11**,1 — av. réc. *dāmay-*, phl. *dām*, pers. دام formé de *δ m* au moyen du suffixe d'élargissement *'k*. Ici «créature vivante, animal», opposé à «humain». VJ 1205 présente la forme *δ'm'γytyh* cas oblique du pluriel d'un singulier *δ'm'γγ*, même sens. A côté de cela *δ'm (δ'mh δ'mw, δ'my)* signifie également «monde», p. ex. VJ 1007 *mrtym'k δ mh* «le monde des humains»; [DN 13 *prβ yrt δ'r'y KΓH ny ZNH δ my čnn γypδ krty* serait peut-être à traduire: tu as exposé que ce monde de soi-même est devenu (*'krty* factus est = s.-chrét. *qtī*, cf. Man. II p. 554); Gauthiot a «[résulte] de ses propres actes»]. — *δ'm'k* est à

δ'm ce qui *mrtym'k* est à *mrtym*.— Cf. VJ 1007; Gr. pp. 72, 137, 174; 76, 147 (*δāmēx~).

30 δ'wn **11**, 7 voir δnn.

31 δβty **15**, 6—«deuxième, l'autre», ordinal de *δw'*, *'δw*, *δwy*, *'δwy* «deux». D'autres formes sont *δβtyk, δβtyw* (VJ 290, 376), *δyβty* (VJ 90, 241, 867, 1340, DN 83), *δyβtyk, δyβtyw* (VJ 1068). Voir Gauthiot, À propos des dix premiers noms de nombre etc., MSL XVII (1911), spéc. p. 144 suiv.; Gr. pp. 45, 83, 120, 135.— En sogdien chrétien on a les formes *dbiṭīq* et *dbṭīq*, ST s. v.

32 δnn **10**, 10 — préposition «avec, dans», formé d'un ancien **aδ* (av. *haδa*, v.-perse *hadā*) + l'élément démonstratif ~*n*, comme *čnn* de *hača* + *n*. VJ 141, 189, 399, [1022]; suivi de *pr'yw* «ensemble» VJ 274, 823, 1291, 1310, 1370; Gr. pp. **49**, 58, 137; cf. ZAIW p. 242. Alterne avec *δ wn*, formé par intercalation de *'w* (*awa), comme *č'wn* de *čnn*; cf. Gr. 119, 137, 171.— S.-chrét. *dan* est, à ce qu'il paraît, toujours suivi de *parō* ST s. v.; cf. note 64.

33 δwr 16, 1 — «loin, lointain» scr. *dūre*, av. *dūra*, v.-p. *duraiy* (au loin), pers. دور VJ 373, 1140; au cas oblique **116** (*δwryh*), 117, 140, 156, 1432; *δwr'h* (sic) DN 69. Gr. pp. 14, 89, 137, 167. Comp. plus bas s. v. z'yh, note 90.

34 δyβty **17**, 1 voir δβty.

35 γnt **3**, 1 — 3e personne du pluriel du présent du verbe substantif «ils sont», issu, d'après Gauthiot, Gr. p. 152, d'une forme enclitique à ancien ***h**. Cf. vieux-perse *ha(n)tiy*, pāz. *hēnd*. Selon la loi découverte par le prof. Andreas (FWKMüller, Uigurica p. 3, n. 3) le *h* iranien en sogdien passe à *x*, noté *γ*.— VJ 53, 159, 24b, 1245, 1455; DN **15**; Gr. p. **151**, cf. p. 58. Même forme en sogdien chrétien.

36 γr'm'k **17**, 8 — «richesses, bien» VJ 496. Selon Gauthiot à prononcer *γ'rāmāk* (Gr. p. 77); FWKMüller lit *γarâm-â(ê)*, voir ST 40,7, 44,4; 45, 10. DN 79 a *γr m'y*.— Sur l'alternance des suffixes *'k* et *'y* voir Gr. p. 179.

37 γrβ **17**, 7 — «beaucoup» VJ 18a, 180, DN 66; γrβy VJ 44, 45, 46, 47, 66, 106, 313, 832, 1417, également dans l'inscription de Karabalgassoun (Berl. Sitzgsber. 1909 p. 727). Selon Gauthiot à vocaliser *γ°raβ (Gr. pp. 46, 129, 145, 168), en s. chrét. on lit *γarf*, ST s. v., au pluriel *γarfṭ*, ibid. 20,3; 29,8; cf. *γarfṭêšṭ* 37,4 et Man. V p. 1132. Comp. av. *garav*, scr. *gurāv-* dont on a rapproché phl. *garān*, pers. گران comp. AIW p. 514; cf. Horn, n° 898, où, d'après le Burhān-i

Qātī il est fait mention de la forme گرای. Comp. av. *aγrav-* AIW p. 49 et phl. de Turfan *'agrâv* «ledig, jungfräulich» HR pp. 59 et 75; Man. Stud. I p. 45; ZAIW p. 99. Indépendamment de *γrβ* le sogdien connait également le mot *γr'n*, *γr n(h)* (cf. Gr. p. 46 *γ'rāu, *γ'rān^a^), attesté dans les textes, VJ 2, 400 et DN 61, avec la signification «lourd, enceinte», tout comme en persan.

38 γw'r'nt **5**,3; **7**,4; **12**,8 — en sogdien chrétien *γw'r'nt* [écrit *xvârant* ST 23,3; 79,4 et *xvârânṯ* — ܚܘܪܢܛ, ibid. 85,19] et son opposé *s'pδ* [*sâpaṯ*] ont le sens bien arrêté de «droit» et «gauche», tandis qu'en sogdien bouddhique les deux mots semblent avoir conservé leur signification primitive de «brillant, glorieux, bon», et du contraire (voir plus bas s. v. s pδ). Dans les textes bouddhiques publiés γw r'nt n'est attesté qu'une seule fois, savoir VJ 6 où l'on lit: . . .*myn'w čnn γwyr βγy ny 'βt čynt'm'n rtny nyzy rty mn' ZKwyh γw'r'nt 'pkšy' tys* ce qui est traduit: «un esprit (?) sortit du dieu soleil et des sept joyaux cintāmaṇi et une émanation brillante me pénétra». Sur l'exemplaire du Vessantara Jātaka qui avait appartenu à M. Salemann je trouve sous les mots *γw'r'nt 'pkšy'* — noté au crayon de sa main: «rechte Seite» et, dans la traduction, la phrase «et une émanation brillante me pénétra» remplacée par: «et pénétra dans mon côté droit». [Quant à l'étymologie de *pkšy'* Gauthiot (Gr. p. 162) le rapproche de **karš*, Salemann a pensé, paraît-il, à scr. *pakṣas* «aile, côté, moitié»; cf. ossète or. *äwwäxs*, oss. occ. *än-wäxs* «nahe, angrenzend», Miller p. 31]. — Comp. av. *x^v^arenah*, v.-p. *∼farnah* («mot savant» Meillet, MSL XVII p. 107 sq. et Gramm. du Vieux Perse pp. 25, 56, cf. p. 146), pers. فرّخ، فرّ، خرّه [Cf. sogdien *γwr*, *γw'yr*, *γwyr* «soleil» VJ 7, 40, 363, 1107, 1262, 1446; Gr. pp. 58, 79, 150, 168]. — Dans notre fragment *γw'r'nt* et *s'pδ* sont employés évidemment dans le sens de «beau et vilain», «bon et méchant».

39 . . .γwnk **2**,1 — seconde partie d'un composé de °*γwn* + suffixe *k*. Cf. av. *gaōna*, pers. گونه، گون «couleur, façon, genre» etc. Gr. pp. 95, 101, 171. VJ 988, 1183 on a *γwn γwn* «de toutes espèces». Cf. s.-chrét. *γōné* ST 43,15; 45,17.

40 KΓH **12**,9 — cryptogramme sémitique des plus fréquents dans les textes bouddhiques, cf. כָּכָה lu probablement *m δ* «ainsi», VJ et DN passim. Suivi de *ny* ou de *'Pny*, KΓH est employé au sens de «afin que, pour que, de façon que», p. ex. VJ 346, 418; DN 36.

41 knδy **13**,8 — cas oblique de *knδ(h)* (*kanθ) «ville» VJ 49, 130, 350, 373, 488, 832, 891; DN 2. Au pluriel *knδth* VJ 979, 1172; s.-chrét.

kant,`kat ST s. v.; Gr. pp. **31**, 109, 111, 143, 171. — Cf. «iranien oriental» *kantha, kaṁthi,* Leumann, Zur nordarischen Sprache u. Literatur (Strassburg 1912), p. 110; cf. Pelliot, Un fragment du Suvarṇaprabhāsasūtra, MSL XVIII p. 121.

42 knδβry **14**,1 — cas oblique de *knδβr(w)* i. e. *knδ* + *δβr*~ «porte de ville», attesté jusqu'ici seulement au pluriel (obl.) *knδβrty* VJ 43, ce qui a probablement servi aux notes Gr. p. 63 et 105. Pour *δβr(w)* «porte» voir Gr. pp. 90, 167; s.-chrét. *dbar*~ ST 39,5. Cf. scr. et av. *dvar*~, v.-p. *duvar*~, phl. *dar,* pers. در, oss. *dvar,* yagn. *divar,* šign. *divér,* sariq. *divir,* russe *дверь*.

43 kpny s k **17**,5 et kpny'sky' **16**,8 — *kp* + *ny* + *'s* + *'k* + *y'*. Dans la première syllabe de ce composé je vois le cas sujet du mot qui sous la forme ܩܦܝ — *qapī* ST 19,6 rend le grec ἰχθυων de l'Évangile de St. Jean 21,6. Dans l'édition de FWKMüller en dessous du mot est marquée une barre pointillée, ce qui, dans les textes bouddhiques au moins, indique un *deleatur* (Introduct. au VJ p. 165). Dans les textes bouddhiques publiés le mot n'est pas attesté, dans la Grammaire de M. Gauthiot il figure cependant trois fois sous la forme *kp'*, servant d'exemple d'un *a* bref sous l'accent, d'un *p* intérieur et d'un *k* initial. Je ne connais ni la provenance, ni l'étymologie du mot. Le second élément *ny* représente le préverbe indo-iranien connu *ni*~, donnant au verbe le sens de «en bas», lequel, précédant le thème *s*~ ou *''s*~ «prendre» constitue le verbe *ny's*~, *n y s*~, dont plusieures formes sont attestées dans nos textes, à savoir: 1) *n y s* — sing. 3e p. de l'imparfait VJ 36b, 848, 863, 1194, 1210. 2) *ny s'y* — sing. 3e p. de l' «optatif» (Salemann, Man. V p. 1142 suiv.) VJ 1021. 3) *ny't'y* participe passé ou adjectif verbal, formé avec le suffixe *'y* = *'k*, DN 12. [Dans une note marginale se rapportant à cet endroit, M. Salemann propose de voir dans la locution *ptr'β''y ny't'y* une espèce d'ablatif absolu, signifiant «baculo prehenso», M. Gauthiot la rend par «muni d'un bâton»]. 4) en sogdien chrétien: *niyâsîm* — plur. 1e p. de l'indic. ou impér. «(wollen wir) nehmen» ST 21, en marge, 5) *niyâstâ* — plur. 2e de l'impératif «nehmet hin» ibid. 24,4. 6) *niyâsdârant* (restitué) plur. 3e du prétérit, ST 21,8,9. [Comp. yagn. *näs*~, thème du présent et *nāt*~, thème du passé, GrIrPh I, 2 p. 340; également *nāta* — participe passé passif dans la phrase *tau ipārá nāta* «du hast viel genommen» ibid. p. 341; pour yagn. *ăs,* Junker, Heidelb. Sitzber. 1914 XIV p. 34]. Le reste du composé est, pour le premier, le suffixe *'k*, pour le second le même

suffixe, forme brève *-k* + *y'* suffixe de noms abstraits, phl. *īh*, pers. ی (ou bien le suffixe *ky'* cf. Man. II p. 555 suiv.). *kpny's'k* serait donc «pêcheur», *kpny'sky'* «pêche», allem. «fisch-fäng-er» et «fisch-fäng-erei».

44 kšt'yčkry' **17**, 3 — «agriculture». La première partie du composé *kšt* ~ répond exactement à av. *karšta* ~, phl. *kišt*, pers. کشت, *š* étant en sogdien l'équivalent normal de indo-iran. *-rš* (cf. Gr. p. 162), la fin du mot semble être un substantif verbal, dérivé du thème *kar* ~ au moyen du suffixe *y'* (voir la note précédente). Quant à la partie du milieu *-'yč-*, il s'y agira d'une des formes complexes du suffixe *k* > *č*, **īk* > **īč*, écrit *yč*, *'yč*. [Il y a des cas attestés, où *-č* se fond complètement avec le radical et devient inséparable du thème auquel il est attaché, p. ex. dans *γw'yč(h)* «douleur» *''δ'yč* «don», *pt'yč(h)* «au devant», *marc* «mort», pers. مرگ et autres, Gr. p. 154, cf. p. 143]. S'il en est ainsi, nous avons affaire à un substantif *kšt'yč(h)* «champ de labour» + *kry'*, nom abstrait de √*kr*, qui aurait son équivalent dans le persan کشتکاری «agricultura» Vullers, Lex. s. v. —

45 L' **2**, 2; **3**, 5; **8**, 3; **11**, 3 — cryptogramme des plus caractéristiques pour les textes sogdien-bouddhiques, représentant la négation sem. לא lu probablement *nē* comme en pehlevi; s.-chrét. *nê(nē)*, *nî(nī)* ST s. v. Voir Gr. pp. 12, 14, 166; Cowley, JRAS 1911 I p. 166; Gauthiot, ibid. p. 498.

46 m'δ **9**, 2 — adverbe (et adjectif) démonstratif «ainsi» («ceci»). Comp. v.-p. *avaϑā*, av. *avaϑa* «ainsi, de cette manière là». Nous aurions dans *m'δ* (*māϑ) une formation parallèle à *avaϑa* au moyen du dém. **ima* au lieu de **ava*, laquelle fait défaut en vieux-perse et en avestique, cf. Meillet, Gramm. du vieux-perse p. 170. — VJ 166, 189, 37[b], 234, 239, 285, 306, 311, 813, 1159, 1478; DN passim, écrit *m't* DN 20, 23. — Voir Gr. pp. 73 et 173. L'idéogramme sémitique, beaucoup plus fréquent que son équivalent iranien, est *KΓh* q. v. note 40. Cf. *m'yδ* VJ 16[a], 901, 937, 1447; DN 36. Gr. p. 98.

47 m'γw **9**, 4 — pronom de première personne du pluriel «nous», s.-chrét. *māx* ST pass.; *'imāx* 82, 2; en écriture sogdienne *maxu* (*mγw*) 86, 10 et facsimile II; cf. Man. II p. 543. V.-p. *amaxam* (gén.), av. *ahmākəm*, scr. *asmākam*; oss. *max*, yagn. *māx*, pers. ما — Gr. pp. **49**, 73, **147**, 173.

48 m'th **10**, 1 — «mère» VJ 354, 376 (cas obl. *m'tyh*), 1285; DN 60. Sogd.-man. *mâ'at* (= m''t) HR. p. 101. Pour les formes correspondantes dans les autres langues iraniennes voir Gr. p. 37, cf. pp. 73, 136, 173.

49 mγ'wn **9**, 7 — *m* (*ima) + *γ'wn*, av. *gaonah*, phl. *gōn*, pers. گون, «de cette sorte» VJ 61; précédé pléonastiquement du cryptogramme démonstratif *ZKw* VJ 1188, *ZKh* 276, 357, 1427. Cf. Gr. p. 101. Sogd.-manichéen *maγûn* HR p. 101 (11) et p. 103 (8) *'îv maγûn vaβât*.— Cf. ST 33, 22: *čan maγōn yhûd 'at čan 'ōrišlim* «von ganz (sic) Judaea und von Jerusalem».

50 mn' **13**, 2—pronom de première personne du singulier, au cas oblique dont le cas sujet est *'zw;* sert également de pronom possessif. VJ. 8, 144, 314, 326, 887; ST s. v.— Gr. pp. 59, 171, 173; Man. II p. 556.

51 mrty **14**, 3; **14**, 10; **17**, 6 — = *mrt* «homme». Le *-y* ici n'est pas l'indice du cas oblique, comp. v.-p. *martiya* (avec suffixe *iya*, Meillet, p. 139), yagn. *morti* (GrIrPh. I, 2 p. 304). VJ 837, 863; cf. *mrt mrt* VJ 52, 6ª, 277 «tous, chacun», «Mann für Mann». Même forme en s.-chrét. voir ST s. v.— Gr. pp. 59, **93**, 109, 136, 168, 173. Comp. pour le rôle du cas oblique en *y* (ě) Gr. p. 31.

52 mrtγmt **11**, 9 — pluriel de *mrtγm* «homme, humain» = *mart* + *toxm* *(Andreas),* pers. مردم. La forme *mrtγmt* n'était pas attesté jusqu'ici; peut-être ne mérite-t-elle pas une confiance absolue, puisqu' il s'agit d'une fin de ligne et que tout le mot a l'air mâchuré. Les pluriels attestés du collectif *mrtγm* ~ sont °*m't* DN 3, °*myt* DN 86, au cas obl. °*myty* VJ 137, °*m'yt* VJ 835, DN 6; à l'exception de la première, laquelle pourrait être une graphie pleine pour °*mt*, ces formes peuvent aussi bien appartenir à un singulier *mrtγm'y* > **mrtγmy* (voir la note suivante). Cf. Gr. pp. 136, 149.— [Particulièrement intéressante est la forme *mrtγm'n* de VJ 1048 où l'on a: *'zw mrtγm'n γwt'w swδ''šn wδwh 'ym* «je suis l'épouse de Suδāšan, roi des hommes» (cf. *pyδ'n γwt'w* «roi des éléphants» VJ 68, 170, 173 etc.). Ici les fonctions de l'ancien génitif (en ~ *ānām*) lequel, généralisé, a donné naissance au pluriel persan ordinaire en ~ *ān,* semblent être conservées. Pour *mrtγm'n* dont, comme on sait, il n'y a pas de correspondant ni en avestique, ni en vieux perse, il s'agit, paraît-il, d'une formation par analogie, calquée peut-être sur *βγ'n* (issu de *βagānām*), qu'on rencontre souvent dans les textes bouddhiques en qualité de cas oblique du pluriel de *βγ* «dieu», dont le cas sujet ordinaire est *βγ'yšt* (voir plus haut s. v.). Dans le VJ *βγ'n(h)* ne se trouve qu'avec la valeur du datif (17, 1396, 1443), dans un autre texte, non encore publié (O²), on le lit, p. ex., sous la forme de *βγ'ny βγtm* «le plus divin des dieux» comme épithète du Bouddha; la désinence du cas obl. ~ *y* semble prouver, que dans

ce cas-ci *βγ'n* a été senti et traîté comme un nominatif. Cf. Gr. p. 31. Comp. Meillet, Le génitif du vieux perse MSL XVII, p. 191 sq.].

53 mrtγm'y **1**, 4 — *mrtγm* + suff. *'y*. Même sens collectif que le précédent. VJ 123, 258; cf. 1097 où le mot a été rayé et remplacé par *mrtγm'k* qu'on lit encore VJ 52, 937, 938, 947, au sens tantôt collectif, tantôt singulier. [Comp. av. *mašya* : *mašyaka*]. Cf. *mrtγm''kty*, cas obl. du pluriel, VJ 395. Sur l'alternance des suffixes *'y* et *'k* voir Gr. p. 178 suiv. Cf. ST s. v. *martoxm-é*. Pour le pluriel voir la note précédente.

54 myδ **8**, 7 — «jour» VJ 17ᵃ, 55, 90, 349, 867, 874, 1034; DN 66, 68; *myδ myδ*, pers. روز بروز VJ 114, 131, 971, 1368, 1460; Gr. p. 173; *nwr myδ* «le jour présent, aujourdhui» VJ 445, 1108; DN 75. Sogd.-chrét. *mēd, mêδ-i, mêt, mît,* ST s.-vv.; Man. II p. 543. Yagn. *mīt,* GrIrPh I, 2 p. 343,23, mais comp. *mēš*, Junker, o. c. p. 13; šiγni *meth,* sariq. *math;* Tomaschek, Centralas. St. II p. 17 (749) rapproche le mot de $\sqrt{m\bar{a}}$ «mesurer».

55 nγš'yr **7**, 1 — «animal sauvage, gibier» VJ 949, 1062, 1371, 1509 (plur.) Gr. pp. 98, 149, **154**, 170. Pers. نخچیر, yagn. *nakhğīr* «le bouc», Tomaschek, op. cit. p. 30.

56 nwkr **12**, 6 — «puis alors, ensuite, une autre fois», de **naua-kara* (Gauthiot) VJ passim, DN 7, 62, 84; Gr. pp. **96**, 102, 144, 168, 170. ST s. v. *nūqar*; Man. II p. 543.

57 nwš'kw **5**, 4; **11**, 6 et

58 nwš'w **6**, 2 — «éternel, immortel, durable» de **anauša* (Gr. p. 49, 161, 170), av. *anaoša*~, phl. *anōšak*, p. انوشه ‘ نوشه ‘ نوش ‘ نوشین oss. *änoson*. VJ 226 *nwš'k,* cf. s.-chrét. *nošač* ST s. v. et Man. II p. 543. — Ici employé adverbialement avec le sens «perpétuellement, tout le temps, toujours». Il n'est évidemment pas fait de différence entre *nwš kw* et *nwš'w* dont la lecture est assurée sur l'original, bien que le papier à l'endroit soit fortement abimé. [Dans *nwš kw* il y a encore le suffixe *-k*]. Le mot ayant pris la valeur d'un adverbe courant, il serait possible, qu'il eût subi la contamination d'autres mots courants, tels que, p. ex., *č'n w : č'n'kw* «lorsque». — [Comp. pers. جاوید et arm. *յաւետ* «éternel» (av. *yavaēǰī*), qui sont également employés dans le sens de «toujours», cf. ZAIW p. 214].

59 nyžy'nt **14**, 4 (la valeur de ž est marquée par un point à la droite de la ligne) — 3ᵉ pers. du pluriel du prétérit du verbe *nyžy*~, *nžy*~ = préverbe indo-iran. *niš-* (devant sonore *niž-*) + $\sqrt{\bar{i}}$ — «sortir», Gr. pp. 166, 170;

comp. Meillet, Gr. du vieux perse p. 64 et MSL, XVIII (1913) p. 380. Des formes nombreuses de ce verbe sont attestées dans le VJ et également en sogdien-chrétien (cf. ST s. v. *nîž-*). On trouve la 3^e p. du pluriel VJ 892; la 3^e du sing. est *nyžy* VJ 7, 18^a, 31^c, 458, plus souvent *nyž'y*, ce qui n'est qu'une autre graphie, p. ex. VJ 349, 353, 13^b, 510, 1258 etc.; yagn. *aníž* GrIrPh. I, 2 p. 343,19; cf. Junker, op. cit. p. 29 (*anéž*).

60 p'rwty **11**, 5 — adverbe de l'opposition «mais, car» VJ 57^b, 462, 948, 1109, 1285, 1383. Comp. *p rny* même signification, textes passim. Gr. p. 125.—Comp. av. *parā̆* et gath. *parə*, av. réc. *parō* «ausser, abgesehen von» AIW p. 857. — Il n'y a guère lieu de songer à pers. فرود ، فرو cf. Horn, n° 825. Voir aussi Tomaschek, Centralas. Stud. II p. 105.

61 pčβ'nt 12, 10 — **patiš-* > **patš-* = **pač* > *pč* + *β'nt* [cf. √*van* «wünschen, erflehen» AIW 1353; comp. «tokharien» *weñ-* «dire» MSL XVII p. 285] «réponse, réplique» VJ 172, 5^a, 550, 564, 607, 665, 775, suivi toutes les fois de *βr* . Voir plus haut note 22.—Gr. pp. 73, **100**, 129, 171.

62 pnt 12, 2 — adjectif et adverbe «proche, auprès» VJ 130, 254 (*pnt ny pry* «proche et aimé»), 395, 845, 1057, 1255, au comparatif *pntr* 924.—Gr. pp. 35, 59, 125, 159; ST s. v.

63 pr **6**, 3 — *par de *upari, préposition «à, sur, dans», répondant à pers. به dans toutes ses applications; VJ et DN passim. Gr. pp. 41, 49, 59, 126, 168. Comp. *prw*, note 65.

64 pr'yw **8**, 2; **11**, 2; **12**, 1 — postposition «ensemble», écrit, avec cette valeur, toujours en un mot, (séparé *pr 'yw* n'est que «à un, sur un» p. ex. VJ 1379) et toujours précédé de *δnn* «avec» (voir note 32), p. ex. VJ 274, 823, 1291, 1311, 1370, ou de *rm* «en compagnie» VJ 282, 288, 325 et passim; DN 3. [Pour *rm* comp. pers. رم ، رمه «troupeau», phl. *ramak*, arm. *eram*, *ram*, cf. Horn, n° 620]. En sogdien chrétien à *pr'yw* répond *parō*, précédé de *dan*, ST s. vv.

65 prw **5**, 5; **14**, 11; **15**, 7 — préposition «à, sur», forme longue (à deux syllabes **parō*) de *pr*. Souvent employé adverbialement dans le sens de «en plus, sur ce, à cause de ceci» = *pr* + *w*, VJ 2, 311, 813, 1478. Alterne avec la forme à prothèse *'prw* DN 74. Voir Gr. pp. **41**, 49, 63, **102**, 126, 168.

66 prnγ'm **7**, 5 — «aussitôt, sur-le-champ» *pr* + *nγ m* (lire *anγām avec prothèse), cf. v.-p. **hangāma*, phl. *hangām*, paz. *ōgām*, p. هنگام ، انگام cf. arm. *angam;* comp. av. *aiwigāma* «hiver», yagn. *γom* (dans *it'γom* =

pers. *ḥālā* chez Junker, o. c. p. 31. En sogdien chrétien *naγâm* est «Stunde, Zeit» ST s. v. Le *pr 'nγ w* (avec prothèse) de VJ 129 «sur-le-champ», si toutefois le *w* n'est pas simplement une faute d'impression pour *m*, n'aurait, comme on sait, rien de particulièrement troublant.

67 pt'yryδ'y **8**, 4—à décomposer en le préverbe *pt-*, ancien **pati*+augment, noté *'y*+*ryδ'y*, 2e p. du sing. de l'imparfait d'un verbe **ptryδ~* ou **ptr'yδ~*. Avec cette dernière graphie nous avons le même verbe ligne **11**, 4, à la 2e pers. du sing. du présent, sans augment. Le *δ* en sogdien étant le représentant normal de iran. *ϑ*, indo-iran. *th*, le verbe **ptryδ~*, **ptr'yδ~* peut être rapproché de av. *raēϑwa~*, *paiti. raēϑwa~* «(se) mêler à», AIW p. 1482, cf. *rāϑ~*, *paiti. raϑ~* ibid. p. 1521, rendu en phl. par *vīmēxtan*, p. گمیختن. Sur les traces de l'augment entre le radical et les préverbes finissant en **i*, c. à d. *pt*=**pati* et *pr*=**pari* voir Gr. p. 99 suiv.—

68 ptk wn **6**, 4 — Gauthiot, Gr. 120, 144, 172 donne les deux formes *ptk'wn*—*patkawᵃn et *ptkwyn*—*patkawēn avec la signification «hétérodoxe». Dans les textes publiés le mot n'est pas attesté. Y a-t-il av. *paitik-* (cf. AIW p. 828 et 839)+suffixe d'élargissement (cf. Gr. p. 83)? Ou bien, puisqu'il semble s'agir d'un mot savant, n'y aurait-il pas lieu de le rapprocher de scr. पातकिन् «sinful, guilty»? (Apte s. v.).

69 ptr'yδ'y **11**, 4 — 2e pers. du singulier du présent de *ptr'yδ~* «se mêler à», voir note 67.

70 pts'rδ **14**, 7 — VJ 21a, 149, 187, 1201, 1315 on a un mot *pts'r*, rendu par «d'abord». La même forme se trouve dans un passage de l'Inscription de Karabalgassoun, déchiffré par F W K Müller (Berl. Sitzgsber. 1909 p. 729), où elle est traduite par «darauf», laquelle signification ne s'oppose point au contexte des endroits notés du VJ. — Ici, précédé de la préposition *čnn* «de», la phrase demande, paraît-il, un nom ou un adverbe impliquant la notion «commencement, début». Le mot semble être formé de *pt* (*pat-, ancien *pati[š]) + *s rδ*, graphie pleine pour *srδ* «année», à la manière de *ptšm'r* «nombre», yagn. *pešmar*, cf. av. *paitišmar~* [cf. Lagarde, Pers. Stud. p. 74, comp. Horn, n⁰ 221]. En sogdien *srδ* ne signifie pas seulement «année», v.-p. *θard-*, av. *sarəδ~*, p. سال oss. *särd* «été», mais aussi bien «temps» en général ou «terme», ce qui est prouvé par l'adjectif *sptsrδ''k* «à terme accompli», Gr. p. 137 [cf. *'sptk* VJ 38, 63; DN 28 «complet», sogd.-chrét. *spatê* ST 56 11; 73, 19]. Dans ce cas *pts r* serait une forme plus récente avec le *-δ* final tombé. [En afghan les groupes *rt, rd, rθ, rδ* donnent nor-

malement *r*, cf. entre autres ZAIW p. 12 suiv. Pour l'alternance des formes (du datif) en *-rd* et *-r* dans les dialectes du Pamir voir Tomaschek, op. cit. p. 102; GrIrPh I, 2 pp. 315 et 318]. Ou bien, l'= ā n'indiquant pas nécessairement une longue, ne s'agit-il que d'une graphie pleine pour *ptsr* dont le correspondant en persan serait بسر? Le *patsār*, *patisār* du pehlevi des livres a donné lieu à des divergences d'opinion; entre autres il a été traduit par «fin». L'excellente explication du prof. Bartholomae, ZAIW p. 184 tranche la question.— *hač* [𐭬] *patisār* (Bund. 20, 2), traduit «von vorn an», répondrait exactement à notre *čnn pts'rδ*. Cf. sogd. manichéen *sar paṭsar,* HR p. 92.

71 pyδ r **10**,8—postposition «à cause de», précédé généralement d'un composé dont le premier élément est *č*~, tels *čnn* VJ 828; *č'wn* VJ 57[b] 59[b]; *čyw'yδ* VJ 369; *č'm'kh* VJ 1413; *č'wn čyw nt* DN 62; *čkn č* notre texte **10**, 7, cf. note 26. DN 70 *pyδ r* est employé sans correspondant, VJ 228 il est (pléonastiquement) précédé de *wsn* (comp. armén. *vasn* «à cause de», cf. av. *vašna- vasna-* «volonté»). Même forme en sogdien chrétien, voir ST, s. vv. *pīdâr* et *čan* (*čn*); yagn. *piyāra* (nijāpa Man. II p. 557), pers. براى [ازا], cf. vieux-perse *rādiy* dans *avahyarādiy* «à cause de ceci», slave *radi* (ради), Meillet, Gramm. du vieux perse p. 27.

72 r δ **15**, 9 et r δh **15**, 2 —«route, chemin». On a aussi les graphies *r'δw* et *r δwh,* VJ 103, 43[b], 55[b], 250, 1056; Gr. pp. 17, 73, 140, 166. Sogd.-chrét. *râϑ* et *raϑ* ST s. v.; yagn. *rāt*, d'après Junker, o. c. p. 14 *ro[a]s̃*; phl. *rās,* p. راه.

73 rtγw **17**, 4 — *rt* = *rty* (voir note 74) + *γw* = *γw* (voir note 6) «et ce, et le, et il».

74 rty **5**, 1; **7**, 2; **10**, 6; **12**, 4; **14**, 5; **15**, 10; **16**, 4 — la conjonction «et». Textes passim; Gr. pp. 56, 59, 136, 166, **182**, cf. 121. En sogdien manichéen *aṭi*, *'aṭīh* et *atiy* HR. pp. 102, 103; sogd.-chrét. *'t* (aṭ) ST pass., une fois *'rty* ('arṭī) ibid. 34,4; cf. Berl. Sitzgsber. 1907 p. 260 n. 3.— DN 48 on a *rt*, 74 't, 61 *rtty*, ce qui est *rt*+suffixe *ty* (voir note 83 fin), ou bien une simple scription fautive, avec le *t* en double, ce qui est d'autant plus possible, qu'il s'agit de la fin d'une ligne.— Comp. indoiran. *uta*, scr. *utá,* v.-p. *utā*, yagn. *et,* ~*t,* sariq., šignī, yazgoul. et autres dialectes du Pamir *at, et,* phl. de Turfan אוד – אוט – אות (Salemann, Man. Stud. s. vv.), phl. ו, pers. و.

75 rtyms **2**, 4—le précédant *rty* + *ms* «aussi, encore, puis, plus» VJ 34[b], 198, 386, 1002, écrit tantôt en un mot, tantôt séparément. [*ms* seul VJ 258/9, DN 9, 14; précédé de *ny* «et» VJ 47, 28[a], 199, 981 etc: ST s. v.

Gr. pp. 59, 173. Même forme en phl. de Turfan, cf. Salemann, Man. Stud. p. 96 et Man. II p. 543. Comp. «iranien oriental» *mase,* Leumann, o. c. p. 130].

76 rtyn **16**, 10 — le même + *n,* élément démonstratif. Comp. note 11.

77 rtyšw **8**, 5 — le même + *šw,* pronom enclitique de la 3ᵉ personne, alternant avec *šy*, VJ 36ᵇ, 1269, DN 70 et autres. Gr. pp. 56, 182. Comp. v.-p. *utāšaiy* B II 74 ap. Meillet, Gramm. du vieux perse, p. 80.

78 s'pt **4**, 5; **6**, 1; **9**, 1 — Dans les textes bouddhiques le mot n'est pas attesté, en sogdien chrétien on le lit deux fois, Évangile de Sᵗ Matthieu, ST 24, 1, et 26, 5 avec la signification «gauche», opposé à *γw'r'nt* «droit» (voir plus haut note 38). Comp. phl. *čap*, p. چپ ، چفت ، چفته «curvus, inflexus» (Vullers, Lex.), kurde *čep, čeft.* [Vullers propose de rapprocher scr. *savya*, av. *havya* «gauche». Comp. av. *xšvaēpā*∼ «derrière», p. شيب (نشيب) ، شيو opposé à فراز. Voir aussi Horn, nn° 435 et 446].

79 s r **10**, 4 — postposition, indiquant la direction «à, vers», Gr. pp. 157, 168. VJ 23, 166, 1052, 1362; précédé de *'kw, kw , k w* VJ 28, 1ᵃ, 21ᵃ, 48ᵇ, 234, 1049, 1050 même sens; précédé de *čnn* VJ 1010, 1347, 1391, 1429 «de, de par», également avec *č'wn* DN 67; cf. *č'β'kh s'r* «de vous» VJ 1406. — Sogd.-chrét. ordinairement *sâ* à côté du plus archaique *sâr;* phl. de Turfan *sâr*, HR p. 97 et Man. II p. 544; [*ẖâvasâr* *gleich...» HR p. 49 et *ẖâvsâr* «seines *gleichen» ibid. p. 83; cf. ZAIW p. 35 «eius-modi»; cf. note 70]; yagn. *sa*, GrIrPh. I, 2 p. 342 et *sár*, Junker, o. c. p. 21. — [Je tiens à rappeler, sans y insister cependant, que le turc de l'Abakan connaît une postposition *cāp, capы,* que M. Radloff rapproche de l'ouïgour *сынар* «Richtung» (Kuan-ši-im Pusar, Bibliotheca Buddhica XIV p. 29), et qu'en «tokharien B». il y a une postposition *-çä, -ç,* indiquant également la direction vers quelque chose, la destination, voir Lévi et Meillet, MSL vol. XVIII (1913) p. 404 suiv.].

80 šw'nt **16**, 3 — 3ᵉ pers. du pluriel de l'imparfait du verbe *šw*∼ «aller, s'en aller» VJ 357, 402 (au présent 191); Gr. p. 117. Cf. scr. *çyav-*, av. *šiyav-* (*šyav-*, *šav-*), v.-p. *ašiyavam* «je me suis mis en mouvement» (Meillet, Gramm. du vieux perse p. 63), phl. *šutan*, p. شدن, yagn. *šau*, oss. *cäun.* En grande quantité les différentes formes du verbe sont présentées dans VJ, dans DN il n'y en a qu'une seule, i. e. *šw'm'ntk* substantif verbal «allure, façon de marcher» (DN 36); cf. le participe présent *šw'm'k* «qui va, marche» Gr. p. 77, 174. Sogd.-chrét. *šav-* ST

s. v.; Man. II p. 548. Cf. «iran. or.» *tsu, tsue,* Leumann o. c. p. 118; Pelliot, MSL XVIII p. 122.

81 šy **12,** 5 — pronom enclitique de la 3e personne alternant avec *šw*, passim. En sogdien chrétien *šî, šī* a le caractère d'un pronom indépendant, ST s. v., mais comp. Man. II pp. 548 et 549 s. vv. שו et שי. Gr. p. 162. Cf. note 77.

82 tγw **10,** 9 — pronom de la 2e personne, passim, Gr. pp. 88, 135 (*tuxo). Cf. Junker, o. c. p. 14 (comp. p. 23). Même forme en sogdien chrétien, ST s. v. *ṭaγū;* yagn. et dialectes du Pamīr *tu,* GrIrPh. I, 2 p. 318 et 338, avec le cas oblique *tau* (тay, тawi Man. II p. 541 s. v. טאו). Le cas oblique *tw'* (VJ 156, 218, 301, 326, 504, 950; Gr. 120) sert en même temps de pronom possessif, comme *mn'*, cas oblique de *'zw,* pronom de première. VJ 218: *tw' 'Pny 'ky KΓh 'nγwh kwnty* «c'est donc toi celui qui fait ainsi le mal»; ici *tw'* a l'air d'être employé comme cas sujet, si toutefois *kwnty* (jusqu'ici ἅπαξ λεγομενον) présente la 2e personne du singulier et qu'il ne s'agisse pas d'une espèce de construction passive.

83 tγwtn **13,** 1 — le précédant + *tn*, pronom enclitique de la 2e personne, cf. Stein-Cowley, JRAS 1911 p. 165 et Gauthiot, ibid. p. 505 où l'on trouve °תן à côté de °ת. Ici ce *-tn* suffixé a l'air de servir tout simplement de renforcement. VJ 1268 on a la forme *tγwty,* également sans altération sensible du sens propre de *tγw,* de sorte que dans °*ty* on pourrait voir une autre graphie (cf. Gr. p. 182) du pronom enclitique ∼ *t,* pourtant le même suffixe se trouve attaché à *'zw* «moi» VJ 389 et 1203 où l'on a *'zwty* (cf. note 74). [Il n'y a guère lieu de songer à une composition avec *tn* = indo-iran. *tanu* «corps», à la manière de pers. خویشتن. Pour «corps» jusqu'ici n'est attesté que le composé *tnp'r,* FWKMüller, Berl. Sitzgsber. 1909 p. 728 (Inscription de Karabalgassoun), en sogdien chrétien *ṭambâr, ṭamfâr* et *ṭampâr* ST s. v.].

84 w'β **9,** 3 — 3e pers. du singulier de l'imparfait du verbe *w'β* ∼ «parler, dire» VJ passim; DN. 12, 16, 65, 83; Gr. pp. 73, 118, 129; ST s. v. *vāb;* yagn. *vāw*, prét. *avāw*, partic. passé *vāwt,* GrIrPh. I, 2 pp. 340 et 341; Man. II p. 539; Junker, o. c. p. 18 sq. Sur les différents verbes signifiant «dire» et leur répartition dans les langues iraniennes voir Gauthiot, JA, Mars-Avril 1916 p. 247 (ouvr. posthume).

85 w'tδ'r **3,** 3 — «animé, vivant» VJ 102, 448, DN 78; au cas oblique du pluriel *w'tδ'rty* DN 21; cf. Gr. pp. 73, 77, 105, 118, 136, 138. Composé de *w't* «vent, πνευμα, spiritus, anima» (phl. ‏واد‏ pers. باد yagn.

wāt) + *δ'r* «qui tient, qui a». [En sogdien chrétien *z(a)part vât* traduit le Saint Esprit de l'Evangile, cf. ST s. v. vâṭ]. Dans les textes *w'tδ'r* est ordinairement précédé ou suivi de *"z'wn*, «être, créature», voir plus haut note 1.

86 wm't'nt **4**, 3 — 3ᵉ personne du pluriel de l'imparfait du verbe substantif *wm't* ~, à prononcer *wimāt (Gauthiot) «être». La forme présente n'est pas attestée dans les textes, au moins dans ceux qui ont été publiés, et rien n'indique qu'elle le soit dans ceux sur lesquels a travaillé Gauthiot et dont il a tiré les riches matériaux de sa Phonétique sogdienne (Gr.). Pourtant on sait la valeur des conclusions ex silentio, et du moment qu'il y a *wm't*, l'absence de *wm't'nt* ne sera plutôt que fortuite. La seule fois qu'on rencontre la 3ᵉ du pluriel dans VJ, elle se présente (VJ 1510) avec disparition du *w-* **wi-* initial, seule forme usitée également en sogdien chrétien, cf. ST s. v. *mât*. La 3ᵉ personne du singulier *wm't* est, au contraire, très fréquente dans le Vessantara Jātaka [j'ai noté 19 endroits: 128, 222, 254, 440, 6ᵈ, 65ᵈ, 503, 570, 629, 679, 733, 20ᵉ, 901, 1017, 1088, 1126, 1501, 1502 (2 fois)], elle se trouve aussi dans l'Inscription de Karabalgassoun chez FWKMüller, Berl. Sitzgsber. 1909, p. 728; cf. Gr. pp. 73, 118, 174. VJ 24ᵉ et 1500 on a *m't* comme en sogdien chrétien. La 1ᵉ personne du singulier avec *w-*, i. e. *wm't'ym* se lit DN 22, 26, 30, 43, 48, 52, dont la forme plus récente *m't'ym* s'y trouve aux lignes 34, 39, 56; on a *m't'ym* également VJ 1504. Au cours de son travail *Notes sur le Yazgoulami, dialecte iranien des confins du Pamir,* auquel il ne lui était pas donné de mettre la dernière main, M. Gauthiot signale ses combinaisons, exposées dans la 2ᵉ partie (non parue) de la *Grammaire sogdienne,* concernant la forme *wm't* (JA, Mars-Avril 1916 p. 254 n. 2), qu'il rapproche d'un indo-iranien *vī-māy* ~ «arranger, créer, établir», de ossète or. *amain* «construire» (Miller, GrIrPh. Anh. p. 99 s. v. *amayun* «bauen, behauen») et de pers. آمادن «apprêter». [A la même souche que sogd. *wm't* > *m't* remonte, paraît-il, iran.-or. *hämäte* (et ses variantes), cf. de Staël-Holstein, Tocharisch und die Sprache I p. 484 (Bull. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Pétersbourg, 1909); Leumann, o. c. p. 142 (rapproché de scr. *sam-i* «zustandekommen»); comp. Pelliot, MSL t. XVIII p. 104 cf. p. 119].

87 wnty **2**, 3; **16**, 9 — 3ᵉ personne du singulier du présent (ou de l'imparfait(?) cf. **16**, 9) du verbe *wn* ~ «faire, achever», Gr. pp. 118, 172; cf. Salemann, Man. V p. 1140 note 17. Ni dans le VJ, ni dans le DN

cette forme ne figure; pour la 3e du prétérit on y a *wn'* JV 16, 340, 43e, 656, 691, 837, *wn'y* (sic) 1253 et *wnt'*, p. ex. VJ 53b, 379, 388, 396, 600, 708, 50e, 819, 891, 1193, 1228. Le présent fait défaut. ST 45,9 la forme *vantî* porte un *sic* et est traduit par le présent. Les formes des 3es personnes du singulier et du pluriel en °*t* et °'*nt* alternant avec celles en °*ty* et °'*nty* lesquelles sont relativement rares, nous aurions ici une de celles-ci, cf. Gr. p. 182. Si le premier endroit de notre texte, à cause de la lacune qui le précède, ne permet pas d'en nettement préciser le temps, au second, au contraire, le sens prétérital semble mieux assorti au contexte, que le présent.

88 wyt'rty **15**,3 — 3e personne du singulier du présent du verbe *wyt'r*~ scriptio plena pour *wytr*~ **witar* «sortir» (Gr. pp. 60, 81, 85, 118, 136, 168), composé du préverbe indo-iranien *vī* + √*tar* + *ty*, désinence de 3e personne, cf. phl. *vitārtan*, pers. گذشتن. Le VJ où l'on rencontre plusieures formes du verbe, (particulièrement fréquentes sont les 3es personnes du singulier et du pluriel du prétérit *wytr* et *wytr'nt*), présente, entre autres, à la ligne 299 la forme *wyt'rt* laquelle a l'air d'être identique à la nôtre avec la désinence °*t* pour °*ty*; pourtant le contexte exige plutôt l'infinitif, cf. VJ 298 suiv.: *rty my prm'n δ'rt 'γw 'BY' γwβw čnn n'βy 'ntyw wyt'rt* «et le roi, mon père m'a ordonné de m'en *aller* du royaume, en exil».

89 yw **5**,2; 7,8 — voir 'yw note 19.

90 z'yh **16**,2 — «terre, pays, sol», av. (nomin.) *zå*, yagn. *zāi* (Salemann, Man. II p. 540), oss. *zänxä*, *zäx*, cf. iranien commun *zam*~, phl. *zamīk*, pers. زمین، زمی — VJ 63, 116, 153, 1464; DN 61, 72; ST s. v. *zây*; Gr. pp. 74, 160. Précédé de *δwr*, i. e. *δwr z'yh* s'emploie comme locution adverbiale (accusativus loci) «loin, au loin» VJ 373, 1140. Cf. δwr note 33.

91 ZNH **2**,5 — cryptogramme sémitique, pronom démonstratif «ce, cette, celui-ci, celle-ci, ces», cf. aram. דנה, phl. 𐭦𐭭𐭤, voir Gauthiot, JRAS 1912 p. 349. VJ 27b, 371; DN 5, 6, 13.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.

(Bulletin de l'Academie des Sciences de Russie).

Авестское mərəzu-.

А. А. Фреймана.

(Представлено академикомъ **С. Ѳ. Ольденбургомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 31 января 1918 года).

Однимъ изъ весьма интересныхъ для лингвиста словъ въ Авестѣ,— является, безъ сомнѣнія, mərəzu-. Вокругъ него создалась уже литература, принадлежащая перу талантливѣйшихъ ученыхъ, которые выясняли его значеніе и этимологію.

Встрѣчается mərəzu-, какъ первая часть compositum: mərəzu.jītay- (Видэвдāтъ XIX,26,29,41; фрагм. Вестергорда X,42); mərəzu.jva- (Фр. Вест. X,42) — и какъ самостоятельное слово (Яштъ X,71; Видэвдāтъ XIX,42; Фр. Вест. VIII,2; Фрахангъ и Оймъ 11). Ни одно изъ указанныхъ выше мѣстъ не принадлежитъ къ лучше сохранившимся частямъ Авесты, дающимъ безспорный смыслъ и не требующимъ грамматическихъ корректуръ. Одни мѣста (Вид. XIX,42), хотя и приняты въ изданія, отсутствуютъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ и, быть можетъ, принадлежатъ къ позднѣйшимъ вставкамъ. Другія, повторяясь въ одномъ и томъ же контекстѣ въ разныхъ параграфахъ *одного и того же* фаргарда Видэвдāта (XIX,26,29,41), тѣмъ самымъ ясно указываютъ на искусственную подобранность контекста и требуютъ для своего объясненія вдумчиваго анализа со стороны содержанія и грамматики.

Правильнымъ методомъ на пути къ выясненію значенія и установленію этимологіи mərəzu- я считалъ бы тотъ, который бы объединилъ по возможности всѣ встрѣчающіяся въ Авестѣ морфемы mərəzu- однимъ первоначальнымъ значеніемъ и это послѣднее старался бы согласовать съ парсійской традиціей, за послѣдніе годы во многомъ реабилитированной. Если послѣднее условіе выполнено учеными, вообще слѣдовавшими въ тол-

кованіи Авесты традиціи (Дарместетеръ, Юсти), то первое въ полной мѣрѣ не выполнено никѣмъ.

Парсійская традиція повсюду, гдѣ она была выражена пехлевійскимъ переводомъ, передавала mərəzu- посредствомъ [Pahlavi]. Подъ этимъ словомъ слѣдуетъ понимать, конечно, не что иное, какъ āhōk перс. آهو — «порокъ, грѣхъ»; такъ mərəzu.jītayō — переведено [Pahlavi] āhōk živišnān; персидская глосса къ этому мѣсту راه زن rāh zan — «разбойникъ, бандитъ» не оставляетъ никакого сомнѣнія, что подъ [Pahlavi] понималось традиціей во всякомъ случаѣ понятіе нравственнаго порядка: «грѣшникъ». Готіо (R. Gauthiot. Avestique mərəzu, въ журналѣ Mém. de la Soc. de Lingu. т. XIX, стр. 346), вслѣдъ за Вакернагелемъ (Götting. gel. Anzeigen 1910, стр. 16) принявшій этимологію mərəzu- = βραχύς — «короткій», отвергая традиціонное толкованіе, приходитъ путемъ остроумнаго и сложнаго разсужденія къ заключенію, что [Pahlavi] въ пехлевійскомъ переводѣ является плодомъ недоразумѣнія: «āhōk «péché» a remplacé le mot «bref» parce que «celui qui a une vie brève» (mərəzu.jītayō) est précisément et, en quelque sorte par définition, «celui qui vit dans le péché»... По мнѣнію Готіо, въ пехлевійскомъ переводѣ, вслѣдствіе несовершенства пехлевійскаго письма, допускающаго самое разнообразное чтеніе, здѣсь имѣла мѣсто замѣна одного слова другимъ. Авестскому mərəzu- должно было соотвѣтствовать фонетически въ средне-персидскомъ *mul, которое пехлевійскими знаками могло быть изображено, какъ [Pahlavi]. Съ другой стороны авест. ma[i]rya- (Bartholomae, Altiran. Wört. ст. 1151 «betrügerisch, tückisch, schurkisch; Schurke») передается пехлевійскимъ [Pahlavi] mar, по начертанію идентичнымъ съ предыдущимъ. Персидская глосса راه زن «разбойникъ», первоначально сопровождавшая [Pahlavi] mar, могла, вслѣдствіе идентичности начертанія, быть перенесена на [Pahlavi] *mul, предположенное Готіо, — а за ней и ея пехл. эквивалентъ [Pahlavi]. Такимъ образомъ mərəzu-, обозначающее, по мнѣнію Готіо, «короткій», получило въ пехлевійскомъ переводѣ неправильное толкованіе [Pahlavi] — āhōk- «грѣшный».

Это остроумное объясненіе, по существу вполнѣ возможно. Случаи, когда одинаковое изображеніе различныхъ по существу словъ въ пехлеви ведетъ къ замѣнѣ однихъ словъ другими, — нерѣдки. (Часто, напр. смѣшиваются слова, идеограммы которыхъ идентичны или даже только близки по начертанію). Однако серьезное затрудненіе къ пріятію этого объясненія и, слѣдовательно, къ отклоненію традиціоннаго пониманія: mərəzu- = [Pahlavi] āhōk «грѣшный», — возникаетъ отъ того, что этимологія mərəzu- = βραχύς — «короткій», предложенная Вакернагелемъ l. c. и прекрасно

подкрѣпленная и со стороны семасіологіи Готіо, подходитъ только для сложныхъ словъ mərəzu.jītayō и mərəzu.jvåŋhō, которыя могли бы быть переведены: «(люди съ) короткой жизнью»; но это значеніе «короткій» ни въ коемъ случаѣ непримѣнимо къ другимъ выше указаннымъ мною мѣстамъ Авесты, въ которыхъ mərəzu- семасіологически нѣтъ необходимости и основанія отдѣлять отъ mərəzu- въ comp. mərəzu.jītayō. Такимъ образомъ этимологія mərəzu = βραχύς для объясненія всѣхъ мѣстъ, гдѣ встрѣчается mərəzu- — непримѣнима. Между тѣмъ, предлагаемая мною ниже этимологія сохраняетъ въ силѣ традиціонное пониманіе текста и объединяетъ всѣ морфемы mərəzu-.

Этому условію удовлетворяетъ вполнѣ этимологія: авест. mərəzu- = слав. morzъ (см. E. Berneker, Slav. etym. Wört., Lief. 11, стр. 80 morzъ- abg. mrazъ «κρύσταλλος, Erstarren, Eis.» r. морóзъ «Frost».... далѣе: morzъ ist auch «Schauder, Abscheu, Ekel, Haß»...). Оба оттѣнка значенія, присущіе слав. morzъ, на лицо и въ авест. mərəzu- и восходятъ такимъ образомъ къ болѣе отдаленному періоду.

Compositum mərəzu.jītay- встрѣчается въ Авестѣ четыре раза. Три раза въ 19-омъ фаргардѣ Видэвдāта въ §§ 26,29,41 и одинъ разъ въ фрагм. Вест. 10,42. Въ Видэвд. — всѣ три раза въ одинаковомъ сочетаніи: drvatąm daēvayasnanąm mərəzu.jītīm mašyānąm. § 29: Vīzarəšō daēvō nąma Spitama Zaraθuštra urvānəm bastəm vāδayeiti drvatąm daēvayasnanąm mərəzu.jītīm mašyānąm. Бартоломэ (Altiran.Wört. ст. 1174) не даетъ никакого значенія для mərəzu.jītīm. Юсти (Handbuch der Zendsprache s. v.), слѣдовавшій традиціи, переводитъ: «sündhaft lebend». Дарместетеръ (Le Zend-Avesta 2,269): «qui vivent dans le péché». Шпигель (Commentar üb. d. Avesta 1,437): «die sündhaft Lebenden»[1]. Готіо, l. c., согласно этимологіи mərəzu- = βραχύς, переводитъ mərəzu.jītīm «dont la vie est brève». Причемъ онъ обращаетъ вниманіе на то[2], что въ сочетаніи drvatąm daēvayasnanąm mərəzu.jītīm mašyānąm для согласованія mərəzu.jītīm съ mašyānąm (такъ понимается эта конструкція всѣми переводчиками Авесты) — необходимо исправить mərəzu.jītīm на mərəzu.jītinąm, «ce qui paraît légitime». Мнѣ кажется, что въ исправленіи необходимости нѣтъ, но что, конечно, mərəzu.jītīm, какъ вин. ед. относится не къ mašyānąm, а къ urvānəm. Сообразно съ этимъ и исходя изъ этимологіи mərəzu- = «морозъ, мразь», перевожу § 29 слѣ-

[1] Тамъ же: «Dass merezu = Sünde sei, bezweifle ich um so weniger, als auch neuere Pârsenwerke noch das Wort marz in dieser Bedeutung kennen.

[2] Чего не дѣлали до него переводчики Авесты.

дующимъ образомъ (дословно): «Дэвъ, по имени Визаршъ, о Заратуштра Спитамидъ, ведетъ связанной *мерзко* жившую душу злыхъ людей, поклонявшихся дэвамъ» § 41: Sraošō ašyō daēum kundəm baṇhəm vī.baṇhəm ava.janyāt̰ drujaskanąm hąm.pata'ti drvatąm daēvayasnanąm mərəzu.jītīm mašyānąm. Въ этой фразѣ mərəzu.jītīm относится къ drujaskanąm вин. ед., и ни въ какомъ исправленіи надобности нѣтъ. Переводъ гласитъ: «Праведный Сраошъ да поразитъ безъ вина пьянаго дэва Кунду, дабы тотъ пизлетѣлъ въ лжеобитель, гдѣ течетъ мерзостная жизнь[1] злыхъ, поклоняющихся дэвамъ людей». § 26 Pərəsat̰ Zaraϑuštrō Ahurəm Mazdąm vīspō.viδvå Ahura Mazda hixšāne narəm ašavanəm hixšāne nā'rikąm ašaonīm hixšāne drvatąm daēvayasnanąm mərəzu.jītīm mašyānąm ząm ahuraδātąm nipārayanta.... «Спросилъ Заратуштра Ахура Мазду: «Всезнающій Ахура Мазда! долженъ ли я побудить мужа праведнаго, долженъ ли я побудить жену праведную, (долженъ ли я побудить) къ тому, чтобы они присвоили себѣ созданную Ахурой землю тамъ, гдѣ течетъ мерзостная жизнь[1] злыхъ, поклоняющихся дэвамъ, людей...? Фр. Вест. 10,42...x^vafsata mašyākåṇhō x^vafsata mərəzu. jvåṇhō x^vafsata mərəzu.jītayō. «Спите люди, спите мерзко живущіе, спите живущіе въ грѣхѣ»[2].

Фр. Вест. 8, дошелъ до насъ въ сильно испорченномъ видѣ, съ трудомъ поддающемся пониманію. Во второй части этого отрывка упоминается Маркуша, извѣстное въ позднѣйшей зороастрійской-пехлевійской—литературѣ (Dēnkart VII,9,3 и др.) миѳическое лицо. Въ Авестѣ Маркуша встрѣчается единственный разъ — въ этомъ именно отрывкѣ. Согласно зороастрійскому вѣрованію въ извѣстное время онъ уничтожитъ родъ человѣческій снѣгомъ и морозомъ, послѣ чего наступитъ возобновленіе жизни на землѣ изъ ограды Има[3]. Отголосокъ этого миѳа и имѣется, несомнѣнно, въ виду въ этомъ отрывкѣ. Сообразно съ этимъ и слѣдуетъ понимать фразу изъ этого отрывка: zaya avaϑa staxrō yat̰ hā druxš ae'ti mərəzvī — «зима потому (столь) суровая, что эта Друджь шествуетъ морозная». Слѣдующая фраза: xšaϑrata(?)aṇhat̰ mōirōs(?) безъ исправленія — совершенно непереводима и никѣмъ не переведена. Яштъ 19,33 представляетъ нѣкоторую аналогію къ нашей фразѣ какъ по формѣ, такъ и по смыслу: yeṇhe xšaϑrāδa nōit̰ aotəm åṇha nōit̰ garəməm — «въ его (Има) царствѣ

---

[1] Mərəzu. jītīm — «bahuvrīhi» опр. къ drujaskanąm.

[2] Mərəzu. jvåṇhō и mərəzu. jītayo — синонимы.

[3] Миѳъ о Маркушѣ является дополненіемъ и продолженіемъ миѳа о Имѣ (Видэвдатъ 2).

не было ни холода, ни жары». На основаніи этой параллели я предложилъ бы исправить xšaϑrata aŋhaṯ mōirōs[1] на xšaϑrāδa arəhaṯ mərəzuš[1], — и перевести: «въ царствѣ (Има?) будетъ морозъ». Дальше слѣдуетъ: yaṯ Mahrkušō ava.miryāⁱtē[2]. Фраза zaya avaϑa staxrō etc. была переведена Гельднеромъ (KZ. 25,523): «die kälte wird so grimmig, dass die Drukhs kaput geht». Юсти (въ словарѣ s. v. merezu): «was zu sühnen ist». Дарместетеръ и Бартоломэ оставляютъ это мѣсто безъ перевода.

Въ Видэв. 19,42 встрѣчается mərəzu- съ тѣмъ же оттѣнкомъ значенія, что въ Фр. Вест. 8,2:... nizbayemi mərəzu pourvō xᵛaδātō yūiδištō mainivå dāman[3]... Бартоломэ переводитъ l. c. «ich rufe an die beiden Mərəzu im Süden, die ewigen, die am besten kämpfen von der Schöpfung der beiden Geister». Юсти l. c. «ich rufe an die Milchstrasse, welche schon früher (pourvō) herrschte». Дарместетеръ l. c. 2,274: «j'invoque M. antique et souverain» (и прим. «Ἅπαξ λεγόμενον: sens inconnu; d'après ses deux «antique et souverain», il doit designer un des principes éternels, c'est à dire une des formes du ciel, de la lumière, de l'espace ou du temps»). Очевидно, какъ это и замѣтили Дарместетеръ и Юсти, рѣчь здѣсь идетъ о какомъ-то астрономическомъ терминѣ; я не думаю однако, что о млечномъ пути, какъ полагалъ Юсти. Если mərəzu- = «морозъ», то этотъ терминъ такъ или иначе долженъ быть связанъ съ морозомъ, зимою. Это можетъ быть звѣзда или созвѣздіе, выступающее зимою. Такимъ созвѣздіемъ является созвѣздіе козерога, въ которое солнце вступаетъ въ январѣ. Это пониманіе даннаго текста, вытекающее изъ этимологіи merəzu- = morzъ, подтверждается и традиціей. Пехлевійскій переводъ этого мѣста, къ сожалѣнію, не сохранился, но сохранившіеся подстрочные персидскіе переводы передаютъ здѣсь mərəzu- черезъ گاه (см. Hoshang, l. c., стр. 640), одно изъ значеній коего и есть козерогъ, «capricornus» (см. Vullers, s. v.). Если видѣть вмѣстѣ съ Бартоломэ въ Mərəzu dualis[4] («die beiden Mərəzu»), то, быть можетъ, позволительно указать на то, что въ созвѣздіи козерога двѣ звѣзды — и какъ разъ тѣ, которыя раньше другихъ встрѣ-

[1] Корректура mōirōs на mərəzuš, кажущаяся существенной въ латинской транскрипціи, въ дѣйствительности очень незначительна, если принять во вниманіе, что первоначальный текстъ былъ записанъ пехлевійскими письменами; *mərəzuš могло быть записано [illegible]; кромѣ того въ рукописяхъ [illegible] и [illegible] (š и s), какъ извѣстно, очень часто смѣшиваются

[2] Съ корр. Бартоломэ.

[3] Цитирую по изданію: Dastoor Hoshang Jamasp, Vendidad etc., Bombay 1907.

[4] Текстъ здѣсь довольно безграмотный, плохо сохранившійся.

чаются солнцу, удалены отъ остальной части созвѣздія; или на то, что въ этомъ созвѣздіи двѣ звѣзды являются звѣздами второй величины, а всѣ остальныя — меньше.

Мною приведены такимъ образомъ полностью всѣ цитаты изъ Авесты, гдѣ въ той или иной формѣ встрѣчается mərəzu- съ оттѣнками значенія «морозъ» или «мерзость», вытекающими изъ этимологіи mərəzu- = morzъ. Въ одномъ только мѣстѣ (Яштъ 10,71) встрѣчается нѣкоторое затрудненіе при переводѣ mərəzu- выше указаннымъ образомъ: ...yavata aēm nijaⁱnti mərəzuča stūnō gayehe mərəzuča xå uštānahe; переводъ Бартоломэ: «bis er entzwei schlägt die Wirbel, die Säulen des Lebens, die Wirbel, die Quellen der Lebenskraft»; Юсти s. v.: «bis er niederschlägt das Mark (welches ist) die Grundsäule des Lebens, das Mark (welches ist) die Fundgrube der Lebenskraft»; Дарместетеръ (ZA. 2,462): «qu'il n'ait brisé la moelle et la colonne de la vie, la moelle et la source de l'existence»[1].

Какъ переводъ Бартоломэ, такъ и Юсти и Дарместетера — основаны на контекстѣ, главнымъ образомъ слѣдующаго §, гдѣ говорится о костяхъ, волосахъ и т. д. — вѣроломныхъ людей, которыхъ Митра поразитъ, что и дало, вѣроятно, возможность Бартоломэ говорить о позвонкахъ. Но этотъ § 72 составленъ прозою въ противоположность § 71 и, какъ таковой, и по содержанію является позднѣйшимъ прибавленіемъ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ значеніи «позвонокъ» — mərəzu- являлось бы ἅπαξ λεγόμενον и безъ этимологіи[2]. Мнѣ и здѣсь кажется возможнымъ переводъ mərəzu- — «мерзкій»: «мерзкія основанія (колонны) жизни, мерзкіе источники жизненной силы».

Возраженіемъ противъ моей этимологіи могло бы служить согдійское mwrzk, т. е. murzᵒk въ значеніи «короткій», встрѣченное Готіо (l. c.) въ неизданномъ еще текстѣ (mission Pelliot, nᵒ 3515). Нѣтъ ли возможности примирить согд. mwrzk съ этимологіей авест. mərəzu- = слав. morzъ? Бернекеръ l. c. между прочимъ говоритъ: morzъ ist auch 'Schauder, Abscheu, Ekel, Haß' (zur Bedeutungsentwickelung s. mьrznǫti; mьržǫ, mьrzěti). Къ сожалѣнію, слѣдующій выпускъ словаря Бернекера, въ которомъ можно было бы узнать обѣщанныя имъ семасіологическія данныя, кажется, еще не вышелъ, во всякомъ случаѣ, мнѣ онъ не доступенъ. Если morzъ есть въ одно и то-же время «морозъ» и «мерзость»,

---

[1] О переводѣ и этимологіи Дарместетера см. Бартоломэ IF. Anz. 6,43 прим.

[2] Этимологія Дарместетера совершенно непріемлема.

«Schauder», то не лежитъ ли въ основаніи этихъ двухъ оттѣнковъ первоначальное значеніе — «содроганіе, *сокращеніе* мышцъ подъ вліяніемъ физическаго (температурнаго) и психическаго дѣйствія? И если этимъ первоначальнымъ значеніемъ morzъ является «сокращеніе», то нельзя-ли поставить его въ семасіологическую связь съ βραχύς «короткій», которому онъ точно соотвѣтствуетъ фонетически? Тогда мы имѣли бы возможность допустить въ иранскихъ языкахъ mərəzu- со значеніемъ βραχύς (въ согдійскомъ) и со значеніемъ morzъ, какъ въ Авестѣ, что я и старался показать. Быть можетъ, и въ самой Авестѣ можно предположить существованіе для mərəzu- этихъ двухъ значеній: βραχύς и morzъ? Не слѣдуетъ ли видѣть во фразѣ: x^vafsata mašyakå̊ŋhō x^vafsata mərəzu.jvå̊ŋhō x^vafsata mərəzu.jītayō — сознательную игру словъ: «спите люди, спите кратко живущіе, спите мерзко живущіе»?.

При печатаніи этой статьи академикъ Н. Я. Марръ любезно обратилъ мое вниманіе на армянское մրսել «мерзнуть», могущее подкрѣпить этимологію mərəzu = morzъ.

———

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Нѣсколько поправокъ къ ярлыку Тимуръ-Кутлуга*.

(Посвящается памяти В. В. Григорьева).

А. Н. Самойловича.

(Представлено академикомъ **В. В. Радловымъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 27 (14) марта 1918 года).

„Уповаю, что изданіе этихъ ярлыковъ въ надлежащемъ видѣ обратитъ на нихъ вниманіе любителей отечественной Исторіи и можетъ быть вызоветъ у знатоковъ новыя данныя къ объясненію темныхъ мѣстъ въ ханскихъ ярлыкахъ".

И. Березинъ.

Разрабатывая вопросъ о «байсѣ-басмѣ», я удѣлилъ нѣкоторое вниманіе ярлыку Тимуръ-Кутлуга[1] и пришелъ къ убѣжденію, что дошедшій до насъ списокъ ярлыка ни въ уйгурской, ни въ арабской транскрипціяхъ не является оригиналомъ. Не только такіе внѣшніе признаки, какъ отсутствіе печатей и — главное — золотомъ писаныхъ словъ[2], которыя справедливо

* Изъ сообщенія, читаннаго въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Р. Арх. Общ. 1 декабря 1917 года.

[1] J. v. Hammer, Uigurisches Diplom Kutlugh Timur's. Fundgruben des Orients VI, 359 (Съ участіемъ казанца Хальфина. Критическія замѣчанія на это изданіе въ статьѣ Вамбери: Eine Kaside in Ujgurischer Schrift, ZDMG. XXI, 639—640). И. Н. Березинъ, Ханскіе ярлыки. II. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимуръ-Кутлуга и Саадетъ-Гирея. Казань, 1851 (Общій отзывъ объ ярлыкѣ: Ханскіе ярлыки III, 4 и Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева, СПБ. 1863, стр. 6; поправка къ переводу ярлыка: Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. VIII, прибавленіе, 22; замѣтка объ изданіи Вамбери, ibid. 23). Vambery, Uigurische Sprachmonumente. Innsbruck, 1870, 172. В. В. Радловъ, Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга (ЗВО. III, вып. 1, стр. 1—40; замѣчаніе по поводу лингвистической части этой работы: Houtsma, Das alttürkische Gedicht. ZDMG. XLIII, 72). Соображенія объ одномъ изъ темныхъ мѣстъ ярлыка высказаны В. Д. Смирновымъ, Крымское ханство (СПБ. 1884, стр. 167—168).

[2] Ср. въ ярлыкѣ Мухаммедъ-Гирея королю польскому Жигмонду: بو آلتون برلا يارغان آلتون نشانلو شرطنامه‌موز — «сія наша шертная грамота, писаная золотомъ, съ золотымъ нишаномъ» (Матеріалы В. В. Вельяминова-Зернова, 4); آلتونلى شرطنامه التون نشان بسوب يباردیك — «отправили мы шертную грамоту съ золотыми (вставками), приложивъ золотой нишанъ» (ibid. 5). Въ ярлыкѣ Джанибегъ-Гирея царю Михаилу Θеодоровичу значится: خان اتيكزنى تمام آلتون قلم بيلا يازديق — «Ханское имя Ваше полностью мы золотымъ калемомъ начертали» (ibid. 55). Ср. еще В. Д. Смирновъ, Крымское ханство, 140.

ожидалъ найти въ подлинникѣ Березинъ, но и рядъ искаженій въ обоихъ текстахъ неопровержимо свидѣтельствуютъ о томъ, что предъ нами—копія, и при томъ испорченная[1].

I. — Часть первая ярлыка: обращеніе.

Монгольскіе и турецкіе ярлыки чингизханидовъ начинались религіозной формулой (шаманской или мусульманской), за которой слѣдовало имя хана и перечисленіе группъ лицъ, до свѣдѣнія коихъ доводилась воля повелителя, причемъ въ золотоордынскихъ и старѣйшихъ крымскихъ ярлыкахъ въ той или иной формѣ упоминалась подвластная хану страна или область. Въ золотоордынскихъ и старѣйшихъ крымскихъ ярлыкахъ перечислявшіяся группы лицъ располагались въ порядкѣ трехъ категорій: 1) представители военной власти, 2) духовенство и администрація внутри страны или области, 3) лица, служба и занятія коихъ связаны съ передвиженіемъ или наблюденіемъ за транспортомъ. Въ однихъ ярлыкахъ отсутствуетъ первая категорія, въ другихъ присоединяется на четвертомъ мѣстѣ обращеніе ко всему населенію. Иногда дѣленіе на категоріи нарушается. Простѣйшія формулы трехчленнаго и четырехчленнаго обращенія находимъ въ монгольскихъ ярлыкахъ, въ которыхъ также встрѣчаются случаи нарушенія планомѣрности. Грамота Буянту-хана: «Войсковымъ князьямъ, войсковымъ людямъ (1), даругамъ и князьямъ городовъ (2), путешествующимъ и ходящимъ посламъ (3)». Грамота Дарма-Баловой: «Войсковымъ князьямъ, войсковымъ

[1] Въ качествѣ сравнительнаго матеріала мною использованы: Ярлыкъ Тохтамыша къ Ягайлу (изданія Березина и Радлова), ярлыки Тохтамыша Бегъ-хаджію и Саадетъ-Гирея (изданія Ярцова-Григорьева и Березина), ярлыки Менгли-Гирея Ходжа-бію и Махмуду и Мухаммедъ-Гирея Тоглу-бію (изданіе Березина въ Зап. Одесск. Общ. Истор. и Древн. VIII), крымско-татарскіе ярлыки изъ изданія Вельяминова-Зернова: Матеріалы для исторіи Крымскаго ханства, переводы крымско-татарскихъ ярлыковъ мусульманскому духовенству В. Д. Смирнова (Изв. Таврич. Учен. Арх. Ком., вып. 50), переводы шести тарханныхъ крымскихъ ярлыковъ Ярцова (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. II, 675), старо-русскіе переводы золотоордынскихъ ярлыковъ русскому духовенству по изданію М. Д. Приселкова (Зап. Истор.-филол. фак. И. Петрогр. У-та, ч. CXXXIII, 1916 г.), монгольскіе ярлыки китайскому духовенству подлинные и въ китайскомъ переводѣ (посмертный трудъ А. А. Бобровникова съ дополненіями В. В. Григорьева: Памятники монгольскаго квадратнаго письма. СПБ. 1870; E. Chavannes, Inscriptions et pièces de chancellerie chinoise de l'époque mongole, T'oung Pao, série II, vol. IX, 1908); П. Меліоранскій, Документъ уйгурскаго письма султана Омаръ-шейха (ЗВО. XVI); уйгурскіе документы изъ Восточнаго Туркестана, подготовляемые къ изданію В. В. Радловымъ, крымско-татарскіе ярлыки (числомъ 9) въ изданіи З. А. Фирковича: «Сборникъ старинныхъ грамотъ... касательно .. караимовъ» (СПВ. 1890); В. Д. Смирновъ, «Грамота султана Османа II-го семейству іудейки Киры» (Сборникъ «Восточныя замѣтки», СПБ. 1895).

людямъ (1), городовъ даругамъ и князьямъ, всѣхъ отдѣленій (*аймакъ*) старшинамъ (2), путешествующимъ и ходящимъ посламъ (3), и народу (4)». Изъ золотоордынскихъ ярлыковъ русскимъ митрополитамъ только ярлыкъ Тайдулы Алексѣю[1] до извѣстной степени приближается по простотѣ формулы обращенія къ ярлыкамъ монгольскимъ: «къ темнымъ, и къ тысяцнымъ княземъ, и сотникомъ, и десятникомъ (1), и волостелемъ, и городнымъ дорогамъ, и княземъ (2), и къ мимохожимъ посломъ (3), и ко многимъ людемъ, и ко всѣмъ (4)». Формулы обращенія остальныхъ четырехъ ярлыковъ, въ томъ числѣ старѣйшаго: Менгу-Тимура отъ 1267 г. (въ ярлыкѣ Тайдулы князьямъ обращеніе пропущено, какъ правильно объяснилъ М. Д. Приселковъ, 66), примыкаютъ къ турецкимъ формуламъ умѣренной сложности, отличаясь отъ нихъ главнымъ образомъ отсутствіемъ упоминанія духовенства.

Формула обращенія въ ярлыкахъ Саадетъ-Гирея и Селяметъ-Гирея (караимамъ) начинается словами: اولوغ اولوسنينك — «Великаго Улуса», а въ ярлыкахъ Тохтамыша Бегъ-хаджію, Менгли-Гирея Махмуду и Мухаммедъ-Гирея Тоглу-бію — словами: قريم تومانى نينك — «Крымскаго тюменя» (въ ярлыкѣ Тохтамыша къ Ягайлу обращеніе состоитъ изъ одного слова: «Ягайлу», въ ярлыкѣ Менгли-Гирея Ходжабію оно въ началѣ, повидимому, оборвано). Упоминаніе Орды (Золотой), или Улуса (Джучіева) было и въ подлинникахъ обращеній ярлыковъ русскимъ митрополитамъ, что явствуетъ изъ нижеслѣдующаго сопоставленія. Въ нѣкоторыхъ изъ крымскихъ ярлыковъ, изданныхъ Вельяминовымъ-Зерновымъ, текстъ начинается словами اولوغ اوردا واولوغ يورت نينك — «Великой Орды и великаго Юрта» (стр. 26), а выше мною приводилось зачало: «Великаго Улуса». Обращеніе въ ярлыкахъ Тюляка Михаилу, Тайдулы Ѳеогносту, Бердебѣка Алексѣю начинается по реконструкціи М. Д. Приселкова такъ: «татарскимъ улуснымъ и ратнымъ княземъ», обращеніе въ ярлыкѣ Менгу-темира — «людскимъ баскакомъ»; по смѣшанной редакціи въ первомъ и четвертомъ ярлыкахъ читаемъ: «ординскимъ (ордынскимъ) и улуснымъ (всѣмъ) и ратнымъ княземъ (стр. 107, 111), причемъ въ послѣднемъ случаѣ на полѣ приписано: «татарскимъ улуснымъ». Я не сомнѣваюсь въ томъ, что въ подлинникахъ ярлыковъ русскихъ митрополитовъ обращенія начинались словами اوردا и اولوس, можетъ быть, съ какими-нибудь опредѣленіями въ родѣ اولوغ и въ формѣ родительнаго падежа; слова эти или обращались въ русскія прилагательныя «ордынскій» и «улусный», или пере-

[1] Ср. Приселковъ, 82—83.

водились черезъ «татарскій» («татаръ» въ подлинникахъ не встрѣчается) и «людской» («улус» значитъ «народъ»).

Въ ярлыкѣ Тимуръ-Кутлуга мы не видимъ ни традиціонной религіозной формулы (въ данномъ случаѣ ожидалась-бы мусульманская; ср. ярлыкъ Тохтамыша Бегъ-хаджію), ни обычнаго въ золотоордынскихъ и старѣйшихъ крымскихъ ярлыкахъ упоминанія страны или области. Въ ярлыкѣ Тохтамыша Бегъ-хаджію вслѣдъ за названіемъ области упоминается высшее при ханѣ военно-административное лицо: Кутлу-буга, и слово ادكو ярлыка Тимуръ-Кутлуга нельзя понимать иначе, какъ въ смыслѣ личнаго имени: Едигей. Выраженіе ادكو باشلغ значитъ: «во главѣ съ Едигеемъ». То же имя встрѣчается въ ярлыкѣ Тохтамыша Ягайлу въ формѣ «Едӱгӱ». Едва-ли будетъ особой смѣлостью допустить, что слово «мыслію» («мьслыю») старорусскихъ переводовъ тарханныхъ ярлыковъ передавало именно это باشلغ — «башлыӈ». Въ сохранившихся монгольскихъ ярлыкахъ аналогичнаго выраженія не находится. Слова ярлыка Тимуръ-Кутлуга: «Мое — Тимуръ-Кутлугово слово уланамъ праваго (и) лѣваго крыла; тысяцкимъ, сотскимъ (и) десятскимъ бегамъ во главѣ съ темникомъ Едигеемъ» соотвѣтствуютъ старорусскимъ: «Мы... Тюлюбѣкъ царь слово реклъ Мамаевою мыслію дядиною ординскимъ и улуснымъ всѣмъ и ратнымъ княземъ» (Приселковъ 107) или: «Бердебѣково слово татарскимъ улуснымъ и ратнымъ княземъ Муалбугиною мыслію» (ibid. 112, ср. 22). Выраженіе «А вы, русскіе князи Семеномъ почен всѣми» (ibid. 57, 79) даетъ иной переводъ слова باشلغ или, можетъ быть, соотвѣтствуетъ иному обороту подлинника со словомъ باشلاب, причемъ слово «всѣми» мнѣ непонятно.

Текстъ ярлыка Тимуръ-Кутлуга, заключающій въ себѣ перечисленіе группъ лицъ второй категоріи (духовенство и администрацію), нуждается въ поправкѣ, намѣченной Березинымъ (Ханскіе ярлыки II, 26, примѣч. 7). Вмѣсто словъ уйгурской транскрипціи: «ічкі кенд-лар-ы-ӈа» и арабской: ічкі кент-lер-ніӊ» слѣдуетъ и здѣсь и тамъ читать: «ічкі кенд даруӈа-лар-ы ӈа» или «ічкі кенд-lер-ніӊ даруӈа-лар-ы-ӈа». Ср. въ ярлыкѣ Саадетъ-Гирея: ايجكى شهر داروغا بيكلارينا и въ ярлыкѣ Менгли-Гирея Ҳоджа бію: ايجكى. كنت لارنينك داروغا بيكلارينا. Указанная поправка дѣлаетъ понятными и غ а не ك въ приставкѣ дательнаго падежа, и наличность притяжательной мѣстоименной приставки 3-го лица. Переводъ исправленнаго выраженія: «внутреннихъ селеній даругамъ» соотвѣтствуетъ старо-русскому: «и волостнымъ и городовымъ (городнымъ) и селнымъ дорогамъ» (Приселковъ, 59, 61, 99, 104 и др.). Слово «самымъ» вмѣсто «селнымъ» нѣкоторыхъ списковъ (ibid. 91—92, 101, 112) является очевиднымъ искаженіемъ, и

ему нѣтъ мѣста въ реконструированномъ текстѣ переводовъ (ср. ibid. 56, 60).

Большинство службъ, перечисляемыхъ во второй и третьей категоріяхъ золотоордынскихъ и старѣйшихъ крымскихъ ярлыковъ, выражается двумя словами по системѣ ἓν διὰ δυοῖν, какъ извѣстно, весьма распространенной въ турецкихъ и монгольскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Это явленіе отразилось и на старо-русскихъ переводахъ ярлыковъ. Подобныя выраженія, встрѣчающіяся и въ остальныхъ частяхъ ярлыковъ, напримѣръ, при перечисленіи налоговъ и повинностей, отнюдь не преслѣдуютъ цѣли дать исчерпывающій перечень въ дѣйствительности существующихъ отдѣльныхъ должностей, профессій и т. п., а лишь условно отмѣчаютъ общія группы таковыхъ. Нѣкоторые изъ терминовъ, входящихъ въ составъ условныхъ традиціонныхъ обозначеній группы должностей, податей и т. д., могутъ, какъ отмѣтилъ Н. И. Веселовскій въ своей рецензіи на книгу М. Д. Приселкова, являться уже пустымъ звукомъ, взятые отдѣльно, и не имѣть реальнаго значенія для извѣстнаго мѣста и въ извѣстное время. М. Д. Приселковъ не учелъ этого важнаго обстоятельства при своемъ историческомъ изслѣдованіи ярлыковъ русскимъ митрополитамъ.

Сочетаніе терминовъ تمغاجی ترتناقجی لر «тамђачы тартнаkчы-лар», переводившееся чрезъ «таможники и вѣсовщики» (Березинъ), «сборщики и таможники» (Радловъ), «сборщики пошлинъ и помощники ихъ» (Ярцовъ), «таможенники и важники» (Ярцовъ и Абду-р-Рахманъ Крымъ-ходжа), отсутствуетъ въ формулѣ обращенія монгольскихъ ярлыковъ, въ старо-русскихъ же переводахъ передается выраженіемъ «таможники и побережники». Въ одной изъ послѣдующихъ частей турецкихъ ярлыковъ встрѣчается сочетаніе تمغا ترتناق «тамђа тартнаk», въ монгольскихъ же ярлыкахъ—одно слово «тамђа». Слово «тартнаk» въ турецкихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, помимо ярлыковъ, словарями не отмѣчено и переводилось гадательно. Я не вижу достаточныхъ основаній понимать «тартнаk», какъ «вѣсовое» (Березинъ, Фирковичъ), и склоненъ сближать этотъ терминъ съ терминомъ, образованнымъ отъ той же глагольной основы «тарт»: «тартыk» (или «тартыђ», «тарту»), «тартуk» въ значеніи *подарокъ, подать* (Словарь Радлова III, 864—865). Ср. въ ярлыкѣ Мухаммедъ-Гирея Жигмонду: یوز اقچەدە اوچ اقچە تمغا بیریب اندن باشقا تمغا تارتناق برماکایلار «(купцы) да даютъ на 100 акчей 3 акчи пошлины и помимо этого пошлины и подати да не даютъ» (стр. 4) и въ переводахъ В. Д. Смирнова: «саугачи и тамгачи» (169, 172, 175).

Сочетанію دیوان بتیکجی لری کا ярлыка Тимуръ-Кутлуга, دیوان بتکاچی لارینکا ярлыковъ Тохтамыша Бегъ-хаджію и Саадетъ-Гирея въ ярлыкѣ

Омаръ-шейха соотвѣтствуетъ одно слово «діван-лар-ҕа», въ монгольской формулѣ обращенія этого пункта нѣтъ, въ старо-русскихъ переводахъ читаемъ: «писцемъ» (въ Тайдулиныхъ ярлыкахъ Ѳеогносту и Алексѣю нѣтъ). Отступать въ данномъ случаѣ отъ существующихъ переводовъ ради системы двойныхъ словъ («палатамъ и писцамъ ихъ», т. е. внутреннихъ селеній) не рѣшаюсь.

Въ ярлыкахъ Тохтамыша Бегъ-хаджію, Менгли-Гирея Ходжа-бію и Махмуду и Мухаммедъ-Гирея Тоглу-бію вторая категорія лицъ является первой за отсутствіемъ перечисленія военныхъ чиновъ. Въ составѣ группъ лицъ второй категоріи ярлыки между собою не совсѣмъ согласны, за исключеніемъ ярлыковъ Тохтамыша Бегъ-хаджію, Тимуръ-Кутлуга и Менгли-Гирея Махмуду. Обращенію этихъ ярлыковъ: «внутреннихъ селеній (или Крымскаго тюменя) даругамъ (и бегамъ), казіямъ (и) муфтіямъ, шейхамъ (и) суфіямъ, писцамъ палатъ, таможенникамъ (и) сборщикамъ подати» въ старо-русскихъ переводахъ соотвѣтствуетъ: «и волостнымъ самымъ (чит.: селнымъ) дорогамъ, и княземъ, и писцемъ, и таможникомъ, и побережникомъ» (ярлыки Тюляка Михаилу и Бердебѣка Алексѣю).

При перечисленіи группъ лицъ третьей категоріи въ отличіе отъ второй въ ярлыкѣ Тимуръ-Кутлуга отсутствуетъ мѣстоименная притяжательная приставка 3-го лица, которая въ предыдущей категоріи объясняется для меня общимъ опредѣленіемъ въ видѣ словъ «ічкі кенд» или «ічкі кендlер ніӊ». Въ остальныхъ ярлыкахъ приставка эта переходитъ и въ третью категорію, полностью или частично, изъ-за чего ослабляется та рѣзкость въ дѣленіи сосѣднихъ категорій, какую мы наблюдаемъ только въ ярлыкѣ Тимуръ-Кутлуга.

Начало текста перечисленія группъ-лицъ третьей категоріи въ ярлыкѣ Тимуръ-Кутлуга должно быть исправлено. Вмѣсто: يورتار ايشلانجى يولاوجى لر слѣдуетъ читать: يورتار ايشور ايلجى يولاوجى لر «јортар ешӳр еlчі јолавачылар» — «мимохожіе (и) мимоѣзжіе послы (и) посланцы». Ср. ярлыки Саадетъ-Гирея и Менгли-Гирея Ходжа-бію: يورور ايشور ايلجى يولاوجىلار «ѣдущіе и проходящіе послы, посланные», «ѣдущіе и проходящіе послы и посланники» (Березинъ), «ѣдущіе и проѣзжающіе послы, гонцы» (Ярцовъ). Соотвѣтствующее мѣсто ярлыковъ русскому духовенству гласитъ: «мимохожіе послы» (Приселковъ 92, 96, 99, 101, 104). Сочетаніе словъ «еlчі јалавач» встрѣчается въ уйгурскихъ документахъ изъ Восточнаго Туркестана. Въ ярлыкѣ Селяметъ-Гирея по изданію Фирковича (стр. 58) читаемъ: يولجى يولاوجى «путникамъ и проводникамъ» (стр. 62). Въ монгольскихъ ярлыкахъ находимъ одно слово: «еlчі(н)» съ двумя опредѣленіями. Въ

одномъ изъ крымско-татарскихъ документовъ, изданныхъ Вельяминовымъ-Зерновымъ (Матеріалы, стр. 734) мнѣ попался терминъ باتر الچى или باتور الچى «посолъ, пребывающій на одномъ мѣстѣ».

Сочетаніе терминовъ بوكاول توتقاول, имѣющееся, кромѣ ярлыка Тимуръ-Кутлуга, еще только въ ярлыкѣ Тохтамыша Бегъ-хаджію, затрудняло переводчиковъ; Березинъ переводилъ: «букауламъ, заставщикамъ», Вамбери — «den geheimen Wachen und Polizei-agenten», Радловъ — «бекауламъ и туткауламъ», Ярцовъ: «заставщикъ и разсыльщикъ». Соблазнительное разъясненіе Будагова разрушено Н. И. Веселовскимъ[1]. Въ ярлыкѣ Менгли-Гирея Ходжа-бію находимъ иное сочетаніе, не представляющее трудностей: توتقاول قراول «тутkаул kараул» — «заставы и дозоры», а въ ярлыкѣ Селяметъ-Гирея: بوكاول يصاول «ясауламъ, урядникамъ» (стр. 62). Слово بوكاول встрѣчается еще въ ярлыкахъ Менгли-Гирея Ходжа-бію и Махмуду и Мухаммедъ-Гирея Тоглу-бію въ сочетаніи بوكاول چرى لارى, которое въ ярлыкѣ Саадетъ-Гирея имѣетъ видъ: بوكال چرى لارى; это послѣднее сочетаніе переводили: «войско опричное» (Ярцовъ), «войсковые букаулы» (Sic! Березинъ). Естественными представляются слова Березина: «Судя по соединенію Букаула съ Туткауломъ (заставщикомъ) въ подлинныхъ тарханныхъ ярлыкахъ, можно думать, что обязанность Букаула была весьма близка къ должности Туткаула» (Ханскіе ярлыки II, стр. 30—31). Весьма любопытное сопоставленіе словъ, подтверждающее мысль Березина, находимъ мы въ Codex Cumanicus: placerius (по-латыни) — tataul (по-персидски!)—bogaul (по-кумански; Kuun, 105). Слово «tataul» вѣроятно слѣдуетъ читать «tutaul» (т. е. тутkаул), «placerius» разъясняется словаремъ Дю-Канжа чрезъ «scriba publicus, tabellio, greffier». На стр. 301 Codicis Cumanici, однако[2], слово «bogaul» переводится издателемъ чрезъ «vigil, custos». Послѣднее толкованіе, какъ и переводъ Вамбери, удовлетворительно объясняютъ соотвѣтствіе сочетаній въ ярлыкахъ: توتقاول' يصاول بوكاول и توتقاول قراول بوكاول. Выраженіе старо-русскихъ переводовъ: «и бураложникомъ, и заставщикомъ» совпадаетъ, повидимому, съ третьимъ сочетаніемъ; «тутkаул» значитъ, между прочимъ: логовище звѣря (Радловъ III, 1487), и невольно возникаетъ вопросъ: нельзя-ли толковать до сихъ неразъясненное[3] слово «буралажникъ» какъ «берложникъ»? Выраженіе بوكاول

[1] Мнимая должность букаульнаго тамговщика въ имперіи Чингизъ-хана (ЗВО. XXIV, 1916 г., стр. 202).

[2] Различныя толкованія слова بوكاول собраны у Z. Gombocz, Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache (M. S. F.-Ou. XXX, 40).

[3] Ни чѣмъ не подтверждается производство этого слова отъ несуществующаго турецкаго بورولیق «волчарь», которое было образовано самимъ Березинымъ (Ханскіе ярлыки, III, 13).

جرىلارى можно, въ виду вышесказаннаго, переводить «охранныя войска». Предстоитъ еще выяснить, тожественны или нѣтъ: только что разобранное слово بوكاول и имѣющее гласный «а» въ первомъ слогѣ بكاول «завѣдующій придворной кухней» (ср. словари «Абушка», Ценкера и Шейха Сулеймана Бухарскаго).

Въ обращеніяхъ другихъ ярлыковъ отсутствуетъ сочетаніе ярлыка Тимуръ-Кутлуга یامجی سوسونجی «ямщики (и) кормовщики» (пропущенное при этомъ сочетаніи окончаніе дательнаго падежа мною возстанавливается), выраженіе же нашего ярлыка: بازارده تورغانلرغه «базарда турђан-ларђа» — «находящимся на базарѣ» можно сопоставить съ выраженіемъ: نی کیم حرفت اغالارینکا «какимъ бы то ни было мастерамъ» ярлыка Тохтамыша Бегъ-хаджію и съ выраженіемъ: حرفت اغالاری قارتلارینکا «старѣйшинамъ мастеровыхъ» ярлыка Мухаммедъ-Гирея Тоглу-бію; какъ извѣстно, на мусульманскомъ Востокѣ ремесленники группируются по спеціальностямъ на базарахъ.

Третья и послѣдняя часть обращенія ярлыка Тимуръ-Кутлуга въ общемъ гласитъ: «мимохожимъ (и) мимоѣзжимъ посламъ и посланникамъ, дозорамъ (и) заставамъ, ямщикамъ (и) кормовщикамъ, сокольникамъ (и) барсникамъ, лодочникамъ (и) мостовщикамъ, базарному люду». Ср. въ ярлыкахъ Тюляка и Бердебѣка: «и мимохожимъ посломъ, и сокольникомъ и пардусникомъ, и буралoжникомъ, и заставщикомъ, и лодейщикомъ (3), или кто на каково дѣло ни поидетъ, многимъ людемъ и ко всѣмъ (4)». Четвертая категорія обращенія находитъ себѣ соотвѣтствія въ рядѣ турецкихъ ярлыковъ.

II. — Часть вторая ярлыка: подтвержденіе тарханства.

Чингизханидскіе тарханные ярлыки или объявляютъ о новомъ пожалованіи привилегій вольнаго тарханства, или подтверждаютъ ранѣе пріобрѣтенныя права на сіи привилегіи. Тотъ или иной характеръ тарханной грамоты выявляется не гдѣ-нибудь въ концѣ ярлыка (Приселковъ 66, 70—71), а во второй его части, и именно на эту часть надо ссылаться при доказательствахъ того, «подтвердительный» ли данный тарханный ярлыкъ или нѣтъ (ср. Приселковъ 67—68). Особенностью второй части «подтвердительныхъ» ярлыковъ является историческая справка. «Подтвержденіе» требовалось, какъ, между прочимъ, явствуетъ изъ правильныхъ наблюденій М. Д. Приселкова (стр. 69), въ двухъ случаяхъ: 1) новый ханъ подтверждалъ ярлыки своихъ предшественниковъ по отношенію къ лицамъ, пользовавшимся привилегіями при прежнихъ ханахъ; 2) ханъ подтверждалъ

права на тарханство лицъ, предки или предшественники коихъ (когда, напримѣръ, дѣло касается митрополитовъ) имѣли тарханныя грамоты. Изъ дошедшихъ до насъ тарханныхъ ярлыковъ русскимъ митрополитамъ всѣ — «подтвердительные». Изъ турецкихъ тарханныхъ ярлыковъ, изданныхъ въ подлинникѣ, изначальными, не подтвердительными являются два: 1) Саадетъ-Гирея и 2) Менгли-Гирея Ходжа-бію; въ первомъ изъ нихъ объясняется причина пожалованія (служба стрѣлками: بزكا توفنكجى اولدغى سبب دان), во второмъ—нѣтъ. Документъ султана Омаръ-шейха, отца императора Бабура, тоже является подтвердительной тарханной грамотой, которая въ данномъ случаѣ названа не ярлыкомъ, а «нишаномъ». И монгольскія грамоты Дарма-Баловой и Буянту-хана — «подтвердительныя». Изъ десяти ярлыковъ, переведенныхъ В. Д. Смирновымъ, восемь (№№ 3 —10) — подтвердительные. «Подтвердительными» названы въ описаніи коллекціи ярлыковъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей №№ 6, 7, 8 (Зап. Од. Общ., I, 639).

Итакъ, вторая часть тарханныхъ ярлыковъ подтвердительныхъ, къ категоріи которыхъ принадлежитъ и ярлыкъ Тимуръ-Кутлуга, распадается на два отдѣла: 1) историческая справка, 2) подтвержденіе.

Въ отдѣлѣ первомъ указывается, при какомъ ханѣ или при какихъ ханахъ предшественники держателя настоящаго ярлыка и какіе именно предшественники пользовались привилегіями, причемъ иногда перечисляются самыя привилегія и объясняется, за что онѣ были пожалованы, или же указывается, съ какой поры и за что предъявитель данной грамоты состоитъ тарханомъ. Старѣйшимъ ханомъ, упоминаемымъ въ изданныхъ турецкихъ ярлыкахъ, является Батый (Саинъ-ханъ), а въ монгольскихъ и переводныхъ русскихъ — Чингизъ-ханъ. Изъ турецкихъ ярлыковъ особой распространенностью перваго отдѣла второй части отличается ярлыкъ Тохтамыша Бегъ-хаджію, изъ ярлыковъ русскимъ митрополитамъ — ярлыкъ Менгу-Тимура. Встрѣчающееся въ первомъ отдѣлѣ второй части ярлыковъ Тайдулы «русскимъ князьямъ Семеномъ почень» и митрополиту Ѳеогносту выраженіе «отъ первыхъ добрыхъ временъ» или «изъ давнихъ изъ добрыхъ временъ» ни монгольскими ни турецкими ярлыками не подтверждается, и невольно рождается догадка, можетъ быть—чрезмѣрно смѣлая, о томъ, что въ данномъ случаѣ оказалось переведеннымъ, какъ нарицательное, собственное имя Батыя: «Саинъ», значащее по-монгольски «хорошій, добрый» (ср. далѣе соотвѣтствующее мѣсто ярлыка Тимуръ-Кутлуга)[1].

[1] Въ словарѣ Радлова (IV, 294) слово «сајін» приводится, какъ чагатайское, съ единственной ссылкой на Бабуръ-намэ по изданію Ильминскаго (103), гдѣ текстъ искажѣнъ (ср. изданіе A. Beveridge, 84b): вм. سايين чит. كوجه سايى لاردا.

Въ большинствѣ турецкихъ тарханныхъ подтвердительныхъ ярлыковъ (за исключеніемъ ярлыковъ Тохтамыша Бегъ-хаджію и Селяметъ-Гирея караимамъ) связь между первымъ и вторымъ отдѣлами второй части выражается въ томъ, что въ первомъ отдѣлѣ сообщается о предъявленіи держателемъ ярлыка доказательствъ своихъ правъ на тарханство, причемъ обычно употребляется выраженіе: «доложилъ о положеніи», а во второмъ отдѣлѣ доказательства объявляются правильными (jöп) и тарханство подтверждается («мы сказали: быть тарханомъ»). Въ монгольскихъ ярлыкахъ связь между обоими отдѣлами выражается обычно словами: «урідану зарліғун jосуғар» «по примѣру прежнихъ ярлыковъ» (съ нѣкоторыми варіантами), неточнымъ, приблизительнымъ переводомъ которыхъ являются слова грамотъ русскому духовенству: «прежнихъ ярлыковъ не изыначивая» (ср. рец. Н. И. Веселовскаго, стр. 123 и 119). Во французскихъ переводахъ Шаванна съ китайскаго находимъ: «en conformité avec les règlements de ces précédents édits» (378), «D'après de précédents édits impériaux» (388), «nous conformant à ce qui a été (prescrit) précédemment» (390) и т. д. Слово «докладывать» выражалось въ турецкихъ ярлыкахъ, судя по ярлыкамъ Тимуръ-Кутлуга, Менгли-Гирея Махмуду и Мухаммедъ-Гирея Тоглу-бію, глаголомъ «öтӱн», именное образованіе отъ котораго «öтӱl» — «докладъ, ходатайство» встрѣчается во второмъ отдѣлѣ второй части тѣхъ же ярлыковъ (ср. рец. Н. И. Веселовскаго, стр. 121—122).

Нельзя, наконецъ, не отмѣтить, что встрѣчающееся въ первомъ отдѣлѣ второй части турецкихъ ярлыковъ слово «jерге» въ значеніи «положеніе», которое въ ярлыкѣ Тимуръ-Кутлуга имѣетъ «монгольскую» форму «церге» (Радловъ, 27), въ соотвѣтствующихъ частяхъ монгольскихъ ярлыковъ отсутствуетъ.

Въ первомъ отдѣлѣ второй части ярлыка Тимуръ-Кутлуга имѣется пять искаженій, два изъ коихъ исправлены В. В. Радловымъ. Въ согласіи съ послѣднимъ я выкидываю окончаніе вин. падежа نى при словахъ اوباكا آتالرى уйгурской и арабской транскрипцій и замѣняю слова: [illegible] уйгурской и اوتوندردى арабской транскрипцій словомъ «öтӱндi», которое стоитъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ ярлыковъ Менгли-Гирея Махмуду и Мухаммедъ-Гирея Тоглу-бію: اوتوندى. Третья поправка, которую я считаю наиболѣе любопытной (она и побудила меня взяться за пересмотръ ярлыка), относится къ строкѣ 14-й. Конецъ этой строки ранѣе читали «бірі біре», не обращая вниманія на то, что начало второго слова написано по-уйгурски иначе, чѣмъ перваго, и совершенно такъ, какъ въ словахъ «баjрам» ([illegible] — بيرم) и «берӱ» ([illegible] — بيرو; строки 16 и 24). Вамбери основательно

исправилъ въ арабской транскрипціи первое слово بيرى на بيرو. Второе слово является очевиднымъ искаженіемъ слова «баjза» (بايزه، بايزا—«пайдза»), которое по-уйгурски должно писаться [uyghur script]. Моя поправка основывается на выраженіи بايزه يرليغ ليغ ترخان «паjза jарлыҕлыҕ тархан» въ строкѣ 10-й ярлыка Тохтамыша Бекъ-хаджію (Березинъ 14; у Григорьева и въ словѣ Будагова при بايزه невѣрно: بايزه ليغ برليغ ترخان). Приведенное выраженіе помогаетъ установить четвертое искаженіе въ данномъ мѣстѣ ярлыка Тимуръ-Кутлуга: при словѣ «jарлыҕ» въ началѣ строки 15-й, стоящемъ непосредственно за словомъ «баjза» строки 14-й и по смыслу связанномъ съ послѣдующимъ (черезъ слово) «тарханлык», — пропущена въ обѣихъ транскрипціяхъ приставка «лыҕ».

Въ Монгольской имперіи и возникшихъ на ея почвѣ «улусахъ» — удѣлахъ при пожалованіи вольностей тарханства, какъ и при нѣкоторыхъ другихъ пожалованіяхъ и назначеніяхъ, выдавались и ярлыкъ, и пайдза. Оба этихъ подтвержденія тарханства получилъ, между прочимъ, въ обычномъ порядкѣ и митрополитъ Алексѣй, по свидѣтельству перевода выданной ему грамоты (ср. Приселковъ 61, 70—78. Рец. Н. И. Веселовскаго, 127). Въ ярлыкѣ Тюлюбѣка Михаилу смѣшанной (по классификаціи Приселкова, 108) редакціи встрѣчается терминъ «ба(+ и)сникъ», образованный, повидимому, отъ слова «баиса» и, вѣроятно, замѣняющій терминъ «баскакъ». Ни въ монгольскихъ, ни въ большинствѣ турецкихъ тарханныхъ ярлыковъ «пайдза» не упоминается, почему — объяснить не умѣю. Въ позднѣйшихъ крымскихъ ярлыкахъ имѣется слово «байса» въ новомъ значеніи, о чемъ надѣюсь сказать въ статьѣ о «байсѣ — басмѣ».

Пятая поправка, въ которой я не совсѣмъ увѣренъ, касается второго слова строки 15-й. На строкѣ 28-й того же ярлыка Тимуръ-Кутлуга и на строкѣ 6-й ярлыка Саадетъ-Гирея слово «тарханъ» снабжено весьма подходящимъ для него эпитетомъ въ видѣ персидскаго слова ازاد «āзāд» *вольный:* آزاد ترخان «вольный тарханъ», на строкѣ же 15-й нашего ярлыка находимъ сочетаніе راست ترخان «истинный тарханъ», причемъ въ уйгурской транскрипціи конецъ слова написанъ совершенно такъ же, какъ въ словѣ «āзāд» строки 28-й: «сд», «зд» — [uyghur script] (съ пропускомъ буквы «а»). При окончательномъ рѣшеніи вопроса объ этой поправкѣ придется еще считаться съ затруднявшимъ переводчиковъ словомъ ازاد — [uyghur script] строки 31-й; тогда же, можетъ быть, пригодится и слѣдующее мѣсто изъ грамоты Джанибегъ Гирея царю Михаилу Ѳеодоровичу 1043=1633 года (Матеріалы, № 24, стр. 111): تقى حالا اولوغ الجى باشيكوز بيلا سز قرداشمز خطره سيكون آزاد چيقغان تارخانلارنى ترخان قيليب بياردىك الجى باشيكوزغه صى لاب ويردوك, а

также выраженіе ярлыка Селяметъ-Гирея: معاف ومسلم وترخان قيلوب съ предшествующимъ исходнымъ падежомъ (Фирковичъ, 58). Первыя два слова безъ третьяго встрѣчаются въ соотвѣтствующей части османской жалованной грамоты семейству іудейки Киры (В. Д. Смирновъ, стр. 74, 76).

Второй отдѣлъ второй части ярлыка Тимуръ-Кутлуга въ исправленіяхъ не нуждается.

Относительно перевода всей второй части можно сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Слово توتاتورغان значитъ: «владѣющій, держатель, предъявитель» (Березинъ, Радловъ, Смирновъ). Тотъ же составной глаголъ встрѣчается на строкѣ 50-й въ формѣ توتاتورورغه «тута-турур-ђа» со значеніемъ: «для держанія, чтобы держать» (Березинъ, Смирновъ), «для того, чтобы они предъявили» (Радловъ 38; ср. ibid. 21 и словарь Будагова I, 746), «въ удостовѣреніе чего» (Ярцовъ-Григорьевъ). Этому выраженію соотвѣтствуетъ неудачное выраженіе старо-русскихъ переводовъ «на утверженіе», которое отнюдь нельзя понимать въ смыслѣ «подтвержденія», какъ опредѣленно явствуетъ изъ словъ «Отвѣта Макарія великому князю Ивану Васильевичу»: «но и ярлыки свои тѣмъ святымъ митрополитамъ подаваху на утверженіе святымъ церквамъ и святымъ монастыремъ» (Приселковъ 48; ср. ibid. 37, 45, 66, 70—71). Въ русскихъ тарханныхъ грамотахъ XVIII в. писалось: «во знакъ сей Нашей Императорскаго Величества къ нему милости сію Нашу Императорскую Всемилостивѣйшую тарханную грамоту иметь ему Таймасъ Батырю при себѣ» или: «а сей Ея И. В. указъ иметь имъ Сейну з братьями при себе для показанія о тарханстве ихъ другимъ»[1].

Выраженіе: بورونغى كيچكان سايين خان جاغىدين بيرو ср. съ выраженіями крымскихъ ярлыковъ: بزيم كيچكانلاريمزنونك دوستليغى «дружба нашихъ предшественниковъ» (Матеріалы 3), حالا بوروندين بورون ايلاخ مملكتى قرالى بولوب اولكان اهوست قرال نينك جيان لارى «нынѣ племянникъ умершаго короля Августа, бывшаго изстари королемъ ляхскаго государства» (ibid. 15), ايرتاكى ايلكارى اوتكان اوجماقليغ اولوغ اورغلاريمز و اولوغ اتالاريمزتقى اولوغ اغاجالاريمز «Издревле бывшіе, блаженные (собств. райскіе) великіе родичи мои и великіе предки мои и великіе братья мои» (ibid. 21).

Мое пониманіе слова جركا въ смыслѣ арабскихъ حال ‘ احوال «положеніе, обстоятельства», примѣнимое къ тому же слову въ ярлыкѣ Тохтамыша

---

[1] В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, Источники для изученія тарханства, жалованнаго башкирамъ русскими государями. Прилож. къ т. IV Зап. Имп. Ак. Наукъ № 6 (1864 г.) стр. 5—6.

Ягайлу (Радловъ, 7, 12—13, 27), основано на примѣчаніи Березина (Ханск. ярлыки I, 54) и находится въ согласіи съ новѣйшими переводами тарханныхъ ярлыковъ (В. Д. Смирновъ 168 и далѣе). Дѣепричастія بوروب и سیورقاب я отношу не къ اوتونلی, а къ قیلغان (ср. Радловъ 27), а сочетаніе انکلاتا اوتونلی понимаю: «разъяснивъ-доложилъ», т. е. «представилъ доказательства»[1]. Полный переводъ второй части даю въ слѣдующей главѣ.

III. — Текстъ и переводъ первой и второй частей ярлыка.

Уйгурское правописаніе ярлыка Тимуръ-Кутлуга отличается одной особенностью, на которую не обращали вниманія и которая присуща «нишану» Омаръ-шейха полностью, а ярлыку Тохтамыша Ягайлу — отчасти; это—обозначеніе звуковъ «ӧ» и «ÿ» по системѣ арабской транскрипціи черезъ ـو, а не черезъ ـوی. Въ ярлыкѣ Тохтамыша только слово «сӧзÿм» изображено по уйгурской системѣ سویزویم. Думаю, что эта особенность, свойственная въ большой мѣрѣ и «Кутадгу-билигу», объясняется вліяніемъ мусульманской письменности черезъ авторовъ и писцовъ, знавшихъ и арабскую, и уйгурскую грамоты. При переизданіи разобраннаго мною отрывка я сохраняю орѳографію подлинника и исправляю только отмѣченныя въ предыдущихъ главахъ искаженія. Въ отличіе отъ документовъ Тохтамыша и Омаръ-шейха, въ коихъ діакритическія точки отсутствуютъ, въ ярлыкѣ Тимуръ-Кутлуга встрѣчаются, какъ и въ Гератскомъ спискѣ XV в. «Кутадгу-билигъ»: точка надъ «н», двоеточіе надъ «k» (ҕ, х, h) и двоеточіе подъ «ш» (только дважды: kушчы—строка 10 и тÿшÿрмесÿн—строка 43). Уйгурскій почеркъ нашего ярлыка рѣзко отличается отъ почерка двухъ вышеназванныхъ документовъ и другихъ мусульманско-уйгурскихъ почерковъ XIV—XV вв., представленныхъ В. В. Радловымъ въ приложеніи къ факсимиле Кутадгу-билигъ («Кудатку-биликъ», СПБ. 1890), обнаруживая сходство лишь съ почеркомъ Абду-р-Реззака (ibid. 190 и Ein uigurischer Text aus dem XII Jahrhundert. ИАН. 1907, 378), жившаго во второй половинѣ XV вѣка въ Константинополѣ[2]. Въ обоихъ написанныхъ его рукою текстахъ, кромѣ того, наблюдаются и арабская система передачи звуковъ «ӧ», «ÿ», и діакритическіе знаки при трехъ буквахъ, какъ въ ярлыкѣ

[1] Аналогичный оборотъ съ глаголомъ «ötün» имѣется въ манихейско-уйгурскомъ «Хуастуанифтѣ», въ концѣ каждаго члена молитвы.

[2] Слово بخشی при имени Абду-р-Реззака обозначаетъ не пѣвца («Кудатку-биликъ, Факсимиле», стр. XX; Вамбери. ZDMG. XXI, 651 и Uigur. Sprachmonum.» 29), а человѣка, умѣющаго писать по-уйгурски (ср. В. В. Бартольдъ, Къ вопросу объ уйгурской литературѣ, Жив. Старина. 1909, II—III, 46).

Тимуръ-Кутлуга. Арабская транскрипція исполнена въ ярлыкѣ Тимуръ-Кутлуга красными чернилами почеркомъ نسخ تعليق съ троеточіями подъ буквою «с» и одною точкою (вмѣсто трехъ) подъ «ч». Такимъ же почеркомъ и съ тѣми же особенностями написано Абду‹р-Реззакомъ его заключительное къ четверостишіямъ двустишіе въ концѣ Гератскаго списка Кутадгу-билига. Какъ извѣстно, ярлыкъ Тимуръ-Кутлуга былъ полученъ Гаммеромъ изъ Константинополя.

Изъ отмѣченныхъ въ главахъ I—II настоящей статьи искаженій текста въ уйгурской и арабской транскрипціяхъ я заключаю, что дошедшая до насъ арабская транскрипція исполнена по испорченной уйгурской съ нѣкоторыми отъ нея уклоненіями и за оригиналъ признана быть не можетъ; уйгурская транскрипція въ дошедшемъ до насъ видѣ представляетъ собою тоже не оригиналъ, а довольно неважную, хотя съ внѣшней стороны и красивую копію. Приведенныя въ началѣ III главы наблюденія надъ почерками и орѳографіей въ связи съ фактомъ появленія ярлыка въ Европѣ изъ Стамбула позволяютъ, думается мнѣ, предположить, что родина настоящей копіи — столица Турціи, время же ея возникновенія — конецъ XV или начало XVI вѣка, когда у Золотого Рога интересовались уйгурской и чагатайской письменностями[1].

I] [illegible]

تيمور قتلغ سوزوم | اونك

[illegible]

قول سول | قول نينك اوغلان[3] لرى

[illegible]

غه | تومان ادكو باشلغ منك

Мое[2] — Тимуръ-Кутлугово слово: праваго крыла (и) лѣваго крыла уланамъ; тысяцкимъ, сот-

---

[1] Только въ сноскѣ могу себѣ позволить высказать догадку о томъ, что искаженіе «байза» въ «байра» въ уйгурской транскрипціи произошло при списываніи съ *первоначальной арабской*, до насъ не дошедшей, транскрипціи, въ коей при буквѣ «з» была опущена точка (بايرا вм. بايزا). Вѣдь «древнѣйшій изъ тюркскихъ ярлыковъ, донынѣ извѣстныхъ въ подлинникѣ», ярлыкъ Тохтамыша Бегъ-хаджію (Березинъ, 12) писанъ арабскими буквами почеркомъ «дивани». Зачѣмъ понадобилось столько послѣдовательныхъ переписываній разными алфавитами, судить не берусь. По предположенію В. В. Радлова и «Кутадгу-билигъ» былъ первоначально писанъ арабскимъ алфавитомъ, позднѣе же переписанъ уйгурскими буквами. — Пользуясь случаемъ, укажу, что почеркомъ «дивани» изображена цитата изъ «Кутадгу-билигъ» на кувшинѣ, найденномъ въ Сарайчикѣ, причемъ въ надписяхъ этого кувшина, какъ и въ ярлыкахъ Тохтамыша Бегъ-хаджію и Саадетъ-Гирея, буква «р» отличается отъ буквы «з» точкою внизу (ЗВО. XXI, 041).

[2] Римскія цифры обозначаютъ части ярлыка, а арабскія — подраздѣленія частей согласно установленному мною выше плану.

[3] Рук. اوخلان!

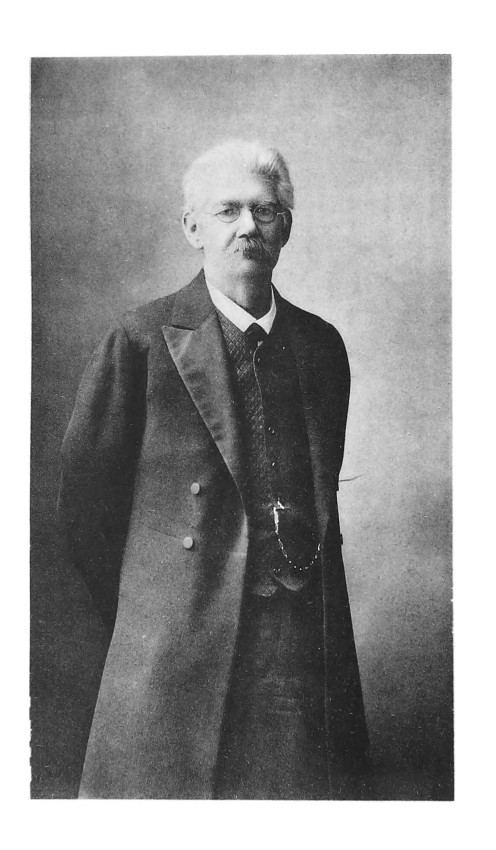
بوز اوُن | بيكلارى كا ابجكى	скимъ, десятскимъ бегамъ во главѣ
كنت لر نينك [داروغا لرى	съ темникомъ Едигеемъ (1); вну-
غه] قاضى | مفتى لرى غه	треннихъ селеній даругамъ, казіямъ
مشايخ صوفى لرى غه |	(и) муфтіямъ, шейхамъ (и) суфіямъ,
ديوان بتيكجى لرى كا	писцамъ палатъ (?), таможенникамъ
تمغاچى ترت ناقچى لرى غه	(и) сборщикамъ подати (2); мимохо-
يورنار [ايشور ايلچى] يولاوچى | لر	жимъ (и) мимоѣзжимъ посламъ (и)
غه بوكاوول توتقاوول لر غه	посланцамъ, дозорамъ (и) заста-
ياجى سوسونجى لر [غه] قوشچى	вамъ, ямщикамъ (и) кормовщикамъ,
برسچى لر غه | كيمهچى كوبروكچى	сокольникамъ (и) барсникамъ, лодоч-
لر كا بازار ده | تورغان	никамъ (и) мостовщикамъ, базар-
لر غه	ному люду (3).
II] بو يرليغ نى توتا	Понеже держатель сего ярлыка
تورغان | محمد نينك اوباكا	Мухаммедъ представилъ объясне-

[1] Рук. въ словѣ «бег» лишній зубецъ.

[illegible]
انَا لرى بُورُون | غِى
[illegible]
كيجكان سَايِين خان جَاغِى
[illegible]
دين بِيرو بيَزه | يَرليغ
[illegible]
[ليغ] راست (ازاد؟) تَرخان
[illegible]
ليق يوسُونى جا بورُوب |
[illegible]
اَتاسى حاجى بَيرَم خواجه نى |
[illegible]
بيزينك خان اغا لرى ميز
[illegible]
سُبورقاب | ترخان قيلغان جَركا
[illegible]
سين انكلاتا اوُتوندى | ارسا
[illegible]
اوتوُلين يوُب كوروب محمد |
[illegible]
بيزينك سُيورغال بولوب ترخان
[illegible]
بولوب توُرسوُن تيلِيمِيز

ніе того обстоятельства, что предки его жили на правахъ истиннаго (вольнаго?) тарханства, утвержденнаго пайдзой (и) ярлыкомъ, со временъ давно бывшаго Сайинъ хана и что братъ нашъ ханъ пожаловалъ отца его Хаджи-Байрама и сдѣлалъ тархановъ (1), ходатайство его мы правильнымъ признали и объявили быть Мухаммеду подъ нашимъ покровительствомъ, быть нашимъ тархановъ (2).

Петроградъ.
Мартъ 1918 г.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Василій Васильевичъ Радловъ.

5/I 1837—1918 29/IV 12/V.

Некрологъ.

(Читанъ академикомъ **С. Ѳ. Ольденбургомъ** въ засѣданіи Общаго Собранія 18 (5) мая 1918 г.).

Когда умираютъ очень старые люди чувство утраты какъ бы смягчается мыслью, что предѣлъ ихъ жизни ими достигнутъ, что они не могли бы дольше жить, но когда скончался Василій Васильевичъ Радловъ, то всѣ мы почувствовали, что долгіе годы еще могъ бы онъ прожить и работать, такъ много было въ немъ силъ, такъ полонъ онъ былъ жизни. Онъ умеръ, несомнѣнно, жертвою войны и страшныхъ переживаній послѣдняго года.

Съ 7 ноября 1884 года Академія считала Василія Васильевича своимъ членомъ, тридцать три слишкомъ года проработалъ онъ въ ней, и въ широкой, въ полной мѣрѣ оправдалъ тѣ большія ожиданія, которыя питали представлявшіе его Академіи ученые и столь же полно сбылась ихъ надежда, что Василій Васильевичъ получитъ «возможность всецѣло и нераздѣльно посвятить себя научнымъ трудамъ», ибо всякій изъ насъ, знавшихъ Василія Васильевича скажетъ, что кромѣ науки онъ ничѣмъ не занимался и ей одной отдалъ всѣ свои помыслы и силы.

Шестьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ молодой докторъ, только что защитившій диссертацію на тему «Ueber den Einfluss der Religion auf die Nationalitäten und Sprachen Hochasiens» пріѣхалъ въ Россію; Василію Васильевичу тогда былъ 21 годъ. Какъ и его знаменитаго соотечественника Шлецера, В. В. Радлова влекла въ Россію мечта отсюда перебраться на Востокъ, которымъ онъ увлекся еще на школьной скамьѣ. Но Шлецеръ вернулся въ Германію, а Василій Васильевичъ жилъ и странствовалъ на Востокѣ и остался въ Россіи, въ предѣлахъ которой, за исключеніемъ рѣдкихъ, случайныхъ и краткихъ поѣздокъ на западъ онъ прожилъ и проработалъ всю жизнь. Эта жизнь и ея работа даютъ намъ право считать его русскимъ ученымъ, гордостью русской науки.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ началъ заниматься въ нашемъ Азіатскомъ Музеѣ, но скоро убѣдился, что безъ непосредственнаго общенія съ

народами, которые онъ хотѣлъ изучать, никакая работа не будетъ плодотворна. Онъ взялъ мѣсто учителя въ Барнаулѣ, а лѣтними каникулами пользовался для поѣздокъ по Алтаю и киргизскимъ степямъ. Здѣсь онъ стряхнулъ съ себя книжную пыль кабинетнаго ученаго и узкую условность горожанина и сдѣлался тѣмъ глубоко жизненнымъ человѣкомъ, отзывчивостью, энергіею и широкимъ человѣческимъ опытомъ котораго мы восхищались. Такъ прошло десять лѣтъ.

Вотъ что о работѣ этихъ десяти лѣтъ говорятъ академики, предлагавшіе Василія Васильевича къ выбору въ члены Академіи Наукъ: «Если эти десятилѣтнія странствованія посреди бѣдныхъ образованіемъ племенъ были сопряжены съ многими трудностями и лишеніями, къ преодолѣнію которыхъ ученый путешественникъ почерпалъ силы единственно въ сознаніи научной пользы задуманныхъ имъ изслѣдованій, то достигнутые имъ результаты, по важности своей, вполнѣ вознаградили положенный на нихъ трудъ. Изъ собранныхъ помощью ихъ наблюденій и матеріаловъ возникло нѣсколько ученыхъ сочиненій, упрочившихъ за В. В. Радловымъ несомнѣнное и неоспоримое право считаться первымъ знатокомъ Тюркскихъ нарѣчій».

Въ этомъ важномъ отзывѣ трехъ ученѣйшихъ академиковъ Видемана, Наука и Бетлингка, изъ которыхъ послѣдній былъ вмѣстѣ съ тѣмъ авторомъ замѣчательнаго изслѣдованія въ области турецкой филологіи, есть однако одно мѣсто, съ которымъ не согласился бы Василій Васильевичъ и съ которымъ не согласятся тѣ, кто имѣлъ счастіе дышать необъятнымъ просторомъ Азіи, передъ которыми природа Европы кажется такой жалкой и игрушечной: трудности и лишенія путешествій, о которыхъ говорятъ съ кабинетной точки зрѣнія знаменитые ученые, были для Радлова счастіемъ и наслажденіемъ; недаромъ онъ это время считалъ счастливѣйшимъ въ своей жизни.

Собирая матеріалы по языкамъ разнообразнѣйшихъ турецкихъ племенъ, В. В. Радловъ велъ параллельно и изслѣдованіе собираемаго матеріала. Результаты этой систематической собирательской и изслѣдовательской работы выразились въ рядѣ крупныхъ изданій и трудовъ: серія томовъ «Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ», первый томъ которой появился въ 1866 г. и обнимаетъ «подпарѣчія Алтая». Предисловіе къ этому первому тому указываетъ планъ всей работы, раздѣленной В. В. Радловымъ на три части: тексты, съ переводами, затѣмъ общій для всѣхъ нарѣчій словарь и наконецъ сравнительную грамматику. Монументальный словарь, начатый въ 1888 г., былъ доведенъ до конца; за нимъ послѣдовалъ не оконченный при жизни Василія Васильевича «Уйгурскій» словарь; фонетика сѣверныхъ турецкихъ языковъ, съ этно-

графическимъ обозрѣніемъ сѣверныхъ турецкихъ племенъ вышла въ 1882 г.; послѣ нея вышелъ рядъ работъ, связанныхъ съ разными вопросами турецкой грамматики: Василій Васильевичъ могъ быть покоенъ: основа зданія самостоятельнаго изученія турецкихъ племенъ была имъ заложена, была создана новая филологическая дисциплина — турецкая филологія, и онъ имѣлъ право сказать, что это дѣло его рукъ: турецкая филологія навсегда соединена съ именемъ Василія Васильевича Радлова — ея основатели.

Здѣсь не время останавливаться на всемъ томъ, о чемъ я надѣюсь подробнѣе сказать въ другомъ мѣстѣ, теперь же я только напомню Вамъ въ краткихъ чертахъ ходъ дальнѣйшей научной работы Василія Васильевича. Его алтайскія, а потомъ и туркестанскія поѣздки дали прекрасный общій очеркъ «Aus Sibirien» (издано въ двухъ томахъ въ 1884 г., 2 изд. 1893 г.) и рядъ интересныхъ, главнымъ образомъ этнографическихъ, статей въ русскихъ и иностранныхъ научныхъ журналахъ; кромѣ того столь важныя для Сибирской Археологіи «Сибирскія древности», результатъ его раскопокъ и обработки археологическаго матеріала.

Когда замѣчательная находка Н. М. Ядринцева на Орхонѣ обнаружила существованіе турецкихъ руническихъ надписей, привлекшихъ къ себѣ вниманіе и финскихъ ученыхъ, Василій Васильевичъ со свойственной ему энергіею провелъ проектъ академической экспедиціи на Орхонъ, былъ лично на мѣстахъ находокъ, не страшась трудностей, и уже въ 1892 г. опубликовалъ предварительный отчетъ своей экспедиціи, за которымъ послѣдовалъ цѣлый рядъ работъ, посвященныхъ турецкимъ надписямъ. Правда общій разборъ надписей удалось сдѣлать до него знаменитому В. Томсену, заслуги котораго Василій Васильевичъ всегда ставилъ чрезвычайно высоко, но В. В. Радлову принадлежитъ первый полный переводъ надписей, руководствуясь которымъ другіе могли, конечно, внести впослѣдствіи рядъ поправокъ: Василій Васильевичъ никогда не боялся вступать первымъ въ неизвѣданную страну, не боялся ошибокъ, памятуя о старинномъ реченіи «ошибками учимся».

Когда зимою 1897 я принесъ ему найденные мною въ привезенныхъ изъ Турфана Роборовскимъ и Козловымъ вещахъ отрывки двуязычныхъ уйгурскихъ и санскритскихъ рукописей, Василій Васильевичъ рѣшилъ сейчасъ же снарядить экспедицію въ Турфанъ, куда по порученію Академіи Наукъ въ 1898 при содѣйствіи В. В. Радлова отправился Д. А. Клеменцъ, съ женою Е. Н. и М. С. Андреевымъ. Привезенный имъ уйгурскій матеріалъ былъ немедленно изданъ Василіемъ Васильевичемъ. Когда затѣмъ по почину Василія Васильевича былъ образованъ «Русскій Комитетъ по изученію Средней и Восточной Азіи», онъ связалъ со своимъ именемъ дѣя-

тельное изученіе древностей Китайскаго Туркестана, куда былъ снаряженъ рядъ экспедицій и изученіе уйгурской литературы по буддизму и манихейству, которымъ онъ посвятилъ послѣдніе годы своей жизни. Нельзя не удивляться тому молодому увлеченію, съ которымъ В. В. уже въ глубокой старости, не боясь никакихъ трудностей, погрузился въ невѣдомые ему до того сложные міры манихейства и буддизма, радуясь каждой новой находкѣ, каждой разрѣшенной загадкѣ.

Съ 1894 г. Василій Васильевичъ сдѣлался Директоромъ Музея по Антропологіи и Этнографіи, который тогда былъ въ сущности просто небольшой этнографической частью старой петровской Кунсткамеры. Двадцать четыре года пламеннаго, не найду лучшаго слова, — труда положилъ онъ на Музей, и теперь передъ нами большой научный институтъ! Помню хорошо эти старыя героическія времена Музея, когда Василій Васильевичъ, вмѣстѣ съ Д. А. Клеменцомъ, проводилъ цѣлые дни въ Музеѣ, участвуя самъ въ разборкѣ коллекцій и ихъ установкѣ, помню какъ онъ радовался малѣйшему содѣйствію его работѣ, и интересу къ Музею. И всѣ вокругъ него загорались его любовью къ дѣлу, къ Музею, работали за гроши, работали даромъ, лишь бы помочь Музею. Много свѣтлаго и радостнаго нашелъ онъ въ этой работѣ, но и много тяжелаго. Онъ горячился, волновался, спорилъ, а потомъ опять успокаивался за работою. У Василія Васильевича была черта свойственная вообще большимъ людямъ: онъ не боялся критики и не обижался никогда на нее — ему можно было всегда прямо въ лицо сказать все, что думаешь, какъ бы рѣзки и отрицательны не были въ ту минуту и мысли и слова. Онъ спорилъ, но никогда не чувствовалъ и не помнилъ обиды.

Потребовалось бы много времени, чтобы полно очертить богатую, цѣннѣйшую научную работу В. В. Радлова, указать ея пути и достиженія, указать на результаты его исключительно блестящей организаторской дѣятельности, но надѣюсь, что мнѣ пока хоть отчасти, въ этихъ краткихъ поминальныхъ словахъ удалось выяснить сдѣланное этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Замѣчательнымъ и большимъ человѣкомъ мы вправѣ его называть, и Вы всѣ признаете навѣрное, что со смертью его Россія потеряла большого ученаго, а Академія одного изъ дѣятельнѣйшихъ своихъ членовъ, безгранично ей преданнаго. Съ нимъ сошелъ въ могилу одинъ изъ послѣднихъ ученыхъ того поколѣнія созидателей востоковѣдѣнія, которые умѣли соединять широту кругозора съ углубленностью спеціальныхъ знаній; подобныхъ имъ уже не будетъ и потому память о нихъ для насъ особенно дорога и имѣетъ для насъ особенное значеніе могучимъ творчествомъ ихъ жизненной работы.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Academie des Sciences de Russie).

Списокъ рукописей, пріобрѣтенныхъ для Азіатскаго Музея Россійской Академіи Наукъ В. А. Ивановымъ въ Бухарѣ въ 1915 г.

II*. Еврейско-персидскія рукописи.

А. А. Фреймана.

(Представлено Директоромъ Азіатскаго Музея въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 29 (16) мая 1918 года).

Общимъ для всѣхъ рукописей этого списка и объединяющимъ ихъ внѣшнимъ признакомъ, подобно другимъ аналогичнымъ коллекціямъ какъ въ другихъ библіотекахъ, такъ и въ самомъ Азіатскомъ Музеѣ — является еврейскій (квадратный) шрифтъ, сохраненный евреями на новой ихъ родинѣ, въ Персіи, и для ставшаго имъ роднымъ персидскаго языка.

Помимо еврейскаго шрифта почти всѣ рукописи, по языку — персидскія, связаны такъ или иначе съ еврействомъ, откуда и терминъ: «еврейско-персидскія» (judaeo-persica) рукописи. Большинство рукописей этого собранія имѣютъ отношеніе къ іудейскому культу, ритуалу и библейской исторіи и очень цѣнны какъ со стороны діалектической[1], такъ и для изученія религіознаго быта этой восточной вѣтви еврейскаго народа, отличающагося отъ таковаго ихъ западныхъ соплеменниковъ. 8 рукописей представляютъ собою сборники пѣсенъ, иногда въ акростихѣ содержащихъ имя поэта, или переводчика съ еврейскаго на персидскій. Пѣсни эти читаются персидскими евреями въ особо торжественные дни. Авторами ихъ или пере-

* [Уже набранная I часть списка, обнимающая персидскія рукописи, не можетъ быть пока отпечатана вслѣдствіе командировки составителя В. А. Иванова въ Бухару и Персію. Списокъ арабскихъ рукописей, подготовленный къ печати И. Ю. Крачковскимъ задержанъ невозможностью провѣрить подлинныя рукописи, вывезенныя временно изъ Петрограда. *Директоръ Азіатскаго Музея академикъ Сергѣй Ольденбургъ*].

[1] Очень важна еврейская пунктація, передающая произношеніе персидскихъ гласныхъ бухарскими или собственно персидскими евреями.

водчиками являются любимые и популярные среди персидскихъ евреевъ поэты, какъ Юсуфъ Яхуди, Симанъ Тобъ, Исраэль Наджджара и др. 2 рукописи содержатъ персидскій переводъ сочиненія Ибнъ Габироля תפסיר כתר מלכות, читаемый персидскими евреями въ канунъ Дня Очищенія. Двѣ рукописи — псалтырь на персидскомъ языкѣ. Одна — молитвы на исходъ субботы. Одна — агада, молитвы, читаемыя въ пасхальный вечеръ. Одна — рѣчь, предназначенная для прочтенія юношей въ день его религіознаго совершеннолѣтія «баръ-мицва». 3 рукописи содержатъ поэму о благочестивомъ мужѣ Худайдатѣ (издана по другимъ рукописямъ акад. К. Г. Залемановъ: Judaeo-persica I. St.-Petersburg 1897). 2 рукописи — поэма о семи маккавеяхъ, هفت برادران, авт. Юсуфъ Яхуди. 2 — תפסיר עקדת יצחק. Одна — חכאית אֶלְדָד הַדָּנִי. Одна — כתאב שאהזאדה וצופי (Царевичъ и нищій) — персидская стихотворная обработка еврейской версіи «Варлаама и Іоасафа». Одна рукопись — דקדוקים. Одна рукопись — фармакопея. Одна рукопись כתאב כפאיה מנצורי медицинскаго содержанія, на литературномъ персидскомъ языкѣ, только написанная еврейскимъ шрифтомъ.

При покупкѣ этихъ рукописей не преслѣдовалась опредѣленная цѣль усилить тотъ или иной отдѣлъ еврейско-персидскихъ рукописей Азіатскаго Музея. Благодаря именно этому обстоятельству можно, въ извѣстной мѣрѣ, по этой коллекціи составить себѣ нѣкоторое понятіе о литературныхъ интересахъ бухарскихъ евреевъ въ настоящее время. Характеръ этой коллекціи показываетъ, что интересы религіознаго культа у нихъ преобладаютъ и увлеченіе персидской поэзіей не столь сильно, какъ у евреевъ собственной Персіи. Наличность двухъ рукописей медицинскаго содержанія указываетъ на то, что и у бухарскихъ евреевъ, подобно арабскимъ, культивировались медицинскія науки.

Рукописи этой коллекціи не старыя; большинство XIX вѣка. Рукописи XVIII вѣка представляютъ исключеніе. За послѣднія десятилѣтія іерусалимская колонія бухарскихъ евреевъ развила довольно интенсивную издательскую дѣятельность. Эти изданія не имѣютъ претензіи быть критическими. Ихъ цѣль быть какъ можно доступнѣе читающимъ массамъ. Поэтому все болѣе архаичное въ языкѣ замѣняется новѣйшимъ. Такимъ образомъ и при наличности этихъ изданій рукописи не теряютъ своего значенія для изслѣдователя.

Покойный академикъ К. Г. Залеманъ, положившій началу отдѣлу еврейско-персидскихъ рукописей въ Азіатскомъ Музеѣ, вложилъ въ него всю любовь къ этому нарѣчію и его литературѣ. Онъ пользовался всякимъ случаемъ пополнить собраніе рукописей и печатныхъ изданій. Каталогъ собран-

ный имъ такимъ образомъ цѣнной коллекціи подготовляется мною къ изданію. К. Г. приступилъ уже къ описанію рукописей этого списка и успѣлъ отождествить нѣсколько изъ нихъ, что облегчило мою задачу. Въ виду незначительности моихъ познаній въ еврейскомъ языкѣ, я пользовался въ этой области любезнымъ содѣйствіемъ С. Е. Винера, которому приношу мою искреннюю благодарность.

Главнѣйшія сокращенія: JE = Jewish Encyclopedia (§§ статьи W. Bacher, Judaeo-Persian Literature). HB = Hebräische Bibliographie. A. = E. N. Adler, The Persian Jews, their books and ritual (Jewish Quarterly Review X). Ив. № = текущій номеръ бухарскаго собранія рукописей В. А. Иванова.

Ив. № 409 כתר מלכות. Персидскій переводъ извѣстнаго сочиненія Ибнъ Габироля. Рукопись написана въ Бухарѣ 1854. Текстъ изданъ въ Іерусалимѣ въ 1895 г. JE § XIII

Ив. № 410 הפת בראדראן Поэма о 7 маккавеяхъ, — извѣстна также подъ еврейскимъ заглавіемъ שבעה אחים. Авторъ יוסף בן יצחק (Юсуфъ Яхуди). Поэма написана въ 1688, рукопись 1855 г. — полная. Текстъ изданъ въ Іерусалимѣ 1884 г. HB 1910 стр. 46. JE § XIV A 7 — 8° min.

Ив. № 411 Псалтырь по-персидски. Рукопись 1786 г., вѣроятно персидскаго происхожденія. Персидская псалтырь издана въ Вѣнѣ въ 1883. בנימן כהן בוכארי A 27

Ив. № 617 Еврейско-персидскій диванъ. Сборникъ пѣсенъ на еврейскомъ и персидскомъ языкахъ, читаемыхъ въ особо торжественные дни JE § XV — 8° obl.

Ив. № 619 Еврейско-персидскій диванъ. Авторы ישראל בן משה (Наджджара), סימן טוב и др. — 8° obl.

Ив. № 620 Еврейско-персидскій диванъ — 8° obl.

Ив. № 621 תפסיר עקדת יצחק A 10 — 8° min.

Ив. № 622 a) Псалмы въ персидскомъ переводѣ A 27 JE § II.
б) Нѣсколько еврейско-персидскихъ пѣсенъ — 8°

Ив. № 644 a) Молитва на канунъ Дня Очищенія כל נדרי (Кōль Нидрэ)
б) תפסיר כתר מלכות Персидскій переводъ сочиненія Ибнъ Габироля — 8°

Ив. № 711 a) Еврейско-персидскій диванъ
б) Поэма Худайдатъ — 8°

Ив. № 713 Молитвы на исходъ субботы по еврейски и персидски — 16°

Ив. № 714 הגדה של פסח по ритуалу персидскихъ евреевъ съ персидскимъ переводомъ 8°

Ив. № 715 Рукопись рѣчи, предназначенной для прочтенія юношей въ день религіознаго совершеннолѣтія בר מצוה; на еврейскомъ и персидскомъ языкахъ. Мотто изъ Пиркэ Абōтъ 8° obl.

Ив. № 717 а) חכאית... אֶלְדָד הַדָּנִי JE. § IX, Ав14, Ат60 8°

Ив. № 752 שבעה אחים) הפת בראדראן). Еврейско-персидская поэма о 7 маккавеяхъ. תוחיד... יוסף בן צחק (Юсуфъ Яхуди). Напечатана въ Іерусалимѣ въ 1884. JE § XVI, НВ. 1910 стр. 46 8° min.

Ив. № 753ª а) Отрывокъ какого-то текста

б) Поэма «Худайдатъ» 8° min.

Ив. № 879 Еврейско-персидскій диванъ, פיוטים Ав13 8° min. obl.

Ив. № 917 Разсказъ объ Авраамѣ и Исаакѣ 8° min.

Ив. № 919 Отрывокъ фармакопеи. JE § X, G. Margoliouth, Hebrew and Samaritan Mss. in the British Museum Or. 2455 8° min.

Ив. № 920 דקדוקים и мелкія замѣтки (Мешхедъ 1868) 8° min.

Ив. № 989 כתאב כפאיה מנצורי Персидская рукопись медицинскаго содержанія, написанная еврейскимъ (квадратнымъ) шрифтомъ. См. E. Blochet, Catalogue de la collection de Ms. Or. de M. Ch. Schefer № 1497 4°

Ив. № 1023bis תפסיר עקדת יצחק Ав10 16°

Ив. № 1030 Еврейско-персидскій диванъ по-еврейски и по персидски 4° obl.

Ив. № 1054 כתאב שאהזאדה וצופי אז מערפת... אלישע בן שמואל. Еврейско-персидскій изводъ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ — стихотворная обработка еврейской версіи Ибнъ-Хасдая. Напечатано въ Іерусалимѣ въ 1907 по другой рукописи. Рукопись конца XVIII в. НВ 1910 стр. 46. Ср. С. Ѳ. Ольденбургъ, Персидскій изводъ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ (ЗВО. IV. 229—265). Персидское туземное изданіе перевода текста Ибнъ-Бабавейха 1269 г. (см. В. А. Жуковскій ЗВО. XVII, xxxi-xxxii) 4°

Ив. № 1055 Еврейско-персидскій диванъ JE § XV 8° obl.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Опись бумагъ барона В. Р. Розена,

поступившихъ въ Азіатскій Музей Россійской Академіи Наукъ.

И. Ю. Крачковскаго.

(Представлено Директоромъ Азіатскаго Музея въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 27 (14) февраля 1918 года).

Послѣ смерти барона В. Р. Розена въ 1908 году вся его библіотека, поступившая согласно волѣ покойнаго въ распоряженіе Факультета Восточныхъ языковъ Петроградскаго Университета, положила основаніе библіотекѣ Семинарія Восточныхъ языковъ имени бар. Розена. Семинарій началъ свою жизнь съ осени 1910 года и главный его фондъ составили книги, принадлежавшія бар. Розену (въ количествѣ 3575 названій и 6340 томовъ, по инвентарю Семинарія №№ 1—3575). Въ 1913-мъ году къ этому основному фонду было прибавлено еще 33 названія въ 39 томахъ, переданныхъ дополнительно баронессой О. Ф. Розенъ (инвентарь №№ 4174—4203 и 4226—4228). Рукописное наслѣдіе, тоже согласно волѣ покойнаго, предназначалось Академіи Наукъ: письмомъ отъ 12 октября 1908 года баронесса О. Ф. Розенъ извѣстила Непремѣннаго Секретаря, что «рукописи на восточныхъ языкахъ и иностранная переписка» будутъ переданы въ Азіатскій Музей черезъ посредство проф. В. А. Жуковскаго[1]. Вслѣдъ за этимъ 46 рукописей было доставлено въ Музей съ препроводительнымъ письмомъ В. А. Жуковскаго отъ 29 октября 1908 года[2]; предваритель-

---

[1] Протоколы Ист. Фил. Отд. 15 окт. 1908 года, ст. 255 = ИАН 1908, 1243.
[2] Ср. ИАН 1909, 13.

ный списокъ рукописей былъ тогда же составленъ директоромъ Музея К. Г. Залеманомъ[1]. На разсмотрѣніе В. А. Жуковскаго баронесса О. Ф. Розенъ передала и другіе матеріалы, оставшіеся послѣ покойнаго, главнымъ образомъ, въ ящикахъ его письменнаго стола. Въ сентябрѣ 1917 года въ связи съ эвакуаціей рукописей Учебнаго Отдѣленія М. И. Д., директоромъ котораго состоялъ тогда В. А. Жуковскій, эти матеріалы были переданы имъ въ распоряженіе Факультета Восточныхъ языковъ для храненія въ Семинаріи. На засѣданіи Факультета 13 октября 1917 года было постановлено передать эти матеріалы въ Азіатскій Музей, между прочимъ на томъ основаніи, что тамъ находилась уже часть аналогичныхъ бумагъ и работъ[2]; вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено оставить въ Семинаріи всѣ печатныя изданія, обнаруженныя въ бумагахъ. Количество ихъ оказалось не велико (12 томовъ въ 10 названіяхъ, инвентарь № 4427—4438), но среди нихъ удалось полностью возстановить по отдѣльнымъ листамъ два экземпляра «Арабской Хрестоматіи» В. Ѳ. Гиргаса и бар. В. Р. Розена, служившихъ имъ обоимъ для цѣлей преподаванія. Обильныя рукописныя поправки, замѣчанія и комментаріи дѣлаютъ эти экземпляры драгоцѣннымъ пособіемъ для второго изданія хрестоматіи, если оно когда-либо будетъ предпринято.

Уже предварительное ознакомленіе съ рукописнымъ наслѣдіемъ бар. Розена убѣдило меня въ большомъ научномъ значеніи его не только въ качествѣ матеріала для характеристики научной дѣятельности бар. Розена и хода ея развитія; нѣкоторыя работы и теперь явились бы полезнымъ пріобрѣтеніемъ различныхъ областей арабистики. Чтобы познакомить столичныхъ востоковѣдовъ съ результатами предварительной работы надъ разборомъ, я подготовилъ сообщеніе для засѣданія Восточнаго Отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества 26 октября 1917 года. Всѣмъ извѣстныя событія сильно отсрочили засѣданіе и мое сообщеніе было прочитано только 1 декабря. Въ связи съ этимъ докладомъ на засѣданіи была избрана комиссія для детальнаго обсужденія вопроса о разработкѣ и изданіи посмертныхъ матеріаловъ бар. Розена въ составѣ В. В. Бартольда, Н. И. Веселовскаго, В. А. Жуковскаго, Н. Я. Марра, С. Ѳ. Ольденбурга, А. Э. Шмидта и меня. Къ сожалѣнію, тяжелыя условія переживаемаго момента не давали до сихъ поръ возможности начать занятія этой комиссіи. Между

---

[1] Списокъ рукописей изъ наслѣдства академика барона В. Р. Розена — ИАН 1908, 1297—1300.

[2] Къ нимъ нужно отнести и его студенческую работу о Шāхнāме (3-ье отдѣленіе I, 164).

тѣмъ, къ неопредѣленности положенія присоединились и другія печальныя событія: 4 января 1918 года скончался В. А. Жуковскій, разъясненія котораго по различнымъ вопросамъ, связаннымъ съ матеріалами, были бы несомнѣнно очень важны; 30 марта не стало Н. И. Веселовскаго, на глазахъ котораго проходила вся научная дѣятельность бар. Розена, начиная со студенческой скамьи. Всѣ эти обстоятельства настоятельно требовали закрѣпленія хотя бы тѣхъ результатовъ, которые были достигнуты въ разборѣ бумагъ. Въ виду этого съ разрѣшенія директора Азіатскаго Музея я составилъ, не ожидая начала занятій комиссіи, болѣе подробную опись бумагъ бар. Розена, которая въ настоящее время и предлагается вниманію интересующихся. По идеѣ эта опись должна была служить исходной точкой и руководящей нитью въ дальнѣйшей разработкѣ и изданіи богатаго наслѣдія русскаго арабиста.

Въ настоящую опись не вошли, какъ было уже указано, печатныя изданія, переданныя въ Семинарій Восточныхъ языковъ; не вошли и двѣ рукописи — арабская, присоединенная къ прежде поступившимъ изъ наслѣдства бар. Розена, и славянская, переданная въ I-ое Отдѣленіе библіотеки Академіи Наукъ. Съ другой стороны, я счелъ возможнымъ присоединить ко вновь поступившимъ матеріаламъ нѣкоторыя хранившіяся у меня рукописи бар. Розена (№ 22 и 34), объ обстоятельствахъ нахожденія которыхъ мною были сообщены подробныя свѣдѣнія въ указанныхъ подъ соотвѣтствующими номерами источникахъ. Нѣсколько документовъ и писемъ присоединено изъ бумагъ гимназическаго товарища бар. Розена покойнаго академика К. Г. Залемана (№ 112, 152—153). Уже послѣ разбора всей коллекціи, среди изданій В. А. Жуковскаго, хранившихся на Факультетѣ Восточныхъ языковъ, были обнаружены двѣ рукописи, принадлежавшія бар. Розену (№ 155 и 156). Такъ какъ регистрація коллекціи была закончена, ихъ нельзя было включить въ соотвѣтствующіе отдѣлы, и пришлось помѣстить въ дополненіи.

При классификаціи матеріаловъ возникъ цѣлый рядъ затрудненій. Сохранить въ неприкосновенности тотъ видъ, въ которомъ бумаги были доставлены и, вѣроятно, найдены послѣ смерти бар. В. Р. Розена, представлялось невозможнымъ. Если, съ одной стороны, нѣкоторыя пачки обнаруживали слѣды извѣстной систематизаціи въ подборѣ своего содержимаго и иногда носили даже опредѣленныя заглавія[1], то гораздо многочисленнѣе было количество отдѣльныхъ листковъ, тетрадокъ и выписокъ, которые были раз-

[1] Въ описи они обозначены кавычками.

бросаны въ разныхъ мѣстахъ и требовали объединенія въ одно цѣлое; иногда части одной и той же работы обнаруживались въ различныхъ конвертахъ. Кромѣ того, содержимое пачекъ и конвертовъ, даже озаглавленныхъ рукою бар. Розена, далеко не всегда соотвѣтствовало заглавію. При разборѣ я старался по возможности не нарушать порядка тамъ, гдѣ были замѣтны его слѣды, хотя бы онъ и шелъ нѣсколько въ разрѣзъ со строгимъ принципомъ принятой системы. Такъ, безъ всякой перемѣны оставлены мною пачки съ выписками изъ рукописей времени заграничныхъ командировокъ (№№ 45—72) и бабидскими матеріалами (№№ 90—105), хотя въ нихъ и попадаются иногда матеріалы изъ другихъ отдѣловъ; въ неприкосновенности сохранены письма корреспондентовъ бар. Розена (№№ 134—153), хотя было соблазнительно подобрать ихъ по какому-нибудь принципу (алфавитному или хронологическому); на этомъ же основаніи къ нимъ не перенесены письма, найденныя въ другихъ отдѣлахъ и сами они оставлены въ настоящемъ собраніи для сохраненія единства коллекціи, хотя въ Азіатскомъ Музеѣ уже давно находится обширная переписка бар. Розена. При спеціальномъ отписаніи ея, конечно, будутъ приняты въ расчетъ и эти отдѣльные номера. Въ тѣхъ случаяхъ, когда никакого признака системы въ матеріалахъ нельзя было уловить, я дѣйствовалъ болѣе самостоятельно.

Результаты разбора въ общемъ, вѣроятно, признаютъ удовлетворительными тѣ, кто сколько-нибудь знакомъ съ манерой бар. Розена дѣлать выписки и замѣтки: не опредѣленными остались только нѣкоторые отдѣльные листки и незначительныя выписки, которые и объединены въ отдѣльный послѣдній пакетъ (№ 154). Менѣе удовлетворительнымъ приходится признать систему распредѣленія всѣхъ номеровъ—провести строго какой-либо одинъ принципъ оказалось не возможнымъ. Соблазнявшій меня сперва хронологическій порядокъ остался недостижимымъ прежде всего потому, что не во всѣхъ документахъ можно установить точную дату. Я прибѣгъ къ палліативу—разбилъ всѣ 154 номера на 14 отдѣловъ, объединенныхъ внутри различными, иногда случайными признаками, имѣя въ виду главнымъ образомъ удобство обозрѣнія всей массы матеріала, а не строгое проведеніе системы дѣленія. При этомъ, конечно, оказалось, что въ каждомъ почти отдѣлѣ есть номера, нарушающіе принятый въ немъ принципъ. Такъ въ отдѣлъ I (работъ учебнаго характера) включены нѣкоторые переводы, которые могутъ имѣть извѣстное научное значеніе (напримѣръ № 5) и могли быть помѣщены въ отдѣлѣ III; въ отдѣлѣ II (статей) вслѣдъ за статьей объ одномъ изданіи *ал-Хамāсы* (№ 12) помѣщены и замѣтки о ней же (№ 13—14); въ отдѣлѣ III (переводовъ) къ переводу Яхьи антіохійскаго (№ 25)

присоединены и замѣтки о лѣтописи (№ 26), въ отдѣлѣ V (копій съ рукописей) въ копіи отрывковъ *Шāхнāме* (№ 43) находятся и варіанты къ другимъ отрывкамъ; нѣкоторые отдѣлы отграничиваются другъ отъ друга только случайными признаками (таковы, напримѣръ, копіи и выписки изъ рукописей—отдѣлы V-VII) и т. д.

Номерація проведена мною общая, а не по каждому отдѣлу, какъ для удобства библіотечной регистраціи, такъ и для упрощенія ссылокъ въ указателяхъ, которыя всегда относятся къ этимъ номерамъ.

Къ описи приложено два указателя. Первый — собственныхъ именъ и названій можетъ въ то же время служить и указателемъ цитованныхъ работъ, которыя обыкновенно цитуются по фамиліи автора[1]. Въ немъ я принялъ неоднократно уже примѣнявшуюся систему сліянія русскаго и латинскаго алфавитовъ[2]. Второй—указатель мѣстъ нахожденія арабскихъ рукописей, извлеченія изъ которыхъ имѣются въ бумагахъ бар. Розена, замѣняетъ задуманный первоначально указатель всѣхъ упоминаемыхъ рукописей. Отъ него пришлось отказаться, такъ какъ далеко не всѣ выписки имѣютъ значеніе, а кромѣ того детальное изслѣдованіе ихъ требуетъ спеціальной и долгой работы.

Изъ цитуемыхъ сокращенно работъ наиболѣе часто приходится ссылаться на

Списокъ [трудовъ барона Виктора Романовича Розена], напечатанный въ приложеніи къ т. XVIII Записокъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества, стр. 39—48, и значительно дополненный по сравненію съ напечатаннымъ въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ 1908 г., стр. 175—182;

Записки [Восточнаго Отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества];

Brockelmann [Geschichte der arabischen Litteratur. Berlin-Weimar I—II].

Изъ некрологовъ я пользуюсь чаще всего напечатаннымъ Н. И. Веселовскимъ (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за апрѣль 1908 года). Другія сокращенія, вѣроятно, будутъ понятны спеціалистамъ и безъ особыхъ поясненій.

---

[1] Единственное, кажется, исключеніе Записки Восточнаго Отдѣленія Р. Археол. Общ., которыя упоминаются подъ большинствомъ номеровъ и въ указатель не включены.

[2] Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что латинскія буквы помѣщены съ соотвѣтствующими русскими; лат. *c* вставлено между б (*b*) и (*v*, *w*); *h* вставлено послѣ г (*g*); арабское *ал-* не принимается въ расчетъ.

I. Учебныя работы и замѣтки.

1. Стенографическія записи, копіи нѣмецкихъ стиховъ, записи лекцій по языкознанію, упражненія и пр. Двѣ тетради обычнаго учебнаго образца въ коричневой бумажкѣ.

Занятія Розена стенографіей относятся еще ко времени пребыванія въ средней школѣ. До 80-хъ годовъ онъ не забывалъ пріобрѣтенныхъ въ этой области познаній и часто прибѣгалъ къ стенографіи въ перепискѣ со своимъ товарищемъ акад. Залеманомъ. Послѣ этого срока его интересъ охладѣлъ, но Залеманъ до самой своей смерти пользовался иногда въ записяхъ стенографіей (ср. еще № 2 и 6).

2. Описаніе трехъ распространенныхъ арабскихъ рукописей (болѣе обстоятельное الاختيار لتعليل المختار) и большія выписки изъ *ал-Фихриста* (по изд. Flügel'я), вложено нѣсколько листковъ со стенографическими записями по арабскому синтаксису. Учебная тетрадь обычнаго формата въ коричневой бумажкѣ.

Выписки الاختيار представляютъ наброски для первой печатной работы Розена объ арабской рукописи въ Ревелѣ (Списокъ—№ 1); въ этой работѣ онъ не могъ еще установить имени автора, каковымъ является извѣстный ал-Булдаджӣ (см. теперь Brockelmann, I, 382, № 47).

3. Указатели словъ и грамматическихъ формъ къ *Шāхнāме* въ видѣ очень сложныхъ таблицъ. Двѣ учебныхъ тетради въ коричневой бумажкѣ.

Работа, повидимому, представляетъ матеріалъ для студенческаго медальнаго сочиненія Розена «Полная оцѣнка Шахнаме» (см. Веселовскій, стр. 5). Рукопись самаго сочиненія находится теперь въ Азіатскомъ Музеѣ (отдѣлъ третій—I, 164) и была использована въ «Персидской грамматикѣ» К. Г. Залемана и В. А. Жуковскаго (ЗВО. XXIV, 250). Къ работамъ по *Шāхнāме*, но значительно болѣе поздняго времени, относится въ бумагахъ Розена еще № 43.

4. Слова и отрывокъ нѣмецкаго перевода послѣднихъ суръ Ḳорāна. Учебная тетрадь въ пестро-коричневой бумажкѣ.

Вѣроятно, относится ко времени первой заграничной поѣздки Розена въ 1870—1871 году, когда онъ подъ руководствомъ Fleischer'а изучалъ комментарій ал-Бейḍāвӣ (ср. Веселовскій, стр. 7).

5. Переводъ (на нѣмецкомъ языкѣ) дӣвāна ʿАлḳамы (по изд. Ahlwardt'а) и дӣвāна племени хуẕейлитовъ (по изд. Kosegarten'а). Двѣ

тетради; одна—синяя, учебнаго образца, въ началѣ которой вложено 4 листа (= 8 страницъ) того же формата съ переводомъ 'Алкамы; имъ же заняты 22 стр. самой тетради, а остающіяся 28—дӣвāномъ хузейлитовъ. Вторая—въ пестромъ папочномъ твердомъ переплетѣ содержитъ 124 страницы основныхъ и 8 вложенныхъ въ началѣ съ переводомъ дӣвāна хузейлитовъ. Въ концѣ ея вложено нѣсколько листковъ со словами и замѣтками.

Относится ко времени занятій у Ahlwardt'а лѣтомъ 1873 года (ср. Веселовскій, стр. 8).

6. Замѣтки (частью стенографическія) и слова къ му'аллакѣ Имруулкайса. Два листка изъ тетради учебнаго характера.

7. Выписки еврейскихъ словъ съ италіанскимъ значеніемъ подъ заглавіемъ «Luzzato 87». Два листка изъ учебной тетради.

Совпадаетъ съ работой Luzzato, Elementi grammaticali del Caldeo biblico e del dialetto Talmudico Babilonese, Padova 1865, стр. 87 сл.

8. Содержаніе и выписки изъ нѣкоторыхъ работъ Nöldeke и Ahlwardt'а 1860—1870-хъ годовъ и одной работы S. de Sacy. Четыре страницы на перегнутомъ пополамъ листѣ.

II. Пробныя лекціи, статьи и доклады.

9. Пробная лекція объ Абӯ-Новāсѣ и его поэзіи. Читана въ засѣданіи Факультета Восточныхъ Языковъ 21 сентября 1872 года.

Девять, перенумерованныхъ рукой Розена, quaternio съ полями.

10. Пробная лекція о формахъ арабскаго глагола. Читана въ засѣданіи факультета 25 сентября 1872 года. Шесть перенумерованныхъ quaternio.

11. Статья о му'тазилитахъ, вѣроятно, предполагавшаяся къ прочтенію въ видѣ пробной лекціи, какъ можно судить по началу съ МмГг. Не окончена; въ двухъ экземплярахъ, одинъ, повидимому, черновой; каждый на двухъ листахъ средняго формата.

12. Неоконченная статья о калькуттскомъ изданіи *Хамāсы* Абӯ-Теммāма, редактированномъ въ 1856 году Кабӣр-ад-дӣномъ Ахмедомъ. Эта работа, равно какъ и два слѣдующихъ номера стоитъ въ связи съ магистерской диссертаціей (см. Древне-арабская поэзія и ея критика, предисловіе, стр. I слѣд.). У Brockelmann'а указанное изданіе не упоминается.

12 страницъ связнаго текста по-русски и 19 — сличенія съ изданіемъ Freytag'а по-нѣмецки (послѣднія перенумерованы цифрами 9—27).

13. Замѣтки, главнымъ образомъ, лингвистическаго характера къ *Ḥамāсъ* по изданію Freytag'a. Учебная тетрадка небольшого формата, въ твердой папкѣ, съ буквами V. R.

14. Замѣтки о племенномъ происхожденіи поэтовъ, включенныхъ въ *Ḥамāсу*, по номерамъ стихотвореній, начиная съ № 19 (страница 59 по изд. Freytag'a) до № 881. Двѣ сшитыя изъ листовъ тетради съ перегнутыми пополамъ страницами; на одной половинѣ надпись Fest, на другой Schwankend. Вложено много листковъ съ арабскимъ текстомъ изъ *Ḥамāсы*, неизвѣстно по какому источнику.

15. «Die Argumente der Šuʿûbiten oder die Gleichheitsfreunde». Начало статьи или главы на нѣмецкомъ языкѣ въ связи съ работами надъ Ибн-Ḳутейбой (ср. Списокъ № 14). Пять quaternio.

16. Начало статьи на нѣмецкомъ языкѣ объ *ал-Мувāзанѣ* ал-Āмидӣ, изданной Фāрисомъ аш-Шидйāḳомъ въ Константинополѣ въ 1287 году. Начало изложено связно, затѣмъ идутъ бѣглые наброски и содержаніе отдѣльныхъ главъ. Шесть страницъ.

17. Отзывъ на нѣмецкомъ языкѣ для Академіи Наукъ о работѣ В. В. Радлова, Grammatische Untersuchungen auf dem Gebiete der nördlichen Türk-Sprachen. Th. I, Phonetische Untersuchungen. 10 страницъ связнаго текста и 3 листка неразборчивыхъ замѣтокъ; все вложено въ препроводительную бумагу Непр. Секр. Акад. Наукъ отъ 23 мая 1879 года на имя акад. Б. А. Дорна съ предложеніемъ дать отзывъ объ упомянутой работѣ.

18. Начало очерка исторіи арабской литературы. Пачка съ вводной статьей, характеризующей принятый методъ изложенія, и 131 четвертка съ главой о древне-арабской поэзіи. Въ послѣдней нестаетъ стр. 109—112. Въ текстѣ есть поправки и замѣчанія рукой В. Гиргаса и значительныя вставки карандашемъ неизвѣстнымъ почеркомъ.

Работа предназначалась для «Всеобщей исторіи литературы» подъ редакціей Корша и Кирпичникова, но осталась незаконченной. Написана она была послѣ выхода въ свѣтъ I тома, такъ какъ заключаетъ ссылки на статью Якимова о древне-библейской поэзіи и раньше 1882 года, когда вышелъ въ свѣтъ 13 выпускъ съ очеркомъ Холмогорова. Въ работѣ сильно отразилось уже знакомство съ произведеніями ал-Джāḥиẓа.

19. Рѣчь передъ защитой докторской диссертаціи въ 1884 году (см. Списокъ № 18). Два листа и два полулиста большого формата съ полями.

20. Неконченная статья о папирусахъ коллекціи эрцгерцога Райнера въ видѣ рецензіи на т. I—V его изданій. Представляетъ, повидимому, переработку двухъ сообщеній въ Восточномъ Отдѣленіи Археологическаго

Общества въ 1888 году (Записки, т. III, стр. V и X) и стоитъ въ связи со статьей о 7-мъ конгрессѣ оріенталистовъ (Списокъ № 48). Написана на четверткахъ; связное изложеніе обрывается на 23 страницѣ; дальше идутъ только неразборчивыя замѣтки.

21. «Образчикъ арабской ученой пародіи. Китâб Ихтирā̔ ал-хурā̔ (كتاب اختراع الخراع) ас-Сафадія». Почти оконченная и переписанная набѣло статья, представляющая переработку доклада, читаннаго въ 1890 году въ Вост. Отд. (Записки, т. V, стр. VI). Сорокъ страницъ въ обычную четвертку.

22. «Къ Фиhристу I ٨٩, 22». Десять страничекъ неоконченной статьи и двѣ страницы со спискомъ нѣкоторыхъ сочиненій, цитуемыхъ въ припискахъ къ университетской рукописи словаря ас-Саганū. Статья опубликована мною въ Запискахъ, т. XXIII, стр. 233 слѣд.

23. «Djâhiziana». Начало статьи, на четырехъ страничкахъ, за которымъ должно было слѣдовать изданіе текстовъ ал-Джāхиза, упоминаемыхъ у Goldziher'a въ его Muhammedanische Studien, т. I, 1889 г.

24. Черновикъ статьи объ Ибн-Фадлāнѣ. Четыре quaternio, перенумерованныхъ цифрами 21, 22, 27, 28 и три страницы большого формата. Повидимому, отрывокъ ненапечатаннаго продолженія статьи, относящейся къ 1902 году (Списокъ № 160).

III. Переводы.

(Ср. еще №№ 5, 72).

25. «Исторія Яхъи сына Са̔ида Антіохійскаго. Перевелъ баронъ Викторъ Розенъ. СПБ. 1879». Работа стоитъ въ связи съ докторской диссертаціей (Списокъ № 18) и въ сохранившемся видѣ распадается на двѣ неравныя части. Первая, занимающая 108 перенумерованныхъ страницъ, даетъ извлеченія, относящіяся исключительно къ византійско-арабскимъ отношеніямъ, изъ эпохи, предшествующей разработанному въ диссертаціи періоду и непосредственно къ нему примыкаетъ (по арабской рукописи л. 85ª—103ª). Вторая часть даетъ полный переводъ, включая и извлеченія, помѣщенныя въ первой, и лишь съ пропускомъ нѣсколькихъ страницъ (1—6 и 21—28), напечатанныхъ въ диссертаціи. По системѣ письма эта часть тоже распадается на двѣ: стр. 7—20, 29—40 и 68—75 представляютъ, повидимому, черновой переводъ, написанный на обѣихъ сторонахъ одной половины перегнутыхъ пополамъ страницъ; стр. 41—67 и 76—420

(начиная съ халифата ал-Мутӣʿ) даютъ переписанный набѣло переводъ на одной сторонѣ страницъ, записанныхъ сплошь безъ полей. На бѣлой сторонѣ иногда дѣлаются примѣчанія, выписываются параллельные источники или ссылки на нихъ, неясныя въ рукописи арабскія выраженія и проч. На стр. 420 приписка черниломъ «Переводъ конченъ былъ мною въ Середу 14 ноября 1879» и синимъ карандашемъ والحمد لله

26. Замѣтки и выписки относительно Яхъи, почти полностью привлеченныя въ диссертаціи. Четыре различныхъ пачки съ выписанными рукой Розена заглавіями, не всегда соотвѣтствующими настоящему содержанію. А) Пакетъ «Zu Jahja Chronologie»—рядъ отдѣльныхъ листковъ съ черновыми вычисленіями. Б) «ابن بطريق al Qifti»—кромѣ выписокъ изъ указанныхъ авторовъ много отдѣльныхъ листковъ съ замѣтками. В) «Excerpta ex Cod. Gothanus № 1555 (Möller 245)»—41 страница выписокъ изъ указанной рукописи, но вложены и другія. Г) «Fragments hist. Cod. Anc. f. 131». Кромѣ этихъ четырехъ отдѣловъ нѣсколько мелкихъ пачекъ и листовъ. Все вложено въ большой листъ съ началомъ ученой автохарактеристики Розена—отзыва о своихъ работахъ по списку № 2, 8 и 11. Этотъ листъ со всѣмъ содержимымъ помѣщенъ въ твердой коричнево-черной папкѣ въ четвертку.

27. Переводъ арабской версіи легенды о Варлаамѣ и Іоасафѣ по Бомбейскому литографированному изданію 1306/1889 года. 646 перенумерованныхъ синимъ карандашемъ и перегнутыхъ пополамъ страницъ въ четвертку; текстъ написанъ на одной половинѣ съ обѣихъ сторонъ. Здѣсь же, на 26 записанныхъ съ обѣихъ сторонъ страницахъ въ поллиста, содержаніе той же версіи; на поляхъ указаны страницы изданія. Работа стоитъ въ связи съ докладомъ, прочитаннымъ въ 1891 году въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія (Записки, т. VI, стр. VI).

28. Переводы изъ географическаго сочиненія Ибн-Ḥаукаля. На трехъ quaternio переводъ съ небольшимъ введеніемъ «о морской войнѣ и походахъ Византійцевъ» и на двухъ листкахъ «о пути купцовъ евреевъ». Повидимому, въ связи съ работой надъ хроникой Яҳъи Антіохійскаго (ср. Императоръ Василій Болгаробойца, стр. 278 слѣд.).

29. Переводъ описанія Константинополя у Ибн-Русте на 44 страницахъ, вѣроятно на основаніи текста, скопированнаго Розеномъ въ Британскомъ Музеѣ (см. ниже № 47). Сообщеніе на эту тему прочитано въ Восточномъ Отдѣленіи въ 1887 году (Записки, т. II, стр. IV).

30. Переводъ историческихъ свѣдѣній о мистикѣ ал-Ḥаллāджѣ на 10 quaternio. Переведены собранныя de Goeje въ изданіи ʿArib Tabari

continuatus, стр. 86 сл. сообщенія ʿАрӣба, Ибн-Машковейха, *Китаб ал-ʿуйӯнъ*, ал-Хамаданӣ, Ибн-ал-Джаузӣ и по изданію Flügel'я автора *ал-Фихриста*. Докладъ прочитанъ въ Восточномъ Отдѣленіи въ 1896 году (Записки, т. XI, стр. V).

31. Переводы изъ книги Marquart'a Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge на 30 большихъ почтовыхъ страницахъ и неразборчивыя замѣтки къ той же книгѣ въ 27 пунктахъ на двухъ почтовыхъ листикахъ. Въ связи съ докладомъ, прочитаннымъ въ Восточномъ Отдѣленіи въ 1904 году (Записки, т. XVI, стр. XXXI).

32. Переводъ переписки ʿАбӯ-л-ʿАлā о вегетаріанствѣ по изданію Nicholson'a въ JRAS за апрѣль 1902 года. 4 страницы одного формата и 56—другого. Относится какъ и слѣдующій номеръ къ докладу, читанному въ Восточномъ Отдѣленіи въ 1903 году (Записки, т. XVI, стр. XV).

33. Начало перевода — сокращенія رسالة الغفران Абӯ-л-ʿАлā — по извлеченіямъ Nicholson'a въ JRAS за 1900 года, т. XXXII, стр. 651—708. Пятнадцать торопливо записанныхъ страничекъ; въ связи съ предшествующимъ номеромъ.

34. Переводъ программнаго стихотворенія Абӯ-л-ʿАлā; черновой — на четырехъ страницахъ, записанныхъ съ одной стороны, и бѣловой — на двухъ, записанныхъ съ обѣихъ. Матеріалы для послѣдняго сообщенія Розена въ Восточномъ Отдѣленіи 26 апрѣля 1907 года (Записки, т. XVIII, стр. IX); переводъ изданъ мною въ 1915 году (Записки, т. XXII, стр. 291 сл.).

35. Переводъ двухъ стихотвореній ал-Мутанаббӣ (по изд. Dieterici, стр. 439 и 699, по Арабской Хрестоматіи Гиргаса и Розена № 105 и 107). Семь большихъ страницъ, записанныхъ тщательно почеркомъ последнихъ лѣтъ; предназначались, повидимому, для лекцій по исторіи арабской литературы.

IV. Описанія рукописныхъ собраній.

36. Матеріалы для описанія рукописей коллекціи Schefer'a въ Парижѣ (на французскомъ языкѣ). Отдѣльныя четвертушки, посвященныя 16 рукописямъ, обозначеннымъ латинскими буквами отъ a до g, обыкновенно съ датой въ концѣ (напр. 23 Août 79). Нѣкоторыя описаны довольно подробно; ср. теперь Blochet, Catalogue de la collection de Manuscrits orientaux arabes, persans et turcs, formée par M. Ch. Schefer et acquise par l'état. Paris 1900 (ср. ниже № 60).

37. Остатки черновыхъ набросковъ для Notices sommaires (см. Списокъ № 16) съ ненапечатаннымъ еще описаніемъ № 301—306 рукописей Азіатскаго Музея. Здѣсь же нѣсколько неопредѣленныхъ цитатъ и листковъ; все вложено въ бѣлый пакетъ.

38. Черновой экземпляръ списка рукописей Марсильи (см. Списокъ № 22) на отдѣльныхъ перенумерованныхъ листкахъ (всего 459) въ восьмушку листа. Здѣсь же восемь листковъ съ заглавіями тѣхъ же рукописей, но другого формата и другимъ почеркомъ.

39. Отрывки черноваго списка персидскихъ рукописей Учебнаго Отдѣленія М. И. Д. (см. Списокъ № 24). Десять страничекъ и отдѣльныя замѣтки.

V. Копіи рукописей.

(Ср. еще №№ 122, 156).

40. Дӣванъ племени хузейлитовъ по лейденскому унику (см. Catalogus—I², 354 сл.), листъ 115ᵃ до конца—л. 204ᵇ (соотвѣтствуетъ изданію Kosegarten'а, начиная съ № 133 на стр. 286 и всей части, опубликованной въ 1884 году Wellhausen'омъ въ Skizzen und Vorarbeiten, Th. I). На листахъ большого формата въ соотвѣтствіи со страницами рукописи; низъ оставленъ бѣлымъ для предполагавшихся примѣчаній. Копія снята лѣтомъ 1873 года, какъ можно видѣть по обстоятельной арабской припискѣ Розена въ концѣ ея تمّ الكتاب بعون الملك الوهّاب و الحمد لله ربّ العالمين و الصلاة و السلام على سيد المومنين ⊕ كتبه لنفسه الفقير إلى ربّه الغنى البرونْ قيكتور دى روزن فى مدينة لَيْدَنْ المحروسة فى الايلول (sic!) من السنة ١٧٨٣ (sic!) المسيحيّة الموافقة لسنة ١٢٨٩ (sic!) من الهجرة النبويّة و الله حسبى و نعم الوكيل ⊕

41. Исторія аҫ-Ҫӯли по унику Публичной Библіотеки (ср. описаніе рукописи, помѣщенное мною въ Запискахъ, т. XXI, стр. 101 сл.). 31 тетрадка, перенумерованная римскими цифрами, изъ разнаго числа листовъ въ каждой; всего 320 четвертокъ. Страницы соотвѣтствуютъ страницамъ рукописи; текстъ помѣщенъ на одной лѣвой сторонѣ; на правой иногда наклейки съ калькой неразобранныхъ словъ и замѣчанія съ вопросами. Копія полная, начинается съ листа 151ᵃ и 151ᵇ, но затѣмъ переходитъ на 1ᵃ и т. д. безъ всякихъ пропусковъ. Скопирована рукопись лѣтомъ 1877 года, какъ объ этомъ гласитъ арабская приписка Розена въ концѣ: علّقه بيده

الفانية افقر عباد الله تعالى البارون ڤيكتور دى رُوزَن الرَوَلي مولدا البطرسبرجى مسكنا الارثودكسى مذهبا و كان ابتداء نَسخ هذه النسخة لليلة خلت من ايلول سنة ١٨٧٧ و وقع فراغه فى يوم السبت لستّ بقين من الشهر المذكور و الحمد لله ربّ العالمين امين. Рукопись привлекалась Розеномъ при изданіи редактированной имъ части исторіи аṭ-Ṭабарӣ (Списокъ № 20); повидимому, копія находилась и въ распоряженіи de Goeje, какъ можно видѣть по ссылкамъ на «apogr. Rosen» въ томъ же изданіи (см., напр., серія III, 1365 прим. b—f.).

42. Копіи исторіи аṭ-Ṭабарӣ въ редактированной Розеномъ части (Списокъ № 20), двумя различными почерками (не Розена) на большихъ листахъ, иногда съ варіантами на поляхъ краснымъ черниломъ. Здѣсь же корректура отдѣльныхъ листовъ редактированной Розеномъ части съ замѣтками de Goeje.

43. Матеріалы по *Шāхнāме* въ двухъ пачкахъ. Первая, въ форматѣ тетрадки, озаглавлена синимъ карандашемъ (повидимому, рукой Nöldeke) «Collation der alten Londoner Schahname Handschrift mit Vullers-Landauer ausgeführt von Dr Horn und von Ethé»; въ ней даются только варіанты къ печатному изданію, соотвѣтственно fol. 141—145 рукописи. 12 страницъ и 1 листокъ въ четыре страницы. Вторая, на большихъ листахъ, представляетъ снятую Розеномъ копію слѣдующихъ мѣстъ петроградской рукописи № 329: а) л. 47ᵃ—48ᵃ (Vullers I, 349—358), 175ᵃᵇ (Vullers III, 1388—1391ᵃ), 3ᵃᵇ (I, 6—7), 341ᵃ (съ варіантами, выписанными рукой Nöldeke «Mohl, Macan, Leiden, Strassburg»), б) «Daqiqi» 189ᵃ—193ᵇ в) «Barbed» 352ᵇ—353ᵃ, 359ᵃᵇ, 369ᵃ (съ тѣми же варіантами). Всего въ этой пачкѣ 32 страницы въ листъ безъ полей, записанныхъ съ обѣихъ сторонъ. (Рядъ выписокъ изъ *Шāхнāме*, сдѣланныхъ Розеномъ, былъ имъ переданъ въ пользованіе Nöldeke. См. Записки, т. XVIII, прилож., стр. 27).

44. Копія персидскаго географическаго сочиненія, открытаго А. Г. Туманскимъ (см. о немъ Записки, т. X, стр. 132 сл.). 78 страницъ въ листъ, соотвѣтственно страницамъ рукописи, съ нумераціей строкъ; низъ страницъ занятъ собственными именами, иногда поправками къ тексту. Здѣсь же пакетъ съ отдѣльными почтовыми листками, на которыхъ выписаны слова и формы изъ рукописи, изрѣдка со ссылками на другіе источники.

VI. Выписки изъ рукописей и копіи, главнымъ образомъ изъ лѣтнихъ командировокъ 1875, 1879 и 1883 гг.

А. Синяя папка съ заголовкомъ «Agapius v. منبج — مسايل الخلاف — عيون الاخبار — لزوم ما لا يلزم — Excerpta Leyden». Въ ней вложены №№ 45—53.

45. Текстъ Агапія Манбиджскаго въ выдержкахъ по Bibl. Laurenziana № 132 (323). 9 перенумерованныхъ полулистовъ (=36 страницъ), перегнутыхъ пополамъ и записанныхъ на одной половинѣ съ обѣихъ сторонъ. Выписки сдѣланы лѣтомъ 1883 года и использованы въ статьѣ, напечатанной въ 1884 году (Списокъ № 20). Полное изданіе Агапія въ настоящее время дано А. А. Васильевымъ (Patrologia Orientalis) и L. Cheikho (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium).

46. Отрывки изъ مسايل الخلاف Ибн-ал-Анбāрӣ по лейденской рукописи № 564. Двѣ тетрадки изъ перегнутыхъ полулистовъ, при чемъ записана только лѣвая перенумерованная сторона; въ первой тетрадкѣ 43 страницы, во второй (не конченной)—29. Выписки идутъ подрядъ и частью напечатаны въ «Арабской хрестоматіи», стр. 435—455. Полное изданіе сочиненія далъ G. Weil въ 1913 году (о рукописи см. у него, стр. 100, прим. 1).

47. «Oxford, Leyden, London (Ibn Dasta)». Перенумерованныя римскими цифрами тетрадки изъ перегнутыхъ пополамъ листовъ, записанныхъ на одной половинѣ. «I. Brit. Mus. Cod. Rich. 7197 Elias v. Nisibis. Ibn Dasta Add. 23378». Текстъ Ибн-Русте переходитъ въ тетрадку II и идетъ сплошь въ III—V (гдѣ описаніе Константинополя, ср. выше № 29). Послѣ этого одна ненумерованная тетрадка съ текстомъ географическаго сочиненія Ибн-Серапіона, затѣмъ VIII—IX съ Ибн-Факӣхомъ (=Bibliotheca Geographorum Arabicorum, т. V), «X. Br. Mus. Cod. Pers. Geogr. Or. 1577» и «Cod. Or. 48», «XI. اخبار برمكيان Cod. Or. 151». Заканчивается пачка однимъ бланкомъ съ выписками (главнымъ образомъ о монетномъ дѣлѣ) изъ двухъ рукописей Bodl. 315 (см. Catalogus, pars II, стр. 96) معالم القربة فى أحكام الحسبة и Marsch. 377 (Catalogus, pars I, стр. 90) كتاب شروط الإمامة فى سياسة المملكة (Оба сочиненія не упоминаются у Brockelmann'a).

48. Матеріалы для работы по عيون الأخبار Ибн-Кутейбы: цитаты источниковъ, иснāдовъ, стиховъ, матеріалы для біографіи, выписки изъ ру-

кописей (31 нумерованная страница съ полями). Здѣсь же нѣсколько другихъ выписокъ и, между прочимъ, листокъ съ поправками В. Ѳ. Гиргаса къ «Древне-арабской поэзіи» (см. Списокъ № 2). Матеріалы частью использованы въ статьѣ объ Ибн-Ḳутейбѣ (Списокъ № 14); полное изданіе памятника предпринято Brockelmann'омъ.

49. Выписки изъ лейденской рукописи لزوم ما لا يلزم Абӯ-л-ʿАлā (Cod. Gol. № 100). 44 страницы, записанныхъ съ обѣихъ сторонъ съ полями; выписки безъ особаго порядка; иногда вложены отдѣльные листки съ дополненіями. Стихотворенія изданы частью въ «Арабской хрестоматіи» № 108—128; о рукописи ср. Записки, т. XXII, стр. 293.

50. «Leyden». Выписки, обыкновенно краткія, изъ лейденскихъ рукописей, въ пачкахъ, частью перенумерованныхъ римскими цифрами I, III; болѣе 25 страницъ.

51. Копія كتاب الفراسة ал-Джāḥиẓа по лейденской рукописи, на большихъ листахъ, записанныхъ съ обѣихъ сторонъ; 21 страница съ полями. Копія кончена 28 іюля 1875 года, изданіе К. А. Иностранцева въ Запискахъ, т. XVIII, стр. 115 слѣд.

52. Копія сатиры العباس بن الوليد ابن ابى السعلاة الكوفى на правителей и сборщиковъ податей по рукописи Ṭайфура въ «Mus. Brit. Add. 18532, fol. 58^b» сл. 77 стиховъ, $2\frac{1}{2}$ страницы въ листъ, въ двухъ экземплярахъ. О рукописи см. Записки, т. III, стр. 264.

53. Копія по неизвѣстному источнику شجرة и وصيّة шейха ʿАбд-ал-Ḳāдира гилянскаго по списку مصطفى القادرىّ, смотрителя его سجادة въ Багдадѣ, данному въ 1281/1864—1865 г. его ученику ديوانه خان ابن محمد خان افغانى. Шесть страницъ въ листъ безъ полей.

Б. Сѣрая папка съ надписью «Oxford, Br. Mus.», содержитъ №№ 54—72.

54. Почтовый листокъ съ выпиской словъ и значеній къ какому то тексту.

55. Тетрадка съ замѣтками о рукописяхъ, заслуживающихъ изученія, въ Парижѣ.

56. Такая же тетрадка относительно Британскаго Музея и Оксфорда.

57. Такая же тетрадка относительно Лейдена.

58. Четыре листка съ неопредѣленными цитатами и ссылками.

59. «Parisiana». Рядъ перенумерованныхъ римскими цифрами пачекъ съ выписками изъ парижскихъ рукописей, тоже перенумерованныхъ по порядку—II (рукопись VIII—XII; 16 страничекъ), III (XII—XVI; 16 стра-

ничекъ), IV (безъ номера; 4 странички изъ كتاب الخراج, V (XVIII—большія извлеченія изъ исторіи ал-Мерāгӣ, о которой читался докладъ въ Восточномъ Отдѣленіи въ 1890 г.—Записки, т. V, стр. X, ср. Brockelmann I, 342, XIX—XXVI; 30 страницъ), VI (двѣ рукописи: исторіи ал-Хамдāнӣ Suppl. or. 744 bis и хроники Александрійскихъ патріарховъ—Anc. f. 140; 23 страницы). Здѣсь же 6 страницъ изъ неизвѣстной пачки, перенумерованныхъ цифрами 6—8, съ извлеченіями изъ 7 рукописей.

60. «Collection Schefer»—16 страничекъ извлеченій, главнымъ образомъ изъ сочиненій Ибн-ал-Джаузӣ; здѣсь же листокъ съ перечисленіемъ біографій у Ибн-ал-Ḳыфтӣ.

61. Копія на двухъ страницахъ изъ исторіи аṭ-Ṭабарӣ по константинопольской рукописи Köprulu № 1042, событія 22 г. хиджры (повидимому, почеркъ Mordtmann'а).

62. Извлеченія изъ Ṭайфура по рукописи Br. Mus. Add. 18532 (ср. выше № 52); два большихъ листа (см. Арабская хрестоматія № 64 и Записки, т. III, 261 слѣд.).

63. Извлеченія изъ جمهرة النسب Add. 23297 (см. Catalogus, pars II, № 1202, ср. Brockelmann I, 139); два большихъ листа.

64. Выписки изъ جمهرة اشعار العرب Cod. Mus. Br. Add. 19403; пять страницъ съ извлеченіями изъ ал-Кумейта, частью изданными въ «Арабской хрестоматіи», № 71—73.

65. Выписки изъ нѣсколькихъ рукописей Br. Mus. и Ind. Off.; всего 22 страницы въ листъ. Иногда отдѣльныя выписки перенумерованы: № 1 شرح الايضاح ал-ʿУкбарӣ Mus. Br. Or. 58 (=Catalogus, № 1690, Brockelmann I, 114,5)—4 страницы; стр. 5—8 كتاب بغداد Ṭайфӯра (Brockelmann I, 138 № 5); 2 страницы безъ номеровъ—трактатъ о Россіи христіанско-арабскаго писателя 1758 года Ind. Off. Loth № 2449 (см. O. Loth, Catalogue, стр. 211, № 729); 1 страница безъ цифры تاريخ بغداد ал-Х̱аṭӣба Br. Mus. 23,319; 1 страница безъ цифры مسالك الأبصار ал-ʿУмарӣ—M. Br. Add. 9589 (Catalogus, pars II, стр. 273, № 575).

66. Копіи турецкихъ грамматикъ на арабскомъ языкѣ по рукописямъ Berlin-Diez (12 страницъ, перенумерованныхъ Розеномъ), Бодлеяны—Thurston № 14 и др. (16 страницъ), Brit. Mus. Add. 27274 (5 страницъ) и замѣтки на 4 листкахъ. Ср. Записки, т. IV, стр. 494, докладъ въ Восточномъ Отдѣленіи въ 1890 году (Записки, т. V, стр. III) и изданіе П. Меліоранскаго, «Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ», СПБ. 1900 (о рукописяхъ, стр. XII слѣд.).

67. Одна пачка въ листъ съ выписками рукописей Бодлеяны; 18 страницъ in folio.

68. Одна пачка такихъ же выписокъ; 12 страницъ in folio.

69. Выписки изъ Canon Masudicus ал-Бӣрӯнӣ по рук. Cod. 516 Bodl. (ср. Brockelmann I, 476 4) съ нѣкоторыми другими выписками; 8 стр. in folio.

70. Отдѣльныя неопредѣленныя выписки на восьми листкахъ разнаго формата.

71. Указатель именъ ученыхъ въ алфавитномъ порядкѣ, съ датами, но безъ ссылокъ (вложенъ въ начало статьи объ Ибн-Ḳутейбѣ, см. Списокъ № 14).

72. Переводъ замѣтки о Наубехāрѣ и Бармекидахъ изъ неизвѣстнаго источника (9 страничекъ писарскимъ почеркомъ).

VII. Выписки изъ рукописей (м. пр. ал-Джāḥиẓа).

(Ср. еще №№ 2, 21, 22, 26, 116).

73. Перечисленіе константинопольскихъ рукописей ал-Джāḥиẓа съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. 6 листиковъ разнаго формата (почеркомъ, повидимому, Van Vloten'а).

74. Содержаніе какой то рукописи كتاب البيان و التبيين ал-Джāḥиẓа съ большими выписками съ л. 7 v. до 101 v. Шесть quaternio, перенумерованныхъ цифрами 2—7 (1 отсутствуетъ).

75. Копія начала третьей части كتاب البيان و التبيين ал-Джāḥиẓа Переписана въ чистовомъ видѣ съ полями, гдѣ указываются исправленныя чтенія рукописи и иногда замѣчанія на нѣмецкомъ языкѣ. Обрывается на полуфразѣ. 6 quaternio.

76. Содержаніе и выписки изъ كتاب المحاسن و الأضداد ал-Джāḥиẓа по рукописи Азіатскаго Музея № 755. Шесть перенумерованныхъ quaternio. Изданіе произведенія дано Van Vloten'омъ въ 1898 г.

77. Нѣсколько цитатъ (главнымъ образомъ) объ ал-Джāḥиẓѣ. Въ твердой, сине-черной папкѣ въ четвертушку, первоначально предназначавшейся для записи квитанцій отъ заказныхъ писемъ.

78. «Numismatische Fragmente. Heft I». Выписки изъ различныхъ арабскихъ рукописей о монетахъ и монетномъ дѣлѣ. Относятся, главнымъ образомъ, ко времени командировокъ 1875 и 1895 годовъ; извлечены изъ рукописей Leyden'а, London'а, Oxford'а, Paris, Gotha и Азіатскаго Музея.

Въ черновомъ видѣ тѣ же выписки встрѣчаются иногда и въ другихъ мѣстахъ. Первая тетрадь заключаетъ 11 страницъ, записанныхъ съ одной стороны, вторая («Heft II»), не оконченная,—три страницы.

79. Выписки изъ рукописи Учебнаго Отдѣленія М. И. Д. № 27 الفرق المؤذن بالطرب الخ aс-Сиддӣкӣ (см. Collections scientifiques, т. I, стр. 11 сл.). Двѣ четвертушки съ предисловіемъ, изложеннымъ по-русски, и заключеніемъ въ арабскихъ выдержкахъ. (Ср. ниже № 82).

80. Одинъ листъ выписокъ изъ готаской рукописи 1741 легенды про Бāлāша, л. 165 v—166. Ср. докладъ, читанный въ Восточномъ Отдѣленіи въ 1893 году (Записки, т. VIII, стр. III) и работу о Худâй Нâме. (Списокъ № 143).

81. «Надгробныя надписи шейбанидовъ». 23 четвертки съ текстомъ на обѣихъ сторонахъ съ небольшими полями, на которыхъ изрѣдка поправки и замѣтки; текстъ чистъ. XXXI надпись, перенумерованная римскими цифрами.

82. Рядъ выписокъ въ книгѣ большого формата въ черно-синей папкѣ. Въ началѣ идутъ а) كتاب النوادر ал-Кāлӣ (обыкновенно называется كتاب الامالي) рукопись Азіатскаго Музея № 161—десять страницъ; б) حلية الصفات Ибн-Тагрӣбердӣ—4 страницы со спискомъ біографій и датами (ср. о рукописи Записки, т. XXI, стр. 016 и слѣд.); в) Cod. Gothanus № 1952—одна страница съ медицинской цитатой. Въ концѣ находятся: г) Рукопись Учебнаго Отдѣленія М. И. Д. № 43 زهر الاكم في الامثال و الحكم ал-Йӯсӣ (ср. Collections scientifiques, т. I, стр. 81 сл. № 163)—пять страницъ; д) Учебн. Отд. № 22 العرب و العجم (Coll. scientif., т. I, стр. 11 гл. № 27)—одна страница; е) «Zahr aladab am Rande des Ykd. Bd. I».—содержаніе до 82 стр.—5 страницъ; ж) начало index'а къ لزوم ما لا يلزم Абӯ-л-ʿАлā (по каирскому изд. I, 43,1—45,5)—7 страницъ, записанныхъ съ одной стороны.

VIII. Мелкія замѣтки, выписки и наброски.

83. Конвертикъ съ указателемъ и цитатами по вопросу о шуʿӯбитахъ къ неизвѣстному источнику на отдѣльныхъ листкахъ.

84. Выписки изъ арабскихъ медицинскихъ сочиненій, цитаты работъ Haeser'а и Steinschneider'а. Вложено письмо D. H. Müller'а отъ 1876 года съ отрывкомъ, скопированнымъ по вѣнской рукописи, и письмо Neubauer'а (см. подробности въ Collections scientifiques, т. I, стр. 96).

85. Черновой (незаконченный) набросокъ рѣчи для VII съѣзда оріенталистовъ (на французскомъ языкѣ)—одинъ листокъ.

86. Наброски по учебной арабской грамматикѣ (о слогахъ, объ управленіи глаголовъ и пр.). Четыре отдѣльныхъ листка въ четвертку.

87. Наброски о вліяніи греческой грамматики на арабскую (въ связи съ работой Goldziher'a, Beiträge zur Geschichte der Sprachgelehrsamkeit bei den Arabern). Шесть отдѣльныхъ листковъ съ началомъ статьи (на нѣмецкомъ языкѣ) и выписками изъ греческой грамматической литературы—главнымъ образомъ Діонисія Ѳракійскаго.

88. Замѣтка объ арабской почтѣ и связанныхъ съ нею терминахъ (اصحاب الخرائط سكة بريد) со ссылками на Ибн-Ḥордāдбеха и Ḳудāму. Перегнутая пополамъ, цѣликомъ записанная четвертка.

89. Матеріалы относительно كتاب الأخبار الطوال Абӯ-Ḥанӣфы ад-Дӣнаверӣ. Рукопись указателей, замѣтки В. Ѳ. Гиргаса, Розена, письмо de Goeje съ варіантами пріобрѣтенной въ Индіи рукописи (подробности см. въ моей работѣ Abū Ḥanīfa ad-Dīnawerī. Kitāb al-aḫbār aṭ-ṭiwāl. Préface, variantes et index (Leide 1912), гдѣ всѣ эти матеріалы использованы).

IX. **Матеріалы по бабизму** (три пачки).

90. Корректура لوح نصير съ рукописными добавленіями E. Browne'a 1893 года (см. Первый сборникъ посланій бабида Бехауллаха, СПБ. 1908, стр. 152—171).

91. Рукопись لوح بشارات — сѣрая тетрадка въ 11 перенумерованныхъ Розеномъ страничекъ (см. Записки, т. VII, стр. 183 слѣд.) съ корректурой и дополненіями E. Browne'a (ib. 311).

92. Рукопись لوح صامصون (4 странички на почтовомъ листкѣ), два письма евреевъ бабидовъ съ транскрипціей и сопроводительное письмо А. Г. Туманскаго отъ 26 декабря 1892 года.

93. Рукопись трехъ сообщеній Абӯ-л-Фазля гюльпейгани объ авторѣ تاريخ جديد — подъ цифрой I а — въ двѣ странички (см. Записки, т. VIII, стр. 34), II в — пять страничекъ (ib. 36—38), и въ двѣ странички, обозначенныхъ рукой Розена цифрами 8—9 (ib. 41).

94. Рукопись لوح جواد, обозначенная цифрой IV, три странички, перенумерованныя Розеномъ (Записки, т. VIII, стр. 43—44).

95. Рукопись سورة يوسف, отрывокъ, обозначенный буквой А, четыре

странички (ср. Collections scientifiques I, 179 и Browne, A Travellers Narrative.... II, 338).

96—97. Двѣ небольшія рукописи бибидскаго происхожденія; одна подъ буквой B (въ одну страницу), вторая почеркомъ Абӯ-л-Фазля въ 4 сѣрыхъ странички.

98. Исторія Хаджи Мух̣аммеда Риз̣ы на персидскомъ языкѣ, переписана Абӯ-л Фазлемъ гюльпейгани въ раби‘ первомъ 1308 года (=1889) въ Самаркандѣ. Двѣ тетрадки, формата почтовыхъ листковъ въ 26 страничекъ (О Мух̣аммедѣ Риз̣ѣ см. Collections scientifiques VI, 247—248 и Записки, т. VI, стр. 316—317; о рукописи Записки, т. VII, стр. IV—V).

99. Факсимиле бабидскихъ писемъ и автографовъ изъ работы Browne'а, The Táríkh-i-jadíd (Cambridge 1893), стр. 56 и 424—434 съ нѣкоторыми его же рукописными приписками.

100. Рукопись перевода и примѣчаній كتاب اقدس (изд. А. Г. Туманскаго).

101. Списокъ заглавій и началъ посланій Бехауллаха съ указаніемъ страницы изданія «Первый сборникъ посланій...».

102. Замѣтки о бабидскихъ лаухахъ, обозначенныхъ номерами съ 6 до 104 (съ нѣкоторыми перерывами); обыкновенно начало и содержаніе; отдѣльные номера повторяются дважды, иногда совпадаютъ съ изданными въ «Первомъ сборникѣ посланій...», иногда нѣтъ. Девять листковъ, набросанныхъ очень торопливой рукой.

103. Рукопись и корректуры لوح على и لوح بسيط الحقيقة—пять страницъ большого формата рукой В. А. Жуковскаго (изд. въ «Китабе Акдесъ» А. Туманскаго, стр. 54—57, 61—64).

104. Оффиціальныя донесенія русскихъ дипломатическихъ представителей изъ Персіи о бабидахъ (года: 1855, 1866, 1867, 1869, 1876, 1879); листы большого формата, переписанные частью рукою Розена (быть можетъ въ 1889 году, см. Веселовскій, стр. 17—18).

105. Сообщенія изъ Адріанополя о пребываніи тамъ бабидовъ. Семь номеровъ разнаго формата, вѣроятно въ отвѣтъ на запросъ Розена, черновикъ котораго набросанъ здѣсь же на оборотѣ одного изъ донесеній.

X. Дѣловыя бумаги и матеріалы.

106. Матеріалы по петроградскому съѣзду оріенталистовъ (частью рукой В. В. Григорьева): а) Отчетъ комитета для устройства 3 сессіи

конгресса (3 листа рукой Григорьева). б) Рѣчь его же, на французскомъ языкѣ при открытіи съѣзда (полулистъ и четвертка). в) Протоколъ засѣданія 2 августа 1876 года (двѣ четвертки, его же рукой). г) «Guide aux Archives principales du Ministère des Affaires etrangères à Moscou rédigée pour M. m. les Membres du 3-me Congrès international des Orientalistes en 1876 par Alexandre Ratchinski employé et Nicolas Tcharjkow attaché aux Archives». Два листа in folio.

107. Письма въ связи съ конгрессомъ: Д. Анучина (22 авг. 1876), Е. Воронецъ (26 авг. 1876), Берже (25 авг.), К. Скачкова (12 мая 1879), F. Schmidt (23 Aug. 1876), Dr. Kurz (15 Aug. 1876), Lieblein (25 juni 1879), Karl Piehl (19 Avril 1880), Es. Tegner (19 Juillet 1879). Здѣсь же статья (повидимому, рукой А. Куника) «Einige Nachrichten griechischer und russischer Schriftsteller über die Skythen, Sarmaten u. a. Völker» (одна четвертка).

108. Гектографированная записка Бутлерова и Фаминцына по поводу предположеннаго избранія Баклунда въ Академію Наукъ, въ 1880 году. Девять страницъ въ листъ. (Ср. Веселовскій, стр. 14).

109. Гектографированная записка Ѳ. Е. Корша по «дѣлу о потребностяхъ Восточнаго Факультета», 12 сентября 1896 года. 33 страницы въ листъ; два экземпляра. (См. Матеріалы для исторіи Факультета Восточныхъ Языковъ, т. II, стр. 260 слѣд.).

110. Гектографированный отчетъ предсѣдателя испытательной комиссіи при факультетѣ Восточныхъ языковъ за 1897 годъ (Ѳ. Е. Корша). Дата—28 іюня 1897 года. 21 страница въ листъ.

111. Матеріалы по выработкѣ устава Владивостокскаго Института Восточныхъ языковъ: проектъ положенія, таблицы лекцій, правила о пенсіяхъ, штаты, съ препроводительной бумагой Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія И. Звѣрева отъ 4 сентября 1898 года. Текстъ частью переписанный, частью гектографированный съ поправками и измѣненіями рукой Розена. Вложенъ одинъ листокъ съ неразборчивыми замѣтками его же.

112. «Проектъ мѣръ» о печатаніи академическихъ изданій на русскомъ языкѣ. Одинъ большой листъ, переписанный начисто Розеномъ въ концѣ 90-хъ годовъ.

113. Формулярный списокъ В. Г. Тизенгаузена (служившій, вѣроятно, матеріаломъ для его некролога, см. Списокъ № 135).

XI. Рукописи другихъ лицъ.

(Ср. еще №№ 106—110, 155).

114. «Неиспользованныя карточки В. Г. Тизенгаузена» — конвертикъ. Матеріалы, невошедшіе въ его библіографію (Записки, т. XVI, стр. 080 сл.).

115. «Программа исторіи арабской литературы» — одинъ листокъ рукой В. Ѳ. Гиргаса.

116. Начало какой то рукописи شرح الشافية للجاربردى (см. Brockelmann I, 305 и 4). Одинъ листокъ (f. 1b—2a) рукой Н. А. Мѣдникова.

117. Листокъ какой-то грузинской надписи въ нѣсколько строкъ съ переводомъ.

118. Выписка изъ Deutsche Rundschau (Heft 7, April 1892) — письмо Thomas Carlyle'я къ Varnhagen'у von Ense (изъ переписки 1837—1857 г. Brief V/106).

119. Замѣтка Н. Я. Марра о двухъ грузинскихъ рукописяхъ Абӯ-Ḳурры въ «Обществѣ распространенія грамотности среди грузинъ» въ Тифлисѣ. Одинъ листокъ.

120. Два почтовыхъ листка съ замѣткой о сельджукскихъ монетахъ съ изображеніемъ Льва и Солнца (почеркъ В. Г. Тизенгаузена).

121. Надпись на горѣ Гэдэнъ. Копія, удостовѣренная драгоманомъ консульства въ Кульджѣ Дьяковымъ 14. III. 1906 года съ его же переводомъ 3 января 1906 года.

122. Скопированное В. Ѳ. Гиргасомъ по неизвѣстной рукописи сочиненіе المصباح فى النحو (не ал-Джурджāнӣ, какъ сказано у него, а ал-Муṭарризӣ — см. Brockelmann I, 293, № 15 i). 32 страницы въ учебной тетрадкѣ съ полями, очень аккуратно записанныхъ; на поляхъ иногда замѣтки.

123. Переводъ изъ хроники аṭ-Ṭабарӣ (по лейденскому изданію, III серія, стр. 1234—1256). Учебная тетрадь съ 71 перенумерованной страницей; почеркъ П. М. Меліоранскаго.

124. Корректуры статьи В. Д. Смирнова, Грамата султана Османа II семейству іудейки Киры (Восточныя Замѣтки, стр. 35—78) и три письма его Розену отъ 10, 12 и 22 декабря 1894 года относительно различныхъ исправленій въ статьѣ.

125. Рукопись Н. И. Веселовскаго, Памятникъ Ходжи Ахрара въ

Самаркандѣ (Восточныя Замѣтки, стр. 321—335) съ поправками Розена и съ письмомъ Н. И. Веселовскаго отъ 7 мая 1895 года.

126. Оригиналъ и корректуры работы В. А. Кордта, Записки Номена (со штемпелями Типографіи Академіи Наукъ 1901 года).

XII. Фотографіи и факсимиле.

127. Фотографія Авг. Мюллера (воспроизведена при некрологѣ его, см. Списокъ № 121). 6 экземпляровъ.

128. Фотографія Д. А. Хвольсона.

129. Фотографія бар. В. Р. Розена (воспроизведена при некрологѣ П. К. Коковцова въ «Извѣстіяхъ» Академіи Наукъ за 1908 годъ, № 2).

130. Двѣ фотографіи одного саркофага съ арабской подписью. Паспарту фотографа А. Бѣликова въ Никополѣ.

131. Фотографія камня съ сирійской надписью подъ № 5 (см. Записки, т. XVI, стр. 0194).

132. Два листа факсимиле къ работѣ Kremer'a, Über das Einnahmenbudget... (Verhandlungen des VII. Internation. Orientalistenkongress. I, стр. 18).

133. Факсимиле уйгурскаго ярлыка, изданнаго В. В. Радловымъ (Записки, т. III, стр. 40).

XIII. Письма.

(Ср. еще №№ 84, 89—92, 104, 105, 107, 111, 124, 125).

134. Два письма на персидскомъ языкѣ отъ Бака Ходжа Хади Ходжаева изъ Самарканда отъ 10 марта и 24 мая 1904 года.

135. Письмо на арабскомъ языкѣ Жюржи Зейдāна отъ 14 августа 1904 года.

136. Четыре арабскихъ и персидскихъ письма Азизуллаха Измаилова 1902—1904 года.

137. Три письма бар. Д. Г. Гинцбурга отъ 4. XI. 1890, 15. VI. 1890 и 12. VIII. 1892 г.

138. Персидская выписка В. А. Жуковскаго на двухъ листкахъ съ запиской отъ 30. IV. 1889 г.

139. Письмо F. Westberg'a отъ 2. XII. 1906.

140. Письмо L. Bonelli отъ 1. III. 1894 года (ср. Записки VII, 373 примѣч.).

141. Конвертъ съ 13-ью письмами E. Browne'a отъ 10. IV. 1892 г. (четыре почтовыхъ листа), 5. X. 1892 (открытка), 9. X. 1892, 11. X. 1892, 29. I. 1893, 13. II. 1893, 16. II. 1893, 23. II. 1893, 1. III. 1893, 20. III. 1893, 27. IV. 1893, 8. X. 1896 и 26. VII. 1900. (См. еще №№ 90, 91, 95, 99).

142. Письмо Nöldeke отъ 8. XI. 1876 (относительно ад-Дӣнаверӣ).

143. Два письма O. Loth'a отъ 12. XI и 21. XI. 1876 года.

144. Письмо St. Guyard'a отъ 4. XI. 1876 г.

145. Два письма de Goeje отъ 5. V и 18. XI. 1876 г.

146. Письмо П. К. Коковцова отъ 6. XI. 1904 г.

147. Письмо П. Горскаго-Платонова отъ 2. IX. 1876 года.

148. Два письма Mordtmann'a отъ 6. V и 4. VI. 1876 года.

149. Двѣ открытки и письмо безъ подписи отъ февраля 1877 года (повидимому А. Куника).

150. Письмо Camille Ricque (?) отъ ноября 1876 года.

151. Два письма Blochmann'a съ факсимиле арабской надписи въ Бихарѣ отъ 1. VIII. 1876 года (адресованы, повидимому, В. В. Григорьеву).

152. Письмо бар. В. Р. Розена съ переводомъ отрывка ат-Табарӣ (III, 588, 6—21), на нѣмецкомъ языкѣ, къ К. Г. Залеману (безъ даты).

153. Открытка К. Г. Залемана (съ арабскими стихами); почтовый штемпель 16 ноября 1887 г.

XIV. Varia.

154. Пакетъ съ «безнадежными» замѣтками — главнымъ образомъ, отрывочными цитатами, выписками и проч. на повѣсткахъ, старыхъ конвертахъ, бланкахъ и т. д.

XV. Дополненіе (къ отдѣлу V и XI, см. выше стр. 1325).

155. Копія лѣтописи Яхьи антіохійскаго, принадлежавшая лектору арабскаго языка въ С.-Петербургскомъ Университетѣ Ф. Ҫаррӯфу. 279 страницъ, перенумерованныхъ переписчикомъ, въ кожаномъ переплетѣ восточнаго типа половины XIX вѣка. Текстъ начинается со страницы 5-ой; оставлены бѣлыми (безъ пропуска въ текстѣ) стр. 47—48. О принадлежности рукописи Ҫаррӯфу говоритъ замѣтка на 4-й страницѣ برسم فضل الله صرّوف; скопирована она съ неизвѣстнаго оригинала (повиди-

мому въ Дамаскѣ) въ 1852 году, вѣроятно братомъ бывшаго владѣльца, какъ объ этомъ говоритъ запись на стр. 279-й. При работѣ надъ своей диссертаціей бар. Розенъ не имѣлъ возможности пользоваться этой рукописью (см. Императоръ Василій Болгаробойца стр. 0103): въ его распоряженіи была только копія послѣднихъ страницъ, отмѣченная ниже (см. № 156). На основаніи ея онъ заключилъ, что рукопись тождественна съ дамасскимъ спискомъ, представляющимъ ту же редакцію, какъ парижскій (ib. 0103); бѣглый просмотръ рукописи позволяетъ теперь предположить, что въ рукахъ переписчика кромѣ дамасскаго списка была еще рукопись, перешедшая впослѣдствіи къ еп. Порфирію, или ея оригиналъ, а быть можетъ копія съ нея. Въ рукописи Ṣаррӯфа возстановлены пропуски парижскаго списка (ibid. 097 слѣд.), при чемъ разъ даже вклеены для этой цѣли двѣ страницы (стр. 115); текстъ вставокъ въ общемъ совпадаетъ съ порфиріевской рукописью. Все это показываетъ, что вновь обнаруженный списокъ требуетъ еще спеціальнаго изслѣдованія. Былъ ли онъ подвергнутъ бар. Розеномъ ближайшему изученію, мнѣ неизвѣстно, равно какъ неизвѣстна и его предшествующая исторія.

156. Копія лѣтописи Яхьи антіохійскаго, переписанная бар. Розеномъ. XIX пачекъ-тетрадокъ, перенумерованныхъ римскими цифрами синимъ карандашемъ = 221 страница текста съ нумераціей арабскими цифрами. На лѣвой сторонѣ — текстъ парижской рукописи (подробности о которой см. Императоръ Василій Болгаробойца, стр. 096 сл.), при чемъ двѣ страницы копіи равняются точно страницѣ рукописи (ibid. 058 прим. въ); на поляхъ указаны листы и выписаны сомнительныя выраженія съ sic. Низъ страницъ бѣлый. На правой сторонѣ краснымъ чернилом выписаны варіанты рукописи еп. Порфирія (ibid. 091); здѣсь же изрѣдка даются сопоставленія съ другими источниками, иногда сдѣланы наклейки, закладки къ разсказамъ о византійско-арабскихъ событіяхъ, отчеркнутымъ синимъ карандашемъ и проч. Послѣднія ненумерованныя страницы заняты замѣтками о парижской рукописи. Въ началѣ вложенъ листокъ съ варіантами къ 1 страницѣ, въ концѣ копія на почтовомъ листкѣ послѣднихъ страницъ рукописи, принадлежавшей Ф. Ṣаррӯфу (ibid. 0103); довольно много листковъ вложено съ замѣтками, главнымъ образомъ по хронологіи и пр. Вся копія заключена въ обложку отъ кожанаго восточнаго переплета.

Указатель собственныхъ именъ и названій.

Указатель мѣстъ нахожденія арабскихъ рукописей, упоминаемыхъ въ описи.

Приложеніе къ протоколу VIII засѣданія Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи Россійской Академіи Наукъ 29 (16) мая 1918 года.

Записка академика Н. Я. Марра о дѣятельности Кавказскаго Историко-Археологическаго Института.

«Г. Н. Чубиновъ, дѣйствительный членъ Кавказскаго Историко-Археологическаго Института, въ письмѣ отъ «4-го апрѣля», полученномъ мною 24-го мая (н. ст.), сообщаетъ слѣдующее о дѣятельности нашего новаго учрежденія: «Первое засѣданіе состоялось 19-го декабря. Адъюнктъ Гордѣевъ прибылъ въ Тифлисъ въ концѣ января, съ этого момента ученый персоналъ работалъ на мѣстѣ въ полномъ составѣ. Собираться постановлено еженедѣльно, но фактически по независящимъ обстоятельствамъ собирались въ двѣ недѣли разъ. Въ связи съ переживаемыми событіями и матеріальной стѣсненностью Институту до 4-го апрѣля не удавалось разработать планъ систематическихъ работъ. Ученый персоналъ едва успѣвалъ справляться съ вопросами и работами, выдвигавшимися краевой жизнью независимо отъ Института. Возбужденъ вопросъ о продолженіи изданія «Сборникъ матеріаловъ по описанію племенъ и мѣстностей Кавказа». Учебный Округъ ходатайствовалъ о кредитѣ приблизительно въ 30—40 тысячъ, и, если онъ будетъ рѣшенъ положительно, то изданіе будетъ преобразовано согласно проекту, разработанному въ одной изъ подкомиссій въ Академіи, еще въ бытность Г. Н. Чубинова въ Петроградѣ. Осмотрѣнная С. В. Теръ-Аветисьяномъ въ Карсѣ новая армянская надпись, по наведеннымъ у него справкамъ, уже сфотографирована и съ нея сдѣланъ и эстампажъ, а подлинникъ перенесенъ на храненіе въ церковь: надпись открыта при проведеніи сточной канавы за городомъ черезъ Некрополь изъ погребеній различнѣйшихъ эпохъ. Осмотрѣны открытые близъ сел. Гореш-и, въ бывшихъ владѣніяхъ Мачаваріани близъ ст. Дзерулы, золотые предметы и чаша съ сасанидскими изображеніями. Получено обѣщаніе о непродажѣ ихъ въ частныя руки, и Институту предоставлена возможность сфотографировать и списать.

«9-го января было экстренное засѣданіе съ директоромъ Кавказскаго Музея Ю. Н. Вороновымъ, получившимъ телеграмму 30 декабря 1917 г. за № 5467, отъ начальника Трапезунтскаго округа о томъ, какъ поступить съ фресками Трапезунтскихъ мечетей, вскрытыхъ экспедиціею академика Ѳ. И. Успенскаго, и съ самими церквами-мечетями. Постановлено: закрыть ихъ штукатуркой, предварительно постаравшись сфотографировать и зарисовать, а сами древніе храмы-мечети передать муфтію. Въ концѣ января, по предложенію Г. Н. Чубинова, въ связи съ проведеніемъ

аграрной реформы возбуждено ходатайство передъ мѣстной властью объ объявленіи неприкосновенными участковъ съ археологическими и историческими памятниками. Тогда же былъ составленъ изъ извѣстныхъ записокъ Россійской Академіи Наукъ докладъ примѣнительно къ кавказскимъ условіямъ. Докладъ прочитанъ еще во второй половинѣ марта въ аграрной комиссіи сейма: основные пункты доклада, переработанные въ законопроектъ, должны пройти, но пока это дѣло задержала война. Къ закону будетъ приложенъ перечень археологически и исторически важныхъ участковъ: къ составленію его по части Арменіи привлеченъ С. В. Теръ-Аветисьянъ.

«На засѣданіи 6 февраля Г. Н. Чубиновъ сообщилъ, что находившійся тогда въ Тифлисѣ любитель-путешественникъ Н. Д. Романовъ желаетъ пожертвовать Институту свою библіотеку, находящуюся въ Петроградѣ, и ежегодно покупать по указанію Института книги для его библіотеки по спеціальностямъ. Детали этого дѣла не разработаны, но оно занесено въ протоколы. Тогда же постановлено навести справку и списаться съ подлежащими консулами объ огражденіи рельефовъ около Хамадана, въ которые стрѣляли отходившія русскія войска. Четыре засѣданія были посвящены разработкѣ инструкціи Совѣта, законченной и принятой Собраніемъ ученыхъ членовъ Института 17-го февраля. Созыву Совѣта до сихъ поръ мѣшаетъ невыработанность общаго плана работъ ученыхъ членовъ Института.

«Предполагавшееся для посылки членамъ закавказской мирной делегаціи отношеніе о спеціальной охранѣ дальнѣйшей судьбы Ани и памятниковъ въ занятой во время войны территоріи Институтомъ, къ сожалѣнію, послано не было. Во время своей предварительной поѣздки въ Ани Гордѣевъ, вывезши нумизматическую коллекцію въ Александрополь, описалъ здѣсь миніатюры трехъ армянскихъ Евангелій. Разборъ Анійской нумизматической коллекціи предположено поручить находящемуся въ Тифлисѣ Пахомову, извѣстному своей работой по грузинскимъ монетамъ: осуществленію предположенія мѣшаетъ неполученіе денегъ. Вставали вопросы объ охранѣ древностей Кавказа вообще, о типографіи, объ общекавказской научной библіотекѣ въ Тифлисѣ, о библіотекѣ покойнаго Е. Г. Вейденбаума, мѣстнаго кавказовѣда, и т. п. По вопросу объ охранѣ древностей Г. Н. Чубиновъ проситъ выслать рядъ матеріаловъ: необходимо не только разработать общій законопроектъ объ охранѣ древностей, но и дѣйствительно организовать ее. Вагоны (2) съ научными матеріалами Института, отправленные изъ Петрограда 19-го ноября, еще не прибыли въ Тифлисъ, не прошли они и ст. Баладжаръ: Г. Н. Чубиновъ сообщаетъ №№ вагоновъ и накладныхъ съ просьбой возбудить ходатайство объ ихъ розыскѣ. На ближайшемъ засѣданіи будетъ предложено отправить копіи протоколовъ въ Академію академику директору-руководителю Института. Въ этихъ протоколахъ, по всей вѣроятности, будутъ свѣдѣнія и о научныхъ работахъ ученыхъ членовъ Института, а равно лицъ, получившихъ лѣтомъ командировки и долженствовавшихъ представить въ Институтъ разработанные или по крайней мѣрѣ собранные ими матеріалы».

Приложеніе къ протоколу VIII засѣданія Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи Россійской Академіи Наукъ 29 (16) мая 1918 года.

Къ вопросу о реорганизаціи Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ.

Жизнь не терпитъ, и выдвигаемый въ числѣ прочихъ весьма сложный вопросъ о реформѣ одного изъ имѣющихъ крупныя государственныя, общественныя и научныя заслуги очаговъ востоковѣдѣнія побуждаетъ меня предложить вниманію интересующихся настоящую записку. Она недоработана въ подробностяхъ, возникла какъ будто случайно, но представляетъ попытку освѣщенія вопроса, основанную на давно занимающихъ меня, по силѣ моихъ пониманій, интересахъ нашего востоковѣдѣнія. Записка была составлена еще при Временномъ Правительствѣ, но съ независимостью мысли научно установленная правда не перестаетъ быть правдой, требующей признанія, и жизненная потребность не перестаетъ быть потребностью, которую нужно удовлетворить.

Согласно постановленію Комиссіи по реформѣ высшихъ учебныхъ заведеній отъ 7 сентября я образовалъ Подкомиссію «для обсужденія вопроса объ измѣненіи устава Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ Москвѣ въ части, касающейся его Спеціальныхъ Классовъ, и о возможности преобразованія ихъ въ восточный факультетъ Московскаго университета».

Тогда же въ составъ Подкомиссіи были избраны: академикъ С. Ѳ. Ольденбургъ, профессоръ Д. Д. Гриммъ и профессоръ М. Я. Пергаментъ съ предоставленіемъ мнѣ пополнить составъ другими свѣдущими лицами.

1 октября состоялось засѣданіе Подкомиссіи. Присутствовали: академикъ В. В. Бартольдъ, профессоръ Д. Д. Гриммъ, И. Х. Завріевъ (представитель армянскаго Общественнаго Комитета Петрограда и Москвы), академикъ С. Ѳ. Ольденбургъ, доцентъ І. А. Орбели (арменистъ), академикъ Я. И. Смирновъ (историкъ искусства) и профессоръ А. Э. Шмидтъ (арабистъ).

Были доложены мною матеріалы по дѣлу и сдѣланы предложенія въ согласіи съ положеніемъ Лазаревскаго Института, исторически освѣщеннымъ. Послѣ обмѣна мнѣній Подкомиссія постановила признать необходимымъ не отдѣлять Спеціальныхъ Классовъ Восточныхъ языковъ, присоединиться къ моимъ предложеніямъ въ принципѣ, а для выработки подробностей просить Комиссію назначить новую Подкомиссію въ опредѣленномъ составѣ. Дѣло, значитъ, было не рѣшенное. Докладъ пришлось повторить и даже развить для Комиссіи обстоятельнѣе, чтобы оправдать принятыя Подкомиссіею постановленія.

Прежде всего надо знать наличное положеніе Института по послѣднему тогда постановленію Временнаго Правительства отъ 30 іюня 1917 года (1084). Съ того времени положеніе по существу не измѣнилось. Постановленіе гласитъ:

1. «Утвердить прилагаемыя правила о Попечителѣ и Общественномъ Комитетѣ для завѣдыванія и управленія Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ языковъ въ Москвѣ.

2. «Временно, впредь до пересмотра устава о названномъ (отд. I) Институтѣ, предоставить упомянутому Общественному Комитету избирать директора и инспектора Института, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ статьѣ 972 Свода Уставовъ Ученыхъ Учрежденій и Учебныхъ Заведеній (Св. Зак., т. XI, ч. I, изд. 1893 г. и по Прод. 1913 г.), и представлять черезъ попечителя Института избранныхъ лицъ Министру Народнаго Просвѣщенія, для утвержденія ихъ въ установленномъ порядкѣ».

Статья 972 устава о Лазаревскомъ Институтѣ гласитъ:

«Въ должность Директора и Инспектора Лазаревскаго Института избираются преимущественно лица, пріобрѣвшія ученую степень въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи; сверхъ того, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ долженъ владѣть знаніемъ армянскаго языка».

Общественный Комитетъ по правилу 3-му состоитъ изъ лицъ, избираемыхъ на три года въ равномъ числѣ (по пяти) армянскими обществами Петрограда и Москвы.

Особой статьи о Спеціальныхъ Классахъ въ этихъ правилахъ какъ будто нѣтъ, нѣтъ отдѣльнаго указанія объ отношеніи къ нимъ Общественнаго Комитета, но 4-мъ правиломъ «на Попечителя и Общественный Комитетъ, дѣйствующіе совмѣстно», возлагается между прочимъ «высшій надзоръ за управленіемъ учебной» частью, слѣдовательно, и надъ обученіемъ въ Спеціальныхъ Классахъ. И наконецъ, вѣдѣнію Попечителя и Общественнаго Комитета подлежитъ и «разсмотрѣніе предположеній объ измѣненіи и дополненіи устава Института».

Это правило можетъ получить довольно широкое толкованіе, если имѣть въ виду, что 4-мъ правиломъ на «Попечителя и Общественный Комитетъ, дѣйствующіе совмѣстно», возлагается также «главное наблюденіе за исполненіемъ устава Института, осуществленіе цѣли послѣдняго, согласно завѣтамъ основателей, какъ разсадника просвѣщенія армянскаго народа».

Лѣтомъ былъ освобожденъ отъ должности директора Института профессоръ Н. В. Гидуляновъ.

9 сентября Министерство получило телеграмму отъ студентовъ Спеціальныхъ Классовъ о признаніи автономныхъ правъ Спеціальныхъ Классовъ Института.

Касательно автономіи Спеціальныхъ Классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ имѣется записка еще отъ 14 апрѣля одного изъ дѣятельнѣйшихъ профессоровъ Института А. Е. Крымскаго.

Останавливаться на разборѣ этого документа нѣтъ сейчасъ надобности. О состояніи Спеціальныхъ Классовъ можно судить по тому, что ни у одного профессора востоковѣдѣнія, опредѣляющаго назначеніе Спеціальныхъ Классовъ, нѣтъ ученой

степени. Болѣе того: мнѣ извѣстно, что именно со временемъ директорства П. В. Гидулянова совпало отстраненіе кандидата съ дѣйствительно научной подготовкой и ученой степенью на вакантное мѣсто преподавателя Института.

Въ запискѣ А. Е. Крымскаго поставленъ вопросъ объ отдѣленіи Спеціальныхъ Классовъ отъ Института или для перенесенія ихъ въ Московскій университетъ въ видѣ восточнаго факультета, что̀ было бы, по мнѣнію автора записки, «самымъ достойнымъ и самымъ научнымъ выходомъ», или для преобразованія ихъ въ самостоятельный «Институтъ Восточныхъ языковъ».

Мысль о внесеніи востоковѣдныхъ каѳедръ въ историко-филологическій факультетъ Московскаго университета возникала не разъ. Еще въ 1829-мъ году Иванъ Лазаревъ возбудилъ ходатайство объ учрежденіи каѳедры армянскаго языка и армянской словесности въ Московскомъ университетѣ; министръ князь Ливенъ отказалъ удовлетворить на томъ основаніи, что Министерство предположило уже основать въ Петербургѣ «большое отдѣленіе, объемлющее всѣ восточные языки»[1].

Но вопросъ объ отдѣленіи Спеціальныхъ Классовъ отъ гимназіи не такъ простъ. Вклады армянъ въ Институтъ недѣлимы. Трудно, а иногда вовсе нельзя разграничить то, что жертвовалось гимназіи и что Спеціальнымъ Классамъ. Да и вклады на ученыя изданія Института завѣщателями дѣлались при мысли, что Институтъ недѣлимъ. Но я не останавливаюсь на матеріальной сторонѣ.

Слѣдуетъ указать лишь одно: большіе матеріальные вклады армянъ со стороны государства уравновѣшивались предоставленіемъ Институту громадныхъ правъ, не мало содѣйствовавшихъ развитію этого своеобразнаго учрежденія[2]. Конечно, государство вносило и матеріальную свою лепту штатными ли суммами на преподаваніе или учрежденіемъ стипендій и т. п., но насъ сейчасъ интересуетъ идейная сторона всего предпріятія. Она, повидимому, ускользаетъ отъ многихъ.

Полная нынѣ раздѣльность учебнаго дѣла гимназіи отъ занятій въ Спеціальныхъ Классахъ, отсутствіе соприкосновенія между преподавательскимъ персоналомъ средняго учебнаго заведенія и созданныхъ для его завершенія Спеціальныхъ Классовъ можетъ свидѣтельствовать лишь объ утратѣ руководителями судебъ Института смысла его существованія. Нѣкоторое затемнѣніе смысла существованія Института восходитъ ко времени Толстого, когда, въ 1872-мъ году, въ уставъ Лазаревскаго Института внесена была статья (951-я), опредѣляющая именно такъ, т. е. раздѣльно, назначеніе каждой изъ частей Института:

«Гимназическіе классы имѣютъ цѣлью доставлять воспитывающемуся въ нихъ юношеству общее образованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ приготовительнымъ заведе-

1 1815—1890. *Семидесятипятилѣтіе Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ.* Москва 1891, стр. 139.

2 Въ 1837-мъ году Лазаревскому Институту дарованы «нѣкоторыя права и преимущества казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній 1-го разряда» (ц. с., стр. 10, § 8. Еще стр. 11, § 9). Черезъ 10 лѣтъ, 10 мая 1848 г., Лазаревскому Институту дарованы «Уставъ и штаты со всѣми правами и преимуществами 1-го разряда учебныхъ заведеній въ сравненіи съ другими Лицеями и Институтами» (ц. с., стр. 12, § 13).

ніемъ для поступленія въ университетъ и высшія спеціальныя училища; спеціальные же классы имѣютъ цѣлью изученіе восточныхъ языковъ».

При незнакомствѣ съ дѣломъ можно подумать, что гимназическіе классы не имѣли прямого отношенія ни къ одной изъ отраслей востоковѣдѣнія, изучавшихся въ Спеціальныхъ Классахъ, можно соотвѣтственно утверждать, что гимназическіе и Спеціальные Классы не обслуживали совмѣстно въ особой степени не только общеобразовательныхъ, но и спеціальныхъ востоковѣдныхъ интересовъ армянъ. Авторъ устава это могъ сказать лишь съ явнымъ рискомъ пойти въ разрѣзъ не только съ цѣлями Института и фактическимъ положеніемъ преподаванія въ немъ, но и съ рядомъ статей, изложенныхъ въ имъ же составленномъ уставѣ. Такъ по статьѣ, уже приводившейся мною (972-й = Толст. § 22), и директоръ и инспекторъ общій у гимназіи со Спеціальными Классами и «по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ долженъ владѣть знаніемъ армянскаго языка».

Только на почвѣ полной утраты смысла существованія Института и могла возникнуть мысль ввести въ предметы преподаванія сартскій языкъ въ ущербъ основнымъ востоковѣднымъ предметамъ Лазаревскаго Института, что̀ произошло при послѣднемъ директорѣ профессорѣ П. В. Гидулиновѣ.

Задачей Института было на самомъ дѣлѣ дать цѣльное востоковѣдное образованіе по живымъ и національнымъ литературнымъ языкамъ Кавказа и связаннымъ съ ними культурнымъ языкамъ Мусульманскаго Востока — арабскому, персидскому и турецкимъ. Естественно въ гимназіи Института, преслѣдовавшей и свои общеобразовательныя задачи, надлежало — и это дѣлалось — давать опредѣленную подготовку по востоковѣднымъ предметамъ. Въ отношеніи армянскаго это сохранилось въ гимназіи по сей день, правда нынѣ лишь для армянъ. Не было возможности забыть — и для желавшихъ сдѣлать это, — что учебное заведеніе создано было и поддерживалось въ общемъ для просвѣтительныхъ нуждъ армянскаго народа, для изученія странъ и живыхъ народовъ, прежде всего кавказцевъ, т. е. той культурной среды, въ которой сосредоточены или разсѣяны армяне какъ въ родной стихіи. Гимназія Лазаревскаго Института призвана и въ дальнѣйшемъ давать извѣстную оріенталистическую подготовку, надо думать, болѣе правильно поставленную, и потому Институтъ не можетъ лишиться столь важной для такой постановки своей части, какъ Спеціальные Классы Восточныхъ языковъ. Разумѣется, нѣтъ никакой надобности насильственно заставлять всѣхъ питомцевъ Лазаревской гимназіи поступать въ Спеціальные Классы Института, но для поступленія въ эти Спеціальные или Лицейскіе Классы питомцы Лазаревской гимназіи должны бы имѣть преимущество лучшей подготовки. При такой подготовкѣ можно бы признать достаточной и трехгодичность полнаго курса спеціальной высшей школы Института. И этого можно бы достигнуть безъ особаго труда.

Конечно, нѣтъ ничего легче, какъ разрубить узелъ, фактически сведенный почти къ нулю и включающій въ себѣ духовную связь, которой какъ будто чужды наиболѣе живые, наиболѣе видные представители преподавательскихъ силъ.

Но не много ли и безъ того принесено жертвъ въ Россіи отстаиванію единообразія во всемъ, чтобы такъ легко сводить счеты съ исторически возникшими культурными учрежденіями, своеобразными типами учебныхъ заведеній во имя унитаризма формъ. Въ Россіи, столь бѣдной исторически сложившимися гнѣздами культуры, Лазаревскій Институтъ представляетъ самъ по себѣ рѣдкую цѣнность.

Не знаю, какъ отнеслась бы къ упраздненію Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, какъ таковаго, Москва, имѣющая совершенно особое любовное отношеніе къ своимъ ученымъ и учено-учебнымъ учрежденіямъ, тѣмъ болѣе къ столь своеобразному, какъ то, которое насъ занимаетъ, но для армянскаго народа Московскій Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ въ Россіи столь же важное, если не болѣе, учрежденіе, сколь въ Европѣ Венеціанское армянское ученое братство мыхитаристовъ.

И нынѣ, какъ въ самую блестящую эпоху его жизни, Лазаревскій Институтъ въ высшей степени свѣтлая притягательная точка для громадной части армянскаго народа. Такихъ помѣщенныхъ на чужбинѣ свѣтлыхъ культурныхъ точекъ въ сознаніи другихъ извѣстныхъ мнѣ восточныхъ народовъ я не знаю.

Учрежденіе это, конечно, много терпѣло отъ домогательствъ различныхъ вѣдомствъ, въ частности и отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Было время, когда попечители Института старались спасти его въ лонѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ для огражденія лежащей въ немъ идеи отъ полнаго искаженія, намѣчавшагося тормозившимъ его нормальный успѣхъ роднымъ Министерствомъ.

Въ Лазаревскомъ Институтѣ на лицо посадки совмѣстной культурной работы армянъ съ русскими или усилій ихъ организовать совмѣстную работу,—посадки, принесшія свой добротный плодъ, несмотря на чинившіяся затрудненія всякаго рода. Нынѣ въ порядкѣ вещей національно размежевываться другъ съ другомъ. Въ этомъ видитъ большинство народовъ Россіи залогъ и свободы, и прогресса, но для народа, строителя государства, этотъ путь едва ли подходящій. Чтобы посягнуть на это своеобразное учрежденіе въ смыслѣ его раздѣленія, надо не имѣть вовсе представленія не только объ исторической, но и о реальной его важности.

Тотъ довольно обычный типъ спеціальнаго учебнаго заведенія, средняя школа съ надстройкой высшей, какое имѣемъ въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ съ его гимназіей, представляетъ собой нѣчто совершенно исключительное на всей территоріи Россійскаго государства.

Можно бы думать, что Лазаревскій Институтъ по роду своему является параллелью Петроградскихъ нѣмецкихъ школъ, какъ Annenschule, Peterschule и т. п., но, независимо отъ отсутствія въ послѣднихъ высшей школы, разница между ними коренная.

Первая его особенность въ томъ, что національной стороной въ нашемъ вопросѣ является восточный народъ. Затѣмъ, какъ ни скромно на вѣсахъ міровой жизни значеніе этого маленькаго народа въ послѣднія столѣтія, какъ ни мало замѣтно было оно особенно въ ту эпоху, когда основывался Институтъ, но нельзя было

отказать и тогда въ важности не только международному вопросу о немъ, но и ему самому. Въ появленіи занимающаго насъ учрежденія мы имѣемъ свидѣтельство союза угнетавшагося мусульманскими державами, Персіею и Турціею, или только-что успѣвшаго частично выйти изъ этого угнетенія христіанскаго народа съ могущественнымъ христіанскимъ государствомъ.

Мысль объ основаніи въ Россіи особаго заведенія въ семьѣ Лазаревыхъ возникла еще въ 1791 г.: первый проектъ, дошедшій до насъ, — съ датой 7 апрѣля 1799[1]. Слѣдовательно, дѣло идейно возникало въ условіяхъ нахожденія армянскаго народа за предѣлами русскаго государства, даже до добровольнаго присоединенія Грузіи къ Россіи.

Основаніе учебнаго заведенія имѣетъ видимость личнаго дѣла: оно — созданіе графа Екима Лазарева, но это былъ обычный тогда путь самопроявленія армянскаго народа — работать черезъ власть имѣвшихъ и заслуженныхъ сородичей, выходцевъ. Активное участіе католикоса всѣхъ армянъ въ этомъ предпріятіи съ момента возникновенія лучше всего опредѣляетъ его со стороны армянъ какъ большое ихъ національное дѣло[2]. Однако и съ другой стороны, со стороны государства, нельзя разсматривать это предпріятіе въ перспективѣ личныхъ отношеній къ заслуженному сановнику. Хорошія личныя отношенія облегчили оборудованіе всего дѣла, но почва, на которой можно было его обосновать, ясна лишь въ перспективѣ исторіи русско-армянскихъ отношеній, отношеній русскаго государства, тогда Имперіи, и армянскаго народа. На этой почвѣ возникли другія русско-армянскія или — точнѣе — одновременно государственно-русскія и армянско-національныя учрежденія. Иногда въ этотъ сложный видъ институтовъ преображались древнія, предревнія армянскія чисто національныя учрежденія, и преображались совершенно безболѣзненно, по обоюдному согласію для вящшей пользы обѣихъ сторонъ. Достаточно сослаться на преобразованіе армянскаго католикосата (1836). Русское государство, отведя въ своемъ строѣ высокое мѣсто католикосу, тѣмъ самымъ органически связало съ собою духовнаго главу цѣлаго народа, въ жизненномъ воспріятіи отнюдь не подданнаго его, и въ то же время оно взяло на себя обязательство поддерживать католикоса всей мощью своего державнаго вліянія какъ католикоса всѣхъ армянъ. Это было одно изъ реальныхъ проявленій фактическаго союза могущественной державы съ латентной силой пробуждавшагося и тянувшагося къ свѣту и свободѣ народа. Надо вспомнить, что въ то время, хотя уже послѣ присоединенія Грузіи, армяне и территоріально-то входили лишь небольшимъ отрѣзкомъ въ составъ русскаго государства, а національно,

[1] Проф. П. Гидуляновъ, Матеріалы для исторіи Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, издаваемые иждивеніемъ г. Почетнаго Попечителя Князя Семена Семеновича Абамелекъ-Лазарева. Выпускъ первый. *Историческій обзоръ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ*, составленный по указанію и подъ руководствомъ ихъ Превосходительствъ гг. Лазаревыхъ, Москва 1914, стр. XIV—XV.

[2] Въ болѣе обстоятельномъ изложеніи исторіи возникновенія Лазаревскаго Института слѣдовало бы впрочемъ упомянуть, что идея объ этой школѣ не вызывала довѣрія въ армянской церкви, въ ея главѣ. Была боязнь извращенія армянскаго національнаго, какъ тогда понималось, церковно-національнаго воспитанія.

т. е. какъ живая народная сила, почти цѣликомъ оставались за предѣлами Россіи. На отрѣзкѣ съ Эриванью одинъ Эчміадзинъ представлялъ оазисъ съ немногими такими же разсѣянными оазисами армянскаго населенія. Въ Эчміадзинѣ былъ глава народа, почти всей своей массой расположеннаго за рубежомъ, но всѣми своими помыслами обращеннаго къ Россіи, направленнаго волею историческихъ судебъ къ тому, чтобы стать съ ней сотрудниками одного дѣла, я бы сказалъ союзниками, какъ бы ни различались по размѣрамъ роли.

Однимъ изъ плодотворныхъ проявленій такого союза является и основаніе нашего учебнаго заведенія, имѣвшаго обслуживать двусторонніе интересы.

И основано-то было оно послѣ вражескаго нашествія 1812 года, въ кварталѣ съ имуществами армянской церкви, пощаженномъ французами по ходатайству мамлюка Рустана изъ армянъ, любимаго приближеннаго Наполеона. Сами армяне-москвичи спасли эту часть древней столицы отъ пожара, когда «французы и другіе» съ внезапнымъ уходомъ французовъ стали поджигать дома этого квартала.

Даже тогда, когда наше учебное заведеніе, только-что основанное подъ наименованіемъ «Армянская Лазаревская гимназія», имѣло задачею давать первоначальное образованіе дѣтямъ армянъ, оно въ то же время являлось разсадникомъ знанія, гдѣ сближалось и сроднялось юное поколѣніе армянъ съ русскими. Впослѣдствіи оно стало служить пріобщенію и зарубежныхъ армянъ къ европейской культурѣ. При кругозорѣ того времени это понималось лишь какъ пріобщеніе къ русской культурѣ и распространеніе черезъ нихъ русскаго вліянія въ зарубежномъ армянскомъ населеніи, въ Персіи и Турціи. Въ этомъ не могла не усматриваться значительная польза и для государства.

Постепенно учебное заведеніе стало подготовлять лицъ для службы внутри Россіи — на Кавказѣ.

Основатели учрежденія и ихъ преемники въ этомъ смыслѣ сознавали двустороннее значеніе учебнаго заведенія, національное армянское и государственное русское, какъ не упускали того же самаго изъ виду и представители высшей власти. Представители армянскаго общества въ своихъ заявленіяхъ на имя Министра Временнаго Правительства, насколько они были предоставлены въ мое распоряженіе, естественно, не брали на себя заботы объ этой также существенной чертѣ, красной нитью проходящей черезъ всю исторію учебнаго заведенія. Ихъ естественно интересовала роль армянъ и армянскихъ средствъ, вложенныхъ въ развитіе учрежденія, но слабо или никакъ — его назначеніе, опредѣлявшее своеобразный строй управленія, слагавшагося изъ армянскихъ національныхъ и русскихъ государственныхъ элементовъ. Такъ, напр., главноначальствующіе изъ русскихъ, «сохраняя верховный надзоръ за учебнымъ заведеніемъ, служили» не только «посредниками и защитниками Института передъ правительственною властью» въ интересахъ армянскаго народа, но и гарантіею соблюденія государственныхъ интересовъ, связанныхъ съ учебнымъ заведеніемъ.

Въ свою очередь и авторитетные или властные представители армянскаго народа сами указывали на государственное значеніе Института, на то, что въ немъ

въ отличіе отъ прочихъ высшихъ училищъ преподаются восточные языки, что въ немъ юношество получаетъ образованіе «къ военной и гражданской службѣ, особенно для южнаго края Россіи, Грузіи и новопокоренныхъ областей» [1].

Здѣсь, какъ впрочемъ и раньше, совершенно ясно выступаетъ, что преподаваніе восточныхъ языковъ имѣетъ цѣлью обслуживать государственные интересы, такъ сказать, территоріальные Россіи, въ которыхъ сами собой подразумѣваются интересы національные армянъ, они въ нихъ включены, ибо «южный край Россіи, Грузія и новопокоренныя области», понятно, Кавказа и въ направленіи Кавказа съ потребностями въ восточныхъ языкахъ это площадь распространенія армянскаго населенія, безразлично, коренные они, или старые или новые переселенцы, неразрывно связанные съ турецкимъ или грузинскимъ населеніемъ, вкрапленные или вкрапливаемые среди нихъ. Надо имѣть въ виду, что это 1828-й годъ.

Задачи оставались все тѣ же, но съ теченіемъ времени лишь расширялись онѣ или мѣнялся способъ ихъ достиженія.

Двѣнадцать лѣтъ спустя по основаніи учебное заведеніе переименовывается въ Армянскій Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ [2]. Въ его реорганизаціи участіе принималъ оріенталистъ академикъ Френъ. Съ этого времени, съ 1828-го года, преслѣдуются три цѣли—1) служить двигателемъ просвѣщенія армянъ, 2) быть разсадникомъ восточнаго языкознанія, 3) сдѣлаться школою общеобразовательной для всѣхъ безъ различія національностей и вѣроисповѣданій.

Но нельзя забывать и весьма показательныя для той эпохи слова попечителя Института Ивана Екимовича Лазарева, опредѣляющія «всегдашнюю цѣль» нашего учрежденія. Въ письмѣ къ предсѣдателю Кавказскаго Комитета А. И. Чернышеву о торжественномъ актѣ въ Институтѣ по случаю утвержденія его устава 1848 г. 10 мая армянинъ И. Е. Лазаревъ пишетъ:

«Вашему Сіятельству Закавказскій край во многомъ обязанъ распространеніемъ гражданственности и общественнаго благоденствія, а Институтъ сей содѣйствіемъ въ нравственномъ его возрожденіи и дарованіи средствъ вполнѣ достигнуть его *всегдашней цѣли* — установить тѣсное духовное и политическое соединеніе обитателей Кавказа съ прочими странами Россіи», при чемъ авторъ письма далѣе называетъ Институтъ «разсадникомъ наукъ». Слѣдовательно, средства для достиженія указанной всегдашней цѣли Иванъ Лазаревъ видѣлъ въ наукахъ [3].

Года черезъ полтора, 23 января 1850 года, появились дополненія устава, въ силу коихъ «открыты высшіе спеціальные Лицейскіе классы VI, VII и VIII, съ полнымъ курсомъ» [4]. Уставъ былъ разсмотрѣнъ Кавказскимъ Комитетомъ.

Около 1848 г. правительствомъ даны средства на пансіонеровъ и воспитан-

---

[1] Католикосъ Іоаннесъ, 15 янв. 1828, см. *Семидесятипятилѣтіе Лазаревскаго Института*, стр. 135.

[2] П. Гидуляновъ, Матеріалы, ц. с. стр. 9.

[3] Ц. с., стр. 166.

[4] П. Гидуляновъ, ц. с., стр. 16, § 18. Уставъ утвержденъ 21 дек. 1849 г.

никовъ, въ общемъ числомъ 24, «изъ Кавказскихъ и Закавказскихъ уроженцевъ различныхъ Азіатскихъ племенъ» [1].

Попутно не мѣшаетъ подчеркнуть, что этимъ актомъ намѣчалось расширеніе плодотворной дѣятельности Лазаревскаго Института въ сторону уврачеванія еще одной мѣстной язвы. Она глубоко лежала въ самихъ краевыхъ условіяхъ кавказской общественности, исторически осложнялась и временами искусственно растравлялась на мѣстѣ властью. Это религіозное и національное расхожденіе, реально-исторически объясняемое атавизмомъ, возвратомъ, въ новыхъ формахъ, къ сущности первобытнаго соціальнаго мышленія различныхъ этническихъ группъ населенія. Это въ текущей реальности взаимная рознь, неизбѣжно вытекающая изъ животно воспринимаемыхъ той или иной общественной группой населенія, хотя бы и отживающей, квази-народныхъ матеріальныхъ интересовъ. Это сознательное или безсознательное культивированіе того же соціальнаго недуга въ школѣ, когда она построена или на безжизненныхъ матеріально и въ связи съ тѣмъ народно-психологически чуждыхъ отвлеченныхъ началахъ, или на эгоистически-національныхъ основаніяхъ. Чѣмъ больше достигается успѣховъ въ такой школѣ, тѣмъ болѣе углубляется какъ незнаніе вообще Кавказа, такъ въ частности взаимное непониманіе населяющихъ его народовъ, тѣмъ болѣе упрочивается общественно мѣстная международная вражда.

Но продолжались и со стороны благотворителей изъ армянской націи вклады въ Институтъ на національныя его армянскія задачи, такъ:

1) 18 января 1849 г. Тифлисскій гражданинъ Иванъ Мнацакановъ внесъ «въ Московскій Опекунскій Совѣтъ капиталъ въ 15000 руб. серебромъ, по ассигнаціи 52500 руб., для воспитанія изъ процентовъ двухъ мальчиковъ изъ бѣдныхъ армянъ Закавказскаго края въ Московскомъ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ» [2].

Когда съ новымъ уставомъ создавался «Лицей» восточныхъ языковъ, иниціатива была Кавказскаго Комитета, задачей являлась подготовка чиновниковъ для администраціи, главнымъ образомъ переводчиковъ. Организація была установлена по мысли и предположеніямъ представителей россійскаго государственнаго управленія.

Въ 1871 году происходитъ коренное преобразованіе въ дальнѣйшемъ развитіи той идеи, которая положена въ основѣ учебнаго заведенія и не переставала до недавнихъ дней, совпавшихъ съ временемъ директорства проф. П. В. Гидулянова, служить одухотворяющимъ учрежденіе началомъ: съ устраненіемъ ея изсякалъ смыслъ существованія своеобразнаго учебнаго заведенія.

Преобразованіе касается лишь Спеціальныхъ или Лицейскихъ Классовъ. Гимназическій курсъ признанъ правильно устроеннымъ. Цѣль реформы — «установить

[1] Ц. с., стр. 14, § 15. Высочайшія повелѣнія и особыя положенія о Кавказскомъ краѣ устанавливаютъ еще къ тому времени воспитаніе 4-хъ полныхъ пансіонеровъ и 20 питомцевъ изъ Кавказскихъ и Закавказскихъ уроженцевъ различныхъ Азіатскихъ племенъ.

[2] Ц. с., стр. 15, § 17. Вкладовъ спеціально на гимназическую часть, тѣмъ болѣе на отдѣленіе малолѣтнихъ армянъ, я не касаюсь.

правильное преподаванiе восточныхъ языковъ для тѣхъ изъ окончившихъ гимназическiй курсъ, которые пожелаютъ имъ обучаться».

Эта реформа обязана своимъ осуществленiемъ графу Д. А. Толстому, но мысль о реформѣ вызвана желанiемъ самихъ армянъ — «въ видахъ привлеченiя къ намъ для воспитанiя дѣтей влiятельныхъ турецкихъ армянъ и сближенiя съ русской средою» — учредить въ Одессѣ, при одной изъ тамошнихъ гимназiй, училище или пансiонъ для армянъ съ параллельными низшими классами, гдѣ армянскiя дѣти воспитывались бы совмѣстно съ русскими, но съ тѣмъ, чтобы для армянъ введено было преподаванiе нѣкоторыхъ предметовъ на армянскомъ языкѣ». На этихъ основанiяхъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенiя былъ уже разработанъ проектъ объ устройствѣ, учебномъ планѣ и штатѣ армянскаго пансiона при Ришельевской гимназiи, но Д. А. Толстой нашелъ, что Одесса не даетъ той русской среды, объ общенiи съ которой желательно было пещись армянамъ, Москва болѣе подходитъ для этой задачи, а главное, въ Москвѣ было учрежденiе, на которое можно было возложить эти задачи, да онѣ и были возложены, но надо было лишь усилить въ Лазаревскомъ Институтѣ научность.

Любопытны детали реформы Толстого по упорядоченiю преподаванiя въ Спецiальныхъ Классахъ [1].

Въ связи съ реформой тогда-то были назначены особыя средства изъ государственнаго казначейства въ размѣрѣ 18365 руб. 90 коп. и перенесены изъ Московскаго университета въ Лазаревскiй Институтъ 1500 руб. на содержанiе 5 студентовъ.

Обыкновенно моментомъ отпуска, при Толстовской реформѣ и созданiи Спецiальныхъ Классовъ, суммы въ 18365 руб. 90 коп. изъ государственнаго казначейства и датируются хозяйственныя права государственной власти въ отношенiи Лазаревскаго Института и даже право ея на участiе въ управленiи имъ, но такое пониманiе дѣла противорѣчило бы всей конструкцiи нашего учебнаго заведенiя. Оно противорѣчило бы прямымъ задачамъ его, а равно волѣ самихъ основателей и многихъ вкладчиковъ, представителей самого армянскаго народа.

Представители армянскаго народа прекрасно видѣли, что достиженiе въ русскомъ государствѣ нацiональныхъ армянскихъ задачъ, преслѣдуемыхъ учебнымъ заведенiемъ, можетъ быть наиболѣе обезпечено, даже болѣе того — расширенiе самихъ этихъ задачъ можетъ быть достигнуто наиболѣе дѣйствительно, независимо отъ матерiальныхъ затратъ, при прямой заинтересованности въ учебномъ заведенiи государства, при выявленiи общности реальныхъ задачъ у армянъ и русскихъ въ томъ районѣ восточнаго мiра, просвѣтительные или научные интересы котораго заведенiе во всей его полнотѣ и цѣлости и обслуживало. Разсчетъ совершенно правильный, фактически оправданный.

Я иллюстрирую это именно положенiе дѣла на одномъ частномъ примѣрѣ: армянинъ, московской 3-й гильдiи купецъ Исай Касперянцъ свой вкладъ въ

---

[1] См. ниже, стр. 1485.

Институтъ мотивируетъ слѣдующими начальными строками письма къ графу Канкрину:

«Занимаясь нѣсколько лѣтъ торговлею съ Азіею и чувствуя, какую бы отъ нея пользу могла Россія получить, если бы она была производима просвѣщенными купцами изъ моихъ соотечественниковъ, я рѣшился положить въ Московскій Опекунскій Совѣтъ» и т. д. «Завѣдываніе сею суммою» Исай Касперянцъ «осмѣливается просить возложить на Департаментъ Министерства Финансовъ и Внутренней торговли, дабы они могли быть употребляемы по Азіатской торговлѣ». Исай Касперянцъ особо обезпечиваетъ въ сочетаніи съ восточными языками изученіе «бухгалтеріи и коммерческихъ наукъ въ Коммерческомъ училищѣ въ Москвѣ»[1].

Пониманіе Исая Касперянца освѣщало одну сторону возможнаго практическаго использованія такого учрежденія, какъ Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ. Между тѣмъ русскіе государственные интересы, общіе съ интересами армянскаго народа въ Передней Азіи, и тогда были многосторонни.

Нынѣшняя война, какими бы жуткими переживаніями ни были отравлены для армянскаго народа ея лѣтописи, съ достаточной яркостью выявила глубокое заблужденіе тѣхъ, которые предполагали, что нѣтъ основанія дорожить старыми привязанностями. Мысль, лежащая въ нашемъ учрежденіи, и въ настоящее время не мертва, не изжита, а послѣ войны она можетъ оказаться особенно жизненной, особенно плодотворной.

Само собой понятно, что, во-первыхъ, практическія цѣли преподаванія въ составляющихъ предметъ нашего обсужденія Спеціальныхъ Классахъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ должны быть точно опредѣлены и обоснованы на научной базѣ; во-вторыхъ, научная база въ части, имѣющей прямое отношеніе и къ культурнымъ запросамъ нынѣшнихъ уже армянъ, и къ научно-культурнымъ интересамъ Россійскаго государства, должна быть поставлена на новыхъ началахъ, отвѣчающихъ современнымъ требованіямъ востоковѣдѣнія.

Созданный для первоначальнаго образованія армянъ, Институтъ съ одной стороны росъ съ культурнымъ ростомъ армянскаго народа, иногда имѣлъ на этотъ ростъ исключительное вліяніе. Достаточно сказать, что Лазаревскій Институтъ сыгралъ въ 50-хъ годахъ огромную роль въ созданіи литературнаго языка русскихъ армянъ. Вмѣстѣ съ прогрессомъ росли и просвѣтительные запросы, съ которыми обращались армяне къ Институту, и въ немъ армяне привыкли и не склонны разставаться по сей день съ мыслью видѣть очагъ научнаго изученія ихъ родного языка, родной литературы и родной исторіи, какъ ни пала теоретическая разработка именно этой отрасли и постановка преподаванія по ней въ Институтѣ за послѣднія десятилѣтія.

Съ другой стороны, имѣющіеся въ печати матеріалы позволяютъ составить блестящій вкладъ Лазаревскаго Института живыми силами въ кругъ государствен-

---

[1] *Семидесятипятилѣтіе Лазаревскаго Института*, стр. 184.

ныхъ дѣятелей и ихъ техническихъ сотрудниковъ, по старой терминологіи — въ бюрократическій міръ. Но я остановлюсь на востоковѣдномъ значеніи Института.

Государственные люди не могли не видѣть и раньше, что въ Институтѣ имѣются данныя для созданія въ немъ спеціальной школы восточныхъ языковъ.

Но теперь этого мало. Не посягая нисколько на культурные интересы армянъ, Спеціальные Классы можно и слѣдуетъ использовать для созданія дѣйствительно высшей школы восточныхъ языковъ въ Москвѣ.

Съ важнымъ и для армянъ національно-научнымъ изученіемъ языковъ Арменіи (ихъ не одинъ), ея литературы (древней, средневѣковой и новой), искусства (архаичнаго, древняго, средневѣковаго), ея самобытной культуры (средневѣковой христіанской) и ея исторіи тѣсно связанъ рядъ другихъ востоковѣдныхъ наукъ, большинство коихъ и нынѣ представлено въ Спеціальныхъ Классахъ Института. И для насъ представляется удобный случай и въ высшей степени желательный получить въ Спеціальныхъ Классахъ разсадникъ теоретическаго и практическаго научнаго востоковѣдѣнія, посвященнаго Передней Азіи, — Институтъ и понынѣ живого Переднеазіатскаго Востока или восточныхъ языковъ Передней Азіи, нѣчто бо́льшее по замыслу, если удастся преобороть нѣкоторые предразсудки и провести его въ жизнь, чѣмъ Переднеазіатское Отдѣленіе Семинарія Восточныхъ языковъ въ Берлинѣ, гдѣ ученая теоретическая часть восполняется съ помощью Университета.

Конечно, безъ связи съ университетомъ, въ данномъ случаѣ Московскимъ, и мы не можемъ обезпечить полноты и прочности научной базы преподаванія въ Институтѣ.

Объ использованіи университетскаго преподаванія въ цѣляхъ поднять научный уровень въ Институтѣ, расширить основу его учебной дѣятельности возникала мысль и раньше. Въ этомъ направленіи дѣлались даже практическіе шаги. Рѣчь не о персональномъ привлеченіи представителей профессуры Московскаго университета для чтенія особыхъ курсовъ въ Институтѣ, а о направленіи питомцевъ Института въ университетъ для дополнительныхъ занятій въ немъ,. для дѣйствительнаго пріобщенія ихъ къ университетской научной атмосферѣ. Въ свое время Д. А. Толстой понималъ, что такое новшество можетъ стать жизненнымъ лишь въ томъ случаѣ, если въ немъ будетъ заинтересована и другая сторона, а не одинъ лишь Институтъ. Посему въ его предположеніяхъ поставленъ былъ вопросъ и о перераспредѣленіи занятій Лазаревскаго Института такимъ образомъ, чтобы студенты Московскаго университета безпрепятственно могли слушать въ Институтѣ.

Но, помимо многихъ другихъ особенностей преобразованія Д. А. Толстого, дѣлу въ этомъ смыслѣ мѣшало упрочиться то, что тогда забота была въ первую голову не о наукѣ и не объ университетскихъ интересахъ, а о подготовкѣ потребныхъ административныхъ дѣятелей и въ лучшемъ случаѣ объ интересахъ студентовъ, предназначавшихъ себя чиновничьей службѣ на Кавказѣ. Въ предпріятіи ничто не могло увлечь университетскіе круги ученыхъ. Безъ сочувственнаго отношенія къ дѣлу, безъ живого интереса къ нему Московскаго университета и нынѣ ничего нельзя сдѣлать.

И вотъ одновременно съ реорганизацiею Спецiальныхъ Классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, въ связи съ нею необходимо восполнить пробѣлъ, давно ощущаемый въ Московскомъ университетѣ, — полное отсутствiе востоковѣдѣнiя. Въ Москвѣ съ ея дѣятельнѣйшимъ въ Россiи археологическимъ обществомъ, съ ея богатыми собранiями восточныхъ рукописей, съ ея коллекцiею восточныхъ древностей, цѣлымъ музеемъ по древнему и христiанскому Египту, съ ея первыми по отзывчивости спецiалистами на изысканiя въ области клинописныхъ памятниковъ на неразгаданныхъ языкахъ Передней Азiи, съ ея размахомъ научно-учебныхъ исканiй въ областяхъ, близкихъ востоковѣдѣнiю, то порождающихъ такой типъ учебнаго заведенiя, какъ хорошо извѣстный Археологическiй Институтъ, то выливающихся въ грандiозный проектъ безъ достаточнаго количества подготовленныхъ лицъ, какъ извѣстный востоковѣдамъ проектъ Переднеазiатскаго общества, нѣмотствуетъ по культурному Востоку университетъ. Это неестественно. И естественно вспомнить про столь существенный пробѣлъ старѣйшаго русскаго университета, когда такъ недавно мы готовились создать цѣлый рядъ университетовъ на окраинахъ и когда сейчасъ у насъ жажда новотворчества ищетъ для своего утоленiя все новой и новой пищи.

Чтобы надѣлить Москву необходимой ей школой научнаго орiентализма, достаточно скомбинировать въ опредѣленныхъ цѣляхъ преподаванiе по общимъ каѳедрамъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета съ преподаванiемъ по востоковѣднымъ каѳедрамъ Лазаревскаго университета и учредить въ самомъ университетѣ на томъ же факультетѣ всего три или четыре новыхъ каѳедры, — каѳедры по языкамъ и культурѣ Древняго Востока, какъ то — египтологiи, ассирiйскаго языка съ семитической филологiею и индiйской филологiи. Это — та основная часть востоковѣдѣнiя, которая культурно-исторически освѣщаетъ страны древнѣйшихъ цивилизацiй Передней Азiи съ Месопотамiею и Малой Азiею въ центрѣ и примыкающими къ нимъ Египтомъ и Индiею.

Историко-филологическiя науки, посвященныя центральному району — Месопотамiи и Малой Азiи, обнимая хронологически предшествующую половину одного мiра съ Христiанскимъ Востокомъ и Мусульманскимъ Востокомъ, областями изученiя высшей школы Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, находятся или археологически, вообще культурно, или лингвистически въ тѣснѣйшей связи съ основнымъ, т. е. классическимъ Отдѣленiемъ историко-филологическаго факультета. Достаточно напомнить, что добрая часть этого древняго Востока и сейчасъ является предметомъ преподаванiя на историко-филологическомъ факультетѣ подъ устарѣвшимъ названiемъ Классическаго Востока. Съ тѣмъ же Отдѣленiемъ такую же близкую археологически связь имѣетъ египтологiя. И, наконецъ, индiйская филологiя своей языковой стороной, санскритомъ, и нынѣ представляетъ неустранимую основу всего лингвистическаго образованiя историко-филологическаго факультета, являя однако на немъ, въ нынѣшней постановкѣ преподаванiя санскрита при каѳедрѣ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ, пережитокъ также устарѣвшаго, почти архаическаго порядка вещей.

Безъ развитія востоковѣдѣнія въ культурной обстановкѣ центральныхъ университетовъ нельзя себѣ представить также раціональнаго разрѣшенія ни такого частнаго вопроса, какъ подготовка въ будущемъ спеціалистовъ по исторіи религій, къ созданію каѳедръ которой возникаетъ живѣйшій интересъ съ каждымъ дуновеніемъ свободной университетской жизни, ни такого общаго вопроса, какъ дальнѣйшее пополненіе кадровъ преподавательскихъ силъ въ нынѣ оснуемыхъ окраинныхъ или, допустимъ, въ сосѣднихъ государственныхъ университетахъ съ ихъ новымъ типомъ историко-филологическаго факультета[1].

Факультетъ Восточныхъ языковъ Петроградскаго университета только тогда сможетъ проявить себя въ полной мѣрѣ, когда онъ выйдетъ, наконецъ, изъ ненормальныхъ, иногда крайне тягостныхъ условій блестящаго одиночества.

Можно сейчасъ не касаться существенной потребности русскихъ духовныхъ академій, даже при продолжающей существовать организаціи въ нихъ преподаванія, въ знатокахъ восточныхъ, хотя бы восточныхъ христіанскихъ языковъ и еврейскаго. Экзегеты библейскихъ текстовъ, не прошедшіе семитической филологіи, историки церкви, не имѣющіе возможности припасть ни къ одному источнику живого знанія на цѣломъ рядѣ восточныхъ христіанскихъ языковъ въ подлинникѣ, въ настоящее время настолько нетерпимое въ высшей школѣ явленіе, что даже студенты духовныхъ академій доходили до сознанія необходимости покончить съ нимъ и сами кустарно рѣшали уже давно, въ лучшихъ своихъ представителяхъ, вопросъ о достойной подготовкѣ изъ себя спеціалистовъ или пріемами самоучекъ, яркій примѣръ котораго давно далъ покойный профессоръ Петроградской Духовной Академіи — Болотовъ, или обходнымъ путемъ перехода, напр., изъ Московской Духовной Академіи на факультетъ Восточныхъ языковъ въ Петроградѣ, что приходилось наблюдать послѣдніе годы.

[Нынѣ еще болѣе надобности въ усиленіи очаговъ востоковѣдѣнія и съ этой стороны; эта надобность настоятельна при возникающей перспективѣ новой уже университетской организаціи на философско-религіозномъ факультетѣ научнаго изученія религіи, прежде всего въ Россіи естественно религіи русскаго народа съ углубленіемъ во всѣ ея внутреннія разновидности и при широкомъ, когда это станетъ возможнымъ, горизонтѣ въ новыхъ условіяхъ свободной непредубѣжденной трактовки всѣхъ сложныхъ отношеній этой религіи къ религіямъ другихъ народовъ[2]].

Что же касается предлагаемаго устроенія въ Москвѣ полной востоковѣдной школы по восточнымъ языкамъ Передней Азіи — въ Лазаревскомъ Институтѣ и университетѣ, можно колебаться развѣ въ томъ, какое мѣсто предпочесть для помѣщенія еще двухъ каѳедръ — иранской филологіи и византиновѣдѣнія? Иранская филологія

---

[1] О необходимости созданія этого новаго типа на Кавказѣ см. ниже, стр. 1496: Н. Марръ, *О Кавказскомъ университетѣ въ Тифлисѣ* (Прилож. къ прот. ИФ IX).

[2] Только незнакомство съ существомъ дѣла или недосугъ вникнуть въ него могъ породить мысль объ уничтоженіи единственныхъ въ Россіи очаговъ научнаго изученія важнѣйшей культурно-исторической восточной религіи вмѣсто того, чтобы въ корнѣ улучшить его, построить его на новыхъ началахъ.

не можетъ не найти своего естественнаго мѣста въ Лазаревскомъ Институтѣ, такъ какъ громадное большинство иранскихъ языковъ неразрывно связано съ его задачами, и лишь по традиціи, точнѣе по инертности читается на немъ одинъ новоперсидскій или, наперекоръ природѣ вещей, не введены до сихъ поръ по крайней мѣрѣ еще четыре другихъ иранскихъ языка, именно съ одной стороны мертвые авестійскій и пехлевійскій, существенно важные для теоретическаго научнаго изученія обоихъ языковъ Арменіи, һайскаго (гайканскаго) и армянскаго, съ другой живые языки — осетинскій и курдскій, какъ сограждане армянскаго языка въ родномъ его краѣ, независимо отъ присущаго имъ также теоретически-научнаго значенія. Больше основанія для колебанія въ выборѣ мѣста, когда рѣчь о каѳедрѣ византиновѣдѣнія: предпочесть ли высшую школу Лазаревскаго Института, съ востоковѣдными областями котораго — христіанскими древней и новой сирійской, армянской, грузинской, арабской и даже мусульманской — и арабскій и византійскій міръ имѣютъ неразрывныя узы сродства, или университетъ, историко-филологическій факультетъ котораго въ Россіи безъ самостоятельно поставленной каѳедры византиновѣдѣнія является однимъ изъ давнишнихъ недоумѣнныхъ вопросовъ по русскому просвѣщенію.

Въ общемъ итогѣ при осуществленіи предлагаемой реформы въ Лазаревскомъ Институтѣ и Московскомъ университетѣ, находящихся другъ отъ друга въ 20 минутахъ ходьбы, получится по совокупности полнота преподаванія по наиболѣе разработаннымъ и потому образовательно важнѣйшимъ живымъ и мертвымъ языкамъ обширнаго культурнаго міра Востока—Индіи, Передней Азіи и Африки—съ практическимъ отдѣленіемъ по живымъ изъ нихъ въ Лазаревскомъ Институтѣ. Рѣчь и въ практической части, понятно, не о драгоманской школѣ, а о высшей школѣ, имѣющей дать вполнѣ образованныхъ или ученыхъ практиковъ-спеціалистовъ. И что̀ для жизни не менѣе существенно важно, получится полнота изучаемыхъ культуръ человѣчества, и античной, и средневѣковой, и возрожденія, и новой.

Для этого въ самомъ Институтѣ едва ли придется прибавить болѣе двухъ каѳедръ. Новшествомъ въ немъ можетъ явиться лишь переходъ на четырехлѣтній курсъ для тѣхъ, которые будутъ поступать въ Институтъ со стороны безъ всякой подготовки, даже элементарной, по востоковѣднымъ предметамъ.

Столь же естественно, что учено-учебная жизнь высшей востоковѣдной школы Института должна быть гарантирована и цѣлесообразно проведенной въ жизнь автономіею.

За время жизни Института были періоды дѣленія Правленія Института на двѣ части — хозяйственную съ распорядительной («командиръ», «инспекторъ») и учебную («директоръ»), при чемъ учебной частью завѣдывали профессора, часто Московскаго университета, но не было раздѣленія управленія учебной частью по средней и высшей школѣ. Теперь придется это сдѣлать.

Но всё-таки и въ этой части нѣтъ надобности закрѣплять тотъ порядокъ взаимнаго отчужденія, который нынѣ, по свидѣтельству проф. А. Е. Крымскаго, существуетъ между преподавательскими коллегіями гимназіи и Спеціальныхъ Классовъ.

И этого не будетъ, если и въ средней школѣ нѣкоторые востоковѣдные предметы будутъ раціонально поставлены. Надо, конечно, программу разработать такъ, чтобы объектомъ усиленнаго изученія являлись не столько языки, сколько исторія восточной культуры, способная представить собой не менѣе общеобразовательный предметъ, чѣмъ исторія среднихъ вѣковъ Европы.

Преподаваніе востоковѣдныхъ предметовъ было въ Лазаревской гимназіи и раньше, но оно сводилось къ обученію множеству языковъ въ ущербъ общему образованію. Въ гимназическихъ классахъ, числомъ тогда всего шести, преподавались по уставу 1848 г. четыре, собственно пять восточныхъ языковъ: арабскій, персидскій, турецкій (османскій), грузинскій, армянскій и татарскій (адербейджанскій турецкій); изъ нихъ арабскій, персидскій и турецкій (османскій) были обязательны для всѣхъ вообще воспитанниковъ, а одинъ изъ трехъ языковъ—грузинскій, армянскій или татарскій (адербейджанскій) для кавказскихъ и закавказскихъ уроженцевъ. Конечно, намѣчаемая нами реформа ничего общаго съ такимъ искаженіемъ гимназическаго преподаванія не имѣетъ, какъ не имѣетъ въ виду и сокращенія по существу его программы.

Но все это техническая сторона вопроса. Техническая сторона также важна по существу, но обстоятельный планъ и детали живой организаціи самого преподаванія легко разработать заинтересованнымъ авторитетнымъ сторонамъ, если онѣ оправдаютъ свою заинтересованность творческимъ дѣломъ, присоединившись къ принципіальнымъ положеніямъ настоящей моей записки и признавъ необходимымъ сохраненіе Спеціальныхъ Классовъ Восточныхъ языковъ при Лазаревскомъ Институтѣ въ видѣ преобразованной на новыхъ началахъ высшей школы или факультета восточныхъ языковъ, т. е. какъ языковъ и культуры современнаго Кавказа, такъ и неразрывно связанныхъ съ ними культуръ и языковъ живого Переднеазіатскаго Востока.

Принципіальныя положенія моей записки сводятся къ слѣдующимъ шести пунктамъ:

1) Спеціальные Классы Восточныхъ языковъ Лазаревскаго Института преобразовать въ высшую школу съ четырехгодичнымъ курсомъ теоретическаго и практическаго изученія какъ языковъ Арменіи, и живого и мертваго, съ культурными языками христіанскаго и мусульманскаго Востока — сирійскимъ, арабскимъ, грузинскимъ, персидскимъ съ другими иранскими (авестійскимъ, пехлевійскимъ, курдскимъ, осетинскимъ и др.) и турецкими (османскимъ, адербейджанскимъ), такъ и исторіи и культуры соотвѣтственныхъ странъ.

2) Создать въ Москвѣ высшую школу теоретическаго востоковѣдѣнія по Древнему Востоку учрежденіемъ на историко-филологическомъ факультетѣ университета каѳедръ ассирійскаго языка съ семитической филологіею, египтологіи и индійской филологіи.

3) Въ высшей школѣ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ или на историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета (и легче и правильнѣе будетъ въ Московскомъ университетѣ) учредить каѳедру византиновѣдѣнія.

4) Въ отношеніи востоковѣдѣнія цѣлесообразно наладить дѣятельность высшей

школы Института восточныхъ языковъ и историко-филологическаго факультета Московскаго университета въ одну цѣльную учено-учебную жизнь, насколько она въ своей цѣлокупности будетъ посвящена теоретическому востоковѣдѣнію по Древнему Востоку, Иранскому міру, Христіанскому Востоку и Мусульманскому Востоку, т. е. по Передней Азіи всѣхъ эпохъ.

5) Сохранить въ высшей востоковѣдной школѣ Лазаревскаго Института въ обновленномъ видѣ практическую часть, преобразовавъ ее въ отдѣленіе ученыхъ практиковъ-спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ жизни Переднеазіатскаго Восточнаго міра, при чемъ, смотря по избранному уклону прикладного или практическаго значенія востоковѣдѣнія, дать и практикамъ цѣльность высшаго образованія предоставленіемъ имъ возможности проходить нужные имъ, каждому по его спеціальности, предметы въ другомъ высшемъ учебномъ заведеніи Москвы, напр., юридическіе въ университетѣ, а въ случаѣ невозможности практически сдѣлать это по всѣмъ спеціальностямъ, организаціею соотвѣтственныхъ теоретическихъ курсовъ съ практическими по нимъ занятіями въ самомъ Институтѣ.

6) Укрѣпить расшатанную связь съ высшей школой Лазаревскаго Института его гимназіи усиленіемъ въ ея программѣ общеобразовательныхъ востоковѣдныхъ предметовъ безъ ущерба для задачъ среднеучебнаго заведенія, разумѣется лишь въ тѣхъ предѣлахъ, чтобы окончившіе гимназію Лазаревскаго Института, являясь гуманитарно просвѣщенными и по восточной культурѣ, въ то же время имѣли во всякомъ случаѣ элементарную подготовку по излюбленнымъ восточнымъ языкамъ и, буде пожелали, могли поступить на 2-й курсъ высшей школы Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ. Такое преимущество особенно легко будетъ предоставить безъ ущерба для дѣла въ томъ случаѣ, если у поступающаго окажется желаніе пройти практическое отдѣленіе этой высшей школы.

Приложеніе къ протоколу VIII засѣданія Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи Россійской Академіи Наукъ 29 (16) мая 1918 года.

Александръ Александровичъ Семеновъ.

Curriculum vitae.

Александръ Александровичъ Семеновъ окончилъ курсъ въ Лазаревскомъ Институтѣ восточныхъ языковъ въ 1900 г. съ дипломомъ первой степени. Еще студентомъ Института дважды посѣтилъ Среднюю Азію, командированный туда Имп. Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи; со времени окончанія курса до настоящаго времени находился на службѣ въ Средней Азіи; въ 1916 г. былъ назначенъ помощникомъ губернатора Ферганской области: въ настоящее время состоитъ въ распоряженіи Россійскаго резидента въ Бухарѣ. О его заслугахъ въ дѣлѣ упорядоченія Туркестанской библіотеки и музея упоминается въ запискѣ, заслушанной ФМ Отдѣленіемъ и напечатанной въ протоколѣ его засѣданія 8 ноября 1917 г.

Главные печатные труды (изъ нихъ № 2 былъ удостоенъ Имп. Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи золотой медали):

1) Матеріалы для изученія нарѣчій горныхъ таджиковъ Центральной Азіи. Москва 1900—1. 2 части.

2) Этнографическіе очерки Зарафшанскихъ горъ, Каратегина и Дарваза. Москва. 1903.

3) Распредѣленіе земли и воды у туркменъ Закаспійской области (Этногр. Обозрѣніе 1902 г.).

4) Мусульманскій мистикъ и искатель Бога X—XI в. по Р. Хр. Асхабадъ. 1905.

5) Очерки изъ исторіи присоединенія вольной Туркменіи (1881—1885 гг.). По архивнымъ даннымъ (изъ Турк. Вѣдом. 1909 г.).

6) Надписи на порталѣ мечети въ Мешед-и-Мисріанъ (Зап. Вост. Отд. Р. Арх. Общ., т. XVIII).

7) Два слова о ковкѣ среднеазіатскаго оружія (Жив. Старина 1909 г.).

8) Ковры Русскаго Туркестана. Приложеніе. Указатель литературы о коврахъ Азіи (Этногр. Обозр. 1911 г.).

9) Изъ области воззрѣній мусульманъ Средней и Южной Азіи на качество и значеніе нѣкоторыхъ благородныхъ камней и минераловъ (Міръ Ислама 1912 г.).

10) Изъ области религіозныхъ вѣрованій шугнанскихъ исмаилитовъ (тамъ же).

11) Бухарскій шейхъ Баха-уд-Динъ (Сборникъ, посвященный А. Н. Веселовскому. 1914).

12) Шейхъ Джелâл-уд-Дӣн-Рӯмӣ по представленіямъ шугнанскихъ исмаилитовъ (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., т. XXII).

13) Разсказъ шугнанскихъ исмаилитовъ о бухарскомъ шейхѣ Бехā-уд-Дӣнѣ (тамъ же).

14) Половинка лицевого изразца изъ развалинъ Куня-Ургенча (Протоколы Турк. кружка любит. арх., годъ XVIII, 1913).

15) Происхожденіе Термезскихъ сеіидовъ (Протоколы etc., годъ XIX, 1914).

16) Ташкентскій шейхъ Хавендъ-Тахуръ и приписываемый ему куляхъ (Протоколы etc., годъ XX, 1915).

17) Исторія Шугнана (Протоколы etc., годъ XXI, 1916).

18) О мусульманскихъ сектантахъ мерванитахъ. I. Предѣлы распространенія секты (Мусульм. Міръ, 1917 г.).

Кромѣ того А. А. Семеновъ помѣстилъ рядъ мелкихъ статей, рецензій и замѣтокъ въ «Этногр. Обозрѣніи», «Истор. Вѣстн.», «Протокол. Закасп. кружка люб. арх.», «Турк. Вѣдом.», «Асхабадѣ», «Закасп. Обозрѣніи» и въ персидской газетѣ «Мавера-и-Бахр-и-Хазари».

А. А. Семеновымъ составлены статистическіе обзоры Закаспійской области за 1900, 1901, 1902 и 1903 гг.

Академикъ В. Бартольдъ.

Приложеніе къ протоколу IX засѣданія, экстраординарнаго, Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи Россійской Академіи Наукъ 6 іюня (24 мая) 1918 года.

О Кавказскомъ Университетѣ въ Тифлисѣ.

Въ связи съ обсуждавшимся въ Комиссіи по реформѣ высшей школы вопросомъ о Грузинскомъ Университетѣ въ Тифлисѣ).

Post ea, non propter ea.

I.

Учрежденіе Грузинскаго Университета можетъ получить осуществленіе въ революціонное время, проектъ его устава можетъ быть полонъ чертъ, внесенныхъ революціоннымъ настроеніемъ, но самая мысль объ учрежденіи національнаго Университета у грузинъ возникала до русской революціи и независимо отъ ея вѣяній. Она связана съ новымъ національнымъ, получившимъ, къ сожалѣнію, болѣзненный острый націоналистическій характеръ, уклономъ грузинской общественной мысли, начавшимся послѣ неуспѣха въ Грузіи общественнаго движенія 1905—1906 г. Движеніе было создано соціалдемократической пропагандой и носило общерусскій, ярко-ненаціональный, даже, казалось, противонаціональный характеръ.

Тогда въ самой гущѣ сельскаго грузинскаго населенія ораторы, чистокровные грузины, на многолюдныхъ митингахъ, сплошь изъ такихъ же грузинъ, свои рѣчи на грузинскомъ языкѣ заключали при громѣ аплодисментовъ выкриками: «Долой Грузію! Да здравствуетъ русская соціал-демократическая рабочая партія». Рѣдкимъ смѣльчакамъ, рѣшавшимся выступать противъ такого отрицанія національной идеи, всецѣло господствовавшіе тогда соціал-демократы, меньшевики, не давали высказаться, а въ случаѣ упорства безъ церемоніи стаскивали ихъ съ импровизованныхъ подъ открытымъ небомъ, въ селахъ на полянахъ и въ мѣстечкахъ на площадяхъ, трибунъ.

Свидѣтелемъ такихъ явленій лично я былъ въ 1905 году[1].

Различные оттѣнки національной идеи, отъ либеральныхъ до крайнихъ шовинистическихъ, и тогда имѣли своихъ сторонниковъ въ различныхъ слояхъ грузинскаго общества, или въ сословныхъ крупныхъ дворянскихъ и особенно княжескихъ, или въ мелкопомѣстныхъ дворянскихъ и буржуазныхъ элементахъ и примыкающихъ къ тѣмъ или инымъ группамъ представителяхъ болѣе высокой грузинской интеллигенціи, но ихъ не столько объединяла національная идея, сколько разъединяло различное ея классовое или вѣрнѣе пережиточно-сословное пониманіе.

---

[1] См. брошюрку мою *Изъ гурійскихъ наблюденій и впечатлѣній.* (По поводу бакинскихъ событій). СПб. 1905.

Грузинская національная мысль подверглась тогда тяжкому испытанію. Болѣе яркіе ея носители въ соціалдемократическомъ движеніи усмотрѣли новую силу, угрожавшую національному бытію грузинскаго народа и шедшую все изъ того же русскаго источника, откуда шли русскіе чиновники, душившіе всякія, самыя законныя проявленія національной жизни; въ дѣятеляхъ соціалдемократическаго движенія въ Грузіи готовы были видѣть предателей, подсылаемыхъ опять-таки русскимъ источникомъ, — и все русское становилось по одному тому, что оно русское, подозрительнымъ, ненадежнымъ и вызывающимъ враждебное чувство.

Грузинская національная мысль, почувствовавъ себя разочарованной въ русскихъ, ушла въ себя. Связи оказались у нея порваны и съ сосѣдями, какъ никогда, и она на Кавказѣ совершенно изолировалась идейно. Такимъ образомъ на здоровомъ національномъ движеніи стала осѣдать болѣзненная накипь.

Въ широкихъ кругахъ усилился культъ національизма, страсть къ преувеличенному демонстративному проявленію національнаго домогательства. Лишь въ болѣе просвѣщенныхъ кругахъ, точнѣе кружкахъ съ серьезными духовными запросами началась работа по національной культурѣ, а съ ней возросъ дѣйствительный интересъ къ научному изученію родного прошлаго.

Наступившее при Воронцовѣ-Дашковѣ правительственное направленіе содѣйствовало усиленію болѣзненнаго, извращеннаго пониманія національизма, вмѣстѣ съ тѣмъ — углубленію обостренныхъ давно, еще со времени Голицына, грузино-армянскихъ отношеній, равно обостренію грузино-русскихъ отношеній и нѣкоторому сближенію грузинъ и турокъ, по существу объединявшихся лишь въ одномъ, въ чисто классовомъ, выдававшемся за общенаціональное, враждебно-отрицательномъ или равнодушно-пренебрежительномъ отношеніи къ армянамъ.

Дала себя почувствовать дворцовая политика, руководимая личными симпатіями отдѣльныхъ лицъ, окружавшихъ намѣстника: несостоятельная съ точки зрѣнія истиннаго государственнаго строительства и гибельная для Кавказа, она имѣла демонстративную видимость благопріятнаго армянамъ и неблагопріятнаго грузинамъ курса. Правда, не было того, что при Голицынѣ творилось въ отношеніи армянъ. Тогда русскіе люди вели въ оффиціальной газетѣ «Кавказъ» съ одобренія высшей въ краѣ власти травлю цѣлаго народа армянскаго, не было гнусности, которой не печатали бы особенно противъ его буржуазнаго класса и интеллигенціи. Редакторъ «Кавказа», русскій поэтъ Величко, помѣщавшій свои поэтическія произведенія въ либеральномъ Вѣстникѣ Европы, на Кавказѣ, пользуясь расположеніемъ націоналистически настроенной части грузинскаго народа, имѣвшаго свои соціально-экономическія основанія для борьбы съ многовѣковымъ сосѣдомъ — народомъ, провоцировалъ грузинъ противъ армянъ. Достаточно сказать, что такіе выдающіеся грузинскіе поэты, какъ Акакій Церетели, Илья Чавчавадзе, они же общественные дѣятели националистическихъ круговъ, поддержали всей силой своего литературнаго таланта ту же кампанію травли противъ цѣлаго народа. На Кавказѣ создалась общественная атмосфера, въ которой высшая власть спокойно сдѣлала въ реальныхъ условіяхъ вре-

мени и мѣста роковой шагъ — лишила армянъ церковнаго имущества. Но въ отношеніи грузинъ при Воронцовѣ-Дашковѣ было, пожалуй, хуже.

Использовавъ не разъ поддержку грузинскихъ соціалдемократовъ въ критическіе моменты безсилія въ краѣ русской гражданской власти для поддержанія порядка, не прибѣгая къ оружію, Воронцовъ-Дашковъ допустилъ разгромъ соціалдемократически настроенныхъ областей Грузіи карательными экспедиціями. Между прочимъ въ покрытой сѣтью соціалдемократическихъ организацій Гуріи отрядомъ подъ начальствомъ Алиханова безъ суда и разбора предавались огню дома и громились усадьбы: тогда, между прочимъ, въ моей родной деревнѣ сожжена была образцовая частная сельская школа съ опытнымъ виноградникомъ, ни въ чемъ не повинные организаторы-учителя, вовсе и не принадлежавшіе къ соціалдемократической партіи, вынуждены были бросить навсегда дорогое для нихъ и цѣнное для населенія дѣло. Въ то же время при дворѣ намѣстника показной предупредительностью буржуазной аристократіи армянскаго общества и невниманіемъ къ представителямъ грузинской знати вызывающе дразнили сословные слои грузинскаго народа, допущеніемъ же избіенія мирныхъ грузинскихъ священниковъ въ исторической столицѣ Грузіи на площади, можно сказать — въ двухъ шагахъ отъ дворца, глубоко взволновали все грузинское общество и даже не интересовавшіеся родной церковью общественные его круги, а въ народѣ стало извѣстно, что уже не редакторъ хотя бы оффиціальной газеты, но болѣе отвѣтственный дѣятель, самъ глава обширной окраины, даетъ за своей подписью въ всеподданнѣйшихъ докладахъ отрицательную въ отношеніи политической благонадежности характеристику грузинъ.

Въ хронологической послѣдовательности въ связи съ различными моментами не находившаго законнаго выхода глубокаго народнаго недовольства совпали, неизвѣстно кѣмъ совершенныя, убійства, съ одной стороны, начальника дѣйствовавшаго въ Гуріи карательнаго отряда Алиханова, сраженнаго въ армянскомъ городѣ Александрополѣ, и экзарха Грузіи въ Тифлисѣ, съ другой стороны — одного изъ вожаковъ грузинскаго національнаго движенія поэта Чавчавадзе.

Событія въ общемъ, въ частности убійство поэта, усилили у грузинъ болѣзненность національнаго теченія и національную возбудимость. Послѣдней при дворѣ намѣстника пользовались для стравливанія грузинъ съ армянами въ общественныхъ вопросахъ, и въ такой обстановкѣ было инсценировано обсужденіе вопроса сначала о высшемъ учебномъ заведеніи и, когда онъ былъ рѣшенъ въ пользу политехникума, тогда — о выборѣ участка земли въ Тифлисѣ для возведенія его помѣщеній, давшее новую пищу для взаимнаго раздраженія грузинъ и армянъ и углубленія въ грузинахъ чувства національной обиды.

Міровая война, вызвавшая въ моментъ возникновенія общероссійское воодушевленіе и національный подъемъ, усиливъ и въ Грузіи національное теченіе, дала перевѣсъ идеологіи нараставшаго грузинскаго національзма и нанесла тяжкій ударъ интернаціональной соціалдемократіи. Соціалдемократическія организаціи сохранили свою силу, но въ грузинской средѣ, даже демократической, пересталъ вызывать

былое воодушевленіе призывъ, красовавшійся на всѣхъ флагахъ грузинскаго общественнаго движенія 1905—1906 годовъ: «пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!» Въ Грузіи сталъ ярко намѣчаться девизъ: «націоналисты всѣхъ оттѣнковъ объединяйтесь!» Сама соціалдемократія въ лицѣ опредѣленнаго теченія и отдѣльные ея представители стали вкрапливать въ свое ученіе элементы грузинскаго націонализма.

Появленіе великаго князя въ званіи намѣстника дало новый поводъ, въ немъ усмотрѣли возможную опору для усиленія грузинскаго націонализма. У великокняжескаго двора, предполагалось, окажется болѣе сродства съ міропониманіемъ грузинской знати, ея представители встрѣтили въ дворцовой средѣ больше воспріимчивости къ жалобамъ на накопившіяся у грузинскаго народа обиды, и постепенно они стали доводить до свѣдѣнія высшей власти о національныхъ требованіяхъ по церкви, по школѣ, по общественному самоуправленію. Съ другой стороны, слывшій за правую руку великаго князя генералъ Янушкевичъ, имѣвшій опредѣленную антисемитскую репутацію, перенесъ, по циркулировавшимъ въ различныхъ общественныхъ кругахъ свѣдѣніямъ, на армянъ свое отношеніе къ евреямъ, и съ необыкновенной быстротой по всей армянской линіи, даже въ предѣлахъ занятыхъ въ освободительныхъ цѣляхъ русскими войсками земель Турецкой Арменіи, дала себя почувствовать противоармянская политика.

Вскорѣ назначенный экзархомъ Грузіи Питиримъ явилъ невиданное за сто лѣтъ экзаршаго правленія ярко демонстративное вниманіе и заискивающе-любовное отношеніе къ грузинской паствѣ: русскій экзархъ Грузіи выучился службѣ на грузинскомъ языкѣ и сталъ являться часто по своему почину на торжественныя собранія грузинской національной радости или національнаго горя для совершенія молебствій или панихидъ.

Прощаясь съ экзархатомъ, Питиримъ обѣщалъ грузинамъ поддержать ихъ требованіе автокефаліи въ Петроградѣ, гдѣ онъ вскорѣ по пріѣздѣ разрѣшилъ имъ имѣть приходскую церковь для службы на грузинскомъ языкѣ. Националистически настроенная часть грузинскаго общества, хорошо зная о связяхъ Питирима и его значеніи, преподнесла ему въ знакъ своего глубокаго уваженія пастырскій посохъ. Національная мысль, окрыленная, стала безсознательно выпрямляться въ путяхъ реставраціи отжившаго, казалось, для передовыхъ реально-демократически настроенныхъ грузинъ мышленія.

Устои національнаго развитія стали предметомъ общаго вниманія широкихъ круговъ грузинскаго народа: когда въ 1905—1906 годахъ на Кавказъ перебросилось русское освободительное движеніе, въ Грузіи оно нашло сильную поддержку въ охватившихъ широкіе не только рабочіе, но и крестьянскіе слои вышедшихъ изъ подполья соціал-демократическихъ организаціяхъ, сословные же слои, националистически настроенные, оказались какъ бы не у дѣла. И тогда однако въ ихъ средѣ витали мысли о національной грузинской наукѣ. Группа лицъ изъ этой среды, въ числѣ ихъ князь Н. Тавдгиридзе, обратилась ко мнѣ въ Петроградѣ съ просьбою составить проектъ устава Грузинской Академіи Наукъ, но начинаніе оказалось безпочвеннымъ

въ условіяхъ общественнаго движенія того времени. Съ тѣхъ поръ мысль о національномъ учрежденіи для развитія грузинской науки и черезъ нее грузинской научной рѣчи не переставала работать. Волна интереса къ національной культурѣ, а съ нимъ вмѣстѣ и къ изученію прошлаго не только увеличилась, но и разлилась по болѣе широкимъ кругамъ. Это отразилось точно на барометрѣ на составѣ слушателей факультета Восточныхъ языковъ: грузины-студенты умножились на армяно-грузинскомъ разрядѣ и составили главный контингентъ вообще немногочисленной аудиторіи, грузинскій студенческій научный кружокъ при факультетѣ подъ руководствомъ и при живомъ участіи моихъ учениковъ-грузинъ развилъ интенсивную дѣятельность по изученію родной культуры, что сказалось на приливѣ студентовъ-грузинъ со всѣхъ факультетовъ и даже студентокъ-грузинокъ съ Высшихъ Женскихъ Курсовъ на кавказовѣдныя, но преимущественно грузиновѣдныя лекціи, почему чтеніе нѣкоторыхъ лекцій и мнѣ пришлось перенести изъ почти пустой аудиторіи, разсчитанной maximum на десятокъ, другой студентовъ, въ полную аудиторію, вмѣщавшую десятки слушателей и слушательницъ. Въ Тифлисѣ возникло общество любителей грузинской культуры, но практически научная работа находила свое осуществленіе въ самой Грузіи лишь въ тѣсномъ кругу немногихъ ученыхъ и энтузіастовъ, группировавшихся главнымъ образомъ около Грузинскаго Общества исторіи и этнографіи. Вопросы о правильной постановкѣ преподаванія родного языка въ гимназіи, о болѣе состоятельномъ научно правописаніи и т. п. не переставали обсуждаться.

Въ Грузіи много работали въ послѣднее время по вопросу о полной національзаціи преподаванія въ грузинскихъ гимназіяхъ. Революція застала грузинъ за ожесточеннымъ споромъ: допускать ли въ грузинскія гимназіи переводъ грузинъ же дѣтей изъ гимназій не съ грузинскимъ преподавательскимъ языкомъ? Съ первыхъ же дней революціи учительскіе съѣзды постановили національзацію начальныхъ школъ Грузіи и внесеніе во всѣ средне-учебныя заведенія той національзаціи преподаванія, которую до революціи имѣли въ виду осуществить лишь въ своихъ гимназіяхъ, — гимназіяхъ грузинскаго дворянства, составляющаго естественно всей психологіею своего историческаго склада ума ядро національныхъ партій почти всѣхъ оттѣнковъ.

Соціалдемократія, увлекаемая общимъ националистическимъ теченіемъ родного края, сильно накренилась въ сторону національнаго общественнаго міросозерцанія. Это нагляднѣе сказалось прежде всего въ образованіи кавказской высшей революціонной власти — въ Особомъ Закавказскомъ Комитетѣ, этомъ союзѣ лебедя, щуки и рака, именно грузинской соціалдемократіи, армянской національной партіи («дашнакцутьюнъ») и кавказской общемусульманской организаціи, подъ религіознымъ знаменемъ способной вести лишь къ турецкой гегемоніи надъ всѣми мусульманскими народами Кавказа, отнюдь не турецкими въ большинствѣ.

По отсутствію широкаго образованія и особенно знанія сложныхъ въ теченіе вѣковъ слагавшихся культурно-историческихъ взаимоотношеній кавказскихъ народовъ, выдающіеся вожаки грузинской соціал-демократіи къ рѣшенію мѣстныхъ

общекраевыхъ вопросовъ стали подходить, естественно, съ присущей имъ природно національной точки зрѣнія, какъ только жизнь возложила на нихъ бремя улаживанія національныхъ треній. Безспорные интернаціоналисты внѣ предѣловъ Кавказа, на Кавказѣ незамѣтно для себя они переродились въ націоналистовъ-грузинъ. Ослѣпленные внѣшнимъ успѣхомъ своей партіи на родинѣ, они не замѣчали и, быть можетъ, не видятъ и теперь, что обостреніе взаимной розни народовъ Кавказа ни при какомъ направленіи стараго режима не достигало той глубины и угрожающей самыми роковыми послѣдствіями и Кавказу, и вообще Россійскому Государству,— серьезности, какъ нынѣ, когда работавшій подъ русскимъ революціоннымъ флагомъ Особый Закавказскій Комитетъ открылъ широкія двери использованію революціонныхъ пріемовъ дѣйствія не для укрѣпленія на Кавказѣ общегражданскихъ свободъ, а для обезпеченія той или иной національности успѣха въ борьбѣ за кавказскую гегемонію путемъ реставраціи древнихъ національныхъ институтовъ, хотя бы съ призракомъ ихъ былой реальности и созданія на ихъ усиленіе новыхъ.

Если соціалдемократы не могли избавиться отъ крещенія въ духѣ національнализма, то этотъ процессъ еще сильнѣе естественно должны были пережить соціалисты-федералисты, перенесшіе центръ федерализма съ принципа самоуправленія на основѣ провозглашенныхъ русской революціею демократическихъ свободъ, — самоуправленія, способнаго дойти до формъ самой широкой автономіи, на національное начало, обосновывавшее самоуправленіе на историческихъ правахъ, на извѣстномъ трактатѣ, и ведущее неминуемо или къ выдѣленію Грузіи изъ общекавказскаго комплекса или къ возстановленію былой гегемоніи грузинскаго народа надъ Кавказомъ вообще.

Грузинское крыло національнаго движенія усилилось: съ первыхъ шаговъ усиленіе получило свое выраженіе въ фактѣ вступленія въ составъ Особаго Закавказскаго Комитета федералиста націоналиста Киты Абашидзе. Ему то и было передано какъ бы кавказское вѣдомство народнаго просвѣщенія, что̀ сулило быстрое осуществленіе національзаціи всей школы на грузинской территоріи, включая Тифлисъ. Затрудненіе могло встрѣтиться, казалось, лишь по периферіи Грузіи съ точки зрѣнія вопроса о предѣлахъ ея территоріи. 12 сентября въ мѣстныхъ газетахъ оповѣщено утвержденіе высшей мѣстной властью фактической національзаціи всѣхъ среднеучебныхъ заведеній Кавказа.

II.

Въ обстановкѣ такого быстраго и нагляднаго успѣха въ учебномъ дѣлѣ національзація логически должна была быть проведена и въ высшей школѣ, но высшей школы государственной не оказалось на мѣстѣ. Націоналистическія грузинскія общественныя группы посему не могли отнестись къ идеѣ созданія національнаго университета иначе, какъ съ распростертыми объятіями. Идея же сама и конструкція Грузинскаго Университета если не вся, то въ основной оригинальной ея части принесена въ Тифлисъ, судя по программѣ, изъ Петрограда, изъ круга моихъ учениковъ грузинъ, идеа-

листически или точнѣе національно-романтически настроенныхъ, но жестокихъ теоретиковъ, плохо знающихъ реальную жизнь Кавказа въ ея международномъ масштабѣ и разошедшихся съ нами не только въ пониманіи культурныхъ интересовъ Грузіи, но и чисто научныхъ задачъ, въ частности научныхъ задачъ гуманитарнаго кавказовѣдѣнія. Это не помѣшало тому, что формально вся схема общей постановки этой части научнаго дѣла по уставу Грузинскаго Университета представляетъ попытку провести въ жизнь въ грузинской средѣ наше пониманіе, я бы сказалъ русское научное пониманіе реально-филологическаго изученія переднеазіатскаго міра, однако, съ искаженіями, безъ осознанія гибельности такихъ кажущихся неважными искаженій и для общественныхъ и для научныхъ достиженій. Это научное пониманіе выношено болѣе, чѣмъ полувѣковой работой факультета Восточныхъ языковъ, является сколкомъ того, что удалось осуществить реально или намѣтить программно для ближайшаго осуществленія на названномъ факультетѣ. Потому съ большимъ изумленіемъ прочиталъ я слѣдующую вступительную часть объяснительной записки къ основнымъ положеніямъ устава Грузинскаго Университета: «Грузинскій Университетъ предначерталъ своей будущей дѣятельности тѣ же научныя задачи, которыя общи университетамъ всѣхъ странъ и народовъ. Но, сверхъ того, своей первѣйшей и ближайшей задачей Грузинскій Университетъ считаетъ всестороннее научное изученіе прошлаго и современности человѣка и природы Грузіи, Кавказа и Ближняго Востока. По этой то причинѣ программа лекцій Грузинскаго Университета въ вышеуказанныхъ областяхъ знанія будетъ соотвѣтственно обширна, включая въ себѣ такія дисциплины, каковыя совокупно въ этомъ видѣ и съ этой точки зрѣнія еще ни въ одномъ другомъ университетѣ не быля намѣчены въ качествѣ предметовъ научнаго изученія и университетскаго преподаванія. Особенно широко предположено поставить грузиновѣдѣніе, напр., грузинское языкознаніе, изученіе грузинской діалектологіи и кавказовѣдѣнія, будетъ введено чтеніе лекцій: по грузинской археологіи, эпиграфикѣ и палеографіи, по экономической исторіи Грузіи, по современному экономическому положенію Грузіи, Кавказа и ближняго Востока, по аграрному вопросу въ Грузіи, по грузинской церковной исторіи, по исторіи грузинской свѣтской литературы, по исторіи грузинскаго искусства. Сверхъ обычныхъ лекцій предполагается постепенно организовать чтеніе лекцій по персидско-грузинской, византійско-грузинской, армяно-грузинской, турецко-грузинской литературамъ и исторіи и по др.».

Если исключить нѣкоторую неряшливость редакціи перечня, въ которой отдѣльныя научныя области и научныя дисциплины перемѣшаны другъ съ другомъ и со спеціальными курсами и даже ихъ частями по тѣмъ или инымъ востоковѣднымъ дисциплинамъ, все, выдаваемое за неслыханную новость, давно не только намѣчено, но осуществлено и осуществляется въ Петроградѣ на факультетѣ Восточныхъ языковъ, изъ программы котораго и обозрѣній преподаванія и заимствованы всѣ термины, кромѣ одного. Изгнанъ терминъ «яфетическій» и вмѣсто него введенъ «грузинскій», чтобы въ націоналистическихъ цѣляхъ придать видовому термину «грузинскій» такое родовое значеніе, какъ если бы въ русской школѣ и въ русской наукѣ установили

терминъ «русскій» употреблять вмѣсто термина «славянскій», болѣе того — вмѣсто термина «индоевропейскій». Можно думать, что ни Уставъ, ни особенно объяснительная къ нему записка не были разсчитаны на движеніе далѣе Особаго Закавказскаго Комитета. Особый же Закавказскій Комитетъ въ этотъ разъ не взялъ на себя отвѣтственности утвержденія, признавъ однако себя достаточно компетентнымъ лишь въ предѣлахъ поддержки положительнаго его рѣшенія. Въ учрежденіи Грузинскаго Университета въ томъ видѣ, какъ его предполагаетъ Общество Грузинскаго Университета, Особый Закавказскій Комитетъ усмотрѣлъ исполненіе долга, лежащаго на обновленной Россіи.

Противъ этого я вынужденъ протестовать какъ или завѣдомой неправды, или явнаго непониманія. Особый Закавказскій Комитетъ указываетъ на весьма почтенный составъ Общества Грузинскаго Университета: это безспорно, и нѣтъ основанія умалять ихъ выдающееся значеніе въ грузинской жизни. Въ числѣ поименованныхъ рядомъ съ историкомъ Е. С. Такайшвили, прекраснымъ спеціалистомъ, названы такіе характерные и видные грузинскіе общественные дѣятели, какъ Журули и князь Абхази, пользующіеся вполнѣ основательно большимъ вліяніемъ въ вполнѣ опредѣленныхъ кругахъ грузинскаго населенія. Да и само предпріятіе возникло въ линіи того націоналистическаго теченія, которое понятно, какъ протестъ противъ душившаго все живое прежняго режима, понятно, какъ его порожденіе, но не имѣетъ никакого реальнаго оправданія въ условіяхъ современной жизни, никакого основанія предъявлять счетъ молодой Грузіи къ обновленной Россіи, если намъ желательно строить ее, а слѣдовательно и ея жизнь дѣйствительно на новыхъ свободныхъ началахъ и не погашать въ ней новый свободный духъ.

Особый Закавказскій Комитетъ, повѣривъ объяснительной запискѣ, поддерживаетъ ходатайство указаніемъ также на оригинальность подбора кавказовѣдныхъ дисциплинъ въ Грузинскомъ Университетѣ и на то, что нѣкоторыя изъ нихъ «въ немъ будутъ преподаваться въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ не преподаются ни въ одномъ изъ существующихъ университетовъ».

Хуже несоотвѣтствія дѣйствительности та грустная правда, которая содержится въ этихъ строкахъ и въ источникѣ ихъ, уже приведенномъ нами in extenso отрывкѣ изъ объяснительной записки о якобы нигдѣ не читавшихся и даже не намѣчавшихся новыхъ курсахъ и т. п. Дѣло въ томъ, что на всемъ Кавказѣ и вообще внѣ Петрограда нѣтъ никого, кто бы былъ подготовленъ читать эти курсы. И такъ какъ я не имѣю основанія не вѣрить, что курсы эти всё-таки будутъ добросовѣстно читаться въ Грузинскомъ Университетѣ въ Тифлисѣ, то, слѣдовательно рѣчь идетъ объ исходѣ изъ факультета Восточныхъ языковъ тѣхъ единственныхъ пока спеціалистовъ, которые могутъ читать и читаютъ эти именно курсы на немъ.

Слухи объ этомъ исходѣ до меня доходили, но мнѣ не вѣрилось, что въ чьихъ либо общественно-просвѣтительныхъ интересахъ можетъ произойти покушеніе на подрываніе того одинокаго дуба, плодами котораго мы всѣ, оріенталисты-кавказовѣды, безъ различія національности и направленія одинаково вскормлены и кормимся.

Касаясь исключительно оцѣнки дѣловой стороны такого шага, могу съ полнымъ убѣжденіемъ утверждать, что онъ свидѣтельствуетъ о намѣренномъ разрывѣ съ факультетомъ Восточныхъ языковъ, о желаніи не понимать того, что безъ тѣснаго съ нимъ общенія одной богатой программой Грузинскій Университетъ въ его оригинальной кавказовѣдной части цѣли не достигнетъ: работа безъ того научнаго антуража, подбора смежныхъ историко-филологическихъ и востоковѣдныхъ наукъ, которымъ располагаемъ мы, въ Петроградскомъ Университетѣ, не только окажется сама по себѣ малоплодотворной, но скоро низведетъ спеціалистовъ, собравшихся устроить своего рода «сецессію», съ уровня съ трудомъ достигнутой высоты научной атмосферы.

Итакъ, настоящимъ предпріятіемъ при наличныхъ реальныхъ условіяхъ наносится ударъ научному кавказовѣдѣнію, слѣдовательно — интересамъ въ частности и того дѣла, для развитія котораго по видимости организуется хотя бы соотвѣтственная часть Грузинскаго Университета.

III.

Не могу допустить и мысли, чтобы организаторы Грузинскаго Университета дѣйствительно не понимали того, что они дѣлаютъ. Новое учрежденіе, остается признать, не только возникаетъ въ линіи крайняго увлеченія идеею націонализаціи грузинскаго учебнаго дѣла, какъ вѣнчаніе его высшей школой, но и задачи ея, этой грузинской высшей школы, въ первую голову не научныя, а національныя. Способъ дѣйствія можетъ вытекать изъ существующаго по глубокому недоразумѣнію въ той же средѣ убѣжденія, что пользованіе не-грузинской рѣчью въ научномъ изложеніи грузиновѣдныхъ дисциплинъ, въ частности даже объясненіе въ словарѣ грузинскихъ словъ русскими затемняетъ языковую психологію грузинскаго народа. Если бы рѣчь была о преподаваніи не на родномъ языкѣ въ начальныхъ школахъ, то спора здѣсь не могло быть, но упомянутая теза въ примѣненіи къ высшей школѣ, особенно въ области научнаго изслѣдованія мало того, что теоретически несостоятельна, она утверждаетъ нѣчто совершенно противоположное дѣйствительности, эта теза приводитъ къ полному извращенію истиннаго положенія вещей, именно къ утвержденію, что не-грузины не способны заниматься грузиновѣдѣніемъ, тогда какъ всѣмъ современнымъ научнымъ развитіемъ востоковѣдѣнія, именно творческимъ моментомъ въ немъ, мы обязаны именно европейской наукѣ, вообще европейцамъ, въ числѣ ихъ и русскимъ. И въ этомъ отношеніи кавказовѣдныя дисциплины не составляютъ исключенія; наоборотъ, если историко-филологическія дисциплины, занимающіяся разработкой армянскихъ и грузинскихъ матеріаловъ, не удается довести до той степени развитія, какой эти матеріалы заслуживаютъ и какой достигли другія востоковѣдныя области, то въ значительной степени повинно въ этомъ, какъ не разъ приходилось высказываться печатно съ фактическими доводами, хорошо извѣстное обстоятельство: большинство работниковъ по кавказовѣдѣнію — представители народовъ, объектовъ изслѣдованія, и они, независимо отъ трудности по существу самонаблюденія и самооцѣнки — вообще «познаванія себя», попадаютъ въ безвыходное положеніе, въ виду какъ общаго современнаго

культурнаго состоянія самихъ кавказскихъ народовъ, такъ особенно захватывающихъ ихъ цѣликомъ жизненныхъ политическихъ проблемъ: и, разъ обостряются національныя отношенія кавказской жизни въ условіяхъ чрезвычайной перепутанности, они, естественно, психологически не способны встать на вполнѣ объективную научную точку зрѣнія въ разрабатываемыхъ ими спеціальностяхъ, до сихъ поръ для нихъ нѣтъ собственно историко-филологической области востоковѣдѣнія по Кавказу, а националистически in majorem gloriam даннаго народа воспринимаемыя: арменовѣдѣніе и грузиновѣдѣніе.

Потому-то въ предположенномъ къ учрежденію Грузинскомъ Университетѣ мы наблюдаемъ выдѣленіе грузиновѣдныхъ частей изъ кавказовѣдѣнія, сосредоточеніе научной мысли въ служебныхъ національныхъ цѣляхъ преимущественно, можно сказать — исключительно на культурныхъ сторонахъ жизни грузинскаго народа, т. е. совершенно ярко выступаетъ подмѣна научной классификаціи историко-филологическихъ дисциплинъ, посвященныхъ Кавказу, дѣленіемъ по національнымъ признакамъ изслѣдуемыхъ матеріаловъ. Съ точки зрѣнія националистически понятыхъ задачъ Грузинскаго Университета такое положеніе дѣла опять таки понятно, но научно его оправдать нельзя: въ указанной чертѣ программы Грузинскаго Университета шагъ назадъ съ существующимъ на факультетѣ Восточныхъ языковъ положеніемъ дѣла и здѣсь реставрація, уже въ наукѣ, отжившей націоналистической классификаціи предметовъ, внесенной въ наши учебные планы и поддерживавшейся именно националистически мыслящими кавказцами-кавказовѣдами.

Рядомъ съ грузинами взяться за учрежденіе Университета въ Тифлисѣ склонны и армяне. Правда, что сейчасъ русскіе армяне вопросомъ о жизни и смерти родной имъ бывшей Турецкой Арменіи отвлечены отъ внутреннихъ дѣлъ, отъ заботъ даже о важнѣйшихъ своихъ культурныхъ потребностяхъ. Правда также, что неизвѣстно и то, гдѣ будетъ послѣ войны центръ армянской культурной жизни, не въ Ванѣ ли? Но мимоходомъ отдѣльные органы печати и отдѣльныя не особенно близко у живого трагически развертывающагося національнаго дѣла стоящія группы армянъ предлагаютъ организовать или организуютъ уже нѣкоторыя предпріятія интересующаго насъ порядка. Такъ, недавно въ армянской печати было сдѣлано предложеніе перенести на Кавказъ въ районъ коренного армянскаго населенія Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ, хотя одновременно у армянъ же появилось возраженіе на это, основанное на томъ, что пересадка Лазаревскаго Института изъ такого культурнаго центра, какъ Москва, въ Эривань, пустыню въ культурномъ отношеніи, понизитъ уровень его просвѣтительной работы и лишитъ его благотворнаго въ этомъ отношеніи значенія для армянъ [1].

Съ другой стороны въ началѣ лѣта, въ іюнѣ, армяне обсуждали въ Тифлисѣ вопросъ объ учрежденіи армянскаго Университета въ столицѣ Кавказа, въ первую голову факультета Восточныхъ языковъ или, вѣрнѣе, разряда арменовѣдѣнія. И у нихъ,

[1] О желательной съ нашей точки зрѣнія перестройкѣ этого учебнаго заведенія см. выше, стр. 1474, записку «Къ вопросу о реорганизаціи Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ», въ приложеніи къ прот. ИФ 1918 VIII.

насколько я могъ выяснить себѣ изъ обмѣна мнѣній на двухъ совѣщаніяхъ, на которыя я былъ приглашенъ, также имѣется въ виду постановка преподаванія не по научной классификаціи, а по націоналистическому подбору кавказовѣдныхъ дисциплинъ. Между прочимъ, здѣсь попутно выяснилось чрезвычайно показательное явленіе: у армянъ съ ихъ давнишними автономными правами на національную школу и сѣтью построенныхъ на такъ называемыхъ національныхъ началахъ среднихъ учебныхъ заведеній, именуемыхъ семинаріями и училищами разныхъ типовъ, да и съ національной Духовной Академіею въ Эчміадзинѣ, находившихся по идеѣ въ полномъ и неограниченномъ управленіи самого армянскаго народа, оказалось меньше научныхъ силъ на мѣстѣ для веденія національно конструированной высшей школы, чѣмъ у грузинъ, главной массой воспитывавшихся въ русской школѣ обычнаго типа и въ своихъ даже всего на всего двухъ національныхъ гимназіяхъ, гимназіяхъ грузинскаго дворянства, терпѣвшихъ гнетъ государственнаго контроля и государственнаго языка въ качествѣ преподавательскаго. У армянъ не оказалось спеціалистовъ ученыхъ въ сколько-нибудь достаточномъ числѣ даже по національнымъ дисциплинамъ.

IV.

Въ то же время на Кавказѣ всѣ прекрасно видятъ одно вакантное мѣсто; это — мѣсто, пустующее въ Тифлисѣ за отсутствіемъ государственнаго Университета и требующее замѣщенія. Занять его естественно стремится и Грузинскій Университетъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ статей его устава, такъ, напр., изъ статьи 10 о правѣ выдавать ученую степень доктора. Въ линіи развитія національнаго движенія грузинъ это вполнѣ понятно. Тифлисъ — центръ Кавказа, но Тифлисъ въ то же время исторически безспорно грузинскій городъ. Отсюда послѣдовательно грузинская національная мысль, независимо отъ всякихъ научныхъ заданій и безъ страха передъ научной отвѣтственностью, спѣшитъ, какъ суверенный и нынѣ, по ея убѣжденію, хозяинъ города, представить себя въ немъ высшей въ краѣ школой, Университетомъ, какъ не теряетъ она времени, чтобы обезпечить за собой тамъ же соотвѣтственно первое мѣсто высшимъ въ краѣ представителемъ православной церкви, католикосомъ всея Грузіи, и, кромѣ того, тифлисскимъ митрополитомъ.

Когда рѣчь идетъ о церкви, то такое стремленіе грузинъ и нынѣ имѣетъ основаніе, особенно поскольку дѣло касается возглавленія національно понимаемой грузинской православной церкви.

Но въ идейномъ обоснованіи даже законнаго и нынѣ тяготѣнія грузинъ къ Тифлису, тѣмъ болѣе домогательства къ полному въ немъ господству, кроется коренное недоразумѣніе, политическій анахронизмъ, приводящій въ столкновеніе національныя, правильнѣе, я бы сказалъ, націоналистическія стремленія уже не съ старымъ режимомъ, но съ провозглашенными русской революціею свободами и вытекающими изъ нихъ требованіями свободной гражданской жизни и на Кавказѣ.

По одному изъ многочисленныхъ недоразумѣній въ представленіяхъ русскаго общества о занимающей насъ окраинѣ, Кавказъ въ цѣломъ считается созданіемъ

русской бюрократіи, — краемъ, искусственно скроеннымъ изъ случайнаго конгломерата народовъ и племенъ. Такъ, и при томъ вполнѣ искренно, думаютъ въ большинствѣ современные представители отдѣльныхъ кавказскихъ народовъ, въ частности и грузины. На самомъ дѣлѣ Кавказъ, какъ цѣлое, имѣетъ свою долгую предолгую до-русскую исторію и даже періодъ до-письменной исторіи. Существа не мѣняетъ, что въ древности этотъ реальный Кавказъ выступаетъ подъ тѣмъ или инымъ племеннымъ названіемъ. Эти названія не всегда имѣютъ голое или одно этническое значеніе, такъ, напр., ни терминъ грузинъ (qarϑvel), ни терминъ армянинъ (hay) въ древности не имѣлъ значенія чисто этнически-національнаго, а религіозно-національнаго, затѣмъ культурно-національнаго и политически-національнаго. Qarϑvel въ частности означалъ реально всю совокупность не только грузинскихъ и родственныхъ грузинамъ племенъ и народовъ, но и не родственныхъ, лишь бы они входили въ составъ грузинскаго коллектива, иногда политическаго, иногда лишь культурнаго, но никогда не этнически лишь грузинскаго. Въ блестящіе періоды исторіи Грузіи терминъ «Saqarϑvelo», т. е. Грузія, обнималъ весь Кавказъ, и, если на сѣверѣ онъ не достигалъ предѣловъ современнаго Кавказа, то на югѣ и юго-западѣ выходилъ далеко за предѣлы бывшаго намѣстничества. Грузинская националистическая мысль, говоря о Грузіи, о «Saqarϑvelo», и нынѣ мыслитъ о странѣ въ древнемъ масштабѣ — въ указанныхъ предѣлахъ, т. е. по существу о нашемъ Кавказѣ.

Я не касаюсь историческаго анахронизма, именно того, что Россія добровольнымъ присоединеніемъ къ ней Грузіи вовсе не получала изъ рукъ грузинскаго царя подъ названіемъ Грузіи столь обширнаго края. Но что̀ для насъ сейчасъ важнѣе отмѣтить, тотъ же обширный край за сто лѣтъ русскаго правленія не только перемѣнилъ названіе, расширившись по сю сторону кавказскаго хребта и въ связи съ этимъ окрещенный въ «Кавказъ», но преобразился и внутри, прежде всего въ части взаимоотношеній мѣстныхъ народовъ, значительно развился въ демократическихъ слояхъ и еще до революціи чувствовалъ потребность въ новомъ общественномъ укладѣ, перестройкѣ его на прогрессивныхъ началахъ и соотвѣтственномъ устроеніи школьнаго дѣла, а никакъ не на реставраціи давно пережитого, на основаніи реминисценцій, до-русскаго правленія.

Надо имѣть въ виду, что на этомъ совершенно реальномъ явленіи и связанныхъ съ нимъ фактахъ, а не на проникновеніи грузинскихъ массъ идеями ученія Маркса держится успѣхъ соціал-демократической партіи въ Грузіи и тѣсная органически неразрывная работа сознательныхъ и искреннихъ соціал-демократовъ грузинъ съ русскими соціал-демократами.

Сознательная часть грузинскихъ рабочихъ и крестьянства, вообще грузинской крестьянской массы противъ националистической конструкціи уклада кавказской жизни, противъ національнаго обособленія Грузіи. Въ то же время, за сто лѣтъ русскаго правленія, съ одной стороны, на югѣ достигло большого развитія правосознаніе армянскаго крестьянскаго населенія, вообще армянскаго народа, а съ другой, — на сѣверѣ разноплеменное населеніе горскаго населенія, въ лицѣ четырехъ, пяти группъ, даге-

станской, чеченской, осетинской и абхазской съ черкесской, вступило на путь, каждая изъ группъ, собственнаго національнаго самоопредѣленія. Я не забылъ, а особо упоминаю о разноплеменномъ и многочисленномъ турецкомъ народѣ, который неудачная рѣчь кавказской бюрократіи, да и обывательское пониманіе кавказской этнографіи прикрыли терминомъ «мусульмане», что даетъ поводъ къ возникновенію ряда недоразумѣній въ частности и въ вопросѣ объ организаціи школьнаго дѣла. Намѣренно умалчиваю о русскихъ.

Итакъ Тифлисъ, исторически безспорно грузинскій городъ, за сто лѣтъ русскаго правленія выросъ столь же безспорно въ центръ всего Кавказа, который нѣтъ никакой возможности отожествить нынѣ съ Грузіею. Тифлисъ при этомъ центръ не только административный, но и культурный всего Кавказа. И если эту реальность кто-либо можетъ забыть, то не русскій народъ: русскій народъ не имѣетъ права это забывать, ибо на немъ, и нынѣ, по провозглашеніи свободъ, на немъ болѣе, чѣмъ на комъ-либо, лежитъ долгъ дальнѣйшей демократизаціи общественнаго уклада жизни на пользу народныхъ слоевъ давно самоопредѣлившихся національностей, получившихъ свободу или отъ мусульманскаго, персидскаго и турецкаго ига, или отъ родного сословія крѣпостниковъ за время русскаго правленія; на немъ же лежитъ долгъ поддержки дальнѣйшаго культурнаго роста народовъ Кавказа, культурно самоопредѣлившихся уже за время русскаго правленія, на немъ долгъ облегчить пріобщеніе къ благамъ подлинной высшей школы всѣмъ безъ исключенія народамъ Кавказа. Въ этомъ, и лишь въ этомъ наиболѣе дѣйствительная гарантія, что сознаніе самодовлѣющей цѣнности культурной независимости будетъ привито населенію, гарантія замѣны, наконецъ, пережиточной зоологической идеологіи, отлитой въ формѣ средневѣковаго религіознаго мышленія, научнымъ общественнымъ міровоззрѣніемъ, безъ чего нѣтъ и не будетъ утвержденія новыхъ свободъ въ краѣ, ни огражденія народовъ Кавказа отъ самыхъ невыносимыхъ духовныхъ крѣпостническихъ посягательствъ, отъ кого бы они ни исходили. Не надо забывать, что всѣ эти горскіе народы въ общей сложности, не уступающей по численности ни одной изъ мѣстныхъ христіанскихъ національностей Кавказа, мусульмане, кромѣ абхазовъ, народа съ исключительно своеобразнымъ и для Кавказа религіознымъ и общественнымъ бытомъ.

Сейчасъ не время останавливаться на подробностяхъ, но можно себѣ представить въ общемъ, къ какой постановкѣ учебнаго дѣла обязываютъ указанныя кавказскія междунаціональныя отношенія въ части гуманитарныхъ наукъ въ соотвѣтствующемъ своему назначенію Университетѣ, имѣющемъ оправданіе и основаніе для помѣщенія въ культурномъ центрѣ всего Кавказа, какого бы этотъ Университетъ ни былъ типа, стараго простого или новаго сложнаго.

Такимъ образомъ, разсматривая вопросъ объ Университетѣ въ Тифлисѣ съ точки зрѣнія интересовъ разноплеменнаго населенія Кавказа, мы видимъ, что, во-первыхъ, ни у грузинъ, ни у армянъ нѣтъ пока въ реальности научныхъ силъ, ни національныхъ ученыхъ учрежденій, способныхъ, независимо отъ россійскихъ или западноевропейскихъ разсадниковъ науки, создать ихъ въ ближайшіе годы въ достаточномъ количествѣ, чтобы обслуживать университетскія нужды; во-вторыхъ, и тогда, когда

народятся эти научныя силы тѣмъ или инымъ путемъ, конструкція національныхъ университетовъ, обслуживающихъ исключительно, хотя бы лишь въ первую голову въ наличномъ кавказскомъ пониманіи воспринимаемыя національныя задачи, искажаетъ самый смыслъ университетскаго преподаванія; она, съ одной стороны, деградируетъ науку, ставя и ее и ея адептовъ въ служебное положеніе не только преходящимъ, но отжившимъ представленіямъ о благѣ народа, а съ другой — соотвѣтственной постановкой научныхъ областей, неизбѣжно вліяющихъ на выработку историческаго самосознанія, въ части ея, грозитъ въ погонѣ за оправданіемъ гегемоніи той или иной кавказской народности стать источникомъ все болѣе и болѣе углубляющагося обостренія взаимной розни и взаимнаго отчужденія кавказскихъ народовъ.

V.

Слѣдовательно, дѣло по существу вовсе не въ томъ, что національные университеты на Кавказѣ, доступные лишь говорящимъ или по-грузински или по-армянски, оставятъ остальное населеніе обойденнымъ въ заботахъ государства о высшемъ образованіи, поставятъ его въ положеніе гражданъ второго и даже третьяго ранга. А дѣло въ томъ, что они никому, и обладателямъ такихъ національныхъ университетовъ не обезпечиваютъ дѣйствительно высшаго университетскаго образованія, наоборотъ, обезпечиваютъ пониженіе его уровня и вообще сгущеніе атмосферы ядоноснымъ чадомъ взаимнаго непониманія и взаимной вражды.

При иной же, чисто научной, а не націоналистической постановкѣ дѣла національные университеты пока — и долго — могли бы служить добрую службу дѣлу просвѣщенія и наукѣ лишь распространеніемъ научнаго мышленія въ широкіе круги, даже въ народныя массы, что̀ на Кавказѣ можетъ совершаться только на народныхъ языкахъ, только въ національныхъ университетахъ. Въ этомъ отношеніи правильно понятые интересы государственнаго культурнаго хозяйства требовали бы поддержанія національныхъ университетовъ, какъ органовъ высшаго народнаго просвѣщенія, какъ проводниковъ научнаго мышленія и научныхъ идей въ народныя массы, независимо отъ того, будутъ ли они частными учебными заведеніями или новая жизнь въ Россіи найдетъ для нихъ особое государственно-правовое положеніе, какъ, съ другой стороны, правильно понятые интересы національныхъ университетовъ на Кавказѣ обязывали бы заправилъ ихъ содѣйствовать насажденію государственнаго Университета въ Тифлисѣ съ постановкой въ немъ кавказовѣдныхъ наукъ на широкой научной базѣ въ духѣ универсализма и общекавказскихъ культурныхъ интересовъ.

Понятно, у работниковъ научно-національной на Кавказѣ школы этого типа проявилось бы бережное отношеніе къ живымъ силамъ организаціи главнаго у насъ разсадника востоковѣдѣнія, сложившейся работой нѣсколькихъ поколѣній, его питомцамъ не могло бы прійти въ голову погашать своимъ внезапнымъ уходомъ этотъ источникъ научнаго свѣта именно по полнотѣ кавказовѣдѣнія единственный не только въ Россіи, но и въ Европѣ, вообще противополагать almae matri, университету, almam matrem, Грузію, какъ цѣнность одного порядка.

При намѣченной же постановкѣ дѣла въ Грузинскомъ Университетѣ думать о такихъ плодотворныхъ взаимныхъ отношеніяхъ въ ближайшее время не приходится. Нѣтъ, однако, основанія отрицать, что максималистическія мечты романтиковъ-иниціаторовъ Грузинскаго Университета въ имѣющее наступить спокойное время реальной жизнью будутъ приведены къ трезвымъ и дѣйствительно научнымъ взглядамъ грузинскаго общества на задачи національнаго ихъ Университета. Самъ грузинскій народъ, давно и дѣйственно выступающій на широкій путь демократизаціи реальныхъ устоевъ своей національной жизни, никогда не примирится съ сектантско-націоналистическимъ духомъ и строемъ школы. Министерство въ этихъ видахъ имѣетъ не только право, но и долгъ благословить начинаніе Общества Грузинскаго Университета, какъ частнаго высшаго учебнаго заведенія, указавъ однако соотвѣтственно его правовые предѣлы.

Но всё-таки остается пустое мѣсто, давно ожидающее замѣщенія — мѣсто для подлиннаго Университета. И вотъ это то мѣсто немедленно должно быть занято. Помимо интересовъ живого разноплеменнаго населенія Кавказа, потребность на этой окраинѣ въ Университетѣ создается громаднымъ богатствомъ матеріала, могущаго и долженствующаго послужить объектомъ работъ ученыхъ изслѣдовательскихъ учрежденій Университета.

Основаніе Кавказскаго Историко-Археологическаго Института съ его составомъ въ четыре ученыхъ работника лишь капля тѣхъ силъ, которыя требуются для разработки матеріаловъ по однѣмъ гуманитарнымъ наукамъ. Плодотворность работъ и этого новаго учрежденія скажется тогда, когда пополненіе кадра его изслѣдователей и особенно необходимыхъ на мѣстахъ многочисленныхъ сотрудниковъ будетъ обезпечено въ дополненіе къ силамъ, подготовляемымъ факультетомъ Восточныхъ языковъ, и вообще центральными высшими учеными заведеніями, питомцами кавказскаго Университета.

На разработку этихъ богатыхъ кавказскихъ матеріаловъ русская наука, универсальная какъ и западно-европейская, имѣетъ особыя права, такъ какъ во многихъ случаяхъ у нея исключительная подготовка для независимаго компетентнаго сужденія, для правильнаго рѣшенія научныхъ задачъ, стоящихъ въ міровой наукѣ въ связи съ изученіемъ Кавказа, напр., по культурной исторіи человѣчества на пространствѣ отъ курганнаго юга Россіи до Ассиро-Вавилоніи и Хетской страны.

Между тѣмъ на всѣмъ видное вакантное мѣсто университета въ Тифлисѣ притязаютъ другія безспорно лучше, чѣмъ грузинскій или армянскій народъ, подготовленныя для развитія научной дѣятельности иностранныя государства. Понятно, они могутъ сдѣлать это и обходнымъ путемъ, отнюдь не внѣдряясь въ предѣлы Кавказа, — отводомъ на свою мельницу культурнаго сотрудничества кавказскихъ національныхъ научныхъ учрежденій. Въ запискѣ о Кавказскомъ Историко-Археологическомъ Институтѣ [1], кажется, мнѣ удалось выяснить съ достаточной ясностью, какимъ кольцомъ научныхъ предпріятій, использованіемъ кавказскихъ научныхъ силъ у себя, въ Европѣ, и экспе-

---

[1] ИРАН., 1917, 962 сл.

диціями къ Кавказу изъ Турціи и внутрь самаго Кавказа западные европейцы, особенно же систематически нѣмцы охватили эту почти непочатую сокровищницу научныхъ матеріаловъ. Послѣ войны наружно — для вида — поставятъ вопросъ о гарантирующемъ всеобщій миръ разграниченіи Россіи и Турціи, которая, понятно, не Японія и не способна конкурировать съ нами просвѣтительными учрежденіями. Но за Турціею готово будетъ работать любое изъ культурныхъ государствъ, тѣнь одного изъ которыхъ и нынѣ виднѣется.

Въ мартовскомъ за этотъ годъ (1917) номерѣ столь серьезнаго, какъ Peterman's Mitteilungen, органа появилась любопытная въ этомъ отношеніи рецензія на книжку Bork'a о «Грузинскомъ народѣ»[1]. Рецензія принадлежитъ перу кавказовѣда Dirr'a, хорошо извѣстнаго своими работами по изученію кавказскихъ языковъ и особенно собиранію матеріаловъ по кавказскимъ горскимъ языкамъ при матеріальной поддержкѣ Кавказскаго Учебнаго Округа. Онъ жилъ и служилъ на Кавказѣ. Его труды по совокупности были награждены крупной преміею нашей Академіи Наукъ. Передъ войной онъ поѣхалъ въ Германію и остался въ ней. Dirr пишетъ про автора нѣмецкой брошюры о грузинскомъ народѣ, Борка:

«Боркъ полагаетъ, что Грузія могла бы образовать нейтральную зону между Россіею и Турціею въ видѣ государства-буффера, объединившись съ мусульманскимъ Кавказомъ, что̀ имѣетъ еще какъ бы обосноваться. Какъ ни стара идея автономіи Кавказа, приходится очень жалѣть, что авторъ (г. Боркъ) не изложилъ свою мысль болѣе подробно. Во всякомъ случаѣ этотъ буфферъ-государство долженъ былъ бы охватить все нынѣшнее Закавказье плюсъ главный Кавказскій хребетъ съ его сѣверными склонами, иначе государство это было бы подвержено тяжкимъ испытаніямъ. Кромѣ того, въ этомъ государствѣ возникали бы, это можно утверждать съ увѣренностью, опаснѣйшія тренія національнаго характера. Чтобы не создавать новой Македоніи, которая сдѣлалась бы очагомъ безконечныхъ распрей и питала бы въ себѣ возможности новыхъ европейскихъ осложненій, слѣдовало бы вступить на иные пути, чѣмъ простое отторженіе края отъ Россіи и предоставленіе ему самостоятельности. Культурныя задачи, которыя Кавказъ имѣетъ передъ собою, настолько обширны, что автономный Кавказъ безъ чужой помощи едва ли можетъ ихъ разрѣшить»[2].

---

[1] F. Bork, *Das Georgische Volk* (Länder und Völker der Türkei, Schriften d. D. Vorderasienskomitets, herausgegeben von Hugo Grothe), 8⁰, 28 стр., Лейпцигъ 1905.

[2] Въ подлинныхъ нѣмецкихъ выраженіяхъ приведенный отрывокъ изъ сужденія А. Дирра гласитъ: Боркъ «meint, dass Georgien zusammen mit einem etwa zu begründenden mohammedanischen Kaukasien als Pufferstaat eine neutrale Grenzzone zwischen Russland und Türkei bilden könnte. So alt die Idee der Autonomie des Kaukasus ist, so sehr ist zu bedauern, dass der Verfasser den Gedanken nicht näher ausgeführt hat. Der Pufferstaat müsste das ganze jetzige Transkaukasien plus das Hauptgebirge mit seinen nördlichen Abhängen umfassen, sonst wäre er aufs äusserste gefährdet. Ausserdem entständen in diesem Staat sicher die gefärlichsten Reibereien nationaler Art. Um kein neues Macedonien zu schaffen, das wieder ein Herd zahlloser Ränkespiele werden und die Möglichkeit neuer europäischer Verwicklungen geben würde, müssten wohl ganz andere Wege eingeschlagen werden, als die blosse Loslösung von Russland und Selbständigmachung. Die Kulturaufgaben, die der Kaukasus vor sich hat, sind so umfassend, dass ein autonomes Kaukasien ohne fremde Hilfe sie kaum lösen kann».

Нужно ли подсказывать, чью чужую помощь предполагаетъ Адольфъ Дирръ необходимой для компетентнаго рѣшенія «обширныхъ культурныхъ задачъ Кавказа».

Нѣмцы, къ типу университетовъ которыхъ, между прочимъ, приспособленъ по составу факультетовъ Обществомъ Грузинскаго Университета предполагаемый къ учрежденію Грузинскій Университетъ, едва ли перестанутъ вести начатую ими линію дѣйствія, доведенную еще до войны со стороны Турціи и со стороны Россіи до центра Кавказа. Линія эта состоитъ не въ однѣхъ научныхъ экспедиціяхъ, а и въ научномъ использованіи и мертваго матеріала и живыхъ силъ Кавказа въ основательномъ дѣловомъ разсчетѣ, совершенно безошибочномъ Geschäft'ѣ, что это создастъ волну обратнаго культурнаго воздѣйствія на эту уже сейчасъ вступающую на путь культурнаго отхода отъ общенія съ нами нашу, казалось бы, родную русскимъ и по духу страну. Не менѣе чревато послѣдствіями, независимо отъ ученыхъ экспедицій, воздѣйствіе на армянъ западно-европейскихъ и американскихъ школъ, и до войны умѣвшихъ дѣлать свое дѣло въ Ванѣ въ условіяхъ даже турецкаго режима. И до войны въ интеллигенціи армянскаго народа, распадающагося на двѣ половины — восточную и западную, имѣлось культурное раздвоеніе, оріентація по Западной Европѣ и оріентація по Россіи. Во что выльется объединенная національная мысль русскихъ и турецкихъ армянъ послѣ войны, я не хочу сейчасъ гадать, но ясно одно, что при начатомъ задолго до войны изъ самаго центра турецкой Арменіи, Вана, культурномъ напорѣ западныхъ европейцевъ и американцевъ, который они сильно усилили за войну, а послѣ войны еще болѣе усилятъ, и при полномъ изумительномъ ничегонедѣланіи съ нашей стороны, при оставленіи нами уготованнаго мѣста для университета вакантнымъ даже у себя въ Тифлисѣ, удивленіе будетъ неумѣстное, если вскорѣ послѣ войны объединенная національная мысль армянъ культурно оріентируется не по Россіи.

Между тѣмъ глубокіе духовные интересы самихъ народовъ Кавказа требуютъ именно сохраненія культурной оріентаціи ихъ по Россіи и дальнѣйшаго ея развитія въ общее или взаимное сотрудничество.

Наконецъ, but not least надо вспомнить хоть теперь объ интересахъ русской науки, какъ общечеловѣческой, объ ея нуждахъ, въ частности о возрастающей ея потребности въ матеріалахъ и по многимъ причинамъ, именно въ тѣхъ матеріалахъ, которыми полонъ Кавказъ.

Возражать противъ большого, несомнѣнно, болѣе сложнаго, чѣмъ въ Иркутскѣ или Ташкентѣ, культурнаго предпріятія — университета въ Тифлисѣ — ссылкой на условія нашего времени не приходится. Именно въ такія эпохи, какъ наша, можно закладывать основанія столь новыхъ и крупныхъ предпріятій или никогда. Напомню 1795 годъ, когда во Франціи была основана знаменитая впослѣдствіи Школа Живыхъ Восточныхъ языковъ. То было сто съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ и то было въ странѣ съ однороднымъ населеніемъ. Въ Россійскомъ государствѣ иной масштабъ и иныя условія. Населеніе его лишено общей племенной спайки, и нуждается въ развитіи культурныхъ учрежденій, содѣйствующихъ ей. Это неотложная не только госу-

дарственная, но общенаціональная, потребность, потребность всего реально-культурнаго, всего дѣйствительно прогрессивнаго населенія Россіи, и въ удовлетвореніи этой потребности — общечеловѣческая задача.

И когда дѣло касается Кавказа, я считаю совершенно излишнимъ теоретически обосновывать положеніе, что въ цѣляхъ взаимнаго сближенія нѣтъ лучшаго или иного орудія, какъ совершенно свободныя отъ утилитарныхъ заданій культурныя предпріятія, какъ чуждая націоналистическихъ цѣлей отвѣчающая прежде всего своему просвѣтительному назначенію школа, и самое могучее въ этомъ отношеніи орудіе — университетъ, удовлетворяющій духовнымъ запросамъ края. Мнѣ достаточно сослаться на факты — на руководящую роль Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ эпоху его разцвѣта въ культурномъ сближеніи армянъ съ русскими, а въ дальнѣйшемъ, когда русскіе университеты не отвѣчали еще потребностямъ армянъ, возрастающее значеніе Дерптскаго, тогда нѣмецкаго университета, умѣвшаго приспособиться въ лицѣ своихъ дѣятелей, даже въ лицѣ геолога Абиха къ культурнымъ стремленіямъ армянскаго народа. Могу также констатировать, что появленіе одной книги подъ редакціею русскаго поэта Брюсова «Поэзія армянъ», приращеніемъ пути взаимнаго пониманія, больше посодѣйствовало упроченію русской культурной оріентаціи армянъ на всемъ пространствѣ ихъ разселенія, чѣмъ всѣ обрусительныя мѣры стараго режима, вмѣстѣ взятыя, въ предѣлахъ разселенія однихъ русскихъ армянъ.

На желательномъ для Кавказа типѣ университета я не буду останавливаться, если вопросъ этотъ рѣшается въ плоскости исканій новыхъ и лучшихъ типовъ. Лишь pro domo mea мнѣ да будетъ позволено устранить недоразумѣніе въ отношеніи мотивовъ, заставляющихъ меня относиться скептически къ политехникуму, расширенному университетскими факультетами.

Будучи филологомъ-востоковѣдомъ, я, если не ошибаюсь, по своей дѣятельности имѣю право и какъ лингвистъ, и какъ археологъ причислить себя къ филологамъ-реалистамъ. Филологъ-реалистъ иначе и не представляетъ себѣ развитія своей теоретической науки, какъ въ союзѣ съ техникой. Какъ можно безъ техническаго знанія оборудовать кабинетъ экспериментальной фонетики и приспособить къ изслѣдовательскимъ нуждамъ профессора-лингвиста, преподающаго, допустимъ, общій курсъ сравнительной фонетики яфетическихъ языковъ и занимающагося спеціально, изъ многочисленныхъ относящихся сюда горскихъ языковъ Кавказа, хотя бы однимъ аварскимъ или абхазскимъ съ ихъ по сей день экспериментально неанализированными фонемами? По археологіи же едва ли какую-либо серіозную работу можно нынѣ вести безъ помощи техники. И вопросъ не только объ использованіи готовыхъ техническихъ пріемовъ или инструментовъ, но и о постановкѣ въ ней новыхъ техническихъ вопросовъ по заданіямъ нашей теоретической науки. Вообще востоковѣды, а русскіе востоковѣды въ особенности не придерживаются отнюдь отрѣшенности науки отъ жизни, не могутъ придерживаться такой отрѣшенности именно востоковѣдѣнія, по природѣ въ Россіи неизбѣжно прикладного къ жизни и не по ученыхъ винѣ систематически разлучаемаго съ нею; чтобы снять съ насъ подозрѣніе въ этомъ, доста-

точно, думается, сослаться на мѣсто изъ одной печатной записки за подписями девяти петроградскихъ оріенталистовъ, гдѣ читаемъ: «. . . разстояніе между наукой и жизнью съ развитіемъ культуры не увеличивается, а сокращается. Ученые лингвисты въ настоящее время признаютъ, что вполнѣ понять строй языка можетъ только тотъ, кто самъ имъ владѣетъ, ученые историки и археологи знаютъ, что для пониманія прошлаго страны необходимо знакомство съ ея современной жизнью» и т. д.[1]. Никакихъ предрязсудковъ ни противъ техническихъ наукъ, ни наукъ прикладного значенія, ни противъ сближенія съ жизнью у востоковѣдовъ нѣтъ. Я могу только привѣтствовать сочетаніе двухъ высшихъ школъ въ одинъ сложнаго типа университетъ.

Есть лишь одно сомнѣніе: сомнѣніе въ такой организаціи новаго сложнаго университета, которая обезпечивала бы одновременно и въ равной степени интересы и ученаго-теоретика и ученаго-практика, интересы спеціалиста по гуманитарнымъ наукамъ и спеціалиста-естественника, когда съ обѣихъ сторонъ будутъ эти интересы весьма сложны и расходны.

Примѣры заморскихъ странъ, конечно, показательны теоретически, но, признаюсь, для меня не вполнѣ убѣдительны, когда рѣчь идетъ объ условіяхъ нашей жизни, особенно на Кавказѣ, гдѣ не сразу удастся заручиться первоклассными учеными съ широкими научными горизонтами.

Второе замѣчаніе привходящее.

Дѣло въ томъ, что Кавказъ давно домогался университета, но при старомъ режимѣ ему отказывали. Тогда высшая власть въ краѣ предложила просить политехникумъ.

Одна группа представителей мѣстнаго общества приняла такое предложеніе, но общаго согласія кавказцевъ не получилось. Въ обществѣ по обыкновенію пустили слухъ или сплетню, что политехникумъ — затѣя армянъ. И тогда грузины были въ общемъ за университетъ, армяне за политехникумъ.

Нынѣ же въ Тифлисѣ появится первымъ Грузинскій Университетъ; правда, онъ частный, но по существу въ смыслѣ общественнаго впечатлѣнія это дѣла не измѣнитъ. Впечатлѣніе же получится такое, точно и при новомъ режимѣ не даютъ или не торопятся дать Кавказу университетъ и лишь для вида готовы приспособить политехникумъ, придать ему, уже основанному, университетскіе факультеты, тогда какъ настоящій университетъ, да еще на нѣмецкій ладъ, лишь грузинскій. Такіе разговоры, конечно, такъ же легко исчезнутъ, какъ могутъ появиться, если давно жданный государственный университетъ, учрежденный въ видѣ хотя бы новаго сложнаго типа, дѣйствительно будетъ организованъ и осуществленъ согласно предъявляемымъ къ нему разностороннимъ и высокимъ научно-учебнымъ требованіямъ.

Тогда можно бы воскликнуть безъ тяжести на сердцѣ fiat justitia, но не pereat mundus, а salvus sit mundus, ибо такой университетъ обезпечилъ бы сохранность культурныхъ стяжаній Кавказа за время русскаго правленія, за сто съ лишнимъ лѣтъ, и дальнѣйшій ихъ ростъ, такой университетъ явился бы могучимъ орудіемъ для ду-

[1] О проектѣ «Практической Восточной Академіи» (Записка группы востоковѣдовъ), стр. 14.

ховнаго упроченія общественной солидарности какъ проживающихъ на Кавказѣ народовъ, такъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ русскимъ народомъ, и въ немъ мы получили бы новый рычагъ для развитія міровой науки въ путяхъ культурнаго воспріятія новыхъ свободъ на пользу всѣмъ живущимъ въ краѣ народамъ.

Это я говорю въ качествѣ рядового работника русскаго ученаго міра, несмотря на хорошо извѣстныя и мнѣ слабыя или отрицательныя стороны русской ученой жизни, съ глубокимъ убѣжденіемъ, что въ русской наукѣ давно уже творятся міровыя цѣнности, она — большой факторъ въ міровой наукѣ, ея задачи и цѣли міровыя, общечеловѣческія. Это же я утверждаю, какъ родной сынъ Кавказа, со столь же глубокимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ, что изъ міровыхъ наукъ именно русская наука наиболѣе призвана и способна по народно-психологическимъ и культурно-историческимъ основаніямъ обезпечить независимое духовное развитіе народовъ Кавказа. Сомнѣваюсь, чтобы это убѣжденіе не вытекало у меня изъ того факта, что я имѣлъ возможность за всю свою научную жизнь вчитаться довольно внимательно въ подлинныя страницы живой книги кавказскихъ народовъ. Еще менѣе сомнѣваюсь въ томъ, чтобы оно реально противорѣчило здоровымъ національнымъ чувствамъ сознательнаго грузина XX-го вѣка, поскольку и во мнѣ, предполагаю, жива его природа, его народная психологія.

Объединеніе, обоснованное на крѣпко сложенной въ кулакъ державной десницѣ, кому бы ни принадлежала эта рука, большому или малому народу, должно замѣниться объединеніемъ на синтезѣ родственныхъ культуръ, и мы или должны немедленно приступить къ работѣ по этому объединенію на новыхъ началахъ закладкой университета въ Тифлисѣ, или быть готовыми къ неизбѣжному отходу Кавказа въ чужой станъ.

Свожу все сказанное къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Грузинскій Университетъ, понятно, оформивъ его юридически, слѣдуетъ безпрепятственно разрѣшить, какъ будущій желанный сотрудникъ государственнаго Университета, проводникъ научнаго мышленія въ грузинскія народныя массы.

2. Въ интересахъ съ одной стороны міровой науки, съ другой — какъ разноплеменнаго кавказскаго населенія, такъ вообще Россійскаго государства, въ интересахъ закрѣпленія свободъ, провозглашенныхъ русской революціею, необходимо немедленно учредить Кавказскій Университетъ въ Тифлисѣ съ соблюденіемъ двухъ условій:

а) во-первыхъ, въ Кавказскомъ Университетѣ гуманитарные факультеты организовать на особыхъ началахъ, объединяющихъ въ стройную систему науки соотвѣтственныхъ факультетовъ обычнаго простого типа съ циклами востоковѣдныхъ наукъ по роднымъ народамъ Кавказа культурамъ и языкамъ[1];

---

[1] Это положеніе развито мною въ запискѣ о Кавказскомъ Университетѣ съ изложеніемъ организаціи его историко-филологическаго факультета. Въ ней въ цѣляхъ практическаго осуществленія перехода отъ односторонняго европейскаго гуманизма къ универсальному классическій языкъ культурнаго мусульманскаго Востока получаетъ право гражданства наравнѣ съ латинскимъ, а новому персидскому языку удѣляется мѣсто въ спеціальныхъ отдѣленіяхъ, аналогичное съ мѣстомъ классическаго греческаго, такъ какъ этотъ новый языкъ Ирана сыгралъ громадную роль въ возрожденіи восточнаго гуманизма не только у мусульманъ, но и у обѣихъ національностей, представляющихъ на Кавказѣ народно-христіанскій Востокъ.

б) во-вторыхъ, въ виду болѣзненнаго состоянія національнаго настроенія наиболѣе культурныхъ народовъ Кавказа, обезпечить Кавказскій Университетъ денежными средствами изъ государственнаго казначейства безъ обращенія на первыхъ порахъ къ мѣстнымъ людямъ за матеріальной поддержкой.

3. Если бы Комиссія признала и для Тифлиса необходимымъ созданіе новаго сложнаго типа университета съ техническими факультетами, то соблюсти два слѣдующихъ условія, именно:

а) во-первыхъ, декретъ Временнаго Правительства редактировать такъ, чтобы не оставалось мѣста для сомнѣнія въ томъ, что въ учреждаемомъ сложномъ университетѣ новаго типа университетскіе факультеты являются базой, на которой строятся техническіе факультеты, что университетъ — основа всего комплекса;

б) во-вторыхъ, обезпечить самой организаціей автономность преслѣдующихъ одинаково научными путями, но различныя съ одной стороны теоретическія, съ другой техническія и прикладного значенія задачи факультетовъ, чтобы максимальное использованіе нашихъ количественно и матеріально сейчасъ слабыхъ силъ шло въ прокъ обѣимъ сторонамъ въ одинаковой степени.

1917.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Монгольскіе рукописи и ксилографы,

поступившіе въ Азіатскій Музей Россійской Академіи Наукъ отъ проф. А. Д. Руднева.

Б. Я. Владимірцова.

(Представлено академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи $\frac{10 \text{ апрѣля}}{28 \text{ марта}}$ 1918 года).

Среди коллекцій монгольскихъ рукописей и ксилографовъ, поступившихъ въ Азіатскій Музей Россійской Академіи Наукъ за послѣднее время и значительно обогатившихъ его старыя собранія, коллекція проф. А. Д. Руднева[1] обращаетъ на себя вниманіе во многихъ отношеніяхъ.

Такъ какъ собиралась она въ разныхъ мѣстахъ монгольскаго міра, въ Халхѣ, въ Восточной Монголіи, въ Забайкальѣ, въ калмыцкой степи, и въ разное время, такъ сказать, случайно, то она не является характерной, показательной для монгольской письменности какой-либо опредѣленной мѣстности, или періода. Научное значеніе коллекціи А. Д. Руднева заключается въ отдѣльныхъ рукописяхъ и ксилографахъ. Нужно только сдѣлать оговорку относительно собранія бурятскихъ ксилографовъ, которыхъ въ разсматриваемой коллекціи настолько много и подобраны они такъ, что по нимъ можно, до извѣстной степени, судить объ издательской дѣятельности бурятскихъ буддійскихъ монастырей вообще, о кругѣ ихъ интересовъ въ области монгольской литературы[2].

---

[1] См. ИРАН, 1917. 951—952.

[2] Какъ извѣстно, бурятскіе буддійскіе монастыри (дацаны) усердно занимались и занимаются изданіемъ (ксилографическимъ способомъ) тибетскихъ и монгольскихъ сочиненій. Къ сожалѣнію, ни Азіатскій Музей, ни библіотека Петроградскаго Университета не располагаютъ полнымъ собраніемъ этихъ изданій. Коллекція А. Д. Руднева только отчасти восполняетъ этотъ пробѣлъ. Покойный директоръ Азіатскаго Музея акад. К. Г. Залеманъ заботился о томъ, чтобы коллекціи Азіатскаго Музея были пополнены въ этомъ отношеніи; по его порученію лекторъ Петроградскаго Университета Б. Б. Барадійнъ собралъ и доставилъ въ Музей собраніе бурятскихъ ксилографовъ Агинскаго дацана; дальнѣйшему осуществленію плана акад. К. Г. Залемана помѣшали тяжелыя условія русской жизни.

Рукописи коллекціи А. Д. Руднева — самыя разнообразныя. На ряду съ рукописями, неимѣющими большого научнаго значенія въ родѣ новыхъ списковъ календарей или современныхъ списковъ общеизвѣстныхъ поученій, имѣется рядъ рукописей чрезвычайно интересныхъ или по содержанію ихъ текста, или съ точки зрѣнія языка, исторіи монгольской письменности.

Изъ рукописей разсматриваемой коллекціи самой любопытной съ точки зрѣнія языка является MS. № 119, содержащій сказаніе о Молонтоjін'ѣ — Maudgalyāyana. Монгольская палеографія находится въ зачаточномъ состояніи и потому монголисты часто совершенно не въ состояніи опредѣлить время написанія той или другой рукописи. Такъ дѣло обстоитъ и въ данномъ случаѣ: къ какому времени относится MS. № 119, точно опредѣлить трудно. Во всякомъ случаѣ можно утверждать, что это одинъ изъ древнѣйшихъ монгольскихъ списковъ, какими только располагаютъ наши главныя хранилища монгольскихъ рукописей: Азіатскій Музей и библіотека Петроградскаго Университета. Какъ извѣстно, монголы, позаимствовавъ отъ уйгуровъ ихъ письмо, довольно долго пользовались имъ, не внося почти никакихъ измѣненій, вырабатывая лишь иногда особые виды почерковъ. И только значительно позднѣе, въ XVI и XVII вѣкахъ, начало вырабатываться «*настоящее*» монгольское письмо, которое затѣмъ было окончательно установлено въ Пекинскихъ и южно-монгольскихъ ксилографическихъ изданіяхъ. MS. № 119 является рѣдкимъ и прекраснымъ представителемъ монгольской письменности того періода, когда монгольское письмо еще не отличалось отъ уйгурскаго въ общемъ, но успѣло уже выработать особый характеръ почерка, выдѣляющій его изъ ряда памятниковъ, писанныхъ еще вполнѣ по уйгурски. На основаніи этого можно прійти къ заключенію, что настоящая рукопись относится къ концу XVI или къ началу XVII вѣка. Такъ, въ разсматриваемомъ MS. передъ і въ словахъ «задняго» ряда совершенно послѣдовательно являются k, ҕ (…), ч и ц въ серединѣ словъ не различаются, почти отсутствуютъ діакретическія точки, наблюдаются и другія особенности, характеризующія уйгурское письмо, отличающееся отъ позднѣйшаго «*настоящаго*» монгольскаго. Напр.: … (I, f. 12), … (I, f. 2), … (I, f. 3), … (I, f. 9), … (II, f. 6v, passim), … (II, f. 9), … (IV, f. 4).

Что же касается языка монгольскаго текста MS. № 119, то, съ точки зрѣнія морфологіи и лексики, его надо отнести къ еще болѣе древней эпохѣ, къ началу XIV в. Постоянно, напр., встрѣчаются такія характерныя формы:

-р-ун въ значеніи Genetiv. отъ причастія на -р, напр.: [Mongolian script] (I, f. 11); [Mongolian script] — окончанія падежей, напр.: [Mongolian script] (II, f. 5), [Mongolian script] (II, f. 7, passim), [Mongolian script] [sic] (III, f. 5v); — лаҕа (-lere) — окончаніе perfecti, напр.: [Mongolian script] (I, f. 2, passim); i = іну классич. монг.-письм., напр.: [Mongolian script] (I, f. 2); [Mongolian script] вроемъ (I, f. 4); etc.

Среди лексическихъ особенностей можно отмѣтить слѣдующіе особенно любопытные примѣры: [Mongolian script][1] ([Mongolian script] I, f. 5v); [Mongolian script] худшій, низкій ([Mongolian script] II, f. 7v); [Mongolian script] въ значеніи «мостъ» ([Mongolian script] I, f. 7); [Mongolian script] сѣверъ (II, f. 2, passim).

Интересно отмѣтить слѣдующія ороографическія особенности:

[Mongolian script] день (passim), [Mongolian script] вздохъ (I, f. 13), [Mongolian script] мы всѣ (I, f. 8), [Mongolian script] выпивши (I, f. 7v), [Mongolian script] хрусталь (II, f. 3); [Mongolian script] слухъ, вѣсть (I, f. 14), [Mongolian script] восьмой (I, f. 12v), [Mongolian script] третій (I, f. 14).

Любопытенъ также MS. № 60, содержащій сборникъ отрывковъ разныхъ дидактическихъ произведеній. Интересенъ въ немъ, собственно говоря, только первый трактатъ — выдержки изъ Subhāṣitaratnanidhi, потому что представляетъ намъ отрывокъ знаменитаго сочиненія Сакья-Пандиты въ редакціи древняго перевода, извѣстнаго намъ по одной старой рукописи библіотеки Петроградскаго Университета[2]. MS. А. Д. Руднева, очевидно, бурятскаго происхожденія свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ распространеніи этого стараго перевода, который по языку мы можемъ отнести къ началу XIV в.

Колофонъ MS. № 56 говоритъ, что текстъ, заключающійся въ немъ, былъ переведенъ съ тибетскаго языка на монгольскій bhikṣu [Mongolian script] по указанію Дајан-kаҕан'а. Врядъ-ли этотъ колофонъ имѣетъ въ виду извѣстнаго монгольскаго Даянъ-хана. Время этого государя было «тем-

---

[1] Ср. В. Л. Котвичъ. «Монгольскія надписи въ Эрдэни-дзу». «Сборникъ Музея Антропологіи и Этнографіи при Россійской Академіи Наукъ», т. V, стр. 211.

[2] Q. 351 рукописнаго каталога библіотеки Петроград. Унив., ср. А. М. Позднѣевъ. «Новооткрытый памятникъ монгольской письменности временъ династіи Минъ». «Восточныя замѣтки». СПБ. 1895 г., стр. 368—369. Отрывокъ изъ Subhāṣita, аналогичный MS. А. Д. Руднева, извѣстенъ намъ еще по одной рукописи, пріобрѣтенной J. Jaehrig'омъ въ 1782 г. (MS. Азіатскаго Музея, I, 39).

нымъ» періодомъ монгольской литературной исторіи, не оставившимъ намъ почти никакихъ слѣдовъ. По всей вѣроятности Дајан-kaʙан нашего колофона — хошутскій Даянъ-ханъ[1].

Изслѣдователи странствующихъ сюжетовъ найдутъ въ коллекціи А. Д. Руднева довольно большой матеріалъ, притомъ совершенно новый, малоизвѣстный еще наукѣ. Разсматриваемое собраніе содержитъ нѣсколько рукописей, заключающихъ рядъ сказаній цикла царя Vikramāditya и rāja Bhoja, которыхъ не знали прежніе изслѣдователи, занимавшіеся этимъ вопросомъ въ монгольской литературѣ: лама Галсанъ-Гамбаевъ, проф. B. Jülg и акад. А. Шифнеръ. Такъ, MS. № 231 и MS. № 241 содержатъ *textus amplior* сказанія объ Арџі-Бурџі (rāja Bhoja) двухъ разныхъ редакцій, но всё-же не дающаго полнаго текста, котораго, какъ извѣстно, не удается найти среди монголовъ. MS. № 9 и MS. № 250 содержатъ *textus simplicior* одной версіи сказанія о Vikramāditya, извѣстнаго въ Монголіи подъ названіемъ [illegible][2]. Этотъ *textus simplicior*, одинаковый въ обѣихъ рукописяхъ А. Д. Руднева, является, несомнѣнно, оригинальной монгольской обработкой полной версіи вышеупомянутаго сказанія; онъ породилъ много народныхъ пересказовъ, которые, хотя и были обработаны искусными народными сказителями, получили иногда стихотворную форму, тѣмъ не менѣе сохранили близкую связь со своимъ книжнымъ прототипомъ[3].

Изъ другихъ рукописей настоящей коллекціи заслуживаютъ нѣкотораго вниманія: № 5, содержащій одну главу сказанія о Гесеръ-ханѣ, неизвѣстную изданію акад. Я. И. Шмидта; № 80, дающій текстъ (на тибет. и монг. языкахъ) грамматики (фонетики) санскритскаго языка, — любопытное свидѣтельство того, что кое-гдѣ въ Монголіи продолжали интересоваться «священнымъ» языкомъ Индіи; затѣмъ №№ 15, 219, 220, 223, 224, какъ дающіе извѣстный матеріалъ для новой исторіи монголовъ.

Ксилографы собранія А. Д. Руднева распадаются на три группы: пекинскіе, бурятскіе и неизвѣстнаго происхожденія. Пекинскіе ксилографы настоящей коллекціи никакого интереса не представляютъ, останавливаютъ на себѣ вниманіе развѣ только 3 ксилографа Американско-Норвежской миссіи, да и то только потому, что раньше Музей не располагалъ подобными изданіями.

---

[1] Объ этомъ князѣ см. M. Courant. L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siècles. Lyon—Paris, 1912, p. 25, 69.

[2] См. B. Laufer. Skizze der mongolischen Literatur. Keleti Szemle, VIII, p. 198.

[3] См. Musei Asiatici Petropolitani notitiae, VII, стр. 062.

Что касается ксилографовъ неизвѣстнаго происхожденія, то въ первую очередь надо отмѣтить Xyl. № 104. Какъ со стороны графики, такъ и со стороны ороографіи и языка заключающагося въ немъ текста перевода ārya Mañjuçrī nāma samgīti, Xyl. этотъ вызываетъ живѣйшій интересъ, представляя намъ такія древнія формы: [illegible] (f. 2v)[1], [illegible] [illegible] (f. 4), [illegible] (f. 19v) — въ значеніи «дикій звѣрь»[2], [illegible] (f. 25v) — въ значеніи «барабанъ»[3], [illegible] (passim), [illegible] (passim).

Бурятскіе ксилографы, какъ объ этомъ было уже упомянуто выше, представлены въ коллекціи А. Д. Руднева значительнымъ количествомъ экземпляровъ; большинство изъ нихъ выпущены Агинскимъ дацаномъ Забайкальской области. Бурятская ксилографія возникла, несомнѣнно, подъ вліяніемъ пекинской и южно-монгольской. Такъ, буряты переиздали рядъ сочиненій на монгольскомъ языкѣ, уже изданныхъ въ Пекинѣ, точно слѣдуя своимъ южнымъ образцамъ, напр. сохраняя начертаніе [illegible] (вм. [illegible]); бурятами былъ только измѣненъ форматъ ксилографовъ и въ качествѣ матеріала стали употреблять русскую бумагу и краски. Выпуская ксилографическимъ образомъ и свои произведенія, т. е. монгольскія сочиненія, составленныя, скомпилированныя и переведенныя бурятами, они продолжали пекинскую традицію въ отношеніи ороографіи, языка издаваемыхъ текстовъ и только, болѣе или менѣе, послѣдовательно стали разставлять діакритическія точки по особой системѣ[4]. Спорадически, всё-таки, можно отмѣчать случайно прорывающіеся бурятизмы.

Что касается содержанія текста бурятскихъ ксилографовъ коллекціи А. Д. Руднева, то можно сказать, что оно однородно; эта литература «буддизма для мірянъ», буддійская литература, которую считали необходимымъ распространять среди мірянъ представители буддійской samgha — ламы. Всякій, кто займется изученіемъ буддизма у монголовъ, народнымъ, популярнымъ буддизмомъ, найдетъ въ настоящей коллекціи интересный и важный для рѣшенія разныхъ вопросовъ матеріалъ. Изслѣдователь найдетъ здѣсь переводы и переложенія «Житій» буддійскихъ святителей, сборники легендъ, гномическія произведенія, съ интересомъ отмѣтитъ переводъ знаменитаго творенья Çāntideva, — Bodhicaryāvatāra. Встрѣтитъ онъ также много со-

---

[1] Ср. A. von Schiefner. Ein kleiner Beitrag zur mongolischen Paleographie. MA. II, 487.

[2] Ср. К. Ѳ. Голстунскій. Монголо-Ойратскіе законы. Стр. 15.

[3] Ср. П. М. Меліоранскій. Арабъ-филологъ о монгольскомъ языкѣ. Стр. 162.

[4] Ср. А. Д. Рудневъ. Говоры Вост. Монголіи. Стр. 178.

чиненій дидактическаго характера, авторами которыхъ называются буряты-монахи и при болѣе детальномъ разсмотрѣніи убѣдится, что ихъ скорѣе можно называть компиляторами, чѣмъ авторами.

Въ виду отсутствія описаній монгольскихъ рукописей, я имѣлъ возможность ссылаться въ извѣстныхъ случаяхъ только на статью B. Laufer'a «Skizze der mongolischen Literatur», Keleti Szemle, VIII, 1907, p. 165—261 (ниже sub: Laufer) и на Musei Asiatici Petropolitani notitiae, VII, curante C. Salemann[1]. Ссылаясь на то или другое сочиненіе изъ Ганджура, я пользовался «Analyse du Kandjour.... par M. Léon Feer» (ниже sub: Feer), потому что по условіямъ военнаго времени новый каталогъ Ганджура, составленный H. Beckh'омъ[2], остался для меня недоступнымъ.

Что касается системы описи, то я расположилъ рукописи и ксилографы коллекціи А. Д. Руднева, разбивъ ихъ, по практическимъ соображеніямъ, на категоріи по содержанію заключающагося въ нихъ текста. Распредѣленіе это, конечно, удалось сдѣлать, такъ сказать, grosso modo. Мною сохранена нумерація экземпляровъ коллекціи, данная А. Д. Рудневымъ[3].

Religio Buddhica[4].

112. [illegible] (Aparāmita āyur jñāna nāma mahāyāna sūtra. Feer. 329—330). Xyl. $24 \times 7\frac{1}{2}$, 32+1 f.

108. །བཅོམ་ལྡན་འདས་མ་ཤེས་རབ་ཀྱི་པ་རོལ་ཏུ་ཕྱིན་པའི་སྙིང་པོ། [illegible] (Bhagavatī prajnā pāramitā hṛdaya. Feer. 202). Tibet.-Mong. Xyl. 24×9, 13 f.

---

[1] Изданный въ 1843 г. «Каталогъ книгамъ, рукописямъ и картамъ, на китайскомъ, маньчжурскомъ, монгольскомъ, тибетскомъ и санскритскомъ языкѣ, находящимся въ библ. Азіатскаго Департамента» можно считать неудовлетворительнымъ.

[2] Ср. Paul Pelliot. Note à propos d'un catalogue du Kandjour. J. A. 11-me s., t. IV, p. 111—150.

[3] Нужно замѣтить, что нумерація эта иногда прерывается, потому что не всѣ рукописи А. Д. Руднева поступили въ Азіатскій Музей. Всего поступило отъ А. Д. Руднева 145 №№.

[4] Всѣ монгольскія и другія названія, а также выписки изъ текстовъ даются съ точнымъ соблюденіемъ ороографіи, хотя бы и очень ошибочной, подлинниковъ. A = auctor, T = traductor; цифры показываютъ размѣръ MS. и Xyl. въ сантиметрахъ. При монгольскихъ названіяхъ указываются иногда, для поясненія, эквивалентныя санскритскія или тибетскія, отсутствующія въ текстѣ, — онѣ заключены въ скобки.

61. Id. Sanskr.-Tibet.-Sin.-Mong.-Mandj. Xyl. 37 × 11, 21 f.

104. [Mongolian script] (Ārya Mañjuçrī nāma saṃgīti). T.: [Mongolian script] Xyl. 26 × 10, 47 + 1 f.

102. [Mongolian script] (Vajracchedikā. Feer. 201). MS. 32 × 12, 55 + 2 f.

14. [Mongolian script] (Bodhicaryāvatāra). Xyl. Buriyat. 45 × 9, 143 f. (Новый бурятскій переводъ, 19-го в.; о старомъ монг. переводѣ, сдѣланномъ Чос-ску од-зер'омъ, v. Laufer. 217).

105. [Mongolian script] sive: [Mongolian script] Xyl. 27 × 10, 25 f.

119. [Mongolian script] 4 гл.: 1-я, 2-я, 3-я, 5-я. Df. (f. 1 deest, s. f.). MS. 39 × 14, 14 f. + 13 f. + 12 f. + 11 f. [1]

78. [Mongolian script] A.: Даг-по лха-џе (1079—1153 г.)[2]. Xyl. Buriyat. 45 × 9, 33 f.

79. Id. Df.: s. f., terminatur: [Mongolian script] ...... MS. $42\frac{1}{2}$ × 11, 32 f.

114. [Mongolian script] MS. 17 × $9\frac{1}{2}$, 1 чжэ, 3 f.

66. [Mongolian script] | བྱང་ཆུབ་ལམ་གྱི་རིམ་པ་ལ་བློ་སྦྱོང་བ་ལ་ཐོག་མར་བློ་སྦྱོང་བ་ཆོས་ཀྱི་སྒོ་འབྱེད་ཅེས་བྱ་བ |. A.: Спјан-сңа-ба бло-грос ргјал-мџан. Xyl. Buriyat. 45 × 9, 106 f.

77. [Mongolian script] A. заключительныхъ «благопожеланій»: шірегетў Рінчен. Xyl. Ацагатскаго-Чулутуевскаго дацана. 45 × 9, 110 f.

---

[1] Впослѣдствіи, въ 1708 г., текстъ, представляемый настоящимъ MS., былъ подновленъ и изданъ ксилографическимъ образомъ въ Пекинѣ, см. Xyl. Азіат. М. подъ сигнатурой: Б. А. Д. № 1030.

[2] Ученикъ знаменитаго Миларайбы, см. Б. Барадійнъ. Изъ легендъ Тибета. Живая Старина, 1912 г., стр. 410—441. См. также: B. Laufer. Skizze d. mong. Liter., p. 220—221.

115. [illegible] MS. 16½ × 9½, 1 чжэ, 2 f.

58. [illegible] 2-й т. Xyl. 61 × 12½, 67 f.

107. [illegible] (Stotra). MS. 30½ × 6½, 8 f.

111. [illegible] (Stotra). MS. 21½ × 8½, 7 f.

88. [illegible] MS. 36 × 11, 5 f.

Gnomica, Didactica.

48. [illegible] (Subhāṣitaratnanidhi). A.: Сакья-Пандита. T.: Ратна (Номтоевъ). Xyl. Buriyat. 51 × 10, 61 f.

47. [illegible] (Subhāṣitaratnanidhi). A.: Сакья-Пандита. T.: Ратна (Номтоевъ)[1]. Xyl. Buriyat. 45 × 9, 60 f.

89. [illegible] (Въ стихахъ). MS. 35½ × 9½, 23 f.

60. Сборникъ:

I. [illegible] (v. №№ 47, 48).

II. [illegible]

III. [illegible]

IV. [illegible]

V. [illegible] MS. 33 × 11, 17 f.

57. [illegible] A.: Шес-раб рДо-рџе. T.: рДо-рџе. Xyl. Buriyat. 54 × 10, 332 f.

[1] Эти оба перевода Subhāṣita — въ стихахъ, редакціи ихъ совершенно различны.

55. [illegible] (v. Laufer. 236). T.: [illegible] MS. 34½ × 11, 7 f.

235. [illegible] Df. (s. f.) MS. 25 × 28, 1 бэнь-цзы.

59. [illegible] (v. Laufer. 235—236). MS. 36 × 11½, 13+2 f.

56. [illegible] T.: [illegible] (по иниціативѣ Дајан каҕан'а). MS. 34½ × 11, 31 f.

63. [illegible] T.: [illegible] Xyl. Buriyat. 44 × 9, 4 f.

67. [illegible] A.: [illegible] MS. 46 × 9, 9 f.

71. [illegible] A.: Су-ма-ті кīр-ті шрī (въ Лхасѣ). Xyl. 44 × 9, 8 f.

72. [illegible] A.: Ратна (Ринчинъ Номтоевъ). Xyl. Buriyat. 45 × 9, 35 f.

74. [illegible] T.: [illegible] Xyl. Buriyat. 45 × 9, 16 f.

87. [illegible] MS. 35 × 11, 17 f.

216. [illegible] MS. 14 × 26, 16+6 f.

113. [illegible] MS. 18 × 11, 1 чжэ, 12 f.

114. [illegible] A.: bhikṣu дКон-мчог бстан-паḥі сгрон-ме. Xyl. Buriyat. 23 × 7, 15 f.

10. [illegible] MS. 14 × 24, 11 f.

217. Id. [illegible] MS. 13 × 25, 16+1 f.

218. [illegible] MS. 13 × 25, 7 f.

225. S. t. Incipit: [illegible] MS. 9 × 24½, 2 чжэ.

229. S. t. Incipit: [illegible] MS. 13½ × 26, 1 бэнь-цзы.

232. S. t. Incipit: [illegible] MS. 26½ × 26½, 16 f.

230. S. t. Incipit: [illegible] MS. 14 × 26, 1 бэнь-цзы.

227. [illegible] (v. № 113). MS. 11 × 24, 17+1 f.

226. [illegible] MS. 12 × 25, 1 чжэ.

236. [illegible] MS. 18 × 22½, 26+2 f.

238. S. t. Incipit: [illegible] .... [illegible] MS. 18½ × 22½, 7+5 f.

221. Сборникъ:

I. S. t. Incipit: [illegible]

[Mongolian script] ⁘

II. [Mongolian script] ⁘ MS. 12 × 24½, 47 f.

17. [Mongolian script] ⁘ A.: [Mongolian script] (Доржи Данжиновъ). Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 17 f.

18. [Mongolian script] ⁘ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 10 f.

19. [Mongolian script] ⁘ A.: [Mongolian script] (Доржи Данжиновъ). Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 4 f.

20. [Mongolian script] ⁘ A.: [Mongolian script] (Доржи Данжиновъ). Xyl. Buriyat. 45 × 9, 5 f.

21. [Mongolian script] ⁘ A.: [Mongolian script] (Доржи Данжиновъ). Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 20 f.

21a. [Mongolian script] ⁘ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 29 f.

22. [Mongolian script] ⁘ A.: [Mongolian script] (Доржи Данжиновъ). Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 6 f.

23. [Mongolian script] ⁘ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 9 f.

24. [Mongolian script] ⁘ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 3 f.

25. [Mongolian script] ⁘ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 11 f.

26. [Mongolian script]

[Mongolian text] ∵ A.: [Mongolian text] (Доржи Данжиновъ). Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 8 f.

27. [Mongolian text] ∵ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 17 f.

28. [Mongolian text] ∵ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 9 f.

29. [Mongolian text] ∵ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 13 f.

30. [Mongolian text] ∵ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 20 f.

31. [Mongolian text] ∵ Xyl. Buriyat. 45 × 9, 16.

32. [Mongolian text] ∵ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 6 f.

33. [Mongolian text] ∵ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 2 f.

34. [Mongolian text] ∵ Xyl. Buriyat. 45 × 9, 16 f.

35. [Mongolian text] ∵ T.: [Mongolian text] Xyl. Buriyat. 45 × 9, 10 f.

36. [Mongolian text] ∵ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 77 f.

37. [Mongolian text] ∵ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 22 f.

38. [illegible] ∵ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 3 f.

39. [illegible] ∵ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 4 f.

40. [illegible] ∵ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 29 f.

41. [illegible] ∵ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 3 f.

42. [illegible] ∵ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 26 f.

43. [illegible] ∵ Xyl. Buriyat. 45 × 9, 5 f.

44. [illegible] ∵ A.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 8 f.

45. [illegible] ∵ T.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 9 f.

46. [illegible] ∵ T.: Доржи Данжиновъ. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 2 f.

Religio Christiana.

202. [illegible] ∵ (Изд. Американско-Норвежск. миссіи, № 11726). 63 p.

203. [illegible] ∵ (Изд. Американско-Норвежск. миссіи, № 486). 41 p.

204. [illegible] (Изд. Американско-Норвежск. миссіи, № 855). 28 p.

205. [illegible] (Xyl. Американско-Норвежск. миссіи). 14 × 20, 12 f.

206. [illegible] (Xyl. Американско-Норвежск. миссіи). 14 × 20, 7 f.

Narationes.

231. [illegible] Сказаніе объ Арџі̆ Буудџі (rāja Bhoja, v. Laufer. 228—229). Textus amplior. MS. 26 × 26, 3 бэнь-цзы, 47 f.+104 f.+69 f.

241. [illegible] Сказаніе о rāja Bhoja (v. supra). Textus amplior (иной, чѣмъ № 231 редакціи). MS. F⁰, 73+5 f.

242. [illegible] Сказаніе о rāja Bhoja (v. supra). Textus brevior. MS. F⁰, 18 f.

250. S. t. Сказаніе о Бігармиџід'ѣ-Vikramāditya (v. Laufer. 228—229). Textus simplicior. MS. 18 × 23, 23 f.

9. [illegible] (v. supra, № 250). Textus simplicior. Df. s. f., terminatur: [illegible] MS. 13½ × 25, 9 f.

16. [illegible] Сказаніе о Гасана (Гесне)-ханѣ (v. Laufer. 228—229). T.: Bāha Пан̣ді̇та аӡар (Mahā Paṇḍita ācārya) [?], ученикъ Tāranātha. MS. 45 × 9, 242+3 f.

5. [illegible] 8-я гл. Гесеріады (v. Laufer. 238—241). MS. (пріобрѣтенъ студентомъ Ринчино въ Баргузинѣ Забайкальской обл. въ 1911 г.) 45 × 18, 26 f., 17 l.

237. [illegible] MS. 18 × 22½, 19 + 1 f.

117. Сборникъ:

I. [illegible] (f. 1 — f. 22).

II. [illegible] (f. 22 — f. 24). Первый разсказъ изъ сборника Сiддhi-кӯр (v. Laufer. 227—228). MS. 45 × 18, 24 f.

75. [illegible] T.: [illegible] изъ поколѣнія [illegible] Xyl. 54 × 11½, 166 f.

48a. [illegible] T.: [illegible] (Номтоевъ?). Xyl. Buriyat. 51 × 10, 1 гл. — 53 f., 2 гл. — 18 f., 3 гл. — 14 f., 4 гл. — 18 f., 5 гл. — 24 f., 6 гл. — 26 f., 7 гл. — 18 f., 8 гл. — 28 f., 9 гл. — 61 f.

214. [illegible] A.: [illegible] (~) [[illegible] (~)]. MS. 14 × 27, 5 бэнь-цзы, 1 гл. — 56 f., 2–3 гл. — 14 f., 4–5–6 гл. — 29 f., 7–8 гл. — 16 f., 9 гл. — 39 f.

76. [illegible] Переводъ сочиненія Банчэна Puṇyakīrti съ комментаріями bhikṣu Цугольскаго дацана Örlire. Xyl. Buriyat. 45 × 9, 1 гл. — 23 f., 2 гл. — 21 f., 3 гл. — 19 f., 4 гл. — 23 f., 5 гл. — 20 f., 6 гл. — 21 f., 7 гл. — 22 f., 8 гл. — 16 f.

50. [illegible][1] A.: Ratna jñāna (Рiн-чен je-шес) и Çrī jñāna (дПал-лдан je-шес). Xyl. 44½ × 11½, 151 f.

52. [illegible][1] A.: Ratna jñāna (Рiн-чен je-шес) и

---

[1] v. Laufer. 224—225; B. Laufer'омъ неточно указывается монгольская хрестоматія А. М. Позднѣева, гдѣ будто бы помѣщенъ отрывокъ этого сочиненія; на самомъ дѣлѣ тамъ находится отрывокъ произведенія По-то-ба.

Çrī jñāna (дПал-лдан je-шес). T.: Bhy су ку су дhi ратна. Xyl. Ацагатскаго-Чулутуевскаго дацана. 45 × 9, 331 f.

53. [illegible] ⁘ ([illegible] v. Laufer. 225). Xyl. Buriyat. 45 × 9. I гл. — 29 f., II гл. — 29 f., III гл. — 27 f., IV гл. — 28 f., V гл. — 136 f., VI гл. — 132 f., VII гл. — 48 f., VIII гл. — 30 f., IX гл. — 28 f., X гл. — 19 f., XI гл. — 13 f., XII гл. — 15 f., XIII гл. — 10 f., XIV гл. — 10 f., XV гл. — 12 f., XVI гл. — 11 f., XVII гл. — 18 f., XVIII гл. — 20 f., XIX гл. — 60 f., XX гл. — 12 f., XXI гл. — 121 f., XXII гл. — 20 f.

51. [illegible] ⁘ (Damamūka, v. Laufer. 223—224). Xyl. Buriyat. 45 × 9, 488 f.

4. [illegible] ⁘ («Повѣсть о Ли-мунъ сянь-шэнѣ». v. А. Д. Рудневъ. Повѣсть о томъ, какъ Ли-мунъ сянь-шэнъ удалился отъ міра. Казань, 1906. Перевелъ съ монгольскаго языка д. чл. И. Р. Г. О. —). MS. 12 × 22½, 13+1 f.

233. Сборникъ:

I. [illegible] ⁘ 1 f. — 8 f. (v. supra).

II. [illegible] ⁘ (Текстъ на монг. яз.). 8 f. — 12 f.

III. [illegible] ⁘ 13 f. — 15 f. MS. 26 × 25, 15 f.

11. [illegible] ⁘ (Отрывки переведеннаго китайскаго романа, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Ḉīдāӊ хўшаӊ); гл. I, XII, XIII. MS. 4 бэнь-цзы.

Grammatica.

3. [illegible] ⁘ (v. Laufer. 214). Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 26 f.

3a. Id. (v. supra). MS. 35 × 11, 20 f.

2. [illegible] (v. supra). Xyl. 47½ × 11, 17 f.

1v. [illegible] Xyl. Агинскаго дацана. 43 × 9, 10 f.

6. Id.

7. [illegible] Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 5 f.

8. [illegible] Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9, 2 f. 1 dbl.

80. |སྒྲགས་སྐྲིག|ཐབས་བཙུགས| Краткая грамматика (фонетика) санскритскаго яз. Tibet.-Mong. MS. 37 × 12, 12 f.

254. [illegible] (Монголо-китайско-манджурскій словарь). 5—12 бэнь-цзы. MS. 26 × 42, 8 бэнь-цзы.

Historica.

15. (Инв. 1903 г. № 1933). S. t. Родословная монгольскихъ князей Халхи отъ Чингисъ-хана до нашихъ дней (Списокъ и фотографія MS., находящагося въ Сеценъ-хановскомъ аймакѣ).

106. [illegible] (Указатель къ «Исторіи» Ерденi-jiн-ерiке, v. А. М. Позднѣевъ. Монгольская лѣтопись «Эрдэнiйнъ-эрикэ». Подлинный текстъ съ переводомъ и объясненіями. СПБ. 1883). MS. 23 × 10, 3 f.

122. [illegible] A.: ширѣтуй Агинскаго дацана мК'ас-груб. и габджу дКон-мч̌ог грагс-па. Xyl. Агинскаго дацана. 45 × 9; I гл. — 28 f., II гл. — 27 f., III гл. — 44 f., IV гл. — 56 f., V гл. — 137 f., VI гл. — 123 f., VII гл. — 75 f., VIII гл. — 71 f., IX гл. — 70 f.

68. [illegible] T.: bhikṣu Цугольскаго дацана [illegible] Xyl. Цугольскаго дацана. 45 × 9, I гл. — 43 f., II гл. — 21 f., III гл. — 35 f., IV гл. — 30 f., V гл. — 34 f., VI гл. — 32 f.

49. [illegible]

[Mongolian script] ∴ T.: [Mongolian script] ‥ по инициативѣ [Mongolian script] и ея сына [Mongolian script] ‥ Xyl. Егетуевскаго дацана. 55 × 9, 234 f.

62. [Mongolian script] ∴ MS. 35 × 11, 6 f.

118. [Mongolian script] ∴ (cf. supra). MS. 45 × 18, 7 f.

69. [Mongolian script] ∴ T.: Тарбаевъ ~ Зарбаевъ. Xyl. Buriyat. 45 × 9, 191 f.

82. [Mongolian script] ∴ (Ojrat.). (v. Laufer. 213—214). Df. s. f. MS. 52 × 11, 73 f.

220. [Mongolian script] ∴ Incipit: [Mongolian script] ‥ [Mongolian script] ∴ MS. 13 × 25, 20+1 f.

219. [Mongolian script] ∴ Incipit: [Mongolian script] ‥ [Mongolian script] ∴ MS. 13 × 24, 5+1 f.

223. [Mongolian script] ∴ MS. 10 × 20, 8 f.

224. S. t. Перечень монг. сеймовъ и хошуновъ. 16 бэнь-цзы:

I — [Mongolian script] ‥ II — [Mongolian script] ‥ III — [Mongolian script] ‥ IV — [Mongolian script] ‥ V — [Mongolian script] ‥ VI — [Mongolian script] ‥ VII — [Mongolian script] ‥ VIII — [Mongolian script] ‥ IX — [Mongolian script] ‥ X — [Mongolian script] ‥ XI — [Mongolian script] ‥ XII — [Mongolian script] ‥ XIII — [Mongolian script] ‥ XIV — [Mongolian script] ‥ XV — [Mongolian script] ‥ XVI — [Mongolian script] ∴ MS. 11 × 22½.

54. [Mongolian script] ∴ (Исторія ступы བྱ་རུང་ཁ་ཤོར). T.: [Mongolian script] ‥ MS. 34½ × 11, 27 f.

82. [Mongolian script] ∴ (v. Laufer. 218). Df.: s. f. Ojrat. MS. 45 × 10, 24 f.

Documenta.

228. [illegible] (Циркуляры Цаццін-ваң'а). MS. 14×26, 1 бэнь-цзы.

234. S. t. Запись приношеній Ургинскому хутухтѣ. MS., 26×26, 1 бэнь-цзы.

1. S. t. 1 пачка оффиціальныхъ бумагъ: MS. 2 тетради, 3 чжэ, 2 ff.

120. S. t. Запись повинностей по шабинскому вѣдомству. MS. 27×53, 61 f. 1 бэнь-цзы.

Varia.

96. [illegible] A.: Данжа Ирдыніевъ изъ Янгажинскаго дацана. MS. $36 \times 11\frac{1}{2}$, 2+1 f.

95. Сборникъ:

I. Пѣснь по случаю проѣзда наслѣдника по бурятскимъ степямъ.

II. Пѣснь о войнахъ. A.: Цорджи Агинскаго дацана и Чиметъ-Доржи Ламхановъ. MS. $36 \times 11\frac{1}{2}$, 9 f.

85. [illegible] MS. 44×9, 2 f.

86. [illegible] MS. 44×9, 2 f.

84. [illegible] MS. 44×9, 2 f.

70. [illegible] MS. $34\frac{1}{2} \times 10\frac{1}{2}$, 6 f.

84a. [illegible] MS. 44×9, 2 f.

215. [illegible] T. (съ китайскаго): [illegible] Алашанскаго Цинь-вана. Пекинскій Xyl. $14\frac{1}{2} \times 26$, 59 f.

81. [illegible] ∵ MS. 36 × 11½, 5 f.

12. [illegible] ∵ MS. 45 × 9, 2 f.

13. S. t. Календарь, составленный въ Гусино-озерскомъ дацанѣ. MS. F⁰, 1 f.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Османскія рукописи, поступившія въ Азіатскій Музей Россійской Академіи Наукъ съ Кавказскаго фронта.

П. А. Фалева.

(Представлено академикомъ **В. В. Бартольдомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 29 ноября 1917 года).

Свѣдѣнія о происхожденіи и составѣ Ванской коллекціи сообщены въ статьѣ И. Ю. Крачковскаго «Арабскія рукописи, поступившія въ Азіатскій Музей Академіи Наукъ съ Кавказскаго фронта»[1]. Задачи, средства и условія работы при составленіи настоящей краткой описи почти тѣ же, что и у И. Ю. Крачковскаго, слѣдовательно и планъ описи остался, въ общемъ, тотъ же. Необходимо указать лишь на одно различіе: всѣ шархи и хашіи я не относилъ къ основному сочиненію, а указывалъ ихъ особо, потому что, обыкновенно, османскіе писатели комментировали арабскихъ или персидскихъ авторовъ и при принятой И. Ю. Крачковскимъ системѣ мнѣ пришлось бы въ описи османскихъ рукописей указывать арабскія и персидскія сочиненія. При описи я производилъ сравненіе Ванской коллекціи съ собраніями османскихъ рукописей въ западно-европейскихъ библіотекахъ, при чемъ относительно полноты этого сравненія приходится повторить всѣ тѣ оговорки, которыя встрѣчаются въ описи арабскихъ рукописей съ Кавказскаго фронта. Приведу заглавія тѣхъ каталоговъ, которые привлечены

[1] ИРАН, 1917, 913—949.

мною для сравненія, съ указаніемъ, въ скобкахъ, принятыхъ мною сокращеній:

1) C. Rieu: «Catalogue of the turkish manuscripts in the British Museum», 1888 (Рье);

2) W. Pertsch: «Die Handschriften-Verzeichnisse der königlichen Bibliothek zu Berlin», 6-er B. (Перчъ, Б.);

3) W. Pertsch: «Die türkischen Handschriften der herz. Bibliothek zu Gotha», Wien, 1864 (Перчъ, Г.);

4) H. Fleischer: «Catalogus codicum manuscriptorum orientalium Bibliothecae regiae Dresdeniensis» (Флейш.).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, если для болѣе или менѣе примѣчательнаго сочиненія я не находилъ никакихъ указаній въ названныхъ каталогахъ, я обращался за справками къ Гиббу («History of Ottoman Poetry»), Гаммеру («Geschichte d. osm. Dichtkunst») или Хаджи Халфѣ.

Изъ общаго числа рукописей (178), отмѣченныхъ въ общемъ спискѣ какъ османскія, три (25 22, 25 69, 30 9) оказались литографіями, а одну 39 12) I. А. Орбели, которому я показалъ небольшую выписку изъ нея, призналъ курдскою.

I.

По содержанію, какъ и въ арабскихъ рукописяхъ, замѣтно преобладаніе сочиненій по богословію и по юриспруденціи. Не мало сборниковъ фетвъ. Полнѣе, чѣмъ въ арабской части, представлена поэзія. Кромѣ комментаріевъ на قصيدة البرده имѣется нѣсколько दивановъ османскихъ поэтовъ, къ сожалѣнію неполныхъ, распространенная محمّديه Языджи-оглу и цѣлый рядъ отдѣльныхъ стихотвореній разныхъ поэтовъ. Среди грамматическихъ сочиненій любопытны замѣтки по физіологіи звука, помѣщенныя на нѣсколькихъ страницахъ рукописи 32 17. Приведу небольшое извлеченіе[1]: يكرمى طقوز حرفك اوندرت مخرجى امامى قرّايه كوره اوّلكى بوغاز ديبندن جيقار مثال همزه هاء ايكنجى بوغاز اورتسندن جيقار مثال حاعين اوجنجى بوغاز توكنديكى يردن جيقار مثال خاغين دردنجى دل ديبندن جيقار مثال قاف بشنجى قاف مخرجنك (sic) اوستندن جيقار مثال كاف التنجى دل اورتاسندن

[1] [Замѣчанія, какъ видно изъ текста, относятся къ *арабскимъ* звукамъ и, конечно, заимствованы изъ арабской грамматической литературы. В. Б.]

جيقار اوجدر جيم شين ياء غيرمتّ به يدنجى دل كناريله اوست اطودشلرك اراسندن
اطباق صفتيله جيقارمغارين (?) ضاد سكزنجى دل اوجيله دماغدندر بعض نحاه (sic)
كوره جيقار اوجدرلام نون راء طقوزنجى دل اوجيله اوست اوك ديشلرينك ديبندن
جيقار اوجدر دال تاطا لكن اطباق صفتيله سايرلرندن آيريلور اننجى دل اوجيله
آلت اوك دشلرين (sic) ديبندن جيقار اوجدر زا سين صاد هكذا اطباق صفتيله
صاد ايريلور اون برنجى دل اوجيله اوست اوك ديشنك اوجندندر ذال ثاطا
ينههكذا اطباق (اصاق .рук) صفتيله در اون ايكنجى الت طوداغى بطنندن اوست
اوك دشلرى اوجندن جيقار فادر اون اوجنجى ايكى طوداغك بيننددن اغرطولوسى
جيقار واو اون دردنجى ايكى طودق اراسندن جيقار ميم با.

Чрезвычайно характерно для османской части коллекціи, какъ и вообще для всякихъ собраній османскихъ рукописей, обиліе руководствъ къ составленію оффиціальныхъ писемъ, докладовъ, записокъ, удостовѣреній и прочихъ документовъ. Составленіе и распространеніе этихъ руководствъ вызывалось потребностями бюрократическаго быта. Въ началѣ оффиціальная переписка велась на арабскомъ языкѣ, отчего и сборники примѣрныхъ документовъ и писемъ писались по-арабски. Но дѣлопроизводство на арабскомъ языкѣ не могло, конечно, долго удержаться въ Турціи, и вотъ Шейхъ Мухаммедъ Акъ-Балдыръ-задэ (ср. о немъ Перчъ, Б., 343), приступивъ къ составленію своего руководства, задается вопросомъ, на какомъ языкѣ его составить, и сомнѣніе свое разрѣшаетъ въ пользу турецкаго языка, такъ какъ арабскій языкъ въ его время былъ совершенно вытѣсненъ изъ оффиціальной переписки (см. предисловіе рук. 40 8).

Къ исторіи, совсѣмъ не представленной въ арабской части коллекціи, относятся рукописи 35 26 — всеобщая исторія Табари, доп. 31 — дефектная рукопись, содержащая исторію Турціи, 44 4, гдѣ находимъ конспектъ событій изъ исторіи Эрзерума, и рук. 39 33, авторъ которой Ибрагимъ Рашидъ, служившій въ канцеляріи алеппскаго правителя Мустафы-паши, описалъ нѣкоторыя событія изъ исторіи Алеппо.

Наконецъ, надо назвать непопадавшійся мнѣ въ другихъ книгохранилищахъ комментарій на «Пенд-намэ» Аттара, написанный Иди-пашой Абдуррахманомъ въ царствованіе Мухаммеда IV. Причиной сочиненія комментарія выставляется недостаточность существовавшаго уже шарха Шем'и, на что обратилъ вниманіе нѣкій Ахмедъ-ага и попросилъ автора

восполнить этотъ пробѣлъ. Просьба друзей написать сочиненіе на ту или иную тему часто указывается турецкими, персидскими и арабскими писателями, какъ побудительная причина, заставившая ихъ взяться за перо. Можно думать, что не во всѣхъ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ отраженіемъ дѣйствительнаго положенія вещей: такое заявленіе могло быть и просто традиціоннымъ литературнымъ пріемомъ.

Точно такъ же не встрѣчалась мнѣ раньше и повѣсть о Юсуфѣ и Зулейхѣ, принадлежащая извѣстному Алты-Пармаку (25 2, 26 20). Повѣсть эта написана Алты-Пармакомъ въ 1031 г. х. по случаю вторичнаго воцаренія султана Мустафы I, судьба котораго напомнила автору судьбу Юсуфа. Сама повѣсть является ничѣмъ инымъ, какъ переводомъ одного изъ сочиненій Ходжи Таджъ-ед-Дина Джемаль-ед-Дина Абу Бекра Ахмеда б. Мухаммеда б. Зейда Туси.

II.

Коснувшись научнаго значенія коллекціи, И. Ю. Крачковскій приходитъ къ выводу, что это значеніе надо искать не въ отдѣльныхъ рукописяхъ, а въ общемъ ихъ составѣ, который даетъ яркую картину того, чѣмъ были «люди живы» въ восточныхъ областяхъ Турціи на всемъ протяженіи XV—XIX вѣковъ. Оставаясь въ предѣлахъ разсматриваемой коллекціи рукописей, этотъ выводъ можно отнести и къ османской части съ сохраненіемъ той же самой датировки, такъ какъ и османскія рукописи относятся, въ общемъ, къ тому же періоду XV—XIX вв. Составъ коллекціи отчетливо рисуетъ непрерывность и сохранность старой литературной традиціи и отсутствіе новыхъ теченій умственной жизни. Однако, значеніе этого вывода необходимо ограничить. Въ XVIII в. въ Турціи было введено книгопечатаніе, и съ тѣхъ поръ выраженіе новыхъ идей нужно искать въ томъ, что выходитъ изъ-подъ печатнаго станка, а не изъ-подъ калема кятиба. Да и старая литературная школа не стала во враждебныя отношенія къ нововведеніямъ. Въ нашей коллекціи въ рук. 22 49, представляющей сборникъ разныхъ рисале, въ оглавленіи противъ заглавія رسالهٔ معرفه النفس لارزنجانی стоитъ помѣтка بصماصی موجود, а противъ — رسالهٔ محبوب لقطب الاولیا الشیخ الصادق написано بصماصی واردر.

III.

حرف الالف

حرف الباء

حرف التاء

حرف الجيم

حرف الحاء

حرف الخاء

حرف الدال

حرف الراء

حرف الزاء

حرف السين

حرف الشين

حرف الصاد

حرف الضاد

حرف الطا

طب ترجمه‌سی 29 25
طریقه محمدیه لبرکلی محمد افندی ترجمه‌سی 27 42, рук. 1244 г. х.
طریقه نور بنحشتیه 17 25

حرف العین

عقاید لاقکرمانی 55 27
•قاید ومسایل فقهیه ترجمه‌سی 14 14
علم الحال لموسی افندی الواعظ 3 5
عن اصحاب رسول 30 22

حرف الفاء

فتاوای ابی السعود (Рье, 15) 15 44
فتاوای کمال پاشازاده (Перчъ, Б., 155) 28 22
فضایل مکة والمدینة والقدس والخلیل واولاده اکرام وداود وسلیمان لالشیخ محمد الیمنی 26 24
فضیله صلوه رغایب وغیره 51 25
فقه کیدانینک ترکیه ترجمه‌سی 15 31
فواید امام ربانی 70 25

حرف القاف

قانون نامه 10 41
قرق مسئله (Рье, 249) 17 21
قصیده نطق لمولانا جلال الدین الرومی 48 25
القطعه فی بحر المنسرح 14 45

حرف الکاف

کتاب رمل (ср. Рье, 131 и дал.) 18 37
کتاب سنوسی 7 22
کتاب النجاة لاسمایل حقی 4 22, рук. 1248 г. х.
کزیده نامه (Рье, 249) 7 17 рук. 1125 г. х.
کلشن انوار لیحیی بک (Рье, 181) 5 42 ванск. рук. 1053 г. х.
کمیای سعادت لغزالی 28 24 рук. 1198 г. х.

حرف اللام

حرف الميم

حرف النون

حرف الهاء

حرف الواو

حرف الیاء

IV.

Внѣ алфавитнаго указателя остались анонимныя и не имѣющія особыхъ заглавій сборники и сочиненія по богословію (17 14, 17 28, 21 8, 22 7, 22 11, 22 24, 23 30, 25 27, 26 36, 26 48, 30 1, 30 3, 31 10, 32 23, 39 13, 39 32, доп. 32) и юриспруденціи (9 5, 30 5, 34 15, 37 3, 37 29, 40 8, 44 7); сборники фетвъ, тефсировъ и хадисовъ (22 9, 22 15, 22 19, 37 37, 40 8, 44 7), сочиненія по суфизму (45 8); отдѣльныя стихотворенія слѣдующихъ поэтовъ: احدی, اشرف (26 11), راسخ, راغب پاشا (28 34), سزایی (26 11, 28 34), شمعی, صلاحی (28 34), عاشق پاشا (9 4), عدلی, فاضل, فاصح, فخری, فطنت خانم (28 34), فضولی, قیتمزاده (26 11), کانی (28 34), کمال پاشازاده (32 30, 36 2), نسمی (?نسیمی), نفعی, واصف (28 34). Тутъ же укажу месневи религіознаго содержанія, гдѣ имѣется глава فی ذکر سبب اسم این کتاب حقایق, къ сожалѣнію дефектная (30 6). Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ встрѣчаются стихотворенія

безъ имени авторовъ (17 19, 23 30, 25 15, 25 27, 28 20). Въ коллекціи много анонимныхъ مجموعة انشا (15 5, 17 11, 22 49, 26 40, 34 9, 40 8, 40 19), на ряду съ которыми кстати упомянуть 8 оффиціальныхъ документовъ, относящихся къ Вану и его области и датирующихся двумя послѣдними вѣками хиджры (1 13). Рѣже встрѣчаются грамматическія сочиненія (8 2, 15 17, 25 26, 32 17, 40 32, 44 2) и словари (32 23, 32 30, 43 23 — эрзиндж. рук. 1202 г. х.). Есть تعبيرنامه (8 13, 24 2) и вообще всякаго рода гаданія (21 9), астрономическое сочиненіе (30 15), хронограммы (24 22).

Въ заключеніе, напоминая о предварительной характеристикѣ настоящей описи, укажу сборники разнороднаго содержанія: 24 41 (преимущественно работы Минкари-задэ), 24 27 (амасійская рук. XIII в. х.), 22 37 (имѣется оглавленіе). Въ рядѣ рукописей можно найти османскія записи, помѣтки, отрывки и т. д., напримѣръ, въ 27 7, 30 27 (о زعفران ، كافور и проч.), 39 12, доп. 38. Рукописи 39 1–10, содержащія сочиненія и на османскомъ и на арабскомъ языкѣ, находятся въ столь неудовлетворительномъ въ смыслѣ цѣлости состояніи, что я оставилъ ихъ безъ разсмотрѣнія.

Приложеніе къ протоколу XII засѣданія Общаго Собранія Россійской Академіи Наукъ 5 октября (22 сентября) 1918 года.

Записка объ ученыхъ трудахъ профессора Бориса Александровича Тураева.

Отсутствіе въ ряду оріенталистическихъ дисциплинъ, представленныхъ наличнымъ составомъ дѣйствительныхъ членовъ Отдѣленія, двухъ такихъ, пользующихся въ настоящее время общепризнаннымъ значеніемъ, научныхъ дисциплинъ, какъ египтологія и ассиріологія, уже успѣвшихъ, несмотря на свою сравнительную молодость, оказать выдающіяся услуги историческому и филологическому знанію и привлечь къ себѣ вслѣдствіе этого въ сильнѣйшей степени вниманіе всего образованнаго человѣчества, давно слѣдовало считать существеннымъ пробѣломъ въ ученой дѣятельности нашей Академіи. Пробѣлъ этотъ, съ которымъ по необходимости приходилось до поры до времени мириться, въ данный моментъ въ отношеніи одной изъ упомянутыхъ дисциплинъ, именно египтологіи, представляется, по мнѣнію нижеподписавшихся, возможнымъ и весьма желательнымъ восполнить избраніемъ на одну изъ имѣющихся свободныхъ оріенталистическихъ вакансій дѣйствительныхъ членовъ Отдѣленія нашего извѣстнаго изслѣдователя и знатока древняго и христіанскаго Египта и абиссинской письменности, ординарнаго профессора Петроградскаго Университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи и члена-корреспондента Академіи Бориса Александровича Тураева.

Имя профессора Б. А. Тураева, какъ выдающагося египтолога, коптолога и абиссиновѣда, давно пользуется широкой и вполнѣ заслуженной извѣстностью, какъ у насъ въ Россіи, такъ и въ ученыхъ кругахъ за границей. Оно хорошо извѣстно также Академіи, въ изданіяхъ которой, начиная съ 1897 года, неоднократно печатались труды Б. А. Тураева, и которая еще недавно, въ 1913 году, почтила нашего талантливаго и неутомимаго ученаго избраніемъ въ свои члены-корреспонденты. Въ представленной по этому случаю пять лѣтъ тому назадъ запискѣ былъ данъ болѣе или менѣе исчерпывающій обзоръ весьма разносторонней ученой дѣятельности Б. А. Тураева. Здѣсь можно ограничиться въ виду этого однимъ указаніемъ главнѣйшихъ моментовъ этой дѣятельности.

Заявивъ себя съ самой выгодной стороны немедленно по окончаніи курса въ Петроградскомъ Университетѣ рядомъ небольшихъ работъ, посвященныхъ отчасти

исторіи древняго Востока, отчасти египтологіи и коптологіи, изъ числа которыхъ интересно и живо написанный «Очеркъ исторіи изученія Финикійской древности» (1893) сохраняетъ до настоящаго времени свое полное значеніе, Б. А. Тураевъ выступаетъ въ 1897 году съ интересной публикаціей, относящейся къ древне-египетскому культу бога Тота («Zwei Hymnen an Thoth»), за которой въ слѣдующемъ 1898 году послѣдовало исчерпывающее большое изслѣдованіе, посвященное тому же древне-египетскому божеству, подъ заглавіемъ «Богъ Тотъ. Опытъ изслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры». Въ этомъ капитальномъ трудѣ, за который авторъ былъ удостоенъ Историко-Филологическимъ Факультетомъ Петроградскаго Университета ученой степени магистра всеобщей исторіи, Б. А. Тураевъ, на основаніи самаго полнаго и тщательнаго обслѣдованія и изученія всего имѣющагося, частью неизданнаго, археологическаго и рукописнаго матеріала, предпринимаетъ первую извѣстную въ наукѣ попытку представить построенное на строго критической базѣ сводное изслѣдованіе объ одномъ изъ важнѣйшихъ божествъ древне-египетской религіи. Въ дальнѣйшей дѣятельности Б. А. Тураева интересъ къ древнему Египту какъ бы временно отступаетъ на второй планъ, и преимущественное вниманіе нашего ученаго привлекаетъ къ себѣ христіанскій Египетъ съ коптской письменностью, и особенно абиссиновѣдѣніе. Въ области коптологіи Б. А. Тураевъ даетъ за этотъ промежутокъ времени рядъ цѣнныхъ изслѣдованій и публикацій, посвященныхъ главнымъ образомъ исторіи богослуженія у коптовъ, коптской эпиграфикѣ и описанію нѣкоторыхъ русскихъ собраній памятниковъ коптской письменности. Къ древнему Египту Б. А. Тураевъ снова возвращается въ 1908 году, когда, благодаря его же просвѣщенной заботливости, Русскій Музей Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ обогатился знаменитой коллекціей египетскихъ древностей В. С. Голенищева. Изученію и изданію этого новаго цѣннѣйшаго египтологическаго матеріала, оказавшагося въ распоряженіи русскихъ изслѣдователей египетской древности, посвящена большая часть позднѣйшихъ работъ Б. А. Тураева, изъ которыхъ многія появились въ предпринятомъ администраціей Музея монументальномъ изданіи, подъ заглавіемъ: «Памятники Музея Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ», а другія, какъ, напр., въ высшей степени любопытное изданіе іератическаго текста времени Средняго Царства, содержащаго неизвѣстную, повидимому, европейской наукѣ геометрическую проблему («The volume of the truncated pyramid in Egyptian mathematics»), — въ разныхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ журналахъ и сборникахъ. Прекрасно сознавая всю важность для изслѣдователя египетской древности въ интересахъ прочности своихъ построеній и выводовъ имѣть въ своемъ распоряженіи въ наибольшей полнотѣ соотвѣтствующій рукописный и археологическій матеріалъ, Б. А. Тураевъ съ необычайнымъ терпѣніемъ обслѣдовалъ почти всѣ разбросанныя въ предѣлахъ Россіи египтологическія коллекціи и въ рядѣ подробныхъ описаній сдѣлалъ этотъ матеріалъ доступнымъ всему ученому міру. Первоклассному собранію В. С. Голенищева Б. А. Тураевъ посвятилъ особое исчерпывающее изданіе, подъ заглавіемъ: «Опи-

саніе египетскаго собранія (Музея Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III при Московскомъ Университетѣ)», первый выпускъ котораго, заключающій въ себѣ описаніе статуй и статуэтокъ, успѣлъ уже выйти въ истекшемъ 1917 году.

Занятія христіанскимъ Египтомъ и коптской письменностью не могли не привлечь вниманіе Б. А. Тураева къ единовѣрнымъ коптамъ абиссинцамъ и абиссинской, такъ называемой эѳіопской, литературѣ. Еще въ 1897 году Б. А. Тураевъ выпустилъ въ «Запискахъ» нашей Академіи первый относящійся къ этой области ученый трудъ, свой извѣстный «Часословъ эѳіопской церкви», являющійся результатомъ изученія эѳіопскихъ богослужебныхъ рукописей Берлина, Лондона, Парижа и Петрограда. Продолжая затѣмъ въ рядѣ статей, помѣщенныхъ преимущественно въ «Запискахъ» Восточнаго Отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества, свои разысканія въ области исторіи абиссинскаго богослуженія, Б. А. Тураевъ одновременно предпринимаетъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ обслѣдованіе всей извѣстной агіобіографической литературы абиссинцевъ и въ 1902 году выпускаетъ въ качествѣ докторской диссертаціи свои важныя «Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи». Въ этомъ трудѣ, для котораго авторъ располагалъ столь значительнымъ рукописнымъ матеріаломъ, какого еще не находилось до него въ рукахъ ни одного изъ изслѣдователей абиссинской агіологіи, Б. А. Тураевъ не только обогатилъ ученый міръ въ высшей степени цѣннымъ новымъ обширнымъ матеріаломъ, но и постарался извлечь изъ этого матеріала всѣ достовѣрныя данныя, которыя могли служить къ освѣщенію наиболѣе темныхъ эпохъ политической и духовной исторіи Абиссиніи. Въ томъ же 1902 году появляются два первыхъ выпуска задуманной Б. А. Тураевымъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Monumenta Aethiopiae hagiologica», серіи изданій важнѣйшихъ абиссинскихъ агіобіографическихъ текстовъ, въ которыхъ имъ издаются такіе важные памятники эѳіопской агіологической литературы, какъ житія Филиппа Дабралибаносскаго, Самуила Вальдебскаго и Аарона Манкерави. За этими двумя выпусками вышелъ въ 1905 году третій, цѣликомъ посвященный житію знаменитаго подвижника Евстаѳія. Дальнѣйшій рядъ абиссинскихъ житій вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ былъ помѣщенъ Б. А. Тураевымъ въ извѣстномъ международномъ изданіи: «Corpus scriptorum christianorum orientalium» (Scriptores aethiopici, серія II, тт. 20, 21 и 23), гдѣ имъ дано было также новое изданіе житій Аарона Манкерави и Филиппа Дабралибаносскаго. Вторая серія работъ, посвященныхъ эѳіопской литературѣ, была начата Б. А. Тураевымъ въ 1904 году, подъ заглавіемъ: «Памятники эѳіопской письменности». Она была помѣщена въ «Запискахъ» Восточнаго Отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества и заключаетъ въ себѣ, помимо русскихъ переводовъ нѣкоторыхъ агіологическихъ и апокрифическихъ текстовъ, изданія интересныхъ образцовъ поэтическаго творчества и религіозно-философской литературы абиссинцевъ. Въ одномъ изъ выпусковъ этой серіи (№ III) дается подробное описаніе находящихся въ Петроградѣ эѳіопскихъ рукописныхъ коллекцій. Всѣми указанными работами Б. А. Тураевъ создалъ себѣ

громкую репутацію въ ученомъ мірѣ и славу одного изъ первыхъ знатоковъ эѳіопской письменности.

Какъ историкъ древняго Востока, Б. А. Тураевъ заявилъ себя главнымъ образомъ выпущеннымъ имъ въ 1911 году двухтомнымъ курсомъ «Исторіи древняго Востока», который слѣдуетъ считать за первый на русскомъ языкѣ опытъ самостоятельнаго изложенія на основаніи изученія первоисточниковъ исторіи культурныхъ народовъ и странъ такъ называемаго классическаго Востока съ древнѣйшихъ временъ до Александра Великаго. Этотъ почтенный трудъ Б. А. Тураева, вышедшій вскорѣ затѣмъ въ 1913—1914 гг. вторымъ изданіемъ съ иллюстраціями, былъ удостоенъ въ 1916 году золотой медали Русскаго Археологическаго Общества. Въ интересахъ распространенія въ болѣе широкихъ кругахъ русскаго образованнаго общества добытыхъ современной наукой данныхъ въ области изученія древняго Востока, Б. А. Тураевъ предпринялъ въ 1914 году изданіе подъ своей редакціей коллективной популярной серіи «Культурно-историческихъ памятниковъ древняго Востока», въ которой помѣстилъ самъ (въ 3-мъ выпускѣ) «Разсказъ египтянина Синухета и образцы египетскихъ документальныхъ автобіографій». Въ тѣхъ же видахъ популяризаціи знанія Б. А. Тураевъ совмѣстно съ И. Н. Бороздинымъ выпустилъ въ 1915 году иллюстрированную научно-популярную хрестоматію по древнему Востоку, подъ заглавіемъ: «Древній міръ. Изборникъ источниковъ по культурной исторіи Востока, Греціи и Рима. Часть I. Востокъ».

Въ заключеніе не мѣшаетъ напомнить о дѣятельномъ активномъ участіи Б. А. Тураева какъ въ организаціи, такъ и въ самомъ послѣдующемъ веденіи предпринятаго имъ въ 1911 году, совмѣстно съ академикомъ Н. Я. Марромъ и профессоромъ В. Н. Бенешевичемъ, особаго ученаго изданія, посвященнаго христіанскому Востоку и выходящаго съ 1912 года, подъ заглавіемъ: «Христіанскій Востокъ», при Академіи.

Въ виду перечисленныхъ ученыхъ заслугъ, нижеподписавшіеся, съ согласія Президента Россійской Академіи Наукъ, имѣютъ честь предложить избрать ординарнаго профессора Петроградскаго Университета Бориса Александровича Тураева въ ординарные академики по разряду исторіи, литературы и древностей азіатскихъ народовъ.

Сергѣй Ольденбургъ.
П. Коковцовъ.
Н. Марръ.
В. Бартольдъ.
А. Никитскій.

18 сентября 1918 г.

Списокъ трудовъ профессора Б. А. Тураева.

1893.

1) Очеркъ исторіи изученія Финикійской древности. Историч. Обозрѣніе, т. VII.

2) Народъ Кефтъ египетскихъ памятниковъ. ЖМНП.

1895.

3) Изъ египетской миѳологіи. Сборникъ Στέφανος (въ честь Ѳ. Ѳ. Соколова).

1896.

4) Вопросъ о финикіянахъ въ Балтійскомъ морѣ. Труды XI археол. съѣзда въ Ригѣ.

5) Неизданный поэтическій памятникъ коптской эпиграфики. ЗВОИРАО, X.

1897.

6) Zwei Hymnen an Thoth. Aegyptische Zeitschrift, XXIII.

7) Описаніе Египетскихъ памятниковъ въ Русскихъ музеяхъ и собраніяхъ ЗВОИРАО, XI—XII.

8) Пасхальная служба Коптской церкви. Сборникъ «Commentationes philologicae» (въ честь И. В. Помяловскаго).

9) Часословъ эѳіопской церкви. Зап. Имп. Акад. Наукъ.

1898.

10) Богъ Тотъ. Опытъ изслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры.

11) Описаніе эѳіопской рукописи библіотеки Имп. Общ. Любит. Древней Письменности (Отчетъ Общества).

1899.

12) Изданіе (вмѣстѣ съ Crum) коптскихъ ostraca Берлинскаго Музея въ «Koptische Urkunden».

13) Коптскія ostraca коллекціи В. С. Голенищева. Изв. Имп. Акад. Наукъ, 1899, май.

14) Эѳіопскіе стихи въ честь Апостоловъ. ЗВОИРАО, XII.

15) Эѳіопскія рукописи Музея Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи. Ibid.

1900.

16) Къ исторіи Хеттскаго вопроса. ЗКлОИРАО, V.

17) Богатство царей. ЗВОИРАО, XIII.

18) Эѳіопскія рукописи Гатчинскаго дворца. Ibid.

19) Замѣтки по поводу Guidi, Qene o inni abissini. ЗВОИРАО, XIII.

20) О двухъ клинописныхъ табличкахъ Музея Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Дух. Академіи. ЗВОИРАО, XIII.

21) Эѳіопскія orationes falsae и exorcismi (Сборникъ статей въ честь Д. А. Хвольсона).

22) Описаніе древне-восточныхъ предметовъ въ Музеѣ И. Общ. Любителей Древней Письменности (Отчетъ Общества).

1901.

23) Ночное богослуженіе Эѳіопской церкви. Труды Кіев. Дух. Акад.

24) Къ исторіи греческаго періода въ верхне-египетскомъ богослуженіи. Визант. Врем., VII.

25) Начальники Грековъ. ЖМНП.

26) Двѣ Аксумскія монеты Имп. Эрмитажа. ЗКлОИРАО, I.

27) Два текста къ культу Мина. Ibid.

28) Синайскій монахъ въ Абиссиніи въ нач. XVII в. Сообщ. И. Прав. Палест. Общ., XII.

1902.

29) Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи.

30) Vita Philippi Dabralibanensis. Monumenta Aeth. Hagiologica, I.

31) Vita Samuelis Valdebani. Vita Aaronis mirabilis. Vita et miracula Gabra-Ĕndrĕjas. Monum. Aeth. Hagiologica, II.

32) Коптскіе тексты, пріобрѣтенные экспедиціей В. Г. Бока. Труды XIII археол. съѣзда въ Кіевѣ.

33) Замѣтка по поводу Conti Rossini, L'evangelo d'oro di Dabra Libanos. ЗВОИРАО, XIV.

1903.

34) Египетскій посолъ въ Ханаанѣ. Остатки финикійской литературы (Отрывки финикійской космогоніи и миѳологіи Филона Библскаго. Финикійскіе отрывки у Дамаскія. Тирскія лѣтописи). Сообщенія Имп. Прав. Палест. Общ., XIII.

35) Абиссинскій монастырь въ Іерусалимѣ и его библіотека. Ibid. XIV.

36) Описаніе египетской коллекціи Музея древностей при Имп. Казанскомъ Университетѣ. ЗВОИРАО, XV.

37) Копто-эѳіопское сказаніе о препод. Кирѣ. Ibid.

38) Абиссинскіе свободные мыслители. ЖМНП.

1904.

39) Изъ исторіи Книги Мертвыхъ. ЗКлОИРАО, III.

40) Изслѣдованіе Зара-Якоба. ЗВОИРАО, XVI.

41) Вирши царя Наода. Ibid.

42) Vita S. Eustathii. Mon. Aeth. Hagiologica, III.

43) Агіологическое повѣствованіе о паденіи Аксумскаго царства (Сборникъ въ честь В. И. Ламанскаго).

44) Греческій часословъ въ эѳіопской транскрипціи. Виз. Врем., XI.

1905.

45) Acta SS. Ferē Mikā'ēl et Zar'a-Abrehām. Corpus Script. Christ. Orientalium, Script. Aethiop., Ser. II, 23.

46) Новыя собранія эѳіопскихъ рукописей въ Петербургѣ. ЖМНП.

47) Современныя предпріятія по изданію литературныхъ памятниковъ Христіанскаго Востока. Ibid.

1906.

48) Повѣствованіе о Дабра-Либаносскомъ монастырѣ. ЗВОИРАО, XVII.

49) Эѳіопскія рукописи въ С.-Петербургѣ. Ibid.

50) Нѣкоторыя житія абиссинскихъ святыхъ. Виз. Врем., XIII.

51) Acta S. Eustathii (Переводъ). Corpus Script. Christian. Orient., Scriptores Aethiop., Ser. II, t. XXI.

1907.

52) Копто-сахидское письмо изъ коллекціи В. С. Голенищева. ЗВОИРАО, XVIII.

53) Ахмимскій папирусъ изъ коллекціи Лихачева. Ibid.

54) Коптскія надгробныя надписи. Ibid.

55) Такла-Хайманотъ у коптовъ. Ibid.

56) Коптскіе богослужебные каноны. Визант. Врем., XIV.

1908.

57) Къ вопросу о происхожденіи коптскихъ Θεοτοκια. Ibid.

58) Къ культамъ Синая. Haḳedem. I Jahrg. № 2.

59) Acta S. Aaronis et S. Philippi (Textus-Versio). Corpus Script. Christian. Orient., Script. Aethiop., Ser. II, t. XX.

60) «Свитокъ оправданія» (Сборникъ въ честь Г. Н. Потанина. ЗОЭИРГО, XXXIV).

1909.

61) Зара-Бурукъ, абиссинскій святой XVII в. Виз. Врем., XV.

62) Къ эѳіопскимъ рукописямъ Ватикана. Ibid.

63) Второй международный конгрессъ классической археологіи. Гермесъ, V.

1910.

64) Die naophore Statue № 97 im Vatican. Aegypt. Zeitschrift, 46.

65) Ἡ αἰθιοπικὴ ἀναφορὰ ἡ ἀποδιδομένη Ἀθανασίῳ, τῷ Μεγάλῳ. Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος, т. V.

66) Новѣйшая исторія Абиссиніи по краткой хроникѣ изъ собранія Азіатскаго Музея Имп. Акад. Наукъ. Виз. Врем., XVII.

67) Опись коллекціи древностей, привезенныхъ изъ Египта весной 1909 г. ЗКлОИРАО, VI (вмѣстѣ съ Б. В. Фармаковскимъ).

68) Египетскія церковныя впечатлѣнія. Сообщ. И. Прав. Палест. Общ.

1911.

69) Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie Méridionale. Revue Archéol.

70) Скарабеи съ о. Березани. Изв. И. Археол. Комиссіи, 40.

71) Einige unedierte Saïtica. Aegypt. Zeitschrift, XLVIII.

72) Скиѳія въ іероглифической надписи (Сборникъ въ честь С. Ѳ. Платонова).

73) Исторія древняго Востока. 2 тома.

1912.

74) Коптскія надписи изъ собранія Лихачева. Христ. Востокъ, I.

75) Коптскій пергаменный амулетъ. Ibid.

76) Мелкіе эѳіопскіе тексты. Ibid.

77) Чудеса Св. Троицы. Ibid.

78) Изъ армяно-абиссинскихъ сношеній. ЗВОИРАО, XXI.

79) Нѣсколько египетскихъ надписей изъ моей коллекціи и изъ Московскаго Румянцовскаго Музея. ЗКлОИРАО, VII.

80) Описаніе египетскаго отдѣла Музея Имп. Одесскаго Общества исторіи и древностей (Сборникъ въ честь Э. Р. фонъ-Штерна).

81) Поздніе заупокойные папирусы іероглифическаго письма. Памятники Музея Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ, вып. I—II.

82) Письмо изъ эпохи Новаго Царства, помѣщенное на глиняномъ блюдѣ. Ibid.

83) Терракотовый свѣтильникъ изъ Ольвіи, изображающій чету Бесовъ. Изв. Имп. Археол. Комиссіи, 45.

84) Le nouveau Musée égyptien à Moscou. Actes du IV Congrès international d'histoire des religions.

1913.

85) Дверцы Наоса съ молитвами богинѣ Тауэртъ. Памятники Музея Изящныхъ Искусствъ имени Имп. Александра III въ Москвѣ, вып. III.

86) Барельефы съ изображеніемъ божества Туту. Ibid., в. IV.

87) Надпись римскаго времени о священномъ быкѣ. Ibid.

88) Предметы финикійскаго происхожденія. Ibid.

89) Абиссинскія историческія легенды (Сборникъ въ честь проф. Корсакова).

90) Статуэтка Имхотепа, найденная въ Кубанской области. Изв. Имп. Археолог. Ком., 49.

91) Произведенія абиссинской живописи, привезенныя д-ромъ А. И. Кохановскимъ. Христ. Вост., II.

92) Исторія древняго Востока. 2-ое изд., т. I.

1914.

93) Ящики для египетскихъ погребальныхъ статуэтокъ, называемыхъ «ушебти». Древности, т. XXV.

94) Одинъ изъ современниковъ эллинистическаго Египта (Сборникъ «Николаю Ивановичу Карѣеву ученики и товарищи»).

95) Изображенія Воскресенія на египетскихъ памятникахъ (Сборникъ Харьков. Ист.-Филол. Общества въ честь проф. Бузескула).

96) Note sur le X nome de la Haute Égypte. Recueil de travaux relatifs à la phil. et archéol. égyptienne et assyrienne, v. XXXVI.

97) Исторія древняго Востока. 2-ое изд., т. II.

98) Открытіе Нубійской христіанской литературы. Христ. Вост., III.

99) Aethiopica за 1912—14 годы. Ibid.

1915.

100) Задачи русской науки на переднемъ Востокѣ въ связи съ настоящими міровыми событіями. Экскурс. Вѣстникъ, I.

101) Записка о древностяхъ Вана и сопредѣльныхъ мѣстностей. ЗВОИРАО, XXII.

102) Разсказъ Египтянина Синухета и образцы египетскихъ документальныхъ автобіографій. Культурно-истор. памятники древняго Востока, вып. 3.

103) Египтологическія замѣтки. I—VII. Изв. Имп. Академіи Наукъ.

104) Абиссинская политическая лубочная картина моего собранія. Христ. Вост., III.

105) Эѳіопское аскетическое посланіе, приписанное св. Макарію Египетскому. Ibid, IV.

1916.

106) Египтологическія замѣтки. VIII—XI. Изв. Имп. Академіи Наукъ.

107) Гастонъ Масперо (Некрологъ). Биржевыя Вѣдомости, 30 іюня.

108) Россія и Христіанскій Востокъ. Сборникъ «Россія и союзники въ борьбѣ за цивилизацію».

109) Абиссинскiе магическiе свитки (Сборникъ статей въ честь гр. П. С. Уваровой).

1917.

110) The Inscriptions upon the lower part of a Naophorous Statue of my collection. The Journ. of Egypt. Archeology, IV.

111) The Volume of the truncated Pyramid in Egyptian Mathematics. Ancient Egypt, IV.

112) Къ Египетской художественной миѳологiи (Сборникъ въ честь проф. В. К. Мальмберга).

113) Наука о древнемъ Востокѣ за 1914—16 годы. Истор. Извѣстiя, I.

114) Магическiй папирусъ Salt 825 Брит. Музея. ЗКлОИРАО, IX.

115) Статуи и статуэтки Голенищевскаго собранiя (Музей Изящн. Искусствъ имени Имп. Александра III при Московск. Университетѣ. Описанiе египетскаго собранiя, I).

116) Божества моря у Египтянъ (Сборникъ въ честь проф. И. К. Любавскаго).

117) Проектъ обители ученыхъ иноковъ. Церковно-обществ. Вѣстникъ, № 141.

1918.

118) Изъ Эѳiопской отреченной литературы. Христ. Вост., VI.

119) Избранiе и посвященiе патрiарха въ Коптской церкви. Церков. Вѣдомости, XXXI.

Кромѣ того, проф. Б. А. Тураеву принадлежитъ рядъ многочисленныхъ статей, посвященныхъ абиссиновѣдѣнiю, египтологiи и коптологiи, въ обоихъ изданiяхъ Энциклопедическаго Словаря Брокгауза и Эфрона, рядъ рецензiй и мелкихъ замѣтокъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенiя, Запискахъ Восточнаго Отдѣленiя Имп. Русскаго Археологическаго Общества, журналѣ «Гермесъ» и въ серiи «Христiанскiй Востокъ», а также обзоры новыхъ явленiй въ области коптской письменности и абиссиновѣдѣнiя въ «Византiйскомъ Временникѣ».

Приложеніе къ протоколу XII засѣданія Общаго Собранія Россійской Академіи Наукъ 5 октября (22 сентября) 1918 года.

Записка объ ученыхъ трудахъ профессора Ѳедора Ипполитовича Щербатского.

Особое вниманіе нашей Академіи къ изученію Дальняго Востока и тѣсно связанной съ нимъ старинными культурными отношеніями Индіи отмѣчается за все время существованія Россійской Академіи Наукъ. При великомъ ея основателѣ мы видимъ, что тибетскія рукописи остановили на себѣ его вниманіе и послужили затѣмъ матеріаломъ для научной работы въ Академіи. Первый академикъ востоковѣдъ Байеръ былъ главнымъ образомъ заинтересованъ Дальнимъ Востокомъ; XVIII вѣкъ далъ рядъ переводовъ китайскихъ книгъ, изданныхъ Академіей. Въ XIX вѣкѣ мы имѣемъ имена Ленца, Шмидта, Бётлинга, Шифнера, Васильева, рядъ трудовъ академиковъ и постороннихъ ученыхъ по Дальнему Востоку и Индіи, имѣемъ два санскритскихъ словаря, извѣстныхъ въ наукѣ какъ «Петербургскіе словари», серію буддійскихъ текстовъ «Bibliotheca Buddhica» и многочисленныя отдѣльныя изданія и статьи.

Въ настоящее время послѣ крупнѣйшихъ пріобрѣтеній въ области рукописей, ксилографовъ и древностей Дальняго Востока и Индіи, сдѣланныхъ академическими Музеями въ послѣднія два десятилѣтія, еще болѣе укрѣпилась почва въ Академіи для научныхъ изысканій въ этихъ областяхъ. Поэтому является вполнѣ понятнымъ, почему послѣ кончины В. В. Радлова представители востоковѣдѣнія въ Отдѣленіи остановили свое вниманіе на ученомъ, посвятившемъ себя изученію буддійской культуры въ Индіи и на Дальнемъ Востокѣ и являющемся однимъ изъ первыхъ авторитетовъ нашего времени въ области индійской философіи и литературы Тибета.

Ѳедоръ Ипполитовичъ Щербатской родился 19 сентября 1866 г. въ Кельцахъ, гдѣ служилъ его отецъ; въ 1884 г. окончилъ курсъ гимназіи въ Царскомъ Селѣ и поступилъ въ С.-Петербургскій Университетъ на Историко-Филологическій Факультетъ. Въ Университетѣ научные интересы Ѳедора Ипполитовича довольно быстро выяснились, онъ началъ слушать лекціи по языкознанію и по санскриту у И. П. Минаева, а во время командировки И. П. Минаева въ Бирму занимался санскритомъ съ ученикомъ его С. О. Ольденбургомъ. Вліяніе Минаева, какъ человѣка и какъ ученаго, опредѣлило для Ѳедора Ипполитовича окончательно путь, по которому

онъ рѣшилъ итти, онъ погрузился въ языкознаніе и спеціально занялся, кромѣ того, санскритскимъ языкомъ. Къ этому времени наступаетъ переломъ въ самомъ языкознаніи и начинаетъ выдвигаться принципъ необходимости сравнительнаго, болѣе углубленнаго изученія отдѣльныхъ языковъ, такъ называемый филологическій принципъ, въ противоположеніе чисто лингвистическому, при которомъ спеціалистъ сравнивалъ большое количество языковъ, но не изучалъ спеціально и углубленно отдѣльные языки. Въ эти годы въ Петербургскомъ Университетѣ былъ блестящій представитель этого направленія германистъ Ѳ. А. Браунъ, у котораго Ѳедоръ Ипполитовичъ прослушалъ подробные курсы готскаго, древне-сѣвернаго, англо-саксонскаго и древне-верхне-нѣмецкаго; вмѣстѣ съ тѣмъ у профессора И. В. Ягича онъ прослушалъ курсы церковно-славянскаго и сербо-хорватскаго языковъ, продолжая и занятія санскритомъ, который его особенно увлекалъ совершенствомъ своего построенія. Блестящіе успѣхи Щербатского въ языкознаніи обратили на себя вниманіе факультета, и въ 1889 г., когда онъ сдалъ экзаменъ на кандидата, по представленіи диссертаціи на тему: «О двухъ рядахъ гортанныхъ въ индо-европейскихъ языкахъ», онъ былъ оставленъ при Университетѣ для подготовки къ профессурѣ. Профессоръ И. П. Минаевъ, руководившій его занятіями, усиленно поддерживалъ интересъ Ѳедора Ипполитовича къ санскриту, и поэтому, когда поднялся вопросъ о поѣздкѣ за границу для дальнѣйшаго научнаго усовершенствованія, то выборъ палъ на Вѣну, гдѣ въ то время лекціи по санскриту и индологіи вообще читалъ профессоръ Г. Бюлеръ, проведшій 17 лѣтъ въ Индіи и поставившій преподаваніе санскрита на совершенно новую основу, обезпечивъ ему роль самостоятельнаго предмета, а не только подчиненной языкознанію дисциплины, какъ то было раньше. Всѣмъ востоковѣдамъ хорошо извѣстно, какое исключительное значеніе въ исторіи индійской филологіи имѣлъ профессоръ Бюлеръ, и какъ замѣчательно была поставлена работа въ его семинаріи. Прохожденіе такой школы давало молодому индіанисту совершенно особенныя преимущества. Основная особенность преподаванія и школы профессора Бюлера состояла въ томъ, что они являлись примѣненіемъ къ европейской научной работѣ методовъ индійской науки. Индійскіе ученые дѣлятся по спеціальностямъ, изучая опредѣленную шастру, научную трактовку предмета въ какой-нибудь научной области, или нѣсколько шастръ, послѣднее рѣже, въ виду сложности и обширности изслѣдуемыхъ матеріаловъ. Въ основѣ всего лежитъ знаніе главнаго орудія индійской научной работы и языка — санскрита. Безъ точнаго, глубокаго и отчетливаго знанія санскрита немыслима плодотворная работа въ области индійской филологіи, вотъ почему туземное преподаваніе обращаетъ такое исключительное вниманіе на языкъ. По этому же пути пошелъ и профессоръ Бюлеръ, требуя отъ своихъ учениковъ спеціализаціи по какой-нибудь шастрѣ.

Ѳедоръ Ипполитовичъ Щербатской первоначально избралъ своею спеціальностью индійскую поэтику, какъ дающую особенное пониманіе не только языка, но и пользованія этимъ орудіемъ индійцами. Поэтика — alaṃkāra даетъ возможность вникнуть чрезвычайно глубоко въ особенности индійскаго ума и его привычки къ

систематизаціи и схематизаціи, которыя такъ поражаютъ насъ у народа съ столь яркою и исключительно сильною фантазіею. Өедоръ Ипполитовичъ этими занятіями заложилъ прочный фундаментъ для послѣдующихъ занятій по индійской философіи, въ которыхъ именно благодаря близкому знакомству съ alaṃkāra онъ и могъ достичь тѣхъ крупнѣйшихъ результатовъ, о которыхъ мы скажемъ далѣе.

Но чисто теоретическія занятія alaṃkāra не могли еще дать того углубленнаго пониманія индійскаго духа и индійской мысли, которыхъ искалъ Өедоръ Ипполитовичъ и которыхъ всегда добивался у своихъ учениковъ профессоръ Бюлеръ. Изъ семинарскихъ работъ 1896 года у этого замѣчательнаго ученаго и педагога возникъ трудъ, который сразу упрочилъ за молодымъ ученымъ извѣстность, какъ знатока и языка и поэтической шастры.

Выборъ учителя и ученика палъ на поэтическое произведеніе, весьма позднее, принадлежащее третьестепенному поэту, но именно во многихъ отношеніяхъ высоко поучительное, ибо, какъ правильно указалъ издатель, оно давало весь apparatus poëticus, предписанный теоріею для истинной поэмы — «mahākāvya». Научное значеніе текста «Naiheyendracarita», несмотря на то, что онъ не дошелъ до насъ въ полномъ видѣ, увеличивалось еще тѣмъ, что имѣлся комментарій на него, написанный самимъ авторомъ, случай рѣдкій въ индійской поэзіи; это особенно удачное стеченіе обстоятельствъ давало возможность заглянуть особенно глубоко въ самую суть построенія поэмы, такъ какъ авторъ въ комментаріи подробно говоритъ о томъ, что̀ онъ имѣлъ въ виду дать, и мы такимъ образомъ имѣемъ возможность провѣрить практически указанія комментаторовъ относительно другихъ поэтовъ, которымъ они приписываютъ тѣ или другія построенія, и тѣмъ помочь и болѣе правильной оцѣнкѣ столь важныхъ для пониманія санскритскихъ текстовъ комментаторовъ. На этой поэмѣ можно было прослѣдить и пагубное вліяніе слишкомъ развитой теоріи поэтики, которая естественно убивала въ Индіи поэтическое творчество. Издатель воспользовался своимъ текстомъ, чтобы и съ этой стороны высказать рядъ цѣнныхъ, опирающихся на факты соображеній по исторіи индійской поэзіи. Законченъ былъ трудъ лишь послѣ смерти учителя, профессора Бюлера, и издателю оказалъ свое содѣйствіе профессоръ Якоби, съ которымъ Өедоръ Ипполитовичъ въ теченіе ряда лѣтъ работалъ какъ въ области поэтики, такъ и философіи, выбравъ себѣ въ этой дисциплинѣ шастрою nyāya-логику. Свои занятія поэтикою, которою Өедоръ Ипполитовичъ продолжалъ интересоваться и среди другихъ работъ, онъ довершилъ цѣнной статьей: «Теорія поэзіи въ Индіи». Въ этой статьѣ, основанной на широкомъ знакомствѣ съ литературою предмета, онъ особенно остановился на ученіи о «dhvani» — внутреннемъ скрытомъ смыслѣ, который такъ блестяще и глубоко былъ развитъ замѣчательнымъ человѣкомъ, жившимъ, повидимому, въ IX вѣкѣ и даже не оставившимъ потомству своего имени, такъ что ученіе его, истолкованное въ подробныхъ комментаріяхъ, извѣстно намъ подъ именами двухъ талантливыхъ комментаторовъ Ānandavardhana и Abhinavagupta. Өедоръ Ипполитовичъ правильно указалъ на ту свѣжую струю въ пониманіи поэзіи, которую внесло ученіе о dhvani, но и ему пришлось признать,

что ученіе это пришло уже послѣ вѣка великихъ поэтовъ и не смогло вызвать въ Индіи новаго поэтическаго творчества.

Изучая спеціально санскритъ и индійскую поэтику, Щербатской не сразу разстался однако съ языкознаніемъ, а даже занимаясь усиленно и спеціально санскритомъ у профессора Бюлера, слушалъ лекціи: у профессора Ягича по славянскимъ языкамъ; по романскимъ языкамъ у профессора Мейеръ-Любке, а по общему языкознанію и истолкованію ведическихъ гимновъ у профессора Ф. Мюллера, такъ какъ въ то время, какъ даже иногда и теперь, чтеніе лекцій по Ведамъ велось и ведется не санскритистами, а языковѣдами, примыкая въ этомъ отношеніи ближе къ лингвистикѣ, чѣмъ къ санскритологіи.

Несмотря на громадную работоспособность Щербатского и его исключительныя способности въ изученіи языковъ, онъ скоро увидѣлъ, что для успѣха въ научной работѣ приходится неизбѣжно выбирать между языкознаніемъ и санскритомъ. Обаяніе профессора Бюлера, какъ научнаго руководителя, и увлеченіе санскритомъ и индійскою поэзіею и поэтикою скоро рѣшили дѣло, и Щербатской сдѣлался, какъ мы указали, санскритистомъ; правда, онъ и впослѣдствіи не терялъ интереса къ вопросамъ лингвистики, но изъ всѣхъ его изданныхъ работъ лишь одна посвящена вопросу лингвистическому. Это вопросъ, занимавшій сравнительныхъ грамматиковъ индоевропейскихъ языковъ въ первый періодъ развитія сравнительнаго языкознанія и вновь обратившій на себя въ послѣднее время вниманіе языковѣдовъ. Такъ какъ намъ болѣе не придется говорить о языковѣдныхъ работахъ Ѳедора Ипполитовича, то мы здѣсь же коснемся этой работы, хотя она и относится къ гораздо болѣе позднему времени. Она озаглавлена: «Опредѣлители корней въ тибетскомъ языкѣ», относится къ области т. н. «анатоміи» корней и цѣнна какъ попытка сблизить явленія изъ области языковъ не индоевропейскихъ съ аналогичными явленіями въ области индоевропейской. Такія попытки важны тѣмъ, что расширяютъ постановку вопросовъ языкознанія, которые вотъ уже давно точно монополизированы спеціалистами языковъ индоевропейскихъ. Щербатской даетъ рядъ цѣнныхъ указаній на корни-частицы, имѣвшія, вѣроятно, нѣкогда самостоятельное значеніе, но утерявшія его и исполняющія служебную роль по отношенію къ корнямъ самостоятельнымъ; въ этихъ частицахъ Щербатской и видитъ предшественницъ коренныхъ опредѣлителей. Насколько плодотворны такіе экскурсы за предѣлы индоевропейскаго языкознанія, явствуетъ и изъ заключительнаго примѣчанія къ статьѣ, гдѣ Ѳедоръ Ипполитовичъ, опираясь на сообщеніе академика П. К. Коковцова, указываетъ на аналогичный вопросъ объ опредѣлителяхъ корней и въ области семитическихъ языковъ.

Эти работы и занятія, которыя позволяютъ говорить о Ѳедорѣ Ипполитовичѣ въ это время, какъ объ уже вполнѣ опредѣлившемся ученомъ, и которыя дали ему имя въ кругу спеціалистовъ, были однако въ его личномъ пониманіи его научныхъ задачъ лишь подготовительными, и онъ считалъ необходимымъ расширить индологическую базу своихъ занятій. Кромѣ шастры поэтики, о которой мы говорили, онъ подъ руководствомъ Бюлера изучалъ грамматику по туземной системѣ Панини и читалъ

нѣкоторые философскіе тексты. Самъ Бюлеръ не увлекался ни грамматикой, ни философіей, а былъ по преимуществу историкомъ. Онъ боролся съ распространеннымъ въ то время и даже почти общепринятымъ представленіемъ объ антиисторическомъ направленіи индійцевъ и мнимомъ равнодушіи ихъ къ исторіи. Бюлеръ указывалъ и на громадный историческій матеріалъ надписей, и на историческія поэмы, и на обширный историко-культурный матеріалъ, заключенный въ богатѣйшихъ археологическихъ памятникахъ, которыми полна Индія, и которые только потому какъ будто нѣмы, что никто ими настоящимъ образомъ не занимается. Бюлеру принадлежитъ громадная заслуга, что индійскую эпиграфику и археологію онъ вывелъ изъ стадіи любительства и сдѣлалъ изъ нея строго научную дисциплину. Но поскольку онъ въ отношеніи къ шастрамъ имѣлъ громадное вліяніе на научное развитіе Щербатского, настолько же онъ мало повліялъ на него въ области изученія исторіи. Правда, Щербатской издалъ со всею акрибіею эпиграфиста надпись царя Çilāditya II (VII в.) и показалъ себя достойнымъ ученикомъ профессора Бюлера, но самъ онъ явно смотрѣлъ на эту работу лишь какъ на методологическое упражненіе, не болѣе. Чисто историческія изысканія мало его интересовали. Его умъ, увлекавшій его въ сторону широкихъ и глубокихъ философскихъ обобщеній, не отвлекался въ сторону тѣхъ историческихъ построеній, которыя стремятся установить ходъ преемственности явленій и самую эту преемственность. Для него было всегда важнѣе то, что́ создалось. Это же въ сущности ходъ развитія и въ индійскихъ шастрахъ. Припомнимъ, что въ Индіи часто не сохранилось даже имени, тѣмъ болѣе даты того, кто впервые высказалъ ту или другую идею, легшую затѣмъ въ основу цѣлаго ученія. Еще недавно, во введеніи къ изданію одного текста Щербатской бросилъ упрекъ, далеко впрочемъ не несправедливый, въ увлеченіи индійской филологіи открытіями древностей Восточнаго Туркестана, которое стало, какъ онъ иронически говоритъ — «научною модою». Θедоръ Ипполитовичъ привѣтствуетъ эти открытія почти лишь постолько, посколько они содѣйствовали изданію и переводу буддійской шастры, знаменитаго философскаго трактата Васубанду Абидармакоша, «ибо, говоритъ онъ, Коша Васубанду — шастра, а что такое шастра, когда она построена великимъ индійскимъ мыслителемъ, и какъ ее развиваютъ его послѣдователи, хорошо извѣстно, и какъ о примѣрѣ шастры стоитъ только вспомнить грамматическую шастру Панини, Катьяяны и Патанджали». Съ этимъ глубоко индійскимъ пониманіемъ шастры Щербатской вернулся въ 1893 году на родину, пройдя такую научную школу въ своей спеціальности, какую рѣдко кому удается пройти. Въ этой школѣ онъ пріобрѣлъ ту строгую методичность научной работы, которая отличаетъ не только его личные труды, но является основою его университетскаго преподаванія, гдѣ онъ умѣетъ внушить ее своимъ ученикамъ.

Годы 1893—1900, по независѣвшимъ отъ Θ. И. Щербатского причинамъ, отвлекли его отъ интенсивной и систематической научной работы: мы видимъ его въ это время сельскимъ хозяиномъ, земскимъ гласнымъ, земскимъ начальникомъ, уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Занимаясь общественной дѣятельностью и сель-

скимъ хозяйствомъ, Θедоръ Ипполитовичъ не переставалъ однако слѣдить за литературой своего предмета, пока, наконецъ, послѣ поѣздки на Римскій Конгрессъ Оріенталистовъ въ 1900 г. и занятій въ Боннѣ у профессора Якоби не вернулся окончательно къ Индіи, изученіе духовной культуры которой съ этого времени стало окончательно цѣлью его жизни.

Въ профессорѣ Якоби Щербатской нашелъ ученаго, особенно близкаго ему по духу и котораго онъ прекрасно охарактеризовалъ, косвенно характеризуя этимъ и себя; я, поэтому, приведу здѣсь его подлинныя слова: «Направленіе, говоритъ онъ, возглавляемое профессоромъ Якоби въ индійской филологіи, восходитъ въ общемъ къ тому же, что составляло оригинальность профессора Бюлера, т. е. высокая оцѣнка и преобладающее значеніе, придававшееся имъ индійской туземной учености. Разница состояла въ томъ, что для профессора Бюлера значеніе индійскихъ наукъ было лишь средствомъ для историческихъ и литературныхъ изслѣдованій, тогда какъ у профессора Якоби исторія отходитъ на второе мѣсто, центръ вниманія направляется на эти науки, онѣ становятся объектомъ изученія сами по себѣ. Чѣмъ болѣе раскрывается богатство ихъ содержанія, тѣмъ глубже становится ихъ интересъ. Европейская наука, къ большому своему ущербу, долгое время смотрѣла на индійскую ученость свысока, предполагая, что совершенствомъ своего критическаго метода она легко оставитъ за флагомъ традиціонное знаніе туземныхъ ученыхъ. Но оказалось, что совершенство метода далеко не всегда обезпечиваетъ вѣрность результата. Въ связи съ этимъ профессоръ Якоби любилъ повторять афоризмъ, что главное въ наукѣ есть пониманіе, разумѣя подъ этимъ, что туземная традиція, для которой своя литература является живымъ достояніемъ, можетъ дать намъ часто гораздо больше, чѣмъ самый совершенный, но сухой методъ иностранца». Въ связи съ этими занятіями индійской поэтикой и была написана упомянутая выше статья «Теорія поэзіи въ Индіи» (1902) и намѣченъ былъ рядъ переводовъ съ санскритскихъ текстовъ по поэтикѣ: Θедоръ Ипполитовичъ всегда держался и держится того взгляда, что пониманіе текста можно обнаружить не столько его изданіемъ и изслѣдованіемъ, сколько переводомъ, при которомъ, перелагая чужія понятія въ слова родного языка, выясняешь, какимъ именно нашимъ понятіямъ отвѣчаютъ эти чужія понятія.

Но всѣ эти работы должны были уступить мѣсто тѣмъ изслѣдованіямъ, которыя стали основою ученыхъ занятій Θедора Ипполитовича, а именно, изслѣдованіямъ индійской и спеціально буддійской философіи. Онъ всегда говорилъ, что по его глубокому убѣжденію именно въ философіи и лежитъ главный и глубокій смыслъ индійской культуры. «Достиженія ея въ области астрономіи, математики, медицины, говоритъ Θедоръ Ипполитовичъ, велики, замѣчательны въ области права, восхитительны въ области поэзіи, единственны въ области поэтическаго творчества, но въ области философіи и религіи лежитъ центръ наивысшихъ ея достиженій. Религія въ Индіи связана всегда съ опредѣленной философской системой, между ними нѣтъ того противоположенія и вражды, которыя часто возникали въ Европѣ. Разработанная до мельчайшихъ подробностей философская система даже часто предшествуетъ

въ Индіи ея облеченію въ религію, обращающуюся къ народнымъ массамъ. На это обстоятельство не было достаточно обращено вниманія, и это до извѣстной степени задерживало прогрессъ изученія».

Получивъ въ школахъ профессоровъ Бюлера и Якоби подготовку въ смыслѣ знакомства со стилемъ и методомъ индійскихъ наукъ вообще, Ѳедоръ Ипполитовичъ направилъ свою работу естественно въ ту сторону, которая была предуказана географическимъ положеніемъ нашего отечества, сосѣдствомъ съ буддійскимъ міромъ и богатствомъ нашихъ книжныхъ собраній въ этой области. Что касается спеціально буддизма, то въ европейской наукѣ, въ томъ направленіи, которое было ей придано профессорами Бюлеромъ и Якоби, существовалъ предвзятый взглядъ на второстепенное значеніе этой религіи, по сравненію съ брахманизмомъ. Наука стала смотрѣть на буддизмъ глазами какъ бы брахманистовъ, и это мнѣніе оправдывалось отчасти тѣмъ, что представляютъ собой остатки буддизма на Цейлонѣ и въ Бирмѣ. Литература его по богатству и разнообразію далеко не выдерживаетъ сравненія съ брахманизмомъ, и глубокая и интересная философская система, составляющая его, такъ сказать, научную подкладку, страннымъ образомъ, оставалась внѣ поля зрѣнія ученыхъ, до самаго послѣдняго времени, когда на нее указалъ нашъ ученый О. О. Розенбергъ. Между тѣмъ, многія данныя указывали на то, что была длинная эпоха въ исторіи индійской образованности, предшествовавшая тому времени, когда буддизмъ выступилъ сильнымъ и удачнымъ конкуррентомъ брахманизма и занялъ руководящее мѣсто въ индійской культурной жизни. Ѳедоръ Ипполитовичъ началъ съ изученія единственнаго, напечатаннаго, хотя и въ плохомъ изданіи, санскритскаго текста — учебника логики буддійскаго философа Дармакирти. Изученіе его скоро привело Ѳедора Ипполитовича къ убѣжденію, что логика излагается имъ въ связи съ теоріей познанія, доведена до высокой степени совершенства, резюмируетъ собою все предшествующее развитіе, что вообще въ лицѣ Дармакирти мы имѣемъ, такъ сказать, индійскаго Канта, какъ по мѣсту, занимаемому въ исторіи философіи Индіи, такъ и по глубинѣ и совершенству созданной имъ системы. Дармакирти Ѳедоромъ Ипполитовичемъ посвящено двѣ книги, изъ которыхъ одна содержитъ общее введеніе, переводъ и толкованіе его логическаго сочиненія, а другая — систематическое изложеніе его системы, сравнительно съ предшествовавшими и послѣдовавшими буддійскими и брахманскими системами. Изученіе Дармакирти бросило свѣтъ на предшествовавшее развитіе, гдѣ съ буддійской стороны выдвигались, какъ великіе ученые, Васубанду и Диннага.

Такъ какъ вся эта литература сохранилась въ образцовыхъ тибетскихъ переводахъ, то естественно Щербатскому пришлось расширить базу своей научной работы и захватить въ нее и тибетскую литературу и языкъ. Онъ отлично сознавалъ, что, не выходя изъ Индіи и не передвигая санскритской базы своей научной работы, ему хватило бы съ избыткомъ дѣла на всю жизнь. Но таковъ былъ интересъ открывшагося изслѣдователю періода индійской образованности, что Ѳедоръ Ипполитовичъ рѣшилъ ограничить сферу своихъ знаній въ области древней Индіи и за-

хватить, вмѣсто того, часть Тибета и Монголіи. Другимъ слѣдствіемъ изученія Дармакирти было создавшееся въ Өедорѣ Ипполитовичѣ научное убѣжденіе, что, хотя внѣшнимъ образомъ буддизмъ и исчезъ съ индійскаго материка, однако вліяніе его замѣтно на каждомъ шагу въ послѣдующей брахманской образованности, которая вся какъ бы пропитана минувшимъ творчествомъ буддистовъ и не можетъ быть понята безъ знанія этой стороны. Переживъ буддизмъ, брахманизмъ какъ бы остановился въ своемъ развитіи, равно какъ и буддизмъ, перейдя въ Тибетъ и Монголію, болѣе уже существенно не измѣнялся.

Такимъ образомъ, изученіе буддійской философіи, ея содержанія и историческаго развитія захватываетъ собою, такъ сказать, два филологическихъ сектора, изъ которыхъ одинъ составляетъ часть индологіи, а другой обнимаетъ Тибетъ, Монголію и Китай съ Японіей. Это развитіе, начавшись еще въ ведическую эпоху индійской образованности, постепенно росло и достигло своей кульминаціонной точки въ личности великаго Дармакирти. Затѣмъ, какъ зрѣлый плодъ, оно перенеслось въ страны Сѣвернаго Буддизма, гдѣ въ общихъ чертахъ продолжаетъ и нынѣ жить въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ было первоначально перенесено изъ Индіи. Такимъ образомъ, для дальнѣйшаго изученія этого предмета предстояло познакомиться съ состояніемъ индійской и тибетской образованности въ самой Индіи и Тибетѣ. Для этой цѣли Өедоромъ Ипполитовичемъ были предприняты два путешествія, въ Индію и въ Монголію. Съ особенно глубокимъ чувствомъ научнаго удовлетворенія онъ вспоминаетъ о своемъ индійскомъ путешествіи. Оно дало ему возможность, въ виду неподвижности индійскаго уклада жизни, какъ бы перенестись на 1000 лѣтъ назадъ и прожить почти годъ въ тѣхъ самыхъ условіяхъ и въ томъ кругѣ людей и понятій, въ какихъ, вѣроятно, жили великіе творцы блестящей эпохи расцвѣта индійской философіи. Среди индо-брахманскихъ эпигоновъ буддизма центральное мѣсто занимаетъ Vacaspatimiçra, великій ученый эклектикъ, съ одинаковымъ безпристрастіемъ и блескомъ изложившій всѣ главнѣйшія системы брахманизма въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ оказались послѣ сильнѣйшаго вліянія, оказаннаго на нихъ буддизмомъ. Переводъ и анализъ этихъ сочиненій долженъ служить краеугольнымъ камнемъ того фундамента, на которомъ окажется возможнымъ создать исторію индійской философіи. Изъ нихъ два Nyāyakaṇikā и Tatparyayaṭīkā у Өедора Ипполитовича уже готовы, и печатаніе ихъ можетъ быть уже начато. Что касается тибетскаго сектора очерченной науки, то тутъ также путемъ путешествія и знакомства съ выдающимися учеными ламами Өедору Ипполитовичу удалось ознакомиться съ положеніемъ индотибетской культуры въ этихъ странахъ, при чемъ онъ также склоняется къ убѣжденію, что укладъ жизни тибетскихъ и монгольскихъ монастырей, въ томъ, что касается дисциплины и изучаемыхъ отраслей знанія, въ общемъ не измѣнился, и, изучая современное ихъ состояніе, мы непосредственно погружаемся въ индійскую образованность VII вѣка.

Изъ намѣченныхъ и уже осуществленныхъ отчасти работъ на первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ полное изданіе всѣхъ сочиненій Дармакирти, ихъ переводъ и анализъ.

Изданы и переведены Θедоромъ Ипполитовичемъ Nyāyabindu и Saṃtānāntarasiddhi, подготовляется Saṃbandhaparīkṣā и Pramāṇavārttikā. Изъ предшествующей литературы много труда Θедоромъ Ипполитовичемъ посвящено сочиненію Васубанду Abhidharmakoça. Переводъ этого сочиненія отчасти уже готовъ, и можно будетъ приступить къ его печатанію, какъ только обстоятельства издательскаго дѣла это допустятъ. Въ связи съ предпринятымъ приватъ-доцентомъ О. О. Розенбергомъ переводомъ другого сочиненія того же автора, это составитъ надежный фундаментъ для изученія буддійской философіи въ критическій моментъ перехода ея отъ реализма къ идеализму. Независимо отъ этой главной задачи, Θедоромъ Ипполитовичемъ попутно задѣты были нѣкоторыя второстепенныя задачи. Такъ, довольно много времени положено было на знакомство съ исторіей буддизма въ Индіи и Тибетѣ ученаго Будона-Рим-бо-чэ. Результатомъ этого изученія явилась отчасти статья: La littérature Yogācāra d'après Bouston, помѣщенная въ Muséon за 1906 г., а также сдѣланное по просьбѣ профессора Такакусу извлеченіе изъ того же автора о литературѣ школы Сарвастивадиновъ по Абидармѣ. Journ. of the Pāli Text Society 1905 г.

Таковымъ представляется въ общихъ чертахъ ходъ развитія научныхъ стремленій и научныхъ работъ Θ. И. Щербатского; необходимо еще остановиться на томъ, какъ имъ были осуществлены эти стремленія, и каковы методы его работы. Прежде всего мы видимъ строгую планомѣрность его научныхъ изысканій: уяснивъ себѣ ходъ развитія индійской философіи, онъ беретъ основныя сочиненія, изучаетъ ихъ и затѣмъ издаетъ и переводитъ. Мы видимъ, что списокъ его работъ не великъ по количеству номеровъ, это понятно: у Θедора Ипполитовича мало статей, онъ пишетъ книги, онъ терпѣливо изъ года въ годъ работаетъ надъ однимъ текстомъ и только, когда онъ ему совершенно ясенъ, онъ издаетъ и переводитъ его. Превосходное знаніе тибетскаго языка позволило ему использовать удивительный вспомогательный и контрольный аппаратъ, который представляютъ собою тибетскіе переводы санскритскихъ оригиналовъ, часто безвозвратно потерянныхъ или пока еще не разысканныхъ. Эти переводы представляютъ собою плодъ изслѣдовательской работы переводческихъ комиссій изъ знатоковъ буддизма, санскрита и тибетскаго языка, и потому понятно, какое громадное они имѣютъ значеніе. Богатство петроградскихъ библіотекъ и спеціально Азіатскаго Музея тибетскими книгами дало въ руки Θедора Ипполитовича исключительный по цѣнности матеріалъ, широко имъ использованный.

Книгу за книгою Θедоръ Ипполитовичъ обрабатываетъ памятники индійской философіи, при чемъ его переводы, тщательно комментированные, являются настоящими изслѣдованіями, ибо въ отличіе отъ многихъ переводчиковъ онъ считаетъ себя обязаннымъ не оставлять не раскрытымъ ни одного философскаго термина и тамъ, гдѣ, какъ и въ нашихъ языкахъ, однимъ и тѣмъ же словомъ передаются въ зависимости отъ контекста разные термины, онъ предваряетъ переводъ долгимъ изслѣдованіемъ, необходимымъ для установленія терминологіи. Всякій, кому приходилось работать въ области философіи, пойметъ всю трудность, сложность и важность подобнаго труда, такъ какъ отъ него зависитъ и правильное изданіе и толкованіе

текста, который поступаетъ въ руки спеціалистовъ философовъ, не знающихъ языка оригинала. Мы вправѣ сказать, что только теперь, съ работами Ѳ. И. Щербатского, изученіе буддійской философіи, имѣвшей столь исключительное значеніе для развитія индійской философіи, стало на твердую научную базу, и что имена великихъ буддійскихъ философовъ Дармакирти, Диннаги, Васубанду перестали быть лишь именами, а сдѣлались опредѣленными понятіями. Ѳедоръ Ипполитовичъ не только работалъ лично, но и какъ преподаватель въ Университетѣ проводилъ среди молодыхъ спеціалистовъ по Дальнему Востоку свои методы работы и свои идеи; его благотворное вліяніе уже сказалось на нѣкоторыхъ изъ нихъ, а одному изъ нихъ, О. О. Розенбергу, мы обязаны выдающимся изслѣдованіемъ «Проблемы буддійской философіи». Но не на однихъ нашихъ молодыхъ ученыхъ сказалось научное вліяніе Ѳедора Ипполитовича, мы можемъ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія установить, что вліяніе работы Ѳедора Ипполитовича надъ буддійскою философіею сказалось даже на его учителяхъ, профессорахъ Бюлерѣ и Якоби, которые несомнѣнно подъ вліяніемъ новаго научнаго матеріала, открытаго и изслѣдованнаго Ѳ. И. Щербатскимъ, измѣнили въ значительной мѣрѣ свое старое «брахманское» отношеніе къ буддизму, какъ явленію второстепенному въ культурѣ Индіи. Имъ и другимъ индологамъ пришлось убѣдиться, что именно въ центрѣ индійской культуры, ея философіи, буддизмъ занялъ исключительное мѣсто, и что брахманская философія послѣ буддизма стала иною, испытавъ на себѣ въ широкой мѣрѣ его вліяніе.

Та широкая постановка, которую Ѳ. И. Щербатской далъ своимъ работамъ по индійской философіи, позволяетъ намъ сказать, что онъ занялъ въ индологіи и тибетологіи по праву одно изъ выдающихся мѣстъ. Его личное знакомство съ Востокомъ (въ 1900 г. онъ былъ въ Монголіи, въ 1910 г. въ Индіи), работа на мѣстахъ съ туземными философами индійскими, тибетскими, монгольскими сдѣлали еще болѣе обоснованными его знанія и позволили ему особенно глубоко проникнуть въ духъ буддійской философіи, такъ какъ на Востокѣ преданіе особенно устойчиво.

Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ Ѳ. И. Щербатской, который съ 1910 г. состоитъ нашимъ членомъ-корреспондентомъ, дѣятельно участвуетъ въ научной работѣ Академіи, особенно какъ одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ «Bibliotheca Buddhica».

Все вышесказанное побуждаетъ нижеподписавшихся, съ согласія Президента Россійской Академіи Наукъ, предложить члена-корреспондента Академіи, ординарнаго профессора Петроградскаго Университета Ѳедора Ипполитовича Щербатского въ ординарные академики по Литературѣ и Исторіи Азіатскихъ Народовъ.

18 сентября 1918 г.

Сергѣй Ольденбургъ.
П. Коковцовъ.
Н. Марръ.
В. Бартольдъ.

Списокъ научныхъ работъ профессора Ѳ. И. Щербатского.

1) Über das Haihayendracarita des Harikavi. Изслѣдованіе, санскр. текстъ и нѣмецкій переводъ. Mémoires de l'Académie Imp. des Sc. de St-Pétersbourg. VIII Sér., T. IV, 1900.

2) The Lunsaḍī Plates of King Śilâditya II, Gupta Saṃvat 350. Epigraphia Indica, vol. IV, p. 74—81.

3) Теорія поэзіи въ Индіи, ст. въ ЖМНП. 1902. Ч. 341, Іюнь, Отдѣлъ II, стр. 299—329.

4) Логика въ древней Индіи, ст. въ ЗВОИРАО. XIV, 155—173.

5) Буддійскій философъ о единобожіи, ibid. XVI, 058—074.

6) Теорія познанія и логика по ученію позднѣйшихъ буддистовъ. Часть I, Учебникъ логики Дармакирти. Петроградъ, 1903 г. (Изд. Фак. Вост. Яз.).

7) Тоже, ч. II, Ученіе о воспріятіи и умозаключеніи. Петроградъ, 1909 г. (Изд. Фак. Вост. Яз.).

8) Rapport entre la théorie bouddhique de la connaissance et l'enseignement des autres écoles philosophiques de l'Inde. Muséon, V, p. 171—214.

9) Notes de littérature bouddhique. La littérature Yogācāra d'après Bouston, ibid. VI, p. 144—155.

10) Voyage à Ourga. Compte-rendu sommaire. Mémoires du Comité russe pour l'exploration de l'Asie Centrale et de l'Extrême-Orient.

11) Опредѣлители корней въ тибетскомъ языкѣ. Сборникъ въ честь В. И. Ламанскаго. Ч. I. СПБ. 1907. (Отд. отт. 1905 г.).

12) Статья «Индія» въ Энциклопедіи Мейера и Южакова.

13) Nyāyabindu и Nyāyabinduṭīkā. Тибетскій текстъ съ предисловіемъ и примѣчаніями. (Bibl. Bud. № VIII).

14) Nyāyabinduṭīkāṭippaṇī. Санскр. текстъ. (Bibl. Bud. № XI).

15) Saṃtānāntarasiddhi, соч. Дармакирти съ толкованіями Винитадевы и Дандар-лхарамбы. (Bibl. Bud. № XIX).

16) Nyāyabindu и Nyāyabinduṭīkā. Санскр. текстъ. (Bibl. Bud. № VII).

17) Abhidharmakoçakārikā и bhāṣya. First koçasthāna. Тиб. переводъ. (Bibl. Bud. № XX).

18) Въ сотрудничествѣ съ проф. S. Lévi Abhidharmakoçavyākhyā Sphuṭārthā. (Bibl. Bud. № XXI).

(Выпускъ II печатается въ сотрудничествѣ съ проф. Wogihara).

19) Abhidharmakoçakārikā и bhāṣya. Тибетскій переводъ, II глава (печатается).

20) Краткій Отчетъ о командировкѣ въ Индію. Изв. Р. К. для изсл. С. и В. А. № 11, с. II, 1912 г.

21) Ученіе о категорическомъ императивѣ у Брахмановъ. Сб. М. А. и Э. Р. А. Н. т. V, 1918 г.

22) Памятники индійской философіи. Серія (печатаются): Т. I. Опроверженіе солипсизма. Введеніе и переводъ соч. Дармакирти Saṃtānāntarasiddhi.

23) То же, т. II. Изслѣдованіе Долга (Vidhiviveka), соч. Манданамишры, съ толкованіемъ Вачаспатимишры. Переводъ съ санскр., съ введеніемъ о философіи Миманса (печатается).

24) То же, т. III. Учебникъ философіи буддизма, соч. Васубанду (Abhidharmakoçakārikā и bhāṣya). Переводъ съ тибетскаго перевода. Часть I (печатается).

25) The soul theory of the Buddhists, ст. въ ИРАН. (печатается).

26) Выдержки изъ соч. Будона-Римбо-че «Исторія буддизма» вошли въ составъ статьи проф. Такакусу: On the Abhidharma litterature of the Sarvāstivādins. J. of the Pāli text society, 1905 г.

Напечатано по распоряженію Россійской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1918 г. Непремѣнный Секретарь академикъ *С. Ольденбургъ.*

Типографія Россійской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9-я л., № 12).

Приложеніе къ протоколу X засѣданія Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи Россійской Академіи Наукъ 18 (5) сентября 1918 года.

Опытъ кодификаціи идеографическаго элемента японскаго языка.

Записка О. О. Розенберга.

(Представлено Директоромъ Азіатскаго Музея).

Предлагаемый въ рукописи матеріалъ, обнимающій отъ 200 до 300 тысячъ іероглифическихъ выраженій съ указаніемъ ихъ звуковыхъ эквивалентовъ, имѣетъ троякое назначеніе:

1) онъ является первою попыткою систематизаціи іероглифическаго состава японскаго языка;

2) онъ служитъ ключемъ къ обширной, но, по нижеуказаннымъ причинамъ, до сихъ поръ недоступной японской лексикографической литературѣ;

3) онъ можетъ послужить исходной точкою при составленіи, въ будущемъ, полнаго японско-европейскаго словаря.

Въ каждомъ изъ упомянутыхъ отношеній настоящая работа тѣсно примыкаетъ къ изданнымъ мною двумъ лексическимъ пособіямъ: къ словарю единичныхъ іероглифовъ, расположенныхъ по новой системѣ, и къ первой части введенія въ изученіе буддизма по японскимъ и китайскимъ источникамъ. Всѣ эти работы вмѣстѣ составляютъ какъ бы одно цѣлое, поскольку рѣчь идетъ о классификаціи идеографическаго состава японскаго языка.

Причины, побудившія меня къ составленію подобнаго рода пособій, вкратцѣ были указаны мною въ введеніяхъ къ вышеупомянутымъ двумъ работамъ. Традиціонныя системы лексикографіи и ихъ недостатки, новая система и необходимость новой постановки вопроса о методѣ анализа китайско-японской системы письменности явятся предметомъ подробнаго обсужденія въ намѣченномъ мною пропедевтическомъ курсѣ по введенію въ изученіе идеографической письменности. Здѣсь я попытаюсь объединить сказанное въ разныхъ мѣстахъ и приложить его къ представляемому рукописному матеріалу, который является третьимъ замыкающимъ звеномъ въ предпринятомъ мною циклѣ основныхъ лексическихъ пособій по изученію японскаго языка.

Останавливаюсь всего только на трехъ пунктахъ: 1) недоступность японскихъ словарей и необходимость предварительной кодификаціи словарнаго мате-

ріала по іероглифамъ: 2) новая система расположенія іероглифовъ, общая для китайскаго и японскаго словаря; 3) выборъ и составъ источниковъ, матеріалъ коихъ подвергнутъ систематизаціи въ предлагаемой работѣ; отношеніе этой послѣдней къ другимъ, составленнымъ мною, лексическимъ пособіямъ.

I.

О недоступности японскихъ словарей. Японскій словарь и вообще японская система письменности настолько своеобразны, что чрезвычайно трудно дать о нихъ наглядное представленіе тому, кто не испыталъ на практикѣ всей громоздкости и неестественности японскаго лексическаго аппарата, столь тормозящаго успѣшное изученіе японскаго языка и литературы. Можно сказать, что основная причина медленнаго развитія японологіи кроется въ отсутствіи научной системы лексикографіи.

Сущность японскаго словаря, по сравненію съ европейскимъ или вообще алфавитнымъ, можетъ быть охарактеризована слѣдующимъ образомъ: для того, чтобы отыскать незнакомое слово въ европейскомъ словарѣ, предполагается лишь знакомство съ начертаніемъ буквъ, знаніе алфавитнаго порядка этихъ буквъ и знакомство съ принципомъ расположенія словъ по алфавиту. Другихъ предварительныхъ знаній не требуется (за исключеніемъ, развѣ, усвоенія элементарныхъ фактовъ грамматическихъ): не нужно знать ни произношенія слова, ни ударенія, ни значенія — на всѣ эти вопросы отвѣчаетъ именно словарь, который благодаря тому и является орудіемъ для усвоенія языка.

Иначе обстоитъ дѣло въ японскомъ словарѣ. Японцы излагаютъ мысли при помощи идеограммъ, которыя являются символами предметовъ и понятій, а не звуковъ (какъ наши буквы), располагаютъ же они идеограммы въ словаряхъ по условному *произношенію.* Такимъ образомъ, для того, чтобы найти встрѣтившееся выраженіе въ словарѣ, необходимо предварительно *уже знать его произношеніе;* а такъ какъ произношеніе іероглифа, поскольку рѣчь идетъ о японскихъ, а не китайскихъ, выраженіяхъ, ассоціируется съ начертаніемъ лишь при посредствѣ знанія значенія даннаго іероглифа, то въ сущности японскій словарь *предполагаетъ уже знаніе и значеніе* искомаго выраженія; слѣдовательно — японскій словарь орудіемъ для пріобрѣтенія такого знанія служить не можетъ: *японскій словарь недоступенъ для того, кто японскаго языка еще не знаетъ.*

Этимъ объясняется постоянная зависимость занимающагося японскимъ языкомъ отъ помощи устныхъ указаній со стороны туземнаго учителя, замѣняющаго то орудіе, которымъ при изученіи другихъ языковъ является словарь.

Недоступность японскаго словаря усугубляется на практикѣ еще вслѣдствіе того, что 1) одинъ и тотъ же іероглифъ, въ зависимости отъ контекста, или подъ вліяніемъ скомбинированныхъ съ нимъ іероглифовъ, можетъ имѣть различныя чтенія, по крайней мѣрѣ 2 или 3, а очень часто до 10, 15 и даже болѣе чтеній, вслѣд-

ствіе чего и въ словарѣ выраженія, относящіяся къ одной и той же идеограммѣ, окажутся расположенными во многихъ мѣстахъ, и 2) вслѣдствіе того, что звуковые эквиваленты идеограммъ въ словарѣ изображаются при помощи силлабической азбуки по правиламъ традиціонной орѳографіи, имѣющей лишь фиктивное, мертвое значеніе и не имѣющей отношенія ни къ самому іероглифу, какъ таковому, ни къ его значенію.

Для того, чтобы воспользоваться японскимъ словаремъ, недостаточно, поэтому, даже и знанія того, какъ произнести данный іероглифъ; нужно, кромѣ того, знать и условную, часто совершенно произвольную, *орѳографію* звуковой транскрипціи.

Японцы пользуются довольно примитивнымъ методомъ выхода изъ только-что описаннаго труднаго положенія: они *иногда* свои словари снабжаютъ списками іероглифовъ, расположенными по числу входящихъ въ іероглифы чертъ. Такой методъ сопряженъ съ огромной затратой времени и энергіи на подсчетъ чертъ, при чемъ точность въ опредѣленіи мѣста іероглифа все же не достижима. Другой методъ, ключевой, примѣняемый въ китайскихъ словаряхъ, въ Японіи не пользуется популярностью; такъ называемые японскіе ключевые словари — въ сущности китайско-японскіе, а не японскіе словари: *словаря японскаго языка, расположеннаго по іероглифамъ, до сихъ поръ не существуетъ*. Большинство лучшихъ словарей, въ особенности спеціальные, даже и вышеупомянутыми указателями по числу чертъ не снабжены, а поэтому *основной японскій лексическій матеріалъ до сихъ поръ является недоступнымъ*.

Въ предлагаемой работѣ кодификаціи подвергся *матеріалъ японскихъ* словарей, расположенный такимъ образомъ *впервые по іероглифамъ*; указаніе при каждомъ выраженіи звуковыхъ эквивалентовъ по традиціонной орѳографіи даетъ возможность найти каждое выраженіе въ любомъ японскомъ словарѣ, безъ помощи устныхъ указаній, и обезпечиваетъ поэтому возможность самостоятельной работы при помощи японскаго лексическаго матеріала.

Основнымъ принципомъ предлагаемой работы является, такимъ образомъ, принципъ нашихъ словарей, то есть правило, что словарь долженъ опираться на *фактическій, данный* намъ въ памятникахъ письменности матеріалъ, то есть на слова (или идеограммы) въ томъ видѣ, какъ они на самомъ дѣлѣ *написаны*, и независимо отъ того, какъ они произносятся, или отъ того, что́ они означаютъ. *Словарь японскаго литературнаго языка, поскольку онъ является языкомъ идеографическимъ, долженъ исходить изъ іероглифовъ.*

II.

О расположеніи іероглифовъ въ словарѣ. Требованіе исходить при составленіи японскаго словаря изъ іероглифовъ — неоспоримо. Возникаетъ, однако, новая проблема, вопросъ о системѣ, по которой матеріалъ долженъ быть расположенъ. Изъ традиціонныхъ системъ единственно примѣнимой можетъ считаться лишь ключевая, несмотря на свои недостатки. Но громоздкость и, главное, неточность и ненауч-

ность этой системы заставили меня отказаться отъ примѣненія ея. Іероглифическій матеріалъ въ предлагаемой работѣ расположенъ по выработанной мною *новой системѣ*, обоснованной въ введеніи къ моему японскому словарю единичныхъ іероглифовъ.

Опытъ, пріобрѣтенный при составленіи словаря буддійскихъ терминовъ, доказалъ полную несостоятельность ключевой системы, какъ орудія для кодификаціи необработаннаго матеріала. Недостатки ключевой системы заключаются не столько въ неопредѣленности самого ключевого элемента (10—15% іероглифическаго матеріала китайскими же лексикографами относится къ категоріи іероглифовъ, ключи-опредѣлители коихъ трудно узнаваемы), сколько въ неточности установленія мѣста іероглифа въ ряду относящихся къ одному и тому же ключу. Приблизительно мѣсто опредѣляется по числу чертъ неключевой части, но, такъ какъ число іероглифовъ, состоящихъ изъ одного и того же ключа съ однимъ и тѣмъ же числомъ чертъ въ неключевой части иногда весьма велико, то *точное опредѣленіе мѣста іероглифа совершенно невозможно*. Требованіе, которое предъявляется настоящему словарю, заключается именно въ томъ, чтобы комбинація, напр., «abm» помѣщалась съ *абсолютной* точностью между «abl» и «abn».

Такимъ образомъ, долженъ былъ возникнуть вопросъ, нельзя ли и *къ іероглифамъ приложить методъ алфавитнаго словаря*, обезпечивающій точность и быстроту при обработкѣ словеснаго матеріала. Для этого нужно было отыскать въ іероглифической системѣ письменности такіе элементы, которые соотвѣтствовали бы нашимъ *буквамъ*; найденныя буквы надлежало расположить въ опредѣленномъ, *обязательномъ рядѣ*, аналогичномъ нашему алфавиту; наконецъ, было необходимо установить въ предѣлахъ сложныхъ іероглифовъ опредѣленный порядокъ элементовъ, чтобы при расположеніи іероглифовъ возможно было пользоваться алфавитнымъ принципомъ, по которому слова, начинающіяся съ одной и той же буквы, располагаются по порядку вторыхъ, третьихъ и т. д. буквъ.

Разработанная мною система находится *въ родствѣ съ системою покойнаго академика В. П. Васильева:* 1) въ томъ смыслѣ, что она является развитіемъ его идеи *чисто-графическаго* принципа, не вполнѣ проведеннаго въ трудахъ самого В. П. Васильева, и 2) что и она признаетъ фактъ преобладанія *нижнихъ и правыхъ чертъ*, геніальнѣйшее открытіе В. П. Васильева, недостаточно имъ подчеркнутое. Новая чистема *кореннымъ образомъ отличается отъ системы В. П. Васильева* въ томъ, что 1) исходной точкою являются *не черты*, а *графическіе элементы, аналогичные нашимъ буквамъ;* 2) графическіе элементы расположены въ опредѣленномъ, обязательномъ рядѣ, аналогичномъ нашему алфавиту, при чемъ порядокъ графическихъ элементовъ обоснованъ нѣкоторыми *законами формаціи* простѣйшихъ идеограммъ; 3) элементарныя черты, входящія въ графическіе элементы-буквы, въ свою очередь сведены къ небольшому числу категорій, подчиненныхъ аналогичнымъ законамъ, и расположены въ легко запоминаемомъ порядкѣ, на основаніи ихъ *направленія*; 4) наконецъ, при расположеніи сложныхъ іероглифовъ примѣненъ принципъ, аналогичный *алфавитному принципу*

нашихъ словарей; этотъ принципъ распространяется не только на единичные іероглифы, но и на выраженія, состоящія изъ двухъ и болѣе іероглифовъ.

Открытые при этомъ принципы формаціи идеограммъ, которые, вѣроятно, потребуютъ въ будущемъ коренной реформы методологіи китайско-японской филологіи, явятся предметомъ намѣченной мною отдѣльной работы о законахъ китайскихъ іероглифовъ и о психологіи идеографическаго языка.

Предлагаемая работа расположена въ порядкѣ, принятомъ въ моемъ словарѣ единичныхъ іероглифовъ, гдѣ новая система впервые была примѣнена на практикѣ.

III.

Составъ предлагаемаго матеріала. Источники. — Настоящая работа содержитъ матеріалъ двухъ общеизвѣстныхъ, наиболѣе полныхъ и авторитетныхъ словарей:

1) *Dai jiten*, составленный Yamada, въ двухъ томахъ, Tōkyō, Ōsaka. 1912.

2) *Kotoba no izumi*, составленный Ochiai, въ двухъ томахъ.

Оба труда настолько извѣстны, что о нихъ не приходится распространяться. Ограничусь указаніемъ, что словарь Yamada болѣе универсаленъ, являясь по идеѣ автора сжатой энциклопедіей. Особенное вниманіе удѣлено современному языку; въ отличіе отъ другихъ японскихъ словарей словарь Yamada содержитъ довольно богатый матеріалъ собственныхъ именъ.

Словарь Kotoba no izumi содержитъ преимущественно матеріалъ японской классической литературы, въ широкомъ смыслѣ, т. е. отъ древнѣйшаго періода до эпохи Токугава включительно.

Предлагаемый матеріалъ расположенъ на карточкахъ; онъ, слѣдовательно, легко можетъ быть дополненъ могущимъ появиться новымъ словарнымъ матеріаломъ, хотя существенныхъ многочисленныхъ дополненій, въ виду полноты разработанныхъ источниковъ, ожидать нельзя, поскольку рѣчь идетъ объ общей японской литературѣ, о японскомъ языкѣ вообще. Разумѣется, спеціальная литература, напр., религіозная, юридическая и т. д., потребуетъ отдѣльныхъ изслѣдованій, которыя дадутъ словесный матеріалъ, внесеніе коего въ общій японскій словарь можетъ быть даже не желательно.

Задачи, рѣшеніе которыхъ предстоитъ начинающей развиваться японологіи, огромны, и одною изъ нихъ является, конечно, созданіе полнаго японско-европейскаго словаря, ибо безъ словаря не можетъ быть филологіи. Осуществленія этой задачи въ ближайшемъ будущемъ ожидать нельзя. Кромѣ того, въ виду прогресса филологическихъ работъ японскихъ изслѣдователей въ различныхъ областяхъ изученія дальняго Востока, — цѣлью, къ которой необходимо стремиться прежде всего, является возможность свободнаго и самостоятельнаго использованія современной научной литературы. Если японская филологія, быть можетъ, и долго еще не будетъ отвѣчать всѣмъ требованіямъ строгой критики, всё-таки накопляемый ею матеріалъ

уже самъ по себѣ, а тѣмъ болѣе при критической отдѣлкѣ, даетъ столь богатые результаты, что пренебрегать имъ уже не позволительно.

Такъ какъ японскіе словари, какъ мы видѣли, сами по себѣ недоступны, переизданіе же ихъ очевидно невозможно, то единственнымъ осуществимымъ, притомъ безъ особенной затраты времени, способомъ раскрытія японской лексической литературы является *индексированіе важнѣйшихъ трудовъ* — по примѣру составленныхъ мною списковъ іероглифовъ.

Совершенно необходимъ, однако, *японско-европейскій словарь современнаго японскаго литературнаго языка,* расположенный *по іероглифамъ,* но не слишкомъ обширный, а средняго объема. Для этой цѣли мною былъ расположенъ по іероглифамъ матеріалъ общеизвѣстнаго японско-англійскаго словаря Inoue, содержащаго 50 тысячъ слишкомъ выраженій.

Вообще, при изученіи японскаго языка слишкомъ мало вниманія удѣлялось идеографическому матеріалу, находящемуся въ обиходѣ современнаго японскаго языка. Занятія же іероглифическимъ языкомъ невольно выдвигаютъ проблемы историческаго характера, вопросы о развитіи начертаній, о звуковомъ соотношеніи японскихъ и китайскихъ фонетическихъ эквивалентовъ и т. д.

Исходя изъ такихъ соображеній, я старался за время командировки въ Японію создать *серію предварительныхъ лексическихъ пособій,* объединенныхъ общимъ планомъ, то есть какъ *матеріалъ по изученію японско-китайской идеографической системы письменности.* Предлагаемая работа является частью этого матеріала, тѣсно примыкая къ остальнымъ частямъ, вмѣстѣ съ которыми она образуетъ опредѣленное цѣлое.

Въ *серію* моего лексическаго матеріала входятъ пока слѣдующія работы:

1) *Словарь 8000 единичныхъ іероглифовъ* съ указаніемъ японскихъ чтеній. Работа издана подъ заглавіемъ: Arrangement of the Chinese Characters according to an alphabetical System, with a Japanese dictionary of 8000 characters and *list of 22.000 characters* (Tōkyō 1916. Kōbunsha); японское заглавіе: Godan hairetsu kanjiten.

2) **Опытъ кодификаціи идеографическаго элемента японскаго языка.** Представляемая въ рукописи работа. Содержитъ около 300.000 словъ.

3) *Кодификація по іероглифамъ религіозно-философскаго языка* съ дополненіями *изъ японской исторіи.* Матеріалъ этотъ вошелъ, какъ составная часть, въ первый томъ моего «Введенія въ изученіе буддизма по японскимъ и китайскимъ источникамъ», подъ заглавіемъ: «Сводъ лексикографическаго матеріала». Tōkyō 1916, Птгр. 1917 (ИФВЯ). Эта работа содержитъ около 70.000 выраженій.

4) *Словесный матеріалъ лирическихъ драмъ* Nō, рукопись на карточкахъ; содержитъ около 4000 выраженій.

5) *Матеріалъ для составленія японско-англійскаго словаря современнаго языка;* работа содержитъ весь матеріалъ словаря Inoue, на карточкахъ, рас-

положенныхъ по іероглифамъ, по новой системѣ іероглифовъ; содержитъ около 50.000 словъ.

6) *Китайскія и корейскія параллели* къ списку единичныхъ іероглифовъ, съ указаніемъ китайскихъ и корейскихъ чтеній, тоновъ, традиціоннаго ключа-опредѣлителя, № по словарю Giles. Корейскій матеріалъ извлеченъ изъ словаря Gale. Содержитъ около 20.000 карточекъ.

7) Списокъ современныхъ *курсивныхъ формъ іероглифовъ,* расположенныхъ по новой системѣ. Работа не закончена.

8) Списокъ *древнихъ формъ іероглифовъ,* на основаніи словаря Шо-вэнь и др. Работа не закончена.

При справкахъ въ предлагаемомъ матеріалѣ слѣдуетъ имѣть въ виду, что рукописный матеріалъ на большихъ карточкахъ извлеченъ изъ словаря Yamada; на маленькихъ карточкахъ помѣщается словесный матеріалъ словаря Kotoba no izumi, при чемъ верхній рядъ словъ указываетъ на I-й томъ, а нижній относится къ II-му тому. Единичныхъ іероглифовъ не болѣе 7 — 8 тысячъ, они всѣ вошли въ мой словарь единичныхъ іероглифовъ. Всего карточекъ болѣе 12 тысячъ.

О. Розенбергъ.

Петроградъ, 12 сентября 1918 года.

Приложеніе къ протоколу X засѣданія Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи Россійской Академіи Наукъ 18 (5) сентября 1918 года.

Записка о трудахъ Василія Михайловича Алексѣева, младшаго ученаго хранителя Азіатскаго Музея. 1913—1918.

Магистръ китайской словесности, доцентъ Петроградскаго Университета Василій Михайловичъ Алексѣевъ занимаетъ должность младшаго ученаго хранителя Азіатскаго Музея Академіи Наукъ съ 1 января 1913 года. Его дѣятельность за послѣднее пятилѣтіе состояла, главнымъ образомъ, въ систематизаціи китайскаго отдѣла печатныхъ книгъ и рукописей Музея, который къ 1913 году состоялъ изъ разрозненныхъ собраній, разнымъ образомъ попадавшихъ въ Музей и усвоенныхъ Музеемъ, главнымъ образомъ, какъ бы пассивно, т. е. безъ иниціативы Музея и поисковъ внѣ стѣнъ учрежденія. Располагая рядомъ превосходныхъ изданій, заключающихся въ петровскихъ и екатерининскихъ собраніяхъ, а также въ исключительной по подбору Библіотекѣ Азіатскаго Департамента, отдѣлъ былъ въ состояніи предоставить достаточно цѣнный матеріалъ нѣкоторымъ спеціальностямъ, но никакая научная работа, при современныхъ требованіяхъ синологіи, въ немъ — какъ, между прочимъ, и въ Библіотекѣ Петроградскаго Университета — производиться не могла. Въ заданіе работы В. М. Алексѣева, поступившаго на только-что учрежденную должность штатнаго младшаго ученаго хранителя входило, такимъ образомъ, превращеніе китайскаго отдѣла Музея изъ архивнаго депо въ лабораторію современнаго синолога.

Съ этой цѣлью В. М. Алексѣевъ, при благожелательномъ отношеніи покойнаго директора Музея К. Г. Залемана, а также и въ послѣднее время, использовалъ свои связи и знакомства въ Китаѣ и Японіи для того, чтобы, за невозможностью въ условіяхъ минувшихъ лѣтъ и особенно настоящаго времени непосредственныхъ поисковъ книгъ въ организованной поѣздкѣ на мѣста, развить коллекціи Музея въ указанномъ выше направленіи путемъ систематическихъ выписываній. Въ первую очередь имъ были выписаны обширныя китайскія библіографическія сочиненія и каталоги, какъ въ наилучшихъ оффиціально-придворныхъ изданіяхъ, такъ и въ многочисленныхъ частныхъ. Въ этихъ сочиненіяхъ и описаніяхъ изслѣдователю сразу же предоставляется весь тотъ матеріалъ, которымъ располагаетъ китайская литературная критика, и въ той именно мѣрѣ, въ которой это необходимо современному синологу, работающему пріемами Хирта, Шаванна, Пелліо. Были пріобрѣтены, при этомъ, также лучшія японскія библіографическія изданія, основанныя на китайскихъ, но уже

располагающія матеріалъ по совершеннымъ методамъ европейской науки. Война и связанныя съ нею затрудненія помѣшали прибытію главныхъ частей этой серіи, особенно каталоговъ Университета въ Токіо. Слѣдующею реформою отдѣла было обогащеніе его нѣсколькими десятками изданій, которыми Китай въ правѣ гордиться и которыя представляютъ собою библіотеки-серіи, состоящія изъ рѣдкихъ и цѣнныхъ сочиненій, которыя владѣльцемъ коллекцій и издателемъ одноформатной серіи предоставляемыхъ въ общее пользованіе. Содержаніе этихъ библіотекъ крайне разнообразно и, если не всегда цѣнно для настоящаго момента, то, во всякомъ случаѣ, въ массѣ своей, является совершенно необходимымъ условіемъ работы синолога, справочный матеріалъ котораго, какъ извѣстно, не имѣетъ даже приблизительныхъ границъ. О размѣрахъ этой части пополненія Музея можно судить, напримѣръ, по цифрѣ ингредіентовъ 63 такихъ библіотекъ, выражающейся въ видѣ 3661 названій, большинство которыхъ является какъ бы попутно пріобрѣтенными сочиненіями, которыхъ ad hoc и въ отдѣльной продажѣ искать уже нѣтъ возможности. Въ цѣляхъ планомѣрныхъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній этихъ библіотекъ-серій В. М. Алексѣевъ составилъ алфавитный списокъ всѣхъ извѣстныхъ ихъ изданій, съ указаніемъ на тѣ мѣста особыхъ каталоговъ, гдѣ приводится полностью ихъ содержаніе.

Слѣдующею задачею В. М. Алексѣева было пополненіе китайскаго отдѣла тѣми изданіями китайскихъ древнихъ классиковъ, которыя, не всегда будучи столь внѣшне блестящими, какъ многія императорскія изданія стараго фонда Музея, являются, тѣмъ не менѣе, совершенно необходимыми въ изслѣдовательской работѣ современнаго синолога, для которой классики, какъ извѣстно, служатъ и справочной книгой и словаремъ. Въ эти серіи вошли какъ оригинальныя китайскія изданія, такъ и роскошныя изданія современныхъ японскихъ эрудитовъ, пропагандаторовъ китайской литературы, снабдившихъ свои изданія всѣми усовершенствованіями, о которыхъ говоритъ имъ ихъ воспитаніе въ европейскомъ масштабѣ. Вмѣстѣ съ изданіями классиковъ выписаны были также и изданія многочисленныхъ китайскихъ отдѣльныхъ мыслителей, частью вовсе дотолѣ въ Музеѣ не представленныхъ, частью же лишенныхъ аппарата туземной учености, совершенно необходимаго для работы синолога.

Особо важнымъ заданіемъ для своей музейной дѣятельности В. М. Алексѣевъ считалъ обогащеніе ввѣреннаго ему отдѣла изданіями лучшихъ произведеній китайской изящной литературы и поэзіи, которыя, помимо спеціальныхъ задачъ, совершенно необходимы синологу для справокъ по поводу каждаго сложнаго текста. Съ этой цѣлью были выписаны какъ полныя собранія сочиненій наиболѣе крупныхъ авторовъ, такъ и соединенія ихъ въ многотомныя библіотеки-серіи, а также въ обширныя хрестоматіи всякаго рода. Обращено особое вниманіе на японское книгоиздательство, выпускающее за послѣднее время превосходныя изданія этого типа, совершенныя въ техническомъ отношеніи и весьма достойныя порой и въ научномъ смыслѣ. Къ сожалѣнію, бóльшая часть выписанныхъ изданій, по условіямъ времени, не могла еще прибыть въ Петроградъ.

Наряду съ изданіями оригинальныхъ литературныхъ произведеній В. М. Алексѣевъ выписывалъ въ Музей тѣ китайскія сочиненія, которыя соотвѣтствуютъ, по своему значенію и содержанію, разряду художественной критики въ Европѣ. Въ десяткахъ томовъ и сотняхъ названій сочиненія эти даютъ синологу и матеріалъ для изслѣдованія монографическаго и, въ своей совокупной массѣ, постоянный матеріалъ, представляющій собою крайне разнообразное и разностороннее состояніе китайской литературной критики.

Затѣмъ, передавъ Музею изъ своихъ коллекцій до трехсотъ эстампажей, снятыхъ со стэлъ Музея Сиань фу, которыя сохраняютъ до нашего времени текстъ классиковъ редакціи 837 года, а также излагаютъ дальнѣйшую ихъ же исторію, В. М. Алексѣевъ озаботился усиленіемъ фонда археологическихъ сочиненій и описаній, который былъ отчасти дѣйствителенъ и до 1913 года. Съ этой цѣлью были выписаны какъ спеціально занимающіяся даннымъ вопросомъ изслѣдованія о «каменнописныхъ классикахъ» (ши цзинъ), такъ и сочиненія общеархеологическаго содержанія, какъ, напримѣръ, собраніе сочиненій извѣстныхъ археологовъ (напр., Гу Яньу), каталоги стэлъ, надписей, пайцзъ, печатей, всевозможныхъ памятниковъ древности, палеографіи, и особенно тѣ новыя изслѣдованія современныхъ китайскихъ археологовъ, которыя вызваны послѣдними раскопками въ Китаѣ, а также необыкновенными результатами археологическихъ экспедицій Шаванна и Пелліо. Наряду съ этимъ В. М. Алексѣевъ привелъ въ порядокъ части коллекцій, доставленныхъ въ Музей экспедиціями П. К. Козлова и С. Ѳ. Ольденбурга, эвакуированныя нынѣ въ Саратовъ.

Отдѣлъ Музея пополнялся — независимо отъ библіотекъ-серій, со всѣмъ ихъ богатымъ и разнообразнымъ содержаніемъ, — еще и въ остальныхъ частяхъ. Были пріобрѣтены нѣкоторыя сочиненія полиграфовъ, столь цѣнныхъ порой для возбужденія и даже рѣшенія вопросовъ по китайской археологіи, исторіи, живой старинѣ и т. д. — вообще, важныхъ всякому синологу. Цѣлый рядъ справочныхъ матеріаловъ по исторіи китайскаго искусства, въ видѣ біографическихъ словарей, каталоговъ, художественныхъ журналовъ и т. п., дополняетъ серію пріобрѣтеній, хотя нѣсколько попутнымъ образомъ.

Къ тѣмъ частямъ китайскаго отдѣла, которыя были наиболѣе обильно представлены въ Музеѣ до 1913 года, а именно къ фонду историко-географическихъ сочиненій, В. М. Алексѣевъ присоединилъ много дополненій, какъ непосредственно примыкающихъ къ основнымъ сочиненіямъ, такъ и въ видѣ монографій. Были пріобрѣтены, напр., хронологическіе указатели, дающіе точныя даты историческихъ дѣятелей и авторовъ сочиненій, о которыхъ соотвѣтственныя свѣдѣнія были опущены въ текстахъ офиціальныхъ исторій, а равно и всѣ тѣ, по возможности въ наиболѣе полномъ наборѣ, сочиненія, необходимость которыхъ свидѣтельствуется въ работахъ Шаванна и Пелліо. Были выписаны также сборники спеціально историко-географическаго содержанія, сохранившіе намъ рѣдкіе и цѣнные матеріалы, какъ, напр., весьма важные для русской науки коментаріи къ Юань чао би ши (Эпическая

лѣтопись монгольскихъ завоевателей). Одинъ изъ такихъ сборниковъ, появившійся въ недавнее время, содержитъ въ себѣ 1200 статей исключительно географическаго содержанія.

Былъ пополненъ также и фондъ китайскихъ словарей, который до 1913 года, вмѣстѣ съ преизбыткомъ (въ дубликатахъ) прекрасныхъ изданій обычныхъ сочиненій, страдалъ досадными пропусками. Въ настоящее время отдѣлъ располагаетъ многими десятками словарей, дающихъ обильный матеріалъ изслѣдовательской и справочной работѣ синолога, особенно важный для синолога русской школы, удѣлившей такъ называемому «анализу китайскихъ іероглифовъ» очень большое вниманіе. Были пополнены, вмѣстѣ съ этимъ, и собранія словарей разныхъ почерковъ, словарей новаго языка и т. д., въ мѣрѣ ихъ необходимости.

Изъ своей поѣздки въ Китай въ 1912 году В. М. Алексѣевымъ были привезены и переданы въ Музей книги и листы, касающіеся народной религіи и живой старины, какъ литературная часть иконографическаго и предметнаго состава коллекцій, переданныхъ въ Музей Антропологіи и Этнографіи Императора Петра Великаго. Въ эти коллекціи вошли иллюстрированныя книги перерожденій и литургійнаго канона Гуань-инь—Авалокитешвары, буддійскіе молитвословы и обрядники, листовки и книжки, касающіяся культа разныхъ народныхъ божествъ, въ родѣ богини рыбаковъ и мореходовъ, Чадоподательницы и пр., религіозно-нравственныя изданія, религіозно-заклинательные трактаты, оракулы при разныхъ храмахъ, народныя изданія, связанныя съ состояніемъ умовъ въ періодъ революціи, и пр. Сюда же вошли учебники мандаринскаго нарѣчія, собранные на мѣстахъ, и разныя другія случайныя находки.

Всѣ эти поступленія, вмѣстѣ съ наиболѣе крупными пріобрѣтеніями послѣднихъ лѣтъ изъ другихъ источниковъ, могутъ быть доступны пользованію синолога лишь при особомъ видѣ ихъ указателя. Съ этой цѣлью В. М. Алексѣевъ составилъ алфавитный каталогъ, являющійся вмѣстѣ съ тѣмъ и библіографическимъ указателемъ, въ который вошли, путемъ перекрещивающихся сопоставленій, всѣ заглавія въ ихъ надлежаще расчлененномъ видѣ, дающемъ возможность сейчасъ же составить полную картину имѣющагося на данную тему матеріала. Изданіемъ этого предварительнаго каталога-указателя В. М. Алексѣевъ намѣренъ заняться въ ближайшее время, при первыхъ признакахъ возможности.

В. М. Алексѣевъ, состоя доцентомъ Университета (съ 1917 г.), напечаталъ за годы 1913—1918:

1) Краткій отчетъ о командировкѣ въ Китай лѣтомъ 1912 года приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго Университета В. М. Алексѣева (въ «Извѣстіяхъ Русскаго Ком. для изсл. Средн. и Вост. Аз.». Серія II, № 2. 1913).

2) Описаніе японскихъ дореформенныхъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа. («Зап. Нум. Отд. Имп. Рус. Арх. Общ., т. II).

3) Китайскіе тексты къ лекціямъ приватъ-доцента В. М. Алексѣева. 1910 и 1911/12 ак. годы. Харбинъ, 1913. № 40. Изд. Фак. Вост. Яз.

4) Китайская поэма о поэтѣ. Стансы Сыкунъ Ту (837—908). Ши пинь.

Танъ Сыкунъ Ту чжуань. Переводъ и изслѣдованіе (съ приложеніемъ китайскихъ текстовъ). Петроградъ. Изданіе ИАН. 1916.

Примѣчаніе. Въ Музеѣ хранятся листы китайскихъ текстовъ этой книги, спеціально приспособленные для разрѣзки и составленія въ конкордансъ-словарь, который позволитъ участвовать въ работѣ автора всѣмъ синологамъ.

5) Объ опредѣленіи китайской «литературы» и объ очередныхъ задачахъ ея историка (въ ЖМНПр., за 1917 г., февр.).

6) Безсмертные двойники и даосъ съ золотою жабой въ свитѣ бога богатства. — Хэ хэ эр сянь. Лю Хай си цзинь чжань. — (Изслѣдованіе въ области китайскаго фольклора, съ приложеніемъ 12 таблицъ). — «Сборн. Муз. Антроп. и Этногр., т. V».

В. М. Алексѣевымъ составлено было также (уже отпечатанное) описаніе «Эстампажей стэлъ музея Бэй Линь въ г. Сиань фу» (въ Зап. И. Ф. О. Р. А. Н.). Однако, въ виду разросшагося, путемъ прогрессирующаго пополненія коллекцій Музея, матеріала, введеніе къ этому описанію не могло быть выпущено въ томъ краткомъ видѣ, въ которомъ оно было представлено въ рукописи, и поэтому данное описаніе можетъ появиться лишь какъ часть задуманнаго обширнаго библіографическаго описанія собранія Азіатскаго Музея, расположеннаго по отдѣльнымъ статьямъ-сюжетамъ.

Изъ настоящей записки члены Отдѣленія усмотрятъ, какъ много В. М. Алексѣевымъ сдѣлано за истекшіе годы для пополненія и систематизаціи Китайскаго Отдѣла Азіатскаго Музея, съ какою послѣдовательностью и вниманіемъ онъ относится къ своимъ обязанностямъ ученаго хранителя главной въ Россіи и одной изъ главныхъ вообще библіотекъ по востоковѣдѣнію. Управленіе Азіатскаго Музея сочло своею обязанностью нѣсколько подробнѣе, чѣмъ это принято, остановиться на характерѣ работъ ученаго хранителя, потому что она является типичною для тѣхъ методовъ, которые приняты Музеемъ и примѣненіе которыхъ тормозится временами лишь отсутствіемъ свободнаго мѣста, съ одной стороны, и средствъ — съ другой.

То обстоятельство, что въ составѣ Музея въ настоящее время имѣется значительное число востоковѣдовъ-спеціалистовъ, позволяетъ Музею, какъ это показано выше въ примѣненіи къ Китайскому Отдѣлу, уже и теперь въ большинствѣ Отдѣловъ приступить къ систематизаціи собраній и систематическому ихъ пополненію, что̀, по мнѣнію администраціи Музея, и составляетъ основную работу его ученыхъ хранителей и научныхъ сотрудниковъ.

На собраніи ученаго персонала Азіатскаго Музея, по моему предложенію, В. М. Алексѣевъ былъ подвергнутъ баллотировкѣ въ кандидаты на должность старшаго ученаго хранителя и единогласно избранъ. Въ виду сего честь имѣю представить Отдѣленію В. М. Алексѣева къ избранію на должность старшаго ученаго хранителя Азіатскаго Музея.

Директоръ Азіатскаго Музея академикъ Сергѣй Ольденбургъ.

18 сентября 1918 г.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Оскаръ Эдуардовичъ фонъ Леммъ.

Некрологъ.

(Читанъ академикомъ **П. К. Коковцовымъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 23 (10) октября 1918 года).

3 іюня (21 мая) текущаго года скончался на 62 году жизни отъ водянки, развившейся на почвѣ постояннаго недоѣданія, членъ-корреспондентъ Академіи по разряду восточной словесности и старшій ученый хранитель Азіатскаго Музея Академіи Оскаръ Эдуардовичъ фонъ Леммъ. Суровыя условія современной жизни, выхватившія изъ нашей среды за короткій промежутокъ времени цѣлый рядъ оріенталистовъ, не пощадили въ лицѣ покойнаго также и ничтожной по численности семьи русскихъ египтологовъ, которая могла съ гордостью считать его своимъ, хотя почти всѣ работы Оскара Эдуардовича были написаны на нѣмецкомъ языкѣ.

Оскаръ Эдуардовичъ фонъ Леммъ родился 5 (17) сентября 1856 г. въ Петроградѣ. Первоначальное образованіе О. Э. получилъ частью дома, частью въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи и Германіи. Въ 1871 г. по желанію своихъ родителей, какъ отмѣчаетъ самъ О. Э. въ своемъ curriculum vitae, представленномъ въ Лейпцигскій Университетъ, онъ поступилъ въ Александровскій Лицей, гдѣ его отецъ долгое время состоялъ воспитателемъ. Полный курсъ въ Лицеѣ О. Э. окончилъ въ 1877 г., но не чувствуя въ себѣ никакого призванія къ административной государственной службѣ, испросилъ высочайшее разрѣшеніе посвятить себя ученой дѣятельности въ области оріенталистики и отправиться съ этой цѣлью на нѣсколько лѣтъ въ Германію. Центромъ своихъ оріенталистическихъ занятій О. Э. избралъ Лейпцигъ, гдѣ въ теченіе послѣдовательнаго ряда лѣтъ занимался преимущественно египтологіей у знаменитаго Эберса и ассиріологіей у Фридриха Делича. Только зимній семестръ 1879—80 г. О. Э. провелъ въ Берлинѣ, чтобы слушать лекціи ветерана египтологической науки Рихарда Лепсіуса и творца нѣмецкой ассиріологической школы Э. Шрадера. Кромѣ указанныхъ лицъ, О. Э. называетъ въ своемъ curriculum vitae своими учителями въ области оріенталистики еще арабистовъ Креля и Флейшера въ Лейпцигѣ и абиссиновѣдовъ Дильмана и Преторіуса въ Берлинѣ. Одинъ этотъ перечень именъ говоритъ краснорѣчивѣе всего о той солидной оріенталистической подготовкѣ, которую О. Э. удалось пріобрѣсти за время его пребыванія въ Германіи. По возвращеніи въ Лейпцигъ О. Э. былъ удостоенъ въ

1882 г. Лейпцигскимъ Университетомъ степени доктора философіи за диссертацію подъ заглавіемъ: «Studien zum Ritualbuche des Ammondienstes». Этотъ трудъ вышелъ затѣмъ въ томъ же году въ болѣе полномъ видѣ подъ заглавіемъ «Das Ritualbuch des Ammondienstes. Ein Beitrag zur Geschichte der Kultusformen im Alten Ägypten» и даетъ, главнымъ образомъ на основаніи берлинскаго папируса № 55 Королевскаго Музея, полный обзоръ служебника бога Аммона, весьма важнаго для ознакомленія съ практикой повседневнаго богослуженія древняго Египта. Одну главу изъ того же служебника О. Э. черезъ нѣсколько лѣтъ въ 1887 г. опубликовалъ полностью въ «Zeitschrift für Ägypt. Sprache u. Alterthumskunde» подъ заглавіемъ «Einige Bemerkungen zur Ceremonie des Lichtanzündens». Избранныя О. Э. въ качествѣ девиза къ своему первому ученому труду слова французскаго египтолога Шаба̀: «La découverte d'une erreur n'est pas moins utile que la constatation d'une vérité» даютъ уже предчувствовать, какой характеръ приметъ въ дальнѣйшемъ вся дѣятельность молодого ученаго, и позволяютъ предугадать ту удивительную филологическую микроскопію, которая была доведена до такого совершенства въ послѣдующихъ трудахъ О. Э., особенно въ его «Kleine koptische Studien». Вторымъ по времени трудомъ О. Э. была его прекрасная древнеегипетская христоматія, озаглавленная «Aegyptische Lesestücke zum Gebrauch bei Vorlesungen und zum Privatstudium» (1883), къ сожалѣнію, остановившаяся на одной первой части — текстахъ. Она была встрѣчена восторженно спеціалистами, которые въ одинъ голосъ отмѣтили на ряду съ образцовымъ выполненіемъ работы необыкновенную своевременность и важность новаго пособія, благодаря которому въ распоряженіе начинающихъ египтологовъ поступилъ сборникъ текстовъ, представляющихъ, въ противовѣсъ уже имѣвшимся христоматіямъ, всѣ главныя эпохи древнеегипетской письменности вплоть до эпохи Птолемеевъ.

Съ 1883 года начинается служебная дѣятельность О. Э. Въ этомъ году онъ былъ приглашенъ занять штатную должность ученаго хранителя Азіатскаго Музея Академіи, нынѣ переименованную въ должность старшаго ученаго хранителя, а въ 1886 г. былъ приглашенъ читать въ званіи приватъ-доцента необязательныя лекціи по египтологіи на Факультетѣ Восточныхъ языковъ Петроградскаго Университета. Въ связи съ этой преподавательской дѣятельностью О. Э. въ Петроградскомъ Университетѣ, которая продолжалась фактически, повидимому, только до 1892 года, стоитъ составленіе имъ въ 1890 г. второй, изданной также автотипическимъ способомъ, христоматіи по египтологіи подъ заглавіемъ «Excerpta e libris sacris veterum Aegyptiorum in usum scholarum sumptibus Imperialis Literarum Universitatis Petropolitanae edidit Dr. O. de Lemm». Это учебное пособіе, подобно прежнему, осталось опять, къ сожалѣнію, неоконченнымъ и остановилось на одномъ первомъ выпускѣ, большая часть котораго заключаетъ въ себѣ

полный текстъ первой главы Книги Мертвыхъ по изданію Навилля во всѣхъ параллельныхъ ея редакціяхъ въ надписяхъ.

Перечисленными трудами, можно сказать, исчерпывается весь небольшой списокъ работъ О. Э., исключительно посвященныхъ древнеегипетской филологіи. Все вниманіе О. Э. начиная съ половины восьмидесятыхъ годовъ окончательно сосредоточивается на другой области египтологіи, изученіи коптской письменности, которой и посвящены всѣ остальныя и самыя важныя его работы. Начало занятій О. Э. коптологіей относится еще къ 1885 г., когда вышла въ свѣтъ его извѣстная публикація «Bruchstücke der sahidischen Bibelübersetzung nach Handschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg herausgegeben von O. v. Lemm». За этой первой работой, которая является результатомъ тщательнаго и терпѣливаго разслѣдованія двухъ рукописей и необозримаго числа мельчайшихъ разрозненныхъ рукописныхъ копто-сахидскихъ фрагментовъ Петроградской Публичной Библіотеки, послѣдовалъ непрерывный рядъ дальнѣйшихъ работъ, посвященныхъ преимущественно памятникамъ копто-сахидскаго нарѣчія. Сюда принадлежатъ прежде всего такія образцовыя публикаціи О. Э., какъ его «Koptische Fragmente zur Patriarchengeschichte Alexandriens» (1888), «Sahidische Bibelfragmente» (I—II. 1890), «Koptische apokryphe Apostelacten» (I—II. 1890, 1892), «Sahidische Bruchstücke der Legende von Cyprian von Antiochien» (1899), «Eine dem Dionysius Areopagita zugeschriebene Schrift in koptischer Sprache» (1900), «Der Alexanderroman bei den Kopten» (1903), «Das Triadon. Ein sahidisches Gedicht mit arabischer Übersetzung» (1903) и другія, помѣщавшіяся періодически въ разныхъ изданіяхъ нашей Академіи, которая въ 1906 г. почтила О. Э. избраніемъ въ свои члены-корреспонденты по разряду восточной словесности. Особеннаго упоминанія заслуживаетъ также интереснѣйшая серія отдѣльныхъ экскурсовъ, представляющихъ одновременно интересъ, какъ для коптской грамматики и лексикологіи, такъ и для исторіи христіанскихъ литературъ Востока, собранныхъ О. Э. въ его «Kleine koptische Studien» (1899—1912) и «Koptische Miscellen» (1907—1912), которыя по образному выраженію спеціалиста—рецензента (Г. Масперó) можно назвать стружками, упавшими со станка превосходнаго мастера своего ремесла. Не мѣшаетъ отмѣтить здѣсь чувство неизмѣнной сердечной признательности О. Э. въ отношеніи своего учителя Эберса, котораго онъ, еще не совсѣмъ оправившись отъ тяжелой болѣзни, счелъ своимъ долгомъ почтить въ 1906 г. къ шестидесятилѣтію статьей «Miscellanea Coptica», посланной изъ Ментоны и помѣщенной въ сборникѣ «Aegyptiaca», выпущенномъ въ честь Эберса. Своими работами въ области коптологіи О. Э. не только расширилъ въ значительной степени знакомство съ литературой на копто-сахидскомъ нарѣчіи, но и далеко подвинулъ впередъ изученіе этого въ лингвистическомъ отношеніи важнѣйшаго и древнѣйшаго

изъ коптскихъ діалектовъ, и пріобрѣлъ такимъ образомъ право на мѣсто среди первоклассныхъ представителей современной коптологіи. Ученикъ славнѣйшихъ дѣятелей нѣмецкой египтологической науки, Лепсіуса и Эберса, и сверстникъ по школѣ такихъ поборниковъ строго филологической разработки египтологіи, какъ Эрманъ и Штейндорфъ, О. Э. остался до конца жизни вѣренъ традиціямъ этой науки. Покойный любилъ иногда говаривать: «я люблю, чтобы работа успѣла у меня вылежаться». Вотъ секретъ необычайной прочности построеній старой нѣмецкой школы и большой международной цѣнности всѣхъ работъ О. Э. фонъ Лемма: не выпускать въ свѣтъ ничего скороспѣлаго, ничего недостаточно продуманнаго и изученнаго, или, какъ своеобразно выразился скончавшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ другой представитель старой филологической школы европейскаго оріентализма, Альвардтъ, писать съ постоянной мыслью въ умѣ, что слѣдуетъ дать нѣчто цѣнное «не для однихъ современниковъ, но для всѣхъ временъ», — и этому принципу неуклонно слѣдовалъ О. Э. въ своихъ трудахъ, единственный недостатокъ которыхъ спеціалисты усматривали въ слишкомъ большой, часто излишней, обоснованности ученой аргументаціи автора.

Тѣмъ же принципомъ въ высшей степени добросовѣстнаго исполненія принятой на себя обязанности О. Э. руководился въ своей служебной дѣятельности по Азіатскому Музею, старшимъ хранителемъ котораго онъ оставался до самаго конца своей жизни. И въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ своей службы въ Музеѣ, когда еще О. Э. являлся единственнымъ ученымъ хранителемъ въ Азіатскомъ Музеѣ Академіи, и позже, покойный продолжалъ съ одинаковой пунктуальностью и преданностью дѣлу исполнять всѣ обязанности по каталогизаціи новыхъ поступленій (громадное большинство, приблизительно около 100000 карточекъ алфавитнаго каталога и весь систематическій каталогъ представляютъ личный трудъ О. Э.), по пріемкѣ большихъ библіотекъ, пріобрѣтавшихся Музеемъ, по составленію картоновъ изъ вырѣзокъ и статей и другимъ обычнымъ въ библіотечномъ дѣлѣ работамъ. Немногочисленные посѣтители Азіатскаго Музея всегда могли видѣть въ урочные часы О. Э. терпѣливо выполнявшимъ скучную для ученаго спеціалиста работу по написанію карточекъ и готовымъ охотно оказывать всякое содѣйствіе разными указаніями и библіографическими справками.

Почитателемъ стараго библеиста Розенмюллера была нѣкогда почтена память отошедшаго въ вѣчность ученаго вѣскимъ словомъ: «die Würdigen scheiden, unsterblich aber ist das Würdige». Этимъ же словомъ съ полнымъ правомъ можетъ быть почтена память незабвеннаго Оскара Эдуардовича фонъ Лемма.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Гендрикъ Кернъ.

6 апрѣля 1833 — 4 іюля 1917.

Некрологъ.

(Читанъ академикомъ С. Ѳ. Ольденбургомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 20 (7) ноября 1918 года).

Сходятъ въ могилу послѣдніе представители тѣхъ первыхъ поколѣній востоковѣдовъ, которые умѣли еще соединять необыкновенную широту знаній съ глубиною и основательностью въ разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ; такъ, недавно еще схоронили и мы здѣсь одного изъ нихъ, нашего товарища В. В. Радлова. Въ этихъ людяхъ яркимъ пламенемъ горѣлъ огонь творчества, они сознавали, что пролагаютъ новые пути, по которымъ пройдутъ слѣдующія поколѣнія. Однимъ изъ крупнѣйшихъ изслѣдователей индійской филологіи этого поколѣнія созидателей научнаго востоковѣдѣнія былъ скончавшійся 4 іюля н. с. 1917 г. Гендрикъ Кернъ.

Многочисленныя узы общей работы и дружбы тѣсно соединяли его съ нашей Академіей и представителями въ ней индіанистики; его основательное знаніе русскаго языка побуждало его знакомить неоднократно западный міръ съ произведеніями русской науки. Мы видимъ его уже въ 1857 году сотрудникомъ Петербургскаго Санскритскаго Словаря Академіи Наукъ и еще въ 1912 году его именемъ подписано послѣсловіе къ одному изъ томовъ Bibliotheca Buddhica. Мнѣ извѣстны его долголѣтнія дружескія отношенія съ покойнымъ академикомъ Бётлингкомъ и я счастливъ сказать, что и къ пишущему эти строки въ теченіе тридцатилѣтняго нашего знакомства онъ относился съ неизмѣннымъ дружелюбіемъ, находясь съ нимъ въ продолженіе ряда лѣтъ въ письменныхъ и научныхъ сношеніяхъ. Если, такимъ образомъ, близкое личное знакомство и знаніе большей части работъ покойнаго позволяетъ намъ говорить о немъ, то мы должны сдѣлать оговорку, что лишь о нѣкоторой части этихъ работъ мы считаемъ себя компетентными судить, ибо мы совершенно согласны съ извѣстнымъ голландскимъ ученымъ Снукомъ Хюргронье, который въ поминальномъ словѣ Керну говоритъ[1], что для оцѣнки его разносторонней научной дѣятельности «de samenwerking noodig zijn van een kenner van het oude Indië, zijne

[1] C. Snouck Hurgronje «J. H. C. Kern». BTLVNI. Deel. 73, p. I. (1917).

talen, wetenschappen, wijsgerige en godsdienstige stelsels, van een geleerde, die het Nederlandsch en zijne dialecten en verwanten tot middelpunt zijner studiën gekozen had, van een taalvergelijker op Indogermaansch en een op Maleisch-Polynesisch gebied, van iemand, die vertouwd was met de geschiedenis en de litteratuur van het Oude Java».

Задача обозрѣнія научной работы Керна чрезвычайно облегчена вниманіемъ его учениковъ и почитателей, которые во-первыхъ дали полную его библіографію до 1903 года[1], а затѣмъ собрали его разбросанныя по многочисленнымъ изданіямъ работы въ прекрасномъ изданіи, которое должно составить восемь томовъ[2].

Раньше, чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ его научной дѣятельности, мы въ нѣсколькихъ словахъ дадимъ обзоръ его жизни. Родился онъ 6 апрѣля н. с. 1833 г. на Явѣ, учился въ Утрехтѣ и Лейденѣ, получилъ докторскую степень въ 1855 г., санскритомъ занимался у А. Вебера въ Берлинѣ; въ 1858 г. назначенъ профессоромъ греческаго языка въ Атэнеумѣ въ Мастрихтѣ, былъ 1863—1865 профессоромъ санскрита въ Бенаресѣ и тѣмъ же отъ 1865—1903 въ Лейденѣ, когда, достигши предѣльнаго возраста 70 лѣтъ, покинулъ каѳедру[3]. Простая внѣшняя біографія ученаго, безъ сложныхъ внѣшнихъ переживаній: жизнь вся ушедшая въ науку и потому столь богатая содержаніемъ внутреннимъ.

Выше уже сказано, что лишь о части работъ Керна я считаю себя въ правѣ говорить, значительная часть его работъ по языкамъ Индонезіи мнѣ не достаточно доступна и потому я ихъ обойду, указавъ только, что, по общему признанію спеціалистовъ въ этой области, Кернъ занималъ въ ней одно изъ первыхъ мѣстъ. Раньше чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію работъ покойнаго необходимо сдѣлать одно замѣчаніе общаго характера, къ которому вѣроятно присоединятся всѣ, кому приходилось задумываться надъ вопросами исторіи науки и подробно и тщательно разбирать значительное число работъ ученыхъ съ цѣлью выяснить для себя ходъ мысли и методы работы спеціалистовъ. Работа каждаго ученаго распадается на двѣ опредѣленныхъ части, изъ которыхъ одна становится немедленно или почти немедленно достояніемъ міровой, международной науки, другая же часть, вызванная особыми мѣстными національными условіями работы или мѣстными потребностями остается въ болѣе тѣсной, мѣстной средѣ и въ ея изданіяхъ, часто даже популярныхъ, и не попадаетъ въ международный научный обиходъ. Такое

---

[1] Geschriften van Prof. Dr. H. Kern 1855—1903 bibliographisch overzicht samengesteld door Louis D. Petit. Album-Kern. Leiden 1903. Pp. 409—420.

[2] H. Kern. Verspreide Geschriften onder zijn toezicht verzameld. 'S Gravenhage. Martinus Nijhoff. 1913 слл. Мы имѣли пока подъ руками тома I—VII этого превосходнаго изданія. Когда то творцы нашего востоковѣдѣнія дождутся такихъ изданій!

[3] Ср. C. E. Buckland. Dictionary of Indian Biography. London 1906, p. 234.

положеніе дѣла, несомнѣнно, ненормальное, и является слѣдствіемъ неудовлетворительной организаціи научныхъ работъ вообще, а въ особенности по отношенію къ наукамъ гуманитарнымъ. Въ этихъ работахъ мѣстнаго, часто даже популярнаго характера высказаны мысли, сообщены факты, которые, ставъ во-время общимъ достояніемъ, принесли бы свой плодъ, двинули бы тотъ или другой вопросъ. Особенно даетъ это себя чувствовать по отношенію къ трудамъ, написаннымъ не на трехъ наиболѣе распространенныхъ языкахъ: французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ. Говоря о работахъ Керна, именно объ этой сторонѣ дѣла приходится вспомнить въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому что только теперь, послѣ смерти Керна, при пересмотрѣ работы всей его жизни и при изданіи его сочиненій находишь многое, что въ свое время не вошло въ научный обиходъ, а во-вторыхъ, потому что видишь какъ Кернъ старался по отношенію къ работамъ другихъ ученыхъ вовлечь ихъ въ международный оборотъ рефератами, переводами, рецензіями. Знакомствомъ, напр., съ многими русскими работами западъ обязанъ именно Керну.

Несмотря на необыкновенную широту научныхъ интересовъ Керна мы можемъ замѣтить, что астрономія, лингвистическіе вопросы и спеціально словарные, эпиграфика, этнографія, исторія религій особенно привлекали его вниманіе. Начнемъ съ его участія въ петербургскихъ санскритскихъ словаряхъ, Большомъ и Маломъ, которое продолжалось въ теченіе почти всей его жизни, участіе это распространилось на тексты самаго разнаго содержанія, но въ послѣдніе годы сосредоточилось, главнымъ образомъ, на буддизмѣ. Значеніе «петербургскихъ» словарей, особенно «Большого», такъ велико для индійской филологіи, что понятно, что такой выдающійся санскритистъ, какъ Кернъ, удѣлилъ столько времени кропотливой, трудной, но и исключительно важной словарной работѣ. Какъ извѣстно, въ вопросѣ о способѣ составленія словаря санскритисты раздѣлились на два направленія. Съ одной стороны стояли представители языкознанія и европейской науки Бетлингкъ и Ротъ и ихъ сотрудники, съ другой Штенцлеръ и его ученики, отстаивавшіе туземные словари и туземное преданіе; самое яркое выраженіе этотъ споръ нашелъ себѣ въ извѣстной полемической статьѣ покойнаго Пишеля: «Die etymologie von λέων. Eine prinzipienfrage». Теперь этотъ споръ не существуетъ, всѣ согласны, что путь къ будущему «Большому» санскритскому словарю идетъ черезъ туземные словари «koça», но всѣ также знаютъ, что безъ работы Бетлингка, Рота и ихъ сотрудниковъ, среди которыхъ Керну принадлежитъ безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ, индійская филологія не была бы тѣмъ, что она уже есть: Кернъ не сталъ терять времени на безплодные тогда, при отсутствіи критическихъ изданій koça, споры и приступилъ къ использованію текстовъ для словаря.

Вообще надо сказать, что Кернъ въ работѣ всегда отличался рѣши-

тельностью и быстротою; его громадныя, чрезвычайно основательныя знанія языковъ позволяли ему безбоязненно браться за задачи, передъ которыми отступили бы другіе: длинный рядъ важныхъ изданныхъ и переведенныхъ имъ текстовъ свидѣтельствуетъ объ этомъ и о томъ, что adire ad fontes было принципомъ его работы.

Больше всего, можетъ быть, въ научной работѣ Керна поражаетъ насъ то, что онъ почти въ равной мѣрѣ увлекался и историческими задачами и лингвистическими изслѣдованіями, сочетаніе научныхъ интересовъ въ высшей степени рѣдкое. Мы видимъ, что въ 1855 г. онъ выступаетъ съ работою «Specimen historicum exhibens Scriptores Graecos de rebus Persicis Achaemenidarum monumentis collatos», а въ ближайшіе годы онъ уже погруженъ въ санскритскій словарь и лингвистику. Мы замѣчаемъ также, что рядомъ съ самыми спеціальными работами онъ чувствуетъ потребность писать и для широкихъ круговъ своего отечества: появляется рядъ статей, которыя, къ сожалѣнію, въ свое время дальше Голландіи почти не пошли, но создали на мѣстѣ то пониманіе Индіи и Индонезіи и тотъ интересъ къ нимъ, которые затѣмъ образовали почву для появленія цѣлаго ряда выдающихся голландскихъ индіанистовъ-учениковъ и послѣдователей Керна. Популяризація науки важна для нея самой тѣмъ, что она увеличиваетъ ряды ея работниковъ и часто подготовляетъ тѣхъ, изъ которыхъ затѣмъ явятся ученые.

Въ области буддизма, въ исторіи изученія котораго Кернъ навсегда занялъ крупное и опредѣленное мѣсто онъ примкнулъ къ тому направленію, которое, мы имѣемъ право это сказать, получило начало въ трудахъ Васильева и было продолжено затѣмъ Минаевымъ. Кернъ никогда не соглашался съ тѣми, кто говорилъ объ исключительномъ значеніи палійскаго канона, какъ буддійскаго канона par excellence. Онъ всегда указывалъ на необходимость усиленно изучать санскритскую литературу буддизма и больше чѣмъ кто-либо потрудился надъ словаремъ буддійскаго санскрита, во многомъ чрезвычайно своеобразнаго, также какъ и надъ тѣмъ смѣшаннымъ изъ санскритскихъ и пракритскихъ формъ языкомъ, который пока условно называютъ языкомъ «гатъ», т. е. древнѣйшей стихотворной части буддійскихъ текстовъ, тѣхъ стиховъ, которые являлись основою разсказа, его наиболѣе древнею и устойчивою частью.

Кромѣ длиннаго ряда статей по буддизму, всегда вносившихъ новое и по матеріаламъ и выводамъ Кернъ издалъ и два сочиненія общаго характера по буддизму, одно болѣе общедоступное, другое болѣе спеціальнаго характера. Первое болѣе извѣстно въ превосходномъ нѣмецкомъ переводѣ выдающагося спеціалиста проф. Г. Якоби, чѣмъ въ голландскомъ оригиналѣ[1]. По широтѣ

[1] Geschiedenis van het Buddhisme in Indië. Harlem 1881—1884. 2 dln.—Der Buddhismus und seine Geschichte in Indien. Eine Darstellung der Lehren und Geschichte der Buddhistischen Kirche. Vom Verfasser autorisirte Uebersetzung von H. Jacobi. Leipzig. 1882—1884. 2 Bde.

замысла и по глубинѣ исполненія, какъ общее сочиненіе по буддизму, оно не превзойдено и до сихъ поръ и къ нему постоянно приходится обращаться и спеціалисту. Въ немъ съ поразительною полнотою использованы тексты и вся литература вопроса. Въ одномъ только большинство спеціалистовъ не могло согласиться съ Керномъ, это въ его миѳологическихъ толкованіяхъ легенды о Буддѣ; здѣсь Кернъ увлекся тѣмъ сильнымъ миѳологическимъ теченіемъ, которое точно какою то бурею прошло по многимъ филологическимъ работамъ, уступивъ затѣмъ мѣсто критической оцѣнкѣ этихъ увлеченій. Въ исторіи науки это далеко не единственный случай, такъ какъ и ученые люди поддаются увлеченіямъ. Переводчикъ, проф. Якоби рѣшительно отмежевалъ себя въ этомъ вопросѣ отъ автора. Необходимо впрочемъ указать, что миѳологическія толкованія, отнесенныя въ примѣчанія не мѣшаютъ ни чтенію книги, ни значенію ея общихъ доказательствъ и выводовъ: «Буддизмъ» Керна и нынѣ, черезъ 36 лѣтъ вполнѣ сохранилъ свое значеніе, что́ для труда общаго характера въ области, гдѣ такъ много сдѣлано, является лучшимъ доказательствомъ его исключительныхъ достоинствъ.

Другой общій трудъ, въ болѣе спеціальной и сжатой формѣ написанъ для оставшагося, увы, неоконченнымъ знаменитаго предпріятія незабвеннаго Бюлера «Grundriss der Indo-arischen Philologie und Alterthumskunde». Съ большою осторожностью этотъ трудъ выявляетъ всю сложность и неясность пока (онъ написанъ 22 года тому назадъ) вопроса о началахъ буддизма и его каноническoй литературы, онъ ставитъ рядъ задачъ для изученія, и примыкаетъ, какъ я уже сказалъ, къ тому направленію, которое, возникши у насъ съ Васильевымъ, имѣетъ теперь своихъ главныхъ представителей въ Россіи, Франціи и Бельгіи.

Изъ большихъ трудовъ Керна въ области буддизма слѣдуетъ указать еще на его переводъ и изданіе текста одного изъ популярнѣйшихъ сочиненій, именно сѣвернаго буддизма «Лотосъ истиннаго Закона»—Saddharmapuṇḍarīka. И текстъ и переводъ изданы почти совершенно независимо отъ помощи преданія, сохраненнаго намъ Японіей, Китаемъ и Тибетомъ, и Кернъ смотрѣлъ на свою работу лишь какъ на первый шагъ на пути познанія таинственнаго будды Амитабхи, такъ какъ «Лотосъ истиннаго Закона» пользовался и пользуется громадною популярностью въ кругахъ вѣрующихъ. Кернъ придавалъ большое значеніе изданію этого санскритскаго текста и охотно согласился взять его на себя, когда я предложилъ издать текстъ въ Bibliotheca Buddhica.

Его также глубоко интересовали вопросы смѣшенія буддійскаго культа съ брахманскими, съ вашинуизмомъ и шиваизмомъ[2].

---

[1] A Manual of Indian Buddhism. Strassburg 1896.

[2] См. для Шиваизма особенно: Over de vermenging van Çiwaïsme en Buddhisme op Java naar aanleiding v. h. Oud-Javaansch gedicht Sutasoma. Versl. en Meded. d. K. Akad. v. Wet. Amst. 1888.

Число его эпиграфическихъ работъ весьма значительно и большая часть ихъ приходится на Индонезію; вообще Кернъ сдѣлалъ чрезвычайно много для индонезійской археологіи и лично своими трудами и организаціей изслѣдованій: Голландія имѣетъ право сказать, что ею много сдѣлано для изслѣдованія старины тѣхъ странъ, которыя она подчинила своей цивилизаціи и въ этомъ не малая часть заслуги Керна.

Мы уже сказали выше объ интересѣ, который онъ всегда питалъ къ индійской математикѣ и астрономіи, области, гдѣ такъ чувствовалась и доказывалась связь между Греціей и Индіей; первая его работа изъ этого круга знанія уже относится къ 1863 году[1]. Она посвящена Āryabhaṭṭa, древнѣйшему изъ индійскихъ ученыхъ, о которомъ мы знаемъ, что онъ занимался алгеброю; впослѣдствіи Кернъ занимался извѣстнымъ Varāhamihira[2] и вообще продолжалъ работы и изданія по математикѣ и астрономіи[3].

Среди многочисленныхъ крупныхъ и мелкихъ работъ Керна мы видимъ еще двѣ категоріи, которыя характерны для него — это рецензіи и некролого-біографическія статьи. У Керна этихъ статей много и онѣ всегда содержательны. Мы сказали, что подобнаго рода работы характерны для ученаго, и дѣйствительно, мы никогда или въ весьма малой мѣрѣ находимъ ихъ у ученыхъ — эгоцентристовъ: для нихъ важна и интересна прежде и главнѣе всего собственная мысль, собственная работа, они рѣдко принадлежатъ къ организаторамъ, такъ какъ элементъ личный слишкомъ преобладаетъ; этотъ типъ одинаково существуетъ и среди первостепенныхъ ученыхъ и среди ученыхъ совершенно посредственныхъ, ибо это только свойство извѣстнаго типа личностей, независимое отъ результатовъ ихъ творчества. Кернъ въ этомъ отношеніи умѣлъ соединять большое и интенсивное личное творчество съ организаціей работы другихъ и чрезвычайно внимательнымъ критическимъ отношеніемъ къ ней, глубоко проникнутый принципомъ suum cuique. Онъ былъ и истиннымъ учителемъ, учившимъ и на лекціяхъ и своими работами, такъ какъ на методы работы онъ всегда обращалъ особенное вниманіе. Когда будетъ закончено изданіе его трудовъ оно несомнѣнно сдѣлается предметомъ изученія для молодого поколѣнія востоковѣдовъ, которые почерпнутъ изъ него драгоцѣнныя указанія, какъ вести научную работу.

---

[1] The Saddharmapuṇḍarīka or the Lotus ot the true Law. Translated Oxford 1884 (SBE, XXI).

[2] Saddharmapuṇḍarīka. Edited by Prof. H. Kern and Prof. Bunyiu Nanjio. St.-Pétersbourg 1912 (BB, X).

[3] On some fragments of Āryabhaṭṭa. JRAS, 1863. Cor. I. 31—46.

[4] Die Yogayâtrâ des Varāhamihira. Adhyāya 1—IX. Ind. Stud. X. XIV. XV (1868, 1876, 1878). Соч. I. 97—168—The Bṛhat-saṅhitā or complete system of natural astrology by Varāhamihira JRAS. 1870—1875. Соч. I. 169—319 II. 1—154. Текстъ изданъ имъ въ Bibliotheca Indica. Calcutta 1865. The Bṛhat-Saṅhitá of Varáha-Mihira.

[5] The Âryabhaṭiyam with the commentary Bhaṭadīpika of Paramādîçvara. Leiden 1874.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Эдуардъ Шаваннъ.

Некрологъ.

(Читанъ академиками **В. В. Бартольдомъ** и **С. Ѳ. Ольденбургомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 20 (7) ноября 1918 года) *.

29 января 1918 г. наступило время вѣчнаго отдыха для «неутомимѣйшаго изъ синологовъ», какъ назвалъ Эдуарда Шаванна нѣмецкій профессоръ синологіи Отто Франке[1]. По счастливому стеченію обстоятельствъ неутомимѣйшій изъ синологовъ былъ въ то же время, по выраженію того же ученаго[2], самымъ выдающимся синологомъ нашего времени, самымъ блестящимъ представителемъ той плеяды ученыхъ, которыми въ началѣ XX вѣка, какъ съ полнымъ правомъ было заявлено въ 1909 г. въ засѣданіи одного изъ парижскихъ ученыхъ обществъ, синологія была сдѣлана французской наукой по преимуществу[3]. Покойный Шаваннъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ ученыхъ, къ дѣятельности которыхъ не подходятъ извѣстныя слова о multum и multa, которымъ плодовитость не мѣшаетъ въ каждой новой работѣ обогащать науку цѣнными матеріалами и выводами.

Шаваннъ, родившійся 5 октября 1865 г. въ Ліонѣ и окончившій курсъ École Normale Supérieure, впервые выступилъ въ ученомъ мірѣ въ 1890 г. съ переводомъ трактата о жертвоприношеніяхъ Фынъ и Шань изъ «Историческихъ записокъ» Сы-ма-цяня; переводъ, съ подробнымъ введеніемъ и комментаріемъ, былъ напечатанъ въ журналѣ Пекинскаго восточнаго общества[4]

* Стр. 1767—1777 принадлежатъ В. В. Бартольду, 1777—1782 С. Ѳ. Ольденбургу.

[1] Mitt. des Orient. Seminars, Ostas. Stud., XIII, 354.

[2] O. Franke, Ostas. Neubildungen, S. 370.

[3] Ibid. 371.

[4] Journal of the Peking Or. Soc., vol. III, Nr. 1: Traité sur les sacrifices Fong et Chan de Se Ma T'sien.

(авторъ въ то время состоялъ при французской миссіи въ Пекинѣ). Уже этой работой вполнѣ опредѣлялись какъ главный предметъ научныхъ интересовъ молодого синолога, такъ и его пріемы изслѣдованія. Трудъ Сы-ма-цяня, «отца исторіи въ Китаѣ»[1], положившаго начало достовѣрной исторіографіи и непрерывному историческому преданію своей страны, естественно сдѣлался исходнымъ пунктомъ изслѣдованій европейскаго синолога, цѣлью котораго было критическое изученіе исторіи Китая, преимущественно его духовной культуры, какъ по письменнымъ источникамъ, такъ и по вещественнымъ памятникамъ. Стараясь отдѣлить въ повѣствованіи Сы-ма-цян'я о прошлыхъ вѣкахъ легендарный элементъ отъ достовѣрныхъ извѣстій, Шаваннъ доказываетъ, что достовѣрностью обладаютъ только извѣстія по исторіи удѣла Цинь, такъ какъ только для относящихся къ этому удѣлу источниковъ было сдѣлано исключеніе во время сожженія книгъ при Цинь-ши-хуанъ-ди[2]. Многое изъ того, что китайскимъ преданіемъ, въ томъ числѣ и самимъ Сы-ма-цян'емъ, относится къ глубокой древности, въ дѣйствительности впервые возникло въ эпоху Сы-ма-цян'я; сюда принадлежитъ и государственный религіозный культъ въ томъ видѣ, какъ онъ соблюдался при слѣдующихъ династіяхъ вплоть до настоящаго времени. Еще въ III в. до Р. Хр. въ Китаѣ были человѣческія жертвоприношенія; согласно съ обще-шаманскими вѣрованіями, при погребеніи государей дома Цинь убивали ихъ женъ и слугъ, чтобы они служили умершему на томъ свѣтѣ. Только во II в. до Р. Хр., при династіи Хань, эти кровавые обычаи были отмѣнены[3]. Домъ Цинь, впервые установившій въ Китаѣ единодержавіе, объединилъ въ одно цѣлое религіозные обряды разныхъ удѣловъ, и потому можно сказать, что только въ эту эпоху въ Китаѣ была установлена обще-государственная религія[4]. При Ханьской династіи эта религія подверглась преобразованію подъ вліяніемъ философскихъ теорій; пять небесныхъ императоровъ сдѣлались символами пяти міровыхъ стихій; культъ отдѣльныхъ небесныхъ божествъ уступилъ мѣсто культу единаго Неба; то же самое произошло съ культомъ Земли; такимъ образомъ «система дуалистической философіи замѣнила собой вѣрованія древности»[5]. При всѣхъ этихъ перемѣнахъ оставался, однако, неизмѣннымъ основной характеръ китайскихъ религіозныхъ вѣрованій, опредѣлявшійся психо-

---

[1] Traité, IV.
[2] Ibid. XII.
[3] Ibid. XIV сл.
[4] Ibid. XIII: En realité donc c'est avec la dynastie des T'sin que se constitua en Chine une religion de l'empire.
[5] Ibid. XXX.

логическимъ складомъ китайца, вполнѣ удовлетворявшагося земной жизнью. Религія въ Китаѣ не была создана ни страхомъ, ни мистическимъ идеализмомъ; въ китайскомъ пантеонѣ нѣтъ ни грозныхъ, ни величественныхъ образовъ; боги—тѣ же люди древности, удостоившіеся божескихъ почестей за свои заслуги передъ своими согражданами; всѣ ихъ обязанности сводятся къ обезпеченію земного счастія своихъ почитателей и продолженія этого счастія за гробомъ [1].

Приблизительно тѣ же взгляды развивались Шаванномъ въ его дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Значительное мѣсто въ этихъ изслѣдованіяхъ принадлежало труду Сы-ма-цян'я; этому труду былъ посвященъ одинъ изъ курсовъ, читавшихся имъ въ Collége de France, съ которымъ подробно ознакомилъ русскихъ читателей В. М. Алексѣевъ [2]; предпринятый, хотя и не оконченный Шаванномъ полный переводъ «Историческихъ записокъ» Сы-ма-цян'я является самой обширной не только изъ его собственныхъ работъ, но вообще изъ работъ европейскихъ синологовъ въ области перевода и толкованія китайскихъ историческихъ текстовъ. Посѣтивъ впослѣдствіи могилу Сы-ма-цян'я, Шаваннъ упоминаетъ, какъ о примѣрѣ «удивительной непрерывности китайской цивилизаціи» [3], о культѣ, который до сихъ поръ воздается отцу китайской исторіографіи, какъ великому человѣку, почти какъ божеству, въ мѣстѣ его рожденія и погребенія, въ провинціи Шэнь-си, къ югу отъ рѣки Вэй, въ уѣздѣ города Хань-чэнъ, въ 40 километрахъ отъ прохода Лунъ-мынь съ его знаменитыми буддійскими изваяніями 5-го и слѣдующихъ вѣковъ.

Шаваннъ отмѣчаетъ, конечно, и отрицательныя стороны, связанныя съ такою непрерывностью культурныхъ традицій. Чрезмѣрное уваженіе къ старости установило въ Китаѣ, по его замѣчанію, своего рода «геронтократію» и дало слишкомъ много вліянія на государственныя дѣла людямъ, которыхъ ихъ преклонный возрастъ дѣлаетъ врагами всякаго новшества, что является одной изъ причинъ «столь враждебнаго отношенія Китая ко всякому прогрессу» [4]. Столь же ясна была для Шаванна скудость идей Конфуція, которому онъ посвятилъ одну изъ своихъ популярныхъ статей [5]. Какъ замѣчаетъ по поводу этой статьи одинъ изъ другихъ французскихъ

---

[1] Ibid. XXIX.

[2] Замѣтки объ изученіи Китая въ Англіи, Франціи и Германіи (изъ ЖМНП за 1906 г.); отд. отт., стр. 57 сл.

[3] Admirable continuité de la civilisation chinoise (T'oung Pao, 2, IX, 511 сл.).

[4] JA, 9, XIII, 204.

[5] Confucius, въ Revue de Paris 1903 г., февр., 827—844.

синологовъ, Пельо, никто не видѣлъ бы въ Конфуціи одного изъ великихъ мыслителей человѣчества, если бы не то вліяніе, которое оказываетъ его мысль въ теченіе двадцати четырехъ вѣковъ на четвертую часть населенія земного шара[1]. По словамъ Шаванна, вліяніе на судьбу человѣчества оказываютъ не столько представители отвлеченной мысли, сколько тѣ, кто просто говоритъ нерѣшительной толпѣ: «Слѣдуйте за мною, я покажу вамъ хорошій путь»[2]. Путь, указанный конфуціанствомъ, вполнѣ удовлетворилъ китайскій народъ, потому что соотвѣтствовалъ его расовымъ свойствамъ; китайцамъ, «столь же рѣзко отличающимся отъ насъ душой, какъ и тѣломъ», нужна была и другая мораль, чѣмъ наша[3].

Это мнѣніе, съ научной точки зрѣнія едва ли состоятельное, но раздѣляемое до сихъ поръ многими оріенталистами, притомъ не только синологами[4], о неизмѣнности расовыхъ свойствъ и ихъ рѣшающемъ вліяніи на судьбу народовъ отразилось также на сужденіяхъ Шаванна о народахъ, имѣвшихъ сношенія съ китайцами. Въ орхонскихъ надписяхъ турецкіе каганы VIII в., по его словамъ, только передали вѣкамъ свою мечту о «звѣрской славѣ»[5]. Махаянистическое направленіе въ буддизмѣ возникло, по его мнѣнію, подъ вліяніемъ расовыхъ свойствъ турокъ, утвердившихся въ мѣстности къ сѣверу отъ Инда[6]. Изъ послѣдняго мнѣнія видно, какъ стремленіе объяснить историческія событія расовыми свойствами народовъ приводило къ преждевременному рѣшенію вопроса о принадлежности опредѣленнаго народа къ той или иной расѣ. Въ одной изъ своихъ статей Шаваннъ едва ли удачно старается доказать турецкое происхожденіе такъ называемаго животнаго цикла; турками же этотъ циклъ, по его мнѣнію, былъ принесенъ въ долину Нила, притомъ еще въ древности. Предвидя возраженіе, что нѣкоторыя изъ животныхъ цикла, какъ обезьяны, не водятся въ населенныхъ турками странахъ, Шаваннъ отвѣчаетъ на это, что уже въ I в. по Р. Хр. въ Индіи, гдѣ обезьяны водятся, правилъ «турецкій царь Канишка», при чемъ очень вѣроятно, что и до него тамъ были «князья, извѣстные подъ названіемъ индоскиѳскихъ, или другіе турецкіе государи»[7]. Въ настоящее время мнѣніе о турецкомъ

---

[1] BEEO, III, 342.

[2] Confucius, 833 сл.

[3] BEEO, III, 551.

[4] Ср. слова нѣмецкаго арабиста Беккера (Der Islam, V, 92) о «Rassenpsychologische Tatsachen», какъ «der tiefste Grund für die ganz andersartige Lösung des Agrarproblems» въ мусульманскомъ мірѣ, чѣмъ въ европейскомъ.

[5] Rêve de gloire brutale (JA, 9, XIV, 384).

[6] Influence de la race turque établie au nord de l'Indus (BEEO III, 386).

[7] T'oung Pao 2, VII, 122.

происхожденіи Канишки и вообще такъ называемыхъ индоскиѳскихъ царей (самъ Шаваннъ считалъ терминъ «индоскиѳы» неподходящимъ[1], но не замѣнилъ его другимъ) можетъ считаться окончательно опровергнутымъ.

Предвзятое мнѣніе о вліяніи расовыхъ свойствъ не вполнѣ, однако, опредѣлило взглядъ Шаванна на исторію Китая, которая разсматривалась имъ не какъ исторія одной расы, но какъ часть исторіи человѣчества. Возражая противъ мнѣнія Ренана, что для міровой исторіи въ сущности имѣетъ значеніе только исторія Греціи, евреевъ и Рима, Шаваннъ доказываетъ, что нельзя понять исторію человѣчества безъ изученія такой его части, какой является Китай. Помимо оказывающихся все болѣе многочисленными и важными точекъ соприкосновенія китайской культуры съ культурами другихъ странъ поучительны также примѣры «глубокой аналогіи» между культурами Запада и независимой отъ нихъ культурой Дальняго Востока. Составленіе исторіи Китая кажется ему «одной изъ величайшихъ и прекраснѣйшихъ задачъ, которыя еще остается выполнить наукѣ». Шаваннъ понималъ, что выполненіе этой задачи будетъ возможно только для будущихъ поколѣній; «мы можемъ только сѣять», замѣчаетъ онъ, «другіе соберутъ жатву»[2]. Подобно нѣмецкому синологу Хирту[3], Шаваннъ считалъ необходимымъ замѣну экстенсивнаго способа работы, свойственнаго «прежней синологіи» (ancienne sinologie), интенсивнымъ; по его словамъ, необходимы монографіи, необходимо при изученіи каждаго вопроса собирать и полностью переводить, въ хронологическомъ порядкѣ, точно датированные тексты[4]. Шаваннъ имѣлъ счастіе, даже помимо своихъ собственныхъ многочисленныхъ трудовъ, до нѣкоторой степени видѣть исполненіе своихъ желаній. Въ началѣ XX в. возникъ первый европейскій изслѣдовательскій институтъ, въ области гуманитарныхъ наукъ, на Дальнемъ Востокѣ, французская школа въ Сайгонѣ, впослѣдствіи перенесенная въ Ханой, уже въ первые годы своей дѣятельности поставившая себя, по словамъ Шаванна, на одинъ уровень съ учрежденіями той же націи въ Аѳинахъ, Римѣ и Каирѣ, имѣвшими за собой долгое и славное прошлое. Изъ трудовъ представителей этой школы Шаваннъ отмѣчаетъ, какъ образецъ «строгой точности и хорошаго метода», изслѣдованіе Пельо о царствѣ Фунань[5]. Съ 1904 г. Шаваннъ былъ однимъ изъ редакторовъ

---

[1] L'empire improprement appelé Indo-scythe (T'oung Pao 2, VIII, 150).

[2] T'oung Pao 2, IX, 606 сл.

[3] Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, 4: «Die intensive Arbeitsmethode, die ich von jeher für die Sinologie in Anspruch genommen habe».

[4] JA, 10, II, 529.

[5] JA, 10, II, 258.

издающагося въ Парижѣ (хотя печатающагося въ Лейденѣ) международнаго органа синологіи «Тунъ-бао». На страницахъ этого органа онъ съ тѣхъ поръ печаталъ большую часть своихъ работъ, рѣже прежняго помѣщая статьи въ общемъ органѣ французскаго оріентализма, Journal Asiatique, хотя принималъ дѣятельное участіе въ жизни издающаго этотъ органъ французскаго «Азіатскаго Общества» и съ 1894 г. былъ его секретаремъ. На страницахъ «Тунъ-бао» онъ нѣсколько разъ имѣлъ случай привѣтствовать обогащеніе синологіи новыми трудами и новыми дѣятелями, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ Масперо, успѣли еще при жизни Шаванна вполнѣ оправдать возлагавшіяся на нихъ надежды. Считая необходимымъ отмѣчать каждый успѣхъ науки, Шаваннъ помѣстилъ на страницахъ Тунъ-бао и другихъ научныхъ органовъ большое число рецензій, часто строгихъ, хотя всегда благожелательныхъ, но среди его трудовъ нѣтъ ни одного отвѣта на рецензію, ни одной полемики. Разумѣется, онъ не останавливался передъ признаніемъ собственныхъ ошибокъ; такъ въ работѣ о манихеяхъ, изданной имъ въ 1913 г. вмѣстѣ съ Пельо [1], указывается на полную несостоятельность прежняго мнѣнія Шаванна, высказаннаго въ 1897 г., что подъ мо-ни китайскихъ источниковъ слѣдуетъ понимать не манихеевъ, но мусульманъ [2]. Охотно отзываясь на просьбы другихъ изслѣдователей, Шаваннъ неоднократно выполнялъ для чужихъ трудовъ работу, требовавшую спеціальныхъ познаній синолога, переводилъ и объяснялъ китайскіе тексты и документы, собиралъ извѣстія изъ китайскихъ источниковъ.

Одновременно съ успѣхами изученія письменныхъ источниковъ предметомъ изысканій ученыхъ, по замѣчанію Шаванна, наконецъ сдѣлалась и археологія Китая. Шаваннъ выражаетъ надежду, что и въ этой области изслѣдованія установится правильная научная работа, и что прежнія соображенія общаго характера будутъ замѣнены выводами, основанными на достаточномъ числѣ фактовъ, хорошо засвидѣтельствованныхъ и точно опредѣленныхъ во времени и въ пространствѣ [3]. Неблагопріятнымъ для науки обсто-

---

[1] Un traité manichéen retrouvé en Chine. JA, 10, XVIII, 499—617; 11, I, 99—199, 261—394. Ср. особенно 11, I, 373 «cette assertion . . . ne tient pas contre les témoignages anciens et formels dont nous disposons aujourd'hui».

[2] Le Nestorianisme et l'inscription de Kara-Balgassoun, JA 9, IX, 43—85, особенно p. 79: «aucun texte chinois ne nous permet de supposer que les Mo-ni soient des manichéens; nous savons, au contraire, que, dès l'époque des Song, l'expression «religion de Mo-ni» désignait l'islamisme». Въ противоположность этому, Шаваннъ писалъ еще въ 1900 г. (Documents sur les Tou-kiue occidentaux, 302 сл.), что прибывшій въ Китай въ 719 г. астрономъ Ta-mou-che былъ «prêtre d'une religion qui paraît être le manichéisme».

[3] T'oung Pao 2, IX, 528.

ятельствомъ является сравнительно позднее происхожденіе дошедшихъ до насъ памятниковъ, не находящееся въ соотвѣтствіи съ древностью китайской культуры. Древнѣйшіе извѣстные намъ памятники китайской скульптуры, изслѣдованные Шаванномъ въ 1890 г., относятся ко II в. по Р. Хр., и даже съ этого времени мы не имѣемъ непрерывной традиціи; пробѣлъ обнимаетъ два вѣка, III и IV; къ V вѣку относятся древнѣйшія изъ буддійскихъ скульптуръ въ проходѣ Лунъ-мынь[2]; съ VIII и IX вв. памятники становятся болѣе многочисленными. Къ IX в. относятся древнѣйшіе памятники въ эпиграфическомъ музеѣ города Си-ань-фу, извѣстномъ подъ названіемъ «лѣса стелъ». На этихъ стелахъ, между прочимъ, былъ вырѣзанъ текстъ 12-ти классическихъ книгъ (Шаваннъ доказываетъ, что стелы имѣли вліяніе на изобрѣтеніе книгопечатанія)[3]; болѣе позднія стелы того же музея сохранили намъ древнѣйшія дошедшія до насъ произведенія китайской картографіи[4], относящіяся къ XII в., хотя по литературнымъ свѣдѣніямъ карты были въ Китаѣ уже въ III в. до Р. Хр.; Пэй-сю, отецъ научной китайской картографіи, жилъ въ III в. по Р. Хр.[5].

Утрата древнѣйшихъ археологическихъ и эпиграфическихъ памятниковъ отчасти возмѣщается тѣми сборниками надписей, которые издавна составлялись въ Китаѣ. Тѣ же сборники и комментаріи къ нимъ являются необходимымъ пособіемъ при разборѣ надписей. Въ этой области изслѣдованія еще болѣе, чѣмъ въ области изученія литературныхъ памятниковъ, сказываются преимущества той начитанности, которой обладаютъ туземные ученые и которую почти невозможно пріобрѣсти въ такой же степени синологу-европейцу. Одна изъ статей Шаванна[6] посвящена поддѣльной надписи; эстампажи, по его словамъ, были предложены ему въ трехъ городахъ, Тай-ань-фу, Си-ань-фу и Тай-юань-фу, но о мѣстѣ нахожденія надписи давались сбивчивыя свѣдѣнія; по провѣркѣ оказалось, что поддѣльщикъ (рѣшившійся на такое дѣло исключительно ради денежной выгоды) воспроизвелъ въ иска-

---

[1] JA 9, II, 145 сл. Результатомъ этой экспедиціи былъ трудъ La sculpture sur pierre en Chine au temps des deux dynasties Han; въ этой же статьѣ JA (въ годовомъ отчетѣ за 1892—3 гг., составленномъ Дарместетеромъ) выражена надежда, что этотъ трудъ «fera de l'archéologie et de l'épigraphie chinoise une branche indépendante de la sinologie». Тамъ же говорится, что трудъ о китайской культурѣ a contribué à ouvrir à son jeune auteur les portes du Collège de France.

[2] T'oung Pao 2, IX, 527.

[3] JA 9, XX, 7. О памятникахъ въ проходѣ Лунъ-мынь, ibid. 133—158.

[4] О нихъ см. статью Шаванна въ BEEO, III, 214—247.

[5] Ibid. 241: père de la cartographie scientifique en Chine.

[6] JA, 10, XI, 501—10.

женномъ видѣ одну изъ надписей прохода Лунъ-мынь, причемъ, однако, въ одномъ случаѣ, что не могло быть сдѣлано европейскимъ ученымъ, далъ правильное чтеніе сильно поврежденнаго и трудно поддававшагося разбору текста. Такимъ образомъ въ Китаѣ и археологія не могла бы сдѣлаться, какъ въ Индіи, европейской наукой по преимуществу, въ которой европейскіе ученые могли бы подчинить своему руководству представителей туземной ученой традиціи.

Примѣненіе европейскихъ методовъ изслѣдованія болѣе всего необходимо при разсмотрѣніи вопроса о вліяніи на Китай иноземныхъ культуръ, объ иноземномъ происхожденіи нѣкоторыхъ изъ тѣхъ культурныхъ явленій; въ которыхъ китайское преданіе видитъ отголосокъ миѳической древности самого Китая, и о степени успѣха въ позднѣйшемъ историческомъ Китаѣ иноземныхъ идей, въ томъ числѣ проникавшихъ въ Китай съ юга и съ запада міровыхъ религій. По поводу трудовъ своего предшественника Деверіа, Шаваннъ отмѣчаетъ вліяніе этой религіозной пропаганды, посредствомъ которой «въ древнюю имперію» медленно, капля за каплей, просачивались «идеи и страсти, захватывающія сердца и умы народной толпы и грозящія когда нибудь разрушить устарѣлое зданіе конфуціанской морали»[1]. Шаваннъ въ своихъ трудахъ останавливался особенно подробно на путешествіяхъ буддійскихъ паломниковъ изъ Китая въ Индію, съ чѣмъ былъ связанъ переводъ на китайскій языкъ буддійскихъ священныхъ книгъ, «одно изъ великихъ событій эволюціи идей въ міровой исторіи»[2]. Одинъ изъ паломниковъ, сочиненія которыхъ были переведены Шаванномъ, И-цзинъ, принесъ священныя книги изъ Индіи въ Китай морскимъ путемъ, вообще имѣвшимъ довольно большое значеніе въ исторіи торговыхъ и культурныхъ сношеній Китая съ Индіей и Персіей[3]; тѣмъ не менѣе Шаваннъ нѣсколько односторонне связывалъ какъ проникновеніе въ самый Китай маздеизма, христіанства и манихейства и въ пограничныя съ Китаемъ области ислама, такъ и возрожденіе въ Китаѣ буддизма съ караванными путями черезъ Среднюю Азію и съ турецкими кочевыми имперіями VI—VIII вѣковъ[4]. О болѣе древнихъ культурныхъ связяхъ Шаваннъ высказалъ свое мнѣніе по поводу статьи проф. Конради о вліяніи Индіи на Китай въ IV в. до Р. Хр[5]. Шаваннъ считаетъ несомнѣннымъ самый фактъ ранняго вліянія на Китай

---

[1] JA, 9, XIV, 386.
[2] BEEO, III, 385 сл.
[3] Cp. Chau ju-Kua, transl. by Fr. Hirth and W. W. Rockhill, 9.
[4] Documents sur les Tou-kiue occidentaux, 303.
[5] ZDMG, LX, 335—351.

иноземной культуры, но, по его мнѣнію, неправильно пріурочивать это вліяніе къ какому-нибудь одному источнику, будь ли то Халдея, какъ хотѣлъ доказать Терьенъ де-Лакуперн, или Индія, какъ доказывалось въ статьѣ проф. Конради. «Дѣйствительность безконечно болѣе сложна, чѣмъ могло бы показаться по этимъ упрощающимъ системамъ (systèmes simplistes); наряду съ астрономическими и хронологическими познаніями, происходящими, повидимому, изъ древней Халдеи, мы наблюдаемъ въ Китаѣ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ заимствованій, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ даосизмъ, принесены изъ Индіи, другія, какъ гамма Пиѳагора, обнаруживаютъ греческое происхожденіе, третьи, какъ изображеніе скачущаго коня на шань-дунскихъ барельефахъ и животный циклъ, идутъ отъ турокъ, четвертые вышли изъ ахеменидской Персіи. Кто хочетъ опредѣлить ходъ возникновенія и развитія китайской цивилизаціи, долженъ тщательно различать эти разнообразныя вліянія»[1]. Но для историка важенъ не столько вопросъ о первоначальномъ происхожденіи тѣхъ или иныхъ культурныхъ элементовъ, сколько вопросъ о тѣхъ путяхъ, которыми они проникли въ Китай. Историческія извѣстія, повидимому, указываютъ на Индію, какъ на страну, ранѣе другихъ имѣвшую культурное общеніе съ Китаемъ; вполнѣ возможно, что то, что исходило изъ Халдеи, Греціи или ахеменидской Персіи, проникло въ Китай только черезъ посредство Индіи.

Торжество западной религіозной пропаганды и паденіе устарѣлой системы Конфуція казались Шаванну необходимымъ условіемъ присоединенія Китая къ общечеловѣческой культурной жизни. Въ то же время имъ вполнѣ сознавалась трудность этой задачи; по его словамъ, написаннымъ въ 1903 г., за 2380 лѣтъ, прошедшихъ со времени смерти Конфуція, его авторитетъ, можетъ быть, никогда не пользовался такимъ уваженіемъ, какъ въ наши дни[2]. Мнѣніе китайцевъ о современныхъ европейцахъ вполнѣ соотвѣтствуетъ, по словамъ Шаванна, отзыву о западныхъ народахъ писавшаго въ V в. по Р. Хр. Фань-ѣ, автора «Исторіи младшихъ Хань»: религія излишня для Китая, у котораго есть наставленія Конфуція, но нужна народамъ Запада, у которыхъ этихъ наставленій нѣтъ; «если отнять у нихъ ихъ религію, о чемъ имъ тогда будетъ заботиться и чѣмъ они будутъ сдержаны»[3]?

Работы Шаванна о сношеніяхъ Китая съ Западомъ во многомъ соприкасались съ работами русскихъ ученыхъ; къ сожалѣнію, въ синологіи

[1] T'oung Pao 2, VII, 402 сл.
[2] Revue de Paris 1903, февр., 827.
[3] T'oung Pao 2, VIII, 221.

не было почти никакого общенія между представителями русской и западноевропейской науки, къ явному ущербу для обѣихъ сторонъ. Какъ отмѣтилъ одинъ изъ спеціалистовъ на страницахъ органа русскаго востоковѣдѣнія, наши ученые, «создавъ вполнѣ самостоятельно русскую науку китаевѣдѣнія, очень мало интересовались тѣмъ, что дѣлалось въ этой области на Западѣ»[1]. Еще меньше интересовались на Западѣ работами русскихъ синологовъ. Для Шаванна написанное на русскомъ языкѣ какъ бы не существовало, что пришлось отмѣтить[2] даже по поводу работы, представленной въ 1900 г. Академіи Наукъ и напечатанной въ ея изданіяхъ въ 1903 г. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1907 г., Шаванномъ былъ напечатанъ переводъ главы о западномъ краѣ изъ «Исторіи младшихъ Хань»; въ предисловіи сказано, что свѣдѣнія изъ этой главы приводились многими учеными, но полнаго перевода никѣмъ сдѣлано не было[3]; между тѣмъ въ русской синологической литературѣ такой переводъ существуетъ съ 1852 г.[4]. Только въ одной изъ своихъ послѣднихъ работъ, исполненной въ сотрудничествѣ съ Пельо[5], Шаваннъ, благодаря этому сотруднику, могъ принять во вниманіе и русскіе труды.

Военныя событія послѣднихъ лѣтъ не отвлекли знаменитаго синолога, находившагося въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, отъ привычныхъ занятій. Въ «Тунъ-бао» за 1916 г.[6] имъ помѣщена работа о царствахъ Ву и Юе (IX—X в.в.), въ которой приведены новые факты по исторіи китайскихъ вѣрованій и религіозныхъ обрядовъ[7]; разсказъ о вооруженной борьбѣ съ рѣчнымъ духомъ при постройкѣ плотины въ 910 г. позволилъ установить, что въ Китаѣ еще въ X в. по Р. Хр. сохранялись очень древнія религіозныя вѣрованія, напоминающія разсказъ Иліады о борьбѣ Ахилла съ Ксанѳомъ и разсказъ Геродота о наказаніи Ксерксомъ Геллеспонта[8]. Авторъ предполагалъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ того же журнала помѣстить статью о религіозныхъ обрядахъ даосистовъ въ томъ же X в. Упоминается о томъ значеніи, которое имѣли царства Ву и Юе въ исторіи китайскаго

---

[1] ЗВО, XV, 047.

[2] Ibid. 0174.

[3] T'oung Pao 2, VIII, 151 сл.

[4] Іакинѳъ, Собраніе свѣдѣній о народахъ обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена, III, 100—189.

[5] Un traité manichéen etc. (ср. выше, стр. 1772, прим. 1).

[6] T'oung Pao 2, XVII, 129—264.

[7] Ibid. 140: récit qui nous ouvre des aperçus nouveaux sur les croyances religieuses des Chinois.

[8] Ibid. 249 сл.

буддизма, также пользовавшагося покровительствомъ обладателей этихъ царствъ; относительно подробностей Шаваннъ отсылаетъ читателя къ отчету Масперо о его археологической экспедиціи въ провинцію Чжэ-цзянъ и къ обѣщанному тѣмъ же ученымъ болѣе подробному труду на ту же тему [1]. Преждевременная смерть Шаванна, несомнѣнно, лишила науку ряда цѣнныхъ работъ, которыя были бы исполнены покойнымъ синологомъ какъ собственными силами, такъ и въ сотрудничествѣ съ товарищами по спеціальности.

Непрерывная работа и почти непрерывное научное творчество, вотъ о чемъ прежде всего думаешь, когда вспоминаешь о Шаваннѣ. И не потому, что онъ написалъ много книгъ и много статей; можно, навѣрное, назвать рядъ ученыхъ, написавшихъ и напечатавшихъ больше, чѣмъ онъ, а потому, что у Шаванна именно восприниманіе и претвореніе въ собственномъ созиданіи были какъ-то поразительно соединены. Я хорошо сознаю, что эти слова могутъ быть приняты, какъ чрезвычайно отрицательная характеристика именно ученаго, потому что какъ иначе характеризовать скороспѣлые выводы, какъ не немедленное созиданіе изъ только что воспринятаго? Это было бы дѣйствительно справедливо, если бы рѣшающимъ моментомъ въ творчествѣ не была личность, именно самъ воспринимающій и творящій; отъ того, ктó онъ, и зависитъ положительное или отрицательное въ томъ, что я сказалъ. У Шаванна былъ именно этотъ ясный, методическій умъ, всегда готовый при воспріятіи отдѣлить немедленно существенное отъ несущественнаго, безъ потери времени, безъ лишнихъ справокъ. Несомнѣнно, что такой складъ ума создаетъ и большія опасности на пути изслѣдованія: опасность не достаточно цѣнить сложность изслѣдуемыхъ явленій, не сумѣть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ уловить ту грань, гдѣ различіе количественное переходитъ уже въ качественное, рождая, такимъ образомъ, новые процессы, которые мы обязаны принять во вниманіе. Въ этомъ, конечно, и лежитъ всегда причина успѣха или неуспѣха научнаго изслѣдованія—въ пониманіи изслѣдователемъ того, что можетъ и должно быть отброшено, какъ именно для даннаго случая или вопроса несущественное, и того, что должно непремѣнно быть учтено. Какъ часто мы видимъ, что неопытному или неудачному изслѣдователю необходимою акрибіею представляется то, что на самомъ дѣлѣ — ненужная, а значитъ обыкновенно и вредная для научной работы мелочь. А съ другой стороны мы часто видимъ, что существенное оставляется въ сторонѣ и считается ненужною мелочью.

---

[1] Ibid. 140 сл.

Шаваннъ обладалъ въ широкой мѣрѣ этимъ пониманіемъ различія между нужнымъ и ненужнымъ при изслѣдованіи; въ значительной степени это, разумѣется, было результатомъ его громадныхъ знаній и поразительной начитанности, но въ гораздо большей мѣрѣ характерной особенностью его ума; я бы сказалъ особенностью спеціально французскаго, выдающагося ума.

Въ связи съ этимъ я бы поставилъ и другую характеризующую Шаванна черту: его пониманіе необходимости тѣснаго и постояннаго сотрудничества различныхъ научныхъ дисциплинъ, вредъ для правильнаго развитія науки отъ крайней индивидуализаціи отдѣльныхъ ученыхъ. Онъ съ удивительной чуткостью понималъ, что если отдѣльные міровые геніи и могутъ и даже иногда должны итти своимъ одинокимъ путемъ, чтобы ихъ исключительно драгоцѣнное время не затрачивалось на то, что не нужно непосредственно для ихъ великаго творчества, для ихъ геніальныхъ обобщеній, то даже для большихъ ученыхъ такое обособленіе, такое одиночество только вредно, какъ для общаго развитія науки, такъ и для нихъ самихъ. Необыкновенный ростъ науки въ XIX столѣтіи сдѣлалъ совершенно необходимыми организацію и планомѣрность въ научной работѣ, и тѣ дисциплины, которыя еще недостаточно восприняли эту, казалось бы, самоочевидную истину, являются уже въ настоящее время отсталыми.

Мы видимъ, что Шаваннъ съ рѣдкимъ пониманіемъ научныхъ потребностей своего времени и среды, въ которой работалъ, рядомъ съ чисто личною работою, въ томъ направленіи, которое ему представлялось отвѣчающимъ научнымъ запросамъ его спеціальности—синологіи, велъ рядъ изслѣдованій совмѣстно съ другими спеціалистами—индіанистами, туркологами и др. Тѣ, кто имѣлъ счастіе лично знать Шаванна, помнятъ, съ какимъ поразительнымъ вниманіемъ онъ относился ко всякому научному запросу, предъявленному къ нему, какъ къ синологу, какъ только видѣлъ, что запросъ связанъ съ опредѣленною работою. Нерѣдко бывало, что изъ такихъ отвѣтовъ на запросы выростало изслѣдованіе, ибо, повторяю, у Шаванна созиданіе было всегда близко къ восприниманію.

Таковымъ мнѣ представляется общій обликъ Шаванна какъ ученаго; перейду теперь къ его работамъ въ тѣхъ областяхъ, о которыхъ я считаю себя компетентнымъ судить, его изслѣдованіямъ въ области буддизма и искусства Дальняго Востока.

Начатое въ свое время В. П. Васильевымъ изслѣдованіе китайскихъ и тибетскихъ источниковъ буддизма, продолженное для тибетскихъ источниковъ Шифнеромъ, получило надлежащее развитіе лишь въ концѣ XIX сто-

лѣтія, при чемъ мы имѣемъ право сказать, что этому возбужденію интереса къ такъ называемому сѣверному буддизму много способствовала книга И. П. Минаева о буддизмѣ, давшая обстоятельную критику такъ называемаго палійскаго теченія въ изслѣдованіи ученія Будды и указавшая на его односторонность. Въ Парижѣ въ научномъ кружкѣ, въ центрѣ котораго стоялъ С. Леви, ученый, совершенно исключительно разносторонній и даровитый, этотъ интересъ къ изученію такъ называемаго сѣвернаго буддизма принялъ форму систематическаго изслѣдованія, изданія и перевода первоисточниковъ. Шаваннъ горячо примкнулъ къ работѣ своихъ товарищей и обратилъ свое вниманіе на китайскихъ паломниковъ буддистовъ. Выборъ его, чрезвычайно удачный, палъ на сочиненіе китайскаго паломника VII вѣка И-цзина[1], давшаго рядъ біографій своихъ современниковъ монаховъ-паломниковъ; это почти все лица неизвѣстные или малоизвѣстные и, можетъ быть, именно потому они даютъ намъ такое превосходное понятіе объ этомъ блестящемъ періодѣ буддизма, какъ міровой религіи. За этой книгой послѣдовалъ переводъ Сун-юна (VI в.)[2], У-куна[3] (VIII в.) и изданіе и разборъ буддійскаго эпиграфическаго матеріала въ Будда-Гаѣ, относящагося, главнымъ образомъ, къ XI вѣку[4], очень цѣнный указаніями на оживленіе сношеній буддійскаго Китая съ Индіей въ періодъ, когда буддизмъ уже угасалъ на своей родинѣ.

Изъ цѣлаго ряда работъ, посвященныхъ буддизму и написанныхъ, въ большинствѣ случаевъ, въ сотрудничествѣ съ С. Леви, мы отмѣтимъ одну изъ послѣднихъ, обстоятельно трактующую любопытный вопросъ о серіи 16—18 архатовъ. Вопросъ изученъ съ тѣмъ исключительнымъ знаніемъ первоисточниковъ, который присущъ обоимъ названнымъ ученымъ, и раскрываетъ интересную страницу буддійскаго культа, бросая вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтъ на запутанный вопросъ о буддійскихъ канонахъ и канонѣ.

Чрезвычайно характерно, какъ Шаванномъ, вмѣстѣ съ С. Леви, было использовано объясненіе нѣкоторыхъ спеціальныхъ терминовъ монастырскаго обихода[6] для того, чтобы показать глубокій внутренній переворотъ въ буддій-

---

[1] Les religieux éminents qui allèrent chercher la Loi dans les pays d'Occident... par I-tsing. Paris 1894.

[2] BEFEO III, 379—441.

[3] L'itinéraire d'Ou-K'ong par MM. Sylvain Lévi et Éd. Chavannes. JA. 1895.

[4] Les inscriptions chinoises de Bodh-Gayâ. P. 1896. RHR, XXXIV. I.

[5] Les seize arhats protecteurs de la loi JA, 11. VIII. 1—50. 189—304 (1916).

[6] Quelques titres énigmatiques dans la hiérarchie ecclésiastique du bouddhisme indien. JA, 11. V. 193—223 (1915).

ской общинѣ въ связи съ перемѣною взгляда на собственность. Изъ другихъ статей укажемъ на замѣтку въ связи съ открытіями въ Восточномъ Туркестанѣ[1] и на статью о буддійскихъ храмахъ[2].

Но самымъ крупнымъ трудомъ въ области буддизма является превосходный переводъ цѣлаго ряда разсказовъ изъ китайскихъ буддійскихъ сборниковъ. Эти три большихъ тома составляютъ драгоцѣннѣйшій вкладъ въ изученіе сложнаго міра буддійской легенды; четвертый томъ остался ненапечатаннымъ, хотя и долженъ былъ выйти въ 1911 году. Изъ личныхъ бесѣдъ съ Шаваномъ я знаю, что онъ отложилъ изданіе примѣчаній, которыя должны были составить этотъ томъ, желая ихъ значительно расширить, особенно въ области чисто буддійской.

Не менѣе значительнымъ является вкладъ Шаванна въ дѣло изученія китайскаго и буддійскаго искусства и археологіи. О его трудѣ по ханьской скульптурѣ уже было сказано выше В. В. Бартольдомъ. Замѣчательныя находки Штейна въ той области, которая являлась китайскимъ limes, нашли себѣ достойнаго истолкователя въ лицѣ Шаванна. Это были древнѣйшія изъ до сихъ поръ извѣстныхъ китайскихъ бумажныхъ рукописей, древнѣйшія бумажныя рукописи вообще, такъ какъ онѣ относятся ко II вѣку по Р. Х.; найденные съ ними документы на деревѣ еще древнѣе и относятся къ I в. до Р. Х. Они такимъ образомъ имѣютъ первостепенное значеніе для исторіи китайской письменности и съ этой точки зрѣнія они всесторонне изучены Шаванномъ, снабдившимъ свою книгу цѣнными снимками. Но эти документы имѣютъ и большой историко-бытовый интересъ, ибо они даютъ картины жизни гарнизоновъ на далекихъ окраинахъ Китая двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Для тѣхъ, кто видѣлъ развалины этихъ сторожевыхъ башенъ «дуновъ» въ пустынѣ, работа Шаванна особенно привлекательна своимъ историческимъ комментаріемъ и любопытными иллюстраціями изъ историческихъ и литературныхъ памятниковъ; Шаваннъ заставляетъ ожить эти листки и деревяшки, записанныя сухими административными замѣтками военнаго или продовольственнаго характера, удачнымъ подборомъ литературныхъ ссылокъ; какъ краснорѣчивы, напр., эти слова знаменитаго Ли-бо (VIII в.):

---

[1] Ressemblances entre un sûtra du Tripiṭaka chinois et un texte sanscrit publié par M. Stönner (вмѣстѣ съ С. Леви). JA, 10. V. 139.

[2] Quelques temples bouddhiques de la Chine septentrionale 10. XII. 7.

[3] Cinq cents contes et apologues extraits du Tripiṭaka chinois et traduits en français. Paris 1910—1911, 3 voll.

[4] Les documents chinois découverts par Aurel Stein dans les sables du Turkestan Oriental publiés et traduits. Oxford. 1913.

«На высокой сторожевой башнѣ въ эту ночь

Не прекращаются вздохи воиновъ изгнанниковъ».

Набѣгъ—и сколько изъ этихъ воиновъ погибнетъ, а въ родномъ, далекомъ Китаѣ и не будутъ знать, что ихъ уже нѣтъ въ живыхъ, тѣхъ, чьи трупы лежатъ на пескѣ пустыни.

По богатству комментарія и по тщательности изданія эта книга Шаванна особенно цѣнна и приходится пожалѣть, что она пока еще мало использована.

Шаваннъ не дожилъ до изданія всего текста къ великолѣпнымъ альбомамъ его археологической экспедиціи въ Китай. Мы не знаемъ, что сохранилось для этого въ его матеріалахъ, но надѣемся, что спутникъ его В. М. Алексѣевъ найдетъ возможность, съ своей стороны, издать свой дневникъ, веденный имъ во время экспедиціи Шаванна. Изданные альбомы по богатству новаго археологическаго и эпиграфическаго матеріала исключительно цѣнны, они являются новымъ этапомъ въ исторіи изученія китайской древности.

Длинный рядъ статей въ редактированномъ Шаванномъ журналѣ «T'oung Pao» говоритъ намъ о многихъ вопросахъ китайскаго искусства: къ искусству Шаваннъ подходилъ болѣе всего съ точки зрѣнія теоріи, онъ мало довѣрялъ своимъ непосредственнымъ впечатлѣніямъ, будучи по природѣ скорѣе всего человѣкомъ разсудка. Несравненный знатокъ Китая, онъ во всемъ, что имъ написано по китайскому искусству, знакомитъ насъ съ китайскимъ пониманіемъ этого искусства. Кромѣ указанныхъ статей особенно важно помѣщенное имъ въ изданіи нашего соотечественника Голубева «Ars Asiatica».

Чрезвычайно характерно для всей работы Шаванна и для того, что онъ сдѣлалъ въ синологіи, является то обстоятельство, что объ его работахъ имѣютъ полное право говорить и не синологи, настолько широко была поставлена Шаванномъ его научная работа; онъ безусловно одинъ изъ главныхъ вождей той новой школы китаевѣдѣнія, которая исходитъ изъ основного положенія, чуждаго старой школѣ, что китаецъ мыслитъ какъ всякій другой человѣкъ и что въ тѣхъ случаяхъ, когда его слова звучатъ для насъ непонятно, виновато не его особое мышленіе, а виновато только наше непониманіе истиннаго значенія его словъ; душа китайца, можетъ быть, и иная во многомъ чѣмъ наша душа, какъ на это указано выше со ссылкою на Шаванна, но умъ китайца, конечно, все тотъ же — человѣческій умъ. Новая школа, однимъ изъ главныхъ вождей которой мы безусловно должны

признать Шаванна, нашла доступъ за эту «Китайскую стѣну» непониманія Китая, въ созданіи которой былъ больше виноватъ западъ, чѣмъ востокъ, и въ этомъ вѣчная заслуга передъ наукою такихъ людей какъ Эдуардъ Шаваннъ, павшій жертвой своей преданности наукѣ, работать на которую онъ не хотѣлъ перестать даже тогда, когда настоятельно необходимъ ему былъ отдыхъ. Молодое поколѣніе синологовъ пойдетъ по путямъ, проложеннымъ Шаванномъ, и откроетъ наконецъ тотъ истинный, великій своею культурою Китай, безъ знанія котораго, какъ Шаваннъ справедливо утверждалъ, нельзя понять исторіи человѣчества. Шаваннъ скромно говорилъ про себя, что только сѣетъ сѣмена; нѣтъ сомнѣнія, что научная жатва этого посѣва будетъ велика и обильна.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Пехлевійскіе папирусы и другіе вещественные памятники иранской культуры въ Музеѣ Изящныхъ Искусствъ въ Москвѣ.

(Краткій отчетъ о командировкѣ въ Москву).

А. А. Фреймана.

(Представлено Директоромъ Азіатскаго Музея въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 6 іюня / 24 мая 1918 года).

Драгоцѣнное собраніе В. С. Голенищева, легшее въ основу восточнаго отдѣла Музея (точнѣе отдѣла Древняго Востока), по справедливости составляетъ его украшеніе и гордость, какъ по богатству собраннаго матеріала, такъ и по образцовому порядку его расположенія, дающему возможность легко оріентироваться и въ неизданныхъ еще предметахъ.

Огромная коллекція папирусовъ на различныхъ языкахъ (іератическіе, коптскіе, арабскіе, греческіе и пехлевійскіе) издана и изслѣдована только отчасти, главнымъ образомъ въ собственно египетской ея части трудами хранителя музея Б. А. Тураева и О. Э. Лемма. Недавно изданъ одинъ греческій папирусъ[1]. Очень большое собраніе арабскихъ папирусовъ ждетъ еще своего изслѣдователя. Пехлевійскіе папирусы я имѣлъ возможность недавно просмотрѣть, благодаря командировкѣ отъ Азіатскаго Музея, для котораго важно было обогатить свои пехлевійскія собранія снимками хотя бы съ нѣкоторыхъ пехлевійскихъ папирусовъ. Нижеслѣдующія строки должны представить предварительное ихъ, пока чисто внѣшнее, описаніе.

[1] Г. Ф. Церетели. Новый гимнъ въ честь Діониса (ИРАН, 1918, № 9, 10) См. также «Медицинскіе папирусы» (ЖМНП, 1903).

Сравнивая въ хронологическомъ порядкѣ папирусы, оставленные различными народными наслоеніями въ Египтѣ, мы съ полной наглядностью убѣждаемся, какъ постепенно падала техника обработки листа и самое искусство писать на немъ. Іератическіе папирусы сохранились лучше другихъ, художество рисунковъ на нихъ общеизвѣстно. Полную имъ противоположность представляютъ папирусы арабскіе, а въ особенности пехлевійскіе. Листъ плохо выработанъ, не гладокъ, слои папируса отстаютъ, вслѣдствіе чего листъ легче разрушается и ломается. На такомъ матеріалѣ уже труднѣе было писать. Почеркъ грубый, размашистый. Изъ-подъ непривычной къ папирусу руки выходилъ пехлевійскій курсивъ совершенно особаго типа, мало разборчивый, отличный отъ извѣстнаго по рукописямъ персидскаго или индійскаго происхожденія, но интересный для семитической палеографіи. На двуязычныхъ греко-арабскихъ папирусахъ легко замѣтить разницу въ искусствѣ писать на папирусѣ у грековъ и арабовъ того же времени.

Возникавшія сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно ли такъ называемые пехлевійскіе папирусы являются памятниками иранскими, а не арамейскими, я думаю, должны исчезнуть, хотя и ни одинъ изъ подобныхъ папирусовъ въ собраніяхъ въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ и у насъ въ Москвѣ до сихъ поръ еще цѣликомъ не прочтенъ. Часто встрѣчающіяся иранскія, зороастрійскія имена (въ одномъ изъ московскихъ папирусовъ [illegible]), а въ особенности совершенно опредѣленныя персидскія глагольныя окончанія [illegible], [illegible], [illegible] и иранскія слова безъ идеограмматической маски ([illegible], [illegible]) не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ предъ собою пехлевійское письмо.

Трудность чтенія пехлевійскихъ папирусовъ обусловливается особенностью этого курсива, отчетливо воспроизводящаго вертикальныя линіи, но плохо передающаго горизонтальныя закругленія и петли. Вслѣдствіе этого хорошо видно [illegible], но цѣлый рядъ знаковъ, не выходящихъ изъ строчки, зачастую сливаются въ одну черту или пятно.

Содержаніемъ папирусовъ, повидимому, являются какіе-то документы частнаго характера, посланія, дѣловыя бумаги. Въ то время какъ арабскіе папирусы сплошь и рядомъ сопровождаются греческимъ текстомъ, что облегчаетъ пониманіе, пехлевійскіе — въ московской коллекціи всегда одноязычны, и только въ одномъ арабскомъ папирусѣ можно видѣть какъ-будто вставленныя отдѣльныя пехлевійскія слова.

Привожу по инвентарному списку коллекціи В. С. Голенищева слѣдующіе номера, подъ которыми значатся пехлевійскія рукописи:

4624. Часть пехлевійской рукописи (папирусъ).

4625. Небольшая пехлевійская рукопись (пергаментъ).

4626. Часть пехлевійской рукописи (пергаментъ). Этихъ рукописей, а также № 4628 я не видѣлъ.

4627. Начало пехлевійской рукописи (пергаментъ). Размѣръ рукописи 16 × 16. Весьма неразборчивая.

4628. Часть пехлевійской рукописи (папирусъ).

4629. Пехлевійская рукопись (папирусъ). Единственный сохранившійся въ цѣлости пехлевійскій папирусъ коллекціи. Размѣръ 15 × 75. Всего 28 строчекъ. Вдоль всего папируса съ лѣвой его стороны—лакуны, увеличивающіяся книзу. Послѣдняя лакуна очень велика: она захватываетъ двѣ строчки 24 и 25. Происхожденіе лакунъ совершенно ясное: очевидно въ свернутомъ видѣ папирусъ былъ продырявленъ насквозь; такимъ образомъ верхняя часть папируса — въ свернутомъ видѣ внутри свертка — пострадала меньше нижней. Помимо этихъ лакунъ сильно повреждена строчка 27, а отъ 28 остались только 2 знака. Рукопись эта, какъ и нѣкоторые другіе папирусы начинается предлогомъ ﻟ.

4630. Пехлевійская рукопись (папирусъ). Размѣръ 16½ × 58. Всего 22 строки; отъ верхнихъ остались только обрывки.

№№ 4627, 4629, 4630 — наклеены на картонъ и вставлены подъ стекло.

5805 — 5814. Отрывки пехлевійскихъ папирусовъ. Эти 10 №№ представляютъ собою случайное собраніе отдѣльныхъ отрывковъ папирусовъ, самыхъ разнообразныхъ размѣровъ. Въ большинствѣ случаевъ трудно, а то и совершенно невозможно установить, составляютъ ли данные отрывки части одного папируса.

Съ разрѣшенія директора Музея я наклеилъ нѣкоторые изъ этихъ отрывковъ на картонъ. Кое-что удалось составить и склеить вмѣстѣ. Такимъ образомъ удастся ихъ сохранить отъ дальнѣйшаго распада.

5805. Одинъ отрывокъ въ двѣ строчки, наклеенъ.

5806. Наклеено мною на два картона: 5806 *а* и 5806 *б*,

5806 *а* — состоитъ изъ трехъ отрывковъ: 1-ый размѣра 15 × 6 — начало папируса: вся ширина; 2-ой — размѣра 15 × 5; 3-ій — 11½ × 8.

5806 *б* — состоитъ изъ двухъ отрывковъ: 1) 5 × 14; 2) 4 × 9. Ненаклеенными отъ № 5806 осталось 4 отрывка.

5807. Три отрывка; наклеены на два картона.

5807 *а* — одинъ отрывокъ 12 × 25 (лѣвая сторона оторвана).

5807 *б* — два отрывка: 1) 7 × 8, 2) 12 × 4.

5808. Семь отрывковъ; наклеены на четыре картона.

5808*а*—одинъ отрывокъ $15\frac{3}{4} \times 20\frac{1}{2}$ (вся ширина).

5808*б*—одинъ отрывокъ 13×23 (правая сторона оторвана).

5808*в*—одинъ отрывокъ 13×26—лѣвая сторона папируса.

5808*г*—четыре отрывка (плохо сохранившіеся), одинъ изъ нихъ $15 \times 7\frac{1}{2}$. Судя по почерку, эти отрывки несомнѣнно изъ разныхъ папирусовъ.

5809:

5809*а*—одинъ отрывокъ 15×16.

5809*б*—пять отрывковъ: $8\frac{1}{2} \times 12$, $7\frac{1}{2} \times 16$, $8\frac{1}{2} \times 10$, 12×8, $4\frac{1}{2} \times 7$.

Кромѣ того, ненаклеенными остались: 2 отрывка, повидимому, арабскіе, одинъ съ неизвѣстными письменами (поддѣлка?) и одинъ пехлевійскій, небольшой съ совершенно выцвѣтшими чернилами.

5810. Два отрывка ненаклеенные.

5811. Тридцать одинъ отрывокъ разныхъ папирусовъ; одинъ отрывокъ исписанъ съ обѣихъ сторонъ. Наклеено на одномъ картонѣ три отрывка: 14×8, 8×4, 14×10.

5812. Шесть отрывковъ: — 4 плохо сохранившихся пехлевійскихъ и 2 — повидимому, арабскихъ, на одномъ изъ нихъ на оборотѣ нѣсколько словъ по-гречески.

5813. Одинъ отрывокъ — подлинность весьма сомнительная. Не поддѣлка ли? Не наклеенъ.

5814. Наклеены два отрывка: $12 \times 16\frac{1}{2}$ (съ интересными образцами знаковъ препинанія) и 17×7; семь маленькихъ отрывковъ не наклеено.

Съ разрѣшенія директора Музея консерваторомъ по художественной части Суховымъ любезно сдѣланы снимки съ папирусовъ 4629, 4630 и 5808*а*. Негативы переданы въ Азіатскій Музей.

Кромѣ пехлевійскихъ папирусовъ собраніе В. С. Голенищева содержитъ еще около 60 совершенно неописанныхъ и неизданныхъ иранскихъ геммъ (№№ 5062—5123 и 4464), ахеменидскихъ и сасанидскихъ — въ большинствѣ безъ надписей.

Въ Музеѣ имѣется также небольшая коллекція персидской керамики.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.
(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Опись фольклорныхъ и лингвистическихъ матеріаловъ В. И. Іохельсона, хранящихся въ Азіатскомъ Музеѣ Россійской Академіи Наукъ*.

В. И. Іохельсона.

(Представлено Директоромъ Азіатскаго Музея въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 6 іюня / 24 мая 1918 года).

Собранные мною въ трехъ научныхъ экспедиціяхъ (Сибиряковской—1894—1897, Джесупской—1900—1902 и Рябушинскаго—1908—1911) фольклорные и лингвистическіе матеріалы состоятъ изъ записей по языкамъ и народному творчеству алеутовъ, камчадаловъ и юкагировъ. Начну описаніе съ алеутскихъ матеріаловъ, обработываемыхъ теперь мною для печати.

I.

МАТЕРІАЛЫ ПО ЯЗЫКУ И ФОЛЬКЛОРУ АЛЕУТОВЪ.

Алеутскій языкъ и фольклоръ я изучалъ во время своего восемнадцати-мѣсячнаго пребыванія (въ 1909—1910 гг.) на Алеутскихъ островахъ. Матеріалы состоятъ изъ рукописныхъ и фонографическихъ записей образцовъ народной словесности и другихъ текстовъ, карточекъ для словаря и записей для составленія грамматики алеутскаго языка.

* [Невозможность издавать съ надлежащею быстротою весьма значительные научные матеріалы В. И. Іохельсона, пріобрѣтенные Россійскою Академіею Наукъ для ея Азіатскаго Музея, побудила меня просить В. И. Іохельсона составить опись его матеріаловъ, чтобы такимъ образомъ дать спеціалистамъ возможность знать, какой именно матеріалъ по живой старинѣ и языкамъ алеутовъ, камчадаловъ и юкагировъ хранится въ Азіатскомъ Музеѣ. Первая часть описи представляется въ настоящее время, за нею вскорѣ послѣдуютъ и другія. Директоръ Азіатскаго Музея *Сергѣй Ольденбургъ*].

1. Фольклорные матеріалы.

Матеріалы по алеутскому фольклору мною были собраны среди алеутовъ острововъ: Уналашка, Атту, Атка, Умнакъ и Св. Павла (изъ Прибыловыхъ острововъ). Два образца мною записаны въ Петропавловскѣ на Камчаткѣ отъ алеута съ острова Беринга (изъ Командорскихъ острововъ). Нарѣчія, на которыхъ записаны тексты, отличаются между собой какъ въ грамматическомъ, такъ и въ лексическомъ, отчасти и фонетическомъ отношеніяхъ. Языкъ жителей Уналашки, о. Умнакъ и Прибыловыхъ острововъ принадлежитъ къ восточному нарѣчію, названному Веніаминовымъ алеутско-лисьевскимъ языкомъ. Но такъ какъ на этомъ языкѣ говорятъ не только алеуты такъ называемыхъ Лисьевскихъ острововъ, но и Прибыловыхъ, Шумагинскихъ, Саннаха и полуострова Аляски, то предпочитаю называть это нарѣчіе уналашкинскимъ, по имени главнаго острова изъ восточныхъ группъ. Другое нарѣчіе составляетъ языкъ жителей о. Атту (изъ группы западныхъ, такъ называемыхъ Ближнихъ, острововъ единственный еще обитаемый). Буду поэтому его называть аттовскимъ нарѣчіемъ. Языкъ жителей острова Атка (изъ группы Андреяновскихъ острововъ это единственный, на которомъ сохранились еще жители) ближе подходитъ къ уналашкинскому, чѣмъ къ аттовскому нарѣчію. Буду о немъ говорить какъ объ аткинскомъ діалектѣ. Изъ алеутовъ нашихъ Командорскихъ острововъ говорятъ: на о. Беринга на аткинскомъ діалектѣ, на о. Мѣдномъ на аттовскомъ.

Мною собрано 127 алеутскихъ текстовъ: на уналашкинскомъ нарѣчіи 104 текста, на аттовскомъ—17 и на аткинскомъ діалектѣ — 6 (въ томъ числѣ 2 на говорѣ о. Беринга). Если считать отдѣльно переводъ 6 аттовскихъ текстовъ на уналашкинское нарѣчіе и 13 уналашкинскихъ текстовъ на аттовское нарѣчіе,—всего 19 переводовъ,—то общее количество алеутскихъ текстовъ можно считать 146.

Изъ общаго количества алеутскихъ текстовъ были предварительно сказаны въ фонографъ 33 образца, составившіе 99 валиковъ. Остальные тексты были записаны прямо подъ диктовку.

Тексты состоятъ изъ слѣдующихъ родовъ духовнаго творчества алеутовъ: 1) Kadañádax̊ — героическій эпосъ или сказанія о подвигахъ богатырей, вождей или воиновъ съ элементомъ чудеснаго. 2) Uñíkax̊ — сказка. 3) Añásix̒ — пѣсня. 4) Tunusádax̊ — бытовой разсказъ. 5) Kadáñintunúsax̊ —разсказъ о древнихъ обычаяхъ. 6) Iglúñin—поговорки. 7) Imcádan—загадки.

Тексты находятся ко времени составленія описи въ различныхъ стадіяхъ обработки. Но прежде чѣмъ приступить къ детальному ихъ описанію,

по тетрадямъ, считаю необходимымъ указать на характеръ участія въ ихъ собираніи моихъ алеутскихъ переводчиковъ.

Постоянныхъ переводчиковъ у меня было три: по уналашкинскому нарѣчію — уналашкинскій староста А. М. Ячменевъ и псаломщикъ Л. И. Сивцевъ; по аттовскому — братъ аттовскаго старосты С. Прокопьевъ. Они сопутствовали мнѣ въ разъѣздахъ и помогали въ стаціонарныхъ работахъ. Первые двое знаютъ русскую грамоту и, какъ многіе изъ алеутовъ стараго поколѣнія, пишутъ (точнѣе до меня писали) по-алеутски транскрипціей Веніаминова, но весьма недостаточно владѣютъ русскимъ языкомъ. Въ особенности Ячменевъ, который съ трудомъ переводилъ отдѣльныя слова и свободно говорить по-русски не умѣетъ. Сивцевъ говоритъ по-русски совершенно свободно, но съ большими неправильностями. Ячменевъ не рѣшался, или стѣснялся, писать по-русски[1]. Сивцевъ охотно писалъ по-русски, но чтобы дать представленіе о степени его знанія русскаго языка и правильности его письма, я приведу одно мѣсто его перевода алеутскаго текста:

«Anasnadatáx̊kin angu̧sím ilá̃n ñan qakag̦amix tacxíkan,
Пчелы свое носу изъ ему выходитъ заставлялъ

umg̦ikad̦táxkin dām ilkín ñan qakag̦amix̊ tacxíkan, dákin
мухи свое глазу изъ двухъ ему выходитъ заставилъ, глаза свое

igū́m añákin unānutálix, añádan qugagādákan
носъ (свою) подли (поковой сторону) продягивалъ передъ нимъ приставлялъ діавола

ilkigím iñsacxíkan, ulágan ílan itxikū́ áhwa» (тетрадь № 5
отъ себѣ назатъ заставилъ ити дому его въ уранилъ онъ.

стр. 5—7).

Но вотъ что значить этотъ отрывокъ:

«Своихъ двухъ пчелъ изъ своего носа заставляя для него выходить, своихъ двухъ мухъ изъ своихъ обоихъ глазъ заставляя для него выходить, свои оба глаза съ обѣихъ сторонъ своего носа поставивъ вертикально, представляясь передъ нимъ дьяволомъ, заставивъ его отъ себя пятиться назадъ, онъ въ его домъ его свалилъ»[2].

[1] Надо замѣтить, что Л. И. Сивцевъ мальчикомъ учился въ русской школѣ, сохранившейся при уналашкинской церкви и содержавшейся на средства Св. Синода. Въ этой школѣ Сивцевъ состоялъ преподавателемъ церковнаго пѣнія и регентомъ хора при церкви. А. М. Ячменевъ, возрастомъ старше Сивцева, научился грамотѣ самоучкой.

[2] Это отрывокъ изъ образца героическаго эпоса. Герой, отправляясь для совершенія подвиговъ, демонстрируетъ передъ своимъ двоюроднымъ братомъ проявленія своей сверхъестественной силы, чѣмъ наводитъ на него страхъ, заставивъ его упасть во входное отверстіе подземнаго жилища. Герой одѣваетъ волшебную маску съ вертикально расположенными глазами и многократно выпускаетъ изъ ноздрей и глазъ своихъ духовъ покровителей въ образѣ пчелъ и мухъ.

Таковъ образецъ подстрочнаго перевода Сивцева послѣ долгаго инструированія его. И можно себѣ представить тѣ трудности, которыя приходилось преодолѣвать для полученія настоящаго смысла текстовъ. Но еще труднѣе была работа съ Ячменевымъ. Надо сказать, что мою транскрипцію[1] Сивцевъ и Ячменевъ усвоили очень быстро. Я тогда заставлялъ ихъ самихъ списывать съ фонографа или записывать подъ диктовку, чтобы видѣть, какъ они пользуются моими знаками для изображенія родственныхъ звуковъ и насколько они послѣдовательны въ этомъ. Дѣлать подстрочные переводы съ алеутскаго на русскій я могъ заставлять одного только Сивцева, надѣясь такимъ путемъ облегчить себѣ анализъ грамматическихъ элементовъ сложнаго полисинтетическаго строя алеутской рѣчи. Въ смыслѣ выигрыша времени списываніе съ фонографа Ячменева и Сивцева и переводы послѣдняго не имѣли большого значенія. Большей частью эти работы производились подъ моимъ наблюденіемъ, а провѣрка написаннаго обоими и анализъ переводовъ Сивцева, насколько я это успѣлъ сдѣлать на мѣстѣ, требовали не мало времени и труда.

Замѣчу еще, что списываніе текстовъ съ фонографа я производилъ въ присутствіи самихъ разсказчиковъ, которымъ, для провѣрки, читалось написанное—какъ отрывками, по мѣрѣ списыванія, такъ и тексты цѣликомъ.

Степень владѣнія обоими переводчиками англійскимъ языкомъ исключала возможность пользоваться имъ вмѣсто русскаго. Ячменевъ стѣсняется говорить по англійски, хотя понимаетъ англійскую рѣчь. Сивцевъ говоритъ по англійски такъ же бѣгло, какъ по русски, хотя болѣе неправильно. Но трудность англійскаго spelling совершенно мѣшаетъ Сивцеву писать по англійски.

Чтобы не повторяться, я укажу тутъ, какъ буду обозначать ту или другую степень обработанности даннаго текста. a) «Готовъ для печати»: текстъ переписанъ для набора окончательно установленной транскрипціей, русскій переводъ исправленъ и переписанъ мной и текстъ снабженъ необходимыми пояснительными примѣчаніями. b) «Текстъ обработанъ»: первоначальная транскрипція и русскій переводъ исправлены въ тетради, но не переписанъ для набора и не составлены примѣчанія. c) «Текстъ обработанъ отчасти»: транскрипція текста и первоначальный переводъ не вполнѣ исправлены. d) «Текстъ не обработанъ»: транскрипція и переводъ не исправлены. e) «Текстъ не переведенъ». f) «Текстъ не списанъ съ фонографа».

Аттовскіе тексты въ общемъ обработаны менѣе уналашкинскихъ. Еще

[1] См. В. И. Іохельсонъ. Замѣтки о фонетическихъ и структурныхъ основахъ алеутскаго языка. ИАН, 1912, 1031—1046.

менѣе обработаны аткинскіе тексты. На островахъ Атту и Атка я провелъ всего около двухъ мѣсяцевъ на каждомъ, и на мѣстѣ, кромѣ того, я не могъ много времени посвятить фольклору, будучи занятъ раскопками. Но Прокопьевъ провелъ со мной около года на о. Умнакъ и въ Уналашкѣ и я имѣлъ возможность при помощи Ячменева и отчасти Сивцева списать съ фонографа, зафиксировать предварительный русскій переводъ большинства аттовскихъ текстовъ и перевести указанное выше число аттовскихъ образцовъ на уналашкинское нарѣчіе и обратно. Прокопьевъ знаетъ только алеутскій языкъ, точнѣе свое только нарѣчіе, и работать съ нимъ я могъ только при помощи Ячменева или Сивцева.

Рукописи съ текстами состоятъ изъ нумерованныхъ тетрадей, каждая съ отдѣльной пагинаціей. Тексты съ подстрочнымъ переводомъ написаны на нечетныхъ страницахъ. Четныя оставлены для примѣчаній.

Тетрадь № 1, въ переплетѣ, 198 стр. Написано до 173 стр., заключаетъ въ себѣ тексты №№ 1—7, записанные (за исключеніемъ № 6) отъ слѣпого сказочника, теперь покойнаго, Исидора Соловьева въ с. Уналашкѣ, на уналашкинскомъ нарѣчіи. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при содѣйствіи Сивцева.

Текстъ № 1 (стр. 1—37). Túmg̑an (имя) — сказка о превращеніи женщины въ лисицу. Записана мной. Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 2 (стр. 39—105). Ság̑im-lá Sag̑imdúxcan (имя)—сказка. Разсказана въ фонографъ (валики №№ 4—9). Комическій сюжетъ о сватовствѣ, обыкновенно относящійся къ вороньему циклу. Мѣстами Соловьевъ произносилъ на распѣвъ съ особыми модуляціями. Съ фонографа текстъ списанъ мной при содѣйствіи Сивцева. Обработанъ отчасти.

Текстъ № 3 (стр. 107—137). Qalñag̑imgúsix̌ —«Воронище». Варіантъ сказки о воронѣ. Разсказанъ въ фонографъ (валики №№ 10—13). Остальное какъ предыдущій текстъ. Обработанъ отчасти.

Текстъ № 4 (стр. 139—141). Qalñág̑im añáca — «Воронья пѣсня». Спѣта въ фонографъ (валикъ № 13). Прибавленіе къ сказкѣ о воронѣ. Списано и предварительно переведено мною съ помощью Сивцева. Обработано отчасти.

Текстъ № 5 (стр. 143—147). Пѣсня-импровизація. Спѣта въ фонографъ (валикъ № 1). Списана мной. Еще не переведена.

Текстъ № 6 (стр. 149—159). Maqámdin txídin qáxtan. — «Сами себя ѣдящіе». Сказка о людоѣдахъ. Записана мной отъ Л. И. Сивцева. Предварительный русскій переводъ тоже сдѣланъ мной. Обработанъ текстъ отчасти.

Текстъ № 7 (стр. 161—168). Ulíxsux' (имя). Преданіе о родоначальникѣ, умертвившемъ послѣ своей смерти жителей своего селенія. Разсказано въ фонографъ (валикъ № 14). Списалъ Сивцевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной. Текстъ обработанъ отчасти.

На стр. 172—173 исправлена пѣсня, записанная Веніаминовымъ [1].

Тетрадь № 2, въ переплетѣ, стр. 201, заключаетъ въ себѣ: девять текстовъ (№№ 8—13, 11[а] и 40—41), записанныхъ отъ разныхъ лицъ; переводъ на аттовское нарѣчія уналашкинскихъ текстовъ №№ 38, 46 и 39 (см. тетрадь № 10); Конецъ текста № 17 (см. тетрадь № 4).

Текстъ № 8 (стр. 1—37). Álix angaxtágin.—«Старикъ, дающій жизнь». Образецъ героическаго эпоса. Уналашкинское нарѣчіе. Записалъ подъ диктовку отъ И. Соловьева въ Уналашкѣ. Предварительный переводъ сдѣланъ мной при содѣйствіи Сивцева. Обработанъ текстъ отчасти.

Текстъ № 9 (стр. 39—40). Kanágim sugánga — «Кадъяцкій отрокъ». Древній разсказъ, рисующій отношенія тетки къ племяннику (сыну сестры мужа). Во всемъ остальномъ какъ текстъ № 8.

Текстъ № 10 (стр. 43—55). Qagadaltālákan — «Какъ ѣздили на востокъ. Разсказъ старика Илларіона Меньшова въ Уналашкѣ о томъ, какъ ѣздили на промыслъ морскихъ бобровъ. Уналашкинское нарѣчіе. Записанъ и переведенъ по русски мной при помощи Сивцева. Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 11 (стр. 57—73). Cñatunágnan-ñín agitasāxániñ — «Мое участіе съ бобро-промышленниками». Разсказъ слѣпого Соловьева въ Уналашкѣ о промыслѣ морскихъ бобровъ. Уналашкинское нарѣчіе. Записанъ и переведенъ на русскій языкъ мной при помощи Сивцева. Обработанъ текстъ отчасти.

Текстъ № 11[а] (стр. 75).— Небольшой разсказъ на уналашкинскомъ нарѣчіи, безъ перевода и другихъ указаній.

Текстъ № 12 (стр. 79—85). Qabanágim añasí.—«Пѣсня о сивучѣ». Хоровое пѣніе въ 4 голоса (2 мужчинъ и 2 женщины) съ акомпаниментомъ бубна. На островѣ Атту. Записано фонографомъ (валикъ № 54). Слова списалъ Сивцовъ. Русскій переводъ сдѣланъ мной. Обработанъ текстъ отчасти.

---

[1] См. Опытъ грамматики Алеутско-Лисьевскаго языка священника И. Веніаминова въ Уналашкѣ. Спб. Типографія Императ. Академіи Наукъ, 1846 г., стр. 116 (въ приложеніи къ словарю Алеутско-Лисьевскаго языка, имѣющему отдѣльную отъ грамматики пагинацію).

Текстъ № 13 (стр. 85—89). Misiságim añasī.—«Пѣсня о лисицѣ». Записалъ какъ предыдущій текстъ. Не обработанъ.

Текстъ № 40 (стр. 93—133). Imayamagitux (имя).—Сказка на аттовскомъ нарѣчіи. Разсказалъ въ фонографъ (валикъ 38—41) старикъ Дмитрій Прокопьевъ на островѣ Атту. Списалъ Сивцевъ. Часть текста онъ перевелъ на уналашкинское нарѣчіе. Не обработанъ.

Текстъ № 41 (стр. 133—139). Cugucíyax (небольшая птичка).—Сказка на аттовскомъ нарѣчіи. Разсказана въ фонографъ (валикъ 41, вторая половина) Дмитріемъ Прокопьевымъ. Списалъ Сивцевъ. Текстъ необработанъ.

Текстъ № 38ª (стр. 141—147). Переводъ на аттовское нарѣчіе уналашкинскаго текста № 38 (см. тетрадь № 10). Аттовскій переводъ сдѣланъ на островѣ Умнакъ при помощи Ячменева и Прокопьева. Писалъ Ячменевъ.

Текстъ № 46ª (стр. 149—171). Переводъ на аттовское нарѣчіе уналашкинскаго текста № 46 (см. тетрадь № 10). Остальное какъ текстъ № 38ª.

Текстъ № 39ª (стр. 173—201). Переводъ на аттовское нарѣчіе уналашкинскаго текста № 39 (см. тетрадь № 10). Остальное какъ текстъ № 38ª.

Текстъ № 17 (стр. 202). Три строчки, служащія концомъ текста № 17 (см. тетрадь № 4).

Тетрадь № 3, стр. 95, заключаетъ въ себѣ два текста, №№ 14—15.

Текстъ № 14 (стр. 3—19). Cagaxcxínax .— «Искатель амулетовъ». Сказка. Герой отправляется къ духамъ-людоѣдамъ для похищенія волшебныхъ предметовъ. Разсказалъ въ фонографъ (валикъ № 17) Соловьевъ, на уналашкинскомъ нарѣчіи. Списалъ Сивцевъ. Первая страница переведена на русскій языкъ мной. Русскій переводъ остальныхъ сдѣланъ Сивцевымъ въ другой тетради, черновой, № 1, стр. 1—9. Текстъ не обработанъ.

Текстъ № 15 (стр. 21—93). Ayagān asx'ānax' Hwañílax'— «Хвангилахъ, убившій свою жену». Сказка. Разсказалъ въ фонографъ (валики №№ 18—23) Климентъ Буренинъ, въ Уналашкѣ. Списалъ Сивцевъ. Предварительный русскій переводъ имъ сдѣланъ въ черновой тетради, № 1, стр. 10—46. Текстъ не обработанъ.

Тетрадь № 4, стр. 88, заключаетъ въ себѣ тексты №№ 16—22 и конецъ текста № 25.

Текстъ № 16 (стр. 1—9). Ilúgañ — алеутское имя Панькова, переводчика Веніаминова. Пѣсня о немъ. Пропѣта въ фонографъ

(валикъ № 2) на уналашкинскомъ нарѣчіи Соловьевымъ. Списана и переведена на русскій языкъ Сивцевымъ. Текстъ не обработанъ.

Текстъ № 17 (стр. 11—17). Пѣсня о немъ же. Пропѣта въ фонографъ (валикъ № 3). Остальное какъ текстъ № 16.

Текстъ № 18 (стр. 19—31). Tagālix̓ (имя). Сказка. Разсказана Соловьевымъ въ Уналашкѣ. Записалъ и перевелъ на русскій языкъ Сивцевъ. Текстъ не обработанъ.

Текстъ № 19 (стр. 33—45). Kañídax̓ (имя). Сказка. Остальное какъ текстъ № 18.

Текстъ № 20 (стр. 47—71). Kuyākuyasā (имя). Древній разсказъ о борьбѣ двухъ семействъ. Остальное какъ текстъ № 18.

Текстъ № 21 (стр. 73—75). Хоровая пѣсня, спѣтая въ честь меня, на аттовскомъ нарѣчіи, въ фонографъ (валикъ № 52). Списана въ тетрадь и переведена на русскій языкъ мной при помощи Сивцева. Обработана отчасти.

Текстъ № 22 (стр. 77—79). Хоровая пѣсня о Сивучѣ. Спѣта въ фонографъ (валикъ № 53). Остальное какъ текстъ № 21.

Текстъ № 25 (стр. 81—83). Конецъ текста, записаннаго въ тетради № 5 (стр. 143—201).

Тетрадь № 5, стр. 201, въ переплетѣ, заключаетъ въ себѣ три текста №№ 23—25.

Текстъ № 23 (стр. 3—89). Tánax -Ámix̓.— «Островъ св. Павла». Героическій эпосъ. Разсказалъ Ис. Соловьевъ въ Уналашкѣ. Записалъ и сдѣлалъ предварительный русскій переводъ Сивцевъ. Обработанъ отчасти. Текстъ переписанъ на машинкѣ въ исправленной транскрипціи и переводъ исправляется.

Текстъ № 24 (стр. 91—115). Разсказъ Ст. Прокопьева о промыслѣ песцовъ на островѣ Атту, на аттовскомъ нарѣчіи. Разсказалъ въ фонографъ (валики №№ 25—26). Текстъ списанъ, переведенъ на уналашкинское нарѣчіе и съ него сдѣланъ предварительный русскій переводъ мной при содѣйствіи Ячменева и Прокопьева. Обработанъ отчасти. Стр. 116—141 не использованы.

Текстъ № 25 (стр. 143—201). Quyígim-igalúgin.— Сказка на аттовскомъ нарѣчіи. Разсказана въ фонографъ (валики №№ 29—33) Дм. Прокопьевымъ на Атту. Списана съ фонографа отчасти мной, отчасти Сивцевымъ съ помощью Ст. Прокопьева. Сивцевъ перевелъ на уналаш-

кинское нарѣчіе. Русскаго перевода еще нѣтъ. Текстъ не обработанъ. Конецъ сказки перенесенъ въ тетрадь № 4 (стр. 81—83).

Тетрадь № 6, стр. 200, заключаетъ въ себѣ три текста, №№ 26—28.

Текстъ № 26 (стр. 1—47). Ilaĝúnax' (имя).—Старинный разсказъ о родоначальникѣ острова Атту, на аттовскомъ нарѣчіи. Разсказалъ въ фонографъ (валики №№ 34—37) Артамоновъ на островѣ Атту. Списали я и Сивцевъ. Сивцевъ сдѣлалъ подстрочный переводъ на уналашкинское нарѣчіе. Русскій переводъ на мѣстѣ былъ сдѣланъ мной только первой страницы. Текстъ не обработанъ.

Текстъ № 27 (стр. 49—143). Ukálĝan tukú.—«Здѣшній родоначальникъ». Древній разсказъ на аткинскомъ діалектѣ. Разсказалъ въ фонографъ (валики №№ 84, 85, 87, 88, 90, 92) Михаилъ Мершенинъ на островѣ Атка. Списали съ фонографа я и Сивцевъ. Русскій переводъ сдѣланъ мной на мѣстѣ только до 55 страницы со многими примѣчаніями. Стр. 55—73 переведены Сивцевымъ. Дальнѣйшее еще не переведено. Но отъ начала до 89 стр. подписаны красными чернилами слова и формы уналашкинскаго нарѣчія, если аткинскія имъ не соотвѣтствуютъ.

Текстъ № 28 (стр. 145—155). Письмо Ячменева съ острова Умнакъ въ Уналашку. Онъ описываетъ Сивцеву наши раскопки на островѣ Умнакъ. Уналашкинское нарѣчіе. Переписано мной. Оригиналъ Ячменева въ транскрипціи Веніаминова вклеенъ въ тетрадь къ стр. 145. Русскій переводъ сдѣланъ мной на оригиналѣ. Обработанъ текстъ отчасти.

Тетрадь № 7, стр. 95, заключаетъ въ себѣ шесть текстовъ, №№ 29—34. Всѣ записаны на островѣ Умнакъ отъ Тимофея Дорофѣева, на Уналашкинскомъ нарѣчіи.

Текстъ № 29 (стр. 3—11). Kanáĝim suĝánĝa.—«Кадьяцкій отрокъ». Героическій эпосъ. Борьба съ людоѣдами. Записалъ Ячменевъ Веніаминовской транскрипціей. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева. Готовъ для печати. Представлено въ октябрѣ 1916 года Историко-Филологическому Отдѣленію Академіи Наукъ. Сданъ въ типографію для набора.

Текстъ № 30 (стр. 21—29). Átlun̄ (имя). Варіантъ преданія о происхожденіи морскихъ бобровъ отъ кровосмѣсительной связи брата съ сестрой. Записанъ и предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева. Готовъ для печати. Въ октябрѣ 1916 года предста-

вленъ Историко-Филологическому Отдѣленію Академіи Наукъ. Сданъ въ типографію.

Текстъ № 31 (стр. 31—53). Kanāgútux̌ (имя). Преданіе о человѣкѣ, убивавшемъ всѣхъ мальчиковъ, родившихся отъ его женъ. Записалъ Ячменевъ моей транскрипціей. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева. Текстъ готовъ для печати. Обработанъ и снабженъ мной англійскимъ переводомъ и примѣчаніями для Этнологическаго Бюро Смитсоніанскаго Института въ Вашингтонѣ. Посланъ въ апрѣлѣ 1915 года. Русскій переводъ безъ текста напечатанъ въ «Живой Старинѣ», 1915 года.

Текстъ № 32 (стр. 55—65). Nug̡ag̡íqax̌ (имя). Разсказъ изъ древняго алеутскаго быта. Записалъ Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева. Текстъ готовъ для печати. Въ октябрѣ 1916 года представленъ Историко-Филологическому Отдѣленію Академіи Наукъ. Сданъ въ типографію для набора.

Текстъ № 33 (стр. 67—77). Úyum tayag̡ú.—«Человѣкъ изъ селенія Севидово». Разсказъ изъ древняго быта алеутовъ. Записалъ Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева. Готовъ для печати. Текстъ съ англійскимъ переводомъ посланъ Этнологическому Бюро Смитсоніанскаго Института въ Вашингтонѣ въ апрѣлѣ 1915 года. Русскій переводъ безъ текста напечатанъ въ «Живой Старинѣ», 1915 года.

Текстъ № 34 (стр. 79—95). Qumnígin tayag̡ú.—«Человѣкъ изъ селенія Хумнигинъ». Старинный разсказъ изъ жизни «бѣглыхъ» алеутовъ, скрывавшихся отъ русскихъ въ пещерахъ. Записалъ Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной. Текстъ обработанъ отчасти.

Тетрадь № 8, 59 стр. заключаетъ въ себѣ одинъ текстъ № 35.

Текстъ № 35 (стр. 1—59). Разсказъ Ячменева, написанный имъ самимъ, о поѣздкѣ его, вмѣстѣ съ другими алеутами, въ байдаркахъ съ острова Саннахъ къ острову Уналашка. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева. Текстъ обработанъ отчасти.

Тетрадь № 9, 95 стр. заключаетъ въ себѣ два текста (№№ 36 и 37).

Текстъ № 36 (стр. 1—39). Qaglam̃igúyax̒—«Воронище». Варіантъ сказки о воронѣ. Разсказалъ въ фонографъ (валики №№ 42—45) староста острова Атту Филаретъ Прокопьевъ на аттовскомъ нарѣчіи. Списалъ Ячменевъ на островѣ Умнакъ при помощи Степана Прокопьева. Предварительный русскій переводъ, какъ и переводъ на уналашкинское нарѣчіе,

сдѣланъ мной при помощи Ячменева и С. Прокопьева. Оба перевода подстрочны. Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 37 (стр. 49—93). Qaglắx — «Воронъ». Варіантъ сказки о воронѣ. Разсказалъ на островѣ Атту въ фонографъ (валики №№ 46—50) Степанъ Голодовъ. Списалъ и перевелъ на уналашкинское нарѣчіе Ячменевъ при помощи С. Прокопьева. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева и С. Прокопьева. Готовъ для печати. Оба текста (аттовскій и уналашкинскій) съ англійскимъ подстрочнымъ переводомъ посланы Этнологическому Бюро Смитсоніанскаго Института въ Вашингтонѣ въ апрѣлѣ 1915 года. Русскій переводъ напечатанъ въ «Живой Старинѣ» за 1915 годъ.

Тетрадь № 10, въ переплетѣ, 204 страницъ, заключаетъ въ себѣ 16 текстовъ (№№ 38—39, 42—58). Всѣ они записаны Ячменевымъ на островѣ Умнакъ на Уналашкинскомъ нарѣчіи. Предварительный русскій переводъ всѣхъ текстовъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева. Большинство текстовъ переведены при помощи Ячменева и С. Прокопьева на аттовское нарѣчіе. Аттовскіе переводы записаны въ другихъ тетрадяхъ, за отсутствіемъ мѣста для двухъ подстрочныхъ переводовъ.

Текстъ № 38 (стр. 3—9). Kanuyigáxtuxʿ (имя).— Преданіе о спрутѣ, требовавшемъ себѣ жертвъ и помогавшемъ за это герою на промыслѣ, но разрушившемъ наконецъ селеніе охотника за неточное выполненіе жертвеприношенія. Диктовалъ Тимофѣй Дорофѣевъ. Аттовскій переводъ см. тетрадь № 2 (стр. 141—147). Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 39 (стр. 35—67). Idmáxtun (имя).— Героическій эпосъ. Диктовалъ Тимофей Дорофѣевъ. Аттовскій переводъ см. тетр. № 2 (стр. 173—201). Текстъ обработанъ отчасти.

Тексты №№ 40—41 см. тетрадь № 2.

Текстъ № 42 (стр. 69—71). Inígim añáca.— Пѣсня (хоровая) при игрѣ inígix, состоящей въ томъ, что играющіе натягиваютъ шкуру сивуча, которую они держатъ за края, образуя кругъ, и подбрасываютъ далеко вверхъ молодую дѣвушку, стоящую на шкурѣ. Она должна падать на шкуру въ стоячемъ положеніи. Пропѣта Е. Плетниковой въ фонографъ (валикъ № 99). Списалъ Ячменевъ. Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 43 (ст. 73—85). Unáñan mayaqúmci.— «Алеуты когда промышляютъ». Описаніе орудій, способовъ и условій охоты и рыбной ловли алеутовъ. Диктовалъ Арсеній Крюковъ. Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 44 (стр. 87—97). Algínañ (имя).— Древній разсказъ о воинѣ съ острова Самалга, совершавщемъ нападенія на жителей другихъ островов. Диктовалъ А. Крюковъ. Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 45 (стр. 99—107). Ataliñ (имя).— Варіантъ легенды о происхожденіи морскихъ бобровъ отъ кровосмѣсительной связи брата съ сестрой (см. текстъ № 30). Диктовалъ А. Крюковъ. Переводъ на аттовское нарѣчіе см. тетрадь № 14 (стр. 181—185). Готовъ для печати. Оба текста (уналашкинскій и аттовскій) съ англійскимъ подстрочнымъ переводомъ посланы въ апрѣлѣ 1915 года Этнологическому Бюро Смитсоніанскаго Института въ Вашингтонѣ. Русскій переводъ напечатанъ въ «Живой Старинѣ» за 1915 годъ.

Текстъ № 46 (стр. 11—33). Tayáĝux̂ malĝáqax̂ ax̂tákux̂.— «Человѣкъ жилъ оказывается». Сказка о невѣрномъ мужѣ. Диктовалъ Тимофей Дорофѣевъ. Переводъ на аттовское нарѣчіе см. тетрадь № 2 (стр. 149—171). Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 47 (стр. 109—117). Sanĝuxtáqax̂ (имя).— Разсказъ изъ древняго алеутскаго быта. Диктовалъ А. Крюковъ. Аттовскій переводъ см. тетрадь № 14 (стр. 187—191). Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 48 (стр. 119—129). Quganatqásañ (имя).— Сказка о томъ, какъ отецъ спасъ свою дочь отъ людоѣдовъ (iládin-qáxtan). Диктовалъ А. Крюковъ. Аттовскій переводъ см. тетрадь № 26 (стр. 1—4). Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 49 (стр. 131—135). Ciguyákax̂ (имя).— Комическій разсказъ объ охотникѣ, умершемъ въ китѣ отъ обжорства. Диктовалъ А. Крюковъ. Аттовскій переводъ см. тетрадь № 26 (стр. 5—7). Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 50 (стр. 137—139). Ayáĝax̂ malĝáqax̂ ax̂tákux̂— «Женщина жила оказывается». Разсказъ о дѣвушкѣ, сама нашедшая себѣ мужа. Диктовалъ А. Крюковъ. Аттовскій переводъ см. тетрадь № 26 (стр. 8—9). Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 51 (стр. 141—147). Álax uyiqigádax.— «Двѣ старушки». Сказка. Диктовалъ А. Крюковъ. Аттовскій переводъ см. тетрадь № 26 (стр. 10—12). Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 52 (стр. 149—161). Tayáĝum atáqan-dáx̂ta — «Одноглазый человѣкъ». Сказка о женщинѣ, превращенной въ лисицу. Диктовалъ А. Крюковъ. Аттовскій переводъ см. тетрадь № 26 (стр. 13—17). Текстъ готовъ для печати. Оба текста (уналашкинскій и аттовскій) съ англійскимъ подстрочнымъ переводомъ посланы въ апрѣлѣ 1915 г. Этно-

логическому Бюро Смитсон. Института въ Вашингтонѣ. Русскій переводъ безъ текста напечатанъ въ «Живой Старинѣ» за 1915 г.

Текстъ № 53 (стр. 163—169). Agucíknañ (имя). Варіантъ сказки о невѣрномъ мужѣ. Диктовалъ А. Крюковъ. Аттовскій переводъ см. тетрадь № 26 (стр. 18—20). Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 54 (стр. 171—175). Асхауасáñiñ (имя). Разсказъ о нелюбимомъ племянникѣ. Диктовалъ А. Крюковъ. Аттовскій переводъ см. тетрадь № 26 (стр. 21—22). Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 55 (стр. 177—203). Tayágux-Kayuli'nax (имя). Древній разсказъ о ревнивой женѣ. Разсказалъ въ фонографъ (валики №№ 93—96) Т. Дорофѣевъ. Списалъ Ячменевъ. Конецъ текста перенесенъ въ тетрадь № 13 (стр. 3—7). Текстъ готовъ для печати. Представленъ въ февралѣ 1916 г. Историко-Филологическому Отдѣленію Академіи Наукъ. Сданъ для набора.

Тетрадь № 11, 14 сцѣпленныхъ страницъ, писанныхъ съ одной стороны и заключающихъ въ себѣ текстъ № 56.

Текстъ № 56. Письмо Сивцева ко мнѣ на о. Умнакъ изъ Уналашки. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева. Текстъ обработанъ отчасти.

Тетрадь № 12, 111 стр., въ переплетѣ, заключаетъ въ себѣ три текста (№№ 57—59).

Текстъ № 57 (стр. 2—75). Túnuxʿ Añaglínaxʿ (имя).—Древній разсказъ, рисующій междуусобія между жителями западныхъ островозъ. Диктовалъ С. Прокопьевъ на аттовскомъ нарѣчіи. Писалъ Ячменевъ. Онъ же написалъ подстрочный переводъ на уналашкинское нарѣчіе. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева и С. Прокопьева. Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 58 (стр. 77—109). Aligyáx (имя).— Сказка о томъ, какъ сыновья убили отца за то, что онъ покинулъ ихъ мать. Диктовалъ староста о. Умнакъ Иванъ Суворовъ. Писалъ Ячменевъ. Уналашкинское нарѣчіе. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева. Готовъ для печати. Текстъ съ англійскимъ подстрочнымъ переводомъ посланъ въ апрѣлѣ 1915 г. Этнологическому Бюро Смитсоніанскаго Института въ Вашингтонѣ. Русскій переводъ напечатанъ въ «Живой Старинѣ» за 1915 г.

Текстъ № 59 (стр. 111).—Копія письма на уналашкинскомъ нарѣчіи, написаннаго мной при помощи Ячменева съ о. Умнакъ въ Уналашку Сивцеву. Текстъ не переведенъ.

Тетрадь № 13, въ переплетѣ, 115 стр., заключаетъ въ себѣ конецъ текста № 55 и тексты №№ 60—62.

Текстъ № 55 (стр. 3—7).—Конецъ. Весь текстъ см. тетрадь № 10, стр. 177—203.

Текстъ № 60 (стр. 9—35). Mícim aligű (имя).—«Старикъ изъ селенія Mícix'». Варіантъ древняго преданія о томъ, какъ былъ убитъ мальчикъ, первый разъ отпущенный отцомъ въ байдаркѣ. Уналашкинское нарѣчіе. Разсказалъ на о. Умнакъ Т. Дорофѣевъ въ фонографъ (вал. №№ 96—98). Списалъ Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева. Текстъ готовъ для печати. Представленъ въ февралѣ 1916 года Историко-Филологическому Отдѣленію Академіи Наукъ. Сданъ въ типографію.

Текстъ № 61 (стр. 37—93) Asagdúdax malgáqax.—«Два двоюродныхъ брата жили». Старинный разсказъ о кузенахъ. Диктовалъ умнацкій староста Иванъ Суворовъ на уналашкинскомъ нарѣчіи. Записалъ Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева. Текстъ готовъ для печати. Представленъ въ октябрѣ 1916 года Историко-Филологическому Отдѣленію Академіи Наукъ. Сданъ въ типографію.

Текстъ № 62 (стр. 95—115) Tánax̊ Cugináḍax̊ —имя вулканической сопки на о. Танахъ-Ангунахъ. Легенда о дѣвушкѣ, вышедшей изъ вулкана. Диктовалъ Иванъ Суворовъ. Писалъ Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева. Вторая половина перенесена въ тетрадь № 14 (стр. 3—27). Текстъ готовъ для печати. Представленъ въ октябрѣ 1916 г. Историко-Филологическому Отдѣленію Академіи Наукъ. Сданъ въ типографію.

Тетрадь № 14, сцѣпленные листы, 193 стр., заключаетъ въ себѣ конецъ текста № 62, восемь другихъ текстовъ на уналашкинскомъ нарѣчіи (№№ 63—69) и переводъ трехъ уналашкинскихъ текстовъ изъ тетради № 10 на аттовское нарѣчіе.

Текстъ № 62 (стр. 3—27)—вторая половина. Начало см. тетрадь № 13, стр. 95—115.

Текстъ № 63 (стр. 29—40) Tanadgúsim Íl̃nan asax̊tá.—«Селеніе по имени Илнганъ». Легенда о селеніи, которымъ завладѣли духи. Диктовалъ Т. Дорофѣевъ на о. Умнакъ. Писалъ Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной. Текстъ готовъ для печати. Предста-

вленъ Историко-Филологическому Отдѣленію Академіи Наукъ въ октябрѣ 1916 года.

Текстъ № 64 (стр. 41—53) Tayáĝux̓ malĝáqax̓ ax̓tákux̓.— «Человѣкъ жилъ оказывается». Старинный разсказъ о сожительствѣ тетки съ племянникомъ (сыномъ сестры своего мужа). Диктовалъ Т. Дорофѣевъ. Писалъ Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной. Текстъ готовъ для печати. Представленъ Историко-Филологическому Отдѣленію Академіи Наукъ въ октябрѣ 1916 года.

Текстъ № 64ª (стр. 55—69). Iqitāĝañanúlux̓ (имя).—Старинный разсказъ, рисующій древній алеутскій бытъ. Диктовалъ Т. Дорофѣевъ. Писалъ Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной. Текстъ готовъ для печати. Представленъ Историко-Филологическому Отдѣленію Академіи Наукъ въ октябрѣ 1916 года.

Текстъ № 65 (стр. 71—87). Ayáĝax̓ malĝáqax̓.—«Женщина жила». Сказка о превращеніи женщины въ песца. Диктовалъ Т. Дорофѣевъ на о. Умнакъ. Писалъ Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной. Текстъ готовъ для печати. Представленъ Историко-Филологическому Отдѣленію Академіи Наукъ въ февралѣ 1916 г. Сданъ въ типографію.

Текстъ № 66 (стр. 89—107). Igulásix̓ (имя).—Старинный разсказъ, рисующій отношенія зятя къ шурину. Диктовалъ умнацкій староста Иванъ Суворовъ. Писалъ Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной. Текстъ готовъ для печати. Представленъ Историко-Филологическому Отдѣленію Академіи Наукъ въ октябрѣ 1916 года.

Текстъ № 67 (стр. 109—119). Uĝdíĝdañ (имя).—Варіантъ легенды объ истребленіи умершимъ старостой всѣхъ жителей своего селенія. Диктовалъ Иванъ Суворовъ на островѣ Умнакъ. Писалъ Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной. Текстъ готовъ къ печати. Представленъ Историко-Филологическому Отдѣленію Академіи Наукъ въ октябрѣ 1916 года.

Текстъ № 68 (стр. 121—143) Luñ (имя).— Старинный разсказъ, рисующій древній алеутскій бытъ. Диктовалъ Иванъ Суворовъ на островѣ Умнакъ. Писалъ Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной. Текстъ готовъ для печати.

Текстъ № 69 стр. (145—171). Qatxayikúsax̓ (имя).—Родоначальникъ острова Хагамъ-Иланъ. Варіантъ на сюжетъ о потопленіи мальчика, впервые поѣхавшаго на байдаркѣ. Диктовалъ Иванъ Суворовъ. Писалъ

Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной. Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ 44ª (стр. 173—179). Переводъ на аттовское нарѣчіе уналашкинскаго текста № 44 (см. тетрадь № 10, стр. 87—97).

Текстъ № 45ª (стр. 181—185). Переводъ на аттовское нарѣчіе уналашкинскаго текста № 45 (см. тетрадь № 10, стр. 99—107).

Текстъ № 47ª (стр. 187—191). Переводъ на аттовское нарѣчіе уналашкинскаго текста № 47 (см. тетрадь № 10, стр. 109—117).

На стр. 193 имѣются замѣтки для грамматики.

Тетрадь № 15, 67 стр., заключаетъ въ себѣ одинъ текстъ (№ 70) на уналашкинскомъ нарѣчіи и замѣтки по фонетикѣ.

Текстъ № 70 (стр. 3—27), Kañax̊simáx̊ (имя).— Старинный разсказъ. Сынъ убиваетъ отца, мстя за мать. Диктовалъ Иванъ Суворовъ на о. Умнакъ. Писалъ Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной. Текстъ готовъ для печати. Представленъ Историко-Филологическому Отдѣленію Академіи Наукъ въ февралѣ 1916 года. Сданъ въ типографію.

На стр. 28—35 находятся замѣтки по алеутской фонетикѣ.

Тетрадь № 16 состоитъ изъ 59 сцѣпленныхъ полулистовъ. Нумерованы листки, а не страницы, т. е. писанныя стороны. Заключаетъ въ себѣ 1 текстъ (№ 71) на уналашкинскомъ нарѣчіи.

Текстъ № 71 (стр. 1—59) Kanágim sugánga.—«Кадъяцкій юноша». Подъ такимъ заголовкомъ сказываются различныя сказки. Въ данномъ случаѣ сюжетомъ служитъ сибирско-американскій мотивъ о женитьбѣ героя на женщинѣ-лисицѣ. Диктовалъ Исидоръ Соловьевъ въ Уналашкѣ. Писалъ Сивцевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева. Текстъ бработанъ отчасти.

Тетрадь № 17, въ переплетѣ, стр. 365, не вся использована, заключаетъ въ себѣ 17 текстовъ и другіе матеріалы. На стр. 1—9 замѣтки для памяти.

Текстъ № 72 (стр. 10—21).—Исправленныя мѣста изъ перевода Веніаминова Евангелія отъ Матвѣя и изъ его предисловія къ переводу. Исправленія сдѣланы мной при помощи Сивцева и Ячменева.

Тексты №№ 73—76 (стр. 22—39 и 44—47).—Исправленный переводъ записанныхъ Веніаминовымъ алеутскихъ пѣсенъ. Исправленія сдѣланы мной при помощи Ячменева.

Текстъ № 77 (стр. 40—43). Misiságum añasî.—Пѣсня о промыслѣ лисицъ на аттовскомъ нарѣчіи, хоровая. Пропѣта въ фонографъ (вал. № 56) на о. Атту. Списана и переведена мной на русскій языкъ при помощи Ячменева и С. Прокопьева. Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 78 (стр. 40—53). Igádax̊ (имя).—Сказка о Vagina mulieris dentibus armata на аттовскомъ нарѣчіи. Разсказалъ на о. Атту въ фонографъ (валикъ № 24) Савелій Прокопьевъ. Текстъ списанъ и переведенъ мною на русскій языкъ и на уналашкинское нарѣчіе на о. Умнакъ при помощи Ячменева и Степана Прокопьева. Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 79 (стр. 55–67). Tayágux̊ hiñ angagínax.—«Человѣкъ тутъ жилъ». Старинный разсказъ о ревнивомъ мужѣ на аттовскомъ нарѣчіи. Разсказалъ въ фонографъ (вал. № 24) на о. Атту Савелій Прокопьевъ. При списываніи на о. Умнакъ трудно было разобрать и Степанъ Прокопьевъ диктовалъ своими словами. Писалъ и перевелъ на уналашкинское нарѣчіе Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева и С. Прокопьева. Текстъ обработанъ отчасти.

Тексты №№ 80—87 (стр. 68—100). Исправленный переводъ записанныхъ Веніаминовымъ пѣсенъ. Исправленія сдѣланы при помощи Ячменева.

Текстъ № 88 (стр. 103—115). Igadágax̊ (имя).—Комическій разсказъ о сожительствѣ съ женой двоюроднаго брата. Разсказалъ Сивцевъ на уналашкинскомъ нарѣчіи. Записанъ мной. Русскій переводъ на мѣстѣ не сдѣланъ.

Текстъ № 88ª (стр. 117—159). Caglaxtúgix̊ (имя).—Сказка на діалектѣ острова Беринга. Записана мной въ городѣ Петропавловскѣ на Камчаткѣ отъ алеута Сергѣя Иванова съ острова Беринга. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при его помощи. Текстъ обработанъ отчасти.

На стр. 162—178 записана камчадальская сказка на камчадальскомъ языкѣ, безъ русскаго перевода (будетъ указано въ описи камчадальскаго фольклора).

На стр. 181—замѣтка объ устройствѣ «общественнаго дома» (ulagámax̊).

На стр. 298—311—замѣтки объ отличіяхъ нарѣчія острова Беринга (см. дальше).

Тетрадь № 18, 77 стр. заключаетъ въ себѣ 6 текстовъ, представляющихъ этнологическій матеріалъ. Всѣ записаны по моимъ указаніямъ въ

Уналашкѣ и переведены на русскій языкъ Сивцевымъ. Кромѣ текста № 91, записаннаго отъ повитухи Мареы Голодовой, всѣ тексты диктовалъ Ис. Соловьевъ. Въ русскомъ переводѣ Сивцева на мѣстѣ мной исправлены были только отдѣльныя слова и тексты обработаны пока отчасти.

Текстъ № 89 (ст. 1—15). О воспитаніи дѣвушки, половой зрѣлости, регулахъ и замужествѣ.

Текстъ № 90 (стр. 15—27). О беременности и родахъ.

Текстъ № 91 (стр. 27—32). О беременности и родахъ (Голодовой).

Текстъ № 92 (стр. 40—59). О вдовствѣ и воспитаніи мальчиковъ.

Текстъ № 93 (стр. 59—63). Iqlúñin.—«Поговорки».

Текстъ № 93ª (стр. 63—73). Imcádan.— «Загадки».

Тетрадь № 19 состоитъ изъ 89 листовъ, писанныхъ съ одной стороны, и заключаетъ въ себѣ четыре текста (№№ 94—97) на уналашкинскомъ нарѣчіи. Всѣ тексты диктовалъ Ис. Соловьевъ въ Уналашкѣ. Писалъ и сдѣлалъ русскій переводъ Сивцевъ. Въ переводѣ его мной пока исправлены, краснымъ, отдѣльныя слова.

Текстъ № 94 (стр. 1—27). Ayágax̂-Agalún (имя).— Сказка о людоѣдкѣ. Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 95 (стр. 28—38). Alídaẋ (имя).— Сказка о невѣрномъ мужѣ. Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 96 (стр. 38—71). Tugídam uñ̊ñí.—«Сестра луны». Она спустилась на землю, гдѣ вышла замужъ. Возвращаясь съ сыномъ на небо, она умерла въ пути. Сынъ поднялся на небо одинъ и смѣнилъ одряхлѣвшаго дядю — луну. Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 97 (стр. 71—89). Qamgilígan (имя).— Сказка о духѣ вулкана Макушинской сопки, вошедшаго въ женщину. Текстъ обработанъ отчасти.

Тетрадь № 20 состоитъ изъ сшитыхъ листовъ. Нумерованы только писанныя страницы (стр. 106). Заключаетъ въ себѣ три текста (№№ 98—100), продиктованныхъ Ис. Соловьевымъ на уналашкинскомъ нарѣчіи и записанныхъ и переведенныхъ на русскій языкъ Сивцевымъ.

Текстъ № 98 (стр. 1—103). Añálix-agínax (имя).— «Свѣтъ поднявшій». Героическій эпосъ. Мои отдѣльныя поправки къ переводу Сивцева имѣются пока до 34-й стр. и текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 99 (стр. 103—105). Túmgax̂-Sixsínax̂ (имя).— Небольшой образецъ героическаго эпоса. Не исправленъ.

Текстъ № 100 (стр. 106—108). Tunusádax̒.—«Описаніе» поведенія охотника передъ началомъ промысла. Текстъ не исправленъ.

Тетрадь № 21 состоитъ изъ сшитыхъ листовъ съ пагинаціей писанныхъ страницъ. Заключаетъ въ себѣ одинъ текстъ (№ 101).

Текстъ № 101 (стр. 1—12). Úlux-Qânax̒ (имя).—Сказка о томъ, какъ отецъ додѣлываетъ дочь, оказавшуюся не способной къ супружеству. Диктовалъ Ис. Соловьевъ на уналашкинскомъ нарѣчіи. Записалъ и перевелъ на русскій языкъ Сивцевъ. Мной сдѣланы пока незначительныя поправки къ тексту и переводу.

Тетрадь № 22 состоитъ изъ сшитыхъ листовъ съ пагинаціей только писанныхъ страницъ (стр. 35). Заключаетъ въ себѣ одинъ текстъ (№ 102).

Текстъ № 102 (стр. 1—35). Usílax̌ (имя).—Сказка о томъ, какъ дядя убивалъ своихъ племянниковъ (сыновей сестры). Диктовалъ въ Уналашкѣ на уналашкинскомъ нарѣчіи Илларіонъ Меньшовъ. Записалъ и перевелъ на русскій языкъ Сивцевъ. Мной пока сдѣланы отдѣльныя поправки къ тексту и переводу.

Тетрадь № 23 состоитъ изъ сшитыхъ листовъ съ пагинаціей писанныхъ страницъ (стр. 26). Заключаетъ въ себѣ шесть текстовъ (№№ 103—108). Три изъ нихъ этнологическаго содержанія. Всѣ тексты диктовалъ Ис. Соловьевъ. Писалъ и перевелъ на русскій языкъ Сивцевъ. Всѣ тексты обработаны отчасти, т. е. мной пока поправлены отдѣльныя слова.

Текстъ № 103 (стр. 1). Asxínum aĝuxtanâ.—«Сдѣланная дочь». Сказка о деревянной дочери.

Текстъ № 104 (стр. 2—5). Aláĝum-kúgan txídix-aĝúxtan.—«То, что бываетъ на морѣ». Повѣрья относительно моря.

Текстъ № 105 (стр. 5—10). Malíxtin.—«Гаданія по примѣтамъ».

Текстъ № 106 (стр. 10—11). Amgixtayaxtásin.—«Раскрашиваніе тѣла и украшенія».

Текстъ № 107 (стр. 13—22). Sadídax̒ (имя).—Сказка о женщинѣ, мѣнявшей свой полъ.

Текстъ № 108 (стр. 23—26). Igúgnam tukúgan asxinŭ̂.—«Дочь хозяина селенія Игугнахъ». Преданіе о сожительствѣ женщины съ морскими котиками.

Тетрадь № 24 состоитъ изъ сшитыхъ листовъ съ пагинаціей только писанныхъ страницъ. Заключаетъ въ себѣ одинъ текстъ на уналашкинскомъ нарѣчіи (№ 109).

Текстъ № 109 (стр. 1—12). Sâgim tayagū Ulukídax̊.—«Человѣкъ изъ селенія Сагихъ по имени Улукидахъ». Старинный разсказъ, рисующій отношеніе алеута къ своей байдаркѣ, претендующей на ласки жены своего хозяина, какъ товарища въ брачномъ союзѣ. Диктовалъ Ис. Соловьевъ въ Уналашкѣ. Писалъ и перевелъ на русскій языкъ Сивцевъ. Текстъ готовъ для печати. Представленъ Историко-Филологическому Отдѣленію Академіи Наукъ въ февралѣ 1916 года. Сданъ въ типографію.

Тетрадь № 25 состоитъ изъ сцѣпленныхъ листковъ въ 99 страницъ. Заключаетъ въ себѣ пять текстовъ (№№ 110—114) на уналашкинскомъ нарѣчіи. Всѣ диктовалъ Ис. Соловьевъ въ Уналашкѣ. Писалъ Ячменевъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева. Всѣ тексты обработаны отчасти.

Текстъ № 110 (стр. 1—23). Agalínax̊ (имя).—Преданіе о превращеніи людей въ сивучей.

Текстъ № 111 (стр. 27—45). Yâgim kâdan ayagâ.—«Женщина конца мыса». Сказка о женщинѣ, сбрасывавшей съ утеса своихъ возлюбленныхъ.

Текстъ № 112 (стр. 47—65). Sn̄axsitâdax̊.—Сказка о «духѣ, причиняющемъ сны».

Текстъ № 113 (стр. 67—83). Aglūdax̊ (имя).—Старинный разсказъ, рисующій враждебное отношеніе шурина къ своему зятю.

Текстъ № 114 (стр. 85—99). Ayigigux̊ (имя).—Древній разсказъ, рисующій отношеніе алеута къ байдаркѣ.

Тетрадь № 26 состоитъ изъ 22 сцѣпленныхъ листковъ, съ пагинаціей только писанныхъ страницъ. Заключаетъ въ себѣ переводъ на аттовское нарѣчіе семи уналашкинскихъ текстовъ, а именно:

Текстъ № 48ª (стр. 1—4). Переводъ текста № 48 (тетрадь № 10, стр. 119—129).

Текстъ № 49ª (стр. 5—7). Переводъ текста № 49 (тетрадь № 10, стр. 131—135).

Текстъ № 50ª (стр. 8—9). Переводъ текста № 50 (тетрадь № 10, стр. 137—139).

Текстъ № 51ᵃ (стр. 10—12). Переводъ текста № 51 (тетрадь № 10, стр. 141—147).

Текстъ № 52ᵃ (стр. 13—17). Переводъ текста № 52 (тетрадь № 10, стр. 149—161).

Текстъ № 53ᵃ (стр. 18—20). Переводъ текста № 53 (тетрадь № 10, стр. 163—169).

Текстъ № 54ᵃ (стр. 21—22). Переводъ текста № 54 (тетрадь № 10, стр. 171—175).

Тетрадь № 27 состоитъ изъ 66 сцѣпленныхъ листковъ, съ пагинаціей только писанныхъ страницъ и заключаетъ въ себѣ одинъ текстъ (№ 115) на аткинскомъ діалектѣ.

Текстъ № 115 (стр. 1—66). Igutága (имя).—Героическій эпосъ. Поѣздка героя въ Калифорнію. Разсказалъ въ фонографъ (валики №№ 57—65) на островѣ Атка Петръ Хорошевъ. Списалъ Сивцевъ. Подстрочный переводъ на мѣстѣ не сдѣланъ. Записанъ тольло вольный пересказъ (см. тетрадь № 28).

Тетрадь № 28 состоитъ изъ 12 сцѣпленныхъ листковъ съ пагинаціей только писанныхъ страницъ и заключаетъ въ себѣ вольную передачу текста № 115, составленную мной при помощи Сивцева.

Тетрадь № 29 заключаетъ въ себѣ 5 текстовъ (№№ 116—120), состоящихъ изъ писемъ ко мнѣ Сивцева на уналашкинскомъ нарѣчіи.

Текстъ № 116 (9 страницъ). Письмо Сивцева отъ 27 декабря 1909 г. изъ Уналашки на островъ Умнакъ. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева. Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 117 (24 страницы). Письмо изъ Уналашки ко мнѣ на островъ Умнакъ отъ 27 января 1910 года. Предварительный русскій переводъ сдѣланъ мной при помощи Ячменева. Текстъ обработанъ отчасти.

Текстъ № 118 (3 страницы). Прибавленіе къ предыдущему письму.

Текстъ № 119 (1 листокъ). Письмо безъ числа и перевода.

Текстъ № 120 (2 страницы). Письмо отъ 19 декабря 1910 года изъ Уналашки въ Петропавловскъ. Получено было мной лѣтомъ 1911 года.

Тетрадь № 30, 45 страницъ, заключаетъ въ себѣ одинъ текстъ (№ 121).

Текстъ № 121 (стр. 1—45). Uyíñax̃ (имя).—Сказка на аткинскомъ діалектѣ. Разсказалъ Мершенинъ въ фонографъ (валики №№ 71—76) на островѣ Атка. Списалъ Сивцевъ. Русскаго перевода нѣтъ. Приложенъ

Сивцевымъ списокъ непонятныхъ было для него аткинскихъ словъ съ ихъ объясненіемъ по уналашкински.

Тетрадь № 31 содержитъ въ себѣ одинъ текстъ (№ 122) на аткинскомъ діалектѣ.

Текстъ № 122 (стр. 1—32). Qazulimaxtákaẋ (имя).—Сказка, разсказанная въ фонографъ (валики №№ 77—81) Мершенинымъ на островѣ Атка. Списалъ Сивцевъ. Безъ перевода.

Тетрадь № 32, 8 страницъ, состоитъ изъ вольной передачи на русскомъ языкѣ аткинскаго текста № 122.

Тетрадь № 33, заключаетъ въ себѣ три текста безъ перевода. Двѣ сказки (тексты 123 и 124) на уналашкинскомъ нарѣчіи, записанныя Сивцевымъ Веніаминовской транскрипціей и сказка (текстъ № 125) на діалектѣ о. Беринга, записанная въ Петропавловскѣ С. Ивановымъ.

2. Словарный матеріалъ.

Словарный матеріалъ состоитъ: изъ словарныхъ карточекъ (болѣе 5000) въ пяти деревянныхъ ящикахъ; изъ пяти тетрадей, въ которыхъ переписанъ въ исправленномъ видѣ алеутско-русскій словарь Веніаминова, при чемъ исправлено какъ правописаніе, такъ и значеніе словъ; изъ одной тетради съ исправленіемъ глагольныхъ суффиксовъ, приведенныхъ Веніаминовымъ.

На словарныя карточки занесены главнымъ образомъ слова (основы) изъ разговорной рѣчи, съ указаніемъ нарѣчія, къ которому слово принадлежитъ. На большинствѣ карточекъ приведены тѣ или другія образованія изъ основъ при помощи грамматическихъ элементовъ. Поэтому многія основы вмѣстѣ съ ихъ производными часто занимаютъ нѣсколько карточекъ. Изъ текстовъ пока занесены мной на карточки немногія формы, но въ такихъ случаяхъ на карточкахъ имѣются указанія тетрадей и страницъ, гдѣ эти формы встрѣчаются. Еще предстоитъ большая работа по расширенію словаря по текстамъ, которые дадутъ главнымъ образомъ массу новыхъ производныхъ формъ, но получится также не мало неимѣющихся еще на карточкахъ основъ. Эту работу я предполагаю дѣлать по мѣрѣ печатанія текстовъ. Къ сожалѣнію представленные уже мной тексты до сихъ поръ не набираются. Я мало или вовсе еще не использовалъ для словарныхъ карточекъ лексическій матеріалъ, заключающійся въ обширныхъ этнологическихъ записяхъ объ алеутахъ и въ описаніи собранныхъ мной археологическихъ

и этнографическихъ предметовъ, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ.

Такъ какъ словарный карточный матеріалъ я началъ составлять съ самаго начала изученія мной языка, то встрѣчаются еще колебанія въ изображеніи нѣкоторыхъ звуковъ, и при обработкѣ карточекъ для печати необходимо будетъ привести всѣ знаки къ окончательно принятой транскрипціи.

Въ отдѣльности ящики заключаютъ въ себѣ слѣдующія карточки.

Ящикъ № 1. Около 1100 карточекъ. Алеутско-Русскій словарь на буквы А—С.

Ящикъ № 2. Около 1200 карточекъ. Продолженіе Алеутско-Русскаго словаря отъ Д до Y.

По карточкамъ ящиковъ №№ 1 и 2 я уже составилъ карточки для Русско-алеутскаго словаря.

Ящикъ № 3. Около 700 карточекъ. Продолженіе Алеутско-Русскаго словаря. Тѣ же буквы, что въ ящикѣ № 2 (Д—Y). Но словарный матеріалъ этого ящика еще не использованъ мной для Русско-Алеутскаго словаря.

Ящикъ № 4. Около 1200 карточекъ. Русско-Алеутскій словарь, составленный по ящикамъ №№ 1 и 2. Буквы А—П.

Ящикъ № 5. Около 1000 карточекъ. Изъ нихъ около 600 карточекъ составляютъ продолженіе Русско-Алеутскаго словаря; буквы Р—Э. Остальныя карточки образуютъ отдѣлы, временно выдѣленные изъ общаго Алеутско-Русскаго словаря для цѣлей обработки грамматическихъ и этнологическихъ темъ. Такъ, отдѣльно сведены карточки (еще не всѣ) съ частицами, служащими грамматическими элементами. По вопросамъ этнологіи выбраны карточки (тоже еще не всѣ) для обработки темъ: a) карточки съ названіемъ степеней родства—по крови и свойству—для обработки главы объ алеутской семьѣ; b) карточки съ названіемъ каменныхъ орудій и другихъ доисторическихъ предметовъ—для алеутской археологіи; c) карточки съ именами собственными и географическими; d) карточки съ названіями растеній, животныхъ, рыбъ и птицъ.

Четыре тетради «Алеутско-Русскій словарь Веніаминова» заключаетъ въ себѣ въ переписанномъ видѣ весь словарь Веніаминова по «алеутско-лисьевскому языку» въ исправленномъ правописаніи (въ моей транскрипціи) и съ исправленнымъ значеніемъ словъ. Въ тетрадяхъ использованы нечетныя страницы. Четныя оставлены для примѣчаній.

Тетрадь № 1 состоитъ изъ 198 страницъ и заключаетъ въ себѣ слова на букву *А* — *Аи*.

Тетрадь № 2 имѣетъ 200 стр. и заключаетъ въ себѣ слова отъ *Аи* до *К'* (теперь я этотъ звукъ изображаю знакомъ *Q*). На стр. 193 особо указано значеніе 7 словъ, относящихся къ древней одеждѣ алеутовъ. На стр. 196—197 приведена таблица названій алеутскихъ мѣсяцевъ по Веніаминову (на уналашкинскомъ нарѣчіи), по Шаяшникову (на уналашкинскомъ, аткинскомъ и аттовскомъ нарѣчіяхъ) и по Ф. Прокопьеву (на аттовскомъ нарѣчіи).

Тетрадь № 3 имѣетъ 200 стр. и заключаетъ въ себѣ слова отъ *К'і* (= *Qi*) до *Са* (= русскому *Ча*).

Тетрадь № 4 имѣетъ 25 стр. (нумерованы только писанныя страницы) и заключаетъ въ себѣ слова отъ *Сах* до *Ја* (= русскому *Я*, теперь изображаю *Ya*).

Слова изъ словаря Веніаминова переписаны въ тетради подъ моимъ наблюденіемъ и даны къ нимъ объясненія Сивцевымъ, русскій языкъ котораго требуетъ значительнаго исправленія, чтобы указанныя имъ значенія алеутскихъ словъ были каждому понятны. Рукописный словарь, заключающійся въ указанныхъ 4-хъ тетрадяхъ, является добавочнымъ или провѣрочнымъ лексическимъ матеріаломъ для составленія алеутскаго словаря. Для своихъ словарныхъ карточекъ я его еще не использовалъ.

Такую же работу, какую сдѣлалъ Сивцевъ, я для провѣрки хотѣлъ также имѣть отъ Ячменева. Но для него эта работа оказалась черезчуръ трудной. Онъ выбралъ изъ словаря Веніаминова только тѣ слова, начертаніе или объясненіе которыхъ онъ находилъ неправильнымъ. Это заняло у него въ тетради № 5 одиннадцать страницъ (стр. 21—31).

Страницы 1—20 тетради № 5 заняты черновой текста № 24 (см. тетрадь № 5 по фольклору стр. 91—115).

Тетрадь № 6 заключаетъ въ себѣ глагольные суффиксы, приведенные Веніаминовымъ и исправленные Сивцевымъ.

3. Матеріалы для грамматики.

Матеріалы для алеутской грамматики состоятъ изъ шести тетрадей.

Тетрадь № 1 состоитъ изъ 45 сцѣпленныхъ листковъ съ алеутской фразеологіей. Примѣры составлены для выясненія двухъ формъ алеутской

рѣчи: полисинтетической и съ артикуляціонными частями предложенія. Примѣры даны въ двухъ нарѣчіяхъ: уналашкинскомъ и аттовскомъ.

Тетрадь № 2 имѣетъ 71 сцѣпленныхъ листка, заключающихъ въ себѣ мои первыя записи словъ, измѣненій и фразеологіи, которыя подлежатъ значительнымъ исправленіямъ. Матеріалъ чрезвычайно интересенъ для пониманія, какъ сначала ухо воспринимало отдѣльные алеутскіе звуки и ихъ комплексы.

Тетрадь № 3 состоитъ изъ 52 сцѣпленныхъ полулистовъ съ примѣрами для различныхъ грамматическихъ формъ. Записи эти подлежатъ систематизаціи и исправленію.

Тетрадь № 4 имѣетъ 366 стр. въ переплетѣ и представляетъ собой опытъ систематизаціи алеутскаго языка по грамматическимъ категоріямъ съ указаніемъ отличій по нарѣчіямъ: уналашкинскому, аттовскому и аткинскому. Послѣ нѣкотораго исправленія и пополненія изъ текстовъ эта тетрадь будетъ служить главнымъ пособіемъ для составленія алеутской грамматики. Я началъ ее составлять въ началѣ второго года изученія мной алеутскихъ нарѣчій.

Тетради № 5 (стр. 1—91) и **№ 6** (стр. 1—31) заключаютъ въ себѣ систематическія поправки къ алеутской грамматикѣ Веніаминова съ указаніемъ главъ, страницъ и параграфовъ. Эти поправки мной сдѣланы послѣ совѣщанія съ Сивцевымъ или Ячменевымъ или съ обоими.

Кромѣ записей въ указанныхъ здѣсь шести тетрадяхъ, замѣтки по грамматикѣ находятся также во всѣхъ фольклорныхъ тетрадяхъ—въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ къ тѣмъ или другимъ грамматическимъ формамъ текстовъ. Отдѣльно отъ текстовъ имѣются замѣтки въ слѣдующихъ тетрадяхъ по фольклору: 1) въ тетради № 14, стр. 193 — три грамматическихъ замѣтки; 2) въ тетради № 15, стр. 28–35 — замѣтки по фонетикѣ; 3) въ тетради № 17 стр. 208–311—замѣтки объ особенностяхъ нарѣчія острова Беринга.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Валентинъ Алексѣевичъ Жуковскій

1858—1918.

Попытка характеристики дѣятельности ученаго.

(Читано академикомъ **С. Ѳ. Ольденбургомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 17 января 1918 года)*.

В. А. Жуковскій скоропостижно скончался 4 января 1918 года; несомнѣнно, что причиной его безвременной кончины было то грубое, ни чѣмъ не оправдываемое насиліе, которому заслуженный ученый подвергся за отказъ признать законность произвола. Его отказъ былъ простой и скромный, онъ поступилъ, какъ поступалъ всегда: не тратя лишнихъ словъ, онъ ушелъ, вернулся къ работѣ и съ радостью принялся за прерванные труды. Но сердце, непомѣрно напряженное, какъ то бываетъ у людей замкнутыхъ и молчаливыхъ, переживающихъ самое тяжелое и трудное внутри себя, не выдержало, и работа его вновь прервалась — теперь уже навсегда.

Валентинъ Алексѣевичъ родился въ Воронежѣ 23 апрѣля 1858 года. Жизнь его была простая — несложная, небогатая внѣшними событіями жизнь ученаго. Сперва частная гимназія Фр. Креймана въ Москвѣ, затѣмъ казенная гимназія въ Воронежѣ, гдѣ онъ окончилъ курсъ въ 1876 г., университетъ — Факультетъ Восточныхъ Языковъ по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду, курсъ онъ окончилъ кандидатомъ въ 1880 г., оставленіе при Университетѣ для подготовки къ профессурѣ, защита диссертаціи на степень магистра въ 1883 году, въ томъ же году отъѣздъ въ Персію, гдѣ онъ пробылъ три года, защита докторской диссертаціи въ 1888 г., чтеніе лекцій въ Университетѣ съ 1886 г. по самую смерть: еще въ день смерти онъ телеграфировалъ декану, что только отсутствіе трамвая мѣшаетъ ему

* Читано въ краткомъ видѣ и потомъ переработано.

прибыть на лекцію. Ученыя командировки въ Закаспійскій край и въ Персію, въ 1896 и 1899 гг., завѣдываніе Учебнымъ Отдѣленіемъ Восточныхъ Языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ съ 1905 г., секретарство, съ 1892—1902 гг., а затѣмъ деканство, съ 1902—1911 гг. на Факультетѣ Восточныхъ Языковъ — вотъ и вся несложная внѣшняя канва жизни В. А. Жуковскаго, богатой внутреннимъ содержаніемъ, полное представленіе о которомъ могли имѣть лишь очень немногіе: чрезвычайно выдержанный и сдержанный Валентинъ Алексѣевичъ не любилъ дѣлиться своими мыслями и переживаніями, и эта замкнутость и даже нѣкоторая суровая внѣшность скрывали часто отъ постороннихъ и глубокія чувства и искреннее доброжелательство и тяжелыя душевныя переживанія. Смерть любимаго учителя барона В. Р. Розена наложила еще особую печать молчанія на Валентина Алексѣевича, котораго мало кто зналъ сколько-нибудь близко и о прекрасной, прямой и искренней душѣ котораго можно было лишь догадываться по отдѣльнымъ поступкамъ и словамъ.

Такіе люди, какъ Валентинъ Алексѣевичъ стоятъ обыкновенно особнякомъ въ нашей экспансивной, мятущейся жизни; ихъ отличительныя черты— крайняя добросовѣстность и необыкновенно развитое чувство долга — остаются часто непонятными окружающимъ, и только въ исключительныя минуты или тогда, когда они уходятъ изъ жизни, эти люди встрѣчаютъ справедливую оцѣнку при подведеніи итога ихъ жизненной работѣ. Имъ трудно выйти за стѣны ихъ глубоко замкнутаго я, ибо свои чувства всякій человѣкъ переноситъ невольно на другого и всегда кажется, что и другой въ сущности также замкнутъ, и итти къ нему, за ограду его я, не хорошо. Этимъ можетъ быть объясняется и то, что у Валентина Алексѣевича, какъ и у многихъ русскихъ ученыхъ было мало учениковъ: учительство требуетъ извѣстной экспансивности, извѣстной властности, навязывающей, хотя бы въ самой культурной формѣ, свое я другому, рѣшимости брать на себя иниціативу людскихъ отношеній, житейски говоря, итти когда не зовутъ. Для людей замкнутыхъ это невозможно, и они идутъ своимъ одинокимъ путемъ, лишь изрѣдка и мелькомъ соприкасаясь съ другими. Чрезвычайно ярко говоритъ намъ о характерѣ человѣка его почеркъ, и въ этомъ отношеніи необыкновенно отчетливый, ясный, закругленно-замкнутый почеркъ Валентина Алексѣевича былъ особенно краснорѣчивъ, онъ вполнѣ характеризовалъ писавшаго имъ: ясность и отчетливость мысли, отвращеніе отъ туманныхъ или неопредѣленныхъ общихъ построеній или гипотезъ, большая фактичность, отмежеваніе опредѣленной, закругленной области, большая ровность и методичность въ работѣ, непремѣнно въ намѣченной области.

Что побудило Жуковскаго посвятить себя Востоку, я не знаю, но думаю найти косвенное указаніе на это въ выборѣ имъ девиза при представленіи медальнаго сочиненія въ университетѣ. Чрезвычайно характеренъ этотъ девизъ, выбранный В. А., онъ взятъ изъ арабскаго трактата о кофе и данъ въ французскомъ переводѣ: «Combien n'y a-t-il pas de choses, qui après avoir été en usage dans les siècles passés et être tombées dans l'oubli, ont ensuite paru de nouveau! Et cependant ceux qui les ont vu commencer alors, les ont prises pour une nouveauté et ont cru qu'elles n'avaient jamais eu lieu avant eux». Здѣсь чувствуется настроеніе и мысль, хорошо знакомая востоковѣдамъ, которые постоянно убѣждаются въ томъ, что многое открываемое Западомъ давно было извѣстно Востоку. И мнѣ кажется, что эта сторона восточной жизни и науки привлекла Жуковскаго: въ немъ былъ живъ интересъ къ этимъ предвосхищеннымъ Востокомъ достиженіямъ Запада, онъ чувствовалъ, что на Востокѣ корни многаго такого, что составляетъ красу западной цивилизаціи, и найти эти корни представлялось заманчивымъ молодому востоковѣду.

Научная дѣятельность В. А. Жуковскаго сосредоточилась на Персіи: онъ не разбрасывался, какъ это особенно часто склонны дѣлать русскіе ученые. Работы его распредѣляются по слѣдующимъ группамъ: персидскій языкъ и персидскія нарѣчія, персидская литература, этнографія Персіи, исторія и археологія и совсѣмъ особнякомъ суфизмъ. Число работъ не особенно велико, но всѣ онѣ — и значительная часть изъ нихъ крупныя — тщательно обработаны и отдѣланы: онъ не признавалъ предварительныхъ изданій и предпочиталъ надолго задержать работу, чѣмъ выпустить ее въ свѣтъ недодѣланной.

Новоперсидскому онъ посвятилъ, сотрудничая своему учителю К. Г. Залеману, превосходную грамматику, которая по просьбѣ издателя была включена въ извѣстную серію «Porta linguarum orientalium»[1]. Книга эта, первоначально изданная по нѣмецки, затѣмъ была переработана по русски[2], при чемъ особое вниманіе было удѣлено живому персидскому языку. Грамматика Залемана-Жуковскаго справедливо считается одною изъ лучшихъ, если не лучшею изъ существующихъ грамматикъ новоперсидскаго языка. Русскій ея текстъ безспорно можетъ считаться лучшею персидскою

[1] «Persische Grammatik mit Litteratur, Chrestomathie und Glossar». PLO XII. Berlin 1889. Она вызвала рядъ сочувственныхъ рецензій: W. Geiger DLZ 11, B. M. RCr 17. 322 sqq., H. Ethé LC 30, M. Grünert OLC 9, 102. G. Jacob GGA 11. 430—432.

[2] «Краткая грамматика ново-персидскаго языка съ приложеніемъ метрики и библіографіи». Санктъ-Петербургъ 1890.

грамматикою на русскомъ языкѣ, несмотря на то, что ихъ насчитывается во всякомъ случаѣ не менѣе 13, начиная съ грамматики А. Болдырева въ 1826 году. Написана она, какъ все, что писали и К. Г. Залеманъ и В. А. Жуковскій, чрезвычайно сжато, безъ лишнихъ словъ, но вполнѣ ясно и опредѣленно. Къ персидской грамматикѣ относится еще одна небольшая замѣтка[1].

Интересъ къ работамъ по языку только постепенно развился у Валентина Алексѣевича: постановка преподаванія на Факультетѣ Восточныхъ языковъ мало способствовала образованію лингвистовъ въ то время, когда В. А. Жуковскій былъ студентомъ. И дѣйствительно, его замѣчанія о языкѣ въ его книгѣ объ Энвери чрезвычайно кратки и сопровождаются признаніемъ, что онъ не считаетъ себя обладающимъ «необходимымъ при такихъ изысканіяхъ тонкимъ чутьемъ лингвиста»[2]. Недаромъ рецензентъ[3] дѣлаетъ ему упрекъ въ отрывочности его замѣчаній о языкѣ поэта, прибавляя: «Въ персидскомъ языкѣ, благодаря простотѣ и немногочисленности грамматическихъ формъ, фразеологія и лексическая сторона требуютъ всесторонняго изученія, которое пока еще только что начато истинно научнымъ образомъ. Поэтому всякому издателю новыхъ персидскихъ текстовъ надлежитъ представлять своимъ сотрудникамъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сводъ результатовъ филологическаго изученія этихъ текстовъ, въ видѣ хотя бы скромнаго index verborum».... Указанная только что грамматика и работы по нарѣчіямъ показываютъ, что Валентинъ Алексѣевичъ по мѣрѣ изученія персидской литературы все болѣе пріобрѣталъ интересъ и къ языку, хотя и съ всегдашней своей скромностью, а отчасти и въ связи съ личными склонностями въ сторону литературы, подчеркивалъ то, что онъ не лингвистъ. Такъ, говоря въ интересномъ и богатомъ фактами предисловіи къ «Матеріаламъ для изученія персидскихъ нарѣчій» о грамматической части «Матеріаловъ», Валентинъ Алексѣевичъ прибавляетъ: «мое полнѣйшее незнакомство съ первоисточниками новоперсидскаго языка лишило меня пріятной возможности разработать этотъ отдѣлъ подробнѣе и основательнѣе вообще и коснуться въ частности ученія о звукахъ, — задача эта по силамъ настоящему иранисту». Валентинъ Алексѣевичъ подчеркиваетъ этимъ, что его главнымъ образомъ интересовала новая Персія. Нѣсколько замѣтокъ о новоперсидскомъ разговор-

---

[1] «Особенное значеніе глагола داشتن въ персидскомъ разговорномъ языкѣ». ЗВО III. 376—377.

[2] «Али Аухадэддинъ Энвери». СПб. 1883, стр. 98.

[3] К. Залеманъ. «Рецензія на книгу объ Энвери» въ ЖМНП Ноябрь 1883, стр. 162.

номъ языкѣ есть и въ его образцахъ народной словесности[1], которыхъ мы съ точки зрѣнія этнографіи коснемся ниже. Замѣтки о языкѣ помѣщены были имъ при изданіи суфійскихъ текстовъ[2].

Если такимъ образомъ Валентинъ Алексѣевичъ по отношенію къ ново-персидскому языку связалъ свое имя съ одною изъ лучшихъ грамматикъ его языка, то и въ области персидскихъ нарѣчій за нимъ навсегда останется заслуга, что, слѣдуя лучшимъ традиціямъ русской иранистики, онъ въ «Матеріалахъ для изученія персидскихъ нарѣчій» далъ самый обширный и систематическій матеріалъ по цѣлому ряду нарѣчій и говоровъ, какой въ настоящее время находится въ распоряженіи иранистовъ. Не безъ горечи приходится здѣсь отмѣтить, что «Матеріалы» постигла та же судьба, какая постигла и постигаетъ столько важныхъ научныхъ начинаній и работъ въ Россіи: въ то время, какъ ученые на западѣ, благодаря болѣе культурному общему уровню, имѣютъ возможность всецѣло отдаваться научному труду, въ Россіи къ ученымъ, хоть сколько-нибудь отзывчивымъ къ нуждамъ общей культуры, предъявляется столько требованій, что ученая работа ихъ постоянно прерывается, не говоря уже о томъ, что и обезпеченіе науки и научныхъ работниковъ въ Россіи зависитъ и зависѣло отъ ряда случайностей и въ значительной мѣрѣ отъ произвола власть имущихъ, ибо сознаніе важности и необходимости науки какъ основы всякой культуры, ясно въ Россіи, увы, весьма еще немногимъ. Краснорѣчиво поэтому сравненіе двухъ датъ, отмѣчающихъ выходъ первой части «Матеріаловъ» съ одной стороны и второй и третьей съ другой, на первой стоитъ 1888 годъ, на двухъ послѣднихъ 1919-й[3], при чемъ приходится съ горечью указать, что двѣ послѣднія части — изданіе посмертное: тридцатилѣтній промежутокъ между обѣими. Правда, на эти тридцать лѣтъ приходится рядъ научныхъ работъ, но главнымъ образомъ секретарство и деканство на Факультетѣ

---

[1] «Образцы персидскаго народнаго творчества». СПб. 1902, стр. V—IX.

[2] См. «Тайны Единенія съ Богомъ», стр. 7—8; «Жизнь и рѣчи старца Абу-Са'ида», стр. 5—6.

[3] «Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій». Часть первая. Діалекты полосы города Кашана: Вонишунъ, Кохрудъ, Кешэ, Зэфрэ. Санктпетербургъ 1888. Id. Часть вторая. Діалекты города Семнана: Сэнгисэръ, Шемерзодъ. Діалекты полосы города Исфагана: Сэдэ, Гязъ, Кяфронъ. Діалекты полосы города Шираза: Сивендъ, Абдуи. Гуранскій діалектъ деревни Талахедэшкъ. Нарѣчіе евреевъ города Кашана. Нарѣчіе деревни Таджришъ. Выпускъ первый: I. Тексты; II. Словарь. Пгдъ. 1919. Id. Часть третья. Нарѣчіе Бахтіяровъ Чехарленгъ и Хефтленгъ. Выпускъ первый: I. Тексты и переводы; II. Словарь. Пгдъ 1919. Ср. В. Жуковскій. «Предварительныя замѣтки о нѣкоторыхъ персидскихъ нарѣчіяхъ». ЗВО I. 23—27. (Примѣчаніе редактора бар. В. Р. Розена, «О гуранскомъ нарѣчіи», стр. 27—29). 1887 и C. Salemann. «Bericht über des Mag. V. Žukovskij, Materialien zur persischen Dialektologie». MA IX, 255—259 (1887).

Восточныхъ Языковъ и завѣдываніе Учебнымъ Отдѣленіемъ Восточныхъ Языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ дѣлѣ изученія персидскихъ нарѣчій русской наукѣ принадлежитъ первое мѣсто, что́ и было отмѣчено редакторомъ извѣстнаго «Grundriss der Iranischen Philologie проф. В. Гейгеромъ: «Ich bin mir aber auch recht wohl bewusst, dass eine Darstellung der persischen Mundarten am besten noch in St.-Petersburg hätte geschrieben werden können». Мы не касаемся при этомъ другихъ иранскихъ языковъ и нарѣчій, въ изученіи которыхъ русскимъ ученымъ тоже принадлежитъ, если не первое, то во всякомъ случаѣ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Если придерживаться дѣленія, принятаго В. Гейгеромъ, то матеріалы В. А. Жуковскаго относятся главнымъ образомъ къ «центральнымъ» нарѣчіямъ и отчасти къ «каспійскимъ» (семнанское).

Изученіе персидскихъ нарѣчій встрѣчаетъ весьма серьезное затрудненіе въ томъ обстоятельствѣ, что литературный новоперсидскій языкъ пользуется необыкновенной распространенностью въ широкихъ массахъ населенія. «Нарѣчія наши, говоритъ В. А. Жуковскій, живутъ исключительно въ разговорѣ, и литературы на нихъ, не говоря уже про книги, даже народной — пѣсенной не существуетъ, не такъ какъ напр. у Курдовъ или въ Мазандеранѣ, гдѣ есть свой пѣвецъ Амиръ Пазевари. Деревни довольствуются персидскимъ пѣсеннымъ продуктомъ, изрѣдка коверкая его на свой ладъ, но гораздо чаще оставляя неизмѣннымъ». Обстоятельство это чрезвычайно неблагопріятно отражается на собираніи матеріаловъ, изъ которыхъ пѣсни именно особенно цѣнны и сравнительно болѣе легки для записи, благодаря стихотворной формѣ. Изъ формъ свободнаго творчества остается такимъ образомъ одна сказка, особенно трудная для записи, такъ какъ не допускаетъ даже тамъ, гдѣ населеніе этому бы не противилось, употребленіе фонографа; сказка требуетъ исключительной внимательности и быстроты при записи, чтобы не мѣшать разсказчику, который при разсказѣ до извѣстной степени *творитъ* и лишь въ ограниченной мѣрѣ *повторяетъ*, какъ то напротивъ обыкновенно имѣетъ мѣсто при метрическомъ произведеніи. Запись сказокъ почти невозможна для начинающаго собирателя, особенно, когда онъ еще не можетъ вполнѣ владѣть языкомъ, нарѣчіемъ, говоромъ, на которомъ записываетъ.

Приходится поэтому прибѣгать къ менѣе совершенному способу собиранія памятниковъ народной рѣчи и пользоваться переводами съ литературнаго языка на нарѣчіе, что имѣетъ конечно и весьма отрицательную сторону, не въ достаточной, какъ намъ кажется, мѣрѣ въ свое время учтенную

и руководившимъ молодымъ В. А. Жуковскимъ, К. Г. Залеманомъ и самимъ собирателемъ. Переводъ отражается прежде всего на синтаксической сторонѣ образцовъ языка, такъ какъ неизбѣжно влiянiе строя языка, съ котораго переводятъ на языкъ перевода; неизбѣжно, хотя оно и менѣе ощущается, это влiянiе и на лексическомъ составѣ и въ области фонетики. Нельзя поэтому не пожалѣть о томъ, что вопросъ о методахъ собиранiя не былъ предварительно разработанъ въ полной мѣрѣ и что почти вся тяжесть выработки наиболѣе научныхъ прiемовъ записи текстовъ легла на собирателя. Насколько однако внимательно молодой собиратель отнесся къ своей задачѣ видно изъ «Введенiя» къ «Матерiаламъ», гдѣ В. А. Жуковскiй, указавъ на вышеотмѣченное влiянiе литературнаго языка, говоритъ: «пришлось волею неволею помириться съ отсутствiемъ оригинальныхъ текстовъ и для знакомства съ языкомъ создать ихъ. При этомъ возможенъ былъ двоякiй прiемъ: или записывать какiя нибудь повѣствованiя крестьянъ на ихъ языкъ, изъ обыденной ли жизни или сказки, и пр. или прибѣгнуть къ системѣ переводовъ. Первый прiемъ оказался трудно исполнимъ вообще и неудобенъ при самомъ первоначальномъ ознакомленiи съ языкомъ: процессъ записыванiя долженъ совершаться медленно, слово за словомъ, перо не поспѣваетъ за рѣчью, малѣйшiй же переспросъ вызываетъ нарушенiе прежняго строя фразы, а нерѣдко и теченiя мысли, — разговоръ заводится о другомъ. Тогда какъ при переводѣ избранныхъ отрывковъ съ персидскаго работа мысли и языка извѣстнаго субъекта стѣснена рамками предъявляемой ему фразы, которую спрашивающiй всегда можетъ повторить въ той же самой формѣ, и навести отвѣчающаго на желаемую конструкцiю, если она существуетъ въ его языкѣ.

Способъ этотъ представляетъ еще и ту выгоду, что суть дiалекта, при постоянномъ сравненiи съ новоперсидскою рѣчью, воспринимается гораздо скорѣе, и, стало быть, является скорѣйшая возможность контроля. Конечно, я не настаивалъ на *дословномъ* переводѣ, потому что разговорный складъ рѣчи отличается иногда отъ литературнаго, имѣя много своеобразныхъ выраженiй и оборотовъ»[1]. Столь же продуманъ какъ и способъ собиранiя, и планъ изданiя: въ первой части находится превосходное введенiе общаго характера о персидскихъ нарѣчiяхъ, за введенiемъ текстъ образцовъ. Къ образцамъ прибавлены глоссарiи: нарѣчiе, литературный персидскiй, переводъ русскiй, и грамматическiй очерки; изъ грамматическихъ очерковъ напечатанъ пока одинъ, относящiйся къ нарѣчiямъ полосы города Кашана.

---

[1] «Матерiалы». I, XV.

Матеріалы обнимаютъ нарѣчія: окрестностей Семнана (родственны Мазандеранскому), полосы Кашана, включая и образцы языка мѣстныхъ евреевъ, полосы Исфахана и полосы Шираза; кромѣ того рядъ бахтіарскихъ текстовъ. Въ бумагахъ Валентина Алексѣевича, еще не вполнѣ разобранныхъ, находится, повидимому, матеріалъ по нарѣчіямъ, не вошедшій въ первые три выпуска «Матеріаловъ».

Мы привели въ самомъ началѣ указаніе Гейгера, что въ Петербургѣ надлежало написать очеркъ персидскихъ нарѣчій, при чемъ онъ, несомнѣнно имѣлъ въ виду главнымъ образомъ В. А. Жуковскаго, а также и К. Г. Залемана, теперь мы кончимъ знаменательными словами профессора Броуна, который въ интересной статьѣ о поэзіи персидскихъ нарѣчій[1] говоритъ о работѣ В. А. Жуковскаго, называя ее «by far the most important contribution yet made on the subject».

По непонятной, для меня по крайней мѣрѣ, причинѣ персидская литература не вызываетъ къ себѣ длительнаго интереса ученыхъ: ея главныя литературныя произведенія и поэты почти не изслѣдованы, большею частью даже не изданы[2]. Приходится, конечно, слышать, что причиною этого бѣдность и однообразіе персидской поэзіи, постоянно повторяющей тѣ же литературныя темы, живущей въ узкихъ рамкахъ тѣхъ же формъ, создающей въ безконечномъ повтореніи тѣ же образы. Врядъ ли однако дѣлающіе эти утвержденія смогутъ обставить ихъ убѣдительными доказательствами: Персія обладала большими поэтами и литература ея знаетъ много крупныхъ произведеній, которыя несомнѣнно войдутъ въ міровую литературу, когда это понятіе для сознающихъ прекрасное перестанетъ быть мертвымъ. И тѣмъ не менѣе ихъ не изучаютъ надлежащимъ образомъ, изучаютъ болѣе или менѣе случайно и часто, начавъ изучать, бросаютъ.

Эти мысли невольно пришли мнѣ на умъ, когда я сталъ перечитывать книгу объ Энвери В. А. Жуковскаго, трудъ, послѣ котораго Валентинъ Алексѣевичъ далъ только нѣсколько небольшихъ статей, касающихся персидской литературы, уйдя всецѣло почти въ мистическую поэзію, интересовавшую его уже не съ литературной стороны. Молодой изслѣдователь персидской литературы имѣлъ немного предшественниковъ въ монографическомъ изученіи персидскихъ поэтовъ, все же несомнѣнно нѣкоторые изъ изслѣдо-

---

[1] E. G. Browne. «Some notes on the Poetry of the Persian Dialects». JRAS 1895. 773—825 (784).

[2] Въ высокой мѣрѣ характерно, что во Всеобщей исторіи литературы Корша и Кирпичникова совсѣмъ нѣтъ персидской литературы.

вателей оказали на Валентина Алексѣевича значительное вліяніе и опредѣлили самый характеръ его изслѣдованія. Естественно поставить себѣ сначала вопросъ, какъ посмотрѣлъ молодой ученый на свою задачу? Послѣ этого мы прослѣдимъ за тѣмъ, какъ онъ справился съ намѣченнымъ для работы планомъ. Мы сразу увидимъ, что Валентинъ Алексѣевичъ, какъ вѣрный ученикъ той школы, изъ которой вышелъ, не сталъ на точку зрѣнія историка литературы и критики художественнаго, его точку зрѣнія правильнѣе всего было бы назвать «филологической», въ болѣе узкомъ пониманіи этого слова, и потому намъ, прежде всего, вполнѣ естественно бросается въ глаза отсутствіе даже попытки характеристики Энвери какъ поэта, мы напрасно ищемъ въ книгѣ указаній на его манеру писать, на образы, которые воплощали его переживанія; мы ясно ощущаемъ необыкновенную лаконичность и неопредѣленность того, что можетъ быть сочтено за указанія критическаго отношенія автора къ поэтическимъ произведеніямъ Энвери, какъ таковымъ, въ этомъ отношеніи авторъ даетъ намъ только рядъ отдѣльныхъ замѣтокъ. Говоря такъ, мы не дѣлаемъ индивидуальнаго упрека автору, ибо, обозрѣвая всю, увы, далеко не обширную, литературу по персидской поэзіи, мы во всѣхъ монографіяхъ встрѣтимся съ совершенно аналогичнымъ отношеніемъ къ персидскимъ поэтамъ: спеціалисты знакомятъ насъ съ біографіями, по большей части чисто внѣшнимъ образомъ, даютъ образцы произведеній, переводы или пересказы изданнаго, нѣсколько бѣглыхъ общихъ замѣчаній, обыкновенно изъ произведеній туземныхъ біографовъ или критиковъ, сообщаютъ иногда данныя о языкѣ поэта и его грамматическихъ особенностяхъ, часто еще останавливаются вкратцѣ на исторической обстановкѣ эпохи и тѣмъ считаютъ свою задачу исчерпанной.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Валентинъ Алексѣевичъ построилъ свою книгу совершенно такъ-же, какъ строили свои изслѣдованія и другіе спеціалисты по персидской литературѣ, русскіе и иностранные. Чѣмъ же объяснить себѣ столь непонятное съ перваго взгляда отношеніе къ поэтическимъ произведеніямъ Персіи? Пересмотрѣвъ бо́льшую часть монографій по персидской литературѣ и немногочисленныя сочиненія общаго характера, мы приходимъ къ заключенію, что основною причиною въ настоящемъ случаѣ является то «филологическое», въ узкомъ пониманіи слова, отношеніе, о которомъ мы уже говорили. Но этого одного объясненія мало, ибо оно прежде всего вызываетъ вопросъ, почему же сложилось именно такое отношеніе къ произведеніямъ персидской поэзіи? Здѣсь приходится коснуться того глубокаго, пока, по крайней мѣрѣ, непримиримаго, противорѣчія, которое чувствуется въ духовной жизни востока и запада и къ которому можно приложить слово Саади

مشرق و مغرب بهم نه پیوندند «востокъ и западъ не соединяются». Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ послужить превосходная монографія о Хакани тонкаго знатока востока и Персіи въ особенности, Ханыкова[1], монографія несомнѣнно тщательно изученная молодымъ В. А. Жуковскимъ и имѣвшая большое вліяніе какъ на него, такъ и на его предшественника и отчасти учителя К. Г. Залемана.

Ханыковъ счелъ необходимымъ въ краткихъ словахъ высказать свое общее пониманіе восточной и спеціально персидской поэзіи. Онъ считаетъ, что поэзія мусульманскаго востока настолько изучена, что можно уже окончательно о ней высказаться. И что же онъ говоритъ? «Сокровенныя сокровища новаго поэтическаго міра, которыя нѣкогда надѣялись въ ней найти, не существуютъ. Музы не отреклись вполнѣ отъ восточнаго генія, но онъ и не является ихъ любимцемъ. Дикій и свободный, онъ выросъ подобно растеніямъ странной формы, которыя иногда встрѣчаешь на выжженной почвѣ пустынь южной Азіи.... Много уродства и нѣсколько искръ красотъ, вотъ по моему девизъ восточной поэзіи.... Воображеніе восточныхъ поэтовъ весьма дѣятельное, оно легко населяется образами то изящными, то ужасными, но восточные поэты оставляютъ эти образы въ видѣ, такъ сказать, сновидѣнія или навожденія и какъ истые сновидцы мало заботятся о томъ, чтобы сообразовать ихъ съ самыми первобытными законами времени и пространства..... Отношенія восточнаго писателя къ дѣйствительному міру складываются мало естественнымъ и страннымъ образомъ. Онъ видитъ, конечно, вещи такими, какія онѣ есть, но описывая ихъ, онъ считаетъ себя обязаннымъ поддѣлать настоящее, чтобы сообразоваться съ незыблемыми принципами устарѣлой теоріи, истинной цѣпи, наложенной на восточный геній»[2]. Спеціально по поводу Хакани Ханыковъ добавляетъ, что достоинствами его, въ глазахъ его соотечественниковъ являются «большая энергичность выраженій, гармоничная звучность стиховъ, многообразіе въ игрѣ словъ, легкость сочетанія созвучныхъ слоговъ, странный ритмъ которыхъ ласкаетъ персидское ухо. Всѣ эти мнимыя совершенства пріобрѣтаются однако лишь за счетъ ясности стиля и изящества, а также и глубины мыслей. Смыслъ принесенъ въ жертву звуку и удобное слово замѣняетъ истинное выраженіе. Такимъ представляется намъ нашъ писатель съ точки зрѣнія современнаго вкуса. Но было бы несправедливымъ судить поэта

---

[1] N. de Khanikof, «Mémoire sur Khâcâni, poëte persan du XIIe siècle». Paris 1865 (Extr. du JA 1864—1865).

[2] Khanikof, l. c. pp. 65—66.

исключительно съ этой европейской точки зрѣнія, которая совершенно чужда той средѣ, гдѣ онъ жилъ».

Если такъ чувствовалъ человѣкъ, столь хорошо и долго знавшій востокъ, какъ Ханыковъ, то становится вполнѣ понятнымъ, почему его взглядъ на персидскую поэзію раздѣлялся его преемниками и современниками. Онъ отражаетъ собою тотъ періодъ въ востоковѣдѣніи, который въ разныхъ областяхъ его относится не къ одному времени, но который переживался всѣми: послѣ почти фантастическаго увлеченія востокомъ, когда восторгались каждымъ, даже ничтожнымъ, произведеніемъ, когда въ немъ искали неизмѣнно необыкновенныхъ глубинъ, наступила реакція—европеецъ, быстро сознавшій свое матеріальное и политическое превосходство надъ Востокомъ, счелъ, что превосходство это распространяется и на область духа. Успѣхи сравнительнаго изученія языковъ, литературъ, права и т. д. и особенно изученія явленій въ ихъ исторической послѣдовательности, которыя явились исключительнымъ достояніемъ европейской науки, закрыли европейцу на время глаза на его недостатки и на сложность и глубину того міра Востока, къ которому онъ подходилъ теперь, полной самомнѣнія и увѣренности въ своемъ превосходствѣ: онъ теряетъ способность понять, что Востокъ не есть просто второразрядный западъ, что рядомъ съ тѣмъ, что вполнѣ естественно является общимъ у Востока и Запада, у этого Востока есть свое, глубокое и прекрасное, не легко однако доступное одностороннему во многомъ западному уму и чувству.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ востоковѣдѣнія прозрѣніе уже наступило вполнѣ, но по отношенію къ персидской литературѣ мы и теперь — черезъ тридцать пять лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ книги Валентина Алексѣевича — все еще стоимъ на той же точкѣ зрѣнія и работаемъ тѣми же методами. Я сознательно при этомъ исключаю обширную литературу, создавшуюся вокругъ Омара Хайяма, поэта и мистика, потому что она имѣетъ мало общаго съ наукою и входитъ въ область эстэтизированія, игры въ художественную критику и не основывается почти никогда ни на знаніи Персіи, ни на желаніи ее понять и почувствовать. Изъ всѣхъ книгъ и статей о персидской литературѣ я могъ бы указать только на одну газетную статью полукомпилятивнаго характера, статью ученаго даже мало самостоятельно начитаннаго въ персидской литературѣ, но зато большого и талантливаго ученаго, который вдохновенно проникъ въ святое святыхъ персидской поэзіи на первыхъ шагахъ ея развитія. Въ этой статьѣ много чисто европейскаго, даже спеціально французскаго, дѣланнаго и условнаго, и тѣмъ не менѣе въ ней слово персидскихъ поэтовъ живетъ настоящею жизнью: Джэмсъ

Дармстеттеръ[1] забылъ на время, что онъ филологъ и лингвистъ, не строилъ теорій о томъ, чѣмъ должна намъ представляться персидская поэзія, а просто послѣдовалъ за ея поэтами, подпавъ ихъ очарованію, и сдѣлалъ тѣмъ первый шагъ къ ихъ истинному пониманію: онъ сдѣлалъ именно то, чего не смогъ сдѣлать Ханыковъ, подошедшій къ Хакани какъ филологъ, съ вполнѣ сложившимся представленіемъ о второстепенности, если можно такъ выразиться, персидской поэзіи въ сравненіи съ поэзіей запада. Правда у Ханыкова есть въ его характеристикѣ этой поэзіи одинъ намекъ, который позволяетъ думать, что чувствомъ Ханыковъ ощущалъ ту сущность восточной поэзіи, которую не воспринималъ его умъ, онъ говоритъ: «восточные поэты оставляютъ эти образы въ видѣ такъ сказать сновидѣнія или навожденія» — я понимаю эти слова, какъ смутное сознаніе той сущности восточной, а значитъ и персидской поэзіи, которая говоритъ намеками и образами, ибо читающій и воспринимающій долженъ, по мнѣнію востока, самостоятельно, творчески итти на встрѣчу пишущему и дающему. Но это смутное чувство сущности восточной поэзіи не было ни развито самимъ Ханыковымъ, ни воспринято его преемниками, мысли которыхъ повторяютъ указанный нами взглядъ Ханыкова на персидскихъ поэтовъ.

Такова была почва, на которой зародился Энвери Жуковскаго. Почему его вниманіе остановилъ на себѣ именно Энвери? Нѣкоторой внѣшней причиной служило, вѣроятно, то обстоятельство, что петербургскія библіотеки могли доставить въ этомъ отношеніи богатый рукописный матеріалъ. Но главной причиной было, несомнѣнно, то влеченіе къ философствующему элементу въ поэзіи, вылившееся потомъ въ увлеченіе мистическою поэзіей, которое было характерною чертою Валентина Алексѣевича. Вотъ что онъ говоритъ въ предисловіи къ Энвери: «Желая со своей стороны внести посильную лепту въ сокровищницу изученія персидскихъ поэтовъ, я остановился на крупной поэтической единицѣ VI в. Х. — Энвери, о которомъ до сихъ поръ въ Европѣ знали весьма мало, при чемъ и это малое было до крайности одностороннє: за нимъ была утверждена слава только панегириста

---

[1] J. Darmestetter. «Les origines de la poésie persane». Paris 1887. (BOE LIII). Къ этой статьѣ можно было бы отчасти добавить интересную вторую часть книги Кристенсена объ Омарѣ Хайямѣ: «Recherches sur les Rubā'iyāt de ʿOmar Ḫayyām». Heidelberg 1905. Въ этой второй части «Caractère national et vie littéraire» (pp. 38—89) есть рядъ интересныхъ замѣчаній о персидскихъ поэтахъ, главнымъ, впрочемъ, образомъ съ точки зрѣнія религіозно-философской. Отдѣльныя характеристики можно найти и въ E. G. Browne «Literary history of Persia», и все же это не даетъ намъ истиннаго и болѣе глубокаго представленія о любопытнѣйшей, съ точки зрѣнія изученія поэтическаго творчества человѣка, персидской поэзіи.

и отчасти циничнаго сатирика; такой приговоръ повторялся при всякомъ удобномъ случаѣ, и идти далѣе его никто не думалъ. Между тѣмъ ближайшее знакомство съ Энвери показало, что тога панегириковъ, въ которую онъ драпировался, правда, очень яркая и пышная, далеко еще не представляетъ такого интереса, какъ ея своеобразная философско-моралистическая подкладка». Прослѣдивъ какъ Энвери охладѣлъ къ панегирикамъ, составлявшимъ и суть его поэтическаго творчества и средство пропитанія въ теченіе долгаго времени, Жуковскій указываетъ, что «принципіально Энвери всегда оставался самимъ собой, т. е. мудрецомъ, выше всего ставившимъ «высокій помыселъ», философію, которая одна даетъ возможность достовѣрнѣйшимъ образомъ видѣть истину («отличать драгоцѣнный камень отъ простого стекла»), есть источникъ высшаго наслажденія и залогъ покоя внутренняго міра, — вотъ почему его любимой книгой было сочиненіе Абу-Али Ибнъ Сины (Авицены) «Исцѣленіе по философіи».

По вопросу объ отношеніи Энвери къ суфизму Жуковскій дѣлаетъ какъ будто нѣсколько поспѣшное заключеніе изъ словъ поэта: «голубое рубище Суфи — для меня предпочтительнѣе тысячи атласовъ», что Энвери былъ суфіемъ. Впрочемъ Валентинъ Алексѣевичъ самъ прибавляетъ: «Трудно опредѣлить, какую роль играла мистика въ общемъ ходѣ развитія міросозерцанія Энвери; можно думать, что вліяніе ея было не особенно широко и относилось къ частностямъ: мистицизму поэтъ никогда не давалъ значенія равнаго съ чистой философіей и различные догматы суфизма, вѣроятно, усваивалъ и воспринималъ трезво и осмысленно». Составивъ себѣ такимъ образомъ представленіе о томъ, что было духовною сущностью Энвери, Жуковскій на основаніи матеріала туземныхъ біографій и стиховъ самого поэта даетъ его краткую біографію, въ которой примѣняетъ широко принятый въ монографіяхъ о персидскихъ поэтахъ чрезвычайно цѣнный пріемъ говорить словами подлинныхъ текстовъ, сообщая ихъ по-персидски и по-русски; благодаря этому накопляется большое число тщательно изданныхъ и переведенныхъ текстовъ, которые позволяютъ провѣрять всѣ утвержденія автора на основаніи ихъ первоисточниковъ. Особенное значеніе авторъ придаетъ самимъ стихотвореніямъ, указывая на преимущественно анекдотическій характеръ туземныхъ біографій, которыя къ тому же очень часто повторяютъ другъ друга. Вопросу о панегиризмѣ, столь важномъ для пониманія Энвери посвящено «Введеніе», очень живое и яркое. Любопытно отмѣтить, что Жуковскій здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, ссылается на примѣры изъ русской литературы, при чемъ это все по преимуществу старые писатели: Ломоносовъ, Тредьяковскій, Фонъ-Визинъ, Державинъ, Богдано-

вичъ, Мерзляковъ, чувствуется, что они, по мнѣнію автора, ближе всего подходятъ нѣкоторыми сторонами своими къ придворнымъ поэтамъ старой Персіи. Дѣйствительно, по отношенію къ панегиризму придворныхъ поэтовъ эти сравненія чрезвычайно удачны и мѣтки, не столь правильной представляется намъ ссылка на Мерзлякова, ибо ссылка Энвери на міровую гармонію имѣетъ иное значеніе, чѣмъ слова Мерзлякова о поэзіи, какъ «подражаніе въ гармоническомъ строѣ» природы. Какъ ни случайны эти замѣтки онѣ являются для насъ цѣннымъ доказательствомъ, что и «филологическая школа», если такъ позволительно будетъ ее назвать, къ которой, вмѣстѣ съ Ханыковымъ и Залеманомъ у насъ и Этэ, Бахеромъ и другими на западѣ принадлежалъ Валентинъ Алексѣевичъ, не вполнѣ могла отдѣлить себя отъ попытокъ «литературнаго» изслѣдованія и исканія параллельныхъ теченій на западѣ и востокѣ, припомнимъ разсужденія Ханыкова о сравненіи Хакани съ Пиндаромъ, сдѣланномъ Хаммеромъ, и его собственное сравненіе Хакани съ Викторомъ Гюго, когда онъ отмѣчаетъ глубокую скорбь, проникающую всю поэзію Хакани. Изъ отрывка отчета Валентина Алексѣевича о его персидской командировкѣ, который мы достали, видно, что Жуковскій читалъ поэтовъ съ туземнымъ руководителемъ и такимъ образомъ расширилъ этимъ значительно свой «европейскій» кругозоръ; онъ читалъ Аттара и это было, повидимому, для него школой и при дальнѣйшихъ занятіяхъ мистическою поэзіею.

Составленіе біографіи по довольно скуднымъ и въ значительной мѣрѣ анекдотическимъ даннымъ, единственною надежною провѣркою которыхъ являлись лишь стихотворенія самого Энвери и отдѣльныя указанія у другихъ поэтовъ, потребовало много работы и искусства, и молодой ученый, несомнѣнно, далъ твердую основу для этой біографіи; тщательно подобраны и отзывы персидскихъ поэтовъ и литераторовъ объ Энвери, при чемъ приводятся и подлинные тексты; его книга поэтому справедливо является, по общему признанію, основною для Энвери, и потому нельзя не пожалѣть, что французскій авторъ, писавшій послѣ Жуковскаго о нашемъ поэтѣ, не зналъ работы Валентина Алексѣевича, что̀ въ свое время было отмѣчено[1]. Обиліе матеріала, впервые сообщеннаго Жуковскимъ, на основаніи тщательнаго и обширнаго изученія рукописей весьма велико и это обстоятельство обезпечило и обезпечиваетъ на долго за книгою Валентина Алексѣевича значительное научное значеніе[2]. Если при этомъ знать, како̀го труда стоитъ установить

---

[1] M. Ferté. «Notice sur le poète persan Enveri, suivi d'un extrait de ses odes». JA 9. V. 235—268 (1895).

[2] Кромѣ указанной рецензіи К. Г. Залемана см. W. Pertsch въ LOPH II. 10—18 и ссылки въ исторіяхъ литературы персовъ: Броунъ называетъ книгу объ Энвери «admirable work» и посвящаетъ ей 23 страницы въ своей исторіи литературы.

сколько-нибудь надежный текстъ поэтическаго произведенія при рукописяхъ средняго достоинства, то мы признаемъ, что диссертація молодого ученаго свидѣтельствовала о хорошей подготовкѣ, хорошей школѣ и умѣньи разрѣшить поставленную себѣ авторомъ задачу.

Необходимо сказать еще объ одной сторонѣ книги, о томъ историческомъ фонѣ, на которомъ выдѣляется личность поэта; въ этомъ отношеніи Валентину Алексѣевичу указывали на недостаточную разработанность его труда, на то, что онъ не исполнилъ сказаннаго имъ же самимъ въ предисловіи къ книгѣ: «изученіе всякаго поэта должно стоять въ самой близкой связи съ изученіемъ явленій общественной и умственной жизни, для того чтобы достигнуть возможно большей полноты и правильности пониманія и оцѣнки его произведеній и избѣжать исключительности и однообразности». Съ упрекомъ, дѣлавшимся Жуковскому я могу согласиться только весьма условно, прежде всего потому, что я лишь отчасти могу признать правильность только что приведенныхъ его словъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, развѣ они и предъявляемыя на основаніи этихъ словъ требованія имѣютъ подъ собою реальную почву? Вѣдь развѣ по отношенію всѣхъ поэтовъ, которыхъ мы знаемъ и относительно нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ изъ которыхъ мы полагаемъ, что изучили ихъ, мы можемъ сказать, что дѣйствительно знаемъ общественную и умственную жизнь эпохъ, когда они писали? Конечно нѣтъ, и несомнѣнно также, что мы знаемъ рядъ превосходныхъ трудовъ о разныхъ поэтахъ, авторы которыхъ и не думали задаваться цѣлью изучить эпоху даннаго поэта. Возьмемъ спеціально положеніе Жуковскаго: развѣ онъ когда-нибудь написалъ бы свою книгу, если бы счелъ необходимымъ предварительно изучить то сложнѣйшее время, какимъ является на переднемъ Востокѣ VI вѣкъ Хиджры, преддверіе монгольскаго нашествія? Вѣдь никакихъ подготовительныхъ работъ для этого не было; что же могъ бы сдѣлать молодой начинающій ученый передъ столь грандіозной задачей? Очевидно, ничего кромѣ очень скораго выясненія, что она ничего общаго съ біографіей Энвери, и его характеристикой, не имѣетъ, въ той стадіи развитія науки, въ которой работалъ Жуковскій. Весьма вѣроятно, что черезъ сто лѣтъ послѣ Жуковскаго будетъ написана новая книга объ Энвери, совершенно другая, будетъ она написана на другомъ фонѣ и въ другой обстановкѣ, и въ ней, вѣроятно, и то только вѣроятно, а не навѣрное, сможетъ осуществиться указанное въ предисловіи Жуковскаго и что нѣкоторые считали возможнымъ требовать уже отъ него.

Никто не можетъ отрицать громаднаго значенія историческаго метода и исторической точки зрѣнія, они создали могущественную науку XIX вѣка,

но я считаю, что не напрасно раздаются уже среди насъ голоса, которые говорятъ, что за исторической перспективой мы иногда начинаемъ не видѣть самую суть вещей, по которой мы невольно при нашемъ громадномъ обхватѣ начинаемъ только скользить, не углубляясь достаточно въ самую сущность. Недавно въ предисловіи къ изданію важнѣйшаго буддійскаго философскаго текста я прочиталъ критическое замѣчаніе по поводу увлекшихъ всю Европу открытій въ Китайскомъ Туркестанѣ съ ихъ громадными историко-культурными перспективами, открывшими намъ новые міры, прочиталъ, удивился и даже негодовалъ. Но вдумавшись въ эти слова, я понялъ глубокое предостереженіе, которое въ нихъ лежало, и не могъ не вспомнить о томъ пагубномъ вліяніи, какое эти важнѣйшія открытія имѣли на судьбу индійской филологіи: заброшено изученіе отдѣльныхъ дисциплинъ индійскаго знанія, безъ глубокаго и полнаго знанія которыхъ мы никогда не войдемъ сознательно въ величайшій міръ индійской культуры: мы набросились на изученіе сцены, обстановки, гдѣ передъ нами бродятъ пока только тѣни, а не живыя существа, мысли и чувства которыхъ мы могли бы понять.

Вѣдь когда къ книгѣ Жуковскаго предъявлялось требованіе исторической перспективы, историческаго фона, то забывали, что тогда самъ Энвери сталъ бы, очевидно, лишь блѣдною тѣнью, ибо изучить его съ достаточною глубиною Жуковскій уже не успѣлъ-бы. Подводя итогъ сказанному, можно, мнѣ кажется, несомнѣнно признать, что изслѣдованіе Жуковскаго объ Энвери важный и цѣнный научный трудъ, имѣющій длительное научное значеніе, являющійся достойнымъ представителемъ опредѣленной научной школы, достоинства и недостатки которой онъ раздѣляетъ, трудъ имѣющій опредѣленное, видное мѣсто въ исторіи персидской литературы и вполнѣ оцѣненный и у насъ и на западѣ.

Изъ другихъ его работъ чисто литературнымъ памятникамъ посвящена большая и цѣнная статья объ Омарѣ Хайямѣ, гдѣ Жуковскій разбираетъ сложный и трудный вопросъ о «странствующихъ» четверостишіяхъ[1].

---

[1] «Омаръ Хайямъ и «странствующія» четверостишія». مظفريّة Сборникъ статей учениковъ бар. В. Р. Розена. СПб. 1897, стр. 325—363. Ср. Denison Ross. Fresh light on ʿOmar Khayyâm JRAS 1898, pp. 350—366; ср. также интересный этюдъ A. Christensen. Recherches sur les Rubāʿiyāt de ʿOmar Ḫayyām. Heidelberg 1905. (MGSLVO Heft 3); авторъ оспариваетъ выводы Жуковскаго, указывая, впрочемъ, что самъ Жуковскій собственно отказался отъ выводовъ изъ своихъ любопытныхъ разысканій. Кристенсенъ, мнѣ кажется, не оцѣнилъ аргументаціи Жуковскаго, къ выводамъ котораго онъ, въ сущности, приходитъ и самъ: центръ аргументаціи Жуковскаго лежитъ въ указаніи, что наиболѣе правильно мы поймемъ Омара Хайяма, если послѣдуемъ пониманію его самими персами, тому, какъ они понимали поэта въ теченіе вѣковъ. Жуковскій здѣсь опять совершенно правильно отстаиваетъ точку зрѣнія

Статья эта чрезвычайно характерна для способа работы Жуковскаго: она ясно показываетъ какъ тщательно и долго онъ обдумывалъ каждый вопросъ раньше, чѣмъ рѣшиться напечатать результаты своихъ изслѣдованій; это особенно слѣдуетъ имѣть въ виду при сужденіи о томъ, будто бы онъ не велъ научной работы, когда долго ничего не печаталъ: чѣмъ ближе мы всматриваемся въ труды Жуковскаго, тѣмъ яснѣе выявляется для насъ большая и тщательная ихъ подготовка и длительная проработка. Статья объ Омарѣ Хайямѣ появилась въ 1897 году, между тѣмъ задумана она въ 1884 г., за *тринадцать* лѣтъ до ея напечатанія; въ это время авторъ ея тщательно собиралъ «странствующія» четверостишія (l. c. 340). Собиравшійся имъ матеріалъ, извлеченный изъ ряда авторовъ и изъ ряда *старыхъ* рукописей онъ, съ присущей ему требовательностью, называетъ все же «*случайнымъ*». Онъ пытается всетаки сдѣлать нѣкоторый, и весьма важный, выводъ, что такъ какъ большая часть странствующихъ четверостишій приходится на эпикурейство, скептицизмъ и пессимизмъ, то правильнѣе всего смотрѣть на Омара Хайяма, какъ на глубокаго мудреца, послѣдовательнаго въ своихъ убѣжденіяхъ; подтвержденіе этому онъ видитъ и въ новомъ біографическомъ матеріалѣ, имъ привлеченномъ, и въ томъ, что «прошли вѣка и народъ Персіи и Индіи, можетъ быть, инстинктивно чувствуя неправоту былыхъ обвиненій, *издаетъ и читаетъ Хайяма въ сборникахъ всегда рядомъ съ Абу-Саидомъ, Абдаллахи-Ансаріемъ и Аттаромъ*, т. е. суфіями-мистиками чистой воды». Но, сдѣлавъ этотъ выводъ, онъ самъ предостерегаетъ противъ него: если добрая пятая часть стихотвореній Омара, странствуя подъ именемъ многихъ другихъ поэтовъ, вызываютъ сомнѣніе въ подлинности, то «вопросъ о таковой можетъ быть поставленъ противъ любого четверостишія Хайяма; при такомъ условіи исторически вѣрная характеристика его немыслима». Выводъ ясенъ: нуженъ новый матеріалъ и другіе методы работы, чѣмъ тѣ, которыми мы пока можемъ пользоваться.

Здѣсь мы и думаемъ найти отчасти объясненіе тому, почему Жуковскій не продолжилъ такъ хорошо имъ начатыя занятія надъ персидскою

новаго востоковѣдѣнія, основывающагося на личномъ знаніи Востока и требующаго внимательнаго изученія *восточнаго* пониманія памятниковъ духовнаго творчества Востока. Сами персы настолько интересовались своею литературою и философіею и были настолько тонкими ихъ цѣнителями, что раньше чѣмъ устанавливать тѣ или другія наши, европейскія точки зрѣнія, мы хорошо сдѣлаемъ, если изучимъ персидскія. На эту, важнѣйшую сторону аргументаціи Жуковскаго Кристенсенъ почему-то не обратилъ вниманія. Для насъ здѣсь его книга особенно интересна тѣмъ, что подтверждаетъ лишній разъ, что на западѣ всегда знакомились съ работами Жуковскаго.

литературою[1]: сознательный представитель исторической филологической школы XIX вѣка, онъ убѣдился въ полной невозможности, пользуясь методами этой школы, силами одного человѣка подготовить такой надежный историко-литературный матеріалъ по персидской литературѣ, который позволилъ бы ему создавать «исторически вѣрныя характеристики». Вѣдь то, что произошло при изслѣдованіи Омара Хайяма, когда поэтъ превратился въ загадочную тѣнь, когда передъ каждымъ его стихомъ сталъ вопросъ «да чей же это стихъ»? должно было произойти, въ меньшихъ только размѣрахъ, со многими персидскими поэтами, если не почти со всѣми. Если это такъ, то, очевидно, пока по крайней мѣрѣ, не было возможности удовлетворить ту «жажду исторической правды» (l. c. 313), которую несомнѣнно глубоко чувствовалъ Жуковскій.

Интересъ къ народной словесности у Жуковскаго стоитъ въ несомнѣнной связи съ его интересомъ къ суфизму — онъ, несомнѣнно, искалъ пониманія души народа, давшаго великихъ поэтовъ-мистиковъ, это особенно чувствуется въ его статьѣ о колыбельныхъ пѣсняхъ и въ его докладахъ о дервишахъ. Внѣшнимъ поводомъ было однако въ значительной мѣрѣ и собираніе матеріаловъ по языку.

Занятія народной словесностью были ему облегчены сотрудничествомъ постояннаго его спутника, его жены Варвары Александровны, которая помимо общей совмѣстной работы съ Валентиномъ Алексѣевичемъ взяла на себя спеціально изученіе женскаго быта[2], которымъ по культурнымъ условіямъ персидской жизни не могъ почти заниматься мужчина, и народную медицину, къ изслѣдованію которой ее приспособила спеціальная медицинская подготовка. Первая часть ея работъ вошла, какъ то указываетъ Жуковскій, въ значительной мѣрѣ въ его труды[3], а вторая, къ сожалѣнію, и по сю

[1] Чисто литературѣ посвящены лишь нѣсколько замѣтокъ: «Толкованіе притчи въ сатирѣ Фирдоуси». ЗВО II. 263—266.— «Легенда объ Іисусѣ и черепѣ въ персидскомъ стихотворномъ сказѣ Аттара». ЗВО VII. 63—72.— «Соловей и Муравей». ЗВО XI. 304—307.— «Къ исторіи персидской литературы при Саманидахъ». ЗВО XII. 04—07.— Къ этому можно прибавить учебное литографированное изданіе четверостишій Омара Хайяма. — Некрологъ: «Мухаммедъ-Хасанъ-ханъ (Иʿтимад-ал-сальтанэ)». ЗВО X. 187—191; сообщеніе «О нѣкоторыхъ персидскихъ рукописяхъ изъ собранія Минъ-Тюбинскаго ишана». ЗВО XIV. IV; сообщеніе «Позднѣйшія поступленія мусульманскихъ рукописей въ библіотеку учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ». ЗВО XIX. VII.

[2] Часть своихъ наблюденій Варвара Александровна изложила въ интересной статьѣ: «Персидскій эндерунъ». ВЕ Октябрь 1886.

[3] «Образцы персидскаго народнаго творчества. Пѣсни пѣвцовъ-музыкантовъ, пѣсни свадебныя, пѣсни колыбельныя, загадки, образцы разнаго содержанія съ 10 рисунками и портретомъ». СПб. 1902 (Отзывъ С. Ѳ. Ольденбурга ОИРГО 1903, I. 045 — 048). В. В. Туркест. Вѣд. 1903, № 84.) *«На правахъ рукописи»* было издано дополненіе (три стихотворенія), которое не могло быть обнародовано тогда по соображеніямъ цензурнаго характера.

пору еще не увидѣла свѣта. Съ характерной для всей научной работы Жуковскаго чрезвычайно цѣнной особенностью и эта сторона его изученія Персіи дала намъ спеціальную законченную книгу, посвященную персидскому народному творчеству, и опять, какъ по отношенію къ его «Грамматикѣ» и «Матеріаламъ» по персидскимъ нарѣчіямъ мы въ правѣ сказать, что «Образцы» являются крупнымъ научнымъ пріобрѣтеніемъ, это первый болѣе значительный, по количеству и качеству матеріаловъ, сборникъ памятниковъ персидской народной словесности, существующій въ европейской литературѣ.

Пѣсни, составляющія главную часть сборника, географически относятся къ Тегерану, Исфагану, Ширазу и нѣкоторымъ деревнямъ между этими городами. Всѣ образцы даны въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ, они снабжены объяснительными примѣчаніями и точнымъ указаніемъ мѣста и времени записи, при этомъ каждому отдѣлу, а иногда и отдѣльнымъ образцамъ предпосланы небольшія введенія. Книга снабжена русско-персидскимъ словаремъ словъ, не находимыхъ въ существующихъ европейскихъ персидскихъ словаряхъ; къ ней приложено шесть таблицъ, изъ нихъ пять воспроизводятъ десять туземныхъ рисунковъ. Пѣсни даютъ богатѣйшій бытовой матеріалъ, который ждетъ еще своей обработки. До изданія своей книги Жуковскій сдѣлалъ попытку такой обработки по отношенію къ колыбельнымъ пѣснямъ [1]. Въ этой статьѣ тонкая параллель двухъ міросозерцаній, двухъ женскихъ душъ: вольной, равноправной бахтіярки и безправной персіянки. Чрезвычайно велика цѣнность подобныхъ обработокъ спеціалистомъ памятниковъ народнаго творчества и та возможность, какую онѣ даютъ заглянуть въ ту глубь народной души, которая существуетъ, но скрыта отъ насъ и неумѣніемъ этой души найти выраженія для своихъ завѣтныхъ думъ и страшной обособленностью этого «народного міра» отъ такъ называемой культурной жизни. Для всякаго, кто пытался собирать бытовыя пѣсни извѣстно, съ какимъ трудомъ сопряжено такое собираніе. Въ Персіи это собираніе, повидимому, еще труднѣе, особенно благодаря тому, что персы въ общемъ относятся отрицательно къ попыткамъ иностранца ознакомиться съ ихъ народною словесностью, которой они какъ будто стыдятся. Жуковскій говоритъ: «Всякую попытку проникнуть въ эту не любезную сердцу персовъ область они встрѣчаютъ недовѣріемъ и строгимъ приговоромъ: „пустѣйшія слова! не стоитъ!“» (стр. III).

---

[1] «Колыбельныя пѣсни и причитанія осѣдлаго и кочевого населенія Персіи». ЖМНП Январь 1889.

Кромѣ пѣсенъ бытовыхъ, лирическихъ и злободневныхъ, Валентинъ Алексѣевичъ помѣстилъ въ свой сборникъ загадки и прибаутки. Онъ не помѣстилъ пословицъ, повидимому, считая ихъ не чисто народными памятниками словесности, въ виду того, что ихъ собираютъ въ сборники сами персы, какъ бы отдѣляя ихъ отъ народной словесности, о которой они отзываются очень пренебрежительно[1]. Тексты у Жуковскаго снабжены переводами и примѣчаніями, на послѣднія авторъ нѣсколько поскупился, потому ли, что ему многое намъ непонятное казалось вполнѣ понятнымъ или за невозможностью получить объясненіе отъ непонимавшихъ передатчиковъ: Валентинъ Алексѣевичъ указываетъ, что лица, пѣвшія пѣсни, часто не понимали сами многаго изъ того, что пѣли.

Кое-что изъ образцовъ попало и въ «Матеріалы», отдѣльное послужило предметомъ для небольшихъ замѣтокъ[2]. Въ бумагахъ Валентина Алексѣевича сохранился еще нѣкоторый матеріалъ по народной словесности[3].

Валентинъ Алексѣевичъ со времени своего пребыванія въ Персіи слѣдилъ за той полународной литературой, которую мы привыкли называть лубочной и сумѣлъ извлечь изъ нея много цѣннаго и любопытнаго; онъ къ этому былъ особенно хорошо подготовленъ, такъ какъ и лично собиралъ памятники народной словесности, находившіе себѣ отраженіе и въ лубочной литературѣ, а кромѣ того интересовался и текущими вопросами. Къ этой части его работъ мы относимъ цѣлый рядъ статей и докладовъ[4]; изъ нихъ

---

[1] Ср. В. Гордлевскій. «Персидскія пословицы». ДВ IV. 1—50 (1913); здѣсь указана и литература предмета.

[2] «Образчикъ персидскаго юмора». ЗВО I. 316—318. — «Докладъ относительно образцовъ персидскаго базарнаго стихотворства на современныя темы» (не напечатанъ). ЗВО VIII. iv.

[3] Послѣ трудовъ Жуковскаго появились еще двѣ русскихъ работы питомцевъ Факультета Восточныхъ языковъ: В. А. Ивановъ. «Нѣсколько образцовъ персидской народной поэзіи». ЗВО XXIII. 33—59 (съ библіографической справкой К. З[алемана], 59—60). (Ср. рец. С. Ольденбурга ЖС XXV. 42—43 и А. А. Ромаскевичъ. «Персидскія народныя четверостишія». ЗВО XXIII. 313—347). Въ матеріалахъ, привезенныхъ обоими молодыми учеными изъ Персіи еще много неизданнаго изъ области персидской народной словесности. Списокъ матеріаловъ В. А. Иванова напечатанъ въ ИРАН 1918.

[4] «Мусульманство Рустема Дастановича». ЖС I. 4. 109—117 (1891). Персидскія версіи «Шемякина Суда». ЗВО V. 157—178 (1890). (Ср. В. Гордлевскій. «Персидскія пословицы». ДВ IV. 32—33 (1913)). «Юморъ персидско-индійскій». ЗВО V. 111—112. Докладъ «О персидской версіи фабло Constant du Hamel изъ персидской современной лубочной литературы» (не напечатанъ). ЗВО XII. iii. Докладъ «О персидскомъ лубочномъ изданіи повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ». ЗВО XVII. xxxi—xxxii. Изъ этой же литературы онъ издалъ въ персидскомъ текстѣ «Сказки попугая, Споръ чашки съ кальяномъ», изд. 2-ое. СПб. 1901.

мы особенно отмѣтимъ три: о Шемякиномъ судѣ, о Constant du Hamel, о Варлаамѣ и Іоасафѣ, которые являются цѣннымъ вкладомъ изъ столь мало использованныхъ и мало извѣстныхъ персидскихъ источниковъ по литературѣ странствующихъ сказаній, гдѣ Персія представляетъ чрезвычайно важное соединительное звено между Индіей и арабами и западомъ вообще. Валентинъ Алексѣевичъ лично, повидимому, не особенно интересовался этой областью литературы, но считалъ своимъ долгомъ какъ спеціалистъ по Персіи внести и свою лепту въ эту любопытную область общечеловѣческаго творчества.

Большой трудъ, посвященный развалинамъ Мерва[1] въ главной своей части трудъ историческій, частью и археологическое разысканіе. Отзывы компетентныхъ спеціалистовъ В. В. Бартольда[2] и бар. В. Г. Тизенгаузена, ставятъ эту работу Жуковскаго очень высоко[3]. Это дѣйствительно первая попытка въ широкой, по возможности исчерпывающей мѣрѣ, использовать мусульманскіе источники для исторіи среднеазіатскаго города. Въ этой работѣ мы видимъ тѣ же чрезвычайно для Жуковскаго характерныя черты: съ самаго начала онъ ставитъ себѣ опредѣленныя задачи въ предѣлахъ того, что считаетъ своею компетенціею, за эти предѣлы онъ не считаетъ возможнымъ итти: производить неподготовленнымъ разысканія ad hoc въ чужой ему области знанія онъ не считаетъ допустимымъ: «Такой [историческій] очеркъ, говоритъ онъ въ предисловіи, неодинаково полонъ во всѣхъ отдѣлахъ, отчасти благодаря неравномѣрно сохранившемуся и доступному мнѣ историческому матеріалу, отчасти — роду моихъ спеціальныхъ познаній и занятій. Древнѣйшія свѣдѣнія о Мервѣ изъ литературы классической, какъ сферы моей полной некомпетентности, и нѣкоторыя основанныя на нихъ предположенія всецѣло заимствованы мною изъ брошюры Guthe»... Несомнѣнно, что Валентинъ Алексѣевичъ вполнѣ

[1] «Древности Закаспійскаго края. Развалины стараго Мерва». МАР, № 16. СПб. 1894. Мы не остановимся подробнѣе на этой работѣ, которая тщательно разобрана барономъ В. Г. Тизенгаузеномъ.

[2] В. Бартольдъ. «Историко-географическій обзоръ Ирана». СПб. 1903, стр. 29: «*Мервъ* и его оазисъ» — единственная пока мѣстность въ Средней Азіи, о которой существуетъ подробное историко-географическое изслѣдованіе, именно капитальный трудъ проф. Жуковскаго «Развалины стараго Мерва». Ср. также рецензію А. Туманскаго: ЗВО IX. 300—303. Особенно важна цѣнными заключеніями и дополненіями статья В. В. Бартольда. «Къ исторіи Мерва». ЗВО XIX. 115—138 и 0218—0219.

[3] «Отзывъ почетнаго члена барона В. Г. Тизенгаузена» и т. д. ЗВО XI. 327—333. Рецензентъ, говоря о подготовительныхъ изслѣдованіяхъ къ систематическимъ раскопкамъ, указываетъ, что эта задача «по отношенію къ Старому Мерву и его развалинамъ выполнена проф. Жуковскимъ блистательнымъ образомъ».

могъ бы, если бы того пожелалъ, самостоятельно провѣрить, а вѣроятно и дополнить работу **Гуте**, классическіе источники были ему, конечно, доступны непосредственно, также какъ и древне- и среднеперсидскіе источники въ европейскихъ по крайней мѣрѣ переводахъ, но онъ вполнѣ сознательно подчеркиваетъ, что это не только внѣ его спеціальныхъ познаній, но и внѣ его спеціальныхъ *занятій*. Можно, конечно, не соглашаться съ такимъ основнымъ взглядомъ ученаго на границы его научнаго самоопредѣленія, которыя постоянно приходится все же раздвигать по ходу работы, но нельзя не признать, что именно у насъ въ Россіи точка зрѣнія **Жуковскаго** имѣетъ чрезвычайно многое за собой: русскіе ученые, дѣйствительно, страдаютъ отъ черезчуръ широкой постановки своихъ работъ, которая слишкомъ часто приводитъ къ тому, что или ученый умираетъ, оставляя великолѣпный, но незаконченный фундаментъ, на которомъ другіе не могутъ строить или просто распыляетъ свою ученую дѣятельность такъ, что потомъ и самъ ничего цѣльнаго и большого собрать не можетъ. Внимательно вчитываясь въ работы Валентина Алексѣевича и дополняя впечатлѣнія отъ этого чтенія, получаемыя личными воспоминаніями, убѣждаешься насколько глубоко продумано было у него самоограниченіе, которое онъ всегда оговаривалъ скромными фразами о своей некомпетентности въ томъ или другомъ вопросѣ.

Когда теперь сопоставляешь эти данныя изъ всѣхъ его работъ, то видишь ясно, какъ онъ рѣшительно хотѣлъ избѣгнуть того разбрасыванія, которое столь характерно для русскихъ людей; этотъ русскій изъ русскихъ былъ, какъ намъ приходится не разъ отмѣчать, гораздо ближе многими своими чертами какъ ученый, къ западнымъ своимъ товарищамъ, чѣмъ къ своимъ соотечественникамъ. Въ этомъ отношеніи онъ напоминалъ и старыхъ русскихъ востоковѣдовъ, которые были, несомнѣнно, «западнѣе» своихъ преемниковъ послѣдняго времени.

Большой историческій трудъ о Мервѣ стоитъ одиноко въ работѣ Валентина Алексѣевича, развѣ что къ нему можно присоединить нѣкоторыя рецензіи историческаго характера, статью «Могила Фирдоуси»[1] и нѣсколько докладовъ, которые, какъ и вообще многіе изъ его докладовъ, къ сожалѣнію, не были напечатаны[2].

---

[1] ЗВО VI. 308—314.

[2] «О рукописи Николая **Семино**, содержащей замѣтки о военныхъ событіяхъ 1827 г. въ Персіи». ЗВО IV. I. — «О поѣздкѣ въ Закаспійскую область для археологическихъ изысканій». ЗВО V. X.—«Объ Абу-Са'идѣ и его гробницѣ въ Мехнѣ, именуемой Меяна-Баба». ЗВО X. XX (въ указателѣ ошибочно XVI).

Статья о «Могилѣ Фирдоуси», такъ интересна и содержательна, представляя гармоническое соединеніе «книжныхъ» знаній съ видѣннымъ и пережитымъ, что приходится чрезвычайно жалѣть о томъ, что другіе аналогичные доклады и статьи не были напечатаны В. А. Жуковскимъ. Валентинъ Алексѣевичъ въ этой статьѣ далъ волю и своему непосредственному чувству— мнѣ хотѣлось бы отмѣтить, что вообще, повидимому, великій пѣвецъ славнаго прошлаго Персіи былъ любимцемъ Жуковскаго, какъ и его учителей барона В. Р. Розена и К. Г. Залемана, напомню напр. его слова о «чудеснѣйшей и грозной сатирѣ Фирдоуси на Махмуда Газневидскаго» — статья начинается съ удивительно глубокаго и тонкаго сравненія между мѣстной святыней, которую тщательно оберегаютъ отъ чужого взора, хотя онъ къ ней стремится развѣ изъ любопытства, и открытомъ для всѣхъ, заброшенномъ мѣстѣ погребенія великаго поэта, куда могли бы стекаться чтущіе прекрасное со всѣхъ концовъ міра: «Недоступна иновѣрцу скрытая за цѣпями шіитская святыня Мешхеда — богатая, златоверхая гробница имама Риза, къ которой стекаются тысячи разноплеменныхъ паломниковъ, несущихъ посильную лепту на ея благолѣпіе; зато доступна по сосѣдству съ Мешхедомъ находящаяся святыня литературная, ничѣмъ нынѣ неотмѣченная — ни гордымъ мавзолеемъ, ни скромною плитою — никѣмъ не посѣщаемая могила Фирдоуси, великаго и славнаго пѣвца персидской земли».

Картина «запустѣнія, груда мусора, поросшаго колючкой, битаго кирпича и вмѣсто сознательнаго человѣка безсознательное животное — искалѣченная лошадь, мулъ, баранъ, оселъ. Достойное великаго поэта общество, достойная его память»! Такое забвеніе и такая безотрадность въ сосѣдствѣ Мешхеда отчасти понятны: здѣсь «арзи-акдасъ» — святѣйшая земля; и вотъ съ этою то мыслью и носятся постоянные и пришлые жители города, полагая, что этими двумя словами исчерпывается вся ихъ жизненная задача: «поклоняйся усердно порогу имама Риза и оставь всякія другія помышленія».

Святыня Мешхеда и могила Фирдоуси въ значительной мѣрѣ символичны для современной Персіи, и слова Жуковскаго являются краснорѣчивымъ комментаріемъ къ тому, что съ ней произошло: какъ и въ Испаніи, религія, превратившаяся въ фанатическое суевѣріе, въ широкой мѣрѣ содѣйствовала въ Персіи упадку страны.

Пребываніе въ Персіи создало Жуковскому рядъ знакомствъ съ мѣстными дѣятелями и внушило ему интересъ къ современной дѣйствительности страны, которую онъ изучалъ. Этому интересу мы обязаны нѣко-

торыми докладами, всегда содержательными и интересными; но политическіе вопросы лежали въ общемъ въ сторонѣ отъ научныхъ интересовъ Жуковскаго и онъ не попытался даже сдѣлать какой-нибудь сводъ своимъ богатымъ наблюденіямъ, которыми дѣлился изрѣдка при разговорахъ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ по аналогіи съ другими его работами можно было ожидать, что и здѣсь Жуковскій далъ бы намъ много совершенно новаго и болѣе объективнаго, чѣмъ дали Лордъ Керзонъ и особенно Э. Г. Броунъ, который такъ увлекся политическими симпатіями и антипатіями, что потерялъ необходимое научное безпристрастіе. Этотъ высокопочтенный, талантливый и знающій спеціалистъ, къ сожалѣнію, въ рядѣ работъ своихъ сдѣлался полемическимъ публицистомъ, когда касался современной Персіи. Этого никогда не могло бы произойти съ Жуковскимъ, который и къ событіямъ текущаго дня въ своихъ работахъ всегда подходилъ sine ira: у него былъ, конечно, свой взглядъ на Персію нашихъ дней и на ея политику, но онъ тщательно отдѣлялъ эти свои личныя симпатіи, антипатіи и предположенія отъ того, что старался установить какъ ученый: о многомъ, слишкомъ злободневномъ, о чемъ онъ дѣлалъ доклады или говорилъ въ частныхъ бесѣдахъ онъ не хотѣлъ ничего печатать, считая, что для этого еще не настало время, что все это должно еще «вылежаться»[1].

Какъ разносторонній изслѣдователь Персіи Валентинъ Алексѣевичъ не могъ остаться въ сторонѣ отъ того изученія бабизма, которое увлекало его учителя барона В. Р. Розена и дало кромѣ работъ самого Виктора Романовича и А. Г. Туманскаго нѣсколько статей другихъ русскихъ авторовъ и поиски нашими дипломатами бабидскихъ рукописей и свѣдѣній о бабидахъ. Но Валентинъ Алексѣевичъ не увлекся бабизмомъ: тотъ необыкновенно, если такъ можно выразиться, трезвый характеръ, который пріобрѣла эта религія, особенно въ бехаизмѣ, съ его государственными и чисто житейскими устремленіями, не могъ имѣть притягательной силы для изслѣдователя мистицизма. Жуковскій ограничился нѣсколькими статьями, имѣвшими значеніе спеціально для исторіи бабизма[2].

Кромѣ бабизма Жуковскій занялся въ Персіи и народными вѣрова-

---

[1] Сообщеніе: «Послѣдніе дни Шаха Насир-ад-дина». ЗВО XIV. vii. Докладъ: «Черты современнаго положенія Персіи въ ея литературныхъ произведеніяхъ». ЗВО XVI. xvi.

[2] «Недавнія казни бабидовъ въ г. Ездѣ». ЗВО VI. 321—327 и «Разъясненіе» къ этой замѣткѣ. ЗВО VII. 327. — «Россійскій Императорскій Консулъ Ѳ. А. Бакулинъ въ исторіи изученія бабизма». ЗВО XXIV. 33—90. Въ высшей степени содержательная статья, изобилующая фактами и документами и спасающая отъ забвенія научную работу русскихъ людей.

ніями. На первыхъ же порахъ своего пребыванія на Востокѣ онъ столкнулся съ сектою «Людей Истины»[1], о которой до него говорилъ Гобино и которой касался и Петерманъ; теперь мы имѣемъ о ней значительно болѣе полныя свѣдѣнія въ работѣ русскаго ученаго[2]. Докладъ Жуковскаго «Бесѣды съ дервишами современной Персіи»[3], посвященный двумъ орденамъ Ниметаллахи и Джелали, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, не былъ напечатанъ, можетъ быть В. А. Жуковскій хотѣлъ дождаться тѣхъ новыхъ матеріаловъ относительно возможныхъ индійскихъ вліяній на дервишество, о которыхъ онъ упоминаетъ.

Для полноты характеристики научнаго облика В. А. Жуковскаго необходимо сказать о немъ какъ о рецензентѣ чужихъ работъ. Ни въ какой научной работѣ такъ не сказывается характеръ ученаго, какъ въ его разборахъ работъ другихъ ученыхъ. Рецензіи въ общемъ можно раздѣлить на три типа: первый—чисто фактическій, когда рецензентъ останавливается и на положительныхъ и на отрицательныхъ сторонахъ работы и не прибѣгаетъ къ болѣе широкимъ выводамъ, считая, что это уже выходитъ за предѣлы его задачи, второй — преимущественно критическій, съ указаніями главнымъ образомъ отрицательныхъ сторонъ работы, этотъ типъ рецензіи видитъ свою задачу въ исправленіи главнымъ образомъ ошибокъ, и наконецъ третій, ставящій себѣ основною задачею выяснить положительныя стороны труда, мѣсто, которое онъ долженъ занять въ литературѣ предмета.

Рецензіи Валентина Алексѣевича, весьма не многочисленныя, принадлежатъ преимущественно первому типу: рецензентъ оставался вѣренъ себѣ, всякія отвлеченія въ сторону, расширенія основы задачи казались ему не желательными и излишними, здѣсь особенно сказывалась та его черта, которая этого глубоко русскаго человѣка приближала къ французамъ, къ тому, что такъ усиленно въ наукѣ рекомендуютъ французы: «il faut toujours être sobre».

Типичными образцами рецензій В. А. Жуковскаго я считалъ бы въ

---

[1] «Секта «Людей Истины»—Ahli hakk—въ Персіи». ЗВО II. 1—24 (о сообщеніи — ib. II. — Жуковскій называлъ сектантовъ «Мужи Истины»). — «Ђāлī (غالی)—названіе современныхъ персидскихъ сектантовъ». ЗВО III. 110—121.

[2] В. Минорскій. «Люди истины» или Али-илахи. Ч. I. Москва 1911. Статьи III. Али-Аллахи или Алалахи (тайная религіозная секта въ Персіи). Кавказъ 1876, №№ 27, 29, 30 мы не видѣли. Ср. также Ф. Султановъ. Нѣкоторыя свѣдѣнія о сектѣ «Али-Аллахи». СМОМПК XVII. 2. 219—222 (1893).

[3] ЗВО XII. xxiii — xxiv. Ср. также — «О положеніи Гебровъ въ Персіи». ЖМНП 1885. ч. 237. 77—94.

высшей степени содержательные разборы работъ Хорна: «Denkwürdigkeiten Schâh Tahmâsp's des ersten von Persien» и Вармунда: «Neupersische Schauspiele»[1]. Это въ своемъ родѣ образцовыя рецензіи, на которыя рецензентомъ было затрачено много работы и въ которыя внесенъ совершенно новый научный матеріалъ.

Пытаясь дать характеристику В. А. Жуковскаго и его научной работы, мы до сихъ поръ не касались той ея части, которая несомнѣнно была ему ближе всего, дороже всего, мы говоримъ о его трудахъ по суфизму, занимающему столь исключительное мѣсто въ персидской поэзіи, и отдѣлили сознательно эту часть нашей характеристики Жуковскаго, какъ ученаго, отъ всего остального, ибо здѣсь мы видимъ какъ бы совершенно другого человѣка и другое отношеніе къ работѣ и къ объекту изслѣдованія; мы здѣсь еще разъ убѣждаемся въ томъ, какъ часто человѣкъ, при первомъ взглядѣ кажущійся простымъ и яснымъ, въ сущности сложный и многогранный: этотъ столь уравновѣшенный, столь, казалось, разсудочный человѣкъ былъ увлеченъ мистическою поэзіею; это увлеченіе такъ глубоко, что когда всматриваешься въ обликъ человѣка и ученаго, чувствуешь, что оно было въ немъ искони, что здѣсь-то и было то настоящее внутреннее его я, которое скрывалось почти всегда отъ сторонняго глаза. Испытываешь особое чувство, подходя къ этой сторонѣ его жизненной работы, кажется, точно нескромною рукою поднимаешь завѣсу души, которая была тщательно задернута. Но Валентинъ Алексѣевичъ издалъ все же рядъ трудовъ по суфизму и потому мы считаемъ себя въ правѣ сказать о нихъ въ мѣрѣ нашего пониманія.

Хотя Жуковскій говоритъ, что недостатокъ общефилософской подготовки мѣшаетъ ему войти въ святое святыхъ суфизма, онъ все же всегда стремился къ нему, къ его учителямъ, проповѣдывавшимъ «что Истина для Истины — есть смыслъ всего мірозданія»: тотъ въ ихъ представленіи человѣкъ, кто не убоялся познанія, ибо «Мы предлагали его, говоритъ Коранъ, небесамъ и землѣ и горамъ и они отказались снести его и убоялись его, и взялъ его человѣкъ».

Красота богоискательства, которое составляетъ суть всякой мистики, имѣла всегда особое очарованіе для этого замкнутаго, мало общительнаго человѣка и мы видимъ его постоянно возвращающимся къ произведеніямъ мистиковъ, вѣрнѣе никогда ихъ не покидающимъ, даже если онъ не готовилъ къ печати результатовъ этой работы, работы его души. Невольно слышишь,

---

[1] ЗВО VI. 377—383. — ЗВО V. 129—132.

когда думаешь объ этой сторонѣ его жизни и работы слова персидскаго мистика о небесной любви:

هر نفس اواز عشق میرسد از چپ و راست
ما بفلك میرویم عزم تماشا كراست
ما بفلك بوده ایم یار ملك بوده ایم
باز همانجا رویم خواجه كه آن شهر ماست

«Каждое мгновеніе голосъ любви раздается справа и слѣва. На небо грядемъ, кому же охота до зрѣлищъ? Мы были на небѣ, други ангеловъ мы были. Туда же вернемся, о Учитель, ибо это градъ нашъ».

И какъ-то невольно связываешь и его всегдашнее молчаніе съ тѣми вдохновенными словами того же мистика, что произнесенное исчезаетъ, словами, которымъ отвѣчаетъ и знаменитое Тютчевское «мысль изреченная есть ложь».

Вопросъ о томъ, что такое въ сущности суфизмъ слишкомъ сложный, да я и не обладаю достаточными знаніями для того, чтобы говорить о немъ съ должной компетентностью. Самъ Валентинъ Алексѣевичъ подходилъ къ его изученію чрезвычайно осторожно и одинъ только разъ, въ университетской рѣчи, коснулся суфизма съ извѣстныхъ общихъ точекъ зрѣнія, при чемъ, чтобы вполнѣ соблюсти научную осторожность даже озаглавилъ эту рѣчь «Человѣкъ и познаніе у персидскихъ мистиковъ»; и, кромѣ того, указалъ, что всѣ болѣе сложные вопросы, касающіеся суфизма «приходится оставлять безъ отвѣта до той поры, когда изученіе суфизма будетъ поставлено на строго-научную историческую почву, когда въ основу сужденія о немъ и его пониманія будутъ положены съ должною оцѣнкою не однѣ поэтическія аллегоріи и стишки, надерганные не рѣдко безъ строгаго разбора изъ авторовъ разныхъ эпохъ, но труды, въ извѣстной системѣ безъ символовъ и аллегорій излагающіе воззрѣнія суфіевъ, способъ пониманія ими вещей и ихъ собственную аргументацію: — такіе труды на арабскомъ и персидскомъ языкѣ есть и пока напрасно ждутъ цѣнителей, издателей и изслѣдователей». Изъ этихъ словъ ясно, что Валентинъ Алексѣевичъ былъ убѣжденъ, что совершенно еще не настало время говорить о суфизмѣ вообще, что для этого необходимо прежде всего подготовить почву, издать рядъ старыхъ текстовъ. Онъ указываетъ при этомъ на особенную важность «Рисалет» Кушейри (уже изданъ на Востокѣ), «Кешф-ал-Махджуб» Джуллаби,

творенія Абу-Са'ида Мейхенейскаго и Абдаллаха Ансари Хератскаго; это уже не «однѣ поэтическія аллегоріи и стишки», а дѣйствительные источники.

Какъ бы программою работъ по суфизму звучатъ вводныя слова одного изъ первыхъ изслѣдованій В. А. Жуковскаго по персидской мистикѣ: „Въ то золотое для персидской литературы время, когда Насири-Хосровъ († 481 г. Х.) въ Кундузѣ излагалъ въ «Книгѣ свѣта», «Книгѣ счастія» и др. свое міровоззрѣніе, плодъ долгихъ колебаній и странствованій по свѣту, ... когда Джуллаби († 456 или 464 г. Х.) въ Газнѣ разсуждалъ о суфизмѣ въ сочиненіи «Обнаруженіе того, что задернуто завѣсой», когда строгій подвижникъ Абу-Са'идъ б. Аби-л-Хейръ († 440 г. Х.) въ Мехнэ облекалъ мистическіе порывы въ звучныя четверостишія, — въ Хератѣ, этомъ «садикѣ ансаріевъ» поучалъ и съ увлеченіемъ призывалъ людей къ Истинѣ «Хератскій старецъ», Абдаллахъ-Ансари".

Въ отличіе отъ строгой соразмѣренности границъ работы съ временемъ и силами научнаго работника, которая составляла, какъ мы видѣли, отличительную черту В. А. Жуковскаго, какъ ученаго, въ разнообразныхъ сторонахъ его научной дѣятельности, по отношенію къ суфизму, мы видимъ поразительную широту постановки дѣла: невольно представляешь себѣ ученаго какъ бы стоящимъ на высокой горѣ, откуда во всѣ стороны очарованному глазу являются дивныя страны, которыя надо посѣтить и узнать, очарованіе такъ сильно, что оно удесятеряетъ его силы и все представляется ему возможнымъ. И я убѣжденъ, что если бы жизнь Валентина Алексѣевича не оборвалась такъ внезапно, онъ осуществилъ бы бо́льшую часть того, что задумалъ, онъ заложилъ бы прочныя основы тому храму, о которомъ мечтало его сердце за нѣсколько еще мгновеній до того, какъ перестало биться.

Жуковскій еще двѣнадцать лѣтъ тому назадъ заявилъ, что его изданіе книги Джуллаби Кешф-ал-Махджуб появится въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени[1]; что́ его задержало, мы не знаемъ, но можемъ заявить, что текстъ давно отпечатанъ и будетъ выпущенъ въ свѣтъ.

Абу-Са'иду посвящены два изданія: «Жизнь и рѣчи старца Абу-Са'ида Мейхенейскаго, Персидскій текстъ» (СПб. 1899) и «Тайны единенія съ

---

[1] См. ЗВО XVII. xxii — xxiii «Мистикъ Джуллаби (XI в.) и его сочиненія», и R. A. Nicholson. The Goal of Muhammadan Mysticism. JRAS 1913. 55—68, съ указаніями литературы. Никольсонъ издалъ переводъ Кешф-ал-Махджуб (Gibb Memorial series XVII. Leyden — London 1911).

Богомъ въ подвигахъ старца Абу-Са'ида. Толкованіе на четверостишіе Абу-Са'ида. Персидскіе тексты». (СПб. 1899)[1].

Абдаллахомъ Ансари Жуковскій тоже занимался спеціально, какъ онъ самъ о томъ говоритъ въ посвященной ему работѣ: .... «изученіе Ансари составляетъ предметъ уже давнишнихъ моихъ посильныхъ занятій, и плоды его, подготовляемые мною къ печати, своевременно будутъ предложены вниманію и обсужденію ученыхъ оріенталистовъ»[2]; сперва жизнь, а потомъ и смерть не дали ему возможности кончить эту работу. Насири-Хосровомъ Валентинъ Алексѣевичъ много занимался, но издалъ только одну его «пѣснь»[3], считая что поэтъ достаточно извѣстенъ по работамъ Шефера, Этэ и Фаньяна и потому надо работать надъ менѣе извѣстными. Рядомъ съ занятіями надъ крупнѣйшими величинами суфизма Жуковскій живо интересовался еще двумя писателями-мистиками: мало извѣстнымъ ширазскимъ отшельникомъ Баба-Кухи († въ Ширазѣ въ 442 г. Х.), котораго онъ переводилъ еще въ день своей кончины и которому еще въ 1902 году посвятилъ докладъ[4], и затѣмъ извѣстнымъ, но чрезвычайно загадочнымъ народнымъ поэтомъ Баба Тахиромъ Голышемъ, котораго изучали больше съ точки зрѣнія народной словесности и нарѣчія, на какомъ сохранились его произведенія. Жуковскій указываетъ[5], что интересовался «не только языкомъ четверостишій Баба Тахира, но и ихъ содержаніемъ, въ виду прикосновенности творца ихъ къ персидскимъ мистикамъ».

Если прибавить къ этому всему занятія Омаромъ Хайямомъ и многими другими поэтами мистиками, о которыхъ Жуковскій ничего не печаталъ, то мы поймемъ, какъ поразительно широкъ былъ горизонтъ его изслѣдованій по суфизму, такъ внезапно оборванныхъ.

Подводя итоги жизни и работѣ изслѣдованія Персіи Валентина Алексѣевича Жуковскаго, видишь ясно все живое и настоящее, что онъ намъ оставилъ живымъ, и невольно вспоминаешь слова одного изъ тѣхъ удивительныхъ святыхъ, которыми такъ увлекался Валентинъ Алексѣевичъ. Это слова знаменитаго поэта и проповѣдника, столь увлеченнаго предан-

---

[1] E. G. B[rowne] JRAS 1900. 351—354, Athenaeum May 26, 1900, p 652. Ср. «Къ исторіи старца Абу-Са'ида Мейхенейскаго I. «Разсужденія о черноокой». ЗВО XIII. 145—156. Не напечатаннымъ, къ сожалѣнію, осталось сообщеніе «Объ Абу-Са'идѣ и его гробницѣ въ Мехнѣ, именуемой Меяна-Баба». ЗВО X. xx.

[2] «Пѣсни Хератскаго Старца». Восточныя Замѣтки. СПб. 1895, стр. 79—113.

[3] «Пѣснь Насира-Хосрова». ЗВО IV. 386—389 (389).

[4] «Изъ области персидской литературы». ЗВО XV. xvii.

[5] «Кое-что о Баба-Тахирѣ Голышѣ». ЗВО XIII. 0104—0108 (1106).

ностью своему учителю, что онъ приписалъ ему свои стихи, слова Джелал-еддина Руми, приписанные Шемсу Тебризи:

هر نقش‌را که دیدی جنسش زلامکانست
کر نقش رفت غم نیست اصلش چو جاودانست
هر صورتی که دیدی هر نکته که شنیدی
بیدل مشو که رفت آن زیرا نه آن چنانست

«Каждый образъ, который ты видѣлъ, прообразъ его въ Божествѣ. Если образъ исчезъ, не печалься, ибо сущность его вѣчна: каждый образъ, который ты видѣлъ, каждое рѣченіе, которое ты слышалъ, не сѣтуй о нихъ, думая, что они ушли, ибо это не такъ».

Работая надъ попыткою дать обзоръ работъ В. А. Жуковскаго и надъ посильною характеристикою его какъ ученаго и человѣка, я надѣялся, что мнѣ удастся включить въ мой очеркъ и разсмотрѣніе оставшихся не напечатанными трудовъ Валентина Алексѣевича, но разборъ бумагъ покойнаго по многимъ причинамъ чрезвычайно затягивается и я вижу, что пришлось бы отложить печатаніе настоящаго очерка на слишкомъ долгое время, если разсчитывать на использованіе не напечатаннаго. Останавливаюсь поэтому на сдѣланномъ, надѣясь, что оно все же даетъ въ общемъ нѣкоторую характеристику Жуковскаго. Не знаю, насколько я сумѣлъ передать то, что вынесъ изъ своей работы надъ его трудами: мнѣ они представляются чрезвычайно цѣльными, законченными, и каждый разъ они большой шагъ впередъ въ изученіи цѣлаго ряда вопросовъ.

«Только потерявъ человѣка, люди научаются цѣнить его надлежащимъ образомъ». Какъ вѣрны эти слова: Валентинъ Алексѣевичъ ушелъ отъ насъ, и такъ ясна намъ теперь пустота, которая создается среди насъ его отсутствіемъ. Въ исторіи изученія Персіи, которому онъ посвятилъ свою жизнь, его имя навсегда сохранитъ почетное и видное мѣсто, его работами еще долго будутъ пользоваться спеціалисты, по его книгамъ будутъ учиться его преемники.

Намъ, товарищамъ его и, волею печальной судьбы, его наслѣдникамъ по научной работѣ онъ завѣщалъ самое для него дорогое: неуклонное и неизмѣнное исполненіе долга; постараемся, принявъ этотъ завѣтъ дорогого покойника донести его и до нашего смертнаго часа, какъ донесъ его Валентинъ Алексѣевичъ Жуковскій.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Ossetica-Japhetica.

Н. Я. Марра.

(Доложено въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 23 (10) октября 1918 г.).

I.

Faqond-ı осетинскихъ сказокъ и яфетическій терминъ ꝑaskund̂ «магъ», «вѣстникъ», «вѣщая *птица*».

Въ словѣ получаемъ одинъ изъ многочисленныхъ вкладовъ яфетическаго міра въ исторію термина «магъ». Рѣчь о той исторіи, которая устанавливается данной мною этимологіею армянскаго древнелитературнаго слова h. marg-ar-e-y *пророкъ* и грузинскаго древнелитературнаго me-marg-e-y *звѣздочетъ*[1]. Исторія эта не изложена пока мною съ исчерпывающей весь имѣющійся у меня матеріалъ полнотою, съ возстановленіемъ и по сибилянтной и по спирантной вѣтви прототиповъ, отъ которыхъ происходятъ и h. marg-ar-ey, въ своей основной части—marg-ar, и другой международно болѣе распространенный его двойникъ—mag, равно разновидности послѣдняго, въ числѣ ихъ и общая армяно-грузинская основа mog-u (<*mohg-ur ¦¦ *mohg-uш, resp. *mohg-uȷ), наличная въ hайскомъ Им. mog-⌜ə⌝ (Р. мн. mog-u-ϑ̇) и въ грузинскомъ Им. mog-w (изъ mog-u-ı, Р. мн. mog-u-ϑa, усѣч. mog-u-ϑ).

Сейчасъ насъ не столько интересуетъ детальная разработка отвлеченно-лингвистической исторіи термина, сколько освѣщеніе ея съ новой реально-семасической стороны. Укажу здѣсь развѣ на одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ употребленія этого термина въ примѣненіи къ до-христіанскимъ святынямъ Арменіи у писателя народноисторической школы, т. е. у Фауста. Въ текстѣ, къ сожалѣнію, обезображенномъ позднѣйшими вкладами, производный отъ нашего слова терминъ margareyaran «мѣстонахожденіе вѣщуна по звѣздамъ» въ наличной редакціи принимаетъ значеніе синонима *мартирія*, и безъ того переданнаго тутъ же словомъ—maturən[2]. Связь святилища именно съ христіанскимъ культомъ Іоанна Предтечи, также обнародовленнымъ

[1] Н. Марръ, *Яфетическое происхожденіе армянскаго слова margarey пророкъ* (ИАН, 1909, стр. 1153—1158), — *Эчміадзинскій фрагментъ древне-грузинской версіи Ветхаго Завѣта* (ХВ, 1914, стр. 386, прим. 1).

[2] III, 3, изд. Пб., стр. 7,17: ı meṫı margareyaran matrann Yovhannu, чит. Yōhanu.

у армянъ (ср. св. Карапетъ), представляетъ исключительный интересъ. На свѣдѣніе это обращалось вниманіе не разъ, какъ на матеріалъ по языческой религіи армянъ, но реально-исторически правильное его толкованіе требуетъ спеціальнаго разсмотрѣнія всего пассажа Фауста съ его терминомъ. Интересъ къ реальной сторонѣ вопроса тѣмъ болѣе долженъ быть усиленъ, что привлекаемый матеріалъ, наблюденный въ живой старинѣ осетинъ, открываетъ возможность этнографическаго обоснованія значеній слова, вообще этнологическаго подхода къ установленію его исторіи, и это все въ яфетическомъ мірѣ, такъ какъ нужно ли говорить, что осетины, не смотря на иранскій ихъ языкъ, являются однимъ изъ видовыхъ представителей кавказскихъ этнографическихъ типовъ. Да и лингвистически отнюдь не сказано не только послѣднее, но и первое слово объ яфетическо-осетинскихъ взаимоотношеніяхъ. В. Ѳ. Миллеръ предполагалъ, что осетинскій языкъ «подчинился» лишь «нѣкоторому грузинскому вліянію», притомъ не весь осетинскій, и не все даже восточное, именно ирское (иронское) нарѣчіе, а лишь его южный, закавказскій, говоръ. Если судить по случаямъ, разъясненнымъ В. Ѳ. Миллеромъ въ его классической грамматикѣ осетинскаго языка на основаніи грузинскаго, вкладъ послѣдняго не особенно великъ и не особенно существененъ, да и не столь древенъ, какъ то подсказываетъ самъ В. Ѳ. Миллеръ, напр., въ отношеніи овощей и фруктовъ[1]. Однако вопросъ идетъ вовсе не объ однихъ грузинахъ, какъ представлялъ себѣ дѣло осетиновѣдъ, а вообще объ яфетидахъ, среди которыхъ оказываются закинутыми въ лицѣ осетинъ иранцы или, точнѣе, народъ, говорящій на иранскомъ языкѣ. Въ другомъ случаѣ В. Ѳ. Миллеръ прекрасно учитывалъ то, что можетъ значить для любого изслѣдуемаго языка длительное его пребываніе въ чужеродной разноязычной средѣ; татскій языкъ горскихъ евреевъ имъ характеризуется такъ: «это — иранское нарѣчіе, произносимое семитской артикуляціей и построенное отчасти фонетически, отчасти морфологически, на тюркскій ладъ. Такое нарѣчіе могло выработаться лишь въ странѣ, гдѣ рядомъ живутъ этническіе элементы — иранскій, семитскій и тюркскій — и такою территоріею былъ дѣйствительно Адербейджанъ»[2]. При существующей теперь возможности оріентироваться въ сложныхъ условіяхъ кавказской этнографіи едва ли было бы осторожно исключать яфетидовъ изъ Адербейджана той эпохи, когда слагался, допустимъ, въ немъ самъ татскій языкъ, даже когда образовалось еврейско-татское нарѣчіе.

[1] *ОЭ*, III, стр. 14: «съ огородными овощами и фруктами осетины познакомились сравнительно поздно и большею частью чрезъ посредство Грузіи».

[2] *Очеркъ фонетики еврейско-татскаго нарѣчія*, Москва 1900, стр. V, по цитатѣ изъ Введенія къ его же *Матеріаламъ для изученія еврейско-татскаго языка* (Пб. 1892).

Во всякомъ случаѣ при изслѣдованiи осетинской рѣчи нельзя было не поставить на первомъ планѣ вопроса объ его отношенiи къ кореннымъ кавказскимъ языкамъ, съ которыми онъ сожительствуетъ въ весьма интимномъ общенiи многiя и многiя сотни лѣтъ.

Правда, нахожденiе осетинъ въ чужеродной средѣ В. Ѳ. Миллеру прекрасно было извѣстно, и онъ посильно учитывалъ факты ея влiянiя по отдѣльнымъ лексическимъ случаямъ, но значенiе суммы всѣхъ этихъ извѣстныхъ случаевъ онъ низводилъ почти до нуля, когда онъ писалъ: «Такимъ образомъ осетины окружены со всѣхъ сторонъ племенами, съ которыми не имѣютъ ничего общаго по языку и происхожденiю, а именно: кабардинцами, казаками, ингушами и кистами, пшавами и хевсурами, грузинами, имеретинами и горскими татарами (балкарцами)»[1]. Въ этой формулировкѣ насъ смущаетъ предрѣшенiе вопроса и о происхожденiи осетинъ, когда пока окончательно рѣшенъ или считается окончательно рѣшеннымъ лишь вопросъ объ иранскомъ происхожденiи осетинскаго языка. Затѣмъ, не говоря о способѣ перечня, въ которомъ родовой терминъ «грузинъ» разсматривается въ одной плоскости съ видовыми — «пшавами, хевсурами» и «имеретинами»[2], само утвержденiе «не имѣетъ ничего общаго» могло бы быть произнесено съ правомъ на это, когда была бы взята на соотвѣтствующей важности вопроса глубинѣ природа отношенiй къ осетинскому всѣхъ окружающихъ его языковъ. Между тѣмъ вовсе не названъ главный изъ подлинныхъ сосѣдей осетинъ, пожалуй, болѣе важный для возбуждающагося вопроса, чѣмъ грузинскiй народъ, именно сваны. Да и грузинскiе элементы въ осетинскомъ далеко не всѣ выяснены, даже одни лексическiе. Когда у осетинъ общи съ грузинами термины, используемые В. Ѳ. Миллеромъ для весьма чреватыхъ послѣдствiями сопоставленiй, слѣдовало бы хорошо освѣдомиться о степени поддержки того или иного объясненiя и грузинскимъ. Такъ, названiе *великановъ* gumïr-ı В. Ѳ. Миллеръ сближаетъ, съ одной стороны, съ понынѣ неопредѣленными «киммерiйцами» (Κιμμέριοι), библейскимъ Gomer'омъ и т. п.[3]. По этому затронутому вопросу въ кавказской этнической номенклатурѣ, дѣйствительно, имѣются рѣшающiя данныя,

[1] *ОЭ*, III, стр. 6.

[2] Кстати, имеретинъ можно признать сосѣдями осетинъ при использованiи этническаго термина ı-mer-ı по народной этимологiи въ смыслѣ ımer-ı *по ту сторонний*, «находящiйся за-перевалом Лихскимъ», въ противоположность книжно сочиненнаго amer-ı вм. amer-ı *по сю сторонний*, или съ точки зрѣнiя тифлисскихъ мокалаковъ (гражданъ), у которыхъ принято было въ быту — всѣхъ изъ западной Грузiи, изъ нанимающихся въ лакеи и повара, въ числѣ ихъ и гурiйцевъ, и рачинцевъ, и мегреловъ, считать и называть имеретинами (ımer-el), тогда какъ переводимый словомъ «имеретинъ» терминъ ımer-el есть такое же видовое племенное названiе, какъ gurı-el (въ первоначальномъ его значенiи вм. нынѣшняго gur-ul) *гурiецъ*, megr-el и т. п. съ совершенно опредѣленными предѣлами своего этнографическаго бытiя, и этнографамъ, тѣмъ болѣе лингвистамъ надо считаться съ этими предѣлами.

[3] I, стр. 125, прим. 80. Это отожествленiе постепенно стало общимъ мѣстомъ.

но прежде чѣмъ возлагать бремя отвѣтственнаго рѣшенія по тому же вопросу на осетинское слово gumīr *великанъ*, *исполинъ*, надо знать его грузинскій двойникъ — gmır-ı, восходящій къ прототипу *gomēr > gumīr, resp. *gamēr > gamīr, и его дѣйствительно семитическій эквивалентъ изъ парицательныхъ именъ[1]. Въ грузинскомъ это народный эпическій терминъ. И онъ съ особой яркостью и насточивостью появляется у того, кто изъ грузинскихъ писателей ближе всѣхъ стоялъ къ народу своимъ творчествомъ[2], и появляется онъ въ той или иной формѣ степени сравненія (ср. въ осетинскомъ сравнительную степень gumīrıdăr), такъ, напримѣръ, описательно, конструкціею съ р. падежомъ мн. числа, — gmırϑa gmır-ı, въ переводѣ Шаh нāмэ [3].

Точно также, когда В. Ѳ. Миллеръ объяснялъ[4] названіе «святилища Мукалугăбуртӑ [Məqalə-Găbər-ϑă], остатка христіанской церкви, построенной нѣкогда во имя св. Николая Чудотворца», слѣдовало вспомнить о ближайшихъ сосѣдяхъ осетинъ, сванахъ, и не ограничиваться указаніемъ, что названіе Θarandăl-os («Тăрапџăлос»)[5] *Таранджелосъ*[6] «взято съ грузинскаго, означающаго *архангела*». Надо знать, что святыня Θarandăl-os *Таранджелосъ* реально роднится ближайше, не смотря на его греческое окончаніе -os, не съ грузинскимъ mϑavar-angel-os-ı > mϑavar-angel-oz-ı, а со сванскимъ ϑārıngzel и его многочисленными разновидностями, какъ то — ϑarəngzel, ϑarıgzel, ϑārgdel, ϑārıdel > ϑārdel и т. п., часто въ формѣ мн. числа — ϑārıngzel-ar, ϑarəngzel-ar, ϑārgdel-ar, ϑarıgzel-ar и т. п., смотря по нарѣчію или говору. И это мн. число въ данномъ случаѣ важно лишь потому, что, насколько дѣло касается христіанской легенды, наросшей на мѣстный языческій культъ, рѣчь идетъ собственно не объ одномъ архангелѣ, а о двухъ — Михаилѣ и Гавріилѣ, по-грузински — Mıqel-Gabrıel, по-свански — также Mıqel-Gabrıel, когда называются оба, напр. по-лāшхски — Mıqel Gabrıel ϑārıgzel (мн. ϑārıgzel-ar) «архангелы Михаилъ и Гавріилъ»; когда же называется одинъ Михаилъ, вм. Mıqel по-свански гласитъ Mıqyam (< Mıqam), Məqem; сванская форма Mıqyam встрѣчается и у мегреловъ въ составѣ Mıqam-gaıı0, понимаемаго, судя по переводу І. А. Кипшидзе, въ смыслѣ *Михаила-архангела*[7], тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно означаетъ, если ограничиваться втолкованнымъ въ него христіанскимъ пониманіемъ,

[1] Вопросъ освѣщается въ работѣ, въ качествѣ предварительнаго сообщенія прочитанной мною въ Восточномъ Отдѣленіи Русскаго Археологическаго Общества (17 октября 1918 г.) подъ заглавіемъ: «Правда и вымыселъ, быль и небылица, и герой грузинскаго народа Вахтангъ Горгасалъ».

[2] Н. Марръ, *Вступительныя и заключительныя строфы витязя въ барсовой кожѣ Шоты изъ Рустава* (СПб. 1910, стр. XVI—XVII).

[3] Rostomıanı, изд. И. Абуладзе, 115,1: gmırϑa gmırısa.

[4] I, стр. 120—121, прим. 26.

[5] I, стр. 26,12.

[6] ц. с., стр. 27,13.

[7] *ГМ*, s. v.

«Михаилъ-Гавріилъ»: терминъ сложенъ какъ бы изъ двухъ именъ — Mıqam *Михаилъ* и Garı-o (< Gabrı-o || Gabrı-el) *Гавріилъ*[1]. Разумѣется, передачу обоихъ архангельскихъ именъ по-грузински — Mıqel-Gabrıel, по-мегрельски — Mıqam-Garı-o, вм. Mıqam-Gabrı-o[2], и имѣемъ въ осетинскомъ Məqal-gắbər-ϑắ, стоящемъ во мн. числѣ такъ же, какъ то, мы уже видѣли, употребляется въ сванскомъ во мн. на -ar || -al или, какъ то могло бы быть у грузинъ, у нихъ уже въ сродной формѣ древнелитературнаго мн. числа на -ϑa, что имѣетъ свои разновидности и въ сванскомъ (-da) и въ другихъ горскихъ яфетическихъ языкахъ; да и для осетинскаго образованія мн. числа отнюдь не лишена значенія эта именно форма — Mıqel-Gabrıel-ϑa. Очевидно, при знакомствѣ съ положеніемъ вещей въ дѣйствительности В. Ѳ. Миллеръ не написалъ бы слѣдующихъ строкъ въ объясненіе осетинскаго эквивалента Məqal-gắbvr-ϑắ («Мvкал-гắбəр-тắ»): «Вторая часть сложенія — гắбvртắ можетъ быть ќабvрта — бугры, конусы, утесы на горѣ; въ первой части — имя Николая». Объясненіе, идущее изъ-подъ пера первокласнаго нашего ираниста, и сейчасъ сохраняетъ показательное значеніе въ томъ смыслѣ, что никакія отвлеченно-теоретическія знанія не спасутъ ученаго отъ рискованныхъ утвержденій, если онъ не будетъ считаться съ живой средой интересующихъ его матеріаловъ, если, напр., въ толкованіи осетинскаго языка будетъ руководствоваться односторонне иранской народной психологіею и даже русской (см. Микола или былинный Микула вм. Николай) больше, чѣмъ кавказской, какъ общей — яфетической, такъ ея частными проявленіями, смотря по народу и племени, по языку, нарѣчію и говору. Для подхода къ реальному толкованію христіанскаго термина въ пережиточномъ языческомъ воспріятіи также потребуется вниманіе къ окружающей средѣ. У сванов ϑqekım angeloz «*ангелъ* охоты» — богъ охоты Aφsat, тотъ самый Aφsat[3],

[1] Объ исчезновеніи b передъ r въ мегрельскомъ см. А. Цагарели, *МЭ*, § 22, г, β, I. Кипшидзе, ц. с., § 3, h. Появленіе o вм. el въ Ga⌈b⌉rı-o свидѣтельствуетъ о народно-этимологическомъ воспріятіи еврейскаго слова el, точно грузинскаго суффикса -el, ср. въ грузинскомъ вм. beğ-o beğ-el *амбаръ*.

[2] Само составное Mıqam-Garıo сокращается еще въ M-garı-o, если держаться и далѣе все того же христіанскаго толкованія, повидимому, независимаго языческаго термина, и отъ этой какъ бы стянутой разновидности и происходитъ, съ грузинскимъ префиксомъ sa-, м. sa-m-garı-o (молитвенные обряды, культъ) *въ честь Михаила и Гавріила*, а не одного «Михаила архангела». Съ тѣмъ же грузинскимъ префиксомъ мегрельская разновидность появляется у свановъ, внѣдрившись въ сванскую рѣчь черезъ лентехскій говоръ съ лентехской мутуаціею въ формахъ — sa-m-kar *иконостасъ*, собственно «мѣсто культа Михаила и Гавріила» (діалектически sa-m-kyar и др.), sa-m-karyan «названіе одной лентехской иконы (Богородицы)». Слѣдовательно, въ составѣ термина вовсе нѣтъ грузинскаго числительнаго sam *три*, а грузинскій префиксъ sa-, какъ съ другой стороны въ св. or-karıan, «названіи лентехской иконы Богородицы», начальный слогъ or- не грузинское числительное or-ı *два*, а мегрельскій префиксъ o-, равнозначущій грузинскому префиксу sa- съ плавнымъ r, нарастающимъ передъ заднеязычнымъ k.

[3] И. А. Джаваховъ, ქართველ ერის ისტორია, I, стр. 142 по моей статьѣ: *Ѳрако-армянскій Sabadıos aswat и сванское божество охоты*, стр. 820—830.

котораго, съ преображеннымъ въ Avsatı именемъ, находимъ и у осетинъ[1].

Общность религiозной жизни идетъ настолько далеко, что захватываетъ на нынѣшней стадiи развитiя многiя стороны духовнаго быта. «Пѣвцы, которые поютъ былины о нартахъ», народныхъ герояхъ сѣверно-кавказскихъ народовъ, не однихъ осетинъ, у послѣднихъ называются qadǟǥanǟg[2].

Основа этого термина — qad-ag, пережитокъ яфетическаго культурнаго мiра, именно въ области религiозной, въ связи съ культомъ бога Халда > Хата[3]. Этотъ пережитокъ въ грузинскомъ наличенъ въ двухъ разновидностяхъ: одна разновидность, съ утратой заднеязычнаго g въ паузѣ, — qad-a въ значенiи *сдобнаго печенья*, первоначально культоваго[4], другая — въ полной формѣ qad-ag въ значенiи *прорицатель (-ѣница), глашатай, проповѣдникъ, поучатель*, а также «проповѣдь» и т. п.[5]. Въ словаряхъ по обыкновенiю эти значенiя перечисляются въ обратномъ порядкѣ, такъ какъ лексикографы исходятъ изъ употребленiя въ письменной литературѣ, гдѣ основнымъ понятiемъ, выражаемымъ терминомъ, представляется «проповѣдникъ», «проповѣдь». Что же касается народной рѣчи, то основное значенiе «пророкъ», «прорицатель (-ница)» въ ней сохраняется преимущественно, если не исключительно, такъ особенно — въ средѣ горцевъ, въ частности — пшавовъ и хевсуровъ, сосѣдящихъ съ осетинами. Въ связи съ культомъ q̇at'a (< q̇ald'a) на грузинскомъ языкѣ есть выраженiе: «падать qad-ag'омъ». У хевсуровъ въ сохранившемся до днесь культѣ хат'а дэканозъ «падаетъ кадагомъ и начинаетъ пророчествовать»[6].

Вахуштъ, какъ географъ, ближе стоящiй къ этнографическимъ слоямъ населенiя и въ связи съ этимъ къ этнологическимъ научнымъ интересамъ, также даетъ свидѣтельство о томъ, что qadag значитъ *пророкъ*, когда, напр., онъ о пшавахъ и хевсурахъ пишетъ[7]: «они — съ вѣрой и языкомъ грузинскими, но унованiе у нихъ на qadag'а, который выступаетъ человѣкомъ, внѣ сознанiя (uϑeb) и какъ бы одержимый бѣсомъ, и вѣщаетъ много вмѣсто

---

[1] См стр. 2078. Объ употребленiи христiанскаго термина angeloz и у грузинъ въ качествѣ названiй пережиточныхъ боговъ яфетической миѳологiи см. И. А. Джаваховъ, ქართველ ერის ისტორია, стр. 134—135 (saq̇hs angeloz-ı «ангелъ дома», gorıs angeloz-ı «ангелъ горы»), 138 (muq̇ıs angeloz-ı «ангелъ дуба»).

[2] В. Миллеръ, *ОЭ*, II, стр. 273.

[3] Н. Марръ, *О религiозныхъ вѣрованiяхъ абхазовъ* (Къ вопросу объ яфетическомъ культѣ и миѳологiи), ХВ, IV, стр. 125—126.

[4] ц. с., стр. 127.

[5] ц. с., ц. м., и въ дополненiе того же положенiя и по случаю арм. слова qat-ak, Н. Марръ, *Еще о терминѣ* სახე q̇at-ı *образъ, подобiе* (ХВ, IV, стр. 313—314).

[6] Р. Эристовъ, *О тушино-пшаво-хевсурскомъ округѣ* (Зап. КОРГО, кн. III, 1855, стр. 102—103), К. Урбнелъ, (Иверiя 1886, № 267, 268), И. Джаваховъ, ქ. ერის ისტორია, стр. 111.

[7] Изд. Brosset, стр. 198; во французскомъ переводѣ скраденъ терминъ qadag. Мѣсто обсуждается и И. А. Джаваховымъ, ц. с., стр. 111, по тифлисскому изданiю.

св. Георгія, и что онъ скажетъ, они одобряютъ и признаютъ болѣе, чѣмъ истину». У свановъ qad-ăg отмѣчаютъ со значеніемъ *проповѣди*, въ какомъ значеніи записано оно и у меня въ формѣ qad-ag какъ наличное въ Цхенис-цхальской Сваніи, именно въ Лāшхѣ, Чолурѣ и Лентехѣ [1]. Въ Мегреліи qadag прежде всего «прорицатель», потомъ «проповѣдникъ»; извѣстенъ Суджунскій qadag: въ день храмового праздника св. Георгія въ селѣ Суджунѣ онъ выступалъ ежегодно и предсказывалъ судьбу страны на цѣлый годъ [2]. Общность религіознаго быта отражается и на составѣ, если и не на формахъ, предметовъ матеріальной культуры, часто на ихъ названіяхъ.

Но прежде всего важно установить и признать эту общность явленій этнографическаго порядка у осетинъ съ яфетидами, независимо отъ того, тождественны ли названія такихъ явленій и, если тождественны, яфетическаго ли они или не-яфетическаго происхожденія. Такъ, напр., нельзя не отмѣтить, что осетинскія представленія о богахъ и ихъ культъ [3] воспроизводятъ религіозныя вѣрованія свановъ, абхазовъ и черкесовъ; особенно интересно представленіе осетинъ о долевомъ богѣ [4], наблюдаемое въ сильномъ развитіи у абхазовъ. И потому при обсужденіи осетинскихъ ċвятыхъ (патроновъ, духовъ-покровителей) или мѣстъ культа, обозначаемыхъ словомъ ďwar, существенно важно не только отмѣтить общность его съ грузинскимъ др. ḍuar > ḍwar, нов. ḍvar, но и учесть реальное грузинское народное представленіе о немъ, какъ о культовомъ терминѣ.

Лингвистическія же сопоставленія помогли бы уясненію реалій, болѣе точному пониманію терминовъ и ихъ соотвѣтственному переводу и тогда, когда каждый изъ народовъ съ общимъ сопоставляемымъ культовымъ явленіемъ имѣетъ свое независимое для него названіе, какъ, напр., «разговѣніе», у осетинъ обозначаемое qomwaďăn (д. qūwaďăn) — словомъ, въ противоположность qombădəăn *связыванію рта*, *заговѣнію*, обозначающимъ не «*отпусканіе* рта», какъ переводилъ В. Ө. Миллеръ [4], а «*развязываніе* || *раскрытіе* рта», какъ то наблюдаемъ и у грузинъ на тождественномъ народномъ терминѣ piris-gaqsna *развязывать ротъ* въ значеніи *разговѣнія*.

Дѣло не въ формальномъ яфетидизмѣ, когда рѣчь о такомъ явно неяфетическомъ по языку, по первымъ бросающимся въ глаза языковымъ явленіямъ народѣ, какъ осетины, вопросъ не въ томъ, яфетическаго ли или аріо-европейскаго происхожденія тотъ или иной терминъ, а въ томъ,

---

[1] По моимъ наблюденіямъ въ Ингурской Сваніи, ни въ восточной или Вольной, ни въ западной, такъ называемой Княжеской, во всякомъ случаѣ ни въ Ушкулѣ, ни въ Халдахъ, ни въ Ипарѣ, ни Эцерѣ, ни въ Парѣ, ни въ Тavrарѣ, ни въ Лахамулѣ его вовсе нѣтъ.

[2] А. Цагарели, *МЭ*, I, стр. 66. Кипшидзе, *ГМ*, стр. 341, s. v. A. А. Цагарели къ этому свѣдѣнію, сообщенному ему мѣстными людьми, относится какъ-то съ недовѣріемъ.

[3] В. Ө. Миллеръ, *ОЭ*, I, стр. 239 сл.

[4] ц. с., стр. 240.

что у слова, напр. bındǐ-ı *муха*, *пчела* на основаніи яфетическаго языкознанія вскрывается многочисленная родня въ языкахъ яфетическаго или яфетидоиднаго міра: bıdǐ-ı, resp. съ наращеніемъ носового звука — bındǐ-ı представляетъ съ подъемомъ z > ď основу bız, отъ которой св. bız-ık (м) *оса*, bz-ık (у, шх, тх) id., г. bz-ık (Им. bz-ık-ı) id., причемъ въ ı имѣемъ позднѣйшій перебой первоначальнаго u основы buz: г. buz-ı *муха*, г. bz-uk-un-a *жужжащая* муха, г. bz-u⌜v⌝-ıl-ı *жужжаніе*, г. buza-mkal-ı > buza-nkal-ı Чб «врухъ, родъ безкрылой стрекозы; оводъ, муха», Эр еще buz-al-ak-ı, всѣ три, «слѣпень бычачій»; отъ этой основы — св. buz-ūl (шх, хл) *муха*, *пчела* (въ значеніи *пчелы* обыкновенно съ опредѣленіемъ 'изъ слова, означающаго «улей»: lağwba buzūl, ğobı buzūl, ğwebı buzūl тх), ч̊. ma-buz-ul-e видъ маленькой птички[1]; имѣется основа и по шипящей группѣ — muȷ, но изъ языковъ этой группы ее обнаруживаетъ, по существующимъ наблюденіямъ, только чанскій — mȷ-u⌜r⌝ȷ-ı *шмель*, да и въ немъ съ исчезновеніемъ огласовки или съ переходомъ ȷ въ z по дифференціаціи — mz-ud̂ < *muȷ-ur), но въ языкахъ Арменіи эта именно разновидность налична въ словахъ məȷ-ık (< *muȷ-ık), məȷ-eḷ-ən || meȷ-eğ > məȷ-eq̇ || məȷ-ıq̇ (< *moȷ-eğ) и второобразномъ məȷ-əğ-uk, означающихъ одинаково «мошка», «комаръ» и т. п. Имѣемъ въ языкахъ Арменіи, какъ вкладъ hайскаго и съ перерожденіемъ ȷ въ свистящій z въ разновидностяхъ — bəz-eyz (< -ez-ı) || bəz-ız *жукъ*, bəz-əz-al *жужжать*[2] и т. п. Кстати, когда въ легендѣ о происхожденіи пчелы вмѣсто пчелы въ русскомъ изводѣ появляется муха[3], то надо считаться съ соотвѣтственной для такой подмѣны лингвистической средой[4].

Вѣдь вопросъ также не объ однихъ грузинахъ или хотя бы сванахъ, и не объ однихъ словахъ и терминахъ, а о всемъ духовномъ складѣ осетинъ, какъ входящихъ съ требующей еще болѣе точнаго установленія, но все-таки весьма давней эпохи въ составъ кавказскаго населенія и раздѣляющихъ съ нимъ особенности мѣстной кавказской народной психологіи до степени выраженія ея и въ родной рѣчи, въ ея фонетическихъ, морфологическихъ и особенно въ семасическихъ и синтаксическихъ особенностяхъ. Даже если бы это была простая аналогія, и то было бы интересно отмѣтить, что какъ «въ дигорскомъ (нарѣчіи осетинскаго языка) весьма свободно

---

[1] См. Н. Марръ, *ЧГ*, s. v.

[2] Разъясненіе связи bzeyz (вульг. bzēz > bzez) съ сир. [illegible] (Н. Марръ, *Сборники притчъ Вардана*, I, § 415, стр. 412, прим. 1) нынѣ требуетъ пересмотра. Яфетическій матеріалъ нами далеко не исчерпанъ.

[3] А. Веселовскій, *Разысканія*, стр. 368, доп. къ стр. 96.

[4] Въ виду значенія Кавказа, какъ связи, за одно съ Крымомъ и европейской Турціею, между узкой полосой распространенія пчелы по Азіи и Европой (Ѳ. Кеппенъ, *Матеріалы къ вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ индо-европейскаго племени*, ЖМНП, 1886, Декабрь, стр. 237, см. также Fr. Th. Köppen, *Bibliotheca Zoologica Rossica*, II, стр. 35), сличаемое слово можетъ представить и свой собственный интересъ какъ терминъ пчеловодства.

между глаголомъ и предложной приставкой вставляется дополненіе»[1], такъ обстоитъ дѣло въ сванскомъ и въ древнелитературномъ языкѣ грузинъ, а также пережиточно и въ средневѣковой литературной рѣчи тѣхъ же грузинъ, месхской природы, ярче всего у поэта Шоты изъ Рустава, месха, т. е. въ разновидностяхъ грузинскаго литературнаго языка, находящихся въ особо генетически интимныхъ отношеніяхъ со сванскимъ. Вѣдь это и подобныя ему явленія важны не только для общаго вопроса объ осетинскомъ, но и для опредѣленія его нарѣчій и говоровъ и для правильной ихъ характеристики.

Можетъ оказаться, да, по всей видимости, это такъ и есть, что въ извѣстной мѣрѣ на каждое изъ главныхъ нарѣчій и говоровъ осетинскаго языка вліяла сосѣдящая яфетическая группа. И независимо отъ вопроса вообще о вліяющей сторонѣ, вѣдь не менѣе интересно имѣть представленіе о степени вліянія именно осетинской рѣчи на сосѣднія. Само дѣленіе этой рѣчи на ир⌜он⌝-ское и дигорское нарѣчія и туалскій говоръ находится, судя по всему, въ нѣкоторой зависимости отъ первоначальнаго состава этнической среды, въ которую внѣдрился аріоевропейскій языкъ, па Кавказѣ все таки пришлый, какъ бы давно онъ ни былъ занесенъ, все таки не-коренной мѣстный, хотя и иранскій или именно потому, что онъ иранскій. Названія трехъ группъ «ирская» или «иронская», «дигорская» или «дигоронская» и «туалская» говорятъ о троичности мѣстной до-иранской этнической подосновы, поскольку въ опредѣляющихъ эти группы эпитетахъ имѣемъ этническіе термины яфетическаго происхожденія, въ названіи «дигор» форму мн. числа плавнаго типа съ наращеніемъ суффикса -or > -ur на основу со срошимся съ нею показателемъ множественности g: dı+g-or || də+g-ur[2].

Въ томъ и другомъ отношеніи важна соотвѣтственная классификація матеріаловъ, освѣщающихъ взаимоотношенія осетинской рѣчи съ яфетическими языками. И въ первую очередь матеріалы эти слѣдовало бы распредѣлить по группамъ, характеризующимъ взаимоотношенія чечено-осетинскія, черкесо-осетинскія, точнѣе а-диге-осетинскія, свано-осетинскія и грузино-осетинскія.

Было бы однако большимъ недоразумѣніемъ предполагать, что нынѣшними сосѣдствами вполнѣ исчерпывается тотъ кругъ яфетическихъ народовъ, который окаймлялъ осетинъ и въ древности и находился въ непосредственномъ съ ними общеніи.

---

[1] *ОЭ*, I, стр. 130, прим. 149.

[2] Анализъ этого этническаго термина внесенъ въ печатающуюся работу мою *Племенной составъ населенія Кавказа*, въ очередномъ выпускѣ Извѣстій Коммиссіи по изученію племенного состава населенія Россіи.

Картина древняго разселенія племенъ на Кавказѣ значительно иная, чѣмъ то представляется нынѣ, особенно когда интересъ нашъ не ограничивается политическими или культурно-историческими дѣленіями и заходитъ въ этническую реальность за названіями, иногда ничего не опредѣляющими сами собою или объемлющими совершенно иное содержаніе. Въ частности, вопросъ о картвелахъ-грузинахъ только теперь разъясняется въ отношеніи территоріи ихъ первоначальнаго разселенія на Кавказѣ и степени сосѣдства съ осетинами; да еще вопросъ, къ чему пріобщались осетины у картвеловъ того времени, къ особенностямъ грузинской ли рѣчи, вообще языка свистящей группы сибилянтной вѣтви яфетическихъ языковъ, или лезгинской. Законъ о перерожденіи въ паузѣ m въ n въ дигорскомъ нарѣчіи и нѣкоторыя другія явленія также подсказываютъ мысль о непосредственномъ сосѣдскомъ общеніи осетинъ съ лезгинами. Рядъ же другихъ явленій, въ числѣ ихъ и фонетическихъ, напр. исчезновеніе именно n̩, путемъ перерожденія гласныхъ въ носовые, свидѣтельствуетъ о непосредственномъ сосѣдствѣ осетинъ съ чеченами; это сосѣдство впрочемъ и безъ того извѣстно фактически, лишь теоретически не использовано и не разъяснено въ его значеніи для объясненія интимно сродныхъ или общихъ чечено-осетинскихъ языковыхъ явленій, потому и остающихся не освѣщенными.

Особаго вниманія заслуживаетъ черкесскій или дзихскій (адигейскій, адыгейскій) вкладъ въ народный ономастиконъ осетинъ, бытовой или фольклористическій, какъ, напр. Sózrə-k̇o («Сóзрvqo»)[1], Antonik̇o[2] и т. п. имена съ явно адигейскимъ словомъ k̇o *сынъ* въ составѣ.

Однако, въ связи съ этимъ и отдаленные нынѣ отъ осетинъ народы, не одни лезгины, могли быть и дѣйствительно были въ непосредственномъ сосѣдствѣ и во всякомъ случаѣ прямомъ общеніи съ осетинами въ степени, представляющей существенный интересъ для изучающаго гетерогенныя или сродныя сосѣдственныя вліянія на осетинскій языкъ. Полуяфетическіе народы Арменіи, и ḣаи, и армяне, никоимъ образомъ не могутъ быть исключены изъ круга сосѣдившихъ нѣкогда съ осетинами народовъ, и это обстоятельство должно быть учтено между прочимъ въ дальнѣйшемъ выясненіи исторіи термина asḃ-at *богъ* (арм. astowat)[3], имѣющаго свой двойникъ съ перестановкой «сибилянта съ губнымъ» въ «губной съ сибилянтомъ» не только въ сванскомъ[4] въ видѣ aфsad, но и въ осетинскомъ, гдѣ названіе звучитъ A̋vsat-i[5].

---

[1] В. Миллеръ, *ОЭ*, I, стр. 52, сл., см. также стр. 8—9.
[2] В. Миллеръ, *ДС*, IV, стр. 30.
[3] Н. Марръ, *Богъ Σαβάζιος у армянъ* (ИАН, 1911, стр. 759—774).
[4] Н. Марръ, *Ѳрако-армянскій sabadios-aswat и сванское божество охоты* (ИАН, 1912, стр. 827—830). Перемѣщеніе sw > vs, resp. fs представляетъ особенность фонетики абхазскаго языка.
[5] *ОЭ*, II, стр. 244—245. Этимъ наблюденіемъ, кстати, дѣлается еще одинъ шагъ къ болѣе полному и точному установленію предѣловъ распространенія «ѳрако-армянскаго» божества.

Въ плоскости вліянія дальнихъ народовъ особый интересъ представляютъ и иностранныя слова, идущія изъ исторически извѣстныхъ очаговъ той или иной культуры. Между прочимъ названіе субботы sabaϑ[1] могло бы быть истолковано въ пользу нахожденія осетинъ одно время въ полосѣ византійскаго культурнаго вліянія, вмѣстѣ съ мегрелами (sabaton-ı *суббота*) и сванами (sabϑin *суббота*), если бы не природная особенность осетинской рѣчи обращать шипящіе звуки въ свистящіе, почему ос. sabaϑ можетъ быть передачею и восточно-кавказской формы того же слова — шabaϑ, наличной и у армянъ, и у грузинъ (нынѣ шaфaϑ).

Но для темы настоящей статьи особенное значеніе представляетъ вопросъ о непосредственномъ сосѣдствѣ языка шипящей группы, мегрельскаго или ч̆анскаго (лазскаго), съ осетинскимъ, были ли этимъ народомъ, говорившимъ на сибилянтномъ языкѣ успѣвшіе огрузиниться, подъ названіемъ ımer'овъ, древніе иверы, (предположительно, пока на основаніи теоретическихъ лингвистическихъ построеній и лингвистическихъ фактовъ, отожествляемые этнически и лингвистически съ мегрелами), или еще иной народъ, народъ той же группы, но съ инымъ племеннымъ названіемъ или съ иной разновидностью одного изъ тѣхъ же племенныхъ названій. Попутно вопросъ задѣваетъ и исторію возникновенія сванскаго языка, гибриднаго, однимъ изъ двухъ основныхъ слоевъ котораго является, какъ извѣстно, языкъ шипящей группы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о ч̆анахъ (лазахъ), носящихъ со сванами племенное названіе одного происхожденія и говорящихъ также на языкѣ шипящей группы.

Такая широкая постановка вопроса о сосѣдствѣ народа, говорившаго языкомъ шипящей группы, съ осетинами необходима на случай, когда оказался бы между ними цѣлый комплексъ языковыхъ взаимоотношеній, исключающихъ путь дальней миграціи ихъ или случайнаго заимствованія, а не тогда, когда рѣчь идетъ объ отдѣльномъ словѣ, какъ въ данномъ случаѣ.

Слово фaqonď-ı могло передаться осетинамъ черезъ свановъ и въ качествѣ названія, забредшаго къ нимъ также случайно. Оно, дѣйствительно, существуетъ у свановъ.

Осетины пользуются этимъ словомъ въ двухъ разновидностяхъ. Одна изъ нихъ — фaqonď-ı встрѣчается въ сказкѣ *Амиранъ, Бадри и Мусырби*[2]. Какъ въ арабскомъ словѣ badr *луна*, прошедшемъ въ качествѣ личнаго имени героя черезъ грузинскую книжную повѣствовательную литературу и получившемъ въ грузинской языковой средѣ именное окончаніе -ı, собственно гласный характеръ Им. падежа — Badr-ı, такъ въ фaqonď-ı

[1] *ДС*, стр. 141,76.
[2] *ОЭ*, I, стр. 64,11, 22, 22, 28, 34, 66,1 5, 9, 18, 68,6.

налицо тотъ же характеръ Им. падежа, присущій по природѣ грузинскому, но по давнишнему усвоенію и языкамъ шипящей группы, мегрельскому и ҷанскому, послѣднимъ вм. звука е. В. Ѳ. Миллеръ, издавшій эту сказку въ качествѣ текста на ир[г]он[ı]скомъ нарѣчіи, даетъ къ нему слѣдующее разъясненіе: «Пакондi — по объясненію разсказчика, существо выше людей, но ниже ангеловъ. Онъ живетъ на небѣ и служитъ разсыльнымъ у божества»[1]. Слово появляется и въ другой версіи того же народнаго произведенія, *Сказаніи о Дарезановыхъ*[2], записанномъ въ Садонѣ, слѣдовательно, на нарѣчіи ир[г]он[ı]скомъ или тагаурскомъ, и звучитъ оно здѣсь фasqond-ı. В. Ѳ. Миллеръ отмѣтилъ въ примѣчаніи, что фasqond-ı соотвѣтствуетъ фaqond̆-ı[3]. Изъ Введенія, на которое В. Ѳ. Миллеръ ссылается въ томъ же примѣчаніи, узнаемъ, что «Сказанія объ Амиранѣ изъ рода Даредзановыхъ вѣроятно зашли къ осетинамъ изъ Грузіи. Ср. средневѣковый грузинскій романъ—Amiran Daredjaniani, о которомъ сообщилъ нѣкоторыя свѣдѣнія академикъ Броссе въ Bull. Scient.... T. III, 1838, p. 7 и слѣд.».

Средневѣковая героическая повѣсть (а не «романъ», какъ было выражено Броссе и повторялось всѣми нами, и грузиновѣдами) Amirandareḓaniani (< Amir-andar-e-ḓahān-ian-i), книжно-литературное произведеніе съ персидской національной тенденціею, вліяла лишь на формы народнаго сказанія, не на сущность[4], и въ этой части популярная средневѣковая книжная повѣсть, несомнѣнно, повліяла на народное творчество грузинъ и сосѣднихъ кавказскихъ народовъ. Но не надо преувеличивать значенія книжныхъ памятниковъ. Въ послѣднее время у меня возникаютъ сомнѣнія относительно самой книжной повѣсти Amirandareḓaniani: не находился ли авторъ грузинской версіи повѣсти, не смотря на персидскую національную ея тенденцію и признаки персидскаго ея происхожденія, подъ вліяніемъ ходившихъ въ грузинскомъ населеніи излюбленныхъ народныхъ героическихъ сказаній. Потому сейчасъ повергаетъ меня въ смущеніе то, что раньше во мнѣ вызвало бы полное удовлетвореніе, какъ безукоризненно точное, приближающееся къ реальности выраженіе научно состоятельной мысли о памятникахъ средневѣковой грузинской свѣтской литературы, напр. слѣдующая ихъ характеристика, принадлежащая перу I. И. Абуладзе, издателя грузинскихъ версій *Книги царей:* «образцы нашей [грузинской] свѣтской литературы, въ основѣ которыхъ лежитъ то или иное свѣтское ска-

[1] *ОЭ*, I, стр. 126, прим. 96.
[2] *ОЭ*, I, стр. 146, з 4 et pass.
[3] *ОЭ*, I, стр. 161, прим. 15.
[4] Н. Марръ, *Персидская національная тенденція въ грузинскомъ романѣ «Амирандареджаніани»*, ЖМНП, 1897, мартъ, стр. 352—365.

заніе, — даже такіе, подобнаго которымъ мы не находимъ въ персидской литературѣ,—явно свидѣтельствуютъ, что ихъ источникъ чисто иранскій» [1].

Несомнѣнно въ такихъ произведеніяхъ есть явныя показанія и многочисленныя отложенія иранскаго вліянія, но приняты ли нами научно-изслѣдовательскія мѣры, чтобы впечатлѣнія этихъ явныхъ оказательствъ иранизма не затемнили окончательно тѣхъ, допустимъ, немногочисленныхъ элементовъ народнаго творчества, по содержанію или по формѣ, которые такъ или иначе пробивали себѣ путь даже въ повѣствовательные памятники грузинской духовной литературы? Вѣдь тѣмъ болѣе могли они имѣть тенденцію и возможность влиться свѣжей струей въ средневѣковую художественную, вообще свѣтскую литературу.

Во всякомъ случаѣ народное сказаніе объ Амиранѣ [2] имѣетъ особую мѣстную кавказскую исторію, если отвлечься отъ его связи съ народнымъ эпосомъ дальняго юга Арменіи о Мхерѣ (Məher) [3], и въ Грузію оно могло попасть и изъ той или иной племенной среды съ культомъ кузницы, напр., абхазской, черезъ свановъ и даже осетинъ, а не обратно — «къ осетинамъ изъ Грузіи». Сама осетинская сказка *Амиранъ*, *Бадри*, *Мусырби* имѣетъ связи съ западно-кавказской народной литературой: одно изъ ея главныхъ дѣйствующихъ лицъ — Musərbı — у мегреловъ является героемъ самостоятельной сказки. Онъ по-мегрельски называется Muzarbıı [4].

Во всякомъ случаѣ о нашемъ φaqonď-ı, какъ и φasqond-ı ни слова нѣтъ въ книжной грузинской повѣсти. Выяснить фигуру этого существа мы можемъ лишь по народной литературѣ кавказскихъ народовъ и племенъ, въ частности и по осетинскимъ сказкамъ.

По осетинскому сказанію о Даредзановыхъ φasqond-ı—семиглавое [5], крылатое существо [6]; по ир⌜он⌝ской редакціи сказанія, озаглавленнаго *Амиранъ, Бадри и Мусырби*, у него есть когти: онъ спускается съ неба, запу-

[1] შაჰნამეს ანუ მეფეთა წიგნის ვერსიები, стр. XXXII.

[2] Народность и реальная естественность существованія имени Amıran, а не книжность и искусственность его выдѣленія изъ Amır-andare-dan-ıanı подтверждается и тѣмъ, что имя героя вошло въ географическую номенклатуру Грузіи: Вахуштъ называетъ гору Амирана (Amıranıs gora) на южномъ берегу Куры, выше Ахал-калака.

[3] Въ этомъ вопросѣ мы формально сходимся съ И. А. Джаваховымъ, поскольку онъ отожествляетъ a-mır-an не только съ арм. məher, но и съ Miϑra, возстановляя въ параллель ему a-mıϑran (ქართველი ერის ისტორია, I, стр. 159), но расходимся по существу, въ этотъ разъ въ обратномъ направленіи, поскольку въ mır, resp. mihr, основѣ a-mır-an'a, имѣю основаніе усматривать и усматриваю яфетическое слово. При изложеніи фактовъ въ пользу нашего взгляда, естественно, выяснится и отношеніе къ мысли о тожествѣ «арійскаго слова Mitra (Mithra)» и «славянскаго миръ», обосновывавшейся В. Ѳ. Миллеромъ еще въ 1874 г.

[4] I. Кипшидзе, *ГМ*, стр. 85. Musər-bi, какъ Muzar-bıı — составныя имена съ bıı, чит. bıy > bi (< bık, resp. bek), во второй части. Одноименный герой, съ перестановкой частей имени, въ одной изъ нихъ съ перестановкой и согласныхъ zr > rz, Bı-Murza, пользуется популярностью и въ сванской народной словесности. Имя требуетъ осторожнаго выясненія входящихъ въ его составъ элементовъ раньше, чѣмъ рѣшать его судьбу на не-яфетической почвѣ, въ этотъ разъ, — турецкой.

[5] *ЭО*, I, стр. 146.4.

[6] ц. м.: «Пасконди улетѣлъ на небо».

скаетъ въ Мусырби когти и тащитъ человѣка на небо [1]; ходитъ только ночью [2]; упоминается мать [3].

У свановъ терминъ нахожу въ записанной мною еще въ 1912-мъ году сказкѣ, гдѣ герой Бежанъ говоритъ: «иного пути побѣдить меня нѣтъ — въ кожанномъ мѣшкѣ на поясѣ у меня имѣется ремень φaysgud̯-a; кто затянетъ меня имъ, тотъ мой побѣдитель» [4].

На вопросъ, что значитъ слово φaısgud̯ı, разсказчикъ и присутствовавшіе затруднились отвѣтить: «ремень, значитъ, *очень крѣпкій*», могли они лишь пояснить.

Ясное дѣло, что его дѣйствительное значеніе теперь можно установить путемъ лишь прежде всего непосредственнаго изученія сванской народной литературы, особенно сванскихъ сказокъ и живой старины свановъ.

Въ связи съ потерею смысла реальнаго значенія термина сваны, казалось, отъ себя допустили и фонетическое искаженіе въ немъ, излишекъ ı — φaısgud̯, какъ вкладъ эпентезиса, повтореніе внутри слова именного окончанія ı: φasgud̯-ı > φaysgud̆, resp. φaısgud̯-ı, но на самомъ дѣлѣ излишній на поверхностный взглядъ въ сванскомъ словѣ звукъ «y» есть передача, собственно позднѣйшее паденіе звука r, нароста передъ свистящими и шипящими согласными, обычнаго въ сибилянтныхъ яфетическихъ языкахъ, а оттуда, напр., въ языкахъ Арменіи, даже въ һайскомъ [5]. Въ грузинскомъ съ этого рода плавнымъ r имѣемъ дѣло въ основѣ самого слова varskulav-ı *звѣзда*. Въ отношеніи паденія r въ «y» иллюстраціи не разъ приводились мною по армянскимъ матеріаламъ, сроднымъ съ мегрело-ч̂анскими [6], но намъ важнѣе сослаться прямо на мегрельскую рѣчь, гдѣ такое перерожденіе r въ y, по бандзійско-мартвильскому говору, хотя бы при посредничествѣ ḷ || r, самое обычное явленіе, напр. шayvar-ı < шaḷvar-ı || шarvar-ı. Первичный видъ сванской разновидности слова во всякомъ случаѣ *φarskud̯ изъ *φasgud̯.

Сюда же относится г. φaskund̯-ı. Народное значеніе послѣдняго требуетъ особыхъ разысканій по многочисленнымъ грузинскимъ сказкамъ и вообще въ живой старинѣ грузинъ. Толкованіе Орбеліана приспособлено къ представленіямъ образованнаго общества кавказскаго средневѣковья, вѣрнѣе — къ пониманію книжныхъ литературныхъ произведеній соотвѣтственныхъ эпохъ, и развѣ какія либо детали кавказскаго народнаго про-

[1] *ЭО*, I, стр. 65,21-22, см. также 67,6-7.
[2] *ЭО*, I, стр. 67,3-4.
[3] *ЭО*, I, стр. 67.
[4] მიშგვი მეზჭე იშგენ მაშა. ტყავ-ისგა ფაისგუდიშ ისგუჲ მიჩა. იარუა ჩვას ამთიღე, ეჯა ლი მიშგვი მეზჭე.
[5] Посему Barseḷ вм. Baseḷ *Василій*, Marseak вм. Maseak *Масякъ* (Анонимъ въ началѣ Себэоса, стр. 6,25).
[6] Напр. keys-⌈o⌉ || kerd̆-o *половина* въ замѣткѣ *Къ вопросу о ближайшемъ сродствѣ армянскаго языка съ иверскимъ*, стр. 2.

исхожденія проскользнули въ слѣдующее толкованіе грузинскаго лексикографа: «фaskunḓ-ı водится въ Эѳіопіи (Eϑıopıas), тѣломъ похожъ на льва, голова, клювъ, крылья и ноги какъ у орла, онъ пушистый; нѣкоторые изъ нихъ четвероногіе, а нѣкоторые двуногіе; похищаетъ слоновъ, наноситъ вредъ лошадямъ; есть и иного рода, совершенно схожій съ орломъ и весьма крупный»[1].

У Чубинова (во 2-мъ изд.), поясняющаго фaskunḓ-ı словами «ქანჯი [k̇anǯ-ı], грифъ (птица)», одна ссылка на св. Писаніе—*Вт.* 14,13. Въ восточно-кавказской версіи Библіи однако мы его находимъ еще разъ — въ *Лев.* 11,13; правда, въ дошедшихъ до насъ грузинскихъ версіяхъ и доступныхъ намъ ихъ спискахъ мы имѣемъ его лишь во *Вт.* 14,13 — orḃ-ı фaskunḓ-ı da k̇anǯ-ı по тексту Московскаго изданія и по Мцхетскому списку — orḃ-ı фasquḓ-ı da k̇anǯ-ı, такъ какъ книга *Левитъ* отсутствуетъ въ Ошкскомъ спискѣ Библіи, такъ называемомъ Аѳонскомъ, а *Лев.* 11,13 въ наличномъ грузинскомъ чтеніи гласитъ orḃ-ı da k̇anǯı da ďer-ı (O || orḃ-ı, k̇anǯ-ı da ďer-ı M[2]), но именно въ *Лев.* 11,13 мы находимъ нашъ терминъ въ видѣ paskuṭ по армянской версіи, сохранившей только здѣсь это чтеніе древней восточно-кавказской версіи св. Писанія, тогда какъ во *Вт.* 14,13 онъ уже устраненъ и замѣненъ словомъ korṭ[3]. Наличіе слова paskuṭ въ армянскомъ текстѣ Библіи, и именно въ указанномъ лишь мѣстѣ, особо отмѣчается и средневѣковыми армянскими глоссаріями[4]. Отмѣтимъ сейчасъ же, что формы нашего термина въ варіантахъ, пережиткахъ восточно-кавказской версіи, какъ онѣ звучатъ въ чтеніяхъ текстовъ армянскаго — paskuṭ и грузинскаго по Мцхетскому списку—фasquḓ-ı, совершенно совпадаютъ со сванской народной его формой по отсутствію носового нароста при африкатѣ ḓ, resp. въ осетинскомъ ď > d. Расхожденіе армянской, собственно ḣайской разновидности съ грузинской въ отношеніи звонкости послѣдняго согласнаго (ṭ || ḓ) находится въ связи съ мутуаціею, какъ особенностью ḣайской рѣчи (ṭ), при звонкости подлинной формы, въ данномъ случаѣ сванской (ḓ). Это обстоятельство само по себѣ говоритъ о принадлежности термина къ первичному состоянію соотвѣтственныхъ библейскихъ текстовъ, когда мы воспримемъ его въ свѣтѣ исторіи перваго перевода св. Писанія грузинъ, на-

---

[1] Ср. впрочемъ съ распространенной версіею *Армянской Географіи VII-го вѣка*, ниже, стр. 2085. Издатель словаря Орбеліана нашелъ нужнымъ снабдить этотъ текстъ лишь слѣдующимъ примѣчаніемъ: «это изъ миѳологіи, такого звѣря не существуетъ».

[2] Выпиской изъ текста книги *Левитъ* по Мцхетскому списку я не располагаю.

[3] Въ томѣ (I) классическихъ или древнелитературныхъ словъ словаря 1769-го года (Բառգիրք Հայկազեան Լեզուի, Венеція) paskuṭ толкуется такъ: «птица звѣронравная, которая называется korṭ». Не мѣшаетъ отмѣтить, что послѣдній терминъ также имѣется въ грузинскомъ текстѣ въ видѣ kurṭ-ı по Мцх. списку (въ M искаженъ въ kurḃ-ı), но онъ читается въ соотвѣтствіи греч. γύψ *коршунъ* и ḣ. ϑın *коршунъ* наличнаго армянскаго текста.

[4] См. ниже, стр. 2088, прим. 3.

мѣтившейся близости его языка къ мѣшаному типу сванской рѣчи (со⌈н⌉-ме⌈с⌉хской), а также ввиду общности у грузинской версіи съ древнеармянской армянскихъ словъ какъ аріоевропейскаго, такъ и яфетическаго происхожденія.

Словомъ, терминъ—изъ культовыхъ пережиточныхъ словъ древней версіи св. Писанія и у армянъ, и у грузинъ, культовое же значеніе словарныхъ особенностей первоначальнаго перевода св. Писанія начинаетъ насъ занимать со стороны вопроса, насколько это отступленіе отъ библейскихъ лексическихъ нормъ является выраженіемъ лишь стилистическаго явленія, а не извѣстной религіозной потребности народовъ Кавказа, съ большой неохотой разстававшихся съ родными вѣковыми религіозными вѣрованіями, да и не способныхъ разстаться съ ними. Вѣдь дошедшіе до насъ списки Библіи на кавказскихъ языкахъ значительно скрадываютъ этотъ мѣстный колоритъ изложенія. Извѣстный армянскій текстъ *Паралипомена*, изданный Г. А. Халатовымъ, также не можетъ почитаться образчикомъ первоначальнаго состоянія армянской версіи. Въ первоначальномъ текстѣ было, разумѣется, бо́льшее обиліе такихъ мѣстныхъ терминовъ, и эта формальная или стилистическая пестрота, язычеcко-христіанская, внушаетъ мысль о синкретизмѣ религіозныхъ вѣрованій въ той народной средѣ, въ которую вносился свѣтъ Христова ученія. Вѣдь не надо забывать, что на Кавказѣ, особенно въ Арменіи мы находимся въ странѣ съ самимъ древнимъ проявленіемъ манихейскаго синкретизма (объ архонтикахъ въ Арменіи еще въ IV-мъ вѣкѣ есть свидѣтельство отца вселенской церкви). Это страна съ сильнѣйшей закваской манихейскаго синкретизма и въ позднѣйшія эпохи, когда эта религія неоднократно воскресала въ пережиточныхъ формахъ (павликіанство и примыкающія къ нему ученія въ самой Арменіи).

О той же не только архаичности, но, быть можетъ, и инославности, даже «еретичности» термина свидѣтельствуетъ съ одной стороны то, что чтеніе съ нимъ ἅπαξ λεγόμενον и въ грузинскомъ, судя по словарямъ, и въ армянскомъ текстѣ, въ послѣднемъ внѣ всякаго сомнѣнія. Изъ древне-армянскихъ памятниковъ то же слово встрѣчается въ *Географіи*, приписываемой М. Хоренскому, въ памятникѣ, по мнѣнію К. П. Патканова, VII-го вѣка по Р. Х.; въ наличномъ состояніи его текстъ значительно болѣе поздній и въ немъ мѣстами признаки того, что редакторъ обращался съ живой народной средой, но мѣсто съ этимъ словомъ книжнаго происхожденія, т. е. можетъ восходить и къ древнему источнику. Въ большинствѣ списковъ гласитъ оно: *լինի ի Հնդիկս... պասկուճ հաւ водится въ Индіи... птица* paskuṭ[1]. Словомъ, въ данномъ мѣстѣ армянская разновидность пред-

[1] Whistonii, *Mosis Chorenensis Historiae Armeniacae* libri III... accedit ejusdem scriptoris *Epitome Geographiae*, Londini 1736, стр. 366, М. Хоренскій, собр. соч., Венеція 1865, стр. 645,

ставляетъ или книжный архаизмъ, или позднѣйшій народный вкладъ, и въ обоихъ случаяхъ ея особенности вполнѣ отвѣчаютъ требованіямъ и исторіи древнелитературнаго языка армянъ, и исторіи лингвистической жизни самого термина. Въ спискѣ, изданномъ Soukry, совершенно особый текстъ, стилистически распространенный и съ фактическими подробностями:

Եւ զայ պասկուծ Սինացւոց անդ, զոր բեռամբք սայլի եւ երկաթեղէն զառագղիւ սպանանեն. և զփագրէ ասեն թէ վազէ ի պասկուծն և առ ի չմումայն անկանին երկոքեանն ի ծովն և հեղձնուն.

On y *élève* dans une cage de fer *le griffon*, qui vient des *Sinae*. On a dit que le Phagre attaque le griffon, et que tous les deux, *emportés par la fureur*, se jettent dans la mer.

Переводъ Soukry настолько не соотвѣтствуетъ подлинному армянскому тексту[1], усѣкаетъ его, переиначиваетъ изложеніе, переводитъ отдѣльныя слова совершенно обратно тому, что̀ выражаютъ они по-армянски («on y élève», когда въ текстѣ սպանանեն *убиваютъ*[2]), что теряется увѣренность въ годности армянскаго текста безъ свѣрки съ рукописью. Подробности и здѣсь могутъ быть, несмотря на всю баснословность, книжнаго происхожденія, но дѣло иное съ терминомъ. Правильно отмѣчалъ К. Паткановъ употребленіе авторомъ армянскаго текста «многихъ рѣдкихъ и малоизвѣстныхъ словъ»[3]. И именно въ этихъ словахъ просачивается мѣстная народная струя. Такихъ словъ еще больше въ спискѣ, изданномъ Soukry, но терминъ paskuṭ (պասկուծ) налицо во всѣхъ спискахъ, и пониманіе его у всѣхъ исключительно книжное — «грифъ».

Въ связи съ этимъ кое-что, а можетъ быть, многое и въ распространенномъ текстѣ Soukry идетъ изъ книжнаго источника. Такъ, происхожденіе paskuṭ'а изъ страны по переводу Soukry — «Синъ» («des Sinae»), въ подлинникѣ—Sewna-, внушаетъ мысль, что авторъ источника, откуда беретъ свои свѣдѣнія редакторъ распространенной версіи армянской *Географіи*, находится подъ вліяніемъ созвучій, вызываемыхъ иранскими названіями *орла*, именно ав. saenō mereγō *орелъ*, пехл. sēnmurw, sēnē murūk. Съ нимъ сопоставляется, болѣе того — отожествляется перс. терминъ sīmurγ, переводимый также грифомъ, орломъ, т. е. названіе той баснословной птицы иранскаго эпоса, которая у грузинскихъ переводчиковъ *Шаh-нāмэ*, писателей поздняго

К. Паткановъ, *Арм. Геогр. VII в.*, Пб. 1877, стр. 24 (перев., стр. 82: «птица грифъ (պասկուծ)», изд. A. Soukry, Венеція 1881, стр. 44=перев., стр. 58.

[1] Мѣста несоотвѣтственной передачи нами подчеркнуты (набраны особымъ шрифтомъ) и въ подлинникѣ и въ переводѣ.

[2] Можетъ быть, вм. սպանանեն надо читать սնանին *вскармливаются*.

[3] ц. с., пер., стр. 8, прим. 206.

средневѣковья, передается нашимъ терминомъ փaškund-ı[1]. Поскольку «sīmurγ» отожествляется съ «saenō mereγō» въ его значеніи *грифа*, *орла*[2] и съ первой его частью — saenō отожествляютъ арм. ֆin *коршунъ*, въ сторонѣ остается h. sıramarg *павлинъ*, для котораго этимологія до сихъ поръ не найдена[3]. Съ этимъ словомъ армяне связываютъ и представленіе о сиринахъ или hумаюнахъ, т. е. птицахъ съ человѣчьимъ лицомъ[4]. Съ sıramarg'омъ въ значеніи *павлина* реально стоитъ въ связи съ одной стороны роль павлина въ религіи езидіевъ и манихеевъ, съ другой — то, что манихейскій терминъ въ средне-персидскомъ иранскомъ текстѣ, названіе павлина — **פרשימורו**, нашелъ объясненіе въ живомъ словѣ — փarшamang, оказавшемся у грузинъ[5], да и у сванoвъ, причемъ у послѣднихъ въ сказкахъ вмѣсто

[1] შაჰ-ნამეს ანუ მეფეთა წიგნის ქართული ვერსიები, Тифл. 1816, 788,1 (Saamianı), 1114,1 и 1117,1 (Rostomıani). Въ текстѣ рядомъ, чаще, появляется и персидское названіе sımurğ (вм. sīmurğ=«sīmurγ»), въ одномъ изъ списковъ измѣнившееся въ sımruğ. У курдовъ, по указанной І. А. Орбели интересной для нашей темы сказкѣ, записанной со словъ переселенца изъ Муша, sımər̥ («Simyr̄», С. А. Егіазаровъ, *Курмандж. тексты*, стр. 89,6, 106,10, 11, 107,2 et pass.).

[2] Въ иранскомъ мірѣ значеніе *грифа* или *орла* также не можетъ почитаться общимъ въ представленіи объ этой птицѣ. У F. Justi читаемъ (*Beiträge zur alten Geographie Persiens*, стр. 7): «Simurgh wird aber im Bundehesch als eine Art Eule, als ein Vogel, der seine lebendig geborenen Jungen an seinen Zitzen säugt und Zähne wie ein Hund hat».

[3] Hübschmann, *AG*, I, стр. 237, 576. По второй части Hübschmann склоненъ былъ признать терминъ одного образованія съ loramarg или loramargı *Исх.* 16,13 [, *Числ.* 11,31, 32], причемъ въ первой части онъ усматривалъ совершенно основательно h. и арм. lor *перепелка*, и въ такомъ случаѣ 2-я часть напрашивалась бы на толкованіе въ значеніи *птицы*, и ее, marg, оставалось бы признать эквивалентомъ п. «murγ» (murğ) *птица*, ос. «marγ» (marğ) и т. п. Такому воспріятію marg не мѣшало бы то, что въ тѣхъ же мѣстахъ св. Писанія ему по-грузински соотвѣтствуетъ marqıl (< *marq-ın), также 2-я часть термина mṫker-marqıl, 1-я часть котораго m-ṫker (м. ṭkor, св. шkēȷ) *перепелка* есть именно сибилянтный двойникъ спирантнаго, resp. плавнаго типа — lor. Окончаніе -ıl въ г. marq-ıl могло бы найти свое объясненіе какъ пережитокъ суффикса мн. числа -ın (ср. h. loramarġ-ın *Исх.* 16,13, *Числ.* 11,31, 32), гдѣ -n разсматривается какъ опредѣлительный членъ, въ зависимости отъ чего именительнымъ ед. ч. рядомъ съ marg признается параллельная форма — margı. Этимологіи слова marg въ значеніи *птицы* я не касаюсь, но грузинскій древнелитературный языкъ даетъ матеріалъ и для толкованія первой части h. sıra-marg: sır по-грузински значитъ самостоятельно «птичка», «воробей», а въ составѣ съ aqlem *верблюдъ*, т. е. sır-aqlem, — *страусъ*. То же самое наблюдаемъ въ названіи этой птицы (Struthiocamelus) и на персидскомъ языкѣ, но съ составными частями въ обратномъ порядкѣ شتر مرغ или اشتر مرغ.

[4] Съ сиринами же затрагивается съ одной стороны вопросъ по искусству о своеобразныхъ элементахъ армянской орнаментики въ рукописяхъ — фантастическихъ звѣряхъ, поднятый еще В. Стасовымъ въ 1886 году (*Армянскія рукописи и ихъ орнаментація*, ЖМНП, іюль, стр. 148, 149), съ другой — историко-литературный вопросъ о *Физіологѣ*, о народномъ первоисточникѣ этого звѣроописательнаго памятника, однимъ изъ изслѣдователей связывавшагося съ армянскимъ иновѣріемъ. Въ армянской версіи любопытны мѣстныя названія сиренъ (ср. Н. Марръ, *Физіологъ, армяно-грузинскій изводъ*, ТР, VI, стр. 85—86). См. также ниже, стр. 2100 сл., въ связи съ манихействомъ у славянъ, «богумильствомъ», появленіе звѣздъ-сиренъ, resp. звѣздъ-душъ въ народныхъ представленіяхъ. Вопросъ о *Физіологѣ* требуетъ во всякомъ случаѣ пересмотра и намѣчается генетическая связь съ яфетическимъ міромъ, если не всего памятника, то отдѣльныхъ его статей, такъ особенно 1-й статьи *Объ ящерицѣ* со включеніемъ греческаго термина σαύρα (Н. Марръ, ц. с., стр. 51—52, *Сб. притчъ Вардана*, I, § 390, стр. 409—410).

[5] C. Salemann, *Manichäische Studien*. I. Die mittelpersischen texte in revidierter transsription, mit glossar und grammatischen bemerkungen (ЗАН, VIII, № 10), Пб. 1908, стр. 119, s. v. У грузинъ же въ живой рѣчи слышны еще различныя діалектическія формы слова, какъ то — փашavang-ı, փarшavang-ı. Если во второй части этого безспорно составного слова n появляется вмѣсто r въ результатѣ дифференціаціи двухъ r, какъ то отмѣтилъ К. Г. Залеманъ (ц. м.), на нашъ взглядъ, вполнѣ правильно, то на яфетической почвѣ мы теперь ожидали бы по исторической фонетикѣ вм. r звукъ l, и въ такомъ случаѣ n есть архаическій представитель подобнаго l, причемъ въ наличіи n вм. l, resp. r должно быть учтено и стеченіе со звукомъ g. Въ армянской рѣчи, древнелитературной, имѣются любопытные случаи соот-

φaskunḓ'a[1]. По всей видимости, не только съ paskuṭ'омъ, но и съ sīmurğ'омъ, sıramarg'омъ и φаршamang'омъ мы находимся въ сродной стихіи одного какого то общаго религіознаго міра.

Съ другой стороны, употребленіе того же слова, уже въ формѣ φaskunḓ-ı, учащается у грузинъ, съ усиленіемъ вліянія народной рѣчи, въ позднѣйшихъ повѣстяхъ и романахъ, именно въ *Rusudanıanı*, *K̇aramanıanı*.

Толкованіе его словомъ «грифъ» книжно-научнаго происхожденія: оно объясняется тѣмъ, что въ св. Писаніи слово занимаетъ то мѣсто, гдѣ по-гречески читается γρύψ *грифъ*.

Въ армянской средневѣковой поэзіи paskuṭ ни въ этой, ни въ иной формѣ не извѣстенъ[2]. Однако, слово, несомнѣнно, существовало народно и въ армянской средѣ. Оно значится въ формѣ պասգուճ pasguṭ (чит.: basqüϑ) въ народныхъ словахъ по народно-письменному или мірско-письменному словарю Բառգիրք յաշխարհաբարէ ի գրաբարն въ составѣ Բառգիրք հայկազեան լեզուի, т. II (Венеція 1769), гдѣ объясненіе его дается—1) словами: «это большая птица», 2) синонимами «enqa [عنقا], sımurğ [سيمرغ]» и 3) древне-литературными словами: «paskuṭ, korṭ».

Реальное значеніе нашего слова, вѣроятно, не одно, смотря по средѣ, въ которой оно обращалось и было бытовымъ; это реальное значеніе требуетъ для своего установленія спеціальной работы надъ соотвѣтственными матеріалами кавказскаго фольклора, ихъ сравнительнаго изученія.

Въ грузинской сказкѣ, записанной въ селѣ Галаванѣ Душетскаго уѣзда, то же существо называется φашkunḓ-ı[3]. Здѣсь упоминаніе о «мірѣ» или «владычествѣ», буквально «царствѣ φашkunḓ'a»[4]. Фашkunḓ съ движеніями человѣческими: онъ преклоняетъ колѣна[5]. Сказка интересна космологическими свѣдѣніями, такъ представленіемъ о небѣ-желѣзѣ, и соотвѣтственно архаическимъ миѳологическимъ міровоззрѣніемъ, перерожденіями

вѣтствія n звуку r, независимо отъ двухъ r, напр., въ отриц. an вм. ar- (ср. однако ar-ḥamarḥ-el *презирать*, букв. «*не* считать»), ḥanapaz *всегда* и др., въ мегрельскомъ на основаніи этого закона na въ соотвѣтствіи г. ra *что*. Что касается первой части, то по нормамъ яфетической сравнительной фонетики r въ φarша- представляется наростомъ-звукомъ передъ сибилянтомъ (въ грузинскомъ имѣемъ разновидность слова и безъ этого r — φaшavang-ı), т. е. это тотъ r, о которомъ рѣчь и выше (стр. 2082).

[1] См. стр. 2089.

[2] То же самое подтвердилъ съ своей стороны издатель средневѣковыхъ армянскихъ поэтовъ проф. К. І. Костанянцъ, въ то же время по моей просьбѣ любезно наведшій справку объ этомъ терминѣ въ двухъ принадлежащихъ ему средневѣковыхъ рукописныхъ словаряхъ: въ одномъ изъ нихъ, № 15, paskuṭ объясняется словами «костеглотательница (oskrakulık)», въ другомъ, № 47, paskuṭ занесенъ безъ объясненій, если не отнести къ нему толкованія getarṫowı, слова, стоящаго рядомъ съ paskuṭ въ *Лев.* 11,13-19, объясненіе же getarṫowı, буквально означающаго «рѣчной орелъ» (искусственная передача греч. ἁλιάετος), дается словомъ ḋəknakulık, т. е. опять таки *глотательница рыбъ*.

[3] Газ. «Иверія», 1889, № 131, стк. 1, стб. 2,24. Сказка записана со словъ Марины Гоциридзе собирателемъ-этнографомъ, подписывающимся псевдонимно «Qarϑvelı osebшı», т. е. «Грузинъ среди осетинъ».

[4] «Иверія», 1889, № 133, стк. 1, стб. 4 сл.

[5] ц. м., стб. 5.

или метаморфозами тотемическаго характера[1]. Нѣкоторыя подробности, такъ разсказъ о кольцѣ въ кувшинѣ[2], повторяютъ извѣстныя эпизодическія части, излюбленныя въ сванскихъ сказкахъ.

Въ народной же рѣчи діалектической у грузинъ появляется и форма φaшkund, даже такъ φaшgund, у пшавовъ, т. е. грузинъ, надо помнить, **горцевъ**. Есть цѣлая пшавская сказка, посвященная этому существу[3]. Пшавская сказка интересна по вскрываемому ею народному представленію о нижнемъ, какъ бы подземномъ мірѣ какъ о qwe-ϑa[4], что̀ по-грузински значитъ «*нижнее* небо», букв. «*внизу*-небо». Паскунджъ въ ней называется лишь разъ φaшḳund[5], остальные разы — φaшgund[6]. Пашгундъ (φaшgund) — обитатель неба, но нижняго неба (qwe-ϑa). Онъ и только онъ возноситъ изъ этого «подземнаго» міра въ тотъ — верхній міръ, по-грузински — zeϑa-qweḳana[7]. Онъ крѣпко обнимаетъ героя сказки, чтобы выразить ему свое удовольствіе изъ-за спасенія его дѣтенышей. У Пашгунда крылья съ чудесными цѣлебными перьями. Въ пшавской сказкѣ слились или сплелись три легендарныя сказанія — 1) одно, связанное съ представленіемъ о Пашкундѣ какъ о гонцѣ, вѣстникѣ одного міра въ другой, это версія относимаго его изслѣдователями къ манихейской повѣствовательной литературѣ разсказа о діаволѣ (въ пшавской сказкѣ — φaшgund'ѣ) и человѣкѣ, въ средневѣковой армянской легендѣ — о діаволѣ - Сатайэлѣ и Гавріилѣ[8] съ выемкой мяса въ **пятѣ** или **голени**, въ нашей версіи — **голени**, 2) другое — изъ дѣяній **вешапа** или вишапа, ǵwel-veшapa'a «*змія*-вишапа» въ пшавской сказкѣ, получившей свое развитіе подъ кажущимся вліяніемъ цикла сказаній о Зохāкѣ-Аждехāкѣ въ связи съ третьимъ сказочнымъ сюжетомъ, и 3) иранское преданіе, въ Персіи

---

[1] См. ниже, стр. 2093.
[2] «Иверія», 1889, № 133, стк. 1, стб. 2 сл.
[3] ხალხური ზღაპრები კახეთის და ფშავში შეკრებილი თედო რაზიკაშვილის მიერ, Тифлисъ 1909, стр. 7—11.
[4] ц. с., стр. 8,28 (bis), 34. Въ изданіи полугласный w переданъ согласнымъ ვ v, такъ какъ въ современномъ грузинскомъ письмѣ нѣтъ въ употребленіи начертанія для полугласнаго — ни ვ, ни ჳ.
[5] Стр. 9,40.
[6] Въ заглавіи и стр. 9, 41 (bis), 42, 10, 7-8, 12, 14, 16, 18, 19, 21, 23, 25, 27, 30, 32.
[7] Стр. 9,3, 7, 39.
[8] Н. **Марръ**, *Сборники притчъ Вардана*, II, стр. 317, № 334. Нашей повѣствовательной темы въ связи съ богумильствомъ касается К. **Радченко** въ работѣ *Замѣчанія относительно отдѣльныхъ мѣстъ книги Іоанна Богослова по списку, изданному Дёллингеромъ* (Статьи по славяновѣдѣнію. Вып. I, 1904, стр. 64—71), но въ приведенныхъ здѣсь разсказахъ сербскомъ и болгарскомъ (стр. 68, см. еще у А. Н. **Веселовскаго**, *Разысканія*, вып. пятый, стр. 78, 79, 80, вып. шестой, стр. 217) изложеніе дѣла, какъ и въ армянской версіи, имѣетъ дополнительно позднѣйшую служебную цѣль — «объяснить, почему у людей вогнутыя ступни» (ц. с., стр. 69), тогда какъ въ народной сказкѣ у повѣствовательной подробности самодовлѣющее значеніе. Однако, признавая близость разсказовъ къ богумильскому, я бы сказалъ вообще манихейскому или дуалистическому міру, мы бы затруднились признать правильнымъ утвержденіе К. **Радченки** (ц. с., стр. 70), «что искать другихъ источниковъ для этихъ разсказовъ помимо книжныхъ врядъ ли представляется нужнымъ и цѣлесообразнымъ». Связь южнославянскаго міра съ Кавказомъ едва ли можно ограничивать одними книжными путями, да еще христіанской поры и съ христіанствомъ связанныхъ религіозныхъ движеній.

связываемое съ Симурǧомъ, почему, слѣдовательно, мы и видимъ появленіе Паскунджа вм. Симурǧа въ грузинскомъ переводѣ *Шаh-нāмэ*[1].

Въ армянскихъ сказкахъ въ роли Sımurǧ'а появляется Sınama-hawq, т. е. «птица *Синамъ*». Въ сказкѣ, записанной на говорѣ села Хастура, Алашкертскаго округа, Синам-птица также возноситъ изъ одного въ другой міръ: «я тебѣ уже сказалъ», говоритъ царь герою, «только Синам-птица можетъ вывести тебя въ свѣтлый міръ», и герою удается заручиться ея помощью, освободивъ ее отъ вишапа, пожиравшаго ея дѣтей[2].

Но и Синам-птицу часто смѣняютъ другія птицы въ предѣлахъ даже одного Алашкертскаго округа, такъ—орелъ, напр., въ сказкѣ ***Վիշապ*** [Vıшар!] ***և Վաթան և Բաթան***[3].

Но для насъ еще важнѣе отмѣтить, что и въ кавказскомъ фольклорѣ вмѣсто паскунджа появляется птица съ названіемъ, у грузинъ означающимъ *павлина*, и наблюдаемъ это у свановъ, ближайшихъ сосѣдей осетинъ.

Естественно, разумѣется, появленіе царя пернатыхъ въ роли посредника между землею и небомъ, и часто нашу чудо-птицу замѣняетъ и орелъ[4]. У древнихъ еще армянъ орелъ появляется въ роли защитника въ живой старинѣ, къ сожалѣнію небрежно или усѣченно засвидѣтельствованной Хоренскимъ[5].

Въ сванской *Сказкѣ Гуи* (გუ̄ ცოგობ)[6] имѣется разсказъ объ ея героѣ, повторяющій исторію пшавской сказки съ паскунджомъ и вишапомъ, опять таки со зміемъ-вишапомъ (გჳელჲერშაპ ǧwel-yerшap[7] вм. ǧwel-weшap), но безъ легенды о Сатайэлѣ и Гавріилѣ.

Названа эта птица по-свански ꝑarшmaǧ, съ утратой n, какъ Waq̇taǧ вм. Waq̇tanǧ въ *Сказаніи о башнѣ Лыджіи* (ლჷჯი̄ მჷ̄რყუამ არაგ), сванскомъ текстѣ изъ того же собранія, что̀ *Сказка Гуи*. И нахожденіе термина ꝑarшmaǧ (‖ ꝑarшamanǧ) въ сванскихъ сказкахъ народно связываетъ среднеперсидскіе манихейскіе тексты съ Кавказомъ, а этой общности вторитъ близость общинъ, пользовавшихся среднеперсидскими христіанскими текстами, къ кавказкому міру и литературно, по общности ли сирійскаго источника[8] или иной культурно-исторической связи[9].

---

1 См. стр. 2086.

2 *Ժողովրդական հեքիաթներ*, собр. С. hАйкуни: Սինամահաւք (ЭЭС, IV), стр. 141—142.

3 ц. с., стр. 156. По личнымъ сообщеніямъ ряда лицъ, знакомыхъ съ дѣтства, независимо отъ печатныхъ текстовъ, съ армянскимъ фольклоромъ, въ народныхъ сказкахъ у армянъ въ качествѣ вѣстника-птицы популярностью пользуется Թութի-ղումրի Θuϑı-ǧumrı.

4 Ср. ҫyena *орелъ* въ роли похитителя сомы, см. M. Bloomfield, *The Myth of Soma and the Eagle* (Festgruss an R. v. Roth, стр. 149—155).

5 II, 7,ՊՀ, стр. 111,1-4.

6 Изъ собранія сванскихъ текстовъ, записанныхъ свящ. Арсеномъ Оніāномъ для Академіи Наукъ.

7 О наростѣ r передъ сибилянтомъ см. стр. 2082.

8 *«Согдійская» версія св. Писанія* (XB, II, стр. 406—407).

9 C. Salemann, *Manichaeische Studien*, I, стр. 52 s. v., сюда же Н. Марръ, *Георгій*

Уже съ упоминаніемъ о двухъ небесахъ мы какъ будто вступили въ міръ дуалистическихъ представленій, и имѣемъ право утверждать, что налицо устная передача памятника манихейскаго литературнаго творчества, но, какъ въ вопросѣ объ иранскихъ эпическихъ мотивахъ, такъ, когда рѣчь о религіозныхъ легендахъ на Кавказѣ, къ анализу произведеній народной словесности подступать можно лишь съ двусторонней, иногда трехсторонней и еще болѣе разносторонней осмотрительностью. Независимо отъ вносившихся извнѣ религіозныхъ сказовъ по русламъ разныхъ историческихъ культурныхъ міровъ, на мѣстѣ и въ этой части имѣлись сродные этническокультурные матеріалы, также разнородные, но въ первую голову на самомъ днѣ лежатъ не только до-турецкіе, но и до-иранскіе, мѣстные коренные элементы, именно яфетическіе. Было бы преждевременно утверждать объ исключительномъ книжно-манихействующемъ источникѣ особенно въ области космогоническихъ идей, куда относится и представленіе о двухъ небесахъ, когда въ самихъ языкахъ яфетической семьи семасіологія вскрываетъ, что небесный и земной міры, твердь ли это или вода, въ народномъ представленіи являлись повтореніемъ одного и того же въ различныхъ плоскостяхъ, именно верхняго и нижняго неба, верхней или нижней земли, верхняго или нижняго моря. Съ этой оговоркой, слѣдовательно, безъ притязанія усваивать одному какому либо теченію главенствующее значеніе, нельзя не отмѣтить дѣйствительно выступающихъ въ сказкѣ точекъ соприкосновенія съ манихействующимъ дуализмомъ, когда извѣстно, что манихейство не только захватывало кавказскій міръ еще въ IV-мъ вѣкѣ, но являлось въ народныхъ слояхъ вѣчнымъ ферментомъ религіознаго новотворчества, создавало многочисленныя армянскія народныя ученія, такъ называемыя секты и пережиточно дало еще себя знать столь недавно, какъ 30-тые годы XIX-го вѣка.

Фaskund̂-птица, птица-*пророкъ*, птица-*вѣстникъ*, прежде всего посредникъ между верхнимъ и нижнимъ міромъ. Посредничество между двумя мірами, въ иномъ, понятно, соотношеніи дѣйствующихъ лицъ, возлагается на птицу-діавола, гоголя-Сатанаила въ *Сказаніи о Тиверіадскомъ морѣ*: по требованію Господа, Сатанаилъ «послуша Господа и понырисѧ въ море и вынеси земли и кремень»[1].

Правда, образъ діавола-птицы «Сатанаила-гоголя» въ *Сказаніи о Тиверіадскомъ морѣ*, памятникѣ съ оспариваемой богумильской репутаціею,

Мерчуль, *Житіе св. Григорія Хандзтійскаго*, стр. VIII, § 10, его же *Армянскія слова въ грузинскихъ дѣяніяхъ Пилата*, ЗВО, XVII, 1906, стр. 027—028.

[1] Н. А. Веселовскій, *Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха*, вып. пятый, XI, стр. 47.

смущалъ и А. Н. Веселовскаго, поборника его связи съ богумильствомъ: «Образъ Сатанаила-гоголя, не извѣстный ни Зигабену, ни Liber Johannis, встрѣтился намъ», говоритъ А. Н. Веселовскій, «въ инородческихъ преданіяхъ, мы увидимъ его въ русскихъ народныхъ пересказахъ легенды. Какъ объяснить появленіе самого образа? Не въ связи ли съ представленіемъ безбрежнаго моря, къ которому пріуроченъ космогоническій миѳъ?»[1] Для насъ однако интересъ сейчасъ не въ моментѣ творчества и участія въ немъ птицы-духа, не въ образѣ «птицы, творящей міръ», по выраженію И. И. Коробки[2], а въ образѣ «птицы», служащей связью между двумя мірами, въ нисхожденіи сатаны въ видѣ птицы-гоголя изъ верхняго (воздушнаго) міра въ нижній, на «дно моря», у яфетидовъ на нижнее небо не для творчества, а въ цѣляхъ доставить въ верхій міръ другому лицу, Богу, матеріалы для творенія — песокъ и камень[3].

Близость птицы-паскунджа къ змію-вишапу, захватчику водъ, хотя бы и враждебная, въ нашей памяти, естественно, вызываетъ сочетаніе птицы съ рыбою, рыбой-великаномъ, божествомъ водъ, т. е. архаичнымъ вишапомъ, засвидѣтельствованное цикломъ скульптурныхъ произведеній съ датой многихъ вѣковъ до Р. Х., — вишаповъ яфетическаго міра, пока извѣстныхъ лишь въ предѣлахъ Арменіи и Грузіи и находящихъ поддержку въ клинописныхъ текстахъ того же яфетическаго района на халдскомъ языкѣ. Въ то же время въ кругѣ занимающихъ насъ матеріаловъ въ связи съ манихейством возбуждаетъ особый интересъ сравнительнаго изученія то мѣсто изъ книги Іоанна Богослова, гдѣ говорится объ участіи двухъ лицъ, «ангела воздуха» и «ангела водъ», со стояніемъ послѣдняго на «двухъ *рыбахъ*», въ космогоническомъ творчествѣ[4]. Мы не осложняемъ те-

---

[1] ц. с., стр. 51. Драгомановъ также не находилъ «соотвѣтствія въ богумильской космогоніи для разсказовъ о сотвореніи земли посредствомъ ырянія дьявола въ море», однако см. К. Радченко, ц. ниже соч., стр. 66.

[2] *Образъ птицы, творящей міръ, въ русской народной поэзіи и письменности*, Изв. Отд. русск. яз. и слов., 1909, XIV, вып. 4, стр. 183.

[3] Въ мегрельскихъ сказкахъ въ роли пособника въ трудныя минуты появляется герой, своимъ названіемъ указывающій на принадлежность къ кругу мудрецовъ, читающихъ судьбы по свѣтиламъ, имѣющій интимную связь со звѣздой: его имя звучитъ ɕva-muriϑqami *'Уа-мурицхамъ*, буквально «звѣздолобый», «человѣкъ со звѣздой на лбу», реально же — «[гадающій] судьбу по звѣздамъ»: къ переходу ɕva *лобъ* въ слово со значеніемъ *судьба* ср. ɕvai ṭara *судьба*, букв. «лбописаніе»; по-абхазски иного слова и нѣтъ для понятія «рокъ», «судьба», какъ a-laqintəra (дж, х, a-laqyntà), что собственно значитъ «на лбу написанное»; то же самое находимъ и у армянъ еще древнихъ въ словѣ ṭakatagir, наличномъ и въ haйскомъ ихъ языкѣ, и въ армянскомъ, гдѣ оно къ тому же природное. Кстати, въ яфетической средѣ съ исконнымъ знаніемъ письменности народность представленія о рокѣ какъ о *писаніи* вообще, тѣмъ болѣе о *писаніи* на лбу или иной части тѣла не можетъ вызывать никакихъ возраженій, и образъ *книги судьбы* отнюдь не представляется лишь литературнымъ (ср. А. Веселовскій, *Разысканія*, стр. 240—241). Что касается 'Уа-мурицхама, мегрельскаго мага и мудраго совѣтника, онъ представляетъ интересъ для вопроса о вѣщей птицѣ и съ другой, уже не культурно-исторической, а этническо-культурной стороны, въ связи съ миѳологическими представленіями мегрельскаго племени, А. А. Цагарели, *МЭ*, I, стр. 22,16=перев., 22,19 сл.; А. Кипшидзе, *ГМ*, стр. 34,8 сл. (см. ниже, стр. 2093).

[4] Ign. v. Döllinger, *Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters*. II. Dokumente vornehmlich zur Geschichte der Valdesier und Katharer, Мюнхенъ 1890, стр. 87. Съ устраненіемъ изъ

перь вопроса указаніемъ яѳетическаго матеріала, въ частности сванскаго о созданіи міра изъ скалы моря, момента, увлекающаго изслѣдователей въ самые противоположные міры и въ самые отдаленные, вплоть до Америки, какъ, напр., въ цитованной уже работѣ И. И. Коробки. Если бы яѳетидологія располагала рабочими силами, ея очередная задача какъ въ другихъ вопросахъ, такъ и по данному не распыленіе, а, наоборотъ, концентранція усилій культурно-историческихъ и этническо-культурныхъ изысканій на матеріально новой базѣ, на яѳетическомъ Кавказѣ и связанныхъ съ нимъ и исторически и этнически мірахъ, въ числѣ ихъ — Югѣ Россіи.

Въ яѳетической народной сказочной литературѣ, особенно у свановъ и мегреловъ имѣемъ до сего дня любопытныя отложенія легендъ народнаго миѳотворчества въ связи съ представленіемъ о мірозданіи изъ тверди и моря, морской скалы, о значеніи огненоснаго камня или кремня какъ строительнаго матеріала и о рожденіи бога, въ позднѣйшемъ христіанскомъ преломленіи — діавола, изъ огненосной тверди. Само имя сказочнаго дива мегрельскихъ сказокъ Kaȷa-ndıı Qer-qu въ этомъ смыслѣ представляетъ весьма значительный интересъ[1]. Не достаточно указать, что въ Kaȷ-a имѣемъ слово, означающее *кремень*[2]. Это — яѳетическое слово со вторичнымъ ȷ (> ḓ), эквивалентомъ по-сванo-мегрельской фонетикѣ плавнаго r, ибо въ немъ имѣемъ діалектическую форму слова kar- > qar *камень*, *скала*, сохранившагося въ языкахъ Арменіи: арм., h. qar *камень*, h. kar-kaṛ *куча камней*, но и *скала*[3]. Въ этой первой части — прозвище дива, буквально означающее «Кремня дивъ» или «Кремень-дивъ» (Kaȷa-ndıı < Kaȷ⌜a⌝-de⌜v⌝ı), вторая же часть Qer-qu (<*Ker-⌜h⌝qū ‖ *Ker-squ⌜a⌝) — nomen gentile, буквально означающее «Кера сынъ», «Керовичъ». Чтобы возстановить полноту типа Kaȷa-ndıı Qerqu'я, похитителя и возносителя по воздуху «Золотоволосой дѣвушки», надо вспомнить про ʻУа-мурицхама, звѣздно-мудраго дива или мудреца Чернаго царя[4]. ʻУа-мурицхамъ неуязвимъ, это своего рода Кащей безсмертный: душа его поручена другому[5]. Любопытно отмѣ-

---

этого творчества «ангела воздуха» такъ же нельзя мириться, какъ съ расширеніемъ значенія птицы-гоголя до роли единоличнаго космогоническаго создателя, но когда Радченко заключаетъ свое изысканіе словами — «Итакъ, по Дёллингерову списку, собственно въ твореніи земли принимаютъ участіе два лица: дьяволъ и ангелъ водъ» (*Замѣчанія относительно отдѣльныхъ мѣстъ книги Іоанна Богослова по списку, изданному Дёллингеромъ.* Статьи по славяновѣдѣнію. Вып. I, 1904, стр. 66), то съ этимъ нельзя не согласиться, поскольку за «ангеломъ воздуха» остается его основная роль посредника между двумя мірами, вѣщуньи птицы или передатчицы-птицы, но Радченко предположилъ, что ангелъ водъ обратился въ сатану-гоголя.

[1] А. Цагарели, *МЭ*, I, стр. 15 сл., I. Кишидзе, *ГМ*, стр. 29,28.

[2] А. Цагарели, ц. с., стр. 17, прим. 6, I. Кипшидзе, ц. с., стр. 226, s. v. dem-ı.

[3] Н. Марръ, *Физіологъ*, армяно-грузинскій изводъ (стр. 106). Кстати, отмѣчу, что կար-կաձ kar-kaḓ не «ошибочное чтеніе вм. կարկառ karkaṛ», а его діалектическая разновидность съ перерожденіемъ ṛ въ ȷ > ḓ, какъ въ м. kaȷ-ı *кремень* (заимствованно и въ грузинскомъ).

[4] См. выше, стр. 2091, прим. 3.

[5] А. Цагарели, *МЭ*, I, стр. 22—25, I. Кипшидзе, *ГМ*, стр. 34—35.

тить, кому передана душа на храненіе, и въ какихъ образахъ представляетъ себѣ мегрельскій народъ самую душу. Душа совѣтника Чернаго царя въ критическія минуты, мудреца-мага звѣздолобаго или 'Уа-мурицхама, поручена Кабану, по-мегрельски — Кег'у. Когда, побѣдивъ этого все-сокрущающаго Кабана, мегрельскій сказочный герой Герія (Ger-ıa) разрубаетъ его пополамъ, изъ него выскакиваетъ серна или лань (sqwer)[1]; когда онъ убиваетъ серну, изъ нея выпадаетъ ларчикъ (koloφ); когда онъ разбиваетъ ларчикъ, изъ него вылетаютъ три ласточки (marṭıq̇ol). Это три души, одна изъ нихъ душа 'Уа-мурицхама. Неразрывная связь 'Уа-мурицхама, Кащея безсмертнаго, съ Kaǰa-ndıı'емъ или съ Кремнемъ-Дивомъ, героемъ первой мегрельской сказки, явствуетъ между прочимъ изъ двойника 'Уа-мурицхама по грузинской сказкѣ изъ Душетскаго уѣзда. Въ грузинской версіи мѣсто 'Уа-мурицхама заступаетъ діаволъ тверди, съ тѣмъ отличіемъ, что это не «кремень-діаволъ», а «желѣзо-діаволъ» или «желѣза діаволъ» (rkınıs eшmak-ı). Этотъ діаволъ тверди открываетъ женщинѣ: «у подножія такой-то горы стоитъ большое стадо овецъ, въ томъ стадѣ овецъ ходитъ одинъ олень (ırem-ı) съ гнѣздомъ коршуна, въ головѣ того оленя лежитъ зеленый ларчикъ, въ ларчикѣ сидятъ три зеленыхъ ласточки, и изъ тѣхъ ласточекъ одна моя душа (или «бодрость духа», ḑan-=п. جان), другая—мощь (ğon-e) и третья—духъ (или «душа» sul-ı)»[2]. Съ птицей marṭiq̇-ol, за убіеніемъ которой немедленно слѣдуетъ смерть звѣздолобаго[3], замыкается кругъ образовъ, объединяясь въ представленіи о звѣздѣ-душѣ: м. marṭıq̇-ol (<*marṭq̇-ol) || г. merə̇q̇-al—*ласточка* и въ то же время на яфетической языковой почвѣ одно со *звѣздой* слово-представленіе (образъ), одно съ нею слово-понятіе (идея), не говоря о томъ, что ихъ названія одного корня[4]. Съ этой мегрельской сказкой на сенакскомъ говорѣ и ея параллелями на другихъ яфетическихъ языкахъ мы находимся въ самой чащѣ народнаго миѳотворчества, гдѣ неразрывно сплетаются слова и предметы, понятія и представленія, образы и символы, и это насъ ставитъ лицомъ къ лицу съ этнологическими матеріалами, — матеріалами по началу или зарожденію народовъ данной среды, да и по межплеменнымъ отношеніямъ ихъ въ историческія эпохи, обратившимся за давностью въ предметъ эпоса, болѣе того — сказокъ и эпическо-сказочнаго творчества.

Первичное отвлеченно лексическое значеніе термина φaskuᒥnᒣḑ опредѣляется съ возстановленіемъ пра-формы.

---

[1] Колебаніи значенія этого слова требуетъ особаго разъясненія.
[2] Газ. «Иверія», 1889, № 131, стк. 2, стб. 2.
[3] А. Цагарели, ц. с., стр. 25, І. Кипшидзе, ц. с., стр. 25.
[4] Н. Марръ, *Margarey*, ц. м., ст. 1057,10, съ прим. 1, и 1058,13.

Форма слова діалектическая мегрело-ч̌анская, т. е. языка шипящей группы на -or>-ur, съ діалектическимъ перерожденіемъ r въ ḓ, собственно съ перерожденіемъ по формулѣ закона чередованія r || j>ḓ. Основа также той же группы съ подъемомъ по формулѣ v || m въ b>p>ᵽ. Въ мегрельскомъ сохранилось это слово безъ подъема m во взрывные губные и безъ діалектическаго перерожденія r въ ḓ: это — masq-ur (<*masq-or) или mask-ur (<*mask-or), означающее «гороскопъ», собственно «вѣщунъ», букв. какъ бы *«звѣздникъ»* въ смыслѣ *звѣздочета*. Это двойникъ основы marg-ar, наличной въ h. marg-ar-ey *пророкъ*, съ мегрело-чанской перегласовкой суффикса (-ar || -or>-ur). Мегрельскія разновидности слова представляютъ два крайнихъ состоянія озвонченности заднеязычнаго согласнаго изъ ряда mask-ur>*masg-ur>masq-ur; средняя разновидность съ перебоемъ s въ исчезающій спирантъ h и съ перегласовкой шипящей группы (a || o) налицо въ грузинскомъ и армянскомъ mog-u (< *mohg-ur), успѣвшемъ утратить не только спирантъ h, но и плавный r въ паузѣ; та же форма сохранилась и у мегреловъ, но опять таки со среднимъ q вм. звонкаго g въ moq-u, названіи села Moqv-ı, др.-л. Moqw-ı (< Moq-u-ı), извѣстнаго своимъ храмомъ, епископской каѳедрой[1]. Рѣчка, носящая названіе того же села, очевидно, до-христіанскаго, въ народныхъ устахъ сохраняла полную форму съ плавнымъ r въ основѣ, какъ marg-ar, и съ дифференціею второго r въ l — murk-ul-a (< murk-ur, resp. mork-ur) или безъ перегласовки — Marq̂-ul-a (< Marq̂-ur-a)[2]. Впрочемъ надо еще установить, связано ли село со своимъ названіемъ какъ съ культовымъ терминомъ или какъ со словомъ, означавшимъ *властителя, владыку, старшаго по власти*. Дѣло въ томъ, что слово, первоначально означавшее *звѣздочета, пророка, мага*, получило значеніе главы, представителя теократической власти — «жреца-царя» и затѣмъ «властителя», «князя», «царя»[3]. Съ

[1] Къ общеизвѣстной литературѣ о Моквѣ надо присоединить статью Ѳ. Жорданіи въ газ. «Иверія», 1893, № 2, — მოქვის ეკკლესიის (აფხაზეთში) ომოფორი ისტორიულის წარწერებით [*Омофоръ Моквской церкви (въ Абхазіи) съ историческими надписями*]. Древнѣе XIV-го вѣка грузинскихъ эпиграфическихъ памятниковъ не обнаруживаетъ и Ѳ. Жорданія, со скорбью упоминающій о сокрушеніи, въ годъ реставраціи (1865), мраморныхъ колоннъ и уничтоженіи тогда же мозаичныхъ работъ храма, построеннаго абхазскимъ царемъ Леономъ, по-грузински Леваномъ, въ 957 году. Въ замѣткѣ, помѣщенной въ газ. «Квал-и», 1893, № 16, стр. 8—10 съ 2 рис., — მოქვის ტაძარი [*Моквскій храмъ*], авторъ, скрывшій себя подъ XX, новаго не даетъ ничего, ссылаясь, какъ на источникъ, на археологическіе матеріалы, изданные Московскимъ Археологическимъ Обществомъ.

[2] Dubois, *Voyage autour du Caucase*, I, стр. 336.

[3] Когда такое соединеніе двоякой власти, религіозной и свѣтской, наблюдается у тушинъ въ лицѣ деканоза и хевис-бэра, А. Хахановъ предполагаетъ, что это позднѣйшее явленіе, наступившее взамѣнъ первоначальнаго «раздѣленія властей» (*Тушины* въ *ЭО*, II, стр. 44). По всей полосѣ сѣвернаго Кавказа власть вѣщихъ мужей, въ Абхазіи вѣщихъ кузнецовъ громадна. И у осетинъ существенную роль играетъ въ религіозномъ быту пророчество различныхъ видовъ — гадальщикъ, вѣщій старикъ (В. Миллеръ, *ОЭ*, стр. 256), знахарь (п. с., стр 253) и т. п. Такое же большое общественное значеніе предсказателя-кудесника вплоть до сосредоточенія въ немъ и свѣтской власти находимъ и на югѣ по южной окраинѣ Арменіи. По словамъ вардапета Ваhана (խօսք հայրենեաց, Кполь

мегрело-чанскимъ подъемомъ m > p > b > φ спирантный видъ представленъ разновидностями pakor > bakur > φagur въ этомъ именно значеніи соціальнаго термина «*владыка*», «*властитель*», «князь», «царь»; φagur мы находимъ въ составѣ имени грузинскаго царя As-φagur, означающемъ буквально «князя асовъ»[1]. На общеизвѣстныя кавказскія имена Pakor, Bakur нѣтъ надобности указывать.

Тотъ же мегрело-чанскій (иверскій) подъемъ, да еще мегрело-чанская же огласовка наблюдается у того же корня какъ тогда, когда онъ появляется со вторымъ кореннымъ r (ср. выше—Marq-ul-a, Murk-ul-a)—borg-, такъ тогда, когда въ немъ остается представлена спирантная разновидность. Корень въ обѣихъ разновидностяхъ находимъ, притомъ въ спирантной разновидности—съ исчезающимъ спирантомъ,—borg- (<morg-, позднѣе murg-) || bog- (<*mobg) у грузинъ, заимствовавшихъ его и сохранившихъ въ глаголѣ — borg-av-s || bog-av-s *пророчествуетъ*, *неистовствуетъ*. Одописецъ Шавтелъ употребляетъ его именно въ значеніи *пророчества* въ стихѣ (79,1,1-2):

ანდიბან მოგუშან გრძნებითა მბოგვმან მისნობით კელ ჰყო ზაკვით ზღაპრობა	Магъ Андибанъ, колдовствомъ *вѣщающій чародѣй* (m-bog-v-man) принялся разсказывать лукаво и чародѣйственно.

Уже названы сибилянтныя разновидности мегрельскаго слова mask-ur > *masg-ur > masq-ur [< *mask-or > *masg-or > *masq-ur] въ значеніи *гороскопа*, первоначально *звѣздочета*, *пророка*, *вѣщуна*, *мага*. Съ мегрело-чанскимъ діалектическимъ перерожденіемъ r въ d̂ безъ назализаціи и съ подъемомъ m>p>φ мы и имѣемъ тотъ же терминъ какъ въ армянскомъ, resp. haйскомъ paskuṭ (<pask-ud̂)[2], такъ въ сванскомъ φasg-ud̂, resp. φaısg-ud̂ и въ грузинскомъ архаично-литературномъ φasq-ud̂; та же разновидность съ назализаціею африката d̂ на лицо въ грузинскомъ древне-литературномъ и позднѣйшемъ, причемъ эта назализація или, вѣрнѣе, привходящее наращеніе n на d̂,

1879, стр. 45—46), «какъ внутри храма священникъ играетъ большую роль и значеніе, такъ, и даже болѣе, внѣ храма havıṭ-mam, древне-литературно — yaverja-mam — Հաւիտ (Զէյթընցեան սրբազնոյն Հաւիտ կրօնն) մամն յաւերժամամն». Онъ||она имѣетъ свою миссію (պատգամն) какъ философъ и пророкъ, правотворецъ и судья. Говорятъ, что, когда въ уши hawiṭ-mam'а нашептываетъ хромой Гырохъ (Gərog̃ *Писецъ*), діаволъ св. Карапета, то онъ||она вѣщаетъ совершенно безошибочно (չսխալիր). Если ошибается, это отъ хромого Гыроха, чтобы, значитъ, посмѣяться надъ hawiṭ-mam'омъ. Видно, что и это преданіе также языческое, такъ какъ въ древности у армянъ былъ одинъ богъ [Տիւր Tiwr], который писать могъ людскія дѣла. Но нашъ hawiṭ-mam имѣетъ и иную должность, — должность чудотворенія, ибо, если пропадаетъ овца, рано или поздно пастухъ утѣшеніе находитъ у hawiṭ-mam'а, который, беря «волчьи узы» (գայլկապոց), т. е. палку и веревку, связываетъ ихъ съ молитвами. И тогда, если у волковъ того края пасти открыты, онѣ остаются открытыми, если онѣ замкнуты, замкнутыми, пока не будутъ развязаны волчьи узы».

[1] Подробнѣе объ Asφagur'ѣ въ цитованной (стр. 2077) работѣ *Племенной составъ населенія Кавказа*.

[2] См. выше, стр. 2083.

resp. ď, есть фонетическая особенность именно мегрело-чанской группы языковъ, какъ и дессибиляція аффриката ḓ, resp. ď, наличная въ осетинскомъ φ̭asq-ond-ı, собственно φ̭asq-onď-ı, да и въ грузинскомъ φ̭aшk-und-ı, по отвлеченіи воспринятаго осетинами вмѣстѣ съ основою и яфетическаго именного окончанія. Въ остальномъ два осетинскихъ названія φ̭aq-onď (φ̭aq-onď-ı) и φ̭asq-ond (φ̭asq-ond-ı) представляютъ два вида одного и того термина, усвоенныхъ отъ народа мегрело-ч̌анской группы, оба съ архаической огласовкой суффикса (-or вм. -ur), но съ закономѣрнымъ діалектическимъ перерожденіемъ его согласнаго элемента r въ ḓ>d (-onḓ, resp. -onď[1]>-ond), причемъ одинъ видъ съ основой по сибилянтному типу (φ̭asq-), другой — по спирантному (*φ̭ahq- > φ̭aq-) — φ̭asq-ond (< φ̭asq-onḓ) и φ̭aq-onď (изъ φ̭aq-onḓ, resp. *φ̭ahq-onḓ), точно такъ же, какъ, безъ діалектическаго перерожденія звука r въ его суффиксѣ тотъ же имѣемъ терминъ въ двухъ видахъ, сибилянтномъ — м. masq-ur и спирантномъ — г. φ̭aǵ-ur и т. п.

Съ первичной формой подъема m > p основа pask-, сохранившаяся у армянъ, появляется не только въ названіи птицы pask-uṭ, но и въ имени легендарно-историческаго лица, родоначальника именно того армянскаго дома, который во многихъ отношеніяхъ связанъ по существу съ возбуждаемымъ здѣсь нами вопросомъ: это — Pasq-am, родоначальникъ дома Angəḷ'a или Angəğ'a, внукъ hАйк'а, какъ то сообщаетъ М. Хоренскій, уже не по своей записи, а по записи народнаго преданія болѣе древнимъ армянскимъ историкомъ, его источникомъ[2]. О значеніи этихъ именъ, въ частности и родового названія Ang-əḷ || Ang-əğ (Им., при Р. Angeḷ || Angeğ), нарицательно означающаго *коршунъ* (но и *орелъ*, Н. Марръ, *Физіологъ*, стр. 104), сейчасъ уже можно сослаться на работу Н. Г. Адонца: *Торкъ—богъ древнихъ армянъ*[3], гдѣ есть уже подходъ къ вопросу объ Angəḷ'ѣ.

Коренное значеніе термина извѣстно, какъ и разнообразныя использованія его, различныя значенія въ различныхъ кругахъ семасическаго развитія на различныхъ или на однихъ и тѣхъ же языкахъ. Но ясно одно, что основное значеніе и осетинскаго слова φ̭asq-ond-ı || φ̭aq-onď-ı, названія миѳической птицы, есть *вѣщунъ*, *магъ*, *пророкъ*, *вѣстникъ*, собственно *звѣздочетъ*. Придется особо остановиться въ другомъ мѣстѣ по семасіологіи для освѣщенія связи понятій «вѣстникъ-птица» и «пророкъ-птица». Свидѣтельство непререкаемой связи между понятіями, правильно было бы сказать

[1] Появленіе ď вм. ḓ въ осетинскомъ φ̭aq-onď есть плодъ удовлетворенія органической потребности осетинъ въ опредѣленныхъ звуковыхъ нормахъ. Такое приспособленіе слова къ звуковымъ нормамъ природной рѣчи наблюдается и у грузинъ въ отношеніи φ̭asqunḓ: по личному сообщенію студента А. Алиханяна, существуетъ на грузинскомъ языкѣ разновидность φ̭aшk-unď, извѣстная ему по слышаннымъ сказкамъ, слѣдовательно, независимо отъ записанной въ Душетскомъ уѣздѣ версіи (см. выше, стр. 2088).

[2] I, 23 (24), ՊՀ, стр. 71,5-6.

[3] На арм. языкѣ — *Տորք աստուած հին Հայոց* (*Յուշարձան*, стр. 389—394).

образами — «пророкъ» и «вѣстникъ» въ народныхъ представленіяхъ Передней Азіи имѣемъ въ персидскомъ терминѣ peyǧambar *пророкъ*, собственно означающемъ «носителя вѣсти», «вѣстника» (h. patgamaber).

Сродство понятій или точнѣе образовъ «пророкъ» и «птица», быть можетъ, дало въ соотвѣтственной лингвистической средѣ основаніе для переработки одной изъ притчъ *Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ* въ версію, наличную въ арабскомъ изводѣ — «О птицѣ, уподобленной пророкамъ»[1]. Семасическая связь вѣщей, одаренной рѣчью птицы или вѣстника-*птицы* со звѣздой, что̀ въ основѣ нашего термина *пророкъ*, отвлеченно-лингвистически могла бы найти поддержку и въ томъ, что и сіяніе и ласточка происходятъ отъ одного и того же корня[2]. Но, когда понятія «птица» и «пророкъ» сходятся въ одномъ названіи, опредѣляющемъ посредника двухъ міровъ, семасіологія вскрываетъ болѣе глубокій слой народной психологіи и связаннаго съ нею миѳотворчества, область народныхъ вѣрованій о звѣздѣ-судьбѣ и звѣздѣ-душѣ.

Если въ среднеперсидскомъ памятникѣ читается, что звѣзды — души людей, то это не значитъ вовсе, будто источникъ этого утвержденія надо искать въ книжной, да еще обязательно иранской средѣ[3].

Античному міру извѣстно, какъ народное вѣрованіе, отожествленіе души и звѣзды.

Птица-душа, въ связи съ представленіемъ о звѣздѣ-душѣ или независимо отъ него, относитъ къ иному миѳологическому циклу, чѣмъ то, что группируется вокругъ вѣщей птицы или вѣстника-звѣздочета, особенно поскольку въ птицѣ-душѣ усматривается душа умершихъ, какъ то выясняется въ работѣ G. Weicker'а *Der Seelenvogel in der alten Litteratur und Kunst. Eine mythologisch-archaeologische Untersuchung*, Лейпцигъ (1902)[4]. Птица-душа и лингвистически имѣетъ особое обоснованіе въ яфетидологіи, что̀ могло являться независимымъ источникомъ для народнаго миѳотворчества.

Съ нашей вѣщей птицей, существомъ нижняго міра, имѣющимъ легкое общеніе съ верхнимъ, птица-душа могла бы быть сближена

---

[1] Fr. Hommel, *Die älteste Arabische Barlaam-Version*, Вѣна 1887, стр. 41.

[2] Н. Марръ, Մարգարէ, стр. 1057,10.

[3] Въ свидѣтельство независимости такого представленія о звѣздѣ, какъ душѣ, хотѣлъ я сослаться на индивидуальное творчество грузинскаго поэта XIX—XX вѣка Акакія Церетели, на его извѣстное съ образомъ «звѣзда-душа» стихотвореніе, но близость Акакія Церетели къ народной рѣчи и народной психологіи, его κατ' ἐξοχὴν народность въ степени, приближающейся къ творчеству Шоты изъ Рустава, требуетъ предварительнаго выясненія, не существуетъ ли и нынѣ народно въ Грузіи такое представленіе о звѣздѣ-душѣ. Впрочемъ это не подтвердило бы вовсе того, кто такое народное представленіе захотѣлъ бы производить непремѣнно изъ иранскаго источника.

[4] Пользуюсь случаемъ благодарить С. Ѳ. Ольденбурга какъ за всегдашнюю готовность помогать освѣдомленіемъ, такъ и за указаніе на эту книгу и предоставленіе экземпляра въ пользованіе.

лишь постольку, поскольку она — существо подземнаго или загробнаго міра[1].

Къ циклу сказовъ о нашей вѣщей птицѣ относятся развѣ то, что по Weicker'у составляетъ «совершенно самостоятельное позднѣйшее образованіе (Weiterbildung) сказаній о сиренахъ», именно «эллинистическія народныя сказки у Псевдокалисѳена III, 29»[2]. Особенно тѣ сказанія, въ которыхъ рѣчь о чудесныхъ птицахъ съ человѣчьими головами, содержимыхъ царями въ золотыхъ клѣткахъ: въ качествѣ устъ боговъ онѣ учатъ праву и справедливости[3]. Культовое значеніе этого рода вѣщихъ птицъ явствуетъ изъ нахожденія ихъ въ храмѣ Аполлона въ Дельфахъ[4]. По жизни Аполлонія Тіанскаго I, 25 четыре такихъ вѣщихъ птицы имѣлись во дворцѣ персидскаго царя, ихъ называли языками боговъ, къ нимъ приспосабливались и маги: ταύτας οἱ μάγοι αὐτοί φασιν ἁρμόττεσθαι φοιτῶντες ἐς τὰ βασίλεια[5].

Когда со звѣздой отожествляется сирена, то вплетеніе этого существа, какъ вѣщаго, находится въ связи съ иного порядка миѳологическими представленіями. Самый фактъ отожествленія сирены со звѣздой, также извѣстенъ греческому античному міру: «сирена=звѣзда», выходитъ по этому источнику миѳологическихъ представленій, засвидѣтельствованныхъ рядомъ писателей—Ѳеонъ Смирн., p. 146, 147, Евстаѳій, p. 1709, 34 (ἐν δὲ ῥητορικῷ λεξικῷ εὕρηται καὶ ταῦτα. Σειρῆνες τὰ ἄστρα). Подкрѣпляя существованіе въ древности такого отожествленія ссылкой еще на Гезихія и Свиду, Weicker это «непонятное сопоставленіе (Gleichsetzung)» возводилъ къ этимологическимъ упражненіямъ[7]. Между тѣмъ связь сиренъ, насколько онѣ являются вѣщими, со звѣздами, находится въ самой неразрывной связи съ реальной сущностью нашей вѣщей птицы — птицы-мага или птицы-*звѣздо*чета.

---

[1] G. Weicker, ц. с., стр. 72. Въ такомъ случаѣ одна черта, именно выкусываніе мяса изъ ногъ, могла бы быть разсмотрѣна въ свѣтѣ представленія о птицѣ-вампирѣ, какъ исключительно мыслитъ себѣ сирену Weicker въ связи съ природою загробной птицы (ц. с., стр. 84 et pass.).

[2] ц. с., стр. 80. Weicker'а работа однако представляетъ весьма добросовѣстное исполненіе опредѣленнаго заданія — доказать, чего онъ и достигаетъ соотвѣтственно изложенными матеріалами, что «какъ существо сирены, такъ и имя чисто греческое. Онѣ «запугивающіе», безисходно связывающіе цѣпями и душащіе. Въ нихъ нѣтъ ничего семитическаго»: имѣется въ виду утвержденіе о «сказкахъ финикійскихъ моряковъ». Weicker признаетъ, что представленія или «міровоззрѣнія (Anschauungen), связанныя съ ними, — международныя, и именно потому мы должны быть осторожными», но по его заданію остеречься предлагается того, какъ бы не «поставить въ счетъ чуждаго, не-греческаго вліянія хотя бы мельчайшую, кажущуюся побочной чертой сказанія» (ц. с, стр. 84). Потому, вѣроятно, авторъ отказался въ настоящей работѣ отъ резсмотрѣнія восточныхъ параллельныхъ разсказовъ» (ц. с., стр. 81, прим. 1).

[3] ц. м.

[4] ц. м.

[5] *Vita Apoll. Thyan.* I, 25 по Weicker'у, ц. с., стр. 81.

[6] Weicker, ц. с., стр. 57.

[7] ц. с., стр. 57, прим. 6: «Etymologische Spielereien mit Σεῖρος καὶ Σειρῆνες rechtfertigten die gelehrten Kritikern unverständliche Gleichsetzung».

Особый для насъ интересъ представляетъ тотъ фактъ, что «культъ звѣздъ существовалъ у южныхъ славянъ»[1], т. е. въ населенiи того культурно-историческаго района, который нѣкогда достаточно было въ его этнографическихъ особенностяхъ признавать съ «отголосками ѳракiйско-македонскаго народно-*классическаго* культа». Но нынѣ, при томъ довольно давно, во всякомъ случаѣ съ 1904-го года, когда появилась работа д-ра Wilke о сродствѣ нижне-дунайскихъ и кавказскихъ древностей[2], такому утвержденiю поперегъ дороги лежатъ все болѣе и болѣе выдѣляющiя этотъ особый мiръ археологическiя толкованiя подпочвенныхъ памятниковъ площади, населяемой нынѣшними преемственными этническими элементами. Такую особенность того же сѣвернаго мiра ощущалъ и сознавалъ въ сферѣ своей спецiальности нашъ незабвенный работникъ по сравнительному изученiю народныхъ литературъ, и это приводило его къ убѣжденiю, «что дуализмъ знакомыхъ намъ легендъ о мiрозданiи не слѣдуетъ исключительно объяснять изъ иранскихъ представленiй, объявившихся въ историческихъ формахъ богомильства»[3]. То же убѣжденiе его и толкало на исканiе новаго этническаго источника. Названный ученый случайно черпнулъ подходящiй къ темѣ кавказскiй матерiалъ изъ грузинскихъ и сванскихъ сказанiй[4], но онъ отмѣтилъ лишь то, что «сван⌈ет⌉ская космогоническая легенда не выводитъ насъ за границы ея предположеннаго нами (А. Н. Веселовскимъ) географическаго распространенiя въ Европѣ». А. Н. Веселовскiй не чуялъ, что онъ вступилъ въ самую чащу яфетическаго мiра, онъ и не предполагалъ существованiи этого особаго этническаго мiра, притомъ въ такой близости. Стоя передъ вопросомъ, «какое этническо-религiозное вѣрованiе легло въ основу сказанiя о братьяхъ-творцахъ, Богѣ — и Сатанаилѣ?» и проникнутый сомнѣнiемъ въ арiйскомъ его источникѣ, онъ неизбѣжно приходилъ къ предположенiю, что искомое этническо-религiозное вѣрованiе — «тюркско-финское»[5]. Съ такимъ выходомъ изъ затрудненiя, подсказывавшимся орiентированностью ученыхъ прошлаго, да и давно наступившаго текущаго столѣтiя въ культурныхъ мiрахъ, мы встрѣчаемся не разъ. Между тѣмъ мiръ былъ и есть значительно шире, чѣмъ можно видѣть изъ окна иранизма, обращеннаго лицомъ на сосѣдящiе, да и то не совсѣмъ точно извѣстно, съ какого времени, съ иранцами, урало-алтайскiе и угро-финскiе народы.

Нашъ же яфетическiй терминъ лишь по использованiи примѣнительно

---

[1] А. Веселовскiй, *Разысканiя*, стр. 238, ср. далѣе и стр. 239—240.
[2] *Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und den untern Donauländern*, Zeitschr. für Ethnologie, 1904.
[3] А. Н. Веселовскiй, *Разысканiя*, вып. шестой, XVIII—XXIV, стр. 117.
[4] ц. с., стр. 113—117.
[5] ц. с., стр. 117.

къ миѳологическимъ представленіямъ опредѣленной среды могъ получить и получилъ значеніе какой-то «*чудесной* птицы», прежде всего «*вѣщуна*-пернатаго», «*вѣщей*-птицы». И въ этомъ смыслѣ, какъ и первичномъ, слово является культовымъ терминомъ, — терминомъ до-христіанскихъ и до-арійскихъ яѳетическихъ религіозныхъ вѣрованій.

Появленіе его въ св. Писаніи первичной версіи и армянъ, и грузинъ еще разъ говоритъ о тѣсной связи первоначальнаго перевода армянскаго и грузинскаго съ мѣстной народной религіозно-духовной жизнью, наблюденный случай преумножаетъ вкладъ оригинальныхъ культурныхъ терминовъ яѳетическаго міра въ переводные тексты грузинской и армянской версіи св. Писанія.

Зарегистрированіе такого яѳетическаго термина въ осетинской живой старинѣ, въ осетинскихъ сказаніяхъ, есть первый случай, но и этотъ одинъ случай настолько показателенъ, что вынуждаетъ сужденія объ осетинскомъ народномъ эпосѣ высказывать съ оглядкой, не ограничивая себя кругозоромъ иранскаго культурнаго міра и иранской филологіи и чутко относясь къ матеріаламъ окружающаго коренного яѳетическаго кавказскаго населенія. Чуткость требуется не только къ добру непосредственно сосѣдящихъ племенъ, но и къ достоянію отрѣзанныхъ нынѣ отъ непосредственнаго общенія съ осетинами народовъ, въ данномъ случаѣ мегреловъ и чановъ, коренного населенія во многихъ отношеніяхъ интересной и столь же многократно забываемой архаичной Колхиды[1]. Однако вопросъ иной, какъ назывался народъ мегрело-чанской или шипящей группы, отъ котораго осетины усвоили это столь ярко-этнически опредѣляемое слово, и гдѣ и когда у осетинъ былъ контактъ съ тѣмъ народомъ. Но это вопросъ, требующій предварительнаго преумноженія матеріаловъ, иллюстрирующихъ такой контактъ.

---

[1] Непосредственное общеніе съ аланской страной проявляютъ мегрелы въ томъ, что имъ народно извѣстны аланы, но подъ аланами они нынѣ понимаютъ турокъ-карачаевъ (А. Цагарели, *МЭ*, I, стр. 72 въ *Сказаніи объ Арам-хуту*).

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Описаніе исмаилитскихъ рукописей, собранныхъ А. А. Семеновымъ*.

А. А. Семенова.

(Представлено академикомъ В. В. Бартольдомъ въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 23 (10) октября 1918 года).

Ниже упоминаемыя исмаилитскія рукописи собраны мною за время съ 1915—1916 гг., при чемъ старые списки были мнѣ доставлены изъ Шугнана знакомыми исмаилитами въ Ташкентъ, а новѣйшія копіи были сдѣланы, по моей просьбѣ, чрезъ бывшаго начальника Памирскаго отряда И. Д. Ягелло, очень грамотнымъ человѣкомъ въ Шугнанѣ Сеййдъ-Шā̄зāде-Мухаммедомъ, братомъ теперешняго пира въ Пōршиневѣ Сеййдъ-Юсуф-'Алӣ-Шā и сыномъ извѣстнаго пира Сеййдъ-Фаррухъ-Шā, принимавшаго въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг. прошлаго вѣка участіе въ политической жизни страны, въ событіяхъ, предшествовавшихъ первому Памирскому разграниченію 1885 г.[1]. Шāзāде-Мухаммеда мнѣ рекомендовали временно жившіе въ Ташкентѣ исмаилиты, какъ человѣка ученаго, очень свѣдующаго въ исмаилизмѣ и обладающаго отличнымъ почеркомъ (по смерти своего отца онъ готовился быть пиромъ, но страсть къ опіекуренію, по словамъ шугнанцевъ, погубила этого несомнѣнно способнаго человѣка и онъ нынѣ раздѣляетъ свое время между чтеніемъ книгъ и своимъ пагубнымъ порокомъ).

Имѣя составленный мною въ Ташкентѣ, по распроснымъ свѣдѣніямъ, списокъ книгъ, находящихся въ обращеніи у памирскихъ исмаилитовъ, я

* [Исмаилитскія рукописи пожертвованы А. А. Семеновымъ Азіатскому Музею Россійской Академіи Наукъ и занесены въ инвентарь 1918 года подъ №№ 1147—1155].

[1] О немъ см. въ моей «Исторіи Шугнана», помѣщенной въ «Прт. Засѣд. и Сообщ. членовъ Турк. Кр. Люб. Арх. Годъ XXI. Ташк. 1917».

пытался было достать ихъ всѣ въ оказавшихся спискахъ, но, къ сожалѣнію, или владѣльцы наотрѣзъ отказывались ихъ продать или предлагавшіеся списки были крайне несовершенны въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ, вслѣдствіе чего приходилось со всего недостающаго снимать копіи, снабжая переписчика бумагою, тушью и киноварью. Къ сожалѣнію, не смотря на свои связи съ читающимъ людомъ Памировъ, Сеидъ-Шāзāде-Мухаммедъ не могъ всего переписать, что ему поручалось, потому что или владѣльцы нужныхъ рукописей отсутствовали, или жили въ отдаленныхъ селеніяхъ, а иногда и въ предѣлахъ Афганистана, почему снять такія копіи можно было лишь при случаѣ (списку такихъ недоставленныхъ мнѣ рукописей я предполагаю посвятить отдѣльную замѣтку по имѣющемуся у меня ихъ перечню съ указаніемъ авторовъ).

Всѣ ниже перечисляемыя рукописи мною жертвуются въ Азіатскій Музей Россійской Академіи Наукъ, въ богатѣйшихъ рукописныхъ сокровищницахъ котораго уже имѣются нѣкоторыя сочиненія по восточному исмаилизму, доставленныя энергичнымъ изслѣдователемъ народностей Шугнана и Рошана, И. И. Зарубинымъ[1]. Болѣе или менѣе подробному описанію этихъ рукописей, предпринятому по желанію директора Азіатскаго Музея, академика С. Ѳ. Ольденбурга, и посвящаются дальнѣйшія строки этой статьи.

---

1. اشعار ناصر خسرو

«Стихотворенія Насыри-Хосрова». Начало послѣ بسم الله первой قصيده:

در بند مدارا کن وبر بند میانرا * در بند مکن خیره طلب ملك دارا
گر تو بمدارا کنی آهنگ بیابی * بهتر بسی از ملکت دارا بمدارا

Всѣ стихотворенія расположены въ алфавитномъ порядкѣ по конечной буквѣ заключительныхъ словъ каждаго стиха и оканчиваются قصيده на букву ن (единственною), сочиненною размѣромъ هزج, начало которой:

این گنبد پیروزهٔ بی روزن گردان * چونست گلستان گه وگاهی چو بیابان

По словамъ знакомыхъ мнѣ исмаилитовъ сборникъ стиховъ Насыри-Хосрова не былъ законченъ авторомъ, вслѣдствіе чего всѣ его такъ называемые «полные диваны» представляютъ собою позднѣйшія поддѣлки и

[1] Описаны В. А. Ивановымъ въ статьѣ «Исмаилитскія рукописи Азіатскаго Музея. (Собраніе И. Зарубина, 1916 г.)», ИРАН, 1917. 359—386.

дополненія. Подобный незаконченный сборникъ стиховъ Насыри-Хосрова имѣется у чиновника бухарскаго кушбеги, Тюрякула «джевачи», въ видѣ великолѣпной старинной рукописи, безъ даты, украшенной превосходными, во всю страницу, миніатюрами, повидимому, индійской работы, какъ и вся рукопись.

Рукопись написана на плотной толстой бумагѣ отличнымъ наста'-ликомъ типа «мирзāй» рукою Сеидъ-Шāзāде-Мухаммеда въ реджебѣ 1334 г. хиджры со списка, сдѣланнаго его отцомъ, пиромъ Сеидъ-Фаррухъ-Шā, какъ это видно изъ каллиграфически сдѣланной надписи на отдѣльной страницѣ, предъ началомъ самыхъ «Стихотвореній»: هذا کتاب اشعار سیّد ناصر خسرو بدست خطّ فقیر الحقیر سراپاتقصیر سیّد شاهزاده محمّد ابن سیّد فرّخ شاه غفر الله ذنوبهما باتمام رسید در غرّهٔ شهر رجب المرجب در سنهٔ ۱۳۳۴ هجری از نسخهٔ کتاب خلیفه محمد شاه ابن شاه دولت از دست خطّ سیّد فرّخ شاه.

Каждая страница имѣетъ двойной جداول изъ красныхъ и синихъ линій.

87 лист. разм. 28×22½ сант., по 10 стр. на страницѣ. Ср. Rieu, Suppl. to Cat. Pers. MSS, Lond. 1895, p. 141 и Ethé, Cat. of Pers. MSS, Oxford, 1903, pp. 564—565.

Инв. 1918, № 1147.

2. امّ الکتاب — «Матерь Книги».

Начало послѣ بسم الله:

بسم الله ومن الله هذا مناجات فا الله یسره ویعلن وحنا الموت والحیوت وکل نور نبیّ وحالات وعلامته فقال الجابر ابن عبد الله انور من المقالات امّ الکتاب سراج امام مبین محمّد باقر بمعنی ولقد جالتی اللتی فیض فیها

«Матерь книги» (или, вѣрнѣе, «Матерь всѣхъ религіозныхъ книгъ») — самая священная книга у памирскихъ исмаилитовъ, которую могутъ читать только лица, достигшія высшихъ посвященій въ тайны своего религіознаго ученія, вслѣдствіе чего достать эту книгу довольно затруднительно (я, напримѣръ, былъ связанъ обѣщаніемъ сучāнскому пиру Сеидъ-Мурсалю, давшему свою рукопись для снятія съ нея копіи, что не буду никому изъ исмаилитовъ давать читать امّ الکتاب). Мѣстные пиры считаютъ эту книгу основою всѣхъ книгъ, въ которыхъ заключаются «весь Законъ и Пророки», что, впрочемъ, опредѣляется и слѣдующими словами самой امّ الکتاب: واین کتابرا کتاب لاحات خوانند که اصل ومایهٔ کتاب توریت وانجیل وزبور وفرقان وهر کتاب که درین جهانست معنیٔ همه درین کتاب باز گفته است (л. 2ᵃ)

О происхожденіи этой книги говорится въ такихъ выраженіяхъ: .....واین در شهر (مکّه) در محلّهٔ قریش ابن هاشم در خانهٔ عبد المناف گفته است ودر خزانهٔ باقربود جابر جعفی بدر آورده در کوفه آورده اند تا بروزهگار هارون ابن عبد العظیم بعراق آورده اند بروزگار وفات خویش بمؤمنان ومرسلان سپرده است (л. 2б)

Содержаніе книги въ началѣ составляетъ разъясненіе имамомъ Бāкыромъ, сыномъ имама Зейнул-'Āбидӣна, мистическаго смысла названій первыхъ арабскихъ буквъ, разрѣшеніе различныхъ богословскихъ трудностей и т. п., при чемъ эти разъясненія имамомъ начинаютъ даваться въ пятилѣтнемъ возрастѣ, когда онъ былъ отданъ въ школу 'Абдуллы Сабāха (که اورا بکتّاب عبد الله صباح فرستادند). Пораженнаго всѣмъ слышаннымъ отъ своего необыкновеннаго ученика 'Абдуллу Сабāха посѣщаютъ видѣнія Пророка, 'Алӣ, его жены Фатьмы и друг.; 'Абдулла Сабāхъ выходитъ на улицу и заявляетъ мекканцамъ, что ни на небѣ, ни на землѣ у него нѣтъ другого Бога, кромѣ Мухаммедъ-Бāкыра, сына Зейнул-'Āбидӣна. Слышавшій это народъ рѣшилъ, что 'Абдулла Сабāхъ отъ старости сошелъ съ ума; донесли Зейнул-'Āбидӣну и тотъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Мухаммедъ-Бāкыромъ приказали предать 'Абдуллу Сабāха смерти, а тѣло его сжечь, за богохульство и возбужденіе народа. Когда Мухаммедъ-Бāкыръ пришелъ домой, къ нему собрались всѣ его «просвѣтленные»[1] сверстники (چون باقر بخوانه شد آنهمه روشنیان که هامال وهمسال باقر بودند برو گرد آمدند) какъ то: جابر ابن عبد الله انصاری وجابر جعفی وجعفر جعفی وصعصعی ابن جرهان, которые стали свидѣтельствовать предъ нимъ, что все сказанное 'Абдулла Сабāхомъ — правда и что онъ не подлежитъ за это смерти, почему Мухаммедъ-Бāкыръ не правъ, отдавъ съ отцомъ своимъ приказъ о преданіи его смерти, но Мухаммедъ-Бāкыръ объясняетъ имъ, почему 'Абдулла Сабāхъ, сорвавшій завѣсу съ божественныхъ тайнъ и начавшій разглашать послѣднія — повиненъ смерти. Съ этого начинаются вопросы сверстниковъ и друзей имама Мухаммедъ-Бāкыра относительно истолкованія истиннаго смысла различныхъ выраженій священнаго писанія и чудесъ мусульманства. Такъ, Джāбиръ-'Абдулла-Ансāри проситъ объяснить, что̀ означаетъ чудесный случай съ минаретомъ въ Куфѣ, когда этотъ неодушевленный предметъ поклонился 'Алӣ, сдѣлавшемуся халифомъ. Мухаммедъ-Бāкыръ объясняетъ, что этотъ чудесный

---

[1] О двухъ толкахъ восточнаго исмаилизма «тараттубія» (ترتّبیه) и «раушанія» (روشنیه) см. въ моей статьѣ «Шейхъ Джелал-уд-Динъ Руми по предст. шугн. исм.» въ XXII т. ЗВО, стр. 252—253, а также ср. съ этимъ объясненія въ 3-ьей гл. هفت باب (по моей ркп. — 107 стр.; о рукописи см. ниже).

случай вызывался тѣмъ обстоятельствомъ, что появленіе 'Алӣ на землѣ есть проявленіе на ней Божества и что его появленіе въ этомъ мірѣ въ роли халифа было возвѣщено архангелами и небесамъ, и землѣ, и горамъ, и морямъ, и растеніямъ и всему тому, что въ нихъ есть (يا جابر ظهور آلهى بود كه در ولايت على بر مناره پيدا گشت وظهور او بپذيرفت وسجود ومتابعت كرد يا جابر آنروز كه امير المؤمنين على بولايتى وخليفتى ظهور كرد ظهور على بر همه جهانيان عرض كردند بر آسمان وزمين وكوه ودريا ونباتات وهرچه بدين ماند وبرين موكلان كه نامشان جبرئيل وميكائيل واسرافيل وعزرائيل است اين ظهورات عرض كردند стр. 19). И все, что признало воплощеніе Божества въ правленіи 'Алӣ на землѣ, на томъ почили всѣ блага, а все, что не признало — было осуждено на мученіе и прозябаніе; такъ, всѣ небеса признали воплощеніе Божества въ правленіи 'Алӣ и поэтому всѣ звѣзды, солнце и луна такъ ярки и блестящи, горы, признавшія это, покрыты разными плодоносными деревьями, полезными людямъ, и лекарственными растеніями, въ нѣдрахъ этихъ горъ находятся драгоцѣнные камни, а среди такихъ горъ живутъ всякія дикія животныя и птицы, служащія на пользу людямъ; горы же, не признавшія Божества въ правленіи 'Алӣ—суровы и лишены растительности, и т. под. Послѣ сего (со стр. 22) идетъ разъясненіе Мухаммедъ-Бāкыромъ сокровеннаго смысла выраженія بسم الله الرحمن الرحيم, которое ставится въ началѣ всѣхъ суръ Кор'āна и которое произноситъ каждый, принимаясь за то или иное дѣло. Это объясненіе, а равно и дальнѣйшее изложеніе бесѣдъ имама Мухаммедъ-Бāкыра связывается съ субстанціями и положеніями, относящимися къ космогоніи духовной и вещественной, исповѣдуемой въ шіитскомъ духѣ, но корни и происхожденіе которой, несомнѣнно, восходятъ къ разнымъ религіозно-философскимъ системамъ до-мусульманскаго періода и отчасти къ христіанскимъ апокрифамъ (стр. 105—106 разсказъ о рожденіи Христа). При этомъ ȯбразы и уподобленія, мѣстами принимающія апокалиптическій характеръ, повидимому, скрываютъ другое значеніе, чѣмъ ихъ буквальный смыслъ, и истолкованіе этого сокровеннаго значенія слѣдуетъ искать у особо посвященныхъ въ высшія тайны религіи.

Между прочимъ, помимо обожествляемаго 'Алӣ первенствующее мѣсто отводится سلمان القدرت (очевидно — Сальману Фарси), о которомъ Верховный Владыка (ملك تعالى) говоритъ, призывая его на борьбу съ невѣрными (стр. 63): «Сальманъ, ты — дверь ко Мнѣ, ты — книга Моя — Кор'анъ, Слово Божіе, ты — Моя десница», и т. п. (پس ملك تعالى جلت عظمته سلمان القدرت را گفت يا سلمان تو باب من وكتاب منى القرآن كلام الله ودست

راست منی اَنْتَ یَد اللّٰه فوق ایدیهم در همه درگاه ودیوان وحجاب من ورسول من توئی وعرش منی که خداوندم امانت‌دار من توئی وروح من از حجاب تو ظهور کند واز جانب تو من خداوندم وتو خداوند همه مؤمنانی وحکم آسمان وزمین در دست تست ومن خداوند تو ام وتو خداوند همه آسمان وزمینی اینست که این کافران با ما بی‌ادبی آزر میکردند وجنك وجدل کردند[1] همه کوهها وکمرها وبیابانها ودریاها از ایشان پدید کن).

Географическія и лингвистическія понятія настоящей книги можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ выдержекъ изъ нея:

... واین هفت ملائکتان هفت اقلیم زمین اصل وگوهر ایشان بیافرید نخست سلمان القدرت از آن منازل اوّلین تا آنکه انکار کرده اند اقلیم زنگ وزنگبار پدید کرده وبآنهمه کوهها ودریاها که دروست ومقداد وهندوستان از منازل دویم بیافرید وبادز ترکستان وچین وماچین از منازل سویم بیافرید وعمار خراسان از منازل چهارم بیافرید وباحریر اقلیم مصر از منازل ششم بیافرید وباکمیل روم از منازل هفتم پدید کرد وآفرینش دنیا از باکمیل بتمام وکمال بود ودوازده کشور ودوازده نقیبان بیافریدند وهند وتبت وبربر وروم وحبش ومغرب وسقلاب وبیست وهشت جزیره از آن کل وتول ایشان بیافریدند در میان بحرهای عظیم چون جزیرهٔ سراندیب واسکندریه وقسطنطنیه وبرقبوس وفرغانه واوجان وسواد ماسین وبرقیه وجزیرهٔ گیلان وارمنیه وسقلان ونصیبین وملطیه وینان ومکران وسغد وطائف وطروسوس وکش وعمان وجزیرهٔ گرگ وسگست وکردان‌کوه هفت بزرگ همه از این میان بیافرید ونفت وگوگرد وقطران وفروناغون وزاك ونمك از احلاطهای ایشان پدید کرد (стр. 64–65)

... ملك تعالی گفت که شمارا شرط باید بستن تا از ما ومن دور باشید وازین چهار شرط یکی آنست که در هر شخص وقالب که ظهور من بوبینید[2] بهر زبان وآواز که باشد بتازی وفارسی ورومی وهندی وسندی وگرجی وسقلابی وصورتی گواهی دهید بیشك وشبهتی وحجتی که آرید صادق باشید (стр. 80)

Рукопись писана на русской линованной бумагѣ хорошимъ наста'ликомъ рукою того же Сеиидъ-Шāзāде-Мухаммеда, при чемъ съ половины

---

[1] جنگ وجدل کردن — таджикское выраженіе въ значеніи «воевать», а جنك وجدل شدن — «драться» (напр. — «подраться изъ-за женщины» — بالای ضعیفه جنگ وجدل شدن).

[2] Таджикская форма горныхъ нарѣчій, въ силу ея بِ (бă) повелительнаго наклоненія передъ глаголами, начинающимися съ ب и پ (بستن, پذیرفتن и т. п.), произносится какъ بو (бӯ). Эта форма встрѣчается почти во всѣхъ моихъ исмаилитскихъ рукописяхъ.

рукописи почеркъ хуже, потому что переписчикъ торопился при случившейся оказіи переслать мнѣ сдѣланную имъ копію. Всѣ стихи изъ Кор'ана и стихи хадисовъ писаны насхомъ со всѣми надстрочными и подстрочными знаками. Оригиналомъ для этой рукописи послужилъ списокъ, принадлежащій, какъ выше сказано, сучанскому пиру Сеййдъ Мурсалю; въ отношеніи его даты и происхожденія на немъ имѣется такая запись: راقمهٔ حاجی جلالی زین خلیفه سنك از موضع شیراز تمت تمام کار بنده نظام هذا این کلام شریف ام الکتاب بعون الملك الوهاب تمام شد در یوم یکشنبه در ماه شعبان در سال موش تمام شد.

Настоящая копія закончена во вторникъ 9-го Раби'ус-Сāни 1333 г. хиджры и заключаетъ 172 нум. + 1 ненум. страницу, разм. 21 × 17 сант. по 10—11 стр. на страницѣ.

Полный кожаный переплетъ изъ темно-коричневаго сафьяна русской работы.

(Къ этому позволю себѣ добавить, что имѣется еще извѣстный мнѣ списокъ ام الكتاب въ Асхабадѣ, вывезенный его владѣльцемъ изъ Сеистана; къ сожалѣнію, я не помню теперь его даты и имени переписчика (запись объ этомъ у меня осталась въ Средней Азіи), мѣсто же переписки списка, помнится, — Ширазъ).

Инв. 1918, № 1148.

3. رسالات مختلفه — «Различные трактаты».

Старая почитанная рукопись, писанная довольно недурнымъ тонкимъ наста'ликомъ на сравнительно плотной восточной бумагѣ, содержитъ слѣдующія сочиненія:

I. [نوروزنامه] (съ 1 по 13 листъ).

Начало послѣ اللّهم يا مولانا بسم الله:

موعظهٔ فی ساعت المذکور المبارك بر ضمایر عاطر الو الابصار وخاطر عرفان وزخایر ابراد وطبایع مستظهران این صفهٔ صفا استظهار آفتاب وار وقمرآثار روشن ومبرهن است

и т. д.

Заключаетъ шестнадцать положеній, соблюдая которыя человѣкъ совершенствуется нравственно и каждый день его жизни дѣлается «новымъ днемъ» (نوروز) въ смыслѣ его нравственнаго обновленія. Это رساله собственно не названо въ текстѣ и только въ концѣ его стоитъ نور (?) نامه پرغام (повиди-

мому, слово رساله не дописано). Согласно его содержанію я выставилъ вышеприведенное заглавіе этого رساله.

II. مطلوب المؤمنين — (съ 14ᵃ по 24ᵇ).

Начало послѣ اللهم يا مولانا и т. д.:

هذا نسخهٔ مطلوب المؤمنين الحمد لله الذى عرفعنا (sic) بنفسه وعلمنا بشكره وفتحنا ابواب العلم بربوبيّة ودلّنا من الاخلاص فى جيده هرچند كمترين بندهگان دعوت هاديه محمد غود محل آن نمى‌يابد كه ازعلم سخن گويد امّا چون حضرت لايزال اشارت فرموده اند كه اين بنده آنچه از فضول (sic) مبارك واز كتب پيشوايان دين خوانده واين معاملات شنيده شمهٔ با مؤمنان طالب تقرير كنند.

Содержаніе этого رساله можно видѣть изъ названія слѣдующихъ отдѣловъ (فصل): فصل اوّل در بيان مبدؤ مقالات — فصل دويم در بيان مؤمن اسماعيلى — فصل سيويم (sic) در بيان تولى وتبرا — فصل چهارم در بيان هفت اركان شريعت.

III. رسالهٔ دين ومذهب (съ 24ᵇ по 53).

Начало послѣ اللّهم يا مولانا и проч.:

مستور نماند كه هفت نكته از فصول حضرت امير المؤمنين على كرم الله وجهه درين كتاب ذكر يافت.

Касается различныхъ положеній и лицъ, почитаемыхъ исмаилитами; между прочимъ приводится длинный рядъ именъ имамовъ и худжжетовъ. Начало этого перечисленія: يا مولانا از مشرق تا بمغرب جملهٔ بندگان را در سايهٔ حشر خود نگاه دارى واگر كسى گناه كند در سايهٔ رحمت خود بيامرزى وهدايت دهى يا مولانا بحق آن ناميك خودرا عبد المناف نام كردى بحق آن ناميك خودرا عبد المطلب نام كردى بحق آن ناميك خودرا ابو طالب نام كردى بحق آن ناميك خودرا على نام كردى (л. 46ᵃ).

IV. رسالهٔ شرح المراتب (съ 54 по 62 л.).

Начало послѣ بسم الله:

اللّهُ الذى خَلَقَ السّموات ومن الارض مِثْلَهُنَّ تَنَزَّلُ الامر بَيْنَهُنَّ لِتَعْلَمُونَ إِنَّ اللهُ على كُلِّ شَىٌّ قَدِيرٌ وَإِنَّ الله قَدْ اَحَاطَ بِكُلِّ شَىٌّ عِلْمًا اين رسالهٔ‌يست مرتب بر هفت مرتبه در شرح اسماء هفت حدود دين ووجه دين قسميه هريك واطلاق نيك در هر زمان بآن نام مشهور ميشوند.

Каковы эти «названія семи границъ исмаилизма», какова «внѣшняя сущность каждой границы» и вообще въ чемъ заключается содержаніе этого интереснаго трактата, — объ этомъ даетъ понятіе нижеслѣдующій перечень всѣхъ семи степеней: مرتبهٔ اوّل امام است — دويم مرتبهٔ (sic) باب اقدس — مرتبهٔ سويم حجّت است — مرتبهٔ چهارم داعى — مرتبهٔ پنجم مأذون اكبر — مرتبهٔ ششم مأذون اصغر — مرتبهٔ هفتم مستجيب.

V. بيان هفت اركان شريعت (съ 63 по 66^{а} л.).

Начало послѣ اللهم يا مولانا и т. д.:

الحمد لله الّذى جَعَلَ العلم فريضة على كلّ مُسْلِمٍ ومسلمةٍ بدانكه الله تعالى دنيارا كشتگاه آخرت آفريده است بر بندهٔ مؤمن يعنى هر كه درين سراى فنا رهگذار گذر كرد и т. д.

Толкованіе, въ исмаилитскомъ духѣ, семи главнѣйшихъ положеній религіи: شهادت, طهارت, نماز, روزه, زكّات, حجّ и امام زمان.

VI. رسالهٔ ساده (съ 69^{б} по 95^{а} л.)[1].

Начало послѣ اللّهم يا مولانا и т. д.

بسم الله وصلوات على رسوله محمّد وعطرت وسلّم زان پيش كه بگذرم بسر منزل عشق * گويم خبرى چند زدرد دل عشق * گر بخت مدد كند بكام دل عشق * آسان كنم از كلك بيان مشكل عشق.

Все رساله раздѣляется на пять مسئله и одиннадцать فصل.

Названія مسئله: مسئلهٔ اوّل توحيد ست, مسئلهٔ دويم عدل است, مسئلهٔ سويم نبوّت است, مسئلهٔ چهارم امامتست и مسئلهٔ پنجم معادست. О содержаніи послѣдующихъ одиннадцати فصل можно судить по нижеслѣдующей, предшествующей имъ, фразѣ: بدانك مراتب وجود دوازدهست كه دانستن هر يك بر عارفان وداعيان ومأذونان لازم است اوّل وثانى ناطق واساس وامام وحجّت اعظم وحجّت محدود وداعى مطلق وداعى محدود ومأذون مطلق ومأذون محدود ومستجيب از براى بيان هر يك ازين مراتب فصلى ياد كرده شد (л. 78^{б} сл.).

VII. Безъ особаго заглавія (съ 95^{а} по 96 л.).

Начало послѣ اللهم يا مولانا и проч.

مولان (sic) شاه نظار مولانا شاه خليل الله مولانا شاه نور الدّهر مولانان شاه ذو الفقار

[1] Съ листа 66^{б} по 69^{а} идутъ отрывочныя, благочестиваго характера, сентенціи.

مولانان شاه خلیل الله مولانان مضراب شاه مولانان شاه وصی مولانان شاه غریب مولانان شاه غریب انکوانی چنانك درّ دریای شور ولعل بدخشان امام در انگوان پیر صدر الدّین روشن کرد.

Окончаніе:

اگر پرسند که راه اسماعیل چند عهد دارد بگو هفت صد هفت عهد دارد راه از اسماعیل دین از سیّد شاه ناصر خسرو مذهب از امام جعفر الصادق ملّت از ابراهیم خلیل الله چهار سؤال جواب باید داد والله اعلم بالصّواب.

VIII. Безъ обычнаго بسم الله разсказъ изъ жизни пророка (съ 96[б] по 97 л.).

Начало: نقلست از حضرت رسول علیه السّلام در مسجد نشسته بود یاران پرسیدن[1] یا رسول الله هیچ گروهی باشد که بی شفاعت شما در بهشت رود حضرت فرمود که هفت گروه اند که بی شفاعت من در بهشت خواهند رفت یاران گفتند وپرسیدن یا حضرت آن کروه کدامند حضرت فرمود که اوّل امیر عادل دویم دانشمندی بر علم خود کار کند سیّم درویش صابر چهارم غنی با سخاوت پنجم جوان صالح ششم برادر وفادار هفتم زن شرمناك.

IX. این ده نصیحت از حضرت امیر المؤمنین علی کرم وجهه منقول است (съ 97[а] по 97[б] л.).

Начало (безъ обычнаго بسم الله):

حضرت مولانا علی گفت توانگری طلب کردم در تلاوت قران یافتم شرف سروری طلب کردم در خاموشی یافتم بزرگی طلب کردم در درویشی یافتم.

X. وصیّت نامهٔ حضرت رسول صلّی الله علیه وسلّم (съ 97[б] по 101[а] л.).

Начало (безъ обычнаго بسم الله):

چنین گفت (رسول الله) مر علی ابن ابی طالب کرم الله وجهه را که یا علی چون خاتون خودرا بخانه بری موزه از پای او بیرون کنی واین دعارا بخوانی.

Указываются разныя любопытныя примѣты и какія онѣ влекутъ за собою послѣдствія, въ родѣ того, что не слѣдуетъ разговаривать въ первую брачную ночь со своею женою, ибо если въ этомъ случаѣ она забеременѣетъ

---

[1] Таджикская форма 3-го лица мн. числа прош. сов. времени, употребляется *всегда* въ разговорѣ и изрѣдка въ письменности.

и родитъ сына, то онъ будетъ еретикомъ (زنديق) и невѣрующимъ (بی‌اعتماد) и проч.

XI. Безъ отдѣльнаго заглавія и безъ بسم الله (съ 101ᵃ по 101ᵇ л.) стихи:

الهی رحمتت دریای عامست * وزانجا قطرهٔ مارا تمام است
اگر آلایش خلق گنه‌کار * فرو شوی بآن دریا بیکبار
نگردد تیره ان دریا زمانی * ولی روشن شود کار جهانی

Далѣе идетъ прозою перечисленіе семи небесъ и изъ чего они созданы, оканчивающееся четверостишіемъ (رباعی):

از لالهٔ رخ گلی سمن میماند * از بلبل خوشنوا چمن میماند
به از همه چز نشان هر الفه‌گری * ما خاك شویم خطّ من میماند

XII. Безъ بسم الله стихотвореніе:

چون مصلّی صلوات انگیزد * در مقام امامتی خیزد
باید او این دو پنج را داند * تا که پنج وقت نمازرا خواند
این دو پنجی که بهتر از گنج ست * قبلهٔ پنج امام هم پنج ست
هست اوّل امام تن محراب * این سخن‌را بگوش جان دریاب
روح مارا امام قرآن ست * چه امامی که راحت جان ست
مصطفا خود امام دل آمد * لیك در فهم جبرئیل آمد
عقل‌را شد امام منکائیل * چون شناسد کسی حق از باطل

Послѣ сего идетъ въ прозѣ перечисленіе пяти قبله и истолкованіе ихъ значенія въ исмаилитскомъ духѣ (все это съ 102 по 102ᵇ л.).

XIII. رسالهٔ نور نامه (съ 102ᵇ по 111ᵃ л.).

Начало послѣ اللّهم یا مولانا и проч.:

روایت میکنند راویان اخبار وگذارندگان سیّد کاینات محمد مختار پیش از آنك جبّار ذو الجلال وخالق بی‌زوال عرش وکرسی ولوح وقلم وآسمان وزمین‌را نیافریده بود ونور مدرسهٔ ما اوحی محمد مصطفی ومسندنشین هل اتی یعنی حضرت شاه مردان وامیر المؤمنین علی مرتضی‌را بیافرید.

Трактуетъ о происхожденіи Мухаммедова свѣта и о дальнѣйшемъ развитіи изъ него главнѣйшихъ дѣятелей и основъ мусульманства, а равно о происхожденіи міра и первыхъ, такъ сказать, до-историческихъ имамовъ. Послѣднее заслуживаетъ вниманія, вслѣдствіе чего приводимъ здѣсь текстъ.

...حضرت خداوند خواست که چیزی پیدا کند که آسمان نبود وزمین نبود وشب وروز وعالم وادم واولیاء وانبیا نبود چون مشورت فرمود بذات پاك خود از آن مشاورت کرد سی شش زمانه وهشتاد چهار جوکری ودر هر جوکری چهار قرن‌ست ودر هر قرنی چهار زمانه‌ست ودرهر زمانه چهار لك سی دو هزار سالست هر لکی صد هزار سالست چون مشاورت باز آمدند عشق حقیقت پیدا کرد وخود عاشق خود شد ومست وحیران خود شد ودر آن مستی تخم نجم پیدا کرد وآن نجمرا سه قسم کرد از سفیدی او آسمان پیدا کرد واز چرم آن زمین پیدا کرد واز قسم دیگر دنیارا پیدا کرد وبعد از آن قندیلرا بیافرید واز آن قندیل نوری پیدا کرد واز آن نور حضرت محمد مصطفی پیدا شد ونام ان محمد سیری آدم بوده‌ست وحوض از نور بقدرت خود پیدا کرد وجسد حضرت محمدرا دران حوض نور هزار سال بداشت وبعد از آن جسد محمد بیرون آورد وروح درو دمید وجان درو پیدا شد وخودرا بیفشاند صد بیست چهار هزار قطرهٔ ازو بچکید واز هر قطرهٔ روح هر پیغمبر پیدا شد واز زبان مبارك خود آدمرا پیدا کرد واز دهان مبارك خود امام پیدا کرد ونام امامرا راجب نهاد وخود در جسد امام شد این زمان امام باید شناخت تا آخرت تو حاصل شود والله اعلم باز آمدیم بساختن دنیا ودنیارا چهار قرن ساخت وهر قرن چهار زمانه‌ست وهر زمانه چهار لك سی دو هزار سالست وامام پیش ازین هم بوده‌ست باز آمدیم بچهار زمانه اوّل کره کل بود چهار ظهور دران زمانه شده‌است وچهار کس که دعوی خدائی میکرده اند کشته است ظهور اوّل حضرت مج نام داشته است دویم کواهم سیم دارا چهارم نارسنك وچون هر کسی‌را بقتل رسانیده چهار لك سی دو هزار سال ظهور پادشاهی کرده وزمانهٔ اوّل مدتش هفده لك بیست هشت هزار سال بوده وزمانهٔ دویم نام امام ترپتاچك بوده امام سه ظهور کرده‌ست وسه کافررا کشته است که دعوی خدائی میکرده اند ودر زمانهٔ سیم نام امام دامن سلام بوده واین زمانه دوازده لك شش نود هزار بوده ودرزمانهٔ چهارم نام امام دوابرجك بوده حضرت امام دو ظهور کرده ودو کافررا کشته‌ست ودر دو جامهٔ نبوّت چهار لك دو هزار سال پادشاهی کرده اند زمانهٔ دور آدم صفی الله‌ست نام امام زمانه چك بوده‌است چهار لك سی دو هزار سالست وامام یك ظهور دیگر خواهد کرد ویك کافررا خواهد کشت درین زمانه سی وچهار هزار سالست وباقی مانده‌ست ونام امام سرکالکی نام دارد والله علم.

Въ концѣ этого رساله написано: تمّت الکتاب بعون ملك الوهاب این کلام حضرت سلطان العارفین وبرهان المحققین امیر امیران سرور مردان حضرت امیر ناصر

خسرو قدّس سرّه بدست عبد الفقير الحقير كمينه كمترين ياران سيّد جعفر ابن سيّد شاه طيمر در بيستم ماه مبارك ذوالحجّه سنهٔ هزار دوصد چهل هفت روز شنبه تحرير يافت الهي نويسندهٔ اين كتاب بيامرز از رحمتي يا وهّاب .

XIV. Послѣ этого тѣмъ же почеркомъ Сеийдъ-Джа'фара на такой же бумагѣ написано آفاق نامه (съ 112^a по $119^б$ л.).

Начало послѣ اللهم يا مولانا :

بدانك خداى تعالى اعضاى آدمى هفت طبقه بيافريد .

Потомъ проводится параллель между сотворенными видимыми и невидимыми сущностями (морями, сушею, Божественнымъ престоломъ и проч.) и ихъ подобіями или соотвѣтствіями въ человѣческомъ тѣлѣ и душѣ; такъ, напримѣръ, раю на небѣ соотвѣтствуетъ сердце (دل) въ тѣлѣ, аду подъ землею — чувственность физическаго бытія и т. д. Затѣмъ приводится стихотвореніе съ такимъ началомъ:

الا اى آنكه ميگويى منم دانستهٔ عاقل * بيا حل كن اگر مردى مرا اين قصّهٔ مشكل

Конецъ же этихъ стиховъ:

الا اى ناصر خسرو چنين اسرار مردانرا * چرا گستاخ ميگويى نگويد هرگز اين عاقل

Все приведенное является какъ-бы предисловіемъ *къ послѣдующему изложенію* افاق نامه, приписываемому (или въ дѣйствительности принадлежащему) Насыри-Хосрову; начало: اللهم يا مولانا بسم الله الرحمن الرحيم قال النّبىّ عليه السلام مَن عَرَفَ نفسه فقد عَرَفَ رَبّه يعنى هر كه شناخت نفس خودرا پس بحقيقت شناخت خداى خودرا .

Послѣ идетъ рѣчь о созданіи четырехъ стихій, сущности человѣка и его органовъ для познанія міра вещественнаго и духовнаго, при этомъ высказывается положеніе, что всему созданному Творцомъ во вселенной есть отраженіе или соотвѣтствіе въ организмѣ человѣка, который такимъ образомъ является «микрокосмомъ». Подробно перечисляется, сколько свойствъ имѣетъ та или иная сторона человѣческой природы и что̀ это за свойства, при этомъ авторъ отмѣчаетъ, что при возникновеніи земли, растеній, животныхъ и человѣка каждое изъ трехъ царствъ природы является болѣе совершеннымъ порожденіемъ предыдущаго, пока все не завершится наивысшимъ созданіемъ Бога на землѣ, — сверхчеловѣкомъ или совершеннѣйшимъ человѣкомъ. Соотвѣтственно сему на духовной сторонѣ человѣка сказалось

вліяніе каждаго изъ царствъ природы, проявленіе которыхъ свойственно нѣкоторымъ органамъ тѣла и которыя управляютъ чувствами, волею и разумомъ человѣка.

XV. Безъ особаго заглавія (съ 120 до конца ркп. —124 л.) послѣ обычнаго بسم الله

در بيان كلام حضرت امير المؤمنين على كرم الله وجهه فرموده اند.

Трактуетъ о тѣхъ же свойствахъ человѣческой природы, на которой отразилось все созданіе вселенной; изложеніе носитъ характеръ наставительный, какъ видно изъ выраженій: если спросятъ то-то, то отвѣчай такъ-то, или—«о, дервишъ, . . .» Это رساله, повидимому, закончено, хотя по внѣшнему виду въ рукописи какъ-будто не хватаетъ конца. Оно оканчивается такъ: اى درويش هر كسى كه مقامات آفاق وانفس را نداند از پير گرفتن وارادت گفتن بهره ندارد ودرويش از سعادت باز ماند ودر دنيا وآخرت روسياه باشد والله اعلم بالصواب تمّت تمام شد كار من نظام شد الهى جملهٔ مؤمنان ودرويشان را توفيق ايمان روزى كناد بمنه كرم وآل وامجاد.

124 листа разм. 15 × 10 сан. по 8 стр. на страницѣ. Старый туземный кожаный переплетъ.

На поляхъ рукописи не мало разныхъ глоссъ, писанныхъ другою рукою, а съ листа 43[б] по 49[б] написано رساله, начало котораго послѣ بسم الله: الفاظ كه بار خداوند محمد زادَ ذكره السجود والتّسبيح فرموده‌ست كه رفيقان وبندگان هندوستان وتركستان وديلمان ورودبار وقطران ومصر وشكور احسن احوالهم فى الخيرات بدانند ويقين شناسند هر كه از مادر بزاد قدم بز بر قدّ خاك رهگذار خواهند نهاد كه وجود وصورت جسمانى مجازيست واورا از براى فنا سررشته اند.

Инв. 1918, № 1149.

4. روى دين или وجه الدين — «Лицо вѣры».

Объ этомъ трудѣ я уже упоминалъ въ печати и приводилъ изъ него незначительныя выдержки (по рукописи, оставшейся у меня въ Средней Азіи) въ своей статьѣ: «Разсказъ шугнанскихъ исмаилитовъ о бухарскомъ шейхѣ Беха̄-уд-Динѣ», помѣщенной въ ЗВО, XXII. 324. Подробному описанію содержанія этого сочиненія мною посвящена отдѣльная статья, пока находящаяся въ рукописи.

Передъ بسم الله стоитъ هست كليدى در گنج حكيم.

Начало текста привожу безъ исправленій, которыя сдѣланы другою рукою и, повидимому, въ болѣе позднее время; соотвѣтственно съ этими исправленіями написаны всѣ видѣнные мною до сего времени позднѣйшіе списки روی دین.

حمد وسپاس مرآفریدگار عالم پیدارا که از عالم پنهان پدید آرندهٔ مرآثار آنرا اندرین ونماینده مرخردرا بآثار آن جلوه کننده ومرجوهر ثابت را اندر عالم پیدا اندر معرض عرض زائل پوشندهٔ اعراض نخستین اندر بگوهر قائم قابل تا خردمند بوبینند بچشم دل وحاجتمند جوهر قوی بعرض ضعیف وبی‌نیاز نداند لطیف‌را از کثیف.

Въ предисловіи, объясняющемъ цѣль составленія этого труда, безымянный авторъ (всѣ исмаилиты считаютъ имъ Насыри-Хосрова) проводитъ весьма интересную мысль, на которой основано все послѣдующее содержаніе этого сочиненія. Богъ, говоритъ онъ, создалъ людей постоянно волнуемыми страхомъ и надеждою, конечною цѣлью этихъ надеждъ является вѣчное блаженство (بهشت), а страхъ вызывается угрозами вѣчнаго мученія въ аду (دوزخ); однако обѣ эти противоположныя сущности, рай и адъ, реально скрыты отъ людей, онѣ лишь являются представленіями или выраженіями Міровой или Всеобщей Надежды и Міровой или Всеобщей Скорби (دلیل کند بر بیم کلّ که دوزخ است وبر امید کلّ که آن بهشت است). Съ первою связаны упованія на Высшее Милосердіе и покой, а со второю — карающій мечъ и убійство со стороны Высшаго Существа. Страхъ передъ такимъ мечомъ удерживаетъ людей въ этой жизни отъ дурныхъ дѣяній, но кого убиваетъ этотъ мечъ, того удѣломъ является тлѣніе и ничтожество въ этой и будущей жизни, кто же послушенъ велѣніямъ надежды на милость Господню, тотъ живетъ здѣсь и за гробомъ, ибо кто не снискалъ себѣ здѣсь вѣчной жизни, тотъ не достигнетъ ея и въ будущей жизни (وهر که فرمان او بوپذیرفت در دو جهان بقا یافت وهر که بدین جهان بقا نیابد به بقای آن جهان نرسد). Отсюда—всякій, кто воспринялъ мусульманство лишь изъ-за страха передъ мечомъ, но не въ надеждѣ на вѣчную жизнь, тотъ не достигнетъ вѣчнаго спасенія, потому что только тотъ дѣлается достойнымъ послѣдняго, кто исповѣдуетъ вѣру, живя съ соблюденіемъ условій, при которыхъ достигается вѣчная жизнь. Все это подобно тому, какъ кто-либо дѣлаетъ извѣстное дѣло только повинуясь приказанію, а не по чувству любви къ этому дѣлу; такая работа будетъ только работою ремесленника; кто же дѣлаетъ порученное ему дѣло съ любовью и пониманіемъ его, того работа будетъ поистинѣ работою мастера своего дѣла и мудраго человѣка. — Такъ какъ

большинство людскихъ массъ невѣжественно, то по своему невѣжеству эти массы обычно склонны къ нечестію, и чтобы удержать ихъ отъ этого нечестія—имъ нуженъ страхъ передъ какимъ-либо возмездіемъ. Въ равной степени бо̀льшая часть мусульманъ не знаетъ, что̀ такое исламъ, какъ не знаетъ и того, что вѣра эта была распространена лишь мечомъ по завѣту пророка, и страхъ передъ этимъ мечомъ былъ зароненъ въ сердца ихъ отцовъ и съ этимъ страхомъ родились послѣдующія поколѣнія, не отдавая себѣ отчета и не ища объясненія, что̀ такое мусульманство, которое они такъ слѣпо исповѣдуютъ, видя лишь карающій мечъ Бога, и какимъ способомъ возможно достичь вѣчнаго спасенія. Они подобны ничего не знающимъ рабамъ, которые исполняютъ порученное имъ дѣло кое-какъ, безъ надежды получить заработокъ, и далеки отъ свободныхъ и сознательныхъ людей, которые дѣлаютъ свое дѣло со смысломъ, въ полной надеждѣ получить за него плату.

Исходя изъ такихъ соображеній, авторъ поставилъ себѣ цѣлью сдѣлать исповѣданіе мусульманской религіи ея послѣдователями сознательнымъ, вслѣдствіе чего онъ и составилъ эту книгу въ разъясненіе основъ шарі'ата: شهادت, طهارت, نماز, روزه, حجّ, زكوة и جهاد, назвавъ ее روى دين или وجه الدّين, чтобы каждый вѣрующій «по этой книгѣ могъ знать всякое положеніе», касающееся религіи (از بهر آنكه از هر وجه از روى اين كتاب توان شناخت).

Книга раздѣляется, по числу молитвенныхъ поклоновъ въ намазѣ, на 51 главу (گفتار), перечень ихъ почти тотъ же, что указанъ въ вышеназванной статьѣ В. А. Иванова: «Исмаилитскія рукописи Азіатскаго Музея».

Заслуживаетъ вниманія 11-ая глава (گفتار يازدهم اندر بيان كلمهٔ شهادت لا اله إلّا الله), излагающая понятія о Міровомъ разумѣ, Міровой душѣ, На̄тикѣ, Аса̄сѣ и проч. Сами исмаилиты считаютъ эту главу особенно назидательною въ смыслѣ уясненія главнѣйшихъ основаній своего религіознаго ученія.

Въ концѣ книги читаемъ:

... وديگر مؤمنان مخلص‌را وصيّت آنست كه چون اين كتابرا كه بخوانند بر خواندن اين راضى نشوند بلك بر موجب اين تأويل بروند وشريعت‌را بكار بندند وبدان پى‌رويكنند تا نفس خبر وى از پاى عالم طبيعت باشد وافعال خويش‌را ازكالبدها تواند نمودن ومؤمنان‌را همين شريعت كار بستن است كه عالم طبيعت سراى كاريست وسراى خبر او آسايش نه اينست اندرين سراى آسايش نجويند وهر كه خبر

این کند وخبر این کوید مرورا دجّال فریبنده دانند وکار کند وسرانجام کار ایشان را خدای تعالی بپزیرد ودر پیش رسول علیه السلام مؤمنان را فردا خجل نمانند الحمد لله ربّ العالمین وحمد الشاکرین والصّلوات علی رسوله محمد النبیّ الامین وعلی الطّیبین الطاهرین والایمة صادقین وتمّ الکتاب وجه الدّین وبارك وسلّم علیهم اجعین برحمتك یا ارحم الراحمین.

Полная рукопись безъ даты (повидимому XVII-го вѣка по Р. Х.) и имени переписчика, писана на плотной грубой бумагѣ недурнымъ наста'ликомъ, въ кожаномъ переплетѣ простой туземной работы. Первыя двѣ страницы имѣютъ جدا ول; на тѣхъ страницахъ, гдѣ имѣется начало главъ, на поляхъ сдѣланы примитивныя виньетки красными чернилами, такими же чернилами проведены линіи въ текстѣ надъ строками, на смыслъ и значеніе коихъ слѣдуетъ обратить особое вниманіе.

Инв. 1918, № 1150.

5. زبدة الحقائق «Сливки истинъ», сост. Азизъ-б.-Мухаммедъ (или, вѣрнѣе, онъ болѣе сокращенно изложилъ подъ такимъ заглавіемъ свое сочиненіе مبدء ومعاد).

Начало послѣ بسم الله:

الحمد لله رب العالمین والعاقبت للمتقین والصّلوة والسلام علی رسوله محمد وآله الطّیبین الطاهرین امّا بعد چنین گوید اضعف الضّعفا وخادم الفقرا عزیز بن محمّد که جمعی از درویشان ازین بیچاره استغفسار نمودند که میباید در معرفت مبدا ومیعاد رسالۀ جمع کند وبیان کنید که مبدء هر یك جداست ویا مبدء جمله یکیست یا میعاد (sic) هر یك جداست یا میعاد هر جمله یکیست وبیان کنید که نزول چیست وعروج چیست وبیان کنید که اوّل نزول است وآنکه عروج یا اوّل عروجست وآنکه نزول می‌باید که سخن هر طائفه که هست نقل کنید بی میل در ترجیح وترجیح سخن بر هیچ یك مکنید وآنچنانکه هر یك گفته اند بیارید چون درخواست ایشانرا اجابت کردم آنچنانکه ایشان گفته بودند جمع کردم واین مجموعه‌را مبداء ومعاد (sic) نام کردم ورسالۀ مبدا ومعادرا مختصر کردم واین رساله‌را زبدة الحقایق نام کردم.

О содержаніи сочиненія можно судить по его оглавленію, помѣщенному послѣ приведеннаго начала:

باب اوّل در معرفت عالم کبیر واین باب مشتمل است بر سه فصل فصل اوّل در سخن اهل شریعت فصل دویم در سخن اهل حکمت فصل سویم در سخن اهل وحدت

باب دویم در معرفت عالم صغیر واین باب مشتمل است بر سه فصل فصل اوّل در بیان انسان ومراتب انسان فصل دویم در بیان آنکه انسان صغیر نسخه ونمودار انسان کبیر است فصل سویم در بیان آنکه سلوك چیست .

(Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ самомъ текстѣ рукописи распредѣленіе и перечисленіе главъ и ихъ отдѣловъ нѣсколько иначе).

Трудъ заключаетъ въ себѣ изложеніе сотворенія міра духовнаго и вещественнаго въ духѣ философско-суфійской космогоніи, взгляды на разныя проявленія этихъ міровъ, на предсуществованіе душъ, на «макрокосмъ» и «микрокосмъ» и проч. у «Людей мудрости» (اهل حکمت), у «Людей Шарі'ата» (اهل شریعت) и у «Людей Единства» (اهل وحدت) или Таби'евъ (طبیعی), объясненіе понятій: سلوك, مقام и حجاب. Все изложено очень простымъ и яснымъ языкомъ, изложеніе часто прерывается словами ای درویش и بدانکه. Не изучивъ основательно текста и не сравнивъ его съ другими подобными суфійскими и исмаилитскими сочиненіями, затруднительно сказать, поскольку настоящій трудъ является чисто суфійскимъ, или же это сочиненіе исмаилитское, въ которомъ суфійскіе термины имѣютъ свое особое значеніе, потому что, какъ мнѣ извѣстно, шугнанскіе исмаилиты знаютъ всѣ главнѣйшіе суфійскіе термины, но истолковываютъ ихъ совсѣмъ иначе, чѣмъ «идущіе путемъ тариката», соотвѣтственно этому они иначе и понимаютъ обращающіяся среди нихъ суфійскія сочиненія[1].

Окончаніе рукописи: ای درویش سالکان را از ابتدای سلوك تا انتهای سلوك این رساله کفایت باشد تمت بالخیر. Рукопись писана тушью и киноварью на плотной очень хорошей бумагѣ отличнымъ паста'ликомъ рукою того же Сейидъ-Шāзāде-Мухаммеда, сына Фаррухъ-Шā, безъ даты; каждая страница заключена въ двойную рамку изъ красныхъ и синихъ линій.

109 нум. + 3 ненум. стр. разм. $28 \times 22\frac{1}{2}$ сант.; 10 стр. на страницѣ. Ср. замѣч. Хāджи-Хальфы: زبدة الحقائق ... لعزیز بن محمّد النسفی لخّصه من رسالة المبدأ والمعاد (Fluegel, ed. Haji Khalfa, Lex. bibl. et enc. Lond. 1840; v. III, p. 536).

Инв. 1918, № 1151.

6. سفرنامهٔ ناصر خسرو — «Книга Путешествія Насыри-Хосрова»; такъ называли эту рукопись доставившіе ее исмаилиты, при чемъ видѣнный ими у меня такой трудъ въ парижскомъ изданіи C. Schefer'а имъ былъ неизвѣстенъ и они утверждали, что подъ «Книгою Путешествія Насыри Хосрова» у

[1] Нѣкоторый матеріалъ по исмаилитскому объясненію суфійской терминологіи мною собранъ и отчасти систематизированъ.

нихъ извѣстно сочиненіе, представленное этой рукописью[1]. Въ дѣйствительности послѣдняя въ текстѣ называется просто رساله и по содержанію представляетъ собою автобіографію Насыри-Хосрова, начало которой, послѣ بسم الله :

سپاس وستایش مر حضرت خداوندیرا که از جناب بارگاه اوست بزرگترین نعمتها وبزرگترین آدمیان متواتر ومتوالیست.

Въ этомъ родѣ идетъ предисловіе съ обычнымъ восхваленіемъ Бога, занимающее 8 съ лишнимъ страницъ; со стр. 9 (л. 5^a) начинается самое изложеніе автобіографіи словами:

بعده میگوید عبد المقرّ بخطاء الکبیر والمستغرق من بحر ذنوبه الغزیر الفارق المقالات المستغرق بجهالات المهلك ابو المعین ناصر ابن خسرو ابن حارث ابن حسین ابن محمد تقی رضا بن موسی کاظم بن جعفر الصادق بن محمد باقر بن علی نقی بن امام زین العابدین بن حسین شهید بن حضرت علی کرم الله وجهه واُمّه حضرت بی‌بی فاطمه دختر رسول الله صلعم.

Дальше авторъ разсказываетъ о началѣ своей жизни (какъ и чему онъ учился) почти тождественно съ изложеніемъ автобіографіи Насыри-Хосрова въ первой главѣ книги هفت باب (см. ниже) и въ извѣстномъ сочиненіи Лутфъ-'Алӣ-Бека Испаганскаго «Капище Огня» (آتشکدهٔ آذر, по бомб. лит. 1277 г. х.). Въ дальнѣйшемъ автобіографія упоминаетъ о пребываніи Насыри-Хосрова въ должности министра въ Египтѣ у фатимидскаго халифа, о бѣгствѣ его оттуда въ Багдадъ (послѣ обвиненія въ ереси), гдѣ онъ опять дѣлается визиремъ при 'аббасидскомъ халифѣ, о пребываніи его послѣ этого въ Аламутѣ, у главы исмаилитовъ, о бѣгствѣ оттуда въ Нишапуръ (эпизодъ съ нишапурскимъ сапожникомъ), затѣмъ въ Бадахшанъ и, наконецъ, оттуда къ мѣсту послѣднихъ лѣтъ его жизни, въ Юмганъ (въ Шугнанѣ). Автобіографія доведена до ранняго утра пятницы 28-го Раби'-ул-Эвветя 498 г. хиджры (повидимому, день смерти Насыри-Хосрова), когда Насыръ дѣлаетъ послѣднія распоряженія своему брату, Са'иди-Хосрову, какъ похоронить себя.

Такимъ образомъ это رساله по содержанію совпадаетъ съ извѣстной псевдо-автобіографіей, помѣщенной въ предисловіи къ тавризской литогра-

[1] Въ 1912 г. другіе исмаилиты мнѣ передавали, что سفرنامه у нихъ имѣется другое, чѣмъ въ изданіи C. Schefer'a, и что его написалъ родственникъ Насыри-Хосрова Сеїид-Сухраб-(Велӣ). Это мною было отмѣчено въ статьѣ «Изъ области религіозныхъ воззрѣній шугнанскихъ исмаилитовъ» («Міръ Ислама», 1912, стр. 550).

фіи «дивана» Насыри-Хосрова (изд. 1280 г. хиджры) и три версіи которой: длинную, среднюю и краткую различаетъ H. Ethé въ ZDMG, т. 23 и, по его примѣру, E. Browne въ Lit. History of Persia (v. II, p. 218 и слѣд.); средней версіей воспользовался по вышеназванному труду—«Капище Огня», C. Schefer для предисловія къ своему изданію سفرنامهٔ ناصر خسرو[1] (Paris, 1881).

Къ автобіографіи присоединенъ فصل (съ 18б л. до конца ркп.) در بيان (sic) وصيّتها با برادر خود وخطابهاى. Въ этомъ отдѣлѣ приводятся нѣкоторые случаи изъ жизни Насыри-Хосрова, въ родѣ его четырехкратнаго путешествія ко святымъ мѣстамъ Аравіи въ бытность его министромъ въ Египтѣ, его погруженіе въ трансъ, бесѣды съ «Голосомъ по-тусторонняго міра» (هاتف الغائب) и видѣнія, включительно до восхищенія къ Богу.

Рукопись по виду старая и потрепанная, безъ даты и имени переписчика, потому что недостаетъ послѣднихъ листовъ (судя по содержанію — только одного или двухъ); писана на обыкновенной кокандской бумагѣ посредственнымъ, хотя и хорошо читаемымъ, наста'ликомъ, съ описками (косгдѣ пропущены буквы, діакритическія точки и отдѣльныя слова). На первой страницѣ, выше بسم الله, написано سنه ۱۲۸۴; неизвѣстно, относится ли дата ко времени окончанія этого списка или просто сдѣлана «для пробы пера». Во всякомъ случаѣ рукопись едва ли старѣе второй половины прошлаго столѣтія.

33 листа разм. 19 × 12 сант., по 11 строкъ на страницѣ. Грубой, примитивной работы кожаная папка, въ которую вложена рукопись.

Инв. 1918, № 1152.

7. صحيفة الناظرين — «Страница Созерцающихъ», сост. Сеййд-Сухрâбъ-Велй (سيّد سهراب ولى)[2].

Начало послѣ بسم الله:

الحمد لله ربّ العالمين والصلوة والسلام على رسوله محمد وآله الطاهرين امّا بعد چون

[1] Приношу здѣсь свою искреннюю признательность академику В. В. Бартольду за сообщеніе мнѣ этихъ свѣдѣній въ письмѣ отъ 27/14 августа. Интересно было бы выяснить, что представляетъ собою مناقب حضرت سيّد شاه ناصر خسرو, будто бы, сочиненіе того же родственника Насыри-Хосрова, Сейид-Сухраб-Велія, и въ какомъ отношеніи оно находится къ описываемому здѣсь رساله. (См. 550 стр. упомянутой статьи «Изъ обл. рел. вѣр. шугн. исм.»; къ сожалѣнію, этого مناقب я до сего времени не могъ нигдѣ достать, хотя на его существованіе указывали мнѣ и исмаилиты г. Бухары).

[2] Этотъ, по словамъ исмаилитовъ, родственникъ Насыри-Хосрова помимо сего сочиненія написалъ (какъ онъ самъ говоритъ на стр. 79 настоящей рукописи) — رسالهٔ روضة المعلمين.

این بندهٔ کمترین بامر واشارت حضرت صاحب الزمان از بهر مؤمنان هادیه این کتاب‌را تصنیف کردم وبنای این کتاب‌را بر سی وشش صحیفه نهادم.

Названія этихъ 36 صحیفه почти тѣ же, что привелъ г. Ивановъ въ упомянутой своей статьѣ. По содержанію своему трудъ этотъ затрагиваетъ разнообразные вопросы, касающіеся сотворенія міра видимаго и невидимаго, исповѣданія ислама въ исмаилитско-суфійскомъ духѣ, нравственнаго совершенствованія человѣка и т. п., представляя достаточный интересъ для уясненія взаимоотношеній восточно-бухарскаго суфизма и восточно-бухарскаго же исмаилизма [1].

Въ концѣ книги имѣется послѣсловіе (خاتمه), — начало котораго нѣсколько отличается отъ приводимаго г. Ивановымъ: در شهور (سنه) سبعه وخمسین وثمانه‌مائه تا باین رساله که در سلك تحریر در آورده شد وشمّهٔ از شرح احوال طلب خود باز نموده میشود که در زمان دوازده‌سالگی این کمترین بنده‌گان خداوند زمان‌را بخاطر خطور نمود که ابداع عالم بر چه وجه بوده باشد وخدایرا بر چه نوع توان دید ودانست ودرین باب تخیّلی در متخیّله در می‌آید تا روزی از زبان درویشی این بیت حضرت حجّت الحق امیر ناصر قدس سرّه بشنودم بیت کس چه میداند کزین کنبد برون احوال چیست * سر فرو کردی اگر شخصی درین بالاستی * وچون تخیّلات خودرا برگماشتم وبا خود مقرّر داشتم که تحقیقات‌را از تابعان آنحضرت تفحّص باید نمود والامر مرهونهٔ باوقاتها بعد از آن سلسلهٔ داعیه بتحصیل علوی که در مدارس متداولست متحرّك شدم ودر مدّتی قلیل معقول ومنقول آن بتامّل وتعقّل درآورده شد وغلبهٔ تعطّش که داشتم بهیچ وجه تسکین نمی‌یافت بلکه بتدریج زیاده میشد که اختلاف مذاهب بچه سبب شده وچون در دین انبیاء ماتقدّم مذهب نموده ومدّتی دیگر در میان زهد وریاضتی که ایشانرا میباشد مشغول شدم تا کشف وکراماتی که میگویند تحصیل نمودم آنچه مقصود من بود اکثر آنرا از ایشان یافتم تا زمانیکه بر سلوك معتقدات ارباب باطنه اطّلاع حاصل شد والحقّ چون کلّیات قواعد عقاید ایشان مطابق وموافق بقواعد حکمت زیاتی شده از روی شرع وعقل موافقت جز باین طایفه بطریق دیگر مرضی ننمودم الحمد لله الّذی اهدانا لهذا امید از کرم عمیم خداوند زمان آنکه این بندهٔ ذلیل ضعیف‌را در سلك دعوت بنده‌گان خواص خود جای دهد الحمد لله اوّلاً وآخرًا وظاهرًا وباطنًا تمّت الکتاب بعون الملك الوهاب.

---

[1] О памирскомъ и дарвазскомъ суфизмѣ см. мое замѣчаніе въ той же статьѣ «Изъ обл. рел. вѣр. шугн. исм.», стр. 555.

Очень хорошій списокъ, сдѣланный на плотной толстой бумагѣ тушью и киноварью отличнымъ наста'ликомъ рукою того же Сейидъ-Шāзāде-Мухаммеда; дата окончанія списка — 10-го ша'бана 1333 г. хиджры. Съ какого списка снята настоящая копія — усматривается изъ слѣдующей приписки копіиста (въ концѣ книги):

معلوم رای انور صاحبان بصیرت وخونندگان این کتابت بوده باشد که نسخهٔ این کتاب مال سیّد واقف شاه بوده ودرتاریخ ۲۸ جمادی الاوّل سنه ۱۲۶۴ بدستخطّ سیّد شاه منصور ابن سیّد شاه قباد مرقوم شده است .

101 нум. + 4 ненум. стран. разм. 28 × 22½ сант., по 10 стр. на страницѣ; каждая страница имѣетъ جداول изъ многихъ красныхъ линій.

Инв. 1918, № 1153.

8. مرآة المحققین — «Зеркало ищущихъ Истину».

Сочиненіе приписывается исмаилитами Насыри-Хосрову и написано имъ, будто-бы, для своего брата Са'иди-Хосрова.

Начало послѣ بسم الله:

الحمد لله ربّ العالمین والعاقبت للمتّقین والصّلوات والسلام علی رسوله محمّد وآله اجمعین بدانکه اسعدك الله فی الدّارین خیرا که پیشوایان شفیق ومقتدایان طریق چنین گفته اند که . . .

О цѣляхъ составленія этого труда говорится такъ:

بدانکه این کتابیست در بیان نفس وعلم خداشناسی ودیدن حقّ سبحانه وتعالی بواسطهٔ صنایع وبدایع وغرایب وعجایب قدرت او در عالم ظاهر وباطن وشناختن آیات وبیّنات در آفاق وانفس واین کتابرا مرآة المحقّقین نام نهاده شد بجهت آنکه مرآة آئینهرا گویند خاصیّت آئینه آن باشد که چون کسیرا در چشم نور باشد وهوا روشن باشد وآئینه صیقل باشد وچون در وی نظر کند خودرا تواند دید ودانست واز دیدن ودانستن خود معرفت ویرا معلوم شود بحقیقت حق تواند رسید ولقای اورا تواند دید ودر هر ذرّهٔ از ذرّات عالم جمال حق مشاهده تواند کرد وبواسطهٔ این از نابینائی مَنْ كَانَ فِی هٰذِهِ الْاَعْمٰی فَهُوَ فِی الْآخِرَةِ اَعْمٰی وَاَضَلَّ سبیلا نجات تواند یافت واز چشمهٔ حیات جاودانی آب زندهگانی دوجهانی تواند خورد .

Книга раздѣляется на семь главъ: 1) — در بیان نفس طبیعی ونباتی وحیوانی وانسانی وقومان ایشان وخدمت‌گاران ایشان وخادمان ایشان, 2) — در بیان صورت موجودات, 3) — در بیان واجب وممکن وممتنع[1], 4) — در بیان حکمت آفرینش عالم وآدم, 5) — در بیان مبدا ومیعاد, 6) — در بیان تتق آفاق وانفس وبرابر کردن عالم با آدم, 7) — در بیان تتق آفاق وانفس یعنی برابر کردن تن مردم با عالم.

Рукопись писана на плотной толстой бумагѣ тушью и киноварью очень хорошимъ наста'ликомъ рукою того же Сейидъ-Шāзāде-Мухаммеда, дата окончанія списка — 1334 г. хиджры. По отмѣткѣ переписчика передъ началомъ рукописи настоящій списокъ списанъ имъ съ рукописи, принадлежащей Āхӯнду Āдина (آخوند آدینه) и датированной 1305 г. хиджры.

59 нум. + 2 ненум. страницы разм. $28 \times 22\frac{1}{2}$ сант., по 10 стр. на страницѣ. Каждая страница имѣетъ جداول изъ коричневыхъ линій.

Инв. 1918, № 1154.

9. هفت باب — «Семь Главъ» или کلام پیر — «Слово пира», сост. Сейидъ-Насыри-Хосровъ.

Одна изъ наиболѣе почитаемыхъ книгъ среди шугнанскихъ исмаилитовъ, болѣе извѣстная въ просторѣчіи подъ вторымъ названіемъ (کلام پیر); обычно разрѣшается для чтенія лишь тѣмъ, кто знакомъ съ روی دین и усвоилъ ея положенія.

Почему этотъ трудъ написанъ — видно изъ слѣдующаго къ нему предисловія:

بسم الله الرحمن الرحیم

الحمد لله ربّ العالمین والعاقبت للمتّقین والصّلوات والسلام علی رسوله محمّد وآله اجمعین شکر وسپاس وستایش مر پرودگاریرا که لمعهٔ اشراق نور تائید او عقل کلّرا بنور معرفت خود بینا وگویا وشنوا گردانیده تا اسرار موجودات وحقایق ممکنات‌را بدید وبشناخت وبر فرشتگان امین وداعیان راه دین روشن وهویدا گردد اورا بر عالم وعالمیان حجّت ساخت تا بسطوت قهّاری گردن‌کشان عالم وگمراه کننده‌گان بنی آدم‌را

[1] В. А. Ивановъ приводитъ продолженіе названія этой главы قطعهٔ موجود. Въ моей ркп. началомъ этой главы служитъ четверостишіе, начинающееся: قطعه موجود منقسم بدو قسمست نزد عقل....

بسر نیزهٔ قدرت بر هوا کرد ودر پای بنده‌گان ضعیف خود انداخت بحکم قرآن شریف
وحدیث نبوی چنانچه خدای تعالی فرمرد که قوله تعالی آمَنْتُ [1] با اللّٰهِ وَمَلَائِکَتِهِ وَکُتُبِهِ
وَرَسُولِهِ وَالیَوْمِ الآخِرِ ایمان آورد تست بخدا وملائکهٔ او وبکتابهای او وبرسولان او بیوم
آخر ویوم آخر مولانا علی‌را خواست واولادش‌را خداوند سزاوار یگانه حیّ قیوم تواند
بود که ظهور اظهار سر نطفهٔ لطیفهٔ عالم امری وخلقی دایمی بدوست ومنقطع نبوده
بنابر بودن نقطه ونطفهٔ امامت که سرنبوّت ازوست چنانچه پیغمبر علیه السّلام میفرماید
قال النّبیّ صلعم تَرْجِعُ الأَمْرُ وکلّ شَیٍّ کَشْفَی لَوْلاَ امامت نهج بر آیت حجّتان او پذیرد
وسر مدار امامت بعطای ابر شهود وعفّت ماموران وتابعان او پدید کرد وبرحمت
وَاللّٰهُ یَعْلَمُ بِمَا تَکْسِبُونَ [2] هر بنده بمقتضای لَهَا مَا کَسَبَتْ وَعَلَیْهَا مَکْتَسَبَتْ [3] آنچه مستحق
باشد بنده شود اللّٰهُمَّ الحَافِنَا تُحِبُّ وتَرضَی ودرود بیقیاس بر حجّت خدای تعالی محمد
مصطفی صلّی الله علیه وآله که مهتر وبهتر انبیا بود تا اسپ نطق اندر میدان بلاغت
بتاخت ومردم‌را بیم وامید بداد تا ایشانرا از ظلمت جهل وگمراهی بدر آورد وبنور
معرفت خدا با خدا رساند وبشاهراه صراط المستقیم واصل ومتواصل ساخت
وَیُطَهِّرُکُمْ تَطْهِیْرا قوله تعالی اِنَّ اللّٰهَ اصْطَفَی آدَمَ ونُوْحًا وَآلِ ابْرَاهِیمَ وَآلِ عِمْرَانَ عَلَی
الْعَالَمِینَ ذُرِّیَّتَ بَعْضُها مِنْ بَعضٍ وَاللّٰهُ سَمِیعٌ عَلیم [4] که بکرّات برادران ورفیقان که
طالبان دعوت هادیه بودند از بندهٔ ضعیف ائمهٔ معصومین التماس نمودند قوّله تعالی
انّما نْتَ مُنْذِرٌ وَلِکُلِّ قَوْمٍ هَادٍ [5] وچون این بندهٔ کمترین بنده‌گان دعوت هادیهٔ مهدیهٔ
اسماعیلیه سیّد ناصر بن خسرو ثبّته الله فی مشارق الارض ومغاربها بعنایت لم‌یزلی
منظور نظر خود کند واز میان گمراهان وجماعت بیراهان بیرون آورد واز شیطان
وشیاطین وقت که دجّالان روزه‌کارند یعنی آنها که بظاهر سخنان داعی الدّاعات باستادند

---

1 Вѣр. чит. آمنتُ. Буквально такого стиха въ Коранѣ нѣтъ; ср. Кор. 2,285 и 4,135.
2 Коранъ 6,3.
3 Коранъ 2,286 (чит. ما اکتسبت).
4 Коранъ 3,30-31 (чит. ذُرِّيَّةً).
5 Коранъ 13,8.

وهمچون ستوران بکاه وبرك قانع شدند واز درجهٔ انسانی بدرجهٔ حیوانی رسیدند قوله تعالی [1] أُولٰئِكَ الأَنْعامُ [2] بَلْهُم وَاَضَلَّ [3] سَبِیلا بعد شکر وثنا این معنیرا شکسته وبسته مشتمل بر احوال خود وچگونگیٔ آنچه از طریقهٔ طائفه محققان روزهگار معلوم کرده ام بیان کنم تا جماعت مؤمنان ضعیفان ومستجبانرا مدد راه کردد واین بندهٔ کمترین بندهگانرا بدعای خیر یاد کنند ومدد توفیق از بارگاه حضرت خداوند عالمیان وافریدهگار انس وجان جلّت قدرته وعظمت کلیمته بطلبند إِنَّهُ خَیْرُ اَلْمُوَفْقُ والمعِیْن وَهُوَ حَسْبُنا وَکَفَیْ مولانا واین مشتملست بر هفت باب باب اوّل در بیان احوال خود وچگونگیٔ رسیدن باین طایفهٔ محقهٔ [4] اسماعیلیه باب دویم در باز نمودن بطلان مذاهب هفتاد وسه فرقه باب سویم در باز نمودن انکه در عالم بجز این طایفه ناجی نیستند وطریق حق بایشانست باب چهارم در باز نمودن معنیٔ نبوّت ووصایت وتنزیل وتاویل آن باب پنجم در معنیٔ امامت ودور ستر وکشف ومعنیٔ قیامت وقیامات باب ششم در باز نمودن عالم روحانی وجسمانی ومبدا ومعاد وبیان مراتب از مستجب تا بامام باب هفتم در باز نمودن بعضی از تاویلات وسر وضع این رساله بر هفت باب وشمهٔ از آفاق وانفس با یکدیگر وآنچه از این کلمات حق واضح وصدق لایح باشد آنکه از حضرت مولانا جل جلاله وعظمت ذکره بر زبان این بنده جاری شده وآنچه عیاذ بالله غیر واقع باشد آن ابتلا وامتحان این فقیر بود وَما اَصابَكَ مِنْ حَسَناة [5] فَمِنَ الله وَما اَصابَكَ مِنْ سَیِّئَة فَمِنْ نَفْسِكَ [6] مولانا بندهکان خودرا یاری دهد وتوفیق دین حق کرامت کند وروی دل ایشانرا از بدی وناشایسته بگرداناد وهمهرا بنور معرفت عقل کلّ بینا وشنوا وروشن دارد وإِنَّهُ الْخَیْرُ الْمُوَفّقُ وَالمعین.

---

[1] Коранъ 7,179.
[2] Чит. كالانعام.
[3] Чит. اضلّ (безъ و и безъ سبيلا).
[4] Чит. محققه.
[5] Чит حسنة.
[6] Коранъ 4,81.

Изъ автобіографіи Насыри-Хосрова, изложенной въ *первой* главѣ (стр. 1—17), видно, что онъ проживалъ въ предѣлахъ Дейлемана, въ Хайдерабадскомъ округѣ, и съ тѣхъ поръ, какъ сталъ себя помнить, чувствовалъ большое влеченіе къ наукѣ. Девяти лѣтъ онъ уже хорошо читалъ Кор'анъ, послѣ того, въ теченіе пяти лѣтъ изучалъ грамматику и относящіеся къ ней лексическіе предметы, затѣмъ — географію, астрономію и проч. Ненасытная жажда знаній заставляетъ его покинуть предѣлы Дейлемана и онъ въ теченіе 30 лѣтъ путешествуетъ по Египту, Малой Азіи (روم), Индіи, Греціи (يونان) и Вавилону. Затѣмъ шесть лѣтъ онъ посвящаетъ изученію законовѣдѣнія, исторіи пророка, тефсировъ и прочихъ богословскихъ предметовъ у ученыхъ разныхъ городовъ. Въ этотъ періодъ времени онъ открываетъ два сочиненія имама Мухаммедъ-Бāкыра (до того, повидимому, неизвѣстныя): جامع كبير и كشف كبير, а равно (среди книгъ имама Мухаммеда, сына Хасанъ-'Аскерӣ) — كتاب شامل, которую составилъ его предокъ имамъ 'Алӣ-Мӯса-ар-Ризā. Потомъ въ теченіе шести другихъ лѣтъ онъ изучаетъ у трехъ современныхъ ему ученыхъ: شمر قيس, سحور انس и بطليموس الاصفر يهودانى Пятикнижіе Моисея, Свитки Авраама (صحف ابراهيم), Псалмы Давида и Евангеліе Іисуса[1]. Укрѣпившись въ знаніи ислама и другихъ религій, онъ переходитъ къ изученію естествознанія, медицины и проч. Изучая все это, Насыри-Хосровъ не забывалъ и лучшаго усвоенія Кор'ана и его истиннаго смысла: располагая 900 комментаріями на него, онъ нѣкоторые изъ нихъ просматриваетъ, а другіе внимательно прочитываетъ. Всѣ обращавшіяся среди людей его времени книги имъ тоже были прочитаны. Одно изъ главныхъ предписаній ислама — «хаджжъ» совершается имъ четыре раза; при этомъ всѣ бывшія у него средства онъ тратитъ въ этихъ паломничествахъ на дѣла благотворенія. И тѣмъ не менѣе, достигнувъ старости (72 лѣтъ), Насыри-Хосровъ долженъ былъ признаться, что всѣ его знанія — ничто и никакого нравственнаго удовлетворенія они ему не дали. Тогда онъ начинаетъ размышлять о томъ, почему приходили въ міръ пророки, проповѣдуя познаніе Бога, почему они сѣяли въ сердцахъ людей сѣмена добра и любви къ истинѣ; кто такой Творецъ всѣхъ тварей и какъ его познать; если во всѣхъ царствахъ природы есть наиболѣе совершенные представители, то кто же наиболѣе совершенный среди людей и какъ его можно узнать? Размышляя такъ, Насыри-Хосровъ пришелъ къ заключенію, что познать Высшее Существо можно лишь тѣмъ разумомъ, который составляетъ частицу

[1] Нѣсколько иначе излагается автобіографія въ текстѣ вышеназваннаго رسالة подъ № 6.

наиболѣе совершеннаго Разума, называемаго Міровымъ или Всеобщимъ Разумомъ и являющагося эманаціей Божества. Эта частица Мірового Разума, низойдя на землю въ среду людей, служитъ для нихъ изъ вѣка въ вѣкъ доказательствомъ бытія Бога, дабы люди всегда помнили и знали Его. Однажды Насыри-Хосровъ находился въ одномъ собраніи, гдѣ велись различные разговоры о познаніи Бога и каждый объяснялъ это по своему, но всѣ эти разсужденія совершенно не удовлетворяли его, пока не появился въ собраніи незнакомецъ, произведшій на Насыра столь глубокое впечатлѣніе своею наружностью и своими проникновенными рѣчами, что Насыръ по окончаніи собранія бросился къ нему и разсказалъ ему о своей душевной тоскѣ, какъ результатѣ его многолѣтняго и неудачнаго Богоискательства. Незнакомецъ сказалъ, что его зовутъ Баба-Сейидина[1] и что онъ назначенъ въ этой мѣстности спасать «скитающихся въ пустынѣ духовнаго помраченія и дѣлать ихъ послѣдователями имама времени и его худжжета». Нѣкоторое время Насыри-Хосровъ прѣбывалъ въ послушаніи у Баба-Сейидина, познавъ чрезъ него Бога и доказательство Его бытія на землѣ. Затѣмъ онъ былъ принятъ фатимидскимъ халифомъ Мустансыръ-Билля и обратилъ на себя вниманіе послѣдняго, такъ что халифъ сдѣлалъ его верховнымъ «да'ӣ» Хорāсана, а затѣмъ на собраніи у халифа всѣхъ исмаилитскихъ «да'ӣ» и «худжжетовъ» онъ, по рекомендаціи здѣсь же бывшаго Баба-Сейидина, былъ сдѣланъ «худжжетомъ» Бадахшана. Получивъ «иршāдъ» на это званіе, Насыръ отправился сначала въ Балхъ, а оттуда въ Бадахшанъ. Этимъ оканчивается автобіографія Насыри-Хосрова въ I главѣ настоящаго труда.

Во *второй* главѣ (стр. 17—48) авторъ, исходя изъ слова пророка: «раздѣлится послѣ меня моя религіозная община на 73 толка, изъ коихъ лишь одинъ спасется, а остальные (будутъ горѣть) въ адскомъ огнѣ», доказываетъ, что главнѣйшіе толки ислама: суннизмъ и шіизмъ (не говоря уже о всѣхъ остальныхъ) — ложны, истиннымъ же мусульманствомъ является только исмаилизмъ[2].

---

[1] По объясненіямъ грамотныхъ исмаилитовъ упоминаемаго здѣсь بابا سيّدنا не слѣдуетъ смѣшивать съ носившимъ такое же прозваніе Хасан-Саббāхомъ, потому что, по ихъ словамъ, упоминаемый здѣсь بابا سيّدنا совсѣмъ другое лицо, бывшее пиромъ или духовнымъ наставникомъ Насыри-Хосрова. Между прочимъ, многія исмаилитскія молитвы послѣ بسم الله имѣютъ обращеніе: يا مولانا يا بابا سيّدنا يا پير كوهستان حضرت سيّد شاه ناصر خسرو.

[2] Въ текстѣ (стр. 20) упомянутый «хадӣсъ» приведенъ въ такой редакціи: سَتَفْرَقَ أُمَّتِى مِنْ بَعْدِى عَلى ثَلَاثَةٍ وَسَبْعُونَ فِرْقَةٌ (sic) وَناجِيهَا وَاحِدٌ وَسَايِرُهَا فِي النَّار. По поводу его см. примѣч. 1-ое къ моей ст. «О мусульманскихъ сектантахъ мерваниитахъ» («Мусульманскій Міръ» 1917, № 1, стр. 6).

Въ *третьей* главѣ (стр. 48—114) говорится, что слова Бога: «вотъ намѣстникъ Бога на землѣ, и Я поручилъ ему Мои дѣла, ему (принадлежитъ) приказаніе и (да будетъ ему) поклоненіе»[1] — относятся къ 'Алӣ, который есть истинный имамъ времени, полномочный замѣститель Бога на землѣ, послѣ котораго имаматъ преемственно существуетъ на землѣ все время, поэтому спасется тотъ мусульманскій толкъ, который исповѣдуетъ, что имамъ всегда былъ, есть и будетъ, что міръ безъ имама не имѣетъ вѣчности и т. п., т. е. исмаилиты.

Превосходство послѣднихъ надъ суннитами и шіитами доказывается не только выводами изъ мусульманскаго богословія, но и историческими положеніями, при чемъ, перечисляя имамовъ съ Джа'фар-ас-Садыка, авторъ отводитъ первенствующее мѣсто фатимидскимъ халифамъ. Указавъ на основателя этой династіи, «появившагося на западѣ имама», Мехди-'Абдуллу (стр. 110; Убайдуллу?), — по счету 15-го имама послѣ 'Алӣ, — авторъ вкратцѣ упоминаетъ, какіе политическіе успѣхи сдѣлали носители имамата въ Африкѣ и Сиріи (завоеваніе Египта, постройка столицы Махдіи, основаніе Каира и проч.). Перечисляя имена фатимидовъ, авторъ (стр. 112) приводитъ (передъ Мустансыръ-Билляхемъ) имя невстрѣчающагося въ исторіи халифа этой династіи, Ка̄хира (مولانا قاهر). Говоря о Мустансырѣ, авторъ прибавляетъ о себѣ: «я (въ его время) отправился изъ Балха въ Египетъ и тамъ сподобился быть имъ принятымъ, благодаря сему сдѣлалъ весьма быструю карьеру (وكارم بدان سرعت رسيد), ибо сталъ верховнымъ да̄'ӣ Бадахшана и халифъ поручилъ мнѣ послѣдній (для пропаганды исмаилизма). Столь же быстро преуспѣлъ въ завершеніи своихъ дѣлъ и мой дорогой (наставникъ), святѣйшій Баба-Сейидина[2]: ему Мустансыръ поручилъ предназначавшагося для имамата Низа̄ра[3], его сдѣлалъ своимъ «великимъ худжжетомъ» (حجّتِ اعظم) и поручилъ ему области Дейлеманъ, Таримъ и Хайдеръ-Абадъ (въ цѣляхъ распространенія исмаилизма)»[4].

---

[1] Въ текстѣ (стр. 50) сказано: قوله تعالى انّى وَلِىُّ اللّٰه فِى الْأَرْضِ وَأُفَوِّضُ أَمْرِى إِلَيهِ الحُكْمُ وَفِى عِبادَةِ. Въ Коранѣ такого стиха нѣтъ.

[2] Въ текстѣ: وكار جدّم حضرت بابا سيّدنا نيز بدان سرعت رسيد كه عنايت تمام در كار او شد, при этомъ слово جدّ употреблено въ смыслѣ ласкательномъ, въ каковомъ оно (наравнѣ съ بابا) до сихъ поръ употребляется въ Средней Азіи, когда говорятъ объ очень близкомъ лицѣ, достойномъ великаго уваженія.

[3] نزار — старшій сынъ Мустансыръ-Билляха и претендентъ на имаматъ послѣ него Ср. E. Browne «A Literary Hist. of Persia», II, 201.

[4] Послѣ этого слѣдуетъ, повидимому, позднѣйшая вставка или, можетъ быть, «исправленный и дополненный» перифразъ немногихъ словъ автора, сдѣланный кѣмъ-либо изъ

Въ *четвертой* главѣ (стр. 114—126) разъясняется смыслъ пророческаго служенія, значеніе Божественнаго откровенія, сокровенный смыслъ Кор'ана и проч., подробно объясняются термины نبىّ (кратко — «тотъ, кто утверждаетъ среди людей внѣшній Божественный законъ, призывая ихъ повиноваться ему»), وصىّ (— «тотъ, кто истолковываетъ законъ, данный пророкомъ, основываясь на внутреннемъ смыслѣ этого закона»), تنزيل (— «книга, гдѣ записанъ Божественный законъ, проповѣданный пророкомъ») и تأويل (— «истолкованіе сокровеннаго или истиннаго смысла проповѣданнаго и записаннаго закона, каковое истолкованіе не можетъ быть дано никѣмъ, кромѣ وصىّ; — вслѣдствіе сего при каждомъ пророкѣ былъ свой وصىّ, именно: при Адамѣ — Сиѳъ (شيش), при Ноѣ — Симъ (سام), при Авраамѣ — Мелхиседекъ (ملك السلام), при Моисеѣ — Ааронъ (هارون), при Іисусѣ — Симонъ-Петръ (شمعون) и при Мухаммедѣ — 'Али (على)»). Указывается, что слово نبىّ обозначается также терминами: عقل كلّ واوّل وسابق وعرش وقضا وقلم وناطق وظاهر وسما ويوم ونهار ومدينه ومتحرّك ومنزل ومنسوخ, а وصىّ — терминами: نفس كلّ وثانى وكرسى وقدر ولوح واساس وباطن وارض وليل وباب وساكن وماول وناسخ. Обоихъ же вмѣстѣ и نبىّ и وصىّ называютъ اساسين, а عقل и نفس вмѣстѣ носятъ названіе عقلين.

Въ *пятой* главѣ (стр. 126—128) говорится, что человѣчество (кромѣ исмаилитовъ) раздѣляется на два лагеря въ своихъ представленіяхъ о Богѣ, на معطّله и مشبّهه. Первые освобождаютъ понятіе «Богъ» отъ всѣхъ могущихъ возникнуть о немъ представленій, въ томъ числѣ отъ воображаемаго его вида или образа, указывая, что его никакъ невозможно постичь. Вторые

послѣдующихъ переписчиковъ: وبعد ازو (т. е. послѣ Мустансыра?) مولانا حسن على ذكره السلام واو بند واغلال شريعت‌را از كردن مؤمنن وبنده‌گان بر داشت وار تاريخ اعظم سابق صد وهشتاد سال بسر آمده بود وپيغمبر عليه السلام در تاريخ تعيين نموده بود وآنچه موسى در توريت وعيسى در انجيل وداؤد در زبور وابراهيم در صحف وزردشت در كتاب زند وبو سعيد مانوى در كتاب انگليون وهمه نشانهاى انبيايان با مولانا حسن على ذكره السلام بوده بعد ازو مولانا ضياء الدين محمّد ومولانا جلال الدين حسن ومولانا ركن الدين خورشاه ومولانا شمس الدين محمّد ومولانا علاء الدين ومولانا قاسم شاه ومولانا سلام شاه ومولانا مستنصر بالله ومولانا عبد السلام ومولانا شاه مراد ومولانا شاه ذو الفقار ومولانا شاه نور الدهر ومولانا شاه خليل الله ومولانا شاه نزار ومولانا شاه سيّد على ومولانا شاه سيّد حسن على ومولانا شاه قاسم على ومولانا شاه ابو الحسن على ومولانا شاه خليل الله وبعد ازو مولانا قايم العصر والزمان حسن على لذكره السجود والتّسبيح.

признаютъ у Бога свойства, приписывая ему знаніе, могущество, слухъ, зрѣніе и проч. Оба эти лагеря находятся во враждѣ между собою, считая другъ друга «кāфир'ами», но сходятся въ одномъ: признаютъ, что къ Богу, какъ къ Существу, стоящему превыше всякаго человѣческаго о Немъ представленія, нѣтъ пути для смертнаго. Исмаилиты же считаютъ, что Богъ живетъ въ своихъ тваряхъ, всегда былъ, есть и будетъ, имѣетъ свой образъ и качества и безъ таковыхъ Его невозможно представить; человѣкъ же есть Его совершеннѣйшее созданіе, которое Онъ изъ всѣхъ Своихъ твореній предпочелъ сдѣлать себѣ подобнымъ (доказывается, стр. 130, ссылками на Евангеліе, Кор'анъ и كتاب اوستاد Зардушта). Вслѣдствіе всего этого Бога называютъ مولانا, امام وقت и قائم القيامات (подробно объясняется, почему именно). Истолковывая послѣдній терминъ и попутно объясняя выраженіе قيامت قيامات (какъ конечный и неизбѣжный удѣлъ всѣхъ религій и ихъ послѣдователей), авторъ (стр. 136), основываясь на словахъ Мухаммеда, «пришедшаго въ началѣ 7-го тысячелѣтія», что послѣ него не будетъ данъ другой законъ, говоритъ о наступленіи قيامت قيامات во времена шарі'ата Мухаммеда. Это-де подтверждается всѣми (жившими при «нāтик'ахъ») пророками, каковы: во времена Адама — Сиѳъ, во времена Ноя — بزواق («болѣе извѣстный подъ именемъ Сима, и послѣдователи котораго назывались «брахманами» براهمه»), во времена Авраама («послѣдователи котораго называются گبران»)—Мелхиседекъ, при Моисеѣ—Зул-Карнайнъ («болѣе извѣстный подъ именемъ Ааронъ»), при Іисусѣ — معد, при Мухаммедѣ — 'Алӣ. Каждому изъ этихъ пророковъ (изъ которыхъ нѣкоторые въ то же время были и «худжжет'ами») отводится соотвѣтствующая роль въ моментъ قيامت قيامات. Объясняется значеніе «худжжет'овъ», «да'и», терминовъ امام مستودع и امام مستقرّ (кратко — «первый — одинъ изъ старшихъ сыновей имама, близко стоящій къ тайнамъ имамата, но въ родѣ котораго имаматъ не продолжается», второй — «тотъ, кто украшенъ всѣми качествами истиннаго имамата и въ родѣ котораго имаматъ сохраняется»); все это подкрѣпляется соотвѣтствующими разъясненіями и ссылками на первыхъ имамовъ (Хасанъ — امام مستودع, Хусейнъ — امام مستقرّ); объясняется, какъ устанавливается преемственность въ имаматѣ и т. под.[1]

---

[1] Въ этой главѣ, подобно вышеприведенной анахронистической вставкѣ въ третьей главѣ, помѣщенъ (на стр. 139) эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ 559 г. хиджры, какъ خداوند هفده هزار عالم مولانا حسن على ذكره السلام در قلعهٔ الموت بخودى ظهور فرمود. (Подробности объ этомъ см. у Browne, въ его «A Literary Hist. of Persia», v. II, p. 454). Этотъ анахронизмъ и вышеназванный отмѣчены В. А. Ивановымъ, какъ имѣющіеся въ рукописяхъ И. И. Зарубина.

Въ *шестой* главѣ (стр. 182—192) объясняется міръ вещественный и духовный и ихъ тѣсное взаимоотношеніе, при чемъ за исходную точку для послѣдующихъ разсужденій берется положеніе, что все существующее есть Богъ и оно неразрывно съ Нимъ связано; разъясняются значеніе и достоинства حجّت اعظم и مأذون اصغر, مأذون اکبر.

Въ *седьмой* главѣ заключаются истолкованія различныхъ положеній, относящихся до ученія исмаилитовъ; такъ, объясняется, что̀ значитъ въ духовномъ смыслѣ омовеніе (وضو) тѣхъ или иныхъ частей тѣла (напр., омовеніе носа, рта и рукъ означаетъ познаніе да̄'ӣ, лица и рукъ — познанія на̄ṭика и аса̄са и т. п.), что соборная мечеть (مسجد جامع) есть «худжжетъ», а прочія мечети означаютъ наставниковъ, учителей вѣры, что устремленіе къ кыблѣ означаетъ обращеніе всѣхъ къ «худжжету», а послѣдній въ свою очередь обращается къ имаму, что «зека̄тъ» означаетъ «изученіе науки вѣры правовѣрными рабами», и т. под. Подробно доказывается провиденціальное значеніе чиселъ 7 и 28 (число буквъ арабской азбуки), какъ соотвѣтствующихъ такому же количеству разныхъ субстанцій въ созданномъ Богомъ мірѣ и въ положеніяхъ, относящихся къ исповѣдуемой религіи; объясняется истинный смыслъ и значеніе райскаго «древа познанія добра и зла» (شجرهٔ علم خیر وشرّ), чрезъ которое согрѣшилъ Адамъ, истолковываются религіозныя понятія: «рай» (بهشت), «двери райскія» (درهای بهشت), «источники райскіе» (جویهای بهشت), «путь правый» (صراط المستقیم), «вѣсы» (میزان) и «время между смертью и воскресеніемъ» (برزخ).

Въ заключеніе слѣдуетъ отмѣтить, что мѣстами текстъ этой главы почти буквально совпадаетъ съ нѣкоторыми صحیفه вышеупомянутой рукописи (подъ № 7) صحیفة الناظرین, такъ: описаніе и объясненіе درخت طوبی и حور العین соотвѣтствуютъ 35 صحیفه, объясненіе «рая» и «дверей райскихъ»—33 صحیفه и объясненіе «источниковъ райскихъ» — 34 صحیفه.

Оканчивается настоящій списокъ هفت باب такъ:

ختم شد بر نبی وآل او صلواة الحمد لله ربّ العالمین وحمد الشاکرین والصلواة والسلام
علی رسوله محمد النبی الامین وعلی آله الطاهرین والائمة الصادقین مولانا همه بنده‌گان را
توفیق دین‌داری کرامت کناد وخیر دهاد واین بندهٔ کمترین بنده‌گان دعوت
هادیهٔ مهدیهٔ اسماعیلیه سیّد شاه ناصر خسرو ثبته الله فی مشارق الارض والمغاربها را (sic)
بعنایت ازلی وهدایت لم یزلی منظور نظر خود کناد دل وزبان او وجملهٔ بنده‌گان

خودرا از گفتار وکردار ناشایست نگاه داراد وبوسیلهٔ سلسلهٔ طیّبین الطّاهرین
در طاعت خود ثابت‌قدم گرداناد که سر از طاعت حجّت بزرگوار او که واسطهٔ وسیلهٔ همه
سعادتهاست نه پیچند بقول این آیت کریمه[1] يَوْمَ يَقُومُ الرُّوحُ والمَلائِكَةُ صَفًّا لا يَتَكَلَّمُونَ
إِلَّا مَنْ اَذِنَ له الرحمن وَقالَ صَوابا مولانا راه نجات بخشاد ودر رحمت خود بر عالم
وعالمیان کشاده گرداناد وبشاه‌راه صراط المستقیم خود ثابت‌قدم گرداناد وانه خیر
الموفق والمعین بفضلته وسعته ورحمته یا ارحم الراحمین یا خیر الناصرین.

Очень хорошій списокъ, писанный наста'ликомъ, тушью и киноварью, на толстой плотной бумагѣ рукою того же Сеиидъ-Шāзāде-Мухаммеда въ реджебѣ 1333 г. х. съ его же списка, сдѣланнаго имъ въ 1330 г. х. и принадлежащаго Мухаммедъ-Исма'илу, сыну Нӣкъ-Кадама Поршинивскаго.

236 нум. + 3 ненум. стр. размѣр. $28 \times 22\frac{1}{2}$ сант. по 10 строкъ на страницѣ.

Каждая страница имѣетъ двойной جدول изъ синихъ и красныхъ линій.

Инв. 1918, № 1155.

Моршанскъ. / Петроградъ. Сентябрь 1918.

---

[1] Коранъ 78,38.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Одна изъ японо-малайскихъ параллелей.

Е. Д. Поливанова.

(Представлено академикомъ **С. Ѳ. Ольденбургомъ** въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ Наукъ и Филологіи 29 (16) мая 1918 года).

Настоящая замѣтка имѣетъ въ виду одно изъ немногихъ префиксальныхъ образованій японскаго языка — именно интенсивную форму основъ съ качественнымъ значеніемъ, формальнымъ признакомъ которой служитъ префиксъ *ma-* вмѣстѣ съ долготой начальнаго согласнаго основы, какъ напр. въ *ma-k:uro* «чернымъ черно» отъ *kuro* «черн(ый)», *maśśiro* < * *ma-s:iro* «совершенно бѣлый» отъ **siro* «бѣлый», *ma-p:ira* отъ **pira* (> *çira*) «плоскій», *ma-n:aka* «самая середина» отъ *naka* «середина», *ma-m:aru* «совсѣмъ круглый» отъ *maru* «круглый».

Долготу согласнаго не приходится объяснять ассимиляціей конечнаго согласнаго элемента префикса начальному элементу основы (предполагая слѣдовательно *mak:uro* < * *maC-kuro*, *mas:iro* < *maC-siro*), какъ можно было-бы заключить по аналогіи къ образованію согласныхъ долготъ въ историческую эпоху (напр. въ Praeterita *kit:-a* < * *kir(i)-t-a* отъ *kir-u* «рѣзать», токіоск. *kat:-a* < * *kap(i)-t-a* отъ * *kap-u* «покупать»; или въ китайскихъ заимствованіяхъ — *hasseŋ* «8 копѣекъ», *śisseŋ* «10 копѣекъ» изъ кит. * *pat-*, * *žip-* «восемь, десять» + *seŋ* «копѣйка»). Я полагаю, что префиксъ въ древнѣйшемъ своемъ видѣ оканчивался на гласный[1] и могъ существовать независимо отъ удлиненія начальнаго элемента основы (ср. *makoto* «правда, истина» при *koto* «дѣло»); чередованіе же долгаго и краткаго согласныхъ отношу къ такимъ же видоизмѣненіямъ основы, какія представлены съ системѣ ономатопоэтическихъ образованій, состоящей изъ редупликаціонной формы (напр. *pika-pika* — о блескѣ, сверканіи)[2] и формы

---

[1] Въ иррегулярной формѣ *mak:a* «совсѣмъ красный» отъ основы *aka* можно видѣть стяженіе изъ * *ma-ak:a*. Другая иррегулярная форма *ma-s:a(w)o* «весь блѣдный» отъ основы *a(w)o* объясняется, видимо, ассоціаціей съ *masa-* «истинный», которое въ свою очередь вѣроятно разлагалось на *ma-sa*. Наконецъ оговорю еще одну форму, которая можетъ вызвать сомнѣнія въ исконномъ составѣ префикса *ma-* безъ конечнаго согласнаго, — именно дублетъ *maruhadaka* къ правильному интенсиву *map:adaka* «совсѣмъ голый» отъ *hadaka* «голый». Здѣсь, я полагаю, мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшимъ осмысленіемъ, которое внесло въ данную форму интенсива (*ma-p:adaka*, гдѣ **p* сохранилось въ виду его долготы), во-первыхъ, подвергшуюся фонетическому измѣненію основу *hadaka* (гдѣ *h* < **p* согласно общему закону о развитіи краткаго **p*), во-вторыхъ, — въ качествѣ приставки — основу *maru* «круглый», такъ что видѣть въ *map:adaka* фонетическій рефлексъ древняго **mar(u)padaka* нѣтъ основаній.

[2] Та же основа усматривается въ *çikar-u* < * *pika-ru* «сверкать, блестѣть», *çikari* < * *pika-ri* «свѣтъ, блескъ».

съ суффиксомъ *-ri* и удлиненіемъ второго согласнаго основы (*pik:a-ri*). Сравнивая образованіе *pik:a-ri/pika-pika* съ *ma-k:uro/kuro*, какъ два древнѣйшихъ случая консонантныхъ долготъ, можно видѣть общій для нихъ источникъ въ редупликаціи, сократившейся до минимума (вмѣсто полнаго удвоенія основы въ *pik:a-* и *-k:uro* удваивается лишь количество согласнаго) при наращеніи аффикса (суффикса *-ri* или префикса *ma*[1]).

Предполагаемая праформа интенсива въ видѣ «преф. *ma-* + редупликація» находитъ параллель на малайско-полинезійской почвѣ: ср. Harold W. Williams. Grammatische Skizze der Ilocano-Sprache, S. 11: «Bei adjektivischen Ausrufen hat sie (Gemination) die Wirkung, die durch die Wurzel bezeichnete Eigenschaft sehr stark hervortreten zu lassen. Aehnlich wird im Tagalischen ein Superlativ gebildet: *mabuting-buting*, sehr gut, von *mabuting*». S. 49: «*ma* kommt als Adjektivpräfix in den phil(ippinischen) Sprachen häufig vor, z. B. im Tag(alischen), Pamp(anga), auch Sangir. und Formos(anischen). Die Mehrzahl von den so gebildeten Adjektiven im Ilokano wird durch Reduplikation der Wurzel gebildet». Приводимый Вилльямсомъ примѣръ, — *ma-saksakit* («infirmos») отъ основы *sakit*, можетъ разсматриваться какъ промежуточная ступень между полной редупликаціей[2] въ тагальскомъ *ma-butiŋ-butiŋ* (или напр. въ меланезійскихъ *manukunuku* «weich», *manaenae* «weich, schwach, müde» — см. Gabelentz, Melanesische Sprachen II, Die Sesake-Sprache auf Api, S. 9) и минимумомъ редупликаціи въ японскомъ *ma-k:uro*.

Такъ какъ соотвѣтствія японскаго и малайско-полинезійскаго словарнаго матеріала[3] позволяетъ усматривать извѣстную закономѣрность и въ области акцентуаціи, я считаю нелишнимъ сопоставить неударенность префиксальнаго *ma-* въ малайскомъ (лично убѣдиться въ ней я имѣлъ случай для тагальскаго) и соотвѣтствующій низкій тонъ перваго слога въ типѣ *ma-⌈k:u⌊ro* (мелодію ♪ ♪ ♪, засвидѣтельствованную западно-японскими говорами, напримѣръ Кіото[4], можно возстановлять для обще-японскаго состоянія).

---

[1] Ср. появленіе долгихъ согласныхъ въ латинскихъ repperi (при reperio), reppuli (при repello), rettuli изъ *re-peperi, *re-pepuli, *re-tetuli (tetuli вм. tuli у Плавта). Съ другой стороны я позволю себѣ сравнить двойное количество согласнаго въ *pik:a-* съ удвоеніемъ согласнаго въ Intensiv'ѣ семитскаго спряженія. Продолжая аналогію въ область графически-языкового мышленія, въ качествѣ параллели для интенсивно-итеративнаго символа, какимъ служитъ удвоеніе фонемы въ *pik:a-*, можно указать на пріемъ удвоенія графемы для выраженія множественности, какъ напр. въ руск. *тт.* вмѣсто *товарищи*, *гг.* вмѣсто *господа*, *яз.* вмѣсто *языки* и т. д.

[2] Употребленіе неполной редупликаціи, судя по Вилльямсу вообще характерно для Илокано: op. cit., S. 2 «Besondere Merkmale des Ilokano im Vergleich mit dem Tagalischen sind: .... häufiger Gebrauch der reduzierten Gemination».

[3] Которыя я предполагаю опубликовать параллельно съ сравненіемъ фонетическихъ системъ обѣихъ группъ.

[4] Характеристика музыкальнаго ударенія въ Кіото дана въ моихъ «Психофонетическихъ наблюденіяхъ надъ японскими діалектами» гл. II.

Извѣстія Россійской Академіи Наукъ. 1918.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Дополненіе къ статьѣ:

Фaqond-ı осетинскихъ сказокъ и яфетическій терминъ φaskund «магъ», «вѣстникъ», «вѣщая *птица*» *.

Н. Я. Марра.

Въ работѣ моей объ осетинскомъ терминѣ яфетическаго происхожденія, φaqond-ı || φaskond'ѣ[1], я отнюдь не исчерпывалъ подлежащихъ матеріаловъ, да и не имѣлъ въ виду ихъ исчерпать. Въ ней намѣренно совершенно обойдены молчаніемъ семитическія параллели, въ частности арабскія, и слегка затронуты — примѣрно — матеріалы изъ народной яфетической сокровищницы, притомъ лишь на нѣкоторыхъ кавказскихъ языкахъ — армянскомъ, грузинскомъ[1], мегрельскомъ и сванскомъ. Что касается литературы по вопросу о находящихся въ тѣсной связи съ paskund'омъ сиренахъ, естественно, я довольствовался лишь одной изъ общихъ работъ по темѣ, хотя и единственной по полнотѣ, — Weicker'a, отнюдь не предполагая расширять тѣсныхъ рамокъ поставленной себѣ задачи, въ первую очередь лингвистической. Но, если бы она не ускользнула отъ моего вниманія, я не преминулъ бы использовать частично одну изъ двухъ работъ,

* Ossetica-Japhetica. I (ИРАН 1918, 2069—2100).

[1] Уже по отпечатаніи названной статьи студ. А. Алиханянъ, работающій по порученію Восточнаго Отдѣла Археологической Комиссіи надъ выборкой реальныхъ терминовъ изъ словаря Сабы Орбеліана, обратилъ мое вниманіе на то, что въ этомъ словарѣ, помимо приведенной мною формы ფასკუნჯი φaskund-ı, встрѣчается и პასკუნჯი paskund-ı (подъ буквой პ, гдѣ издатель снабдилъ толкованіе слова примѣчаніемъ, пространнѣе повторяющимъ его же приведенное нами, ИРАН 1918, 2083, 1, примѣчаніе при ფასკუნჯი φaskund-ı: «напрасно Саба называетъ птицею. Раньше такъ думали, но на самомъ дѣлѣ это миѳологическое животное, и называется оно грифъ или грифонъ»). По всей видимости, въ рукахъ лексикографа былъ текстъ грузинскаго древнеписьменнаго памятника съ такой разновидностью нашего слова, по существу тождественной съ древне-армянской, и это еще болѣе подтверждаетъ принадлежность термина къ составу лексическихъ особенностей первоначальнаго грузинскаго перевода св. Писанія (см. ИРАН 1918, 2083—2084).

на которыя любезно обратилъ мое вниманіе Б. В. Фармаковскій; это русскія работы, обѣ помѣщенныя въ изданіяхъ Археологической Комиссіи: одна принадлежитъ перу его ученика, нынѣ покойнаго, — И. П. Малева: *Двѣ архаическія персидскія вазы изъ коллекціи В. В. Голубцова*[1], другая — произведеніе В. В. Голубцова, озаглавленное *Монеты Ольвіи по раскопкамъ 1905—1908 годовъ*[2].

Свѣдѣнія, собранныя въ обстоятельно разработанной замѣткѣ И. П. Малева и монографіи В. В. Голубцова, особенно изданные послѣднимъ матеріалы, въ частности гербъ Ольвіи, да и Синопа, на монетахъ — птица, захватившая рыбу, параллель paskunḍ'a съ vишар'омъ, мы сохраняемъ для использованія въ болѣе детальномъ изслѣдованіи той же и сродныхъ темъ по кавказскимъ источникамъ, но спѣшу сейчасъ же указать на то, на что не преминулъ бы я сослаться въ работѣ И. П. Малева, именно на встрѣчное съ нашимъ разъясненіемъ термина paskünḍ исканіе происхожденія памятника искусства съ изображеніемъ исключительнаго вида сирены [собственно — «сирена», paskunḍ'a] и на обоснованіе этого исканія фактами вещественнаго порядка изъ того именно міра, который вырисовывается какъ яфетическій. Этотъ уклонъ мысли особенно цѣненъ для насъ, когда завѣдомо извѣстна непричастность молодого ученаго къ яфетидологіи. Вѣдь внѣ спора его привязанность къ опредѣленію греческой культуры какъ арійской, его готовность къ принятію (очевидно на этомъ фонѣ аріизма греческой культуры) безъ оговорки мнѣнія, раздѣляемаго и Weicker'омъ, что «представленіе объ окрыленномъ видѣ души», дѣйствительно проходящее «черезъ всю греческую литературу» и «объ явленіяхъ духа именно въ видѣ птицы» есть нѣчто «общее не только грекамъ, но и всѣмъ арійцамъ». Потому же онъ приходитъ въ итогѣ ряда соображеній, навѣянныхъ освѣщеніемъ Weicker'а, къ тому, что «типъ сирены, засвидѣтельствованный многочисленными изображеніями, начиная съ архаической эпохи, долженъ быть вполнѣ понятнымъ и объяснимымъ греческими исконными представленіями»[3].

При этихъ общихъ съ Weicker'омъ традиціонныхъ привязанностяхъ, И. П. Малевъ и далѣе излагаетъ свое особое пониманіе съ опорой на взглядъ нѣмецкаго ученаго, когда онъ пишетъ[4]: «Слѣдовательно, если художественный типъ сирены, какъ показалъ тотъ же Вейкеръ, не оказывается исконнымъ греческимъ, но несомнѣнно заимствованъ изъ Египта, гдѣ сирена тоже соот-

[1] ИАрК, вып. 58 (1915), стр. 57—81.
[2] ИАрК, вып. 51 (1914), стр. 67—118.
[3] И. П. Малевъ, стр. 75.
[4] Ц. с., стр. 75.

вѣтствовала опредѣленнымъ религіознымъ воззрѣніямъ и гдѣ, главное, была дѣйствительно исконнымъ культовымъ изображеніемъ, то въ Грецію она была принята не какъ простой орнаментальный мотивъ, а какъ „вполнѣ понятное выраженіе широко распространеннаго воззрѣнія". Словомъ, Вейкеръ вполнѣ правъ, усматривая въ каждомъ греческомъ изображеніи сирены, особенно архаическаго стиля, отраженіе опредѣленнаго религіознаго представленія».

Здѣсь уже выступаетъ со спеціальнымъ уклономъ самостоятельнаго толкованія безвременно скончавшійся молодой русскій ученый, и далѣе въ этой части однако не сразу отрѣшающійся отъ схематическаго освѣщенія нѣмецкаго изслѣдователя, поскольку онъ пишетъ: «Соображаясь съ этими выводами Вейкера, мы можемъ такимъ образомъ и въ нашей «сиренѣ» — спокойно стоящей птицѣ съ мужской головой, не охарактеризованной ни какъ свирѣпое существо, ни какъ блаженное, — видѣть изображеніе души умершаго мужчины, имѣющее спеціальное апотропеическое назначеніе и, быть можетъ, стремящееся передать извѣстныя индивидуальныя черты покойнаго, и, слѣдовательно, самый сосудъ считать предназначеннымъ для помѣщенія въ могилу покойнаго».

Не касаясь степени вѣроятности предполагаемаго стремленія мастера «передать извѣстныя индивидуальныя черты покойнаго», мы не можемъ не привести verbatim слѣдующей совершенно самостоятельной на этотъ разъ мотивировки И. П. Малева въ подкрѣпленіе этого взгляда, снесенной въ примѣчаніе не въ соотвѣтствіи съ ея общимъ значеніемъ и по цѣнности наблюденій, и по важности выводовъ:

«Въ пользу такого взгляда на нашу «сирену» говоритъ еще одно упущенное Вейкеромъ обстоятельство, а именно типъ бороды, столь хорошо опредѣлимый при фасѣ лица нашей «сирены». Такой типъ мужской прически, широкая борода, выходящая изъ-подъ щекъ и подбородка, съ выбритой верхней и нижней губой, идетъ отъ хеттовъ, какъ вполнѣ вразумительно указалъ Паульсенъ (*Der Orient u. die frühgriech. Kunst*, стр. 13 и passim). Это отнюдь не египетская узкая бородка, не пышно расчесанные борода и усы ассировавилонянъ. Между тѣмъ на лицахъ греческихъ изображеній архаическаго и даже микенскаго стилей мы какъ разъ такую прическу постоянно видимъ, и нужно думать, что Финслеръ (*Homer* I, стр. 125) правильно подмѣтилъ у мужчинъ гомеровскаго общества отсутствіе усовъ (по крайней мѣрѣ въ эпосѣ нѣтъ ни одного упоминанія о нихъ). Получается, такимъ образомъ, то впечатлѣніе, что наша сирена и въ этомъ отношеніи

[1] Ц. с., стр. 76.

не передаетъ готовый египетскій типъ, но выдержана въ одной современной ей греческой модѣ».

Вопросъ впрочемъ не въ томъ, мода ли это или неизбѣжное эволюціонное развитіе органически наличныхъ въ странѣ нормъ, а въ слѣдующемъ: откопанный въ Ольвіи памятникъ VII—VI вѣка съ единственнымъ въ своемъ родѣ изображеніемъ «сирены» религіознаго значенія[1] оказывается по стилю въ ближайшемъ родствѣ съ произведеніями искусства хетскаго края, между тѣмъ съ тѣмъ же краемъ въ неразрывной генетической связи находились непосредственно примыкавшія къ нему съ сѣвера кавказскія страны, этнически-культурно объединяющіяся и нынѣ, отъ Арменіи до сѣверныхъ склоновъ кавказскаго хребта, между прочимъ распространеніемъ въ нихъ термина paskund̂'a, названія двойника именно той же сирены, или, какъ мы предпочли бы назвать это мужское миѳологическое существо, того же сирена и сосредоточеніемъ на немъ, на образѣ paskund̂'a, разнообразныхъ племенныхъ или народныхъ оттѣнковъ однихъ и тѣхъ же общихъ яфетическихъ религіозныхъ вѣрованій.

---

[1] И. П. Малевъ, с., стр 76—77.